

3 1761 04395 6317

45

1856

ЗАПИСКИ

о

ЮЖНОЙ РУСИ.

I.

ЗАПИСКИ

О

ЮЖНОЙ РУСИ.

ИЗДАЛЪ П. КУЛИШЪ

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

С. - ПЕТЕРБУРГЪ.

1856.

PG

3926

A346

1856

t. 1-2

ПЕЧАТАТЬ ДОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, 21 Марта 1856 года.

Цензоръ Н. Фоль-Крузе.

*П. Расшир. кит. Телуговско изд. нр 2550, 1866г.
Издается: „Записки о гонимой Руси. Н. Куркина. 2 т. 1
1856-1857. К. Зр.-Куркин. 4 в. изд., изд. 1856 г.
Чбу. М. изд. ст. 1, 40 к. 19 снт. 1884. М. изд.*

ПРЕДИСЛОВІЕ.

ЦѢЛЬ И СОСТАВЪ КНИГИ.

Съ нѣкотораго времени въ образованномъ классѣ Сѣверно-Русскаго населенія пробудилось особенное желаніе узнать поближе Малороссію, или Южную Русь, эту богатую дарами природы и историческими воспоминаніями страну, о которой такъ много говорятъ и пишутъ. Съ другой стороны, уроженцы Малороссіи начали чувствовать живѣе прежняго жажду самопознанія, которая выражается множествомъ книгъ по предмету мѣстной исторіи и этнографіи, изданныхъ въ послѣднее время въ Кіевѣ, Одессѣ, Харьковѣ и другихъ Южно-Русскихъ городахъ. Удовлетворяя этому двойному требованію, я предпринялъ издать, въ неопредѣленномъ количествѣ томовъ, *Записки о Южной Руси*, въ которыхъ бы каждый просвѣщенный Русскій человѣкъ имѣлъ энциклопедію разнообразныхъ свѣденій о народѣ, говорящемъ языкомъ

Южно-Русскимъ. Эти свѣдѣнія собраны и обработаны, какъ мною самимъ, такъ и другими лицами. Первый томъ этихъ Записокъ занятъ преимущественно историческими воспоминаніями Малороссійскаго, или Южно-Русскаго народа, которыя представлены въ томъ видѣ, въ какомъ они передаются изъ устъ въ уста, отъ поколѣнія къ поколѣнію, и снабжены необходимыми поясненіями. Съ одной стороны, это — лѣтопись былого, незаписаннаго старинными людьми; съ другой — это вѣрное отраженіе внутренняго образа Южно-Русскаго племени, какимъ оно было въ-старину и какимъ видимъ его теперь.

О ПЕРЕВОДѢ МАЛОРОССІЙСКИХЪ ДУМЪ И ПРЕДАНІЙ.

Такъ какъ языкъ нашихъ Малороссійскихъ думъ и преданій доступенъ не всѣмъ Великорусскимъ читателямъ, то я счелъ нужнымъ приложить къ нимъ возможно точный переводъ. Я говорю *возможно точный* потому, что передать въ-точности характеръ Южно-Русской рѣчи на Сѣверно-Русскомъ языкѣ нѣтъ никакой возможности, по недостатку многихъ соотвѣтственныхъ формъ въ языкѣ Сѣверно-Русскомъ. Часто то, что по-Малороссійски выражается нѣжно и живописно, по-Великорусски выходитъ грубо и вяло. Поэтому многое надобно было оставлять безъ перевода, а иное переводить оборотами, далекими отъ дословной точности. Вообще я долженъ сказать, что весь мой переводъ есть только средство къ

уразумѣнію подписника, но никакъ не замѣна его для людей, незнающихъ по-Малороссійски. Многое въ Малороссійскомъ языкѣ рѣшительно непереводимо на языкъ Великорусскій; въ этомъ сошлось на людей, родившихся на сѣверѣ и изучившихъ нашу южную рѣчь изъ просвѣщенной любознательности. Но, какъ Сѣверный и Южный Русскій народъ есть одно и то же племя, при всемъ различіи своихъ характеровъ, произведенномъ различіемъ мѣстности и общественной жизни; то, при нѣкоторомъ вниманіи и навыкѣ, Великорусскому уроженцу не трудно понимать смыслъ и красоту Малороссійскаго языка, особенно на бумагѣ.

О МАЛОРОССІЙСКОМЪ ПРАВОПИСАНІИ.

Въ предлагаемомъ изданіи я старался упростить, сколько возможно, Малороссійское правописаніе и приспособить его къ легчайшему произношенію словъ. До сихъ поръ въ Малороссійской грамотѣ глазъ непривычнаго читателя непріятно поражала буква *ы*, которою литераторы наши выражали мягкое южное *и* (напримѣръ, въ словахъ *прийшли*, *мицли*). Но она до такой степени несвойственна Южно-Русской рѣчи, что Полтавецъ, или Чигиринецъ не можетъ даже въ Великорусской книгѣ произнести звуковъ *вы*, *мы*, и. т. п. Онъ будетъ произносить нѣчто подобное словамъ *ми*, *ви*, но никогда не скажетъ *вы*, или *ми*, такъ твердо, какъ выговариваетъ его сѣверный уроженецъ. Въ Малороссійскомъ языкѣ, котораго образъ

номъ служить для меня наиболѣе общее Малороссіянамъ нарѣчіе, именно Полтавско-Чигиринское, — вовсе нѣтъ звука *ы*, а потому я и исключилъ его изъ своего правописанія. Напримѣръ слово *волы* произносится Малороссіянами похоже на то, какъ еслибы написать это слово Французскими буквами (*voly*). Мягкое *и*, заключающееся въ этомъ словѣ, я выражаю, за неимѣніемъ въ Русскомъ алфавитѣ болѣе соотвѣтствующаго ему звука, осьмеричнымъ *и*; а острое *и* (напримѣръ въ словахъ *кони*) я выражаю десятиричнымъ *і*.

Буква *е* въ Малороссійскомъ языкѣ произносится послѣ согласныхъ не такъ, какъ, напримѣръ, въ Великорусскомъ словѣ *дерево*, а близко къ тому, какъ во Французскомъ словѣ *délecter*; и потому слово *дерево* по-Малороссійски надобно произносить такъ, или почти такъ, какъ еслибы оно было напечатано Французскими буквами (*dé-révo*). Но есть въ Малороссійскомъ языкѣ и острое *е* послѣ согласныхъ, точно такое, какъ въ Великорусскомъ словѣ *денегъ*. Это *е* я выражаю буквою *е* (напримѣръ въ словѣ *зіме*).

Къ этому надобно еще прибавить, что буква *о* никогда не произносится какъ *а*, но всегда такъ чисто, какъ во Французскомъ языкѣ.

Многія Малороссійскія слова различаются отъ Великорусскихъ только удареніемъ, и потому Великороссіянинъ, взявшись читать по-Малороссійски, безпрестанно

впадаетъ въ такія непріятныя для слуха ошибки, какъ еслибы кто по-Великорусски читалъ такимъ образомъ: *Пріишла служанка отъ сосѣда*. Для устраненія этого важнаго неудобства, я ставлю надъ каждымъ неодносложнымъ словомъ острое удареніе. А чтобы показать повышеніе и пониженіе голоса разскащика, или декламатора (пѣвцы, читая свои думы, декламируютъ ихъ какимъ-то особеннымъ, какъ-бы заученнымъ способомъ), я ставлю надъ нѣкоторыми словами удареніе тяжелое. Если въ словахъ, имѣющихъ букву *i*, удареніе не поставлено, это значитъ, что его надобно сдѣлать на этой буквѣ. Но въ словахъ, имѣющихъ два раза букву *i*, я ставлю надъ одной изъ нихъ удареніе.

ИЗДАТЕЛЬ.

СОДЕРЖАНІЕ.

1.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

Важность изученія народной словесности. Стр. 1.

Старосвѣтскіе нищіе-пѣвцы и нищіе нашего времени. Стр. 2.

Кобзарь Архипъ Никонѣнко 'Оржицкій. Стр. 7 — 14.

Нищіе въ Малороссійскомъ простонароды занимаютъ первое мѣсто по развитію поэтическихъ и философскихъ способностей. Стр. 43. *Они играютъ роль воспитателей народа.* Стр. 45.

Кобзарь Андрей Шутъ Александровскій Стр. 43—51, 63—65.

Разсказчикъ Семенъ Юрчѣнко Мартыновскій. Стр. 65 — 73.

Лирникъ Дмитро Погорѣлый Звенигородскій Стр. 81, 95.

Думы уцѣлѣли только на лѣвой сторонѣ Днѣпра. Это объясняется не столько событіями Колійвицины, сколько переселеніемъ жителей на лѣвый берегъ Днѣпра. Стр. 82.

Заселеніе праваго берега Днѣпра стараніями Польскихъ народовъ. (Народонаселеніе начало быстро уменьшаться во время войнъ Хмѣльницкаго. — Два послѣднія переселенія. — Запустѣніе западной Украйны. — Новыя поселенія: старосты и магнаты; дворяне; права шляхтъ на »заложеніе осадъ«; военные колонизаторы. — Зазывы на »слободу«. — Повинности. — Чѣмъ обогащалаея шляхта. — Враждебныя жизненные элементы. — Сосѣдство Запорожцевъ. — Набѣги гайдамакъ.) Стр. 82 — 93.

Тождество гайдамацкихъ набѣговъ съ войнами Богдана Хмѣльницкаго. Стр. 94, 245, 285.

Когда жилъ и умеръ сотникъ Харкѣ? Стр. 96 — 99.

Разсказчикъ Кондратъ Таранѣха Смилѣпскій. Стр. 99.

Трудность собирація пѣсень и преданій. Стр. 100.

Равнодушіе народа къ исторіи Малороссіи. (Загадочность настоящаго состоянія его духа.) Стр. 121 — 122.

Сбивчивыя понятія нашихъ историковъ о Паліи. (Опъ былъ одинъ изъ колонизаторовъ западной Украйны.) Стр. 128 — 131.

Думы, забытыя народомъ, продолжаютъ иногда существовать въ формѣ прозаическихъ расказовъ, со стихотворными отрывками. Стр. 169 — 170.

Воспоминанія народа объ отдаленнѣйшей Кіевской старинѣ. (Преданіе о морскихъ походахъ первыхъ Кіевскихъ князей, сохрани въ себѣ форму думы.) Стр. 171 — 172.

Историческія думы и пѣсни складываемы были не по воспоминаніямъ о старинѣ, а по свѣжимъ слѣдамъ событій. (Одессей слушала рапсодію о себѣ самогъ. — Рапсодіи народовъ того образованія. — Певѣта Тимооая Хмѣльницкаго слушала думу о немъ. — Епископъ

Львовскій сложилъ думу о гетманѣ Самойловичѣ. — Пѣсня о Паліи въ Сибири выражаетъ моментъ сочиненія.) Стр. 178 — 180.

Поэтическое творчество Малороссійскаго народа перешло къ его литературнымъ представителямъ. (Аналогія между Гомеровыми ролеодіями и Малороссійскими думами. — Гомеръ и Вальтеръ Скоттъ. — Раздѣленіе народа цивилизаціею есть залогъ вышаго духовнаго развитія. — Въмѣсто бандуристовъ, цивилизованному Малороссійскому обществу пужны поэты.) Стр. 180 — 185.

Сочинителями историческихъ думъ и пѣсень были не нищіе слѣпцы, а очевидцы и участники воспѣтыхъ произшествій. (Разборъ думы о смерти козака бандуриста. — Паліи въ Сибири игралъ на бандурѣ. — Популярное изображеніе Запорожца съ бандурою въ рукахъ. — Слѣпцы — нищіе учились думамъ у козаковъ — воиновъ.) Стр. 185 — 193.

Эпосъ былъ въ большомъ ходу въ княжеской, а потомъ и въ козацкой Южной Руси. (Молчаніе лѣтописцевъ о думахъ и пѣняхъ. — Памятникъ эпическаго развитія народной Южно-Русской поэзіи, «Слово о Полку Игоревѣ». — Кѣмъ онъ могъ быть написанъ и какииъ измѣненіямъ могъ подвергнуться. — Остатки славословіи князьямъ уцѣлели донынѣ въ «щедривкахъ». — Высокое совершенство языка Малороссійскихъ женскихъ пѣсень. — Старосвѣтскіе бандуристы пѣли послѣдовательно рядъ историческихъ думъ, подобно Гомеру. — «Послѣдній мещетрель» козацкіи продастъ слѣпцу свою бандуру и учитъ его думамъ.) Стр. 193 — 199.

«Невольничкія» думы сложены самими невольниками. (Въ Турціи образовалась какъ-бы цѣлая нація невольниковъ. — Они безпрестанно мѣнялись ролями съ вольными козаками.) Стр. 211 — 215.

Заслуги собирателей народныхъ пѣснь. Стр. 221.

Самъ народъ есть лучший памятникъ своей прошедшей жизни. Стр. 135.

Малоросійське — простолюдини не називають себя иначе, какъ «люде». Стр. 235.

Неумьёне нашихъ этнографовъ взятсь за допросъ народа о его умственныхъ сокровищахъ. Стр. 236.

Разскащикъ Василь Суддѣнко Черкасскій. Стр. 238 — 240.

Разскащикъ Харкó Цехмистеръ Черкасскій. Стр. 240, 251, 267.

Путешествіе пшыкомъ изъ Чигирини въ Сѹботово. Стр. 268. 270.

Разборъ пьеси о войнахъ Хмельницкаго, записанной въ Сѹботовѣ. Стр. 271 — 273.

Разскащикъ Омѣлько Каплау́хій Сѹботовскій. Стр. 274 — 275.

Монастырскій разскащикъ. Стр. 279.

Старосвѣтскіе Малоросійскіе балагуры-самонасмьшники. Стр. 288.

Старики и старухи, разсказывающіе, подобно Даншу, о видѣніяхъ своихъ на томъ свѣтѣ. Стр. 303 — 304.

2.

ПРЕДАНИЯ, ЛЕГЕНДЫ И ПОВѢРЬЯ.

О Золотыхъ Воротахъ. (Кіевскія Золотыя Ворота перенесены «лицаремъ» Михайликомъ въ Цареградъ; но будетъ такое время, когда они воротятся на прежнее мѣсто) Стр. 3.

Жидовскіе откупы до Хмельницкаго. (Церковные ключи хранились у Жида-откупщика.) Стр. 166.

Пограничные схватки жолтировъ съ козаками. (Жолтиры и Запорожцы сходились въ одинъ шинкъ и, заспоривъ между собою, дрались на сабляхъ. Отсюда началась козацкая война.) Стр. 110.

Хмельницкій и Барабашъ. (Ляхи притѣсняли козаковъ. Козаки жаловались королю. Король далъ козакамъ «права»; но Барабашъ утаилъ ихъ отъ земляковъ. Хмельницкій хитростью добылъ отъ Барабаша «права» и ушелъ съ ними въ Сѣчь.) Стр. 166.

Хмельницкій въ Запорожской Сѣчи. (Жолтиры стояли на Запорожьи и брали десятую рыбу на рыбныхъ козацкихъ ловляхъ. Хмельницкій истребилъ ихъ.) Стр. 275.

Плата Хмельницкаго за пльниыхъ. (За Ляха платилъ онъ по рублю, а за ксенза по три полтины). Стр. 276.

Хмельницкій надъ Случью. (Отобралъ у своихъ козаковъ все деньги.) Стр. 148.

Легенда о Богданъ Хмельницкомъ. (Прогнавши Ляховъ за Случь, онъ поставилъ надъ Случью, на страхъ имъ, вѣтряные барабаны, а самъ поѣхалъ къ королю просить прощенія. — Онъ долженъ былъ узнать короля между двѣнадцатыя палачами. — Свиданіе съ королемъ). Стр. 114.

Преступленія и казнь Юрія Хмельницкаго. (За разореніе отцовской церкви, онъ осужденъ, до второго пришествія, скитаться въ горахъ и питать своею кровью змѣю.) Стр. 277.

Легенда о Мазень и Паліи. (Мазена заложилъ Палія кирпичомъ въ столбѣ. Царь Петръ освободилъ Палія, и Палій очаровалъ Мазенно войско.) Стр. 115.

Вторая легенда о Мазень и Паліи. (Степанъ Плаха [Паліи]

предсказаль Царю Петру возстаніе Мазепы. — Петръ заключилъ Палія въ темницу. Если правду онъ пророчилъ, то будетъ жить тридцать лѣтъ однимъ похательнымъ табакомъ. — Когда Мазена дѣйствительно оказался врагомъ Царя Петра, Царь освободилъ Палія изъ темницы, и тотъ очароваль приверженцевъ Мазепы. — Паліи испрашиваетъ у Царя пощаду (Малороссіи.) Стр. 117.

Третья легенда о Мазепѣ и Паліи. (Царь Петръ освободилъ Палія изъ Сибири. — Паліи ввелъ Царя въ непріятельскій лагерь, и они подслушали, о чемъ совѣщается Мазена съ Шведомъ и Туркомъ. — Потомъ Паліи такъ зарядилъ пушки, что непріатели тотъ-часъ были разбиты. — Паліи испрашиваетъ у Царя пощаду Гетманщинѣ.) Стр. 123.

Преданіе о сотникѣ Харькѣ. (Онъ обнаружилъ въ своихъ поступкахъ нѣчто, напоминавшее Полякамъ Хмѣльницкаго. Его вызвали въ Паволочъ и казнили). Стр. 96.

Легенда о сотникѣ Харькѣ. (Поляки сперва приковали коня Харькова цѣпями и тогда только осмѣлились лишить его жизни. Но и тутъ должны были рубить ему голову собственною его саблею, потому что никакое другое орудіе не взяло его.) Стр. 95.

✓ *Вербовка въ гайдамаки и развязка Уманской трагедіи 1768 года.* (Изъ Запорожской Сѣчи вышло сперва трое гайдамакъ: Шелестъ, Лускошій и Гніда. Они поселились въ Украинскихъ монастыряхъ, и каждый составилъ свою партію между поселянами. — Появленіе «Сѣчи» въ окрестностяхъ Мотренненскаго монастыря. — Взятіе Умана. — Прощанье Зализняка съ чурою. — Гайдамаки захвачены въ-расплохъ. — Воспоминаніе о казни гайдамакъ.) 293.

Максимъ Шило. (Гайдамаки казнили своего товарища за убіеніе Черкаскаго «губернатора». — Пріѣздъ Максима Шило въ Черкасскій замокъ. — Упикеніе предъ нимъ губернатора. — Смѣлость городского козака.) Стр. 241.

О гайдамакѣ Швачкѣ. (Гайдамаки атакованы въ болотѣ близъ Смилой. — Пѣсня о Швачкѣ.) Стр. 135.

Ночной набѣгъ гайдамакъ. (Отаманъ, предъ вступленіемъ въ городъ, «характерствоваль» на успѣхъ. — Вторгнувшись въ домъ Дриги, гайдамаки пыткой заставили его выдать имъ червонцы.) Стр. 246.

Наймуть-гайдамака. (Выраженіе благодарности къ бывшему хозяину.) Стр. 249.

Похожденія гайдамакъ въ Смилой. (Въ первый набѣгъ разграбили замокъ и увели съ собою «пашу» и «хлѣнца», но потомъ отпустили. Во второй—разбили, подъ предводительствомъ Вовчка. Польскій отрядъ.) Стр. 132.

Ветръча пасичника съ гайдамакою. (Пасичникъ отдалъ гайдамакъ свою сорочку и накормилъ его. За это гайдамака указалъ ему зарытыя въ землѣ деньги.) Стр. 133.

Мсть за имя Жида. (Одинъ гайдамака назвалъ Жидомъ другого и былъ убитъ имъ за это. Товарищи нашли убійцу правымъ.) Стр. 284.

Гайдамаки въ Мотренинскомъ монастырѣ. (Устройство Сѣчи. — Поляки шчуть гайдамакъ въ монастырѣ. — Гайдамаки отвлекаютъ ихъ слухами о нападеніи на села.—Трусость Польскаго намѣстника при извѣстіи, что гайдамакъ не беретъ пуля.) Стр. 279.

Пребываніе Максима Зализняка въ Черкасахъ. (Паружность Зализняка. — Въездъ въ замокъ. — Гайдамаки разливаютъ водку по базару. — Зализнякъ требуетъ «сап'янцевъ.» — Гайдамака овладѣваетъ чужими сапогами.) Стр. 251.

Бѣгство гайдамакъ. (Донцы захватываютъ гайдамакъ въ-расплохъ. — Гайдамаки, уходя по Днѣпру на Запорожье, казнятъ Черкаскаго писаря.) Стр. 259.

О Золотой Грамотѣ. (Преслѣдованіе «благочестія» и сожженіе ктитора въ Млѣвѣ. — Игумень Мотренинскаго монастыря пишетъ Золотую Грамоту). Стр. 149.

Положенія гайдамакъ въ Каневъ. (Гайдамака овладѣваетъ ко-
поть поселашина. — Неживый вознаграждаетъ его мѣднымъ котломъ. —
Крещеніе Жидовки въ Каневъ.) Стр. 151.

Происхожденіе и конецъ гайдамаки Неживого. (Онъ былъ Сѣ-
ботовскій горшечникъ. — Его схватилъ обманомъ панъ Шерба.) Стр. 278.

Гайдамаки въ Жаботинь. (Причиною гайдамачества въ Жаботинь
былъ Жидъ-арендаторъ, насчитавшій на городскихъ козаковъ плу-
товскіе проценты.) Стр. 285.

Гайдамаки въ Умань. (Передъ началомъ »Уманской рѣзни«, гай-
дамаки велѣли Базиляннамъ пройти по улицамъ и отправить торжествен-
ныя похороны.) Стр. 285.

Воспоминанія о религіозныхъ смутахъ въ Украинь. (Като-
лики обращаютъ »благочестиваго« священника въ униатство. — »Бла-
гочестивые« монахи внушаютъ народу, какъ уничтожить унию. — Жа-
лобы Переяславскому архіерею. — Поляки пыткой принуждаютъ »бла-
гочестиваго« священника къ Унии. — Возвращеніе »благочестія« на
мѣсто унии.) Стр. 261.

Объ унии и »благочестіи.« (Гоненія противъ »благочестиваго«
духовенства. — Принужденіе народа къ унии.) Стр. 137.

*Взглядъ простолюдина на ярмарки по воскреснымъ днямъ и
праздникамъ.* (Посредствомъ ярмарокъ лукавый отвлекаетъ народъ отъ
»благочестія,« такъ точно, какъ прежде посредствомъ унии.) Стр. 138.

Обезоруженіе поселянъ послѣ Галивщины. (Десяти хатамъ
позволялось имѣть одинъ ножъ и одинъ топоръ.) Стр. 139.

О Базиляннахъ. (Они преподавали по-Польски катихизисъ; а паны
поощряли учениковъ деньгами.) Стр. 101.

Воспоминанія о Запорожцахъ, объ ихъ правахъ и обычаяхъ.
(Запорожцы возвратились изъ Турціи потому, что ихъ мертвецовъ не
принимала земля. — Падшея Царя Петра на камнѣ близъ Савурь-Моги-

лы. — О томъ, какъ возили изъ Украйны въ Сѣчь для продажи горилку, и какъ Запорожцы покупали. — Возвращеніе Запорожцевъ съ добычею изъ Польши. — Разбѣи Запорожскихъ »гультаевъ на шляхахъ.« — Воровство вмѣнялось въ обязанность Запорожцу, разумѣется, не дома. — Казнь за волокитство. — Насмѣшливость. — Судъ за насмѣшки. — О томъ, какъ Запорожцы ѣли въ Польшѣ сметану, не пачкая усовъ, и какъ одинъ Запорожецъ патянулъ лукъ, присланный Полякамъ отъ непріятелей, въ знакъ вызова на войну. — Запорожцы были великіе силачи. — Слухъ о томъ, что Запорожье »зруиіують«. — Предсказанія самихъ Запорожцевъ. — Бѣгство въ Турцію.) Стр. 154.

О колышникахъ. (Вариантъ разсказа о разбояхъ Запорожскихъ гультаевъ на шляхахъ.) Стр. 75.

О Запорожцѣ Васюріискомъ. (Вариантъ разсказа о томъ, что Запорожцы были великіе силачи.) Стр. 141.

Искусъ предъ вступленіемъ въ Запорожское братство. (Запорожцы испытывали сметливость новичковъ въ пониманіи ихъ настоящаго, а не кажущагося, характера.) Стр. 286.

Подвижки у Запорожцевъ. (Стрѣлялись изъ пистолетовъ черезъ бурку.) Стр. 302.

Запорожское щегольство. (Появляясь въ Украйнѣ, Запорожцы расточали весь блескъ нарядовъ, для привлеченія къ себѣ новичковъ. — Вольтижерскіе штуки. — Лубавое сватовство для поноевъ и постоевъ gratis.) Стр. 139.

Запорожцы на своихъ рыбныхъ ловляхъ. (Каждога, кто приходилъ къ нимъ, сперва кормили и поили, а потомъ уже распранивали, кто и зачѣмъ. — Сидя въ палаткахъ, пировали, играли въ карты и въ шашки; слушали игру на кобзѣ; танцовали и катались колесомъ.) Стр. 111.

Запорожское цѣломудріе. (Запорожская совѣсть позволяла любезничать только съ молодцами, но отнюдь не съ дѣвушками.) Стр. 113.

Торговля невольницами на Запорожьи. (Запорожцы увозили иногда изъ Украины дѣвушекъ и потомъ, не зная, куда съ ними дѣвать-ся, продавали Татарамъ.) Стр. 102.

О Запорожскихъ хѣмородникахъ, или кѣверзникахъ. (Нѣсколько Запорожцевъ сидѣло въ Кіевѣ подъ арестомъ за переманиваніе къ себѣ карабинеровъ. Отъ скуки, они дурачили своихъ сторожей разными фокусъ-покусами, которые принимались за колдовство. — О томъ, какъ Запорожець рыдалъ, услышавъ отъ сторожа нѣсію о гайдамакахъ.) Стр. 77.

Преданіе о Козарахъ. (Народъ, въ своихъ преданіяхъ, производитъ Запорожцевъ отъ Козарь.) Стр. 150.

Хлѣбосоольство на Запорожьи. (Никто не смѣлъ попрекнуть пришельца тунеядствомъ.) Стр. 151.

Очаковская бѣда. (Юморетической разсказъ о томъ, какъ у козаковъ не етало сала, и какъ они воевали, подъ предводительствомъ Потемкина съ Турками.) Стр. 289.

О Татарскихъ плѣнникахъ. (Татары гоняли плѣнныхъ, привязавъ руками къ длинной жерди по нѣскольку чѣловѣкъ. — Лѣсъ Перегонь.) Стр. 5.

Преслѣдованіе Татаръ послѣ набѣга. (Воспоминаніе объ Артинармакѣ, который выводилъ въ Украину Орду. — Поселяне гнались за Татарами; козаки, встрѣтивъ ихъ, ограбили по-испріятельски.) Стр. 102.

Тревога по случаю Татарскаго набѣга. (Народъ бросился изъ Черкасъ уходить за Днѣпръ. Сторожевые козаки не пустили его на Русскій берегъ.) Стр. 267.

О козацкомъ ополченіи въ 1790-хъ годахъ. (Воспоминаніе о Потемкинѣ, Кречетниковѣ, Нащокинѣ и Леонидовѣ. — Погребъ Выдубицкаго монастыря, подрѣзанные Днѣпромъ. — Утайка трети жалованья.) Стр. 67.

О войнѣ съ Польшею въ 1793—1795 годахъ. (Костюшка былъ волшебникъ. — Умыселъ Поляковъ противъ постояльцевъ. — Пльшныя Поляки въ Кіевѣ на работахъ.) Стр. 73.

О новомъ козацкомъ герое, Гладкомъ. (Когда онъ родился, земля затренивала.) Стр. 165.

Объ урочищахъ въ Звенигородкѣ. (Воспоминаніе о древнемъ Звенигородѣ. — Битвы между помѣщиками за границы. — »Грець« въ видѣ кулачнаго боя.) Стр. 104.

Объ урочищахъ въ Смилой. (Юрась, Домна и Мотря, старинныя колонизаторы Украины. — Турецкое поселеніе.) Стр. 142.

Воспоминанія о прежнихъ повинностяхъ, урожаяхъ и цѣнахъ въ западной Украинѣ. Стр. 143.

Странствованіе по тому свѣту. (Обмывшая старуха видѣла на томъ свѣтѣ, въ раю, дѣтей своей госпожи. — На ея распросы, рассказываетъ рядъ другихъ видѣній. — Братья-чумаки, превращенные за вражду въ собакъ. — Веѣ подаянія и пожертвованія, сдѣланныя на этомъ свѣтѣ, возвращаются »помершимъ душамъ« на томъ. — Богатые и бѣдные люди, превращенные въ тощихъ и жирныхъ воловъ. — Грѣшникъ страдающій отъ холода посреди пламени. — Грѣшникъ, томящійся жаждою въ источникѣ. — Скупая богачка въ кипящей смолѣ. — Грѣшникъ по поясъ въ раскаленныхъ угольяхъ — Разбойникъ перепоясанный змѣй изъ одной ямы въ другую. — Перекладина надъ бездною. — Завѣтъ возвращающейся на этотъ свѣтъ души.) Стр. 303.

3.

Думы и пѣсни.

О морскомъ походѣ »старшаго князя«-язычника въ »Христіянскую Землю«. Записалъ А. Шишацкій-Иличъ. Князь предлагаетъ дружинѣ назначить по немъ преемника, на случай его смерти. — Дру-

жнна совѣтуетъ князю ѣхать за море жениться. — Снаряженіе въ походъ. — Молитва богу Посвѣтачу. — Отплытіе Варяго-Русскаго флота. — Предчувствіе Князя. — Буря у Христіанскаго берега. — Сомнѣніе въ могущество и истинности языческаго Бога. — Увѣрованіе въ Бога Христіанскаго. — Возвращеніе домой. — Совѣтъ о принятіи Христіанской вѣры. — Посольство за море для познанія истинной вѣры. — Возвращеніе посольства и торжество.) Стр. 172.

Отрывокъ изъ пьесы о разореніи Кіева Батыемъ. Записаль Э. О. Руликовскій. Стр.

Дума о Фескѣхъ Андыбѣрѣхъ, записанная П. Кулишемъ и дополненная варіантомъ М. В. Пѣговекаго. (Козакъ-петяга гуляетъ одиннадцать лѣтъ, а на двѣнадцатомъ году приходитъ къ степной кабацницѣ, Настѣ-Горовой. Тамъ застаётъ трехъ Ляховъ, дукъ-сриблѣнниковъ. — Намѣшки ихъ надъ козакомъ и совѣтъ прогнать его въ-зашей. — Настя, степная кабацница, исполняетъ этотъ совѣтъ въ-точности. Но козакъ упирается, руками въ косяки, ногами въ порогъ, а головою въ полку для мисокъ надъ дверью, и даетъ понятіе о своей силѣ. — Двое изъ Ляховъ-дукъ простодушно смѣются надъ комикомъ-великаномъ, но третій хватился за узы и покупаетъ для него кѣйву пива. — Степная кабацница велитъ служанкѣ принесть самаго негоднаго пива; но та налила самаго лучшаго, называвшагося «пьяное чолѣ» и подала козаку, отворачивая носъ отъ кѣйвы съ притворнымъ отвращеніемъ. — Когда у него зашумѣло въ головѣ, онъ началъ гремѣть кѣйвою объ полъ такъ сильно, что въ кабацкѣ развалилась печка и помрачила сажею весь воздухъ. — Намѣшки Ляховъ-дукъ надъ необразованностью козака-петяги. — Козакъ тѣснитъ ихъ изъ-за стола къ порогу и садится съ лантами на покурѣ. — Потомъ вышмааетъ изъ-подъ полы «позолотѣстый недолѣмокъ», гремитъ имъ объ столъ и поетъ пѣсню, на которую являются козаки съ богатыми одеждами. — Дукы поняли тогда, что передъ ними не козакъ-петяга, а Фескѣ Гѣнжа Андыбѣрѣхъ, гетманъ Запорожскій, и принялись его угощать. Но онъ проливаетъ напитки на свое дорогое платье, и велитъ козакамъ проучить ихъ по-козацки. Только пощадилъ того, который купилъ для него пива. — Козаки метятъ дукамъ-богачамъ за то, что они захватили все поля и «дукъ.») Стр. 200.

О козацкой жизни. Записаль М. В. Пѣговекій. (Козакъ идетъ на войну. — Жена проклинаетъ его. — Козакъ смѣется надъ ея проклятіями. — Въ домѣ у него между тѣмъ все приходитъ въ беспорядокъ и запустѣніе. — Онъ возвращается и обходится жестоко съ женою. — Сосѣдки смѣются надъ ихъ жизнью; но жена козака скрываетъ пороки мужа. — Онъ идетъ въ корчму и грустно смѣется надъ домашней жизнью козака.) Стр. 215.

О смерти козака-бандуриста. Записаль А. С. Аонасьевъ. (Козакъ, вышедъ изъ битвы въ жалкомъ положеніи, выражаетъ свои чувства игрою на бандурѣ и пѣсней. Онъ тоскуетъ о своихъ товарищахъ, предчувствуетъ близкую смерть и прощается съ бандурою.) Стр. 185.

О Маруся Богуславкѣ. Записаль М. В. Пѣговскій. (Невольники томятся у Турокъ въ темницѣ. — Плѣнная дѣвушка изъ Богуслава объявляетъ имъ, что сегодня праздникъ Воскресенія Христова. — Это извѣстіе усиливаетъ ихъ горестъ, и они проклинаютъ вѣстницу. — Но она обѣщаетъ освободить ихъ и, исполнивъ обѣщаніе, съ горестью рассказываетъ о своемъ отступничествѣ. — Молитва невольниковъ.) Стр. 210.

О бѣгствѣ трехъ братьевъ изъ Азова. Записаль П. Кулишъ. (Изъ Азова уходило трое братьевъ-невольниковъ, двое на коняхъ, а третій пѣшкомъ. — Этотъ послѣдній проситъ конныхъ взять его между лошадей; но старшій братъ сурово отвергаетъ просьбу. — Пѣшій братъ проситъ по крайней мѣрѣ лишить его жизни и похоронить его тѣло; по эта просьба такъ-же отвергнута. — Пѣшій братъ проситъ оставлять для него по степи примѣты. — Конные братья рубятъ по пути вѣтви съ терновника. — Пѣшій находитъ ихъ и перевозноситъ доброту братьевъ. — Выбравъ изъ зарослей на голую степь, средній братъ предлагаетъ старшему бросать для примѣтъ куски одежды по пути. — Старшій отвергаетъ предложеніе. — Средній одинъ рветъ свою одежду и разбрасываетъ по степи. — Меньшой, пѣшій, подбираетъ ихъ и оплакиваетъ участь братьевъ, которыхъ полагаетъ изрубленными въ куски. — Отдыхаетъ въ изнеможеніи на Осавуръ-могилѣ. — Обращеніе его къ волкамъ и орламъ, которые сообразилъ къ нему на »темный похоронокъ«. — Обращеніе къ своей участи и смерти. — Раскаяніе старшаго брата. —

Упрекъ середяго. — Почлегъ надъ рѣчкою Самаркою. — Совѣщаніе, чѣ говорить отцу и матери. — Погоня и смерть.) Стр. 32.

О бурѣ на Черномъ морѣ. Записаль П. Кулишъ. (Буря разбила козацкія суда на три части, изъ которыхъ въ третей потопаютъ два брата и каются въ своихъ грѣхахъ. Богъ ихъ спасаетъ отъ смерти; они приплываютъ къ пристани, хватаются руками за камни и признаютъ вліяніе молитвы отца и матери на судьбу дѣтей.) Стр. 28.

О козакѣ Голотѣ. Записаль П. Кулишъ. (Дополненія и отмѣны противъ списка г. Лукашевича: ⁽¹⁾ Начало сходно съ началомъ думы Андрея Шута о Феськѣ Ганжѣ Андыбѣрѣ. — Въ городѣ Килин Татаринъ хвалится передъ Татаркою будущею побѣдою надъ козакомъ Голотою. — Козакъ не осмѣиваетъ, какъ въ списокѣ г. Лукашевича, наряда Татарина, потому что Татаринъ здѣсь по богатству одежды и вооруженія, представляетъ съ нимъ противоположность [иѣвецъ г. Лукашевича очевидно потерялъ изъ виду это важное обстоятельство и смѣшалъ двѣ отдѣляющія одна другую фигуры.] — Хвастовство Татарина передъ козакомъ. — Битва. — Козакъ одѣвается въ богатая одежды убитаго врага и восхваляетъ хвалу Килинскому полю.) Стр. 15.

О Жидовскихъ откупахъ и о войнѣ изъ-за нихъ. Записаль П. Кулишъ. Жиды взяли на откупъ все козацкіе шинки, шляхи, церкви и рѣчки. — Слухъ о Богданѣ Хмѣльницкомъ. — Походъ Хмѣльницкаго. — Бѣгство Жидовъ въ Полонне. — Хмѣльницкій требуетъ выдачи Жидовъ. — Отказъ. — Пушка-Сирота. — Взятіе и разграбленіе Полоннаго. — Дѣлежъ добычи.) Стр. 56.

О побѣдѣ подъ Корсунемъ. Записаль М. В. Нѣговскій. (Отмѣны противъ списка г. Копытько ⁽²⁾: Упоминается Стеблевъ. — Козаки поймали Потоцкаго, связали какъ барана и привезли къ Хмѣльницкому. — Ему говорятъ: «Не вмѣвъ ти еси въ Камѣнскімъ Подільці пробувати» и пр. — Ляхи упрекаютъ Жидовъ въ возмущенія козаковъ. — Жиды уходятъ за рѣчку Случь. На Случи обломился мостъ. — Жидъ,

⁽¹⁾ У г. Максимовича этотъ списокъ перепечатанъ въ «Сборникъ Украинскихъ Пѣсень», на стр. 15.

⁽²⁾ Въ «Сборникъ Украинскихъ Пѣсень», изд. М. Максимовичемъ, стр. 67.

торговавшій мелкимъ крамомъ, не съ зозаками, а «*козакамъ* пятами на-
квивавъ».) Стр. 223.

О Блюцерковскомъ мирѣ и о войнѣ съ Поляками. Записаль П. Кулишъ. (Отмѣны противъ списка г. Мурзакевича, напечатаннаго въ третьемъ сборникѣ г. Макенмовича, стр. 74. Поляки присвоили себѣ козацкихъ женъ. — Хмѣльницкій откладываетъ войну до весны. — Ляхи называютъ козаковъ родными братьями и просятъ выпустить ихъ за Виелу хоть въ однихъ сорочкахъ. — На Виелѣ ломается подъ бѣгущими ледъ. Козаки томятъ Ляховъ, поемѣваясь ихъ ибъжнымъ названіямъ родными братьями, и выражаютъ иносказательно невозможность братства между двумя враждебными политическими обществами.) Стр. 51.

Отрывокъ изъ пѣсни, проклинаящей Богдана Хмѣльницкаго за предательство Татарамъ Украинскихъ поселеніи въ неволю. Записаль П. Кулишъ. Стр. 322.

О войнахъ Хмѣльницкаго. Записаль П. Кулишъ. (Слухъ о битвѣ за Дашевымъ подъ Сорокою. — Сравненіе Ляха съ козакомъ. — Рѣшимость не допустить Ляха господствовать самовластно въ Польшѣ.) Стр. 271.

О гайдамакѣ Швачкѣ. Записаль П. Кулишъ. (Запрожцевъ захватываютъ въ раслохъ. — Швачка связанъ вмѣстѣ съ эсауломъ. — Все имущество гайдамакѣ разобрано по рукамъ.) Стр. 135.

О Васюринскомъ, по поводу разоренія Спчи. Записаль П. Кулишъ. (Воззваніе къ спокойному великому гетману. — Напрасная просьба къ Царицѣ. — Горестъ Запорожцевъ. — Предложеніе Васюринскаго.) Стр. 321.

Надпись на популярномъ изображеніи Запорожца-кобзаря. Записаль П. Кулишъ. — Воззваніе къ струнамъ. — Неизвѣстность происхожденія Запорожцевъ. — Похвала Запорожской жизни. — Глубокая грусть, въ видѣ шутокъ.) Стр. 315.

О вдовѣ и трехъ сыновьяхъ. Записаль П. Кулишъ. (Отмѣны противъ думъ, помѣщенныхъ съ сборникѣ г. Метлинскаго: Достигнувъ

совершеннолѣтія, 'сыновья вдовы гуляютъ по Крыловскому рынку. — Вдова проситъ Бога покарать ихъ тремя несчастіями: неурожаемъ, неуваженіемъ и нелюбовью добрыхъ людей и несогласіемъ съ женами. — Все это исполняется.) Стр. 19.

О сестрѣ и братѣ. Записаль П. Кулишъ. (Пополненія противъ думы, помѣщенной въ третьемъ сборникѣ г. Максимовича: Братъ иносказательно представляетъ невозможность пріѣхать къ сестрѣ въ гости. — Сестра объясняетъ иносказаніе. — Сравненіе тягости одиночества съ разными явленіями природы.) Стр. 24.

ЗАПИСКИ О ЮЖНОЙ РУСИ.

Въ наше время было бы излишнимъ толковать о томъ, какую важную роль въ народоописаніи играютъ языкъ описываемаго народа и все, что передается изъ поколѣнія въ поколѣніе на этомъ языкѣ. Простонародные разказы и пѣсни составляютъ теперь предметъ изученія филологовъ, этнографовъ и историковъ, — не говоря уже о поэтахъ, для которыхъ это живой источникъ свѣжести, силы и разнообразія языка.

Подобно многимъ другимъ, я всегда былъ набоженъ на простонародные разказы; я рано началъ придавать имъ цѣну; но долго оставался въ заблужденіи, что для сохраненія ихъ достаточно одной памяти. Дѣло показало мнѣ не одинъ разъ, что въ памяти сохраняется только духъ и содержаніе разказа, но формы уступаютъ въ ней мѣсто общимъ формамъ народной рѣчи, которою назывался слухъ, и теряютъ оттого свой самостоятельный характеръ. Мнѣ стоило иной разъ большого труда припомнить точное выраженіе давно невстрѣчаемаго мною разказчика, которое могло бы служить для меня опорой въ извѣстномъ случаѣ; и наконецъ я убѣдился, что тутъ нечего полагаться на память, а надобно записывать каждый характерный оборотъ рѣчи въ разказѣ и каждый переходъ отъ одной мысли къ другой.

Первыя народныя преданія записалъ я такимъ образомъ въ Кіевѣ. Я до сихъ поръ помню очень живо нищаго старика-слѣпца, который подходилъ къ моему окну съ улицы, держась за плечо *поводирѣ*-мальчишки, на которомъ только всего и было одежды, что остатки полотняныхъ шароваръ земляного цвѣта да

обрывки свитки, недошоеной его учителемъ. Обыкновенно слѣпецъ беретъ къ себѣ въ науку безроднаго сироту и даетъ ему практическіе уроки нищенства, то есть, учить его выпрашивать милостыню, терпѣть холодъ, зной и все неудобства безпріютной жизни, копить денежку на черный день, не встрѣчая ни одного свѣтлаго, и быть равнодушнымъ къ своему положенію. Между нищими-слѣпцами встрѣчаются люди съ необыкновенною памятью, удерживающею, безъ малѣйшей потери, множество пѣсень и разсказовъ. Нѣкоторые изъ нихъ, потолкавшись по свѣту и наживъ, какъ говорятъ, копейку, получаютъ охоту къ осѣдлой жизни, покупаютъ въ людномъ селѣ хату съ огородомъ и заводятъ у себя школу нищихъ пѣвцовъ. Иногда они достигаютъ между своею братією великой знаменитости. Многочисленные питомцы ихъ, разбредаясь во все стороны по Малороссіи, прославляютъ ихъ имена на дѣпровскихъ рыбныхъ ловляхъ, въ Полѣсьи, на Волыни и въ Слободской Украинѣ. Встарину между учителями нищихъ были, говорятъ, даже такіе гении, которымъ припевавалось титло *старѣчихъ королей* и которые во всю жизнь получали дань отъ своихъ учениковъ, основавшихъ въ разныхъ концахъ Малороссіи собственные школы. Но эти времена уже прошли. Слепые пѣвцы давно ужъ измелъчали; вкусъ къ ихъ думамъ и пѣснямъ мало-помалу исчезъ въ народѣ, но мѣрѣ забвенія старинныхъ воспоминаній, или замѣнился грубымъ вкусомъ къ шуточнымъ стихотвореніямъ о *Хоміи и Ереміи*, о *Дворянкѣ*, выпшедшей замужъ за *хлѣбороба*, и тому подобнымъ. Мой кievскій нищій не зналъ ужъ ни одной исторической пѣсни, ни одной воинской, или поучительной думы. Я долго подозрѣвалъ въ немъ недобѣрчивость къ моему сочувствію и опасеніе какой-то хитрости съ моей стороны, какъ обыкновенно у нихъ бываетъ. Я долго пріучалъ его къ себѣ неправильною подачею полновѣсной мѣдной монеты, которая рѣдко опускается въ сухую, изморощенную руку малороссійскаго *старца*, но наконецъ убѣдился, что онъ былъ нищій поколѣнія новаго, то есть — человекъ ниже своего ремесла. Старинные нищіе привлекали къ себѣ народъ не жалобами

на свое убожество, а звуками и содержанием пѣсень, которыхъ не въ-силахъ была удержатъ память пѣвца-пахаря, пѣвца-работника, занятая иными заботами. Нищія нашего времени добываютъ себѣ подачу однообразнымъ канюченьемъ, которое надоѣдаетъ слушателю, не возбуждая въ немъ никакаго благороднаго чувства.

Такъ перебивался на свѣтъ и мой старикъ съ своимъ поводиремъ. Но онъ не весь состоялъ изъ заученныхъ, скучныхъ фразъ своего ремесла и изъ заботъ о насущномъ хлѣбѣ; въ немъ таилось кое-что и лучшее, но только онъ не умѣлъ отыскать его между ненужнымъ хламомъ. Однажды я неожиданно услышалъ отъ него превосходную легенду о Кіевскихъ *Золотыхъ Воротахъ*, которой никогда ни прежде, ни послѣ ни отъ кого не слышалъ. Я заставилъ его повторить ее себѣ нѣсколько разъ; я слѣдилъ за его рѣчью съ карандашомъ въ рукѣ, и вотъ подлинный тонъ и складъ его рѣчи, безъ поправокъ.

ЛЕГЕНДА О ЗОЛОТЫХЪ ВОРОТАХЪ. (*)

.... Якъ захоли́тте бу́ло, то приишо́въ чужоземець, Татаринъ, и ото́ вже на Вышгородъ бѣе, а да́лі вже її підъ Кіевъ підету́пає. А тутъ Михаї́ликъ ли́царь бу́въ, да якъ зійшо́въ на ба́шту да пусти́въ зъ лу́ка стрі́лу, то стрі́ла и впала́ у мі́ску то́му́ Тата́рину. Той ско́ро сівъ коло́ ска́м'ї обі́дати, тільки́ що поблагослови́въ і́сти, ажъ та стрі́ла такъ и ветромі́лася у печі́ню.

»Э«, ка́же, »се́ жъ тутъ е́ силъни́й ли́царь!... Пода́йте«, ка́же, »ми́ні то́го Михаї́лика, то я одступлю́.«

(*) *Переводъ.*—Какъ было *лихолѣтѣ*, пришелъ чужеземець, Татаринъ, и вотъ ужъ ударилъ на Вышгородъ, а потомъ подступаетъ и къ Кіеву. А тутъ былъ богатырь⁽¹⁾ Михайликъ. Какъ взомель на башню да пустиль изъ лука стрѣлу, то стрѣла и упала Татарину въ миску. Только что съѣлъ онъ у скамейки и *благословился* обѣдать, какъ стрѣла и воткнулась въ *печіню* (жаркое). »Э«, говоритъ, »да тутъ есть могучій богатырь!... Выдайте«, говоритъ Кіевлянамъ, »выдайте миѣ Ми-

---

(1) Великорусское слово *богатырь* не вполнѣ соответствуетъ малороссій-

Отъ Кієне шуму-шуму, и радятця: А щò ять? оддаймо!
А Михайликъ вѣже: »Якъ оддастè ви менè, то въ останній
разъ бѹдете бачити Золотіи Ворота.«

Да сівши на коня, обернувь до їх да її промовивъ:

»Ой Кієне, Кієне, панове громада!

Погана ва́ша рада:

Якъ-би́ ви Михайлика не одавали,

Поки світь со́нця, ворогі бѣ Кієва не достали!»

Да взявъ на ратнице ворота, — такъ якъ отъ єпшь святого
жита візьмешъ, да її поїхавъ у Царіградъ черезъ Татарське вій-
сько. А Татарє єго її не бачять. Отъ, якъ одкривъ ворота, то
чужоземці ввалились у Кієвъ да її пішли потоптомъ.

А лицаръ Михайликъ и досі живє въ Царіграді; передъ нимъ

хайлика, такъ отступлю.« Вотъ Кієвляне шуму-шуму, и совѣтуются:
»Чтò же? выдадмъ!« А Михайликъ говорить: »Какъ выдадите меня, то
въ послѣдній разъ видѣтъ вамъ Золотыя Ворота.« Сѣлъ на коня, обер-
нулся къ нимъ и проговорилъ: »Ой *Кієне, Кієне*, честная *громада!* ⁽¹⁾
перазумель совѣтъ вашъ. Когдабъ вы Михайлика не выдавали, — *пока
свѣтъ солнца*, не добытъ бы врагамъ Кієва!« И поднялъ онъ коньемъ
ворота — такъ вотъ, какъ поднимешъ спощъ святого *жита* ⁽²⁾ — и по-
ѣхалъ черезъ Татарское войско въ Цареградъ. А Татары и не видятъ его.
И какъ открылъ ворота, то чужеземцы ввалились въ Кієвъ да и *пошли
потоптомъ*.

И живеть богатырь Михайликъ доселѣ въ Цареградѣ. Передъ нимъ
стаканчикъ воды да просфорка: больше ничего не ѣсть. И Золотыя Во-

скому *лицарь* (рыцарь). Слово *витязь* подходитъ къ *лицарю* ближе; но Ве-
лнкорускій *витязь* не имѣеть почти непремѣннаго свойства Малороссійска-
го *лицаря*, именно — сверхъестественнаго могущества, независающаго отъ
физической силы и удачи.

(1) Міръ, мірекая сходка. — (2) Житомъ называется въ Малороссіи рожь.

стоить стаканчикъ водѣ, и прѣскурка лежить; бѣльшъ ничѣго не іеть. И Золотіи Ворѣта стоить у Царіградѣ. И бѣде, кажутъ, колісь такѣ врѣмя, що Михайлигъ вѣрнетця въ Кіевъ и поставитъ ворѣта на своѣ мѣсто. И, якъ, идучіи хто мѣмо, скаже: »О Золотіи Ворѣта! стоить вамъ изновъ тамъ, де стоили«, то зѣлото такъ и засеяе. А якъ же не скаже, абѣ подѣмае: »Нѣ, вже не бѣуть вамъ у Кіевѣ!« то зѣлото такъ и померхне. (1)

Вмѣстѣ съ легендой о временахъ отдаленнѣйшей Татарщины, въ умѣ моего Кіевскаго ницаго сохранилось воспоминаше и о послѣднихъ Татарскихъ набѣгахъ на Южную Русь. Вотъ оно слово въ слово.

ПРЕДАНИЕ О ТАТАРСКИХЪ ПЛѢННИКАХЪ. (*)

Колісь-то, ще якъ Польша пановала, — бо тепѣрь ужѣ Польши тѣлько рукавъ, увесь свѣтъ — свѣта, а Польши тѣлько рукавъ, — Польша хѣторъ, — такъ Татарѣ набігали. Було на-

---

рота стоить въ Цареградѣ. И наступитъ, говорятъ, время, что Михайлигъ воротится въ Кіевъ и поставитъ ворота на мѣсто. И, если, идучи мимо, кто-нибудь скажетъ: »О Золотыя Ворота! стоить вамъ тамъ оиать, гдѣ стояли«, то золото такъ и засеяетъ. Если жъ не скажетъ, или подумаетъ: »Нѣтъ, ужъ не бѣвають вамъ въ Кіевѣ!« то золото такъ и померкнетъ (1).

(*) *Переводъ.*—Когда-то, еще какъ пановала Польша—теперь вѣдь отъ Польшы остался тѣлько рукавъ: весь свѣтъ — свѣта, а Польша — только рукавъ, Польша — хуторъ, — такъ набѣгали тогда Татары.

---

(1) Одинъ изъ моихъ знакомыхъ слышалъ эту легенду близъ Кіева нѣсколько въ измѣненномъ видѣ, но не обратилъ на нее должнаго вниманія. Помнитъ только, что въ ней герой преданія называется *Михайломъ Семилеткомъ*. Извѣстный польскій писатель Михаилъ Грабовскій говорилъ мнѣ, что онъ слышалъ эту легенду въ Гвѣздовѣ, подѣ Кіевомъ, почти слово въ слово такъ, какъ она у меня записана: обстоятельство весьма важное, какъ это увидимъ ниже.

в'яже люде́й рука́ми до жертки пізку да її женє. Отъ же есть и гайі *Перегінъ*.

Такъ тоді-то разъ Татари́нь такъ нагна́въ того́ міру, що її землі ва́жко. Ото́ почу́ють вони́ въ степу́. Такъ тіи́ вже до люде́й гово́рять: »Чи́ вже́ жъ ми́жъ на́ми нема́ тако́го си́льного, щобъ оцо́ спрїшо́ порва́въ, або́ тако́го, щобъ ружжє́ замови́въ, або́-що? Подава́ймо ми оцю́ мову́ по все́му́ обществу́ изъ конця́ въ кінець, щобъ такъ́ якъ оце́....« (1)

Подалі́ тую́ мову́, оди́нь по оди́ному, оди́нь по оди́ному. Ажъ оди́нь и ка́же: »Я«, ка́же, »розв'яжу́ и собі́, її ва́мъ ру́ки, тілько́ не ви́дайте мене́«.

»Не бо́йся,« ка́жуть, »аби́ тоби́ Богъ помага́въ.«

Ото́ вінъ ста́въ навко́лішки, стени́вся, — спрїца́ такъ и трїснула́.

»Тепер́ же«, ка́же, »оди́нь оди́ному розв'язу́йте ру́ки да за́бігайте зъ усі́хъ бо́ківъ по частя́мъ та її кричіть: «Сюди́ наші́! сюди́ наші́! Забіра́й Ту́рка! бий Ту́рка!«

Коли́ такъ́ якъ наро́блять кри́ку, — Ту́рки не стя́мались да

Бывало́ Татари́нь нав'язе́ть къ жерди́ людей и го́нить. Оттого́ и лє́зъ зовете́я *Перегонъ*.

Вотъ одна́жды Татари́нь нагна́въ столько́ народу, что́ и землє́ было́ тяжко́. Почу́ють они́ въ степи́; плі́нники и гово́рять ме́жду собою́: »Неужели́ ме́жду на́ми пе́тъ тако́го, что́бъ разорва́въ это́тъ реме́нь, заго́ворилъ ружжє́, пли́ чо́ другое? Пусти́мъ - ка́ мы́ эту́ рє́чь по́ все́му́ сво́ему́ *обществу́*, изъ конца́ въ конє́ць, что́бъ такъ́ какъ во́гъ...« (1) Пусти́ли рє́чь оди́нь чере́з друго́го; вотъ и гово́рить кто́-то: »Я«, гово́рить, »разв'язу́ и себє́, и ва́мъ ру́ки, то́лько не ви́дайте мене́.« — »Не бо́йся«, гово́рять; »ли́шь бы́ тебє́ Богъ помо́гъ.« Во́гъ онъ ста́въ на ко́ліши, встра́хнувся — реме́нь такъ́ и трєснулъ. »Ну, тепер́«, гово́рить, »разв'языва́йте оди́нь друго́му ру́ки, за́бігайте со́ все́хъ сторо́нь *по частя́мъ* да кричіте: »Сюды́ наші́! сюды́ наші́! Бери́ Ту́рка! бей Ту́рка!« И ка́къ эта́къ подняли́ кри́къ: го́, го́! го́, го́! ка́къ подняли́

(1) Розскащикъ не нашєль здєсь словъ для выраженія своей мысли.

въ-рѣстичь, а паші за ними; побили й порубали, а самі додому вернѹлись.»

Заговоривъ о пшцхъ слѣщахъ, я вспомнилъ о другомъ пріятелѣ моемъ изъ этого класса народа, объ Архипѣ Никонѣнкѣ. Бѣдный! его уже нѣтъ на свѣтѣ. Жизнь его была исполнена великихъ огорченій, и онъ не зналъ, онъ не могъ знать, что у него былъ человекъ, петинно его любившій. Я видѣлъ его не болѣе трехъ разъ въ одномъ стешномъ хуторѣ, не вдалекѣ отъ его родного мѣстечка Оржицы (1). Приводила его туда четырехлѣтняя хорошенькая, хотя запачканная, дѣвочка, его дочь отъ второго брака. Архипъ былъ чрезвычайно худощавъ, имѣлъ правильныя черты лица и очень пріятный голосъ. Онъ аккомпанировалъ себѣ на *ліръ* (родъ скрипки о трехъ струнахъ, съ колесомъ внутри вмѣсто смычка, какъ у петербургскихъ Савояровъ). Прежде онъ игралъ на настоящемъ національномъ инструментѣ украинскихъ пѣвцовъ, на *кѣбзѣ*, или *бандурѣ*; но съ нѣкотораго времени перемѣнилъ бандуру на лиру, находя, что лира громче голосить и что по-этому на ней можно играть во время свадебъ, гдѣ, какъ извѣстно, у простоародія всегда бываетъ шумъ и гамъ, заглушающій тихое рокотанье бандуриныхъ струнъ. Архипъ имѣлъ ту особенность между пѣвцами, что часто останавливался посреди пѣнія и, перебирая струны, примѣялъ пропѣтый стихъ къ собственному положенію, или извлекалъ изъ пѣсни правоученіе и доказывалъ его практическими примѣрами.

Я не успѣлъ переслушать всѣхъ его думъ; а онъ зналъ ихъ шесть, или семь и пѣлъ очень медленно, потому что, кромѣ размышленій велухъ, покиваній главою и глубокихъ вздоховъ, ино-

---

крикъ, — Турки не опомнились да въ разсыпную, а пашы за ними; перебили и перерубили всѣхъ, а сами воротились домой.

---

(1) Лубенскаго уѣзда Полтавской губерніи.

гда бывалъ сильно растроганъ содержаніемъ пѣсни; голосъ его дрожалъ всё болѣе и болѣе, и наконецъ рыданіе прерывало на нѣсколько минутъ пѣнье и музыку. Я не предвидѣлъ скорой разлуки съ этимъ прекраснымъ образцомъ Малороссійскихъ слѣпцовъ-музыкантовъ и не торопился выспрашивать у него все, что онъ зналъ, или помнилъ. Мнѣ казалось, что будетъ сдѣлано очень хорошо, если я буду записывать его размышленія и рассказы по мѣрѣ того, какъ они будутъ произвольно высказываться передо мною; и это было бы дѣйствительно сдѣлано очень хорошо, еслибъ внезапная кончина Архипа не разорвала нашей только что начинавшейся дружбы. Теперь у меня отъ знакомства съ брѣжницкимъ бардомъ остались только отрывки изъ его разговоровъ да одна дума, *о козакѣ Голотѣ*, напечатанная еще ни въ одномъ сборникѣ. (1)

РАЗСКАЗЫ АРХИПА НИКОНЕНКА О СЕБѢ САМОМЪ. (*)

Я такойъ бувъ зъ-малечку, що разъ хай проснѣвас, то я ѣ переймѣ.

Перше було нашому брату добре: явъ узявъ палицю да струментъ, то ѣ пинювъ собі куді хочъ; ніхто не штавъ, хто ти такойъ и звѣди. А теперъ, то вже за свій станъ не ході, атó за калавѣромъ приставлять. Тоді не було сѣго, щобъ женітьця,

(*) *Переводъ.* — У меня въ дѣтствѣ была такая память, что лишь только кто споетъ, тотъ-часъ и перейму.

Нашему брату было прежде хорошо: взявъ палку и инструментъ (т. е. кобзу) да и ступай себѣ, куда вздумалъ. Никто не спрашивалъ: кто ты таковъ и откуда? А теперь, такъ ужъ за свой станъ не ходи,

(1) Дума, напечатанная подъ этимъ заглавіемъ въ сборникахъ г. Лукашевича и г. Метлинскаго, состоитъ только изъ нѣсколькихъ отрывочныхъ стиховъ.

або-що: нашъ брата увесь вікъ ходивъ ситий и вкритий. А теперъ хибá въ свою хату сховається...

Перша жінка въ менé була добра людина. Було, що зароблю, то вона її заховáе. Отъ и назбiравъ рубливъ пiвтораста (¹), та оцé хату и грiуть (²) купи́въ. Ха́та въ менé добра...

При тiй жiнцi одиньх сорочокъ изъ тридцять наживъ. И не питавъ, и не знавъ, дé вони и скiлькi. Скажешъ тiлько було: »Дай бiлу сорочку« — вона знайде її дасть. А цé вже ледáнцо! (³) Пóкн сижу́ дiма та стережу́, то її цiле; а скóро горiлки вкiпну́въ, або одлучи́всь, такъ усé її переводить. Сорочокъ изъ тридцять було — усé попрощивáла, тó-що. Оцé чвёртку со́ли купи́въ (¹), то за недiлю її нема. Богъ ёго знае, якъ миши́ її вику доживáть. Стáнешъ лiя́ть, — »Я«, ка́же, »тебé, сякiйи, такiйи си́ну, зашлю!« Такъ цуръ тоби́ її не́кь! »Я«, ка́же, »тебé, сякiйи, такiйи

ато представлять за карауломъ. Тогда не нужно было намъ ни жениться, ни что: нашъ братъ весь вѣкъ ходилъ сытъ и покритъ. А теперь развѣ въ своей хатѣ укроешься отъ непогоды...

Первая жена была у меня добрая душа. Бывало, что заработаю, она и спрячетъ. Вотъ и собралъ рублей полтораста (¹), да вотъ и хату, и *груить* (²) купилъ. Хата у меня славная...

При той женѣ одиѣхъ рубахъ нажилъ я до тридцати. И не спрашивалъ, и не зналъ, гдѣ они и сколько. Скажешь только бывало: »Дай чистую рубаху« — она сыщеть и дасть. А это ужъ такая дрянь! (³) Пока сижу дома да сторожу, то все и цѣло; а только лишнее выпнешь, или отлучишься, такъ и пошла транжирить. Рубахъ до тридцати было — все пропала, а не то — другимъ путемъ запропастила. Недавно вотъ купилъ четверку (⁴) соли; смотри — черезъ недѣлю ужъ и пѣту! Богъ знаетъ, какъ мыѣ и вѣкъ свой доживать. Станешь брашть, — »Я«, говоритъ, »тебя, сякой, такой ешь, подожгу!« Такъ ну тебя къ не-

---

(¹) Разумѣется, ассигнаціями. — (²) Земля подъ хатой, дворомъ, огородомъ и садомъ. Нахотная земля въ полѣ *грунтома* не называется. — (³) Т. е. вторая жена. — (⁴) Четверть пуда.

сїну, покїну!» Да її покїне леданїця. Отъ и теперъ ужé шість недѣль нема... А теперъ зновъ прителїшуетця до мене. Пришла оцé вчора: »Очпїї!»

»А що«, какъ »небóго? щё не все рознесла? Изновъ до мене, щобъ изновъ що потягті?»

Мовчїть, якъ сатана.

Такъ я взявъ, двері очпїївъ: »Дё ти була?»

»У дочкї.«

»Що якъ ти тамъ робїла? дё пробула, що ти своё время проходила? А теперъ на зиму до мене? Мпїї нема ні зимі, ні літа — я завжди въ работі. Поздоровъ, Бóже, мїръ — прощатæ мене. А ти дё валасала?»

Прїїде та овалашить що-небудь, та її пїїде. Спїжү самъ собі въ хатї, граю-граю — ніхтò не слухае. Хибá вїжечки, верёвочку звить увесé. А теперъ, якъ одробїлись у полі, до її тогò немае.

Падобно замѣтить, что Архипъ Никоенко пособлялъ своему пѣшю ремесломъ, болѣе нужнымъ для поселянъ: онъ ошунью вилъ веревки. Узнавъ объ этомъ, я отпустилъ ему нѣсколько фунтовъ неньки и заказалъ свить для меня длинную веревку. Когда работа была представлена, оказалось, что въ ней не до-

---

чистому! »Я«, говоритъ, »тебя, сякой, такой сынь, брошу!» И точно бросить негодная. Вотъ и теперь ужъ шесть недѣль, какъ ея нѣту.... А теперь опять присосѣживается ко мнѣ. Приходитъ вчера: »Отвори!» — »А что«, говорю, »годуоубка? еще не все растаскала? Опять ко мнѣ, чтобъ опять что-нибудь стащить?» Молчитъ, какъ сатана. Вотъ и дверь отворилъ: »Гдѣ ты была?» — »У дочки.« — »Что же ты дѣлала тамъ? гдѣ ты все это время пробродила? А теперь на зиму ко мнѣ? У меня нѣтъ ни зимы, ни лѣта — я всегда въ работѣ. Даи Богъ здоровье мїру — прокормить меня. А ты гдѣ шлася?» Придетъ, стащить что-нибудь да и была такова. Спїжү одинъ себѣ въ хатѣ, играю на кобзѣ — никто не слушаетъ. Развѣ кто-нибудь возжи, или веревку свить принесеть. А теперь, какъ покочили въ полѣ работу, такъ и того нѣту.

ставало одной трети вѣсу противъ пеньки. Бѣдный Архимъ былъ этимъ до-того встревоженъ, что не могъ пропѣть думы, безъ того чтобы не останавливаться и не размышлять для себя и для слушателя въ такихъ и подобныхъ выраженіяхъ :

(*) Хто жъ се въ менѣ їхъ підчистивъ? (¹)... Воно її берє, да не заразомъ, а потрошку. Відно, берє, да не дурень — розумний: щобъ я її не пізнавъ ще. Саме мѣшице, а жмиць шість пропало. Ойі сукниної шельми собачи необашної! Колибъ мни єго піимать да провчить — воно бъ тоді одеахнулося. Одного я провчивъ. Отъ, якъ о святому Миколіі... дай, Бѣже, дождать на той годъ... украдено въ менѣ не багато — пудъ три сала! Давайі я събать, давайі събать, — людѣй поить та випитувать; бо такъ пельзя: дурно ніхто не признається... Послѣдні тенеткы розобрано... Отъ и найшовъ. Такъ вінъ хату та городъ продавъ, та мни її зацлативъ....

Богъ єго знає, до чого менѣ Богъ доведє. Якъ не зароблю, то лежатиму, поки и онухну. На Бѣга надїєся, а Богъ нічого не дасть. Правда, воно її сказано, що, каже, робїи, небѣже, то и

(*) *Переводъ.* — Кто жъ это ихъ у меня подчистилъ? (¹) Кто-то беретъ, да не разомъ, а понемножку. Не дуракъ, видно, беретъ, а умникъ: чтобы я и не узналъ. По малой мѣрѣ, горстей шесть пропало. А, безсовѣтная собака! когдабы мнѣ поимать да проучить — такъ онъ бы отсталъ отъ меня. Одного этакого я проучилъ. Вотъ, дай Богъ дождать на тотъ годъ, о святомъ Николаѣ, украли у меня — пустяки — пуда три сала! Ну я некачь, ну некачь, людѣй понтъ да выспрашивать: даромъ, вѣдь, никто не признается... Последнее рубище растаскали.... Ну, и пашель. Продавъ онъ хату да огородъ, и зацлатилъ мнѣ....

Богъ знаетъ, до чего доведеть Онъ меня. Какъ не заработаю, то буду лежать, пока и онухну. Правда, оно и сказано: *Робїи, небѣже, то и Бѣгъ помодже.* Было у меня небольшое хозяйство, и то распол-

---

(¹) Кто украсть *конѣли* (пеньку)?

Богъ поможє. Хазійствечко булò, и тє ростєвлєся... Дòбрє, якъ кому є приглєдїть, а якъ немà, то не трєба тобї ничòго, якъ на тобї сорьчка. Ходї, пòки є хрєбтà снадє, да тодї дрўгу ськай...

Тутъ дїтки малєнькї, а тутъ щє ї тїмъ пристязіють: хлòнець бувь годъ чотирїадцятї, тогò взялі, нанялі за подўшне. Ось остàлась оцї Явдòшка; пїятїй годòкъ... Малє, та якъ щò грўбє скàжєшь, то цїлій дєнь и немàє. Воно ї тутъ бўдє, два ступнї одъ мєнє, та не озвєтця. Трєба ї тутъ терпїть. Лїудє сєрдїтымъ мєнє рòблять. «Слїшїї», кàжуть, «та сєрдїтнїї.» Пєршє годъ двадцятъ чужїхъ наймàвъ, щòбъ водàли; ну, а вони не булі такї, якъ свої. Хлòнець булò мїї у рївъ у такїї увоирє, щò стану — сàжєнь косовїїї, та ї рукою не достану...

Чи оно такъ и свєрну булò, якъ Христòсь не пародївєся? Кàжуть, тодї нї пісєнь, ничòго не знàли. А якъ пародївєсь Христòсь, то котòрї догаднївї бувàли та христїлись, такъ святїми стàли; котòрї якъ пловàли, то кàмїнемъ стàли. Звїсно, жàлї якъ звїрь; то якї тутъ піснї?.....

злòсь. Хорошо, когда есть кому приемотрѣть, а какъ некому, то не пужно чєловѣку ничєго, крòмъ рубàхи. Ходї, пока свалїтєся є хрєбтà, а тогдà нїщї дрўгой...

Тутъ малєнькїя дѣтки, а тутъ щє и тѣмъ прїжїмають: былъ мальчикъ лѣтъ чєтырїадцятї — взялі да нанялі за подушное. Тєпєрь остàлась вòтъ Явдòшка; пїятїй годòкъ... Малòтка, а скàжєшь чтò-нїбòдѣ грўбòє, такъ и изчєзнєтъ на цѣлїй дєнь. Она здѣсь жє булєтъ, вь двухъ шагàхъ отъ мєня, да не отклїкнєтєся. Надò и тутъ терпїть. Людї мєня сєрдїтымъ счїтають. «Слѣпой», гòворятъ, «да сєрдїтой.» Прєждє, лѣтъ двадцятъ нашїмàль я чужїхъ дѣтєй водїть мєня, но тѣ не булі такъ злы, какъ свои. Мої мальчикъ бывàло затащїть мєня вь такòї рòвъ, чтò стану, подшїму руку — косая сажєнь, да и рукою не достану....

Такъ ли оно было и прєждє, когда Христòсь не родїлся? Гòворятъ, тогдà не знàли нї пїсєнь, ничєго. А какъ родїлся Христòсь, тогдà — ктò

Про всё мнѣ байдуже, а кобзи якъ-бѣ на недѣлю не было, такъ я и горы топлю. А за жінкоюб айдуже. Иногда и въ-ночі вѣтану — граю собѣ, граю.....

Теперь, бачте, малѣ старці настали — ничѣго не тямлять. Стань ёго вчить, то оно ѣ слухать не хоче. «Сек», каже, «всѣ брехня (1). Ваши напощѣ брехали, и вы брѣшете.» А якъ колѣ, то, понавши кашого брата на шляху, и понебьютъ. Яка жъ оно брехня, колѣ оно такъ именно было? а они не тямлять, та ще ѣ пашъ собивають. Колѣсь такъ было, що намъ казано на глумъ, а ми беремо на умъ: що паше бѣ то на шутку, а ми всё замѣчаемо....А теперь прѣйде до тебѣ вчитьця.... Якъ же ёго вчить, колѣ оно.....? Отѣ добре было, якъ ми покѣрні були: що намъ скаже на глумъ, а ми беремо на умъ. Ато якъ вѣвчница, якъ хлѣба выпросить, то ѣ потягне собѣ... Посадить было коло себѣ ...такъ якъ оцѣ сидѣтъ, такъ и я сяду. Хотя и не га-

---

понялъ дѣло да крестился, тотъ свѣтымъ сдѣлался; а кто плевалъ, тѣ обратились въ камни. Извѣстно, жили, какъ звѣри: какія жъ тутъ пѣсни?

Все мнѣ ни по чемъ, а кобзы пусть только недѣлю при мнѣ не будетъ, такъ *я и горы топлю* (Богъ знаетъ что готовъ дѣлать). А о жепѣ мало мнѣ заботы. Иногда встану и ночью, и всё напгрываю себѣ....

Теперь, видите, малые шидѣ настали — ничего не смыслятъ. Станешь его учить, а онъ и слушать не хочетъ. «Это», говоритъ, «всѣ вздоръ (1). Ваши отцы врани, и вы врете.» А иной разъ, поймавши нашего брата на дорогѣ, и поколотятъ. Какой же это вздоръ, коли оно именно такъ было? А они не смыслятъ, да еще и бьютъ насъ. Когда-то водилось такъ, что намъ говорили шутя, а мы лотали на усь.... А теперь прѣдетъ учиться къ тебѣ.... Какъ же его учить, когда онъ...? Тѣ было хорошо, что мы были послушны: намъ скажутъ *на глумъ*, а мы беремъ на умъ. Ато, лишь только выучится, какъ выпросить хлѣба, такъ и побрелъ себѣ... Посадить бывало кобзарь меня возлѣ себѣ... такъ вотъ какъ Явдонка сидѣтъ, такъ и я сяду. Хотя и не хотѣлось тогда слу-

---

(1) Говорится о думахъ и историческихъ пѣсняхъ.

раздъ было слухать (1), а теперъ и тѣ дѣбре, и тѣмъ зарѣбнишь конійку. Чи скаже що, чи ні — тершишь; а теперъ дитини рідної не павчишь, такъ у свѣті настало. Одинъ Богъ, одні люди, да не одинаково станѣвѣтця.»

Вотъ вамъ живая, хоть очень краткая, повѣсть объ одномъ изъ вымирающаго всё болѣе и болѣе поколѣнія пѣвцовъ, которыхъ Архипъ почитаетъ великими, называя своихъ современниковъ *малыми*. Смерть его нанесла великій ущербъ Малороссійской этнографіи. По немногимъ записаннымъ мною отрывкамъ его рѣчей можно предполагать, сколько добра скрывалось въ его головѣ, сокрушенной горемъ и пуждою.

Я записалъ отъ него не одну, а нѣсколько думъ, но только въ одной, кромѣ одной, пѣвѣтны уже печатно. Впрочемъ Архипъ нѣтъ ихъ съ весьма интересными измѣненіями и дополненіями, и потому я помѣщаю ихъ здѣсь въѣ.

1.

ДУМА О КОЗАКѢ ГОЛОТѢ. (*)

Ой полемъ, полемъ Киліієвскимъ,
То шляхомъ бітимъ Гордієвскимъ,
Ой тамъ гулявъ козакъ Голота.

шать, а теперъ и тѣ хорошо, и тѣмъ конейку зарабатываешь. Скажетъ ли суровое слово — тершишь бывало; а теперъ родного дитяти не научишь, — такъ стало на свѣтѣ. Всё тотъ же Богъ, всё тѣ же люди, да не попречному щедъ все на свѣтѣ.

(*) *Переводъ*. — По Киліієвскому полю, по Ордынской дорогѣ гулялъ козакъ Голота. Не бонтея онъ ни огня, ни меча, ни болота. На козакѣ

---

(1) Т. е. скучно. Говорится о думахъ, которыя и для самого Архипа были уже темны, и потому казались чѣмъ-то страшнымъ.

Не боїтя ні огня, ні мечя, ні третєго болѣта.

Правда, на козакѣ шати дорогїі —

Три семирязи лихіі :

Однá недѣбра, другá негѣжа,

А третя ѣ на хлѣвъ незѣжа. (¹)

А ще, правда, на козакѣ постолї вязѣвї,

А опучи китайчанї —

Щїрї жїноцькї ряднїи:

Волѣки шовкѣвї —

Удвоє жїноцькї щїрї валѣвї. (²)

Правда, на козакѣ шанка бїрка,

Звѣрху дїрка,

Травѣю пошїта,

Вїтромъ подѣита,

Кудї вїє, тудї ѣ провїває,

Козакá молодѣгѣ прохолождає.

То гуляє козакъ Голѣта, погуляє,

Шї гѣрода, шї селá не займає, —

На гѣродь Кїлїю поглядáє.

У гѣродї Кїлїї Татаринъ сидїть бородáтїй,

По гїрнїцахъ похажáє,

одежа дорогая — три ветхїя сермяги: одна негодная, другая дрянная, а третья и на хлѣвъ швырнуть не стѣнть. На козакѣ запти вязовые, а опучи китайчатя — изъ настоящей женской дерюги; оборы шелковыя — изъ чистаго женскаго *валу* вдвое. На козакѣ шанка бѣрашня — сверху дыра; травою шанка шита, вѣтромъ подѣита; куда дуетъ, туда и продуваетъ, молодого козака прохлаждаетъ.

Гуляетъ козакъ Голѣта, погуливаетъ, ни гѣрода, ни селá не трогаетъ, на гѣродь Кїлїю поглядываетъ. Въ гѣродѣ Кїлїї Татаринъ сидитъ бородатїй. Онъ по гѣрнїцамъ похаживаетъ, съ Татаркой разговариваетъ.

(¹) Ужѣ ѣ запынуть неспособна. *Примѣчанїє ильца.*

(²) Козакъ прибрáвсь на прочѣдо; славу своѣ пускавъ на весь свѣтъ. *Пр. и.*

До Татáрки слова́ми промовляе:

»Татáрко, Татáрко!

Ой чи ти думаешъ те, що я думаю?

Ой чи ти бачишъ те, що я бачу?»

Ка́же: »Татáрине, ой, сидий, борода́тий!

Я тільки бачу, що ти передо мно́ю по гірнина́хъ положа́єшъ,

А не знаю, що́ ти думаешъ да гада́єшъ.»

Ка́же: »Татáрко!

Я те́ бачу: въ чисті́мъ полі́ не оре́ль літа́є:

То коза́къ Голо́та до́бримъ коне́мъ гуля́є.

Я ё́го хочу живце́мъ у ру́ки взяти́

Да въ го́родь Кили́ю запрода́ти,

Ще́ ажъ нимъ передь вели́кими пана́ми баша́ми вихваля́ти.

За ё́го мно́го черво́нихъ не лі́чачи бра́ти,

Дороги́й су́кна не мі́рячи пощита́ти.»

То те́е промовля́є, — доро́ге пла́тте надіва́є,

Чо́боти обува́є,

Шлі́къ ба́рхотни́й на сво́ю го́лову надіва́є,

На ко́ня си́дає,

Безпе́чно за козако́мъ Голо́тою ганя́є.

То коза́къ Голо́та до́бре коза́цьки́й зви́чай зна́є, —

Ой на Татáрину скрива́, якъ во́вкь, погляда́є.

ваєть: »Думаешь ли ты, Татарка, о томъ, о чемъ я думаю? видишь ли ты, что́ я вижу?» — »Нѣтъ, сѣдой, борода́тый Татари́шъ, я вижу толь-ко, что ты по горни́цамъ похажива́ешь, да не знаю, что́ замышля́ешь.»

»Я вижу, Татарка, не орелъ въ чистомъ полѣ́ летаетъ: то коза́къ Голо́та на добромъ конѣ́ гуляетъ. Хочу я живьемъ его́ взять и въ го́родь Кили́ю продать, хочу похва́стать имъ передь вели́кими пана́ми пана́ми и на́брать за него́ черво́нецъ безъ счету́ и доро́гихъ суко́шъ безъ мѣры.»

Сказавъ, и въ доро́гое пла́тье одѣва́ется, въ сапо́ги обува́ется, на го́лову надѣва́етъ ба́рхатну́ю ша́пку, садится на ко́ня и безне́чно гоня́ет-ся за коза́комъ Голо́тою.

А коза́къ Голо́та хоро́шо коза́цьки́й обы́чай зна́етъ; онъ посматри-

Каже: »Татарине, Татарине!
На віщо жь ти вѣжишь:
Чи на мою ясненькую збрѳю,
Чи на мого коня вороного,
Чи на мене, козака молодого?»

»Я«, каже, »вѣжу на твою ясненькую збрѳю,
А ще лѳчче на твого коня вороного,
А ще лѳчче на тебе, козака молодого.
Я тебе хочю живцемъ у рѳки взѳти,
Въ городъ Килию запродати,
Передъ великими панѳми башѳми вихвалѳти
И много червѳнихъ не лѳчачи набрѳти,
Дорогѳи сѳкна не мѳрячи пощитѳти.«

То козѳкъ Голѳта дѳбре звѳчай козѳцький знае,
Ой на Татарина скрѳива, якъ вѳвкѳ, поглядѳе.

»Ой«, каже, »Татарине, ой сѳдѳий же ти, бородѳтѳий!
Либѳнь же ти на рѳзумъ небагатѳий:
Ще ти козака у рѳки не взявъ,
А вже за ѳго ѳ грѳші пощитѳвъ.
А ще жь ти мѳжъ козакаѳми не бѳувѳвъ,

васть сѳ-искоса, какъ волкъ, на Татарина и говоритъ: »На чтѳ ты, Татаринь, мѳтишь: на мою ли блестящую сѳрую, на моего ли вороного коня, или на меня самого, козака молодого?»

»Я«, говоритъ, »мѳчу на твою блестящую сѳрую, а еще больше на твоего коня вороного, а еще ѳльше на самого тебя, козака молодого. Хочу я тебя взять живьемъ и продать въ городъ Килию, хочю похвастать тобой передъ великими панами пашами и набрѳть за тебя червонцевъ безъ счету, а дорогѳхъ сѳконѳ безъ мѳры.«

А козѳкъ Голѳта хорошо козѳцкѳй ѳбычай знаетъ: онъ посматриваетъ сѳ-искоса, какъ волкъ, на Татарина: »Эй ты«, говоритъ, »сѳдой, бородѳтѳий Татаринь! не богатъ, видно, ты умѳмъ-разумѳмъ: еще ты козака въ руки не взялъ, а ужь и деньги за него сосчиталъ. Не бывалъ, вѳрно, ты еще между козаками, не вѳдалъ козѳцкѳй кашѳи и не знаешь козѳцкихъ ѳбычаевъ.«

Козацької кáши не ідавъ
И козацькихъ звичáївъ не знаєшь.»

То тée промовлявъ,
На приєшкахъ стáвъ,
Безъ мiри пороху пiденнає,
Татарину гостiнця въ грúди послає.
Ой ще козацькь не примiрiвся,
А Татаринь якъ лухii мáтерi съ коня покотiвся.
Вiнь ёму вiри не донiмáє,
До ёго прибуває,
Кéсепомъ мiжii плечи грiмáє,
Колi жъ оглédитця, ажъ у ёго ii дýху немає.
Вiшь тодi дóбре дбавъ,
Чóботи Татарьскi пeтягáвъ,
На свої козацькi пòгн обувавъ;
Одéжу пeтягáвъ,
На свої козацькi плèчи надiвавъ;
Бáрхотиний шлiкъ издiймáє,
На свою козацьку гòлову пади́вáє;
Коня Татарьского за поводi взявъ,
У гòродъ Сiчii при́навъ, (¹)
Тамъ собi пьє-гуляє,

Сказавъ и привсталъ на стременахъ; подсыпавъ пороху не мѣрючи и послалъ въ грудь Татарину гостинецъ. Еще козацькь и не прицѣплялся, а ужъ Татаринь къ печистому съ коня свалился. Тотъ однакожь ему недовѣряеть, приближается и бьетъ его чеканомъ въ спину; посмотрѣль— съ него и духъ вопъ. Тогда онъ принимается за дѣло: сапоги съ него стащилъ и на свои козацькiя ноги надѣлъ; одежку съ него стащилъ и на свои козацькiя плечи натянулъ; бархатную шапку снялъ и на свою козацьку голову надѣлъ. А Татарскаго коня взялъ за поводъ и прибылъ въ въ городъ Сѣчь (?). Тамъ пьетъ, гуляетъ и Килійское поле славить:

(¹) Бóже! дè тi гòродi, не знаємо, а бачь, слава ажъ дiть де хóдить! *Пр. п.*

Пòле Киліміське хвãдить-вихвалїє :

»Ой пòле Киліміське !

Бодай же ти лїто й зїму зеленїло ,
Якъ ти менє при пещаслївій годїні сподобїло !

Дай же, Бòже, щòбъ козаки шли та гуляли ,

Хорòші мїсли мали ,

Одъ мене бїльшу дòбичу брали ,

И неприятеля пїдъ нòзі топтали !«

Слãва не вмерє, не поляже,

Отнїші до вїка !

Даруй, Бòже, на многї лїта !

2.

ДУМА О ВДОВѢ И ТРЕХЪ СЫНОВЬЯХЪ. (*)

Ой якъ на слãвній Україні,

Та въ слãвнїмъ горòді у Крыловї,

Тамъ жила старã жена удовã

И мїла въ себє три синї,

Якъ ясні соколї.

Зъ малїхъ лїтъ до великого зрòсту (1) кохãла-годувала,

»О, будь же ты, Килийское поле, лѣтомъ и зимою зелено, какъ мнѣ посчастливилось на тебѣ въ трудное время! Дай Богъ, чтобъ козаки шли да гуляли, добро замышляли, еще больше добычи добывали, неприятеля погами топтали!«

(*) *Переводъ.* — На славной Українѣ, въ славномъ городѣ Крыловѣ, жила старушка вдова, и было у ней три сына, какъ три ясныхъ сокола. Съ малыхъ и до совершенныхъ лѣтъ она ихъ лелѣяла, кормила, чужимъ

---

(1) Бачте, до совершенного умã бь то. Такъ попросту вонò. *Пр. н.*

Чужімъ рукáмъ на потиранне не давала,
Слáви-пáмяти сподівáлась.

Сбóро сині порослі,
Усі три до рóзуму дійшли,
Усі три кóні посідáли
И на рíнокъ Крилівський гулять поїжджáли.
По рíнку Крилівському проїжджáли.
Ні дóброго, ні худóго не видáли; (1)
У домівку приїжджáли,
Ой у домівці не велику зáзнобку счинíли —
Мáтку старéньку зъ двора вигонíли:
»Иди ти, мáти, де йнде пробувáти,
Хлѣба-сóли спокóйно вживати,
Бо бóдуть, мáти, вь насъ, жéни молодіи,
Дітки малéнькїи,
Бóдешь ти їхъ проклинáти —
Ой не бóдуть вони щáстя й дóлі собі мáти.
Атó ти йди де йнде пробувáти,
Хлѣба-сóли спокóйно вживáти.«

То мáти се зачувáє,

рукамъ прикасається къ нимъ не давала, надѣялась оставить по себѣ добрую славу и память.

Когда сыновья выросли и все трое достигли полного разума, сѣдлали они коней и выѣзжали гулять на Крыловскій рынокъ. Проѣхавъ по Крыловскому рынку, не видали ни добра, ни худа и воротились домой; а воротясь, не больно старую мать огорчили — только со двора прогнали: »Ступай, матушка, въ иное мѣсто проживать и спокойно хлѣбъ-соль кушать: будутъ у насъ молодыя жены и малыя дѣти, а ты станешь ихъ проклинать, и не будетъ имъ ни счастья, ни доли. Такъ лучше ступай себѣ въ иное мѣсто проживать и спокойно хлѣбъ-соль кушать.«

Слышитъ это мать, идетъ со двора, спотыкается, за слезами Божьяго

---

(1) Не знавши, видно, съ кимъ ни бѣгъця, ни боротьця. *Ир. н.*

Цде зъ двора, спотикаѣтца,
За слезами свѣта Божого не видае,
Синивъ своїхъ кленѣ-проклинае:

Бодай же васъ, сини мої, бѣдні вдовиченки, у полі

Побило разомъ три недолі:
Щобъ васъ перва доля побіла —
Щобъ Богъ хлѣба не вродивъ;
А дрѹга доля щобъ побіла —
Щобъ не стали васъ люде знати,
Добримъ словомъ покликати;
Трѣтя доля щобъ побіла —

Щобъ ви у своїй домівці на промешканні щастя й долі не мали!»

То десь узявся близькій сусіда,
Матку стареньку пзъ землі підіймае,
Хустку своєю зъ кишені винімаеть,
Вдові старій слези втирае:
»Иди ти, мати, до мене пробувати,
Хлѣба-солі спокійно вживати.
Будешь ти насъ на все добре наущати,
Будемъ ми тебе шанувати й поважати.«

То мати йде, спотикаѣтца,

свѣта не видить, сыновеї своихъ проклинаеть: »Пускай васъ, дѣти мои бѣдныя, постигнутъ въ полѣ три бѣды: первая бѣда — чтобъ вамъ Богъ хлѣба не уродилъ; другая — чтобъ люди перестали съ вами знаться и съ добрымъ словомъ къ вамъ отзываться; а третья — чтобъ вы дома въ въ своемъ житѣѣ - бытѣѣ счастья - доли не знали!»

Какъ вотъ откуда ни возмись близкой сосѣдъ; онъ поднимаетъ старую мать съ земли, вынимаетъ изъ своего кармана платокъ и отираетъ ей слезы: »Поди, матушка, ко мнѣ на проживанье; ты будешь у меня спокійно хлѣбъ - соль кушать, будешь насъ учить всему доброму, а мы будемъ тебя почитать и уважать.«

Идетъ мать, спотыкается, за слезами Божьяго свѣта не видить. А

За слёзáми свѣта Бóжого не видáе.

А снѣ сидѣть найменшій, у кватѣрку поглядáе,

Пзъ мáтки старéнької насмѣхáетця.

»Ой дивѣтця«, кáже, »братця :

Либóнь же нáша мáти старá попередъ нáсь у Жѣнда-рандаря пробувáла,

Дóбору горѣлку попивáла :

Не дýрио йде, спотика́етця: (¹)

Підъ плечéмъ пляшку несé, абó, мóже, й дрўгу.« (²)

То живўть синї годь, абó двá, абó й трї.

Зáразъ імъ Богъ погодивъ —

У полї хлѣбъ не вродивъ.

Зáразъ дрўга ихъ дóля побѣла —

Не стáли ихъ люде знáти,

Дóбримъ слóвомъ поклѣкати.

Третья дóля ихъ побѣла —

Ой не стáли вони въ домівцї на промешкáнні зъ молодими жéнами щáстя
й дóлі собї мáти.

То въ недѣлю рáно-поранéньку,

меньшой сынъ сидѣть да посматриваеъ въ *кватѣрку* (форточку) и подсмѣивается надъ старой матерью: »Посмотрите«, говоритъ, »братцы: видно, наша старуха прежде насъ гостила у Жѣнда-арендатора и пила добрую водку: не даромъ идучи спотыкается. Вѣрио, подъ мышкой тащитъ фляжку, а пожалуй и двѣ.«

Живутъ сыновья годъ, два, или три. Тотъ-часъ Богъ ихъ наградила — въ полъ хлѣбъ не уродилъ; тотъ-часъ другая бѣда ихъ постигла — не стали съ ними люди знаться и съ добрымъ словомъ къ нимъ отзываться; и третья бѣда ихъ постигла — не было у нихъ дома счастья съ молодыми женами.

И вотъ рано утромъ въ воскресенье не буйный вѣтеръ шумѣлъ, не

(¹) Вѣнь-то дýмавъ, що до сусїди йде, то вже зъ пляшкою. *Пр. н.*

(²) Опъ за що ёмý стáло знáно! *Пр. н.*

Не буйні вітри шуміли,
Не дрібні дощики накрапа́ли,
Якъ біди вдовиченки у сво́єму дворі гомоніли.
»Ходімо,« ка́же, »ми, бра́тте, у чужій двір
Да упадемо ма́тері старе́вській крижёмъ до пігь.

По́ки ми ма́тірь свою́ поважа́ли,

По́ти намъ Бо́гъ годивъ ;

А не ста́ли ми ма́тки старе́вско́ї зна́ти,
За́разъ насъ пер́ва до́ля побі́ла —

Бо́гъ хлі́ба не вродивъ ;

А дру́га до́ля насъ побі́ла —

Не ста́ли насъ лю́де зна́ти ,

И до́бримъ сло́вомъ покликáти ;

Тре́тя насъ до́ля побі́ла —

Не ста́ли ми въ до́мівці на промешка́нні зъ молоді́ми же́нами ща́сти
й до́лі собі ма́ти.

То йди́ ти, ма́ти, до насъ, старáя, пробу́вати,

Споко́йно хлі́ба-со́ли виживáти.

Ми своі́хъ б́удемъ же́нь наущáти ,

Що́бъ на тебé не нарі́кали.«

То ма́ти старáя, ой, до Бо́га р́уки здійма́є :

«Ой не услы́дай, Го́споди, кля́твби мо́єї,

частый дождикъ крошилъ: то бѣдные вдовицы сыновья на своемъ дворѣ говорили: »Поидемъ, братцы, на чужой дворъ да падемъ старой матери крестомъ къ ногамъ. Пока мы свою мать уважали, до тѣхъ норъ и Богъ намъ помогалъ; а какъ отреклись мы отъ своей матери, тотъ-часъ насъ первая бѣда постигла — Богъ хлѣба не уродилъ; и другая бѣда насъ постигла — перестали съ нами люди знаться и съ добрымъ словомъ къ намъ отзываться; а третья бѣда насъ постигла — нѣтъ намъ дома счастья съ молодыми женами. Такъ воротись ты, старушка матушка, къ намъ на проживанье, кушай спокойно нашу хлѣбъ-соль, а мы станемъ наставлять своихъ жень, чтобъ тебя не цопрекали.«

Тогда старушка мать къ Богу руки подымаетъ: »Боже! не виждай

Що я своїхъ синівъ клялѣ-проклина́ла :
У своїй голові великий прасунокъ ма́ла.»

Заразъ імъ Богъ погодивъ —
У полі хлібъ уродивъ.
Заразъ їхъ стали люде знати,
Добримъ словомъ поклика́ти.
Стали вони въ доми́вці на промешка́нні щасте й до́лю собі ма́ти.

3.

ДУМА О СЕСТРѢ И БРАТѢ. (*)

Ой у неділю рано-пораненьку,
Ой то ранніми зорями,
То не сіва зозулька закувала,
То не дрібна пташка щебетала,
Якъ сестра до брата на чужу чужину
Добримъ здоровьямъ поклонялася;
Ой кватірочку очиняла,
Словами промовляла,
Слезами ридала:
»Братіку мій рідний,

моей клятвѣ, что проклинала я своихъ сыновей: у меня въ головѣ была тогда великая досада.»

И тотъ-часъ Богъ ихъ наградила—въ полѣ хлѣбъ уродилъ; тотъ-часъ люди стали съ ними знаться и съ добрымъ словомъ къ нимъ отзываться, и счастливо зажили они дома.

(*) *Переводъ.* — Въ воскресенье рано поутру, на зарѣ, не сѣрая кукушка куковала, не мелкая пташка щебетала: то сестра брату на чужую сторону привѣтъ посылала. Отворила окно и говоритъ со слезами: »Братецъ мой родной, голубчикъ мой сизокрылой! навѣсти меня на чужой сторонѣ, при моемъ горькомъ гореваньи.»

Якъ голубоцько сізній!
Прибу́дь ти до мене,
Одвідай ти мене
На чужій чужині,
При злій хуртовині,
При нещастливій годині.«

»Сестро«, ка́же, »мила,
Родіно серде́шна!
Не могу́ я до тебе прибува́ти:
Я прожива́ю за те́мними луга́ми,
За широ́кими поля́ми,
За бистрі́ми ріка́ми.«

»Бра́тіку мила́й,
Якъ голубоцько сізній!
Прибу́дь же ти до мене.

Те́мніі лу́женьки ясне́нькимъ соко́ленькомъ перелеті,
Широ́кіі поля́ мали́мъ-невели́кимъ перепе́льоцькомъ перейді,
Бистрії́ річенцьки й озе́ра білимъ лебе́донцькомъ переплыві;
Сядь-паді́ у мої́мъ дво́рі сі́вимъ голу́боцькомъ,
Голо́вку скло́ні,
Жали́бнецько загу́ді. (1)

»Сестра моя милая, сестра родная, сердечная! не могу я тебя навѣстить: я живу за темными лѣсами (2), за широкими полями, за быстрыми рѣками.«

»Братецъ мой милой, голубчикъ мой спозкрылой! темные лѣса яснымъ соколомъ перелети, широкія поля малымъ перепеломъ перейди, быстрыя рѣки бѣлымъ лебедемъ переплыви; пади сизымъ голубемъ на

---

(1) Богъ ёго знае, якъ би то: затужіть? *Пр. п.*

(2) Въ подлинникѣ *лугами*; но лугомъ называється въ Украинской народной поэзии и то, что *мы* разумѣемъ подъ Великорусскимъ словомъ *лугъ*, и лѣсъ, растуцій на низменныхъ, прирѣчныхъ мѣстахъ. Здѣсь слово *лугами* употреблено въ послѣднемъ значеніи.

Нехай я буду виходати,
Ой по голосу позивати,
Родиною сердешною називати,
И на хлѣб на сѣль закльвати,
И на здоровье тебе, брата, буду питати.»

»Сестро«, каже, »мила,
Родино сердешна!
Ой сподивайся мене тоді въ гѣсті,
Якъ будуть о Пѣтрі бистрій ріки-озѣра замерзати, (1)
Объ Різдівѣ калина въ лузі процвітати.
Пойди ти, сестро, до тихого Дунаю,
Возьми ти, сестро, піску у білу рѣчку,
Посій ти, сестро, на каміню:
Коли той буде пісокъ на білому камені зіхожати,
Синімъ цвѣтомъ процвітати,
Хрещатимъ барвінкомъ біленький камінь устилати,
Разними красними цвѣтами украшати,
Тоді, сестро, буду до тебе въ гѣсті прибувати,
Твогѣ життѣ при бѣдности доглядати.»

»Братіку«, каже, »милий,

моемъ дворѣ, головку склони, жалобно заворкуй. Я выйду, узнаю тебя по голосу, назову близкимъ сердцу роднымъ, зазову на хлѣбъ на соль и стану спрашивать тебя о здоровьи.»

»Сестра«, говоритъ, »милая, сестра родная, сердечная! тогда ожидай меня въ гости, когда о Петрѣ быстрыя рѣчки и озера станутъ замерзать, а о Рождествѣ калина на лугу расцвѣтаетъ. Поди, сестра, къ тихому Дунаю, возьми, сестра, въ бѣлую руку песку, посій его на камнѣ: какъ взойдетъ песокъ на бѣломъ камнѣ, зацвѣтетъ синімъ цвѣтомъ, устелетъ камень крещатымъ *барвінкомъ* и украситъ разными цвѣтами,— тогда, сестра, прибуду я къ тебѣ въ гости и стану заботиться о твоей убогой жизни.»

---

(1) А Богъ его знає, коли того й дождать. А будуть, кажутъ, комісь, замер-

Якъ голубошкѣ сізній!
Не теперъ я на погахъ стала,
Одъ старихъ людей приповісти такої не чувала.
Щобъ о Пётрі бистрії ріки-озера замерзали,
Щобъ объ Різді каліша въ лузі процвітала,
Щобъ жовтий пісокъ на білому камені зіжжавъ,
Щобъ синімъ цвітомъ процвітати,
Хрещатимъ барвишкѣмъ біленький камінь устилати,
Різними красними цвітами украшати:
А лишъ, братіку, тебе до віку не сподівати!
Якъ на празникъ хвалебень люде до церкви йдуть,
Якъ бжліві гудуть,
Чужі братіки зіжжаютьця,
Братъ изъ братомъ,
Сватъ изъ сватомъ, (1)
Кумъ изъ кумомъ,
Сестра зъ сестрою,
Однѣ зъ однимъ схажаютьця
И празникѣмъ хвалебнимъ поздравляютьця;
А мене плечѣ зъ плечѣмъ, полѣ зъ полѣю торкае,
И въ вічи не видае. (2)

»Братецъ мой милой, голубчикъ сизокрылой! не сей-часъ я встала на поги, но не слыхала отъ старыхъ людей, чтообъ о Пётрѣ быстрыя рѣки и озера замерзали, а о Рождествѣ каліша на лугу расцвѣтала, — чтобы желтый песокъ выходилъ на бѣломъ камнѣ, расцвѣталъ синимъ цвѣтомъ, устлалъ бѣлый камень крещатымъ барвишкѣмъ и украшалъ разными цвѣтами. Никогда мнѣ, мой братецъ, тебя не дождаться! На *хвалебный* празникъ люди въ церковь идутъ, какъ пчелы гудуть, сходятся братъ съ братомъ, сватъ съ сватомъ, кумъ съ кумомъ, сестра съ сестрою и поздравляютъ другъ друга хвалебнымъ празникѣмъ, а меня —

затъ річки о Пётрі. Бѣде, та тільки не за сіхъ людей; тоді бѣде, якъ світъ перемінитця. Люде перемінитця, и світъ перемінитця. *Пр. н.*

(1) Бачъ, якъ бѣ ужѣ тамъ — подумать — рідий: сватъ изъ сватомъ! *Пр. н.*

(2) Помісь би то не бачить. *Пр. н.*

Ой якъ у нашого отця та й матки шлі та ідали ,
Тоді насъ и куми, й нобратими дѳбре знали ;
А якъ насъ пришібла недѳбра година,
Одцуралась насъ близькая й далёкая, вся названая , сердёшная родина !
Тяжко« , каже, »братіку !...
Якъ птиці пернатій въ чистімъ полі безъ дрёва ночувати ,
Якъ тяжко та вѳжко живій рибі безъ воді проживати ,
Якъ тяжко та вѳжко білий камінь зъ сирѳй землі проти себе изняти , —
Ой такъ тяжко та вѳжко на чужій чужині безъ крѳвної родини помірати !«

4.

ДУМА О БУРѢ НА ЧЕРНОМЪ МОРѢ. (*)

Ой якъ на Чѳрному морі ,
Та на білому камені ,
Тамъ сидіть ясенъ соколенько,
Смѳтно має,
Жалібненько квілить-проквіляє,
На Чѳрнее морє сіє,
Далёко поглядєе,
Що на Чѳрному морю не дѳбре вчиняє :

хоть плечо плечомъ, полуолой задѳнетъ, — будто и въ глаза не видить. Какъ бывало у нашего отца и матери пивали, ѳдали, тогда насъ и кумовья, и приятели знали, а какъ пришібла злая бѳда, — отреклась отъ насъ близкая и далекая, вся названная, задушевная родня. И какъ пернатой птицѳ трудно въ чистомъ полѳ безъ дерева ночевать, какъ трудно живой рыбѳ безъ воды дышать, какъ тяжело бѳлый камень съ сырой земли на грудь поднять, такъ тяжело, такъ трудно на чужбинѳ безъ кровиноного родного умирать !«

(*) *Переводъ.* — На Черномъ морѳ, на бѳломъ камнѳ, сидитъ ясный соколъ ; сидитъ онъ смутенъ, жалобно стонетъ и смотритъ вдаль на Черное море, что на Черномъ морѳ не добро творится : поднимается

Противну філю зо дна мѳря знімѳе,
Судна козѳцькѳ на три чѳстѳ розбѳивѳе.
Перву чѳсть ввѳрвѳло,
Вѳ гѳрло Дунаѳське замчѳло;
Дрѳгу чѳсть увѳрвѳло,
У зѳмлю Орабѳську замчѳло; (1)
Трѳтю чѳсть увѳрвѳло,
Оѳ не знѳло, де подѳти,
Серѳдѳ Чѳрного мѳря утопѳло.

У тѳй чѳстѳ потопѳло два братѳ рѳднѳцькѳ,
Товѳришѳ сердѳшнѳ.
Що нѳ до кого припливѳти,
Опрощѳння принѳяти.
Тѳ два бѳратѳ одѳнѳ до однѳго припливѳли,
Опрощѳнне приймѳли
И словѳми промовѳляли,
Слѳзѳми рѳдѳли:

Оѳ не ѳсть то насѳ, бѳратѳ, на Чѳрному мѳрѳ супрѳтивна фѳля потопѳѳе,
А ѳсть то отцѳва-мѳтчѳна молѳтовѳ побѳивѳе-карѳе.
Намѳ отѳць-мѳти позволѳли однѳму вѳ вѳйсько вѳступѳти.
А дрѳгому дѳма хлѳба пахѳти.

противная волна со дна морского, разбиваетъ козѳцкѳя суда на три чѳсти. Первую чѳсть оторвало и вѳ Дунайское устье умчѳло; другую чѳсть оторвало — вѳ Арабскую землю унесло; третью чѳсть оторвало и, не зная, куда дѳвать, среди Чѳрнаго мѳря потопѳло.

Вѳ той чѳсти потопѳло два родныхъ бѳрата, два сердечныхъ товарища, и не бѳ кому имѳ приплыть, некому принести исповѳдь. Другъ кѳ другу они подплывали и со слезами исповѳдь творили: »Это, бѳратѳ, не противная волна на Чѳрномѳ морѳ насѳ потопѳляетъ, — это насѳ отцовская и материнская молитва карѳетъ. Отецъ и мать однѳму изъ насѳ

---

(1) Вѳ другой разъ онѳ пѳлъ:

По-за мѳремѳ розѳмчѳло.

А то ми, брата, недобре вчпняли —
Обидва коні посиддали,
У військо виступали,
Зь отцемъ, зь маткою опрощення не приймали,
Ще матку стареньку зневажали,
Стременемъ у груді одь коней одшихали.
То ще ми, брата, недобре вчпняли —
Мімо церкви святої проїжджали,
За гордостю, за пішністю зь главі шликá не здіймали,
На себѣ хрестá не покладали
И Бóга милосердного на помічъ не благали.
То ще ми, брата, недобре вчпняли —
По улицямъ добримъ кіньми гуляли,
Дітки маленькі кіньми розбивали, (1)
Кровь Християнську безневинно проливали.
Іхали ми городомъ-улицею,
Тамъ стояли три жѣни старенькі;
Може, думали та й гадали противъ насъ що добре сказати,
Да ми й тамъ за гордостю, за пішністю противнимъ словомъ одказали.

позволили въ войско вступитъ, а другому велѣли дома землю пахать: а мы, братъ, нехорошо поступили: оеѣдали коней, выѣхали въ войско, не простились съ отцомъ и матерью, да еще старую мать оскорбили — стрепенемъ въ грудь оттолкнули. И то нехорошо мы, братъ, сѣлали, что мимо святой церкви проѣзжая, по гордости и сѣбен шапки съ головы не сняли, креста нá себя не положили и милосердаго Бога на помочъ не призвали. И то нехорошо мы, братъ, сѣлали, что по улицамъ на добрыхъ коняхъ гуляли, малыхъ дѣтей топтали, кровь Християнскую безъ вины проливали. Ъхали мы городомъ-улицей; тамъ стояли три старушки, и, можетъ быть, онѣ хотѣли сказать намъ что-нибудь хорошее, но мы по гордости и сѣбен отвѣтили имъ грубымъ словомъ. Не спрашивали мы, гдѣ святая церковь, а спрашивали, гдѣ новая корчма. Другіе ко-

---

(1) Колись роскошъ булá и такимъ. *Пр. н.*

Не пита́ли цѣрквн свято́и
Да пита́ли корчмѣ повѣи.
Чужі козаки́ по цѣрква́хъ молѣбни́ пайма́ли,
А ми у ши́кѹ нѣемъ-гуля́емъ,
Та́нці-музи́ки пайма́емъ.
Коли́бъ да́въ Богъ на суході́ль виступа́ти,
Вже бѣ тепѣ́рь могли́ зна́ти,
Якъ свято́и цѣрквн не забува́ти,
Отця-ма́тку шті́ти и поважа́ти.»

Ста́ли вои́ отце́ву и ма́тчину моли́тву сохваля́ти,
Ста́ла на Чѣрно́му мо́рю супроти́вна фі́ля утиха́ти,
Ста́въ Госпо́дь ми́лосѣрдни́й і́хъ визволя́ти.
Вои́ то́ди до приста́ни прибува́ють,
За бі́лий ка́мніъ рука́ми хвата́ютця,
На суході́ль виступа́ють
И слова́ми промовля́ють :

»Кото́рий чоло́вікъ отца-ма́ті́рь ша́чуе-поважа́е,
Богъ ё́му ми́лосѣрдни́й помага́е;
Кото́рий чоло́вікъ отца-ма́тери не ша́чуе, не поважа́е,
Неща́сливи́й то́й чоло́вікъ бу́вае,
Та́къ вінъ а́би-де ма́рне пропа́дае.»

заки по церквамъ молебны панимали, а мы въ корчмѣ пили, гуляли, да музыку панимали. Когдабы Богъ намъ помогъ выйти на сушу, то теперь мы святой церкви никогда бѣ не забывали, а отца и мать почитали.»

Какъ начали они прославлять отцовскую и материнскую молитву, стала на Черномъ морѣ противная волна утихать, стала ихъ милосердый Господъ спасать. Прибываютъ они къ пристани, хватаются они руками за бѣлые камни, выходятъ на суходоль и говорятъ: »Кто отца и мать уважаетъ и почитаетъ, тому милосердый Богъ помогаетъ; кто жъ отца и матери не уважаетъ и не почитаетъ — нѣтъ счастья тому человеку! погибаетъ онъ безъ пути на свѣтъ!«

5. (1)

ДУМА О БѢГСТВѢ ТРЕХЪ БРАТѢВЪВЪ ИЗЪ АЗОВА. (*)

Якъ изъ землі Турецької,
Да зъ віри бесурмєнської,
Изъ гóрода изъ Озóва не піли-тумани вставали:
Тікавъ повчòкъ,
Малій-невелічòкъ, (2)
Тікало три братіки ріднєнькі, (3)
Три товариші сердєшні.
Два кіннихъ, третій піший-піхотінець,
За кінними біжить-підбігає,
Чòрний ножаръ підъ білі ноги піднадає,
Крòвь сліді заливає,
За стремєна хватає,
Словáми промовляє:
»Братте мїле, братте любе!
Хоть оди́нь ви милосєрде майте,
Опрáни кульбаки (4), дòбичь изъ кóней скида́йте,
Менє, брата піхотінця, міждо кòпї беріте,
Хочь мїлю верстє увезіте
И доріженьку укажіте.

(*) *Переводъ.* — Изъ земли Турецкой изъ вѣры бусурманской, изъ города Азова не пыль, не туманъ вставалъ: то уходилъ малый отрядецъ — три родныхъ брата, сердечные товарищи. Двое на коняхъ, а третій за ними пѣшкомъ подбѣгаетъ, по выжженной степи бѣлыми ногами ступаетъ, кровью слѣды заливаетъ. Хватаетъ онъ за стремєна, говоритъ онъ братьямъ: »Братья мои милые! пусть изъ васъ хоть одинъ надо мною сжалится: сбросьте вы съ коней дорогія сѣдла, возьмите меня, пѣ-

---

(1) Се все стародавні, неволницькі. *Пр. н.* — (2) Отò вже Богъ ёго знає, щò воно значить. *Пр. н.* — (3) Колись-то було охòтне вїйсько, такъ їх усіхъ трòхъ и збóрано. *Пр. н.* — (4) Хтò ёго знає, щò то було такє! *Пр. н.*

Нехай я б́уду знати,
Куди за ва́ми вь городі Християнські зь тяжкої невóли втікати.»

То старший братъ згóрда словáми промовляе :

»Чи подобенство, мій б́рате,
Щобъ я сво́е доб́ро Турецьке на шляху покидавъ,
Теб́е, трупъ, на коня бравъ?
Однáче ми самі не втечемо́,
Ні теб́е не ввеземо́.

Будуть Крїмці та Ногаїці, безбо́жні бусурме́ни,
Теб́е, пішого-піхотїиця на спочи́скахъ минати,
А насъ б́удуть кїшми доганїти
И наза́дъ у Турецькуну завертати.»

То братъ піший-піхотїинець за кінними бїжїть-підбїгае ,

Чорний пожаръ підь білі ко́ги підгортае,
Словáми промовляе :

»Братте любе, б́ратте міле!
Хочь одїнь же ви милосердее ма́йте,
Наза́дъ ко́ней завертáйте,
Зь піховъ ша́блі вийма́йте,

Мині, б́рату мѣншому, пішому-піхотїицю, зь плічъ гóлову здїймайте,

---

шаго, на коня, провезите меня хоть одну милю и укажите дорогу, чтобъ я зналъ, куда мнѣ за вами уходитъ изъ тяжелой неволи въ города Христїанскїе.»

На это старший братъ гордо отвѣчаетъ: »Сбыточное ли дѣло, братъ, чтобъ я свое Турецкое богатство по дорогѣ разбросалъ, а тебя, ни къ чему годнаго, на коня посадилъ? Равно мы и сами тогда не уйдемъ, и тебя не увеземъ. Быть можетъ, тебя, пѣшаго, безбожные бусурманы, Крымцы да Ногаїцы, минуютъ гдѣ-нибудь на отдыхѣ, а насъ, конныхъ, догонять и воротять въ Турецкую землю.»

Снова пѣший братъ за конными подбѣгаетъ, по черной выжженной степи бѣлыми ногами ступаетъ: »Братья мои милые! пусть хоть одїнь изъ васъ надо мною сжалится: поверните назадъ коней, выньте изъ ноженъ сабли, снимите мнѣ, пѣшему, голову съ плечъ, похороните въ чистомъ полѣ, не оставьте на поживу звѣрю да птицѣ.»

У чістому полі поховайте,
Звіру-птиці на поталу не подайте.»

То братъ старший згорта словами промовляє:

»Чи подобештво, брате, тебе рубати?

Одиаче шабля не візьме,

Рука не зведетьця,

Серце не осмілитця

Тебе рубати! (¹)

А якъ ти живъ-здоровъ будешъ,

Самъ у землі Христіянські увійдешъ.»

То братъ найменший, піший-піхотинець, за кінними біжить-підбігає,

Словами промовляє:

»Братте міле, братте любе!

Хочь одинъ же ви мплосердее майте,

Будете до тернівъ, до байраківъ прибігати,

Такъ у боки забігайте,

Віти тернові рубайте,

По шляху покидайте,

Мині, брату пішому-піхотинцю, на признаку давайте.»

То ставъ братъ старший та середульший до тернівъ, до байраківъ прибігати, —

У боки забігали,

Онять старший братъ гордо отвѣчаєть: »Сбыточное людѣло, братъ, рубить тебѣ голову? и сабля тебѣ не возьметъ, и рука не поднимется, и сердце не осмѣлится. А какъ ты живъ останешся, то самъ придешь въ города Христіянскіе.»

Снова меньшей братъ, піший, за конными подобѣгаєть: »Братья мои милые! пусть изъ васъ хоть одинъ надо мной сжалится! Какъ прибудете вы въ терновые буераки, то заѣзжайте по сторонамъ, рубите терновыя вѣтви, разбрасывайте по дорогѣ, оставаяйте мнѣ, пішому брату, прямѣты.»

(¹) Звісно, одна крѣвь. *Пр. и.*

Віти терпові зелені рубали,
Брату меншому, пішому-піхотійцю, призиваку давали.

Да ставъ же братъ найменший, піший-піхотіинець, до байраківъ прибігати,

Ставъ віти терпові знахожати,

У руки берє,

Къ сєрцю кладє,

Словами промовляє

И слєзами ридє :

»Боже мій милій, Сотворителю небєсний !

Видно, то мої братіки сюда зъ тяжкої невóли втікали,

Объ мнї велике старанне мали.

Колібъ мнї Господь помігъ зъ снї тяжкої невóли Озівської втігати,
Могъ би я своїхъ братіківъ при старості лїть шановати й поважати!»

То ставъ же братъ старший та середьльший на полівку избігати,

На степі високі, на великі дорогі росхідніі, — (1)

Не стало тернівъ да байраківъ рубати ;

До ставъ же братъ середьльший до старшого промовляти :

Приближаються старший и середній братья къ терновымъ буеракамъ, заїзжають по сторонамъ, рубяць зеленя вѣтви, оставляють меньшому, пішому брату примѣты.

Вотъ меньшей братъ, піший, подходитъ къ буеракамъ и начинаєть находить терновыя вѣтви. Онъ беретъ ихъ въ руки, прижмаєть къ сєрцу и говоритъ со слезами : »Боже мой милый, Творецъ небесный! сюда-то, видно, мои братья изъ тяжелой неволи уходили и обо мнѣ заботились. О, еслибы мнѣ помогъ Господь уйти изъ тяжелой неволи Азовской, — почиталъ бы и уважалъ я своихъ братьевъ въ ихъ старости!»

Выїзжають старший и середній братъ на поля, на высокія степи, на большія *расходныя* дороги, гдѣ уже не было больше терновника. Тогда середній братъ говорить старшему : »Спиземъ-ка, братъ, мы съ себя

(1) Въ другой разъ овъ пѣлъ :

На віщні степі Самарські, на шляхі Муравські избігати.

»Нумъ, бра́те, ми зъ себѣ зелєні жупáни скида́ти,
Черво́ну та жо́вту кита́йку видира́ти,
Пи́шому бра́ту, ме́ншому, на призна́ку поклада́ти;
Неха́й вінъ бідний знає, куди́ за на́ми, кіншми, тіва́ти.«

До ставъ же бра́ть ста́рший зго́рда слова́ми промовля́ти :
»Чи подобѣнство, бра́те, щобъ я свое добро́ Турецьке на шма́ткѣ дравъ,
Бра́ту ме́ншому на призна́ки дава́въ?
Якъ вінъ живъ-здоровъ бу́де,
Такъ са́мъ у зе́млі Христіянські, безъ на́шихъ призна́ківъ уся́кихъ,
прибу́де.«

До бра́ть середу́льший милосѣ́рде ма́е,
Изъ свогó жупáна черво́ну та жо́вту кита́йку видира́е,
По шляху́ стѣле-поклада́е,
Ме́ншому бра́ту призна́ки дава́е.

То ставъ бра́ть пайме́нший, пі́ший-піхоти́нець, на полівку́ избіга́ти,
На сте́пѣ висо́кі, на великі́ доро́ги роєхидні́, —
Нема́ ні терни́въ, ні байра́ківъ,
Нія́кихъ призна́ківъ.

зелєные *жупáны*, станемъ мы изъ-подъ нихъ обрывать красную и желтую кита́йку и оставя́ть ме́ншому бра́ту примѣты; пусть онъ знае́тъ, куда́ за нами, конными, уходитъ изъ неволи.«

На это ста́рший бра́ть гордо отвѣчалъ: »Сбыточное ли дѣло, бра́ть, чтобъ я свою Турецкую одежу въ куски рвалъ, для примѣтъ ме́ншому бра́ту? Когда останется живъ и здоровъ, то и безъ примѣтъ придетъ въ города Христіянскіе.«

Но сре́дній бра́ть умилосердился, — обрываетъ изъ-подъ своего жупáна красную да желтую кита́йку, стеле́тъ ее по доро́гѣ, оставя́етъ ме́ншому бра́ту примѣты.

Всходитъ ме́ншой, пѣ́ший бра́ть на поля, на высокія́ степи, на большія́ расходныя́ доро́ги, — нѣтъ ни терновника, ни буераковъ и никакихъ примѣтъ; а находитъ онъ красную да желтую кита́йку, — беретъ ее

Ставь червону китаїку да жовту знахожати.

У руки берє,
Къ сѣрцю кладє,
Словами промовляє
И слєзами ридає :

»Що не дурно жь ся червона да жовта китаїка по шляху валяєтця :

Либо́нь моїхъ бра́тіївъ на світі немає :

'Альбо їхъ порубано ,
'Альбо їхъ пострєляно ,

'Альбо у гордѹ тяжкѹ позаймано !

Колибъ я мѡгъ дѡбре знати ,

Що їхъ порубано , альбо пострєляно ,

Могъ би я въ чистому полі тіла шукати ,

Въ чистому полі поховати ,

Звіру-птиці на поталу не дати.»

Одно жь брата найменшого, одно безвіддя,

Друге безхлібья,

Трєте те, що тихий вітеръ зъ нігъ валяє. (¹)

До Осавурь-могили прибуває,

На Осавурь-могилу зіхожає,

Тамъ собі безпєчне девятого дня спочивокъ має,

въ руки, прижимаетъ къ сердцу и говоритъ со слезами: »Не даромъ красная да желтая китаїка по дорогѣ валяется: видно, нѣтъ моихъ братьевъ на свѣтѣ: или ихъ изрубили, или перестрѣляли, или въ тяжкую неволю снова угнали! Когдабъ я зналъ, что ихъ изрубили, или перестрѣляли, я бы сталъ искать ихъ тѣла въ чистомъ полѣ, я бы похоронилъ ихъ, не далъ бы въ пищу звѣрю да птицѣ.«

Межъ тѣмъ его самого и жажда, и голодь одолѣвають, и даже тихой вѣтеръ съ ногъ валить. Наконецъ приближается онъ къ Савурь-могилѣ, всходитъ онъ на могилу и тамъ безопасно отдыхаетъ на девятый

(¹) Що тихий вітеръ, да й той валяє; що вже хочъ би тамъ и тіло їхъ було (г. е. братьевъ), такъ вінъ не долженъ нічого раді дати. *Пр. п.*

Дев'ятого дня изъ неба воді-погоди викидає.

Мало-немного спочивавъ,

Къ ёму вовці-сірохмáнци находжали,

'Орли-чорнокрильци налітали, ⁽¹⁾

Въ головкахъ сидали, —

Хотили задалегоді животá темний подхоронъ одправляти. ⁽²⁾

Тоді вінъ словами промовляе:

»Вовці-сірохмáнци, орли-чорнокрильци,

Гóсти мої милі!

Хоть мало-немного обождите,

Поки козацька душа зъ тіломъ розлучитця.

Тоді будете мнѣ зъ либа чорні очи виемикати,

Біле тіло коло жовтої кості оббїрати,

И комшами вкривати.»

Мало-немного спочивавъ...

Отъ, руками не візьме,

Ногами не пійде,

И ясно очима на небо не згляне...

На небо взирæе,

день обѣгства — въ дев'ятий день ждеть дождя небеснаго. Немного онъ опочилъ, какъ сбѣжались къ нему волки сѣрые, слетѣлись орлы-чорнокрыльцы, саднулись въ-головахъ и надъ живымъ хотѣли уже отправить *темныя похороны*. И говоритъ онъ: »Волки сѣрые, орлы чорнокрылые, гости мои милые! обождите хоть немного, пока козацкая душа разлучится съ тѣломъ. Тогда вы будете мнѣ черные очи выклеивать, бѣлое тѣло вокругъ желтой кости обѣдать, желтую кость подъ зеленые яворы растаскивать и покрывать камышами.«

Прошло еще немного времени... уже онъ руками не владеетъ, ногами не ходитъ и ясно неба не видитъ... На небо взираетъ, тяжело взды-

---

(1) Я не бачивъ, чи чорні крила въ орлівъ. *Пр. н.*

(2) Бóже, твой воля! хто ёго повигáдувавъ, хто ёго тес! Що не мóжна вїдумать би такъ нікому въ свѣті. — (О словѣ *те́мний*;) Се, бачь, тайний: то звірь да птиця. *Пр. н.*

Тяжко воздихае :

»Голово моя козацькая!

Бувала ти у землях Турецькихъ,

У вірахъ бесурманськихъ ;

А теперъ пришло на безвідді, на безхлібї погибати.

Девятій день хліба въ устахъ не маю,

На безвідді, на безхлібї погибаю!»

Тутъ тее промовлявъ... не чорна хмара налітала, (1)

Не буйні вітри віну́ли,

Якъ душа козацька-молодецька зъ тіломъ розлучалась.

Тоді вовці-сірохманці находжали

И орли-чорнокрильці налітали,

Въ головкахъ сидали,

Зъ либа чорні очи висмикали,

Біле тіло коло жовтої кістї оббірали,

Жовту кість по-підъ зеленими яворами розношали

И комишами вкривали. (2)

А ще ставъ братъ старшій да середульшій до річки Самарки прибігати, (3)

хаеть : »Голова моя козацкая! бывала ты въ странахъ Турецкихъ, межъ народовъ бусурманскихъ ; а теперь пришлось тебѣ погибать на безводнї, на безхлѣбїи. Девятый день, какъ у меня въ устахъ хлѣба не было, отъ жажды и голоду погибую!»

Сказаль... и не черная туча налетѣла, не буйные вѣтры подули: то козацкая, молодецкая душа съ тѣломъ разлучилась. Тогда сѣрые волки сѣбгались, и чернокрылые орлы налетали, въ-головкахъ сядились и черныя очи выклевывали, бѣлое тѣло вокругъ желтой кости объдали, желтую кость подъ зеленые яворы растаскивали и камышами покрывали.

А между тѣмъ старшій и средній братья приблизились къ рѣчкѣ Са-

---

(1) До смѣрти балакавъ! *Пр. н.* — (2) Оцѣ вже одного поховали. *Пр. н.*

(3) Що тутъ річка Самарка, чи вже далеко? Ну, да все то чужа земля колись була. *Пр. н.*

Стала їх темна нічка обіймати,
Став брать старший до середульшого промовляти :

»Станьмо, братіку, тута, кѡні попасімо :

Туть могили великі,

Трава хорѡша

И вода погѡжа.

Станьмо тутечка підождімо,

Нѡки сонце обітріє, (sic)

Чи не прибуде нѣкъ намъ нашъ піший-піхотинець.

Тоді на ёго велике усѣрдпе маю,

Усю дѡбичь скидаю,

Ёго, пішого, мїждо кѡні хватаяю.»

— »Було бѣ тоді, брате, якъ я казавъ, хватати!

Теперъ девятій дѣнь минувъ,

Якъ хлїбъ-сїль івъ,

Вѡду швѣ,

Дѡсі й на свѣті немає.»

Тоді вони кѡней нутопашъ попускали,

Кульбаки підь себѣ послали,

Ружья по комишахъ поховали,

Безпѣчно спать полягали,

Світової зорі дождали.

маркѣ, и захватила ихъ темная ночь. Говорить старший братъ среднему: »Остановимся, братъ, здѣсь да попасемъ лошадей. Тутъ могилы большія, трава хорошая, вода здоровая. Обождемъ здѣсь до свѣта, не прибудетъ ли къ намъ нашъ піхотинець. Я бы о немъ позаботился : бросилъ бы вею свою добычу и посадилъ бы его на коня съ собою.»

»Тогда было его взять, когда я говорилъ! А теперь ужъ девятый дѣнь, какъ онъ не ѣлъ и не пилъ; вѣрно, ужъ его нѣтъ на свѣтѣ.»

Пустили они коней на паштѡбу, положили себѣ сѣдла подъ головы, а ружья спрятали въ камышахъ и спокойно, въ ожиданьи зари, уснули.

Ставъ Божий свѣтъ свѣтати,

Стали вони на коні сидати,

Черезь річку Самарку у Християнські землі утікати, —

Ставъ братъ старшій до середульшого промовляти :

»Якъ ми будемъ, братаку, до отця, до матки прибувати,

Якъ ми імъ будемъ повідати?

Будемъ ми, брате, по правді казати, —

Буде насъ отець-мати проклинати ;

А будемо ми, брате, передъ отцемъ, передъ маткою олгати, —

Такъ буде насъ Господь милосердний и видимо, и невидимо карати.

А хибá, брате, такъ некажемо:

Що не въ одного папа пробували,

Не одну невòлю мали,

И почної добіи зъ тяжкої невòли втікали,

Такъ ми й до ёго забігали :

»Устань, брате, зъ нами, козаками, зъ тяжкої невòли втікати !«

Либòпъ-то вінъ такъ неказавъ :

»Тікайте жъ ви, братця,

»А я буду тутъ оставатьця,

»Чи не буду собі луччого долі-щастя мати.« (1)

Когда жъ стало свѣтать, они осѣдлали коней и пустились уходить въ Християнскія земли черезь рѣчку Самарку. Говоритъ старшій братъ среднему : »Когда мы, братъ, воротимся къ отцу и матери, то какъ станемъ имъ рассказывать? Скажемъ правду — проклянутъ насъ отецъ и мать ; а солжемъ передъ отцомъ и матерью — наказаетъ насъ милосерднѣйшій Господь и видимо, и невидимо. Ужъ развѣ скажемъ такъ, братъ : что не у одного господина, не въ одинаковой неволѣ мы были и уходили изъ неволи ночью ; заѣзжали и къ нему : »Вставай, братъ, уходи съ нами, козаками, изъ тяжелой неволи.« А онъ будто-бы такъ отвѣтилъ : »Уходите, братцы, а я останусь здѣсь ; не лучше ли мнѣ здѣсь посчаст-

---

(1) Другой кобзарь въ Лубенскомъ уѣздѣ, Лександра Михайлюкъ, пѣлъ такъ :

Не хòчу, моя велика невòля,

А трете — й коня не маю.

А буде отець-мати помірати
И будемь грунта-худобу на дві часті наювати, —
И трете між нами не буде мішати.»

Тутъ тее промовляли,
И не сізі орлі заклекотали,
Якъ їхъ Турки-яиченьки изъ-за могили напали, —
Постреляли, порубали,
Кони зъ добиччу назадъ у городъ, у Турещину позавертали.

Полегла двохъ братівъ голова вище річки Самарки,
Третья у Осаурь-могили.
А слава не вмрє, не поляже
Одвині до віка!
А вамъ на многая літа! (1)

(*) Отакі старці колись бували (говорилъ Архипъ, пропѣвъ свои думы и покивая печально главою), такіхъ снївали; такъ и люде їхъ любіли! А теперъ ёму снївай, а вонó й не слухае. Бу-

---

»лвится.» А когда умрутъ отецъ и мать и мы станемъ дѣлиться наслѣдствомъ, то между насъ не будетъ третьяго.»

Лишь только онъ сказаль, какъ вдругъ — не сизокрылые орлы заклекотали—Турки-яичары изъ-за могилы напали, изранили ихъ пұлями, изрубили, а коней съ добычею завернули въ Турецкой городъ.

Легли головы двухъ братьевъ выше рѣчки Самарки, а третьяго — у Саворь-могили; но слава не умреть, не погнѣнеть отнышъ и до вѣка. А вамъ многая лѣта!

(*) *Переводъ.* — Такіе-то нищє когда-то бывали, такія пѣсни пѣли, вотъ и люди ихъ любили! А теперъ поешъ, и не слушаютъ. Бывало,

---

(1) Александра Михайлѡкъ пѣлъ :

Даруй, Бѡже, милѡсти вѡшій и всѡму вѡйську Запорѡзькому на многая літа.

Этотъ стихъ переноситъ воображеніе въ то время, когда думы пѣлись «Гетманскимъ» и «Запорожскимъ» козакамъ.

вало, въ когó ё снагá, обійде чи двáдцять хать, чи трíдцять, а послé вёрнетця додóму: »Запряжй, хлóпче, коня, отъ до такóго пойдь, до такóго пойдь; тамъ мнй общáли.« Поиде хлóпещь, такъ пóвенъ визъ усёгó наберé.

Нищяя братя въ Малороссiи заслуживаетъ особеннаго вниманiя. Будучи послéдними въ народъ по своему убожеству и неспособности къ земледельческимъ и другимъ работамъ, Малороссiйскiе нищiе занимають первое мѣсто по развитiю поэтическихъ и философскихъ способностей. Они почти все слѣпы. Немногие поступаютъ въ разрядъ нищихъ, то есть, собирателей милостыни, по какому-нибудь калѣчеству; еще меньше — по лукавству и охотѣ къ праздношатательству. Лучшiе изъ нихъ живутъ въ деревняхъ, гдѣ ихъ каждый знаетъ. Города рѣшительно портятъ нравственность нищаго.

Я разскажу здѣсь о моемъ знакомствѣ съ Андреемъ Шутомъ, слѣпымъ пѣвцомъ народныхъ думъ (въ мѣстечкѣ Александровкѣ, Сосницкаго уѣзда Черниговской губерни), слѣдовательно нищимъ по ремеслу. Имя его сдѣлалось мнѣ извѣстно изъ статьи священника Базилевпча, напечатанной въ »Этнографическомъ Сборникѣ«. Помѣщенная въ этой статьѣ дума Андрея Шута дала мнѣ высокое понятiе о достоинствѣ его пѣсенъ въ историческомъ отношенiи, и я воспользовался первымъ случаемъ завернуть въ Александровку, чтобы познакомиться съ почтеннымъ авторомъ упомянутой статьи. Натурально, одинъ изъ первыхъ моихъ вопросовъ былъ объ Андрѣ Шутѣ. Мнѣ отвѣчали, что Александровскiй бардъ явится тотъ-часъ къ моимъ услугамъ, что онъ близкiй сосѣдъ и въ нѣкоторомъ смыслѣ другъ дома. Дѣйствительно, не прошло нѣ-

---

кто въ силахъ, обойдетъ двадцать, тридцать хать, а потомъ воротится домой: »Запрягай, хлóпче, коня да поѣзжай къ тому и тому; тамъ общáли мнѣ.« Поѣдетъ мальчикъ и наберетъ всякаго добра полощъ возъ.

сколькихъ минутъ, какъ Андрей Шуть отворилъ дверь въ гостиную и привѣтствовалъ насъ громкимъ, чистымъ голосомъ.

Это былъ сѣдой старикъ съ клинообразной бородою, въ сѣрой, повешенькой свитѣ и въ свѣжихъ *постолахъ* (лаптяхъ), которыхъ оборы обхватывали очень красиво его ноги, завернутыя въ бѣлыя онучи. Лицо его было свѣжо, щеки румяны, черты правильны, хотя нѣсколько обезображены оспою, которая лишила его зрѣнія на семнадцатомъ году жизни. Онъ отличался бодрой осанкой и живыми движеніями, показывающими челоуѣка, постоянно занятого работой.

Андрей Шуть, сдѣлавшись слѣпцомъ, долженъ былъ уплачивать государственныя подати наравнѣ съ зрячими людьми своего сословія и нашель для того необходимымъ выучиться вить веревки и вязать изъ пеньки крестьянскую упряжь. Онъ взялся за свой промыселъ съ такой усидчивостью и проворствомъ, что не только оставался всегда правъ предъ козацкимъ обществомъ, къ которому онъ принадлежитъ, но еще скопилъ денегъ и построилъ себѣ хату. Далѣе — онъ обзавелся женою и зажилъ не хуже зрящаго. Теперь онъ вдовецъ, но у него есть взрослый и уже женатый сынъ, котораго онъ на свой счетъ обучилъ грамотѣ.

Это матеріальная сторона его жизни. Со стороны поэтической и философской, Андрей Шуть едва ли имѣетъ себѣ равнаго между нищей братіей. Слепота развила въ немъ врожденный вкусъ къ пѣснямъ, и онъ, обладая превосходною памятью, усвоивалъ себѣ все, что слышалъ. При его трудолюбіи и способностяхъ, ему не трудно было добыть себѣ бандуру и перенять искусство подыгриваться на ней подъ голосъ. Скоро онъ сдѣлался любимымъ музыкантомъ и пѣвцомъ во всемъ Сосницкомъ округѣ, а можетъ быть и далѣе, и выпускалъ изъ рукъ бандуру только во время постовъ, смѣняя музыку другимъ, болѣе скромнымъ ремесломъ.

Но каковы бы ни были успѣхи Андрея Шута въ пѣсняхъ и въ заработкахъ двоякимъ способомъ, ни тѣ, ни другіе, не могли наполнить души его. Лучшіе часы своей жизни онъ проводилъ въ

храмъ Божіемъ, къ которому естественно прилѣпляется человѣкъ въ его положеніи. Чтеніе псалмовъ, молитвъ и церковное пѣніе возвышали его душу надъ нуждами и бѣдствіями проходящей жизни и устремляли ее къ безконечному. Чѣмъ больше входилъ онъ въ лѣта, тѣмъ больше удѣлялъ времени для посѣщенія заутрень, обѣденъ, вечерень, всенощныхъ, и вѣрная память его, удерживая весь кругъ церковныхъ чтеній и пѣснословій, безирестанно наводила его умъ на мысли о спасеніи души. Онъ рѣже прежняго выходилъ съ бандурой за снѣною изъ дому на промыселъ, отвергъ все тѣ пѣсни, которыхъ содержаніемъ были шутки, или страстныя движенія сердца, и пѣлъ только псалмы въ честь Іисуса и святыхъ да историческія пѣсни. Наконецъ онъ и совсѣмъ оставилъ бандуру, ограничивъ свои заработки только рукодѣльемъ да смиреннымъ испрашиваніемъ милостыни по праву слѣпоты своей.

Онъ смотритъ на ремесло нищаго, какъ на дѣло богоугодное. По его понятіямъ, нищій существуетъ на то, чтобы напоминать людямъ о Богѣ и о добродѣтели. Вступая въ этотъ классъ народа, онъ тотъ-часъ научился молитвамъ, которыхъ до тѣхъ поръ не зналъ, и первая его наставница въ пѣсняхъ, какая-то слѣпая старуха, передала ему вмѣстѣ съ пѣснями изустныя преданія о сотвореніи міра, о грѣхопаденіи человѣческомъ и о пришествіи въ міръ Спасителя.

Малороссійское простонародье большею частью погружено въ насущныя нужды свои, до такой степени, что по-видимому теряетъ и самое расположеніе къ умственнымъ созерцаніямъ. На пѣсни подмываетъ его сердце въ періодъ жпвой молодости, или въ пору случайнаго веселья и горя, а преданія и повѣрья переходятъ у него изъ рода въ родъ только по неотступному требованью врожденной способности къ фантазированью. Нищіе исключаются слѣпотою изъ обыкновенныхъ условій сельскаго быта, какъ-будто для того, чтобы, развпвъ, въ своемъ неизбѣжномъ сомоуглубленіи, мыслительныя способности, вносить въ общество поселянъ релігіозно-философскую стихію и такимъ образомъ поддерживать нравственную жизнь его на извѣстной

висоць. Напримѣрь, Андреї Шутъ такъ розказываеъ о своемъ участіи въ распространеніи познаніи о Богѣ и поклоненія Ему молитвою.

РАЗКАЗЪ АНДРЕЯ ШУТА ОВЪ УЧЕНИКЪ ЕГО. (1)

(*) Есть тутъ у насъ у Верхолісї козаць Миць у прїїмахъ. Багата вдова тамъ живѣ, такъ вінъ до її дочкї у прїїми її прїетавъ. Парень роботящїи, такъ вона її приняла ёго у прїїми. Да скупà собї баба, такъ, щобъ не наймать наймита, послае зятя пасти конї. Отъ вінъ и пасе. А тамъ у Верхолісї обїднївъ одїнь чоловікъ, а въ ёго два синї и двї дочкї; такъ одїнь спїть у людєї служить, а дрўгого нїщїи, кобзарь узявъ, Гордїї изъ Ядуть. За годовище пївтора цїлковаго поступївъ. Вінъ и живъ при томъ нищому два годї. Да старшнї треба було погонича, такъ вінъ изискавъ того хлѡпця да її нанявъ на годъ. Отъ вінъ и па-

---

(*) *Переводъ.* — Есть тутъ у насъ въ Верхолѣсьи козаць Мыць, въ прїїмахъ. Живетъ тамъ богатая вдова и приняла его къ себѣ въ прїїмы (зятемъ). Парень работящїи, такъ она и приняла его. Только такая скупая баба, что не хочетъ нанимать батрака, да и посылаетъ зятя пасти лошадей. Пасетъ онъ. А тамъ въ Верхолѣсьи обїднїлъ одїнь человекъ, и у того человека два сына и двѣ дочкї; вотъ одїнь пошелъ служить къ хозяину, а дрўгого взялъ къ себѣ нищїи, кобзарь, Гордїї изъ Ядутъ. Даль ему на годъ полтора цїлковыхъ. Мальчикъ и жилъ при томъ нищемъ два года. Но старшнї нуженъ былъ погонщикъ, такъ онъ отыскалъ этого мальчика да и нанялъ на годъ. Вотъ и пасетъ онъ

---

(1) Здѣсь приводятся подлинныя слова его; но должно замѣтить, что говоръ Сосницкаго уѣзда отличается произношенїемъ *о* на *а* (напр. вмѣсто *коня*, тамъ говорятъ *каня*) и остраго *ї* на *у* (напр. вмѣсто *вилъ* — *вуэлъ*). Звукъ *ь* произносится тамъ почти такъ, какъ въ Великороссїи, а не за *ї*, какъ пишу я здѣсь, согласно съ общимъ Малороссїйскимъ выговоромъ. Есть и еще особенности, но о нихъ распространяться здѣсь не мѣсто. Нѣкоторыя изъ нихъ, непротивныя слуху *стеновика*, удержаны мною, какъ въ разказахъ, такъ и въ думахъ Андрея Шута.

сѣ бѣней. И Онѣкѣи Мыць у-бунѣ зъ нимъ пасѣ, да ѣ питаетъ въ хлѣбца: »Ты въ старцѣхъ бѣвъ?»

»Бувъ«, каже.

»Тебѣ старці навчили Бѣгу молѣтьца?«

»А якъ же?«

»Якѣ жъ ти молитви знаѣшь?«

»Знаю«, каже, »*Отче нашъ, Святый Боже, Вѣрую...*«

»А *Помилуй мя, Боже?*«

»И *Помилуй мя, Боже*, знаю,«

»Навчи менѣ *Помилуй мя, Боже.*«

»Дѣбре.«

Отъ п давѣи учѣтъ: *Помилуй мя, Боже, по велицѣи милости Твоей, и по множеству щедротъ Твоихъ очисти беззаконіе мое. Иначе омый мя отъ беззаконія моего, и отъ грѣха моего очисти мя: Яко беззаконіе мое азъ знаю и грѣхъ мой предо мною есть вышю. Тебѣ единому согрѣшихъ и лукавое предъ Тобою сотворихъ: яко да оправдишия во словесахъ Твоихъ, и побѣдиши...* По се мѣсто: *и побѣдиши.* И далось ѣму піити на косовицю. Косѣять и горѣлку пѣють, вже звѣсно. И трѣба ѣму похвалѣтьца томѣ старшинѣ!

лошадей. И Онѣкѣи Мыць пасетъ вмѣстѣ съ нимъ, и спрашиваеъ мальчика: »Ты въ нищихъ былъ?« — »Былъ«, говоритъ. — »Учили тебѣ нищѣ молиться Богу?« — »А какъ же?« — »Какія жъ ты молитвы знаѣшь?« — »Знаю«, говоритъ, »*Отче нашъ, Святый Боже, Вѣрую...*« — »А *Помилуй мя, Боже?*« — »И *Помилуй мя, Боже*, знаю.« — »Научи меня *Помилуй мя, Боже.*« — »Хорошо.«

Вотъ в началъ учѣтъ: *Помилуй мя, Боже, по велицѣи милости Твоей, и по множеству щедротъ Твоихъ очисти беззаконіе мое. Иначе омый мя отъ беззаконія моего, и отъ грѣха моего очисти мя: Яко беззаконіе мое азъ знаю, и грѣхъ мой предо мною есть вышю. Тебѣ единому согрѣшихъ, и лукавое предъ Тобою сотворихъ: яко да оправдишия во словесахъ Твоихъ, и побѣдиши...* До слѣхъ поръ: *и побѣдиши.* И случись ему

»Твій«, каже, »челядинець великого стоїть: вінъ уміє Богу молитця, и менé навчивъ.«

Що жъ? давай изъ ёго и зъ того хлопця сміятыця: »Кони пасуть, и Богу молитця учатця!« ...Хлопець послі сёго годі да й годі вчить, и не сїдає коло ёго — стидитця. Такъ и зоставь Онпкій: *и побідіши*, а більшъ и не вмівъ Богу молитця; моливсь тілько кусочокъ.

Отъ я разъ пришовъ до ёго тещи за милостинею, а вінъ сидить на лаві да вовну б'є. Вінъ и кушнірську роботу знає. Поздоровивъ днёмъ.

«Спасибу, діду. Сядь, погомоні; давнó я тебе бачила.»
Я сівъ.

»Чи не грїхъ«, кажуть, сёгодні робить?« [А тоді чи Сорока Мучениківъ булò, чи Олексія Божого Чоловіка.]

»Да мóже«, кажú, »не бóде Олексій гниватьця.«

Изняли якýсь рїчь про святè. А Онпкій у Чепіги, вь козака, у Киселівці вовну бивъ: а вь Чепіги сїнь и онукъ пись-

быть на косовицѣ. Косятъ, ну, извѣстно, и водку пьютъ. И похвались онъ тому старшинѣ: »Твой«, говоритъ, »челядинецъ дорогой человекъ: онъ умѣетъ Богу молиться, и меня научилъ.« Чтò же? всё принались надъ нимъ и надъ тѣмъ мальчикомъ смѣяться. »Лошадей пасутъ, и Богу молиться учатся!« ... Мальчикъ послѣ этого полно и полно учитъ, и сѣсть подлѣ него стыдится. Такъ и осталея Онпкій: *и побѣдиши*, а больше и не умѣлъ Богу помолиться; молился только немножко.

Вотъ однажды пришелъ я къ его тещѣ за милостинею, а онъ сидитъ и перебиваетъ шерсть. Онъ и овчины умѣетъ выдѣлывать. Поздравилъ я ихъ днемъ. »Спасибо, дѣдушка (говоритъ теща). Сядь, поговори съ нами; давно я тебя не видала.« Я сѣлъ. »Не грѣшно ли«, говорятъ, »сегодня работать?« [А былъ тогда день Сорока Мучениковъ, или, кажется, Алексея Божьяго Человека.] »Да, можетъ быть«, говорю, »Алексѣй не будетъ гнѣваться.«

Завели рѣчь о разномъ святомъ. А Онпкій у козака Чепіги

мённиі, дакъ вінъ одъ їхъ де-що чувавъ, да її почавъ розка́зувать.

Я слухавъ—слухавъ... »Ні«, кажу́, »Оникію, се не такъ бу́ло, а ось якъ. Ось якъ Богъ свѣтъ создавъ, ось які святіі бу́ли. Ти думаешъ, я на те́ кажу́, щобъ ти міні милостиню білшу давъ? Ні, вопо́ іменно такъ бу́ло. Отъ синтай и въ отця́ Георгія.«

Тоді вже вінъ годі розка́зувать да даваіи пита́ть у менє. Да идучі у неділю до цѣркви, и заіде до менє въ хату, и даваіи проєнтъ менє: »Навчи менє *Помилиуй мя, Боже*. Я знаю тільки ось по́ни: *и побідиши*.«

»Вонó«, кажу́, »вели́ке, не скóро навчи́ся.«

»Да мо́же такі навчи́мось.«

[А ёму́ вже літь тридцять бу́де.] Даваіи я ёго́ вчить. Прокажу́ стихъ, словъ дєсять, чи що, вінъ їхъ и твердїть цілий тїждень; а въ неділю зновъ до менє заіде. Оце бу́ло осіннєго́ врэмя, Пили́пкою, прїїде изъ Верхолєсея — по́лемъ да горóдами навпрос-тєць — ще її нївнї не проснїва́ють: »Щє́ не дзвонїли до ўтрєні?«

въ Киселевкѣ перебиваль шереть; а у Чепїги слыш и влукѣ грамотные, такъ онъ кое-что слыхаль отъ нихъ, — вотъ и началъ разсказывать. Я слушалъ, слушалъ... »Нѣтъ«, говорю, »Оникїй, это не такъ было, а вотъ какъ. Вотъ какъ Богъ свѣтъ создалъ, вотъ какіе были святые на свѣтѣ. Ты думаешь, я для того тебѣ разсказываю, чтобъ ты мнѣ бóльшую милостыню далъ? Нѣтъ, оно именно такъ было. Спроси хоть и у отца Георгія.« Тогда ужъ онъ полно разсказывать, да началъ у меня распрашивать. Вотъ, идучи въ церковь, въ воскресенье, и заходитъ ко мнѣ въ хату, и давай просить меня: »Научи меня *Помилиуй мя, Боже*. Я знаю только вотъ до какихъ поръ: *и побдиши*.« — »Она«, говорю, »длинна, эта молитва; не скоро научишься.« — »Да, можетъ, какъ-нибудь и научусь.« [А ему́ уже будетъ лѣтъ тридцать.] Началъ я учить его. Скажу ему́ стихъ, словъ десять, что ли, — онъ и твердитъ ихъ цѣлую недѣлю, а въ воскресенье опять ко мнѣ заходитъ. Бывало осенью, въ Филипповъ ностъ, придетъ изъ Верхолѣсея — по́лемъ да нацрямикъ огородами — и пѣтухи еще не пропоютъ: »Еще не звонили къ зау-

»Ще не скоро її будуть. Сідайі.«

П я встану. Я на лавці сплю, — такъ, направо.

»Ну, дїду, проказуй *Помилуй мя, Боже.*«

Отъ я її проказую, нїки до церкви задзвонять. П до церкви идучї, усє про се самєе говорїмо.

П вкє тепєрь не пропусить не одної слўжби, не ўтрєні. Пноді тєща єго її лає: «Чого такї тобї знаї до церкви ходить? Ми жъ такї не ходїли разъ у разъ. Тїлько булò понесє паску. Да її то жилї и хлїбъ їли.»

»А нà що жъ«, каже, »сї церкви п все те слўжєнїє и слава Господня, колї намъ не ходїть тогò дивїтьця да слўхать?«

То-то не дармо, мабуть, читаєтця: *Господи, возлюбихъ красоту дому Твоего и мѣсто селєнїя славы Твоея.*

Такъ проповѣдываль Андрей Шуть, сїдя на бреслѣ, которое стоить именно для него у двери гостинной добраго отца Георгїя. Онъ говоритъ скороговоркой, и я не успѣлъ записать многихъ характерныхъ его выраженїй, а потому долженъ былъ выбросить изъ своей стенографїи всѣ отступленїя, въ которыя онъ любитъ вдаваться по пути главнаго разсказа. Само собою разумѣется, что, съ своей стороны, я помогаль ему мощи вопросами высказы-

---

тревъ?« — »Не скоро еще будутъ и звонить. Саднєсь!« П самъ я встану. Я на лавкѣ сплю, — такъ, направо. »Ну, дѣдушка, говори мпѣ *Помилуй мя, Боже.*« Я и говорю ему, пока начнутъ звонить къ заутренѣ. П въ церковь идучи, всѣ объ одномъ и томъ же толкуемъ.

П ужъ тепєрь не пропуститъ онъ ни одной обѣдни, ни заутрени. Пной разъ тєща и бранить его: »Зачѣмъ тебѣ то и дѣло въ церковь ходить? Мы не ходили же всякой разъ. Только бывало снесетъ мужъ освятить паску, и довольно. Однакожъ жили и хлѣбъ ѣдали.« — »А для чего же«, говоритъ, »церкви и все слўженїє, и слава Господня, если не ходитъ намъ смотрѣть и слухать?« То-то, не даромъ, видно, читается: *Господи, возлюбихъ красоту дому Твоего и мѣсто селєнїя славы Твоея.*

ваться. Въ этомъ старикѣ мнѣ полюбилась довѣрчивая свобода обхожденія, чуждая впрочемъ и тѣни пахальства. Ему сказали уже, что я изъ Петербурга: онъ очень хорошо понималъ, что съ нимъ говорить, какъ бы онъ выразился, не простой человѣкъ; но при всемъ томъ, въ его манерахъ и словахъ не было замѣтно никакого смущенія, которое часто встрѣчаешь въ людяхъ, считающихъ себя Богъ знаетъ почему существами очень ничтожными. Онъ выражалъ только удовольствіе, что съ нимъ бесѣдуютъ люди столичные, люди, по его понятіямъ, не *селюкѣмъ* чета, и, отвѣчая на мои вопросы, онъ не упускалъ случая освѣдомиться кой о чемъ и у меня. Разумѣется, мы скоро съѣхали на историческія думы. Андрей Шуть отзывается съ пренебреженіемъ о пѣсняхъ любовныхъ, обрядныхъ и т. п., но на думы онъ смотритъ, какъ на изустныя сказанія о томъ, что творилось на свѣтѣ въ старину, и хранить ихъ въ памяти съ уваженіемъ. Онъ очень охотно продиктовалъ мнѣ слѣдующіе драгоценные памятники народной словесности: о *Вдовѣ и ея сыновьяхъ*; о *Гѣнжѣ Андыбѣртѣ*; о *Хмельницкомъ и Барабашѣ*; о *Хмельницкомъ и Василѣ Молдавскомъ*; о *смерти Богдана Хмельницкаго* и объ *Ивасѣ Вдовиченкѣ (Коповчѣнкѣ)*. Эти шесть думъ помѣщены мною въ сборникѣ А. Л. Метлинскаго (1). Здѣсь помѣщаю седьмую думу Андрея Шута, еще нигдѣ ненапечатанную.

ДУМА О БѢЛОЦЕРКОВСКОМЪ МИРѢ И О ВОЙНѢ СЪ ПОЛЯКАМИ. (*)

Эй чи гарáздъ, чи дóбре нашъ гетьманъ Хмельницькій учинивъ,
Що зъ Ляхами, зъ мостівими панами, у Білій Церкві замиривъ?

(*) *Переводъ.* — Хорошо ли нашъ гетманъ Хмельницкій поступилъ, что съ Ляхами, вельможными панами, въ Бѣлой Церкви помирился? Онъ

---

(1) «Народныя Южнорусскія Пѣсни», стр. 352, — 354, 377 — 399, 413 — 424.

Да велівъ Ляхамъ, мостівимъ панамъ, по козака́хъ, по мужика́хъ ста́-
цією сто́йти,

Да не велівъ вели́кої ста́ціі вимишля́ти.

То ще жъ то Ляхи́, мостівии пані́, по козака́хъ и по мужика́хъ ста́цією
постѣли,

Да вели́кую ста́цію вимишля́ли.

Одъ їхъ ключі́ поодбира́ли,

Да ста́ли надъ їхъ дома́ми господарѣ́ми.

Хазя́йна на коню́шню одсплае́,

А самъ пзъ ё́го жоно́ю на подушка́хъ почи́вае.

То коза́къ, альбо́ мужи́къ изъ коню́шні прихожда́е,

У квати́рку погляда́е —

Ажъ Ляхъ, мостівии панъ, ище́ зъ ё́го жоно́ю на подушка́хъ опочи́вае.

То вінъ оди́нь осьма́къ у карма́ні ма́е,

Пі́йде зъ тоскі́ да зъ печа́лі у каба́къ да й то́й прогуля́е.

То Ляхъ, мостівии панъ, одъ сна устава́е,

Юлице́ю йде́,

Казавъ би якъ сви́ня нескре́бена по́переду́ ухомъ веде́,

Ище́ слуха́е-прослуха́е,

Чи не сѣ́дить ё́го де коза́къ, альбо́ мужи́къ...

велѣлъ Ляхамъ, вельможнымъ панамъ, у козаковъ и мужиковъ стоять постоемъ, только не велѣлъ имъ вымышлять большихъ поборовъ. Вотъ и размѣстившеся Ляхи, вельможные паны, у козаковъ и мужиковъ постоемъ, и начали вымышлять большіе поборы. Отобрали у нихъ ключи и сдѣлались въ ихъ домахъ господами. Хозяинна Ляхъ на конюшню отсылаетъ, а самъ съ его женой на подушкахъ почиваетъ.

Приходитъ козакъ, или мужикъ съ конюшни, смотритъ въ окно и видитъ — Ляхъ, вельможный панъ, всё еще съ его женой на подушкахъ почиваетъ. Такъ онъ и послѣдній *осьмакъ* (восемь злотыхъ) въ каба́къ съ тоски, съ печали пропиваетъ.

Встае́тъ отъ сна Ляхъ, вельможный панъ, идетъ по улицѣ и, какъ немытая свинья, настороживаетъ ухо: слушаетъ, не осуждаетъ ли его гдѣ-нибудь козакъ, или мужикъ. Входитъ въ каба́къ, и кажется ему, что

У кабáкъ ухoждáе, —

То ё́му здаётца, що ё́го коза́къ ме́домъ шкля́нкою, або́ горі́лки ча́ркою
вита́е,

Ажъ ё́го коза́къ межѣ́ очи шкля́нкою шмага́е,

Ищѣ́ сті́ха слoвáми промовля́е:

»Эй Ляхі́ жъ ви, Ляхі́,

Мостівні́ пані́!

Хотя́ жъ ви одъ насъ ключі́ поодб́ирали,

И стáли надъ нашими́ домáми господарáми...

Хотя́ бъ ви на нáшу кушáнію не наход́или.»

Тогді́ жъ козакі́ стáли у рáді, якъ малі́ діти;

Одъ своі́х рукъ листі́ писáли,

До гетьмáна Хмельні́цького послáли,

А въ листáхъ проп́исували:

»Пáне гетьмáне Хмельні́цькій,

Бáтьку Зинов́ нашъ Чигирі́нський!

Зá що ти на насъ такі́й гні́въ положівъ?

Нá що ти на насъ такі́й ясі́ръ наслáвъ?

Ужé жъ ми те́нєрь не въ чoмý во́лі не ма́емъ:

Ляхі́, мостівні́ пані́, одъ насъ ключі́ поодб́ирали

И стáли надъ нáшими домáми господарáми.»

Тогді́-то Хмельні́цькій листі́ чита́е,

козакъ привѣтствуетъ его стаканомъ меда, или чаркой водки; а козакъ выливаетъ ему стаканъ въ глаза и спокойно приговариваетъ: »Эхъ вы, Ляхи, вельможные паны! пусть ужъ вы у насъ отобрали ключи и сдѣлались въ нашихъ домахъ господами, но хоть бы въ нашу компанію не лѣзли!«

И собрались козаки на совѣтъ, какъ малыя дѣти; писали *отъ своихъ рукъ* письма и посылали къ гетману Хмельницкому: »Панъ гетманъ Хмельницкій, отецъ нашъ Зиновій Чигиринскій! за что ты на насъ такъ разгнѣвался? для чего ты наслалъ на насъ такое плѣнение? Мы ужъ теперь ни въ чемъ не имѣемъ воли: Ляхи, вельможные паны, отобрали у насъ ключи и сдѣлались господами въ нашихъ домахъ.«

Стіха слова́ми промовляе :

»Эй козаки, діти, друзі, небожата!

Підождіте ви ма́ло, трѣхи, небагато, —

Якъ одь святої Покрѣви до світлого триднѣвного Воскресѣння.

Якъ дасть Богъ, що прийде весна красна́,

Бѣде на́ша вся голѣта рясна́.«

Тогді-то пань Хмельницький до́бре до́авъ,

Козаків до сходу сонця у похѣдъ випровожавъ

И стіха слова́ми промовлявъ :

»Эхъ, козаки, діти, друзі!

Прошу васъ, до́бре до́айте,

На сла́вну Україну прибува́йте,

Ляхівъ, мостивихъ панівъ, у пень рубайте,

Кровь ихъ Лядську у полі съ жѣвтимъ пескомъ мешайте,

Віри святої Християнської у поругу не подайте!»

Тогді Ляхи, мостивні пані, догадливи бували,

Усі по лісахъ, но кущахъ повтекали.

То козакъ и лісомъ бежить ,

А Ляхъ за кущемъ и лежачи дрижить.

То козакъ Ляха за кущемъ знажожде,

Кѣлепомъ межі плечи цаганіе

Читаєть Хмельницький письма и говорить: »Эй, козаки, діти, друзья мои, голубчики! погодите вы немножко, обождите отъ Покрова до свѣтлаго трехдневнаго Воскресенія. Дастъ Богъ, наступитъ красная весна, тогда вся наша голь приодѣнется.«

Тогда пань Хмельницький выслалъ въ похѣдъ козаковъ до восхода солнца и говорилъ имъ : » Эхъ, козаки, діти, друзья мои! прошу васъ, постарайтесь, — ступайте на славную Украину, рубите Ляховъ, вельможныхъ пановъ, до остатка, мешайте съ желтымъ пескомъ ихъ Лядскую кровь, не давайте имъ ругаться надъ святою Християнскою вѣрою!»

Словхатились тогда Ляхи, вельможные паны, и все разбѣжались по лѣсамъ и кустарникамъ. Козакъ и въ лѣсъ бѣжить, а Ляхъ и лежачи дрожить. Находитъ козакъ Ляха за кустомъ, бьетъ его чека-

И сти́ха сло́вами промовля́е :

»Эй Ляхі жъ ви, Ляхі,
Мості́вні пані !

Годі жъ вамъ по-за куща́ми валя́тьця,
Пора́ до па́шихъ жи́бокъ на опочі́вокъ іти.
Уже́ па́ши жи́нкі и подушкі попереби́вали,
Васъ, Ляхі́въ, мості́вихъ пані́въ, ожда́ли.«

Тогді-то Ляхі́ козаки́въ рідими́ брата́ми узива́ли :

»Эй, козаки́, рідни́и бра́тці!
Колі́боъ ви до́бре дба́ли,

Да насъ за Ві́слу рі́чку хоть у оди́ихъ сорочка́хъ пу́скали!«

Отто́гді-то Ляха́мъ Богъ пого́дивъ,

На Ві́слі рі́чці лідъ обломи́въ.

Тогді́ козаки́ Ляхі́въ рятовали́ —

За па́гли хвата́ли

Да ще́ ї да́лі підъ лідъ підни́хали,

И сти́ха сло́вами промовля́ли :

»Эй, Ляхі́ жъ ви, Ляхі́!
Мості́вні пані́ !

Колі́сь па́ши ді́ди надъ сі́єю рі́чкою козако́вали

Да въ сій рі́чці ска́рби похва́ли.

помъ въ шишу и тихо приговариваетъ: »Эй вы Ляхи, вельможные паны! полно вамъ за кустами валяются; пора вамъ идти почивать къ нашимъ женамъ. Уже наши жены и подушки приготовили, васъ, Ляховъ, вельможныхъ наповъ, поджидаячи «

Тогда Ляхи козаковъ родными братьями называли: »Эй козаки, родные братцы! сдѣлайте вы доброе дѣло, пустите насъ за Вислу рѣку хоть въ однихъ рубашкахъ.«

Тутъ Ляхамъ Богъ помогъ — на рѣкѣ Вислѣ ледъ обломалъ. Тогда козаки Ляховъ спасали, за волосы хватали да еще дальше подъ ледъ пихали и тихо приговаривали: »Эй вы, Ляхи, вельможные паны! когда-то наши дѣды надъ этой рѣкой козаковали и въ ней свои скарбы спрятали.

Якъ бѹдете скѹрби находѣти,
Бѹдемъ зъ вѹми пополамъ дѣлѣти,
Тогдѣ бѹдемъ зъ вѹми за рѣдного брѹта жѣти.
Ступѣйте! тутъ вамъ дорога одна —
До сѹмого двѹ.

Дума Андрея Шута, помѣщенная въ »Этнографическомъ Сборникѣ«, напечатана съ нѣкоторыми пропусками и погрѣбностями противъ языка, а потому я, записавъ ее со всею точностю въ Александровкѣ, помѣщаю въ своихъ Запискахъ.

ДУМА О ЖИДОВСКИХЪ ОТКУПАХЪ И О ВОЙНѢ ИЗЪ-ЗА НИХЪ. (*)

Якъ одѣ Кумѣвщины да до Хмѣльниччины,
Якъ одѣ Хмѣльниччины да до Бряньщины,
Якъ одѣ Бряньщины да ѣ до сѣгò жѣ то дня,
Якъ у землѣ кралѣвскѣй да добра не булò:
Якъ Жидѣ-рандѹри
Вѣи шляхѣ козѹцкѣй зарацовѹли,
Щò на одній милѣ
Да по три шинкѣ становѣли.
Становѣли шинкѣ по долинамъ,
Зводѣли щòгли по висòкихъ могѣлахъ.
Щѣ жѣ то Жидѣ-рандѹри
У томѹ не перестѹли:

Какъ найдете вы ихъ, то будемъ съ вами пополамъ дѣлиться, и тогда будемъ жить съ вами, какъ съ родными братьями. Ступайте! тутъ вамъ дорога одна — до самого дна.

(*) *Переводъ.* — Отъ Кумѣвщины до Хмѣльниччины, отъ Хмѣльниччины до Бряньщины, отъ Бряньщины до нашихъ дней не было добра въ королевской землѣ. Взяли въ аренду Жиды все козацкія дороги, и на одной милѣ становили по три кабака. Становили они кабаки по долинамъ, ставили шести по высокимъ курганамъ.

На славіній Україні всі козацьки торгі заорандовали

Да брали міто-проміто :

Одъ ворового

По півъ-золотого,

Одъ нішого-нішениці по три денежки міта брали,

Одъ неборака старця

Брали кўри да яйца,

Да ище питае :

»Чи нема, кóтикъ, еце цого?«

Ище жъ то Жиді-рандари

У томў не перестали :

На славіній Україні всі козацьки церкви заорандовали.

Котóрому бѣ то козаку, альбó мужику давъ Богъ дитишу появи́ти,

То не йди до попа́ благослови́тьця,

Да пойді до Жіда-рандара, да положъ шоста́къ, щобъ позво́ливъ цѣркву
одчи́нити,

Тѣю дити́цу охрести́ти.

Ище жъ то котóрому бѣ то козаку, альбó мужику давъ Богъ дити́шу одружа́ти,

То не йди до попа́ благослови́тьця,

Да пойді до Жіда-рандара да положъ битий та́рель, щобъ позво́ливъ
цѣркву очисти́ти,

Тѣю дити́цу одружа́ти.

Но и того было съ нихъ мало: взяли они въ аренду на славної Украй-
нѣ все козацкіе рынки, и брали мыть отъ воза по полу-злоту, отъ
иѣшаго по три денежки, у бѣдняги нишаго забирали кўрь и яйца, да
еще спрашиваетъ: »Нѣтъ ли, голубчикъ, еседе цего?«

Но и того было съ нихъ мало: взяли они въ аренду на славної Украй-
нѣ все козацкія церкви. Дастъ Богъ козаку, или мужику дитя, то не хо-
ди къ попу за благословеніемъ, а ступай къ Жиду-арендатору да положи
шестакъ (шесть злотыхъ), чтобъ позволилъ церковь отворить, дитя окре-
ститъ. А кому изъ козаковъ, или изъ мужиковъ дастъ Богъ сына женить,
дочь замужъ выдавать, то не ходи къ попу за благословеніемъ, а ступай
къ Жиду-арендатору да положи битый талеръ, чтобъ позволилъ церковь
отворить, молодыхъ обвѣнчать.

Ще жь то Жиді-рацдари
У томѹ не перестали:
На славіній Україні всі козацьки рѣки зарандовали.
Перва на Самарі,
Друга на Саксані,
Третья на Гиплій,
Четвѣрта на Пробойній,
Пята на річці Кудесці.
Которий би то козакъ, альбо мужикъ нехотівъ рибѣ вловити,
Жінку свою зъ дѣтьми покормити,
То не йди до пана благословитьця,
Да шййди до Жйда-рацдара да поступи ёмѹ часьть оддѣть,
Щобѹ позволывъ на річці рибѣ вловити,
Жінку свою зъ дѣтьми покормити.

Тогдѣ жь то одишь козакъ мимо кабакъ идѣ,
За плечима мушкетъ несѣ,
Хоче на річці утѣ вбѣити,
Жінку свою зъ дѣтьми покормити.
То Жидъ-рацдаръ уквартірку поглядѣе,
На Жидівку свою стѣха слѣвами промовляе:
»Эй Жидівочко жь моя Раса!
Щѣ сей козакъ дѹмае, що вінъ у кабакъ не ветѹнитъ,

Но и того еще Жидамъ-арендаторамъ было мало: взяли они въ аренду на славної Украинѣ все козацкія рѣки. Первая аренда была на Самарѣ, другая на Саксани, третья на Гиплоу, четвертая на Пробойной, пятая на рѣчкѣ Кудескѣ. Кто изъ козаковъ, или мужиковъ вздумаетъ поймать рыбы, покормитъ жену и дѣтей, то не ходи къ пану за позволеніемъ, а ступай къ Жиду-арендатору да посули ему часть, чтобѹ позволилъ въ рѣкѣ рыбы поймать, жену и дѣтей покормитъ.

Вотъ одинъ козакъ идетъ мимо кабака; за плечами у него мушкетъ. Хочетъ онъ на рѣкѣ утенка застрѣлить, жену свою и дѣтей покормитъ. А Жидъ-арендаторъ въ окно поглядываетъ и говоритъ своей Жидовкѣ:
»Эй Жидовка моя Раса! что этотъ козакъ вздумалъ? что онъ не зайдетъ

За денежку горілки не купить,
Менé. Жйда-рандара, не перебрóсить,
Щобъ позволѣвъ ёму на рѣчці утѣ вбѣити,
Жінку свою зъ дѣтьми покормѣти.»

Тогді-то Жидь-рандаръ стиха підходжає,
Козакá за пàтли хватає.

То козакъ на Жйда-рандара скóса, якъ ведмідь, поглядáє,
Ищé Жйда-рандара мостівнымъ паномъ узивáє:
»Эй Жиду«, каже, »Жиду-рандаре,
Мостівній пане!
Позвòль мині на рѣчці утѣ вбѣити,
Жінку свою зъ дѣтьми покормѣти.»

Тогді Жидь-рандаръ у кабацькь вхождає,
На Жидівку свою стѣха словàми промовляє:
»Эй Жидівочко жь моя Рáся!

Буть мині теперъ у Білій Цѣркві настáвнимъ равомъ:
Назвáвъ менé козакъ мостівнимъ паномъ.»

Тогді-то у святій божественній день у четвертòкъ,
Якъ Жиди-рандари у Білую Цѣркву на сеймъ збирáлись,
Одѣнь до одного стѣха словàми промовляли:

въ кабацькь купить за денежку водки и меня попросить, чтобы я позволилъ ему на рѣкѣ утенка застрѣлить, жену и дѣтей покормить?»

Потомъ Жидь-арендаторъ подкрадывается къ козаку и хватаетъ его за волосы. А козакъ на него съ-искося, какъ медвѣдь, посматриваетъ и Жидя-арендатора вельможнымъ паномъ называетъ: »Эй Жидь-арендаторъ, вельможный панъ! позволь мнѣ на рѣкѣ утенка застрѣлить, жену свою и дѣтей покормить.«

Воротился Жидь-арендаторъ въ кабацькь и говоритъ своей Жидовкѣ:
»Эй Жидовка моя Рáся! Быть мнѣ теперь въ Бѣлой Цѣркві *настáвнымъ равомъ*: назвалъ меня козакъ вельможнымъ паномъ.«

И соби́рались Жиды-арендаторы, въ святой божественный день четвертокъ, на сеймъ въ Бѣлую Цѣрквь, соби́рались и говорили меж-

»Эй Жиді жь ви, Жиді-рандари!
Що теперь у вась на славіній Україні слішно?»

»Слішенть«, говорять, »теперь у нась гетьманъ Хмельницькій:
Якъ одь Білої Церкви да до славного Запорѣжа
Не така стоить Жидівська сторожа.«

Тогді озовѣтця одінь Жидь Оврамъ
[У того бувъ невеликій крамъ, —
Тілько шпилькі да голкі,
Що ходивъ по-за Дніпромъ да дуривъ козацьки жінки]:
»Эй Жиді жь ви, Жиді-рандари!
Якъ изъ Низу тихій вітеръ повіне,
Вея ва́ша Жидівська сторожа погіне.«

Тогді жь то якъ у святій день божествѣнній у вовторникъ
Гетьманъ Хмельницькій козаківъ до сходу сонця у походъ виправлявъ
И стіха словами промовлявъ:
»Эй козаки ви, діти, друзі!
Прошю вась, дѣбре дѣайте,
Одъ сна ветавайте,
Руській *Очиташъ* чтайте,

ду собою: »Эй, Жиды-арендаторы! что слышать у вась на славноій
Украинѣ?»

»Слышно«, говорятъ, »у нась про гетмана Хмельницкаго: уже отъ
Бѣлої Церкви до славного Запорѣжья не по-прежнему стоить Жидовская
сторожа.«

Отозвался тогда Жидь Аврамъ [у него былъ мелкій товаръ, — толь-
ко шпильки да иголки; ходилъ онъ съ ними за Дніпромъ и обманывалъ
козацкихъ женъ]: »Эй Жиды-арендаторы! какъ подуеъ изъ Низу (т. е.
изъ Запорѣжья) тихій вѣтеръ — погібнетъ вся ваша сторожа.«

Въ святой Божій день вторникъ гетманъ Хмельницкій до восхода
солнца высылалъ козаковъ въ походъ и говорилъ имъ: »Эй козаки, дѣти,
друзья! прошу вась, постарайтесь: ветавайте отъ сна, читайте Русскій

На славу України прибувайте,
Жидівь-рандарівь у пень рубайте,
Крòвь ихъ Жидівську у полі зъ жòвтимь пескомь мешайте,
Віри своєї Християнської у поругу не подайте,
Жидівському шабашу не польгуйте.»

Отогді-то всі Жиді-рандари догадливи бували,
Усі до гóрода Полошого повтекали.
Тогді-то Хмельницький на славу України прибувавъ,
Не одного Жида-рандара не застававъ.
Тогді-то Хмельницький не пішній бувавъ,
До гóрода Полошого прибувавъ,
Одъ своїхъ рукъ лютіи шевавъ,
У гóродъ Полошого подававъ,
А въ листахъ прописувавъ:
»Эй Полояне, Полоянянска громада!
Коліобъ ви дòбре дбали,
Жидівь-рандарівь мши до ругъ подали.»

Тогді-то Полояне ёму одписали:
»Наіне гетьмане Хмельницький!

Отче нашъ, приходите на славиую Украину, рубите Жидовь-арендаторовъ до остатка, мѣшайте въ полѣ съ желтымъ пескомъ ихъ Жидовскую кровь, не допустите ругаться надъ своей Християнской вѣрой, Жидовскаго шабашу не уважайте.»

Слохвалились Жиды-арендаторы и все ушли въ городъ Полошное. Пришелъ Хмельницький на славиую Украину и не засталъ въ ней ни одного Жида-арендатора. Онъ не возгордился, пошелъ и къ городу Полошному. Тамъ писалъ шевма и посылалъ въ городъ, а въ шевмахъ говорилъ: »Эй, Полояне, *Полоянянская громада!* хорошо бы вы сдѣлали, когдабъ Жидовь-арендаторовъ мшѣ выдали.»

На это Полояне ему отвѣчали: »Нашъ гетманъ Хмельницький! хоть

Хоть будём одинъ на одному лягати,
А не мѡжемъ тобѣ Жидивъ-рандаривъ до рукъ подати.»

Отогдѣ-то Хмельницький у другий разъ листѣ писавъ,
У гóродъ Полонного подававъ:
»Эй Полоняне, Полоняньска громада!
Нехорóша вáша рáда.
Есть у мене одна пушка Сиротá —
Одчвѣятця вáши залѣзни ширóки воротá.»

Тогдѣ-то якъ у святій день божествѣнный четвертокъ
Хмельницький до сходу сòнца устававъ,
Під гóродъ Полянóе блѣжей прибувавъ.
Пушку Сироту́ упереду постановлявъ,
У гóродъ Полянóго гостинца подававъ.
Тогдѣ-то Жидѣ-рандарѣ
Гóркимъ гóлосомъ заволали:
»Эй Полоняне, Полоняньска громада!
Колѣбъ ви дóбре дóали,
Одъ Пóльщи ворóта одбѣвали,
Да насъ за Вѣслу рѣчку хочъ у однихъ сорочкахъ пускáли!
То бѣ ми за рѣчкою Вѣслою пробувáли,

ляжемъ трупами одинъ на другомъ, а Жидовъ-арендаторовъ тебѣ не выдадимъ.»

Хмельницький написавъ къ нимъ въ другой разъ: »Эй Полоняне, Полоняньская громада! неразумень советъ вашъ. Есть у меня пушка Сирота — отворятся ваши желѣзныя широкія ворота.»

И вотъ въ святой Божій день четвертокъ всталъ Хмельницький до восхода солнца, подошелъ ближе къ городу Полонному, поставилъ впереди пушку Сироту и послалъ Полонянамъ гостинецъ. Тогда Жиды-арендаторы горькимъ воплемъ завопили: »Эй Полоняне, Полоняньская громада! сдѣлайте вы доброе дѣло: отворите ворота съ Польской стороны и выпустите насъ за рѣку Вислу хоть въ однихъ рубашкахъ. Будемъ мы жить

Да собі дітєй дожидали,
Да їх добримп діламп науцали,
Щобъ на козацьку Україну и кривимъ окомъ не поглядали.»

Отоді-то козакамъ у городі Полонозі дана воля на три часа съ половиною:
»Пийте-гуляйте,
Коло Жидівь-рандарівъ собі здобу хорошу майте.»

Тоді-то козакі у городі Полонозі пили-гуляли,
Здобу хорошу собі коло Жидівь-рандарівъ мали;
Обратно на славу Україну прибували,
Очертомъ сидали,
Сребро и злато на три часті паёвали:
Первую часть на Покрову Січовую да на Снаса Межигорського оддали,
Другу часть на меду да на оковитій горілиці пропивали:
Третью часть междо собою, козаками, паёвали.
Тоді-то не одинъ козакъ за напа гетьмана Хмельницького Бога просивъ,
Що не одинъ Жидівський жуланъ зносивъ.»

Я провель двое сутокъ въ Александровкѣ и почти во все это время былъ неразлученъ съ Андреемъ Шутомъ. Пересказать все

за рѣкой Вислою, и когда будутъ у насъ дѣти, то станемъ ихъ учить добру, чтобъ они на козацкую Украину даже не взглянули косо.»

И дана была тогда козакамъ въ городѣ Полонномъ воля на три часа съ половиною: »Пейте, гуляйте и получите хорошую добычу отъ Жидовь-арендаторовъ.»

И козакі въ городѣ Полонномъ пили, гуляли, отъ Жидовь арендаторовъ хорошую добычу получили; потомъ пришли обратно на Украину, сядились въ кружокъ и дѣлили серебро-золото на три части; первую часть на *Съчесую Покрову* и на Межигорскаго Снаса отдали, другую на меду да на хорошей водкѣ пропили, а третью между собой раздѣлили. Не одинъ козакъ тогда молил Бога о панѣ Хмельницкомъ, одѣваясь въ Жидовскіе кафтаны.

наши бѣседы имѣть возможности, тѣмъ болѣе, что записано мною очень мало. Но не могу умолчать, что было одно время, когда я привелъ Андрея Шута въ изумленіе и восторгъ. Перебирая по начальнымъ стихамъ извѣстныя мнѣ думы — не знаетъ ли онъ ихъ варіантовъ — я прочелъ ему лучшія наизусть. Онъ былъ озадаченъ, какимъ образомъ человекъ, живущій въ Петербургѣ, человекъ не его ремесла, знаетъ такія думы, о которыхъ онъ даже и не слыхалъ! Потребовались объясненія, и мы незамѣтно перешли къ преданьямъ старины, которыя въ его умѣ были перепутаны съ новѣйшими событіями. Тутъ ужъ мнѣ стоило большого труда отвѣчать на его вопросы. Мнѣ предстояла очень длинная лекція, которую не легко прочитать понятнымъ образомъ для простолюдина, хотябы этотъ простолюдинъ былъ и Андрей Шутъ. Я держался въ предѣлахъ времени, близко подходившаго къ началу жизни старика, и сѣдой, но неграмотный, Андрей очутился въ положеніи ребенка, слушающаго воспоминанія дѣдушки. Нужно было видѣть, что съ нимъ дѣлалось. Часто онъ не былъ въ состояніи усидѣть на своемъ мѣстѣ, быстро расхаживалъ сюда и туда, какъ-будто лица чего-то, потомъ останавливался съ полуразинутымъ ртомъ на нѣсколько минутъ и потомъ снова начиналъ ходить, потиралъ руки, утирался въ бока, то садился, то вставалъ и дѣлалъ множество невыразимыхъ движеній. Къ сожалѣнію, я не могъ остаться долѣе въ Александровкѣ, и мы не успѣли наговориться вдоволь, или лучше сказать — наслушаться другъ друга. Съ тѣхъ поръ я не видалъ его, ибо у меня, какъ и у всякаго другого, есть свои помѣхи; но я знаю, что Андрей Шутъ здравствуетъ донинѣ и, судя по крѣпкому его сложенію и по трезвой, примѣрной жизни, будетъ здравствовать долго. Этому пожелають, вмѣстѣ со мною, все цѣнгители Малороссійской народнои поэзіи, такъ много ему обязанные за сохраненіе отъ забвенія драгоценныхъ памятниковъ былого.

Въ Малороссіи замѣчается чрезвычайное множество слѣпцовъ, и надобно сказать, что почти все они — по крайней мѣрѣ изъ извѣстныхъ мнѣ — отличаются отъ прочихъ людей своего состоя-

нія высшимъ настроеніемъ ума, или рѣдкимъ благодушіемъ, или наконецъ способностью къ фантастическимъ представленіямъ. Я вспомню здѣсь нѣсколькихъ слѣпцовъ, съ которыми удалось мнѣ познакомиться.

Одинъ изъ нихъ, козакъ Семень Юрчѣнко, восьмидесяти-лѣтній старикъ въ селѣ Мартыновкѣ, Борзѣнскаго уѣзда Черниговской губерніи, лишась зрѣнія въ пожилыхъ лѣтахъ, продолжалъ управлять своимъ хозяйствомъ съ помощію пріемыша, такъ какъ не имѣлъ нужды прибѣгать къ милостынѣ. Въ-послѣдствіи онъ прозрѣлъ безъ пособія медицины, но мнѣ не случалось послѣ того его видѣть. О его душевныхъ свойствахъ можно получить понятіе изъ слѣдующихъ его словъ, записанныхъ мною во время долгой бесѣды съ нимъ.

(*) Мы съ жінкою — нехайі легкo її души! — прожили до старостей своїхъ. А дідізнь було доволі — вічний покой предкамъ и дідамъ! — и къ тому уже прижили. А дітокъ памъ Богъ не давъ. Дакъ ото ми съ бабою її порадилась. Такъ вона її каже: »Що жъ то, старійі? тобі є помічъ, а мині нема.«

»Постійі, бабо, оженію, такъ и тобі помічъ буде.«

Да ото її оженіли. Отъ и бабі є помічъ. Правду кажутъ: *Що рада, то не зрада*. А вони, слава Богу, добри — ніще не огризаютьця. А якъ що не такъ, то не я втерплю да її скажу; а якъ

(*) *Переводъ*. — Мы съ женой — легко будь ея души — прожили до старости. Дѣдовскаго добра было довольно — вѣчный покой предкамъ и дѣдамъ — да къ тому и сами нажили. А дѣтокъ памъ Богъ не далъ. Такъ вотъ мы съ бабой и посоветовались. Она и говоритъ: »Что жъ это, старикъ? тебѣ есть помочь, а мнѣ нѣтъ.« — »Погоди, баба, жено пріемыша, такъ и тебѣ помочь будетъ.« Вотъ и женили. Есть и бабѣ помочь. Правду говорятъ: »Умъ хорошо, а два лучше.« А молодые, слава Богу, добрыя дѣти — еще не огрызаются. А что не по-моему, то я не вытерплю и скажу; а какъ заспорятъ между собой,

міжъ собою заведутця, то я їй цінуру показу; »Ось я«, кажу,
»васъ помирю!«

А умремó, то їй бóде їмъ худібчина.

*

Спасїбі вамъ за ягідки! Понесу для ви́вївїв. (¹)

»Чи вони жъ тебé жалують?« (²)

А якъ же? Приде до мене да сїде на колїнахъ :

»Дїдусечку, голубчику! слїнєсєшьний!« да їй обниме.

»Да ну, їдїть!«

»Э, нї, дїдусечку, ми тебé жалуемъ.«

Да якъ сїде на колїнахъ, то їй сєрце радїе.

А другї дурні: »Чого вінъ їхъ жалує? чи вони єго діти?

А я їмъ: »Дурáчество ви говорите! Чоловікъ пташку поїме,
на рúву посадить да їй радуєтця; а то жъ такі Христїянинъ, своé
рїдне.«

такъ я и палку покажу: »Вотъ я васъ помирю!« А умремъ, такъ їмъ
и останеся хозяйствейцо.«

*

Спасїбо вамъ за ягоди! Снесу внукамъ (¹). »А они тебя любятъ?« (²)
— Какъ же? Придетъ комїъ, сїдетъ на колѣняхъ: »Дѣдушка, голуб-
чикъ! слѣвенькой!« и обниметь. »Да ну, подите прочь!« — »Нѣтъ, дѣ-
душка, мы тебя любимъ.« И какъ сїдетъ на колѣняхъ, то и сердце ра-
дуется. А глухие люди: »Зачѣмъ они любить ихъ?« говорятъ: »развѣ
они его дѣти?« А я їмъ: »Что за вздоръ вы говорите! Человѣкъ пой-
масть птичку, посадить на рукѣ и радуется; а это вѣдь Христїянинъ,
свое родное.«

(¹) Внуками онъ называетъ дѣтей своего прїемыша.

(²) Вопросъ собесѣдника.

Исторія прошедшей его жизни, характеризующая вообще добрую натуру Малороссійскаго поселенина, выразилась отъ-части въ слѣдующемъ полу-историческомъ его разсказѣ.

ПРЕДАНИЕ О КОЗАЦКОМЪ ОПОЛЧЕНИИ ВЪ 1790-ХЪ ГОДАХЪ. (*)

Діялось се въ 1790-му рѣку. Тогдѣ въ Полщѣ зрѣблалась завирюха. Микъ Полщакѣми и дѣбри люде есть, да часомъ діло нѣшкомъ рѣблять. Отъ и вѣишовъ указъ зобрать Малороссійськихъ козакѣвъ. То насъ и зобрѣли въ Черниговѣ въ 1790-му годѣ; а 1791-го и 1792-го у Кіевѣ вже лагерѣми стояли. Изъ трѣхъ губернеъ насъ набрано дѣвѣять тѣсячъ. Я ѣи знаю, якъ Потѣмкинъ набирѣвъ насъ. Вѣнъ бувъ пѣрвымъ совѣтчикомъ у Госудѣринѣ; а Речѣтниковъ бувъ началникомъ. Ну, такъ оцѣ насъ бувѣло що пѣдлі смѣотритъ. На страженѣи вѣнъ багѣцько вѣисьба потерѣвъ; про ѣго пролѣжена ѣи пѣня:

Оѣи Потѣмкинъ генерѣль
Много вѣиська потерѣвъ....

(*) *Переводъ.* — Это было въ 1790 году. Тогда въ Польшѣ поднялась сумятица. Между Поляками есть и добрые люди, только иногда изподтишка дѣло затѣваютъ. Вотъ и вышелъ указъ собрать Малороссійскихъ козаковъ. Насъ и собрали въ Черниговѣ въ 1790 году, а 1791-го и 1792-го мы ужъ стояли лагеремъ въ Кіевѣ. Изъ трѣхъ губерній набрали насъ по девѣяти тысячъ. Я и помню, какъ Потемкинъ набиралъ насъ. Онъ былъ первымъ совѣтникомъ у Государыни; а Кречетниковъ былъ начальникомъ. Ну, вотъ бывало и дѣлаетъ намъ смотрѣ каждую пѣдѣлю. Онъ потерялъ много войска въ сраженѣи, такъ про него сложили и пѣню:

Оѣи Потемкинъ генерѣль
Много войска потерѣвъ....

А Государыня — еказано жіночица — вона ёму те її простила. Вінъ еказавъ їй: »Государыня Екатерина Алексеевна! нехайі други командують ими, а позволъте изъ трѣхъ губерній чистихъ мнѣ Малороссянъ набратъ.« Отъ вона—нехайі царствѣе— и позволъла. Вінъ изъ трѣхъ губерній и набравъ девять тисячъ, и изъ Хвастовець тисячу. Отъ ми вѣшли въ Кіевъ. А тамъ Днѣпръ монастиръ Видубецькпй шдрѣзавъ, и погребіі булі одкріти. То старпій її вѣжуть: »А що, козакі! каша остіла—до буряківъ« Отъ ми тогді до буряківъ, да въ котлі. Тогді жъ я заелабівъ и оставея въ обозі. Отъ Потѣмкинъ першъ емотрівъ у Чернігові все вѣеько. Піхота жъ махнула, а піки ми прибулі, вінъ ужѣ ере-емотрівъ и махнувъ у Петенбурхъ. Ёго потребували туді. Ажъ оеъ—трѣба!—указъ и пришовъ: »Померъ Потѣмка, померъ!« А Леванідовъ же тепѣрь владіе вѣеькомъ, и Речѣтпиковъ, и говорять: »Що намъ робіть изъ оцѣмъ корпусомъ? Чи ёго по повкаамъ розбіть — такъ веліка сіла — чи що«? И послали указъ до Царіці. А вона її однеіала: »На ваеъ отдаюеъ, на ваіе еум-

---

А Государыня — какъ женщина — и простила ему. Онъ ей еказаль: »Государыня Екатерина Алексеевна! пускай командують ими другіе, а миѣ позволъте набратъ изъ трѣхъ губерній чистыхъ Малороссянъ.« Она — царство ей небесное — и позволъла. Онъ и набралъ изъ трѣхъ губерній девять тысячъ, и изъ Хвастовцовъ тысячу. Вотъ и вышли мы въ Кіевъ. А тамъ Днѣпръ подрѣзаль Выдубицкій монастирь, и погребѣа были открыты. Такъ начальники и говорятъ: »А что, козакі? каша наскучила — къ буракамъ!« Вотъ мы за бураки да въ котлы. Тогда же я заболѣлъ и остался въ обозѣ. Потемкинъ сперва емотрѣлъ все войско въ Черниговѣ. Піхота посиѣшила къ нему, а пока мы прибыли, онъ ужъ кончилъ емотръ и махнулъ въ Петербурхъ. Его туда потребовали. Какъ вотъ — нужно же такъ случиться! — указъ и пришелъ: »Померъ Потемка, померъ!« Тогда ужъ войскомъ стали командовать Леонидовъ и Речетниковъ, и говорятъ: »Что намъ дѣлать съ этимъ корпусомъ? Разбіть ли его по полкамъ — такъ сіла велика — или какъ-нибудь иначе?« И послали докладъ къ Царіцѣ. А она отвѣчала: »Отдаюеъ на

дешне. Того вже нема, кому я дозволила зобратъ. « А воїні її розсудили — пехайі царствують: »Пустить їх у гоєноду. Паїні одслужили, теперъ пустить їх на свободу, де хотя прожить, — тилько одводорцівъ; а наймитівъ по повкамъ, бо скаже: »Я свое одслуживъ.»

Ото жъ ми її пришли у Кієвъ 1793-го году... уже не треба, заширилось усе. Тилько Пащокинъ... Я его знавъ и на рундукъ стоявъ на часахъ. Разъ иде у виступцахъ и сертукъ — а бувъ чоловічокъ собі певелічкий, старенький — я и зробивъ на калавуръ, а вінъ говорить: »Не пада, голубчикъ.« А вінъ не при кавалеріи, не що. Отъ, якъ распустили насъ, то вінъ и зложивъ муницію въ магазини. А тогді жъ то потребували въ Польшу и поновъ, щобъ править по *благочестію* для Поляківъ, скілько їх привернулось. Ми жъ ото вийшли нічку на маїданъ, щобъ позводио... А протівъ насъ Астраханський повкъ. Отъ и пішли командувать: »Пали!« ... Трісь! тамъ трісь! Астраханський повкъ трісь! До того дотріскались, що за рюлю неможна було взятця, такъ розогрілась. Ми

ває, на вашу совѣсть. Нѣтъ ужъ того на свѣтѣ, кому я дозволила сообразать.« Вотъ они и рассудили — царство имъ небесное: »Отпуститъ домой. Послужили Царницѣ, теперъ отпуститъ ихъ на свободу; цускаїи живутъ, гдѣ пожелають, — но только однихъ одводорцовъ; а насмишковъ — по полкамъ, ато скажетъ иной: »И свое отслужилъ.«

Вотъ и пришли мы въ Кієвъ въ 1793 году... уже не пужно, все утихло. Только Пащокинъ... Я его зналъ и стоялъ на крыльцѣ у него на часахъ. Разъ онъ идетъ въ туфляхъ и въ сертукѣ — а былъ онъ чоловічекъ небольшой, старенькой — я и сдѣлалъ на-караулъ, а онъ говоритъ: »Не падо, голубчикъ.« На немъ не было ни кавалеріи, ничего. Вотъ, какъ распустили насъ, то онъ и сложилъ аммуницію въ магазини. А въ то время потребовали въ Польшу и поновъ, чтобъ служили по *благочестію* для Поляковъ, сколько ихъ обратилось. Вышли мы на выгошъ ночью, чтобы позводио... А протівъ насъ Астраханскій полкъ. Вотъ и пошли командовать: »Пали!« ... Хлопъ! тамъ хлопъ! Астраханскій полкъ хлопъ! До того дохлопались, что пельзя было взять рукою за

жъ холостіми зарядами стреляемо, а пзъ Астраханського якійсь боїнимъ — тільки зззъ! зззъ! почалà зізгати кўля. Якъ холостімъ зарядомъ, то вонó тільки трієне; заразъ вже знать. Отъ ми стоімó да її дўмаємъ: »Тутъ ужé додóму бъ то скóро йти, а тутъ óсь якé ліхо!« Тутъ заразъ начальники постерегли да: »Пóлно! пóлно!« Отó ми її розійшлись. А н тогді не безъ заїдівъ булó: не далі памъ за третъ гóда жалованья.

Пришóвъ же я додóму. Ну, нічого таїть грїхà: треба засвãтатьця одружїтьця. Бóгъ же зна, коли бўде трéба, бо одновóрці повїшии булі, якъ указъ прїде, зновъ бути на мїстї. А братъ кáже: »Я за тебе послужу.« Такá соглãска вже.

А тутъ донесли Госудáринї — нехàїї царствўе — що стрїлкãмъ не óддано жалованья. Отъ вонà її приписала: »Оддãть жалованье!« Ажъ тутъ Леванїдовъ кричїть: »Подãй стрїлковъ! подãй Малоросїйскихъ стрїлковъ!« Тó тутъ вїдай и печене, и варене. Леванїдовъ: »Подãй стрїлковъ! вь Пóлци зновъ закувдилось.«

стволь, — такъ разогрѣлся. Мы же стрѣляемъ холостыми зарядами, а изъ Астраханскаго кто-то боевымъ — только зззъ! зззъ! засвистѣли пули. Когда выстрѣлишь холостымъ зарядомъ, то только треснетъ, а пулю тотъ-часъ узнаешь. Вотъ мы стоимъ и думаемъ: »Скоро и домой бы идти, а тутъ воиъ какая бѣда!« По начальники тотъ-часъ замѣтили и закричали: »Полно! полно!« Вотъ мы и разошлись. И тогда было не безъ плутней: не выдали намъ жалованья за третъ года.

Пришелъ я домой. Ну, нечего таить грѣха: пужно было засвататься, *одружиться*. Но Богъ знаетъ, когда опять понадобятся козакки: вѣдь одноворцы обязаны были опять быть на мѣстѣ, лишь только придетъ указъ. А братъ и говорить: »Я послужу за тебя.« Такъ, видите ли, условился.

А тутъ и донесли Государынѣ — царство ей небесное — что стрѣлкамъ не отдали жалованья. Она и предписала: »Отдать жалованье!« Какъ тутъ Леонидовъ кричить: »Попадавай стрѣлковъ! попадавай Малоросїйскихъ стрѣлковъ!« Такъ тутъ ужъ бросай и печеное, и вареное. Леонидовъ: »Попадавай стрѣлковъ! вь Польшѣ опять заварили кашу.« Вотъ

Отъ же її моймú брату ити бѣ служить, такъ немòжна: Левашідовъ приписавъ: »Безъ моєі відоми щобъ не перемінялись. Чи сліпій, чи кривій, щобъ були палічно«. Баба моя — тогді ще молодá — клáняетця: »Братіку, соколику! иди ти переміні!« А я ёму її тогді ще казавъ: »А щò жъ, якъ не піїдеиць? хазійку за-смутіишь и вігонишь. Вопá на тебе бóде плакатыця.«

Отъ и списали на бумагу да въ Борзнú. А въ Борзни Михайло Васи́льевичъ Часнікъ комиссаромъ бувъ. Пришли до ёго зъ бумагою. А вінъ бувъ невеличкий, да грубінький. »Голубчики«, ка́же, »не наша сила. Сохрани́ Бóже перемінятыця! Генерáли ка́жуть — немòжна.«

Мы її пішли — нічого робить — пішли въ Черніговъ. Намъ и перекличка есть, а браті за нами йдуть, якъ бурлаки. Губернаторъ ка́же: »Не могу я изробить нечòго.«

Отъ ми зъ Чернігова поверну́ли въ Кієвъ. Браті ка́жуть: »Э, братця! ви насъ до убитку доведете. Ми додому піїдемъ.«

моему бы брату и идти, да нельзя: Леонидовъ предписалъ: »Безъ моего вѣдома чтобъ не перемѣнялись; слѣпой, или хромою — чтобы все были на лицо.« Баба моя — тогда еще молодая — кланяется: »Братецъ, мой соколъ! ступай ты вмѣсто мужа!« А я и прежде говорилъ ему: »Что же, если ты не пойдешь? хозяйку мою опечалишь, а потомъ и изъ дому выгонишь. Она вѣчно будетъ на тебя плакаться.«

Вотъ написали бумагу, да въ Борзнú. А въ Борзни Михайло Васильевичъ Часнікъ былъ комиссаромъ. Пришли къ нему съ бумагою. А онъ былъ небольшого роста, да толстенькой. »Голубчики мои«, говоритъ, »не наша сила. Боже сохрани перемѣняться! Генералы говорятъ — нельзя.«

Мы и пошли — нечего дѣлать — пошли въ Черниговъ. Намъ есть и перекличка, а братья идутъ за нами, какъ бурлаки. Губернаторъ говоритъ: »Не могу я ничего сдѣлать.«

Вотъ мы съ Чернигова повернули въ Кієвъ. Братья говорятъ: »Эхъ, братцы! вы насъ введете въ убытокъ. Пойдемъ мы лучше до-мой.« — »Ступайте«, говоримъ. »Что же дѣлать? мы васъ не пево-

»Ідіть«, кажемы. »Що жъ робіть? ми васъ не сілуемъ.«
А въ моего брата новіи чоботи. »На«, каже, »брате, тобі сі чоботи, а мині дай стареньки.«

»Ні«, кажу, »брате; ти дома не роздобудешъ, а я тутъ безъ чобіть не бѹду.«

Ішли жъ пішли, а другіи остались зъ нами. А мій братъ каже такі: »Учі мене свого артикулу, щобъ мене послі не біли.«

Ажъ ото почули, що можна зминытьця. Питають моего брата: »Радъ Бѹгу и Государиніи служіть?«

»Радъ, ваше високопреходітелство.«

И записали ёго.

Отъ ми вже бѹ то иі реходітьця, ажъ тутъ даганіють: »Постойте жъ, ищѹ не ідіть, бо такъ не діідете.«

И дали намъ бумагу.

Якъ дали ту бумагу, тогді у насъ пзъ братомъ сѹрце зомліло. И радъ, и смѹтно на душі. Самъ угѹру піновѹ, а ёго наче притоптѹвъ. Сѹрце оттакъ и оттабъ! Питаю: »Що, братѹ? якій я?«

»Білий. А я, братѹ?«

»И тѹ білий.«

лимъ.« А у моего брата новыи сапоги. »Возьми«, говорить, »братъ, себѹ эти сапоги, а мнѹ дай старенькіе.« — »Итъ«, говорю, »братъ, ты дома не добудешъ, а я тутъ безъ сапогъ ходитъ не бѹду.« Иные ушли, а другіи остались съ нами. А мой братъ говоритъ: »Учи меня своему артикулу, чтобъ меня потомъ не біли.« Какъ воть услышали, что можно одному ийти вмѹсто другого. Спрашиваютъ моего брата: »Радъ Бѹгу и Государинѹ служить?« — »Радъ, ваше высокопревосходітелство.« И записали его. Вотъ пришлось намъ и разставаться, какъ тутъ договняють: »Погодите, не уходите еще: такъ не дойдете домой.« И дали намъ бумагу. Какъ дали бумагу, у насъ съ братомъ сѹрце и завьило. И радъ, и грустно на душі. Самъ словно выросъ, а его притопталъ къ землѹ. Сѹрце такъ и колотится! Спрашиваю: »Что, братецъ? каковъ я?« — »Блѹдень. А я, братецъ?« —

Ну, що жь робіть? Пішли до Дніпра, взяли горілки, поцілувались, попрощались: »Ідіть собі зь Богомъ!«

А тутъ (дома) люде сказали, що обоіхъ візьмуть; то мати ледві ходить, а жінка тільки що жива. Сказано, бабамъ повірили.«

Онъ же сообщилъ миѣ слѣдуюція интересныя подробности о послѣднихъ годахъ XVIII столѣтія, показывающія, какъ историческія событія, лица и явленія вѣка представлялись уму простолюдина.

1.

ПРЕДАНИЕ О ВОЙНѢ СЪ ПОЛЬШЕЮ ВЪ 1792 — 1795 ГОДАХЪ. (*)

Костюшка бувъ королёмъ у Польші. И старійи бувъ, кажутъ, да каверзникъ великій. А якійи каверзникъ? Посадять у клітку, а вінъ и втечє. То давъ приказъ: »Сю нічь порізать або поколоть постояльцівъ; а хто не згубить, тому самому голову зрубать.«

А въ одного бувъ кумъ изъ нашихъ. Пришовъ додому... зві-

»И ты блѣдень.« Ну, что же дѣлать? Пошли къ Дибяру, купили водки, поцѣловались, простылись. »Идите себѣ съ Богомъ!«

А тутъ (дома) люди сказали, что обоихъ насъ зашишутъ въ службу; такъ мать едва движется, а жена чуть жива. Извѣстно, бабамъ повѣрили.

(*) *Переводъ.* — Костюшко былъ королемъ въ Польшѣ. И старъ ужь былъ, говорятъ, да большой прохода. Посадятъ его въ клітку — онъ и уйдетъ. Такъ онъ-то далъ приказъ: »Въ эту ночь перерѣзать, или переколоть постояльцевъ; а кто своего постояльца не истребитъ, тому самому срубить голову.«

А у одного Поляка былъ кумъ изъ нашихъ. Пришелъ домой... из-

сно вже, замирілось, то бувъ на гулянци або—що, — ажъ хазійшъ смутній, все здихае.

»Чого се ти, куме, смутній такійі?«

»А що жъ?« каже, »намъ всімъ привязано оттакъ и такъ зробіть. То повечерай, збирай муницю да и втїкаймо обїдва.«

То той положивъ ложку — уже наївсь! — да до свого товариша: Оттакá и такá рїчь!

»Що ти кажешъ! ходімъ до порутчика.«

Отъ заразъ барабанъ зборъ. Хто вечеравъ, ложку кїдавъ, за муницю. Хто спать лїгъ, встававъ; хто куди гулять пішовъ, и той прибігъ. Отъ, примїрно, Бїльмачївка недалєко, то и почула барабанній галасъ; Ивангородъ, або Хвастовци недалєко, и тамъ чують, що тревога, збираються и собі въ походъ; а Борзнá, такъ тридцять верстовъ, такъ тамъ печутно було барабана, то и вїрізано всіхъ нашихъ.

Отъ тутъ уже давай збирать козаківъ. Приходимъ у Кїевъ, ажъ тамъ уже повни шпаковні. Де Андрїї Первозванійї, то и тамъ ихъ повно у лїхахъ. Отó, щó имъ робить? Стáли вони рещ-

---

вѣстно, смиренное время, такъ онъ былъ на ширшкѣ, что ли; приходитъ — хозяинъ что-то повесель. »Что это ты, кумъ, такъ повесель?« — »Что же?« говоритъ, »намъ все приказано то-то сделать. Такъ поужинай, собирай аммуницію и уйдемъ оба. »Тотъ положилъ ложку — ужъ и наїлся! — да къ своему товарищу: такое и такое дѣло. »Что ты говоришь! пойдемъ къ поручику.« Вотъ тотъ-часъ заблїли сборъ. Кто легъ спать, вставалъ; кто куда гулять ушелъ, и тотъ прибѣжалъ. Вотъ, примѣрно, Бѣльмачовка недалеко, то и услыхала барабанній бой; Ивангородъ, или Хвастовцы недалеко — и тамъ слышать тревогу, собираются и себѣ въ походъ; а Борзнá, примѣрно, въ тридцати верстахъ — тамъ ужъ не слышию барабана — и вырѣзали всехъ нашихъ.

Давай наши собирать козаковъ. Приходимъ въ Кїевъ — тамъ ужъ полны казематы. Гдѣ Андрей Первозванійї, и тамъ ихъ (Поляковъ) полны погреба. Что съ ними дѣлать? Обратили ихъ въ арестантовъ.

тантами. Було поженуть чоловіка п'ятнадцять на Дніпръ налі битъ, пііде жъ п'ятнадцять чоловіка, а чоловіка сімъ приде. Тягнуть залізну бабу, щобъ убивать налі, а далі й самі бовть у воду своєю волею! бо вмирать — вмирать. Генераламъ кажуть, що отгáтъ и такъ: Полякѣ тóлняютъ; а вони: »Катъ їхъ бері, нехайі тóп-лятця.«

Іхъ брали на допрòсь (¹). »А щò жъ?« кажуть, »ми не по своїй волі: корòль велівъ, шляхта.«

2.

ПРЕДАНІЕ О КОМЫШНИКАХЪ. (*)

Комишники тії жили по комишахъ и очеретахъ. Було идє чумакъ, то вискочать, обдеруть да й булі такіі. Отò разъ идуть чумаки, отъ їхъ два вискакує. Одинъ рáтище на дорòзі встромивъ и кричить: »Одъ возивъ, чортя!«

Бывало погонять ихъ человекъ п'ятнадцать къ Днѣпру битъ свай; человекъ п'ятнадцать туда поидеть, а человекъ только семь воротится назадъ. Тянутъ желѣзную бабу, которою вколачиваютъ свай, а потомъ брутыхъ въ воду, по своей волѣ; потому что, какъ ни умирать, все равно умирать. Докладываютъ генераламъ, что Поляки бросаются въ воду, а тѣ: »Катъ ихъ бери, пускай бросаются.«

Призывали ихъ къ допросу(¹). »Что же?« говорятъ, »мы взбунтовались не по своей волѣ: корòль, шляхта велѣли.«

(*) *Переводъ.* — Камышники жили по камышамъ и очеретамъ. Идетъ чумакъ, они вискочатъ, ограбятъ и были таковы. Вотъ однажды идуть чумаки, какъ и вискочили двое. Одинъ воткнулъ копьє на дорогѣ и кричитъ: »Прочь отъ возовъ, чертенята!« Веѣ молодцы такъ и разбѣ-

---

(¹) По дѣлу возстанія.

Усі парубки такъ и порозбігались; а отаманъ и зоставсь.

»Тй отаманъ?»

»Я«, каже.

»Давай гроши.«

»Що жъ«, каже, »люде добри? ми йдемо підъ хуру, то де въ насъ тії гроши?»

«Брешешъ, вражий сину!»

И ставъ шукать, шукать у возахъ. Одну шкуру піднявъ — нема. Винъ до другої. А отаманъ чумацький, Товстуха, собі ума прибирає, що йому робить. Винявъ двійло, а гайдамака до ёго. Дакъ и то не худобаолокъ: якъ ударить! »Эй«, каже. »сюди!»

Отъ хлопці позбігались, потрощили їмъ ноги на гамузь да ї покїдали.

»Ой, братці, доколить насъ!»

»Ні, якъ заробїли, такъ и одвїчайте.«

У чумакивъ колеса товстїї; то въ колесахъ було попродавбуе дирки, да туди гроши положить, да ї позабиває гвїздками; то ёго хоть якъ хочъ нехай разбиває, а гроши є.

жались, а отаманъ и остался. »Ты отаманъ?» — »Я«, говорятъ. »Давай деньги.« — »Что же«, говорятъ, »добрые люди? мы веземъ кладъ, такъ что у насъ за деньги?» — »Лжешь, вражий сынъ!» И началъ нескать, нескать въ возахъ. Приподнял одну шкуру — пѣту. Оиъ къ другой. А чумацїй отаманъ, Товстуха, придумываетъ, что бы съ нимъ сдѣлать. Вынулъ дышло, а гайдамака къ нему. Но и тотъ не плохой паренъ: какъ хватилъ его! »Эй«, говорятъ »сюда«! Тогда молодцы сбѣжались, пзломали їмъ ноги въ мязгу и бросили. »Эй, братцы, приколите насъ!» — »Нѣтъ, какъ заслужили, такъ и терпите.«

У чумаковъ колеса толстыя, и они въ колесахъ долбили дыры, клали туда деньги и заколачивали гвоздями; такъ ужъ какъ ни ограбитъ чумака камышиникъ, а деньги цѣлы.

ПРЕДАНІЕ О ЗАПОРОЖСКИХЪ ХИМОРОДНИКАХЪ, ИЛИ КАВЕРЗНИКАХЪ. (*)

Якъ стояли ми въ Кіеві, то я зъ другіми стражъ державъ. Мигъ нами були Запорозці въ холодніці. Старшій Запорозецъ у залізахъ седить, а товариство въ колодкахъ. Старшій здоровій, оттакій! да й то не худонахобки.

А Запорозці вѣли люде були. Каже: »Хочъ до крови пехайі бѣютьця, а волі до насъ нема прозьби, то ми й не помагемъ«. За те, що їхъ изъ стенивъ проганяли и добувать не позволяли, то кошовій розсердився, що одъ їхъ увесъ степъ одбирали и завоювать не позволяли. Тоді имъ такі и тишіше стало, бо вередовать почали. А вони нашіі Царіці служили. До їхъ и зъ нашихъ утікали, бо тамъ вольніше було.

Отъ оцей старшій и товариство підмовляли до себе Московсько-го карабнера; а той не пішовъ, да своїмъ офицерамъ и объявилъ, то ихъ и позабралі. То було говорить: »У насъ оттакъ, батькови

(*) *Переводъ.* — Какъ стояли мы въ Кіевѣ, то я съ другими казаками бывалъ на часахъ. Въ арестантской сидѣли Запорожцы. Старшій Запорожець сидитъ въ желѣзахъ, а его товарищи въ колодкахъ. Старшій былъ вотъ этакой толстый, да и другіе не плохіе молодцы.

А Запорожцы были люди вольные. Говорятъ: »Хоть до крови пускай дерутся, а когда къ намъ итъть просьбы, то мы и не помогаемъ.« Кошовой разсердился за то, что ихъ гнали изъ степей и не позволяли воевать. Тогда имъ тише такі стало, потому что начали бунить. А они нашей Царіці служили. Къ нимъ уходили и изъ нашихъ, потому что тамъ больше было волн.

Такъ этотъ-то старшій и его товарищи переманивали къ себѣ Московскаго карабнера, а тотъ не подался да своимъ офицерамъ и объявилъ, — вотъ ихъ и арестовали. Бывало онъ говоритъ намъ: »У насъ вотъ такъ, *батьковы дѣти*, водилось: коли пожелалъ — ступай къ

діти, діялось: болі зажелавъ, ступаїи до насъ; а ні, сказавъ: »Мні її тутъ добре служить Бóгу її Царіиці за віру »Християнську,« а не підвóдь!»

А на ёму одѣжа славна: штани оксамитни чóрни, кóртка зелена, а шапки не бачивъ, — и не надівавъ (вінъ), правду сказати.

Оце за нимъ хóдимо, калауримо, а вінъ намъ каже: »Щò ви, бáтькови діти, хóдите за мною? Ви бъ три дні надо мною стояли, ви бъ думали, що я передъ вами, а я Бóгъ знає, де бувъ би!»

Да було своїму товариству, що въ холоднївѣ, гласъ и оддає: »Сидить«, каже, »хлóнци; ви шуткуїте, шуткуїте, да ждїть ладу, поки бумага прїїде зъ пóвку. Побáчимъ, хто виноватъ: чи ми, що підмовляли, чи вінъ, що насъ підъябедивъ. Не погане мóре, що собáки хлѣпчуть: не погани її люде, що підъ приказомъ сидять.«

А вони, сказано, сидять у калаурні; їх и на роботу зъ рештан-тами не вигаяли. Тутъ и лóжечко для прапорщика. То який Запорожець: »Отъ увяжить мене«, каже, »въ мїшокъ, чи ветерожетє мене, що мене бережетє?»

намъ, а пѣть — говори: »Мнѣ и тутъ хорошо служить Богу и Царицѣ за Християнскую вѣру, а не вводи въ бѣду.«

А одѣжа на немъ славная: штаны бархатные черные, куртка зеленая, а шапки не видалъ я, — и не надѣвалъ онъ, правду сказать. Ходимъ бывало за нимъ, караулимъ, а онъ намъ говорить: »Чтò вы, *батьковы діти*, ходите за мною? Еслибъ я захотѣлъ, то вы три дня стояли бы надо мною, вы думали бы, что я передъ вами, а я Богъ знаетъ гдѣ былъ бы!» И откликается бывало къ своимъ товарищамъ, чтò сидѣли въ холодной: »Сидите« говорить, »ребята; шутите себѣ да дожидайтесь порядка, пока придетъ бумага изъ полка. Посмотримъ, кто виноватъ: мы ли, что подговаривали, или онъ, что наядбедничалъ на насъ.« Не оскверняютъ моря собáки тѣмъ, что пьють изъ него воду: и людямъ то не въ укору, что сидятъ они подъ арестомъ.« А они, извѣстно сидятъ въ арестантской; их и на работу съ арестантами не гоняли. Тутъ и кровать для прапорщика. Вотъ иной Запорожець и говоритъ: »Завяжите меня въ мѣшокъ; уберете ли меня?» — »А почему же?» — »Давайте сюда

»Чомъ?»

»Кѣте міншогъ.»

Да и влѣзе въ міншогъ, да до свѣлога ёго и притягнуть за
трямки; а вѣшь изъ-за дверей и іде да: »Здорови, вражи еспи!
устерегли?»

Абѣ котѣрній-небѣудъ Запорожець: »Що, ви дѣмаєте, я не
знаю, що ви вмієте красти?»

Да разъ до менѣ: »А на що ти пятака вкравъ?»

Я и не бачивъ пятака!»

»А ну, екишь чѣботъ!»

Скѣнувъ, ажъ у чѣботѣ пятакъ.

А вѣшь: »А, ідѣть васъ мѣхи!»

Да и смѣтця вѣражній Запорожець. А то вѣшь хѣмородою хѣмо-
родивъ. Сказано — кѣверзники.

А старшій було лежить да: »Гуляйте, хлопці, гуляйте да
заспѣвайте лишъ пѣсню!»

»А якѣи», кажѣ, »вамъ пѣсеньки заспѣвать? мѣже, оттакѣи,
дѣдѣку, оттакѣи?»

А я и не знавъ, що вѣшь Запорожець: на ёму некакѣи кавалѣрній
немѣ, а въ залѣзахъ, да дѣмаю: »Такъ служѣщій», да и заспѣ-
вавъ ёму Запорожьѣи:

мѣшокъ.» И влѣзеть въ мѣшокъ, и подтянуть мѣшокъ къ перекладнѣ; а
онъ, какъ тутъ, и ідетъ изъ-за двери: »Здравствуйте, вражи дѣти! а чѣ,
уберегли?» А иной изъ Запорожцевъ: »Вы думаете, я не знаю, что вы
умѣете красть?» Да разъ ко мѣ: »А зачѣмъ ты убралъ пятакъ?» —
»Чѣ вы? я и не видалъ пятака!» — »А сними-ка сапогъ!» Снялъ, а
въ сапогѣ пятакъ. Тогда онъ: »А, чѣтобъ васъ вѣли мѣхи!» и смѣтеть,
проказникъ. А вѣдь это онъ не еъ-проста дѣлалъ: колдовалъ. Извѣстное
дѣло — колдуны. А старшій бывало лежить да и екажетъ: »Гуляйте,
молодцы, гуляйте да евойте-ка пѣсню!» — »А какую,« говорю, »спѣть
вамъ пѣсню? не хотите ли, дѣда, евою вотъ эту?» А я не зналъ, что онъ
Запорожець: на немъ нѣтъ никакѣи кавалѣрній, и въ желѣзахъ; думая:
»Такъ служѣщій», и еивѣль ему Запорожскую:

Ой поїжджає да по Україні да козаченько Швачка...

То вінъ слухавъ-слухавъ, слізми облився да менé за голову: »Ахъ, єйночку мій! се жъ на́ша ба́тьківщина! се жъ на́ша отцèвська пісня! Се не пісенька, се щіра́я пра́вдонька! Такъ ми у своїхъ ба́тьківъ служили, да оце про іхъ и пісню про́ложено!«

Причинъ частой слѣпоты между Малоросейскими простолюдинами я не беруъ объяснять. Но приведу коротенькой рассказъ слѣпца Бориса Запáры (въ Богуславѣ, Кіевской губерніи) о томъ, отъ-чего, по его убѣжденію, онъ ослѣпъ. На вопросъ мой: »Чи ти сліпіімъ и родівсь?« онъ отвѣчалъ:

»Ні, менé мати прокля́ла. Пришли́ до насъ разъ за подушницъ. А я тоді ще маленькимъ бувъ та кажу́: »Ма́мо, дай хлі́ба!«

А вона́ розсёрдилась та ка́же: »Вра́жа дити́но! я тобі якъ дамъ хлі́ба, то въ тебé її́ очи повилáзять!«

Отъ зъ того́ часу́ якъ почали́, якъ почали́ бо́літь у менé́ очи́! а да́лі́ її́ зовсѣмъ ставъ небáчить. (*)

Замѣчательна его благодарность за сорочку, которую для него купили:

Ой поїжджає да по Україні да козаченько Швачка...

Долго онъ слушалъ, потомъ залился слезами и схватилъ меня за голову: »Ахъ, єйночек ты мой! вѣдь это наше отцовское наслѣдіе! это отцовская наша пѣсня! Не пѣсня это, а пѣстинная правда! Такъ мы у своихъ отцовъ, служили, и пѣсня эта про нихъ сложена!«

(*) *Переводъ.* — Нѣтъ, меня прокляла мать. Разъ пришли къ намъ за подушницъ. А я тогда былъ еще мальчишкой и говорю: »Матушка, дай хлі́ба.« А она разсёрдилась и говоритъ: »Чортово дитя! какъ дамъ я тебѣ хлі́ба, такъ и глаза у тебá выльзуть.« Съ того времени и начали бо́леть у меня глаза, а потомъ я и совсѣмъ ослѣпъ.

Нехайі васъ такъ Синъ Божій прикріе, якъ ви оцѣ менѣ прикріете. (*)

Вообще Малороссійскіе простолюдины благодарять иногда въ оборотахъ, истинно краснорѣчивыхъ. Одна старуха сказала молодому человѣку:

Нехайі тобі Господь помôже, де ти ступнѣмъ ступиши и зъ речами обѣрнешся! (**)

Ему же сказалъ однажды старикъ нищій:

Паночку лебѣдочку! щôбъ тебѣ Господь такъ узрѣвъ, якъ ти менѣ вздрѣвъ! Тилько, пане, се и твогò, що ти своєю рукою даси; ато всё не твоѣ. Господи! постанови се передъ твоєю душею! (Въ-сторону:) А, людина жъ предôбра! (***)

Но возвращаюсь къ слѣщамъ. Въ Звѣнгородѣ, Кіевской губерніи, я провелъ нѣсколько пріятныхъ часовъ съ лрникомъ Дмитромъ Погорѣлымъ, который обьяснялъ свои пѣсни самыми фантастическими разказами, выдавая ихъ за несомнѣнную истину. Это былъ первый изъ Заднѣпровскихъ пѣвцовъ-нищихъ, котораго я слышалъ. Мнѣ долго не удавалось проникнуть въ глубину Кіевской губерніи, въ мѣста, памятныхъ исторіи по упорной борьбѣ козаковъ съ Польскою шляхтою. Я не сомнѣвался, что, если на лѣвой сторонѣ Днѣпра поють думы о временахъ Хмѣльницкаго,

---

(*) Пускай васъ такъ Синъ Божій прикроеть, какъ вы меня прикріете.

(**) Помоги тебѣ Господь, гдѣ бъ ты ногой ни ступилъ и съ рѣчью ни озвался.

(***) Господинъ мой, лебедушка мой! пусть тебя такъ Господь призритъ, какъ ты меня призрѣлъ! только и твоего, что ты своей рукою подашь, а остальное все не твоѣ. Господи! поставь все это передъ твоей душою! (Въ-сторону:) А, человѣкъ-то добрый!

то на его родинѣ должны существовать первообразы этихъ думъ и многія другія, намъ неизвѣстныя. Вышло напротивъ: въ Кіевской губерніи я не записалъ ни одной думы, хотя преданія о Хмѣльницкомъ живутъ въ устахъ народа.

Это объясняется не столько недавними событіями *Коліівщицы*, которыя вытѣснили изъ памяти Украинскихъ поселянъ картины отдаленнаго времени, сколько переселеніемъ жителей на лѣвый берегъ Днѣпра, начавшимся во времена Хмѣльницкаго и кончившимся при Самойловичѣ. Правый берегъ, преимущественно предъ прочими частями Малороссіи, былъ театромъ войнъ Хмѣльницкаго и чрезъ то, мало-помалу, наконецъ почти совсѣмъ обезлюдѣлъ. Въ продолженіе этихъ войнъ, многія тысячи людей пали на поляхъ битвъ, въ которыхъ участвовали не одни козаки, но и огромныя массы призванныхъ къ оружію поселянъ; другія истреблены Поляками въ селахъ и мѣстечкахъ, взятыхъ приступомъ, а третьи погибли отъ самихъ козаковъ, которые метили землякамъ своимъ за приверженность къ Полякамъ. Въ то же самое время правый берегъ Днѣпра пустѣлъ отъ переселенія жителей въ другія мѣста, то небольшими, но безпрестанно выходившими партіями спокійныхъ поселянъ, скрывавшихся въ лѣсахъ, или на лѣвомъ, сравнительно безопаснѣйшемъ берегу, то многочисленными «громадами» козаковъ, которые, послѣ какого-нибудь всенароднаго бѣдствія, искали себѣ новыхъ земель для поселенія и такимъ образомъ основали Острогожскія, Сумскія, Ахтырскія и другія слободы. Но въ конецъ обезлюдѣла Западная Украина въ то время, когда она по-видимому была успокоена отъ потрясавшихъ ее такъ долго войнъ Богдана Хмѣльницкаго и его преемниковъ, то есть, когда отдѣленный отъ Польши лѣвый берегъ Днѣпра образовалъ, подъ протекціей Царя Московскаго, новую «Гетманщину». Туда перешли съ праваго берега вооруженные полки козацкіе; туда переселялись недовольные Польскимъ правительствомъ и невѣрившіе его обѣщаніямъ — забыть давнишнія обиды; туда наконецъ гетманъ Самойловичъ по разореніи Чигирива, а гетманъ Скоропадскій на возвратномъ пути отъ береговъ Прута, переселили всѣхъ, какихъ могли захватить, жи-

телей со веѣмъ ихъ имуществомъ и даже съ деревянными церквами, которыя были разобраны и увезены на возахъ. Эти переселенія сдѣланы были на основаніи Андрусовскаго договора, по которому не только каждый получилъ право переходить со всею движимостію на лѣвый берегъ Днѣпра, но признано даже средствомъ къ сохраненію мира между двумя государствами, чтобы вдоль ихъ границъ лежала безлюдная полоса въ нѣсколько миль шириною. Народъ до сихъ поръ помнитъ эти переселенія и говоритъ: »Се було ще до збѣгу«, или: »Се було вже після збѣгу«, а весь періодъ войнъ козацкихъ, названный въ Польскихъ хроникахъ *hostium*, онъ называетъ въ своихъ преданіяхъ *руїною*.

Такимъ образомъ прекраснѣйшія побережья Днѣпра, почти цѣлые нынѣшніе уѣзды Чигиринскій, Черкасскій и Каневскій, какъ будто были обречены на вѣчное запустѣніе. Да и весь почти этотъ край превратился въ пустыню, какъ объ этомъ мы знаемъ изъ »Лѣтописи Величка«, который, проходя съ Малороссійскими козаками отъ Кореуна и Бѣлой Церкви на Волынь въ 1705 году, былъ пораженъ безлюдьемъ Западной Малороссіи.

»Поглянувши пакъ (говоритъ онъ), видѣхъ пространные тобочніе Украинно-Малороссійскіе поля и розлеглыя долины, лѣсы и обширныя садове, и красныя дубравы, рѣки, ставы, озера запустѣлыя, мхомъ, тростіемъ и непотребною лядиною зарослыя. Видѣхъ же къ тому на розныхъ тамъ мѣстахъ много костей человѣческихъ, сухихъ и нагихъ, тилько небо покровъ себѣ имущихъ, и рекохъ въ умѣ: *кто суть сія?* Тѣхъ веѣхъ, еже рѣхъ, пустыхъ и мертвыхъ насмотрѣвшись, поболѣхъ сердцемъ и душею, яко красная и всякими благами прежде изобиловавшая земля и отчизна наша Украинно-Малороссійская во область пустыни Богомъ оставлена и насельницы ея, славныя предки наши, безвѣстны явишася.« (1)

Было бы однакожь дѣломъ неестественнымъ, еслибы страна,

---

(1) »Лѣтопись Самола Величка«, т. I, стр. 5.

такъ щедро надѣленная природою, оставалась долго пустынею. Лишь только перестала въ ней свирѣпствовать война, лишь только зазеленѣли пепелища, тотъ-часъ появился на нихъ опять чело-вѣкъ. Все прежніе обитатели Западной Украйны, неотдѣленные отъ нея Днѣпромъ и неудариваемые какимъ-нибудь напліемъ, возвращались на дорогу для сердца *батьковищину* и *матеріищу*. Владѣтели Украинскихъ староствъ и помѣстій вспомнили о своихъ правахъ и присылали отъ себя урядниковъ — «губернаторовъ, экономовъ, лѣсничихъ» — сперва только для занятія земель, а потомъ и для заботъ объ ихъ заселеніи. Нѣкоторыя дворянскія фамиліи мѣстнаго происхожденія, уцѣлѣвшія или въ глубинѣ Польши, или въ безопасномъ Полѣсьи, возвращались на родину не только сами, но приводили съ собою и подданныхъ, которые состояли какъ изъ Украинскихъ переселенцевъ въ Полѣсье, такъ и изъ природныхъ *Польщукѣвъ*, — и ихъ-то деревушки появились прежде всего на Днѣпровскомъ побережьи. Здѣсь разумѣются преимущественно мѣстности въ верхней Украйнѣ, вокругъ Кіева и Бердичева, гдѣ издавна владѣли землями дворяне средней руки: Залѣскіе, Бѣлинскіе, Проскуры, Олизары, Тышовы-Быковскіе и другіе. Южная же и восточная части Западной Украйны состояли изъ однихъ староствъ и владѣній магнатовъ. Уманщина перешла отъ Струсей къ Потоцкимъ, Смилыищина отъ Концпольскихъ къ Любомирскимъ; и въ этихъ огромныхъ имѣніяхъ, въ которыхъ «дѣдичи» никогда сами не жили, заселеніемъ земель и устройствомъ ихъ имѣній занимались ихъ урядники и уполномоченные, такъ точно, какъ въ верхнихъ повѣтахъ — сами владѣльцы-дворяне. Въ староства, крулевщины и волости южной и восточной части Западной Украйны такъ-же мало-помалу собирался народъ, то изъ разныхъ скрытыхъ мѣсть, то изъ дворянскихъ селъ верхней Украйны. Это мы знаемъ изъ процессововъ, часто возникшихъ здѣсь по подобнымъ случаямъ.

Самымъ дѣятельнымъ моментомъ такой колонизаціи была середина XVIII вѣка, и быстрѣе всего развивалась она въ Уманщинѣ, подъ непосредственнымъ распоряженіемъ Салезія Потоцкаго, вое-

воды Русскаго. Въ имѣніяхъ Любомирскихъ и въ старобствахъ Сангушкось, Яблоновскихъ, Потоцкихъ и другихъ, лучшимъ средствомъ къ заселенію пустыхъ земель была признана раздача шляхтѣ правъ на »заложеніе осадъ« (1). Такія права получались безъ всякаго затрудненія, и всегда было много на нихъ охотниковъ — то изъ самихъ управителей тѣхъ же владѣній, то изъ арендаторовъ небольшихъ частей ихъ, то изъ разной предприимчивой шляхты, приливавшей въ Украину изъ глубины Польши, то наконецъ изъ военныхъ людей отряда, постоянно квартировавшаго на этомъ пограничьи и потому называвшагося *Украинскою партією*. Эти военные люди, привыкнувъ къ здѣшнему краю, не желая возвращаться въ родныя мѣста и пользуясь свободой заниматься внѣ служебныхъ обязанностей чѣмъ угодно, основывали обыкновенно дома и заводили постоянное хозяйство невдалекѣ отъ становищъ своихъ хоругвей. Все вообще основатели новыхъ поселеній должны были больше всего стараться о привлеченіи къ себѣ людей, и потому каждое поселеніе возникало не иначе, какъ на правахъ *слободы*, то есть увольненія отъ всѣхъ почти повинностей и налоговъ на извѣстное число лѣтъ. Обыкновенно осадчіе кликали кличъ въ разныхъ сборныхъ пунктахъ — на ярмаркахъ, на переправахъ, на церковныхъ и монастырскихъ праздникахъ — и переманивали къ себѣ народъ разными обѣщаніями. Разумѣется, жилищный селянинъ не соблазнялся зовомъ *на слободу*. Но во всякомъ селѣ были сироты, обиженные старшими родичами, были бродяги, спустившіе съ рукъ послѣдній достатокъ, были любовники, опасавшіеся разлуки, или страдавшіе отъ преслѣдованій, — много было людей, желавшихъ переменить обстановку жизни. Все это внимало обѣщаніямъ льготъ, какъ сигналу къ освобожденію отъ житейскихъ нуждъ и горестей. Есть преданіе изъ временъ заселенія Смилыицны, что князь Ксаверій Любомирскій велѣлъ окличникамъ провозглашать на ярмаркахъ, что, кто придетъ къ

---

(1) Osadzić — заселить.

нему съ чужой женою и чужими волами, онъ и такого не выдастъ, и за такого будетъ стоять.

Когда такимъ образомъ вдоль береговъ Днѣпра, на старыхъ пожарищахъ и развалинахъ, въ углубленіи прохладныхъ, напоенныхъ водою долинъ, застрѣли землянки, мазанки и срубленные на живую руку хаты, за Днѣпромъ такъ-же нашлось много людей, которые пожелали пользоваться сравнительно бóльшими льготами у новыхъ владѣльцевъ Западной Украйны. А эти, съ своей стороны, послали къ нимъ зазывы и облегчали имъ средства къ переселенію. При тогдашнемъ состояніи земскоі управы и пограничнаго дозора на лѣвомъ берегу Днѣпра, переходъ въ Польскую Украйну былъ такъ же не труденъ, какъ теперь въ другую губернію, и Каневскія, Черкасскія, Чигиринскія пустыни наполнялись всё болѣе и болѣе выходцами изъ противулежащихъ селъ и городовъ Гетманщины. У Днѣпровскихъ рыбаковъ до сихъ поръ сохранились воспоминанія о *фигурахъ*, то есть крестахъ съ повѣшенными на нихъ снопомъ жита, цѣпомъ и серпомъ. Такія фигуры выставлялись на береговыхъ возвышенностяхъ въ знакъ того, что нѣкто заселяетъ слободу и приглашаетъ къ себѣ поселятъ на извѣстныхъ льготахъ. Льготами было увольненіе »подданныхъ« отъ чиншей и всякихъ повинностей на извѣстное число лѣтъ, что собственно и называлось *слободою*. Чтобы всякому прохожему и проѣзжему было ясно, на сколько именно лѣтъ дана »слобода« какому-нибудь селу, на выгонѣ становили столбъ, на-подобіе креста, въ котораго перекладни вколачивались деревянные колышки. По истеченіи каждаго года, одинъ колышекъ выбрасывался, а по прошествіи всѣхъ лѣтъ, слобожане обязаны были платить чиншъ владѣльцу земли и отбывать повинности. (1)

Повинности Украинскимъ »подданныхъ« были довольно легкія: въ казну вносилося только *подымное*; панщины назначá-

---

(1) На Волыни и въ Полѣсьи такія села назывались *волицами* и *вулышками*, отъ воли, а въ Украйнѣ *слободами* отъ свободы. («Opis Powiatu Wasylkowskiego», przez E. Rulikowskiego, str. 27.)

лось не болѣе двѣнадцати дней въ году съ хаты, такъ какъ тогдашняя система хозяйства не требовала болѣе рабочихъ дней. Хлѣба съѣли мало, ибо Черноморская торговля хлѣбомъ не существовала вовсе, и панскіе доходы извлекались преимущественно изъ выкармливанія скота, изъ меду, воску, сала, винокурения въ небольшихъ размѣрахъ и т. н. Губернаторы и другіе панскіе урядники обогащались подарками, которые народъ имъ дѣлалъ, по стариннымъ обычаямъ, всякой разъ, когда имѣлъ какую-нибудь надобность во «дворѣ», а такъ-же разнаго рода торговлею, болѣе, или менѣе позволительною, — преимущественно доставкою фуража Русскимъ войскамъ, которыя въ то время постоянно находились на границахъ, или въ самыхъ предѣлахъ Турціи. Они посылали такъ-же на Запорожьѣ разнаго рода жизненные потребности, которыя покупались за безцѣнокъ въ краю, почти баснословно плодородномъ, а продавались, или промѣнивались на лошадей дорого и потому приносили огромныя выгоды. Шляхта обогащалась такимъ образомъ сама собою и не имѣла побужденій ни въ обычаяхъ, ни въ какой-либо нуждѣ обременять поселянъ работами. По-этому новыя села достигали цвѣтущаго состоянія довольно скоро, а въ-слѣдствіе того народонаселеніе края росло какъ-бы какимъ чудомъ. Все способствовало здѣсь благосостоянію народа. Но, подобно всякому юному обществу, Украинцы отличались беззаботностію касательно будущаго, не собирали хлѣба въ прокъ, полагаясь на плодородіе почвы, даже не пахали на зиму ⁽¹⁾, и потому иногда неурожайный годъ вдругъ поражалъ ихъ всеми ужасами голода. Въ исторіи земледѣлія на Украинѣ представляются намъ двѣ противоположности: или необыкновенно низкія цѣны, или совершенный недостатокъ хлѣба, голодъ и даже моръ отъ голоду. Но эти бѣдствія проходили единственно отъ тогдашняго состоянія этой страны и ни коимъ образомъ не относятся къ Польскимъ дворянамъ, которые уже въ другой разъ были ея колонизаторами.

---

(1) Пахать на зиму начали Украинцы только съ XIX столѣтія.

Изъ мѣстныхъ документовъ отдаленнаго времени, когда Польское дворянство безразлично состояло изъ Русскихъ «благочестивыхъ» и Польскихъ католическихъ фамилій, мы видимъ, до какой степени этотъ край былъ безлюденъ. Короли Александръ и Казиміръ Ягеллонъ, даруя какому-нибудь князю во владѣніе здѣшнія земли на разстояніи отъ Спюхи до Тыбича и отъ Роси до устья Тѣмина, именовали на этихъ земляхъ всего только какихъ-нибудь двохъ, трохъ подданныхъ; а лѣтъ черезъ сто, или полтораста, мы находимъ Западную Украину уже очень многолюдною областью, и самыя войны Богдана Хмѣльницкаго служатъ тому доказательствомъ. Пятидесяти-лѣтній періодъ *hoscium*, или *руины*, съ изложенными выше обстоятельствами, превратилъ снова Западную Украину въ пустыню; а черезъ полвѣка Польское, уже чисто католическое дворянство сдѣлало ее опять многолюдною областью. Въ смыслѣ колонизаторовъ, магнаты и шляхтичи дѣйствовали безукоризненно: они и не могли дѣйствовать иначе, ибо въ такомъ случаѣ земли ихъ оставались бы незаселенными пустынями. Но, вводя начала гражданственности въ новое населеніе Украины, они неизбежно должны были ввести въ нее и латинскую, или по крайней мѣрѣ уніятскую Церковь. Собственно говоря, это было явленіе очень обыкновенное, а не какая-нибудь систематическая пропаганда. Польскіе колонизаторы Украины, привлекая народъ на свои земли, должны были наконецъ позаботиться и о религіозныхъ его нуждахъ. Они строили въ селахъ церкви и водворяли при нихъ уніятскихъ священниковъ. Можетъ быть, единственный изъ колонизаторовъ Украины, занимавшійся ея заселеніемъ съ серьезными и обдуманнми видами, Салезій Потоцкій, видя совершенный недостатокъ духовенства въ новыхъ «осадахъ», вызвалъ сюда викарія уніятской митрополіи, кеенза Рыло, и велѣлъ ему посвятить разомъ шестьдесятъ священниковъ. Въ другихъ селеніяхъ устроивались парафіи сами собою, и въ нихъ водворялись приходскіе священники, то уніятскіе, то «благочестивые». Появлялись такъ-же — хотя очень рѣдко — и монашескія общества католическія, то возвращаясь на развалины —

часто только на мѣста — прежнихъ своихъ монастырей, основанныхъ еще до Хмѣльницкаго, то будучи вызваны вновь кѣмъ-нибудь изъ колонизаторовъ. Такъ въ Смилоѣ существовалъ маленький монастырь Калупыновъ, въ Ржищевѣ — Тринитаръ, въ Лысянкѣ — Францисканцевъ. Многочисленнѣе и многолюднѣе другихъ были монашескія общества Базилянъ, которые почти исключительно завѣдывали всѣми школами на Украинѣ. Эти школы, открытыя для каждаго безъ исключенія, соединяли въ себѣ молодежь всѣхъ сословій и состояній. Сюда приходили и «паничи», сыновья помѣщиковъ, земскихъ урядниковъ и панскихъ управителей, и поповичи, и дѣти убогой шляхты, мѣщанъ и даже сельскихъ мужиковъ, которые имѣли средства и желаніе приготовить своихъ сыновей какъ-бы къ чему-то высшему. Такія школы естественно были самою сильною пропагандою уніатскаго вѣроисповѣданія. А между тѣмъ на Украинѣ и въ то время было не безъ «благочестиваго» духовенства, которое съ своей стороны имѣло на нее вліяніе. Выше уже сказано, что нѣкоторыя парафіи заняты были священниками «благочестивыми». Основатели сель, не смотря на то, что сами были католики, ни мало тому не противились; а нѣкоторые, желая понравиться народу и внушить ему къ себѣ особенную приверженность, выбирали ему священниковъ по его желанію. Владѣтель Смилянщины былъ до такой степени благосклоненъ къ Греко-Русскому духовенству, что уніатскія консисторіи постоянно жаловались на его пристрастіе. Греко-Русскіе монахи пустынно-жительствовавши во многихъ мѣстахъ на Украинѣ, или занимая старинные монастыри, по лѣсамъ и Тяминскимъ островамъ, или разбѣявшись небольшими обществами по уединеннымъ пустынямъ. Все свѣтское и монашеское духовенство «благочестивое» находилось подъ властью Кіевскихъ митрополитовъ и Задніпровскихъ архіереевъ; отъ нихъ оно было сюда присылаемо (1), къ нимъ обращалось по дѣламъ

---

(1) Впрочемъ много приходило священниковъ изъ Молдавіи и Валахіи, и подобно сказать, что между этими пришельцами были люди весьма сомнитель-

своимъ, хотя въ то же время не могло не признавать власти Польскаго правительства, живя въ Польской провинціи.

И вотъ на Украинской почвѣ, столько разъ облитой кровью, стали опять одинъ въ виду другого непріязненные жизненные элементы: народности Польская и Русская, вѣроисповѣданія латинское и «благочестивое». Нетрудно догадаться, что отсюда неизбежно должны были возникать ежедневные столкновенія и споры. Народъ здѣшній, не смотря на то, что едва только поселился на своихъ давнихъ пепелищахъ, принесъ съ собою неблагопріятныя для Поляковъ воспоминанья и понятія; преданіе о войнахъ, продолжавшихся нѣсколько десятковъ лѣтъ, было свѣжо; поводы къ козацкимъ возстаніямъ не только не были позабыты, но еще усилены очарованіемъ прошедшаго. Все это оживало при всякомъ удобномъ случаѣ и поддерживало чувство природнаго разъединенія между иляхтою и простонародьемъ. Собранное въ села и мѣстечка населеніе не могло все, до одного человѣка, быть спокойнымъ и земледѣльческимъ обществомъ. Въ немъ отзывались привычки къ бродячей и своевольной жизни; а недостатокъ *полиціи*, въ нынѣшнемъ значеніи этого слова, вообще въ Польшѣ и особенно въ провинціяхъ, столь отдаленныхъ и вновь организующихся, способствовалъ какъ нельзя болѣе ко всякаго рода беспорядкамъ. Гайдамачество, то есть открытый грабежъ, было въ Украинѣ явленіемъ весьма обыкновеннымъ, и такъ какъ оно совершалось въ смыслѣ нѣкоторой какъ-бы праведной мести убогаго надъ богатымъ, козака надъ Ляхомъ, то не знало никакого стыда, ни узды въ своихъ неответвахъ. Въ наше время странно это слышать, но внутреннія и внѣшнія обстоятельства Западной Украины XVIII вѣка сами породили — и должны были неизбежно породить — такое явленіе. Господствующій классъ ея населенія состоялъ изъ католиковъ; чернорабочій — изъ послѣдователей Греко-Рус-

---

ныхъ качествъ. Поселяне вѣрили имъ на слово, что они посвящены тамъ-то и тамъ-то; но участіе, какое они принимали въ возбужденіи черни противъ католиковъ и уніатовъ, заставляетъ догадываться, что это были за люди.

скої Церкви; между ними посредствующій, торговій, факторскій классъ, простиравшій свои жадныя руки ко вѣмъ предметамъ сбыта и потребленія, ко вѣмъ ввозимымъ и вывозимымъ товарамъ, состоялъ исключительно изъ Евреевъ. Шляхетство подчинялось нравственному вліянію ксензовъ, въ то время какъ многочисленный чернорабочій классъ, говорившій на своемъ языкѣ, имѣлъ свое собственное духовенство. Это духовенство посвящалось большею частію въ подвластномъ Россіи городѣ Кіевѣ, или въ Переяславѣ за Днѣпромъ и переносило оттуда въ народъ идею объ отроженности отъ братіи, живущихъ подъ державою Царя православнаго, подъ гетманствомъ единородца и единовѣрца, подъ управленіемъ старшинъ и пановъ, молящихся въ одной и той же церкви съ народомъ. Поселяне простодушно называли своихъ священниковъ *попами благочестивыми*, а свою вѣру *благочестіемъ*, и этимъ не говоря говорили, что католическіе и униатскіе попы нечестивы, а католическая вѣра и униа — нечестіе.

Всѣ эти обстоятельства отразились самымъ неблагоприятнымъ образомъ въ сосѣдней области, подвластной безженному Запорожскому *кошу* и населенной разбѣянными на пространствахъ нѣсколькихъ тысячъ квадратныхъ верстъ *паліюками* и хуторами, которые образовались изъ выходцевъ Польской и Московской Малороссіи, недовольныхъ житьемъ на родинѣ. Эти выходцы унесли съ собою въ степи воспоминанія о всеобщей войнѣ «благочестивыхъ» съ католиками и угнетенныхъ съ угнетателями, подъ предводительствомъ Хмѣльницкаго. Для нихъ не существовалъ новый порядокъ вещей на попріищѣ побѣдъ «козацкаго батька», между Черкасами и Чигириномъ, между Бѣлою Церковью, Корсунемъ и Уманемъ. Къ нимъ доходили вѣсти только о томъ, что на берегахъ Роси и Тясмина, которыхъ обогрѣныя кровью воды воспѣты бандуристами въ энергическихъ думахъ, по-прежнему господствуетъ Ляхъ, или — что все одно у нихъ значило — панъ, по-прежнему верховодитъ ксензь, по-прежнему обираетъ «добрыхъ людей» Жидъ, и сердце одичалыхъ степныхъ рыболововъ, пасичниковъ и чабановъ билось такою жъ фанатическою ненавистью

къ этимъ тремъ классамъ Украинскаго населенія, какъ и во времена Перебийноса. Между Украиной Польскаго государства и Запорожьемъ никогда не прекращались сношенія, и «добрые молодцы» являлись почти на каждой ярмаркѣ въ Уманѣ и въ другихъ городахъ съ произведеніями своихъ зимовниковъ, хуторовъ и паланокъ. Они пригоняли туда лошадей, привозили рыбу, мѣха и тому подобные товары, и не всѣ выручаемыя деньги пропивали на Украинскимъ рынкахъ. За свою выручку они добывали въ *Польшу*, какъ называли они этотъ край, хорошее оружіе и богатую конскую сбрую, порохъ, свинецъ, водку, сукно, одежду и прочая, а остальное серебро и золото увозили въ кожаныхъ *черепахъ* (поясахъ) на Запорожье, чтобы было что оставить по себѣ на похороны и поминовеніе козацкой души, у которой бывало не безъ грѣховъ, или про запасъ на черный день. Это оружіе, эти одежды и деньги, вывезенныя изъ «Польшы», возжигали въ душахъ Запорожскихъ гультаяевъ чувство, которое превращало ихъ религіозную ненависть къ католикамъ и Жидамъ въ фанатизмъ и подстрекало ихъ всего сплѣше къ удалому набѣгу на помѣщичьи, старостинскія и церковныя имущества, въ подражаніе Хмѣльницкому.

Такимъ-то образомъ начались набѣги Запорожской вольницы, извѣстной подъ именемъ *гайдамакъ*, на земли, едва только заселенныя стараніями Польскаго дворянства. Письменныя преданія не сохранили воспоминаній о первыхъ гайдамацкихъ набѣгахъ; но можно смѣло утверждать, что эти набѣги совпадаютъ съ началомъ колонизаціи Уманскаго, Чигиринскаго, Черкаскаго и другихъ округовъ. Старосты, губернаторы и помѣщики Украинскіе противопоставляли имъ свои надворныя хоругви, въ ~~которыхъ~~ которыхъ начальствовала шляхта, а рядовые набирались какъ изъ шляхты, такъ и изъ простыхъ поселянъ, и которыя составляли гарнизоны по крѣпостямъ, подъ названіемъ городовыхъ козаковъ. Кромѣ того Польская «юнацкая» молодежь, любя военное ремесло по духу тогдашней жизни, приходила на Украину со всей Польшы, чтобы участвовать въ борьбѣ здѣшнихъ хоругвей съ гайдамака-

мі. Лишь только получалось извѣстіе о соединеніи гайдамакъ въ большую толпу и появленіи Запорожцевъ, падворные козаки и то, что называлось Украинскою партією, предпринимали противъ нихъ экспедицію и пускали въ ходъ свои военныя хитрости. Но у гайдамакъ всегда были на Украинѣ тайные доброжелатели, давашіе имъ во время вѣсть о засадахъ, о сильныхъ и слабыхъ мѣстахъ, а подъ-часъ и убѣжище въ своихъ домахъ и даже монастыряхъ. По-этому почти каждый гайдамацкій набѣгъ увѣнчивался кровавыхъ успѣхомъ, и иногда въ одну ночь исчезали многочисленныя семейства католиковъ и Иудовъ, а ихъ замки и дома превращались въ кучи пепла. Съ своей стороны Польскія ополченія, преслѣдуя гайдамакъ въ самую глубь Запорожскихъ степей, наѣзжали на Запорожскія паланки и убивали кого могли, не находя явно виновныхъ. Это влекло за собою обоюдныя жалобы Русскаго и Польскаго правительствъ. Наряжались, какъ обыкновенно водится, комиссіи для рѣшенія спорныхъ пунктовъ; но, пока судебная процедура совершалась съ торжественной своей медленностью, молодцоватые Польскіе дворяне съ одной стороны и неумогущіе гультанъ съ другою расправлялись собственными средствами; а потому мелкая война, можно сказать, кипѣла безпрестанно на Польскомъ пограничьи. Запорожскій кошъ, метя Полякамъ за ихъ *подъльзды*, потакалъ «добрымъ молодцамъ» въ ихъ *промыслахъ* и, безъ сомнѣнія, самъ направлялъ эти промыслы; а старосты, губернаторы и пограничные паны, не признавая надъ собою никакой власти, поступали безъ всякихъ оглядокъ и даже не оправдывались, подобно кошу, невозможностью обуздать своевольныя партіи удалцовъ. Такъ подготовлена была кровавая драма 1768 года, извѣстная въ исторіи подъ именемъ Коліивщины...

Заведя рѣчь о Дмитрѣ Погорѣломъ и его склонности къ фантастическимъ представленіямъ, я незамѣтно зашелъ въ область недавней исторіи края, и сдѣлалъ не лишнее дѣло. Безъ этого взгляда на прошедшее, многое въ моихъ разсказахъ о Звенигородскомъ

слѣпомъ пѣвцѣ и о другихъ пѣвцахъ и разсказчикахъ правой стороны Днѣпра было бы понятно не для всѣхъ моихъ читателей. Преданіями о набѣгахъ гайдамакъ полны всѣ головы въ Западной Малороссіи, способныя удерживать преданія. Тамошніе простолюдины, потерявъ въ своихъ бѣдствіяхъ и переселеніяхъ цѣль старинныхъ воспоминаній, ставятъ *Хмельницину* рядомъ съ *Колівищиною* и, перезабывъ патріотическія думы о первыхъ козацкихъ войнахъ, воспѣвають стариннымъ складомъ пѣсень и старинными ихъ напѣвами подвиги новыхъ героевъ козачества, Харка, Швачку, Зализняка, Гонту и другихъ. Еслибы эти герои успѣли въ своихъ препрїятіяхъ такъ какъ Хмельницкій, духъ пѣсенности проявился бы здѣсь, безъ сомнѣнія, въ болѣе роскошныхъ и самостоятельныхъ формахъ, и предшественники Зализняка и Гонты на поприщѣ гайдамачества непременно явились бы въ такомъ же поэтическомъ свѣтѣ, какъ Наливайко, Сомко-Мушкетъ и Остряница. Но какъ этого не случилось и возстаніе Зализняка и Гонты было напраснымъ порывомъ Украинцевъ къ самодѣятельности, то въ пѣсняхъ о гайдамакахъ послышался только какъ-бы отголосокъ музы прежняго козачества, а изъ дѣйствующихъ лицъ кровавой гайдамацкой драмы блескомъ поэзіи озарилась только немногія. Остальныя, извѣстныя намъ по преданіямъ, какъ напри- мѣръ Чуприна и Чортоусъ, оставлены во мракѣ забвенія, и кровавая судьба ихъ не почтена отъ народа ни однимъ рѣшова- нымъ двустишіемъ. Зато нѣкоторыя лица, невписанныя въ исто- рію, воспѣты бандуристами съ особенною любовью. Это ужъ капризь популярной славы, которая не всегда избираетъ въ свои любимцы достойнѣйшихъ. Такъ сотинкъ Жаботинскій Харко, о котораго подвигахъ мы не знаемъ ровно ничего, воспѣтъ не хуже самого Зализняка въ пѣснѣ, записанной Черноморцемъ Вареникомъ въ Землѣ Черноморскихъ Козаковъ (1). Эту самую пѣсню

(1) «Нар. Южнор. Пѣсни», изд. Метлинскаго, стр. 425.

пѣлъ мнѣ въ Звѣнигородкѣ лириикъ Дмитро Погорѣлый съ нѣкоторыми отмѣнами (1). Но его комментарий интереснѣ самой пѣсни. Именно :

ЛЕГЕНДА О СОТНИКѢ ХАРКѢ. (*)

...У Паволочі булá у ёго хрещѣна мáти, зъ великого покоління пáні; то вінъ-то надіявся, що ёго тамъ не заіінуть, та напівшился дóбре, якъ лигъ спáти, тогді та пáні: »Теперь«, вáже, »Ляхі, мáете часъ, оступáйте Харкá!« То Ляхі за ёго.

Отъ же щѣ бъ вони ёго не стрáтили, колибъ ёго коня не приковáли: кiнь би ёго визволивъ, не давъ би ёму пропáсти; вінъ би її гýби, її зýби усiмъ порозбивáвъ и будiнокъ розвалiвъ, бо то кiнь бувъ лицáрьскiй. Ато взяли бiсовi Ляхi та її приковáли за чотiри ногi у стáні. То кiнь, якъ почувъ Харкову кровъ, то давáи пржáти; та вже нiчого не врдiвъ. А Ляхi, якъ стáли Харкá рубáть, то рубáли ажъ три днi, та нiякъ не порубáють; и

(*) *Переводъ.*—...Въ Паволочи была у него крестная мать, госпожа знатнаго рода; онь и надѣялся, что его тамъ не тронуть, да, хорошенько подгулявши, какъ уснулъ, она и говоритъ: »Теперь«, говоритъ, »Ляхи, самая нора, окружите Харка!« Ляхи и бросились къ нему. Но и тутъ еще не сгубили бы его, еслибъ не приковали его коня: конь бы его выручилъ; онь бы и губы, и зубы всемъ расшибъ и домъ разрушилъ бы, затѣмъ что то былъ конь богатырской. А то чортовы Ляхи взяли да и приковали его по всемъ четыремъ ногамъ въ конюшнѣ. Конь, какъ почувалъ кровъ Харкову, началъ ржать, но ужъ ничего не сдѣлалъ. А Ляхи, какъ стали рубить Харка, то рубили цѣлыхъ три дня, да ни какъ не изрубятъ; и сабля пззуборилась пуще желѣза: наконецъ догада-

---

(1) См. тамъ же, стр. 427. Еще одинъ вариантъ, записанный Зоріаномъ Ходаковскимъ, напечатанъ въ «Укр. Нар. Пѣсняхъ», изд. Максимовичемъ. М. 1834; стр. 121.

шабля позубілася гіршъ, якъ залізо; та вже дорозумівались, щобъ рубать ёго ёго жъ шаблею. А въ ёго шабля була лицарська; то та шабля ёго її побіділа.

Сотникъ Харко представляеть загадочное явленіе въ исторіи Польскої Укряины. Н. А. Маркевичъ въ своей »Исторіи Малоросіи« (т. II, стр. 659) упоминаеть о его возстаніи подъ 1765, а о его смерти подъ 1766 годомъ, ссылаясь на неизданную статью М. А. Максимовича о Колівщинѣ. Г. Скальковскій въ »Наѣздахъ Гайдамакъ« не говоритъ о немъ ни слова, хотя не долженъ былъ пропустить его безъ вниманія уже по одному тому, что о немъ поются пѣсни, изъ которыхъ одна была напечатана г. Максимовичемъ задолго до выхода въ свѣтъ книги г. Скальковскаго. Можно бы думать, что сотникъ Харко былъ предшественникъ Мартына Бѣлуги въ Жаботинской сотнѣ и погибъ незадолго до возстанія своего преемника, по темному подозрѣнію въ какихъ-то замыслахъ. Но въ мѣстечкѣ Смилой я встрѣтилъ старика, Кондрата Тарануху, который зналъ его лично и по разсказу котораго онъ предводилъ Жаботинскою сотнею, спустя лѣтъ десять послѣ Колівщины. Вотъ этотъ разсказъ.

ПРЕДАНИЕ О СОТНИКѢ ХАРКѢ. (*)

Я самъ знавъ Харка. Вінъ бувъ сотникомъ у Жаботині. Вони зъ Лелекою вишли сюді, якъ Москаль розруйновавъ Січъ, та її поженились у Жаботині. Лелека жъ ставъ господаровать: млний

лись, что его надобно рубить его же саблею. А у него сабля была богатырская; она-то его и побѣдила.

(*) *Переводъ.* — Я самъ зналъ Харка. Онъ былъ сотникомъ въ Жаботинѣ. Онъ да Лелека вышли изъ Сѣчи, когда ее разорили, и женились въ Жаботинѣ. Лелека сталъ хозяйничать: держалъ на откупъ

державъ, скотъ продававъ, то-що; а Харкó зробивъ сотникомъ у Жаботині, и у ёго було сорокъ чоловікъ козаківъ. То було до панівъ посліає: »Я вась«, каже, »заслоняю її стережю, а ви мині давійте кошту и провізії.« То пані було її прислають ёму въ Жаботинь.

Бравий бувъ козакъ! Було їде — жупанъ голубій на-версі, красеній на-споді, чоботи сафьянці, шапка чорна, похїлнета; самъ чоловікъ плечистій, русявий, повновідній. Було разъ проїде сївими конемъ, у другій воронимъ, у третій буланнимъ, у четвертій білимъ... той же едноралъ! а козакъ! А було до воїни такий жвавий, що вже зъ нимъ козакі нічого не боятця. Назадъ *Отче нашъ* переговоривъ — ступай сміло: кўля не візьме.

И пішла вже така слава, що супротивъ ёго ніхто не ветобіть. То Ляхі її думаютъ собі: »Отъ же ми ёго, вражого сїна, годїємо, та вигодуємо такого гайдамаку, якъ Хмельницький. То була Хмельниччина, а ще буде Харківщина!«

Да її прислали до ёго въ Жаботинь: »Просить пань до Паволочи въ гості.«

мельницы, торговалъ скотомъ и тому подобное; а Харкó сдѣлаея сотникомъ въ Жаботинь, и у него было сорокъ козаковъ. Онъ бывало посылаетъ къ панамъ: »Я вась«, говоритъ, »заслоняю и берегу, а вы за то поставляйте мнѣ содержаніе и провізію.« Паны и прислають бывало все это ему въ Жаботинь.

Славный козакъ былъ! Бывало ѣдетъ — жупанъ голубой на немъ сверху, красный подъ-пенюшкою, сапоги сафьянцы, шапка черная набокъ, самъ онъ человекъ плечистый, русоволосый, полнолицый. Бывало одинъ разъ проѣдетъ на сѣромъ конѣ, въ другой на ворономъ, въ третій на буланномъ, въ четвертый на бѣломъ... точно генералъ... а козакъ! А на войнѣ такой былъ дока, что съ нимъ козаки ничего не боялись. Проговорить навзворотъ *Отче нашъ* — ступай смѣло: пуля тебя не тронетъ.

И пошла ужъ такая слава, что противъ Харка не устоитъ никто. Вотъ Ляхи и думаютъ: »Кормимъ мы этого вражяго сына, да пожалуй выкормимъ такого разбойника, какъ Хмельницкий. Тогда была *Хмельниччина*, а теперь будетъ *Харківщина*!« И прислали къ нему въ Жа-

Вінъ и поїхавъ....

А я зъ Лелєкою добре знавсь такі. Зъ Харкомъ — нічого хвастать, а зъ Лелєкою ми такі добре гуляли. То вінъ самъ ми ні розказувавъ: »Я«, каже, »ѣмү її казавъ: »»Эй, не їдь, бгате!« « [А Лелєка той кортавивъ трѳхи] »»Эй«, кажу, »не їдь, бгате! бо не дурно кінъ на ворѳтяхъ спотикаѣтця.« « [А Харко якъ впіздивъ до Паволочи, то кінъ на ворѳтяхъ спиткнүвся].

»Ні, якъ такі не слухать нашивъ? Вони менє її годүють, и все.«

Ну, було-жъ ѣмү хочъ не напиватьця, було ѣмү литъ у кшнєню; хусткї въ ѣго були — було ѣмү въ хусткї литъ, то бъ ѣго такі не взяли. Ато якъ напивсь, то ѣго пьяного взяли къ чѳрту та її стратили.

Какъ ни обстоятельно опредѣлено здѣсь время появления Харка въ Жаботинѣ, но я не совсемъ доверяю Кондрату Таранухѣ. Онъ знавалъ сотника Харка послѣ 1775 года (годъ разоренія Сѣчи), а со мной бесѣдовалъ въ 1843 году. Если онъ былъ въ какомъ-нибудь 1776 году хоть двадцатилѣтнимъ парнемъ, для того чтобы послѣ *гулять дѳбре* съ Лелєкою, товарищемъ Харка, то во время знакомства со мною ему должно было быть не менѣе 87 лѣтъ, въ чемъ я очень сомнѣваюсь. Правда, миѣ

ѳтинѣ: »Просить тебя панъ въ Паволочъ въ гости.« Онъ и поѣхалъ. А мы съ Лелєкою были хорошіе прїатели. Съ Харкомъ — нечего хвастать, а съ Лелєкою мы такі славно кутили. Такъ онъ самъ разеказывалъ миѣ: »Я«, говоритъ, »и говорилъ ему: »»Эй, не їди, бгате!« « [А Лелєка тотъ немного картавилъ] »»Эй«, говорю, »не їди, бгате! не даромъ конь твой въ воротахъ спотыкается.« « [Какъ выѣзжалъ Харко въ Паволочъ, то конь въ воротахъ споткнулся.] »Нѣтъ, какъ можно ослушаться пановъ? Они меня и кормятъ, и все.« Ну, хоть-бы онъ не напивался! надѳбно было ему выливать вино въ кармапъ; были у него платки — надѳбно было въ платки выливать, такъ его всѣ бы еще не взяли. Ато какъ нашлся, такъ его сошаго и отиравили къ чѳрту.

указали въ Смилой на Кондрата Тарануху, какъ на человѣка *древняго*, но, войдя къ нему въ хату, я нашель его за шитьемъ какой-то одежды, и на мой взглядъ ему было не больше 60 лѣтъ. По своему обыкновенію, я развязаль ему языкъ и заставиль смотрѣть на себя благосклонно штофникомъ воды, выпутымъ изъ кармапа. Тутъ явился пріятель Таранухи, по ремеслу бондарь. Они куликнули вдвоемъ очень исправно, и, подкуражившись, старикъ, вѣроятно, присвоиль себѣ, для большаго эффекта, разсказать своего отца, или другого старожила, который точно могъ знать Харка и добре гулять съ Лелекою даже и гораздо прежде разоренія Сѣчи. Приурочить же преданіе о Харкѣ къ этому событію онъ могъ потому, что послѣ него появилось въ Украинѣ много Запорожцевъ, и разказы о томъ, какъ они содержали въ наймѣ мельницы и торговали скотомъ, были, вѣроятно, въ числѣ первыхъ воспоминаній юности Таранухи. Какъ бы то ни было, только сотникъ Харко долженъ былъ процвѣтать въ Жаботинѣ ишкакъ не послѣ разоренія Сѣчи, и вотъ тому довазательства. Во первыхъ, тогда уже наступило спокойствіе въ Украинѣ, невозмущаемое ишкакми возстаніями со стороны городовыхъ, или надворныхъ козаковъ и казнями со стороны Поляковъ. Во вторыхъ, въ преданіи Таранухи Ляхи опасаются, чтобы Харко не сдѣлался вторымъ Хмѣльницкимъ, тогда какъ имъ было бы ближе и естественнѣе сравнивать его съ Зализнякомъ и Гонтою, если бы онъ существовалъ послѣ Колішвицы. Наконецъ въ третьихъ, ибсеня о Харкѣ, сложившая послѣ разоренія Сѣчи, не могла бы сдѣлаться народною пѣсней въ Землѣ Черноморскихъ Козаковъ. Ее занесли туда Запорожцы, свято хранившіе пѣсенныя воспоминанія о своихъ *батькахъ*, какъ это видно изъ словъ Запорожекаго химородника, приведенныхъ въ разказѣ Семена Юрченка (1).

---

(1) См. выше, стр. 80.

Я думаю, немногіе изъ тѣхъ, кто самъ не пробоваль собирать въ народѣ пѣсни и преданія, знаютъ, съ какими препятствіями сопряжено это по-видимому не очень мудреное дѣло. Заходите вы въ какую угодно хату и попросите снѣть самую общезвѣстную пѣсню, — вамъ будутъ отвѣчать: «Хибá ми п'яні, щобъ співали?» или что-нибудь подобное. Нищій же пѣвецъ, встрѣченный на дорогѣ, попотчиваетъ поэтически настроеннаго путешественника семинарскими неалмами, или какою-нибудь «Чечоточкою»: пѣсни *козацкія* и *невольницькія* онъ оставитъ для пріятели, а на распросы о старинѣ навѣрное будетъ отвѣчать: «Якъ намъ, п'ане, тѣе знать, що діялось у старовині? ми люде недавніі». Но какимъ образомъ сблизиться съ каждымъ бродягою, распѣвающимъ свои пѣсни на *пріснахъ* мужичьихъ хатъ, и съ каждымъ сѣдоусымъ, недовѣрчивымъ старикомъ, который, можетъ быть, въ молодости самъ былъ гайдамакою? Не каждый приметъ за благо вашу чарку горилки, какъ Тарануха, не каждый посетитя тотъ-часъ въ раздобары о томъ, что не относится къ *дѣлу*. Нужно имѣть въ запасѣ много времени, чтобы пріучить къ себѣ простолюдина и ему понравиться. А между-тѣмъ почти все мы, антикваріи, этнографы и любители сельскихъ нравовъ, вырываемся изъ городовъ на короткій срокъ; намъ некогда даже падышаться воздухомъ полей, луговъ и лѣсовъ; безконечныя заботы сложной цивилизованной жизни преслѣдуютъ насъ всюду и отвлекаютъ отъ самыхъ пріятныхъ предиріятій. Мы дѣлаемъ на лету свои наблюденія, торопливо записываемъ пѣсни отъ старой ключицы въ родномъ домѣ, или думу случайно сблизившагося съ нами нищаго пѣвца, и тѣмъ оканчиваемъ свою попытку къ этнографическому изслѣдованію своей родины. Я самъ долженъ сознаться со стыдомъ, что сдѣлалъ въ этомъ отношеніи только сотую часть того, что имѣлъ бы возможность сдѣлать, еслибъ не гонялся за разными, менѣе важными интересами жизни. Цѣлыхъ двѣнадцать лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ собралъ я главную массу своихъ записокъ. Въ-теченіе этого долгаго періода человѣческой жизни я былъ, волею и неволею, занятъ иного рода дѣлами и

только изрѣдка прибавлять что-нибудь къ своимъ этнографическимъ матеріаламъ. Но я надѣялся, что въ это время кто-нибудь изъ Малороссіянъ приготовитъ къ печати подобный трудъ, къ которому и я могъ бы примѣнить съ своимъ только лишь начатымъ сборникомъ. Ничего подобнаго однакожь между собирателями народныхъ преданій и повѣрій не случилось, или по крайней мѣрѣ до меня не дошелъ слухъ о такомъ трудѣ. Видя, какъ медленно идетъ разработка нашей этнографіи и надѣясь оживить своимъ примѣромъ другихъ, я рѣшился издать эти Записки, не держась въ нихъ никакого плана, ни системы, которые были бы возможны только при несравненно большемъ накопленіи матеріаловъ. Я включаю сюда все, что нахожу въ своихъ записныхъ книжкахъ, въ томъ видѣ, въ какомъ оно внесено туда, предоставляя каждому рыться въ моемъ несортированномъ скарбѣ и находить между множествомъ для него ненужнаго что-нибудь и пригодное, — подобно тому, какъ я рылся въ памяти стариковъ, старухъ, пахарей, чабановъ, старосвѣтскихъ, почти неграмотныхъ пановъ и престарѣлыхъ монаховъ.

На основаніи такого объясненія, я помѣщу здѣсь безъ связи нѣсколько выписокъ изъ книжки, которая была у меня въ рукахъ во время моихъ бесѣдъ съ Дмитромъ Погорѣлымъ.

I.

О БАЗИЛЯНАХЪ. (*)

Базиліане учать було по-Польскій, и которій хлопчикъ, абó дівочка скаже Бóже приказаніе, то стросціна (¹) дасть пятака, грив-

---

(*) *Переводъ.* — Базиліане бывало учать народъ вѣрѣ по-Польски, и который мальчикъ, или дѣвочка, проговоритъ заповѣдь, тому жена ста-

---

(¹) Жена старосты.

ню, або хрестикъ. Сказано — мапіла. У одного хлопчика ещита́ла: »На що тебе Богъ создавъ?«

А вінъ ка́же: »Щобъ на́нщпу робі́въ.«

Тому́ дала́ срі́бного злото́го.

2.

ТОРГОВЛЯ НЕВОЛЬНИЦАМИ НА ЗАПОРОЖЬІ. (*)

Тогді́ такъ бу́ло, що о́це підмо́вить дівку, завезе́ на Запоро́ж-
жя, прода́сть, а самъ ве́рнетця. Ми́ні оди́нь призна́всь: »Я«,
ка́же, »продавъ Ва́рку, то її каю́ся, и не бу́ду до ві́ву же́нїтьця.«

И не же́нївся.

3.

ПРЕСЛѢДОВАНІЕ ТАТАРЪ ПОСЛѢ НАБѢГА. (**)

....А то́ї Арті́нармакъ та́кий бу́въ, що води́въ Орду́ по всій
Украї́ні. То де позво́лено бу́ло ясї́ръ бра́ть, то її бра́ли. Була́ та́я

ро́сты давала по пятаку, по гривнѣ, пли по крестику. Пзвѣстное дѣло —
заманивала. — У одного мальчи́ка спросила: »На что́ тебѣ создалъ Богъ?«
А онъ отвѣчалъ: »Работать на пановъ.« Такъ этому́ дала она́ серебра-
ный злотый.

(*) Въ то время водило́сь такъ, что подобе́ть ка́кой-нибу́дь повѣса
дѣвущку, увезе́ть на Запоро́жье, прода́сть (Татарамъ), а самъ веро́тит-
ся домой. Ми́ѣ оди́нь чело́вѣкъ призна́вался: »Я«, говори́тъ, »продалъ
Варвару, и до сихъ поръ каю́ся, и ужъ ни́когда не же́нюсь.«

И не же́ни́лся.

(**)... Тотъ Арті́нармакъ води́лъ Орду́ по всей Укра́инѣ, и гдѣ
позво́лено было́ ей бра́ть илѣ́ншихъ, тамъ и бра́ла она́. Была́ та́ Орда́ въ

Ордá въ Капүстиніи, и въ 'Іркахъ, и въ Калшіболотахъ. А тутъ пародъ зіишовея зъ ціпами: »Ходімо, вібъемъ вражу Ордú, щобъ її дýху не було!«

А Артишармакъ сказавъ: »Не займайте, бо пúшки на васъ наведú и всѣхъ вібью, а Ордá zostáнетця ціла.«

Та її повернувъ на Криві Коліна, да тамъ ужé не знаю, де вінъ її дівъ. Мабуть, де взявъ, туди її вивівъ.

А въ насъ тогді бувъ коза́къ Кúзубъ. Той и ка́же: »Поїдемо, бра́тці, за Ордóю, чи не достáнемо по червіницю.«

Отъ мій ба́тько, да щé оди́нь чоловікъ, да той Кúзубъ сіли на ко́неи та її поїхали. Приїхали въ 'Ірки, аякъ тільки въ оди́й хати́ три Татáрюги сидять посередь хати́ го́лні и гріютьця коло́ огня, бо се було въ-зімку, и люлькi кúрять. Отъ наші їх повбивали та, не знайшовши при нихъ нічо́го — бо сказано голóта — и поверну́ли додóму. Коли́ жъ зустрічають ватагу козаківъ: те-жъ ідуть на хати́.

»Здорóві, козаки!«

»Здорóві!« ка́жуть наші.

Кацуетной, и въ Іркахъ, и въ Кальшіболотахъ. Народъ собрался съ цѣпами: »Поїдемоте, перебьемъ вражью Орду, чтобы и духу ея не осталось!« Но Артишармакъ сказалъ: »Не троньте, ато наведу на васъ пушки и всѣхъ перестрѣляю, а Орда останется цѣла.« И повернулъ на Кривыя Колѣна, и не знаю ужъ, гдѣ оны тамъ ее дѣвали. Видно, откуда взялъ, туда и вывелъ.

А у насъ былъ тогда козакъ Кúзубъ. Оны и говорятъ: »Поѣдемъ, братцы, въ погоню за Ордой, не добудемъ ли по червонцу.« Вотъ мой отецъ, да еще одинъ человекъ, да тотъ Кúзубъ сѣли верхомъ и поѣхали. Приѣхали въ Ірки, смотрятъ — только въ одной хатѣ три Татарина сидятъ голые среди хаты, грѣются у огня — это было зимою — и курятъ трубки. Наши ихъ перебили и, не найдя при нихъ ничего — извѣстно, голь — воротились домой. Какъ встрѣчаютъ ватагу козаковъ: тоже ідутъ на понеки. »Здравствуйте, козаки!« — »Здравствуйте!« говорятъ наши. »А гдѣ вы были?« — »Да вотъ«, говорятъ, »ѣздили за

»А дѣ ви були?»

»Та оцѣ«, кажутъ, »іздили за Ордою.«

»А що ви тамъ бачили?»

»Ничого. Трохъ голыхъ Татаръ убили та й вернулись зъ порожніми рукамі.«

»Давайте жъ сюді, вражі сині, и своїхъ коней!»

Та й побрالی въ нихъ коней. А вони сердешніи мусили йти додому нішки. То сміху, сміху опісля зъ того було! Оттакъ воіи Орду! Довго сміялись, якъ було зберутця у кунпаніи.

4.

ПРЕДАНІЯ ОВЪ УРОЧИЩАХЪ ВЪ ЗВЕНИГОРОДКѢ. (*)

Черезъ Звенигородку течѣ невеличка рѣчка *Погібна*. Та и весь байракъ зовѣтця Погібна. Колись тамъ були великіи лози. Отъ Татарва якъ набігла, то кільки чоловікъ сховалось та й сидятъ у тихъ лозахъ. Коли жъ дівлятця, ажъ Татариога піймавъ чоловіка та й ведѣ черѣзъ містоу. То вони й кажутъ: »Отъ погібне чоловікъ ні за собаку!»

Ордою.« — »Что жъ вы тамъ видѣли?» — »Ничего. Троихъ голыхъ Татаръ убили и воротились съ пустыми руками.« — »Подавайте жъ намъ, вражьи сыны, и своихъ лошадей!» И забрали лошадей у нихъ. А они бѣдняги принууждены были воротиться домой пѣшкомъ. Такъ ужъ сколько было смѣху послѣ! Вотъ какъ воюють съ Ордою! Долго смѣялись, какъ соберутся бывало въ компаніи.

(*) *Переводъ.* — Черезъ Звенигородку течетъ небольшая рѣчка *Погібна*. Да и весь оврагъ называется Погібною. Когда-то росли въ немъ густыя лозы, и во время Татарскаго набѣга нѣсколько человекъ тамъ спрятались. Смотрятъ — Татаринъ поймавъ человека и ведетъ черезъ мостикъ. Они и говорятъ: »Вотъ погібнетъ человекъ ни за собаку!» А

А оди́нь ка́же: »По́біж҃у я ё́го обо́роно́; у мене́ ці́пъ е.«

Да зъ ці́помъ до то́го Та́тари́на ви́скочивъ та и вбѣ́въ Та́тари́на, и чо́лові́ка одня́въ.

То вже то́гді́ тії́ лю́де ї́ ка́жуть: »Отъ же, якъ ма́въ чо́лові́къ погі́бнути, то неха́й лу́чче рі́чка зо́ветця Погі́бною, що́бъ тутъ у́же ні́коли лю́де не погі́бали!«

А о́цюді́ чере́зъ го́ру є́сть о́зеро *Топі́ло*. Тамъ хлѣ́пець чи́що вто́пиве́сь, та ї́ прозва́ли То́пі́ломъ. А воно́ такъ, що́ якъ лі́то жаркѣ́, то все ї́ ви́сохне.

А за ті́єю до́ліною, чере́зъ стрѣ́лицю ⁽¹⁾—уро́чище *Коза́цький Ку́рїнь*. Якъ бу́ло ще тутъ ко́лісь ста́ро́ство, то бу́ло ста́ростя́нські́ коза́кі́ сте́режу́ть дуби́ни.

А ще є́сть тутъ у́ Гудзі́вці́ моги́ла *Звени́городъ*. Бо́гъ ї́ зна́є, чо́го вона́ такъ зо́ветця. Ті́лько ка́жуть, що́ Звени́городъ бу́в ко́лісь коза́чий го́родъ: одъ жа́дного дво́ра коза́къ ви́ходивъ. И на са́мі́й отті́й моги́лі́ є́удъ сто́явъ, бо го́родъ да́леко ро́сходиве́ся. А въ Гудзі́-

оди́нь гово́рять: »По́бѣ́гу я обо́роно́ю его́; у мене́ ці́пъ є́сть.« Ви́скочивъ є́цьпомъ къ Та́тарину́ и уби́въ Та́тарина, а чо́лові́ка ви́ручивъ. То́гда тѣ́ лю́ди гово́рять: »Вмѣ́сто то́го, чо́то́бъ чо́лові́ку погі́бнути, пу́сть лу́чше рі́чка на́зывается Погі́бною, чо́то́бъ у́жъ ни́когда́ въ не́й лю́ди не погі́бали!«

А зде́сь за го́рою є́сть о́зеро *Топі́ло*. Тамъ ма́льчикъ, чо́-ли, уто́пъ, отъ-то́го и прозва́ли о́зеро То́пі́ломъ. А оно́ въ жарко́е лѣ́то ви́сыхає́тъ до дна́.

А за то́й до́лною, про́йдя лѣ́сокъ, — уро́чище *Коза́цький Ку́рєнь*. Ка́къ бу́ло є́ще тутъ ко́гда-то ста́ро́ство, то быва́ло ста́ростя́нські́ коза́ки сто́рожать дубо́вий лѣ́сь.

А є́сть є́ще тутъ въ Гудзі́євкѣ́ моги́ла *Звени́городъ*. Бо́гъ зна́єть, отъ-чо́го она́ такъ на́зывается. Гово́рять то́лько, чо́ Звени́городъ бу́лъ ко́гда-то коза́чий го́родъ: ве́які́й дво́рь поста́вля́въ коза́ка. И на са́мо́й это́й моги́лѣ́ сто́явъ є́удъ: го́родъ да́леко ра́склыва́лся. А въ Гудзі́євкѣ́

(1) Жидкій лѣсокъ.

івні живъ колись чоловікъ Гудзь, то одъ ёго вже и вся слобода Гудзівкою прозвалася.

Ще *Шугайлова* могила есть. А назвалася вона Шугайловою ще тогді, якъ Україною князі правили (1). То було оцѣ якъ стѣнуть гряничитьця, то село на село йде. Той каже: »Сюдї гряниця!« а той каже: »Сюдї!« Такъ оди́нь воза́къ, Шугайло, вѣскочивъ конемъ на могилу, а ёго зъ того бо́ку кўлею якъ далі, такъ вінъ зъ коня. Тамъ ёго и закопали, и могила зъ того часу якъ Шугайлова, то й Шугайлова.

А у са́мому городі, оцѣ са́ме, де городничій живѣ, зовѣтця *Натягайлівка*. Що було якъ бѣѣтця навкулачки пара́фія на пара́фію, то якъ дожену́ть до того міста, то вже до́бре за чуби натягають; отъ и Натягайлівка.

А де теперъ живѣ Головачѣвскій, то звѣвся *Грецький Куртокъ*. Було якъ збираю́тця на грець, чи то, бачъ, навкулачки,

жилъ когда-то человекъ Гудзь, такъ по немъ и вся слободка прозвалась Гудзівкой.

Еще есть *Шугайлова* могила. А назвалась она Шугайловою еще тогда, когда Украиной управляли князья. Вотъ бывало какъ начнутъ спорить за границы, такъ село и идетъ на село. Одинъ говоритъ: »Тутъ граница!« а другой: »Тамъ!« Вотъ одинъ козакъ, Шугайло, взбѣжалъ верхомъ на могилу, а его какъ хватили пуля съ противной стороны, такъ ошъ съ коня. Тамъ и погребли его, и могила съ того времени прозвана Шугайловою.

А въ самомъ городѣ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ живетъ городничій, урочище *Натягайлівка*. Бывало, какъ выйдетъ одна пара́фія противъ другой на-кулачки, да какъ нагоняеть другъ друга на этомъ мѣстѣ, такъ ужъ за чубы порядкомъ натягають; вотъ и Натягайлівка.

А гдѣ теперь живетъ Головачѣвскій, то мѣсто звалось *Грецькій Куртокъ*. Бывало, какъ соберутся на *грець*, то есть на-кулач-

(1) На вопросъ мой: »Якіи князі?« Дмитро отвѣчалъ: «Полякі».

то зійдуться на той кутокъ саміи старіи та її розкладають раду, якъ зайті, чи зъ того, чи зъ того боку, кому попереду, а кому позаду, а кому по бокахъ іти; и такъ собі тайно змовляця да потімъ уже її пускають дівбору, ажъ поби її до старіихъ дійде. Було оцѣ такіи старіи чоловікъ буде, якъ я, то бороду въ зуби та її шишовъ гулять зъ кулаками; та часомъ старіи бьѣтця ще лучче молодого. Теперъ якъ гулять, то ідутьъ абó на музики, абó у шинькъ, а тогдѣ — то все навкулачки. Оцѣ зострінутця де-не-будь хлони:

»Здоровъ, брате!«

»Здоровъ!«

»А давай навкулачки!«

»Давай!«

Той того въ груди, а той того. (1)

А по сѣй бѣгъ Погибнои — *Кучугурівка*. Колись сѣе місто було зовсімъ пустѣ. То якийся чоловікъ приишовъ, чи зъ Бердичова, чи що, на слободу та її сівъ собі коло Погибнои. Отó призивають ёго пани: »Якъ тебѣ зовуть?«

ки, то самые старые бойцы сойдутся въ этомъ куткѣ и держатъ совѣтъ между собою, какъ заходить, съ той, или съ другой стороны, кому впереди, кому позади, кому по сторонамъ идти, и, условившись между собою, пускають сперва мальчишекъ въ драку, а потомъ доходитъ дѣло и до старшихъ. Бывало выйдетъ на-кулачки такой старикъ какъ я, — бороду въ зубы и пошелъ гулять съ кулаками, и иной разъ старый дерется лучше молодого. Теперь собираются гулять туда, гдѣ музыка, или въ борчму, а тогда — все на-кулачки. Встрѣтятся гдѣ-нибудь мальчишки: »Здравствуй, братъ!« — »Здравствуй!« — »Давай на-кулачки! — Давай!« и тотъ-часъ одинъ другого въ грудь.

А по ею сторону Погибнои — *Кучугуровка*. Мѣсто это было когда-то совсѣмъ пусто; наконецъ приходитъ какой-то человекъ на слободу

---

(1) Этимъ поясняется примѣчаніе Архипа Оржицкаго на стр. 20.

»Олійникъ.«

»Э, треба тобі друге прізвище дати, щобъ тебѣ твої пані звідти не взяли.« (1)

»Та я«, каже, »панове, на твоїхъ кучугурахъ сівъ, що ніхто не зайде, ні заїде«.

»Ну, будь же ти Кучугуромъ«.

»Якъ Кучугуръ, то й Кучугуръ, да описля и весь той кутокъ назався Кучугурівкою.

А по той бікъ річки Звенигородки зовѣтця місто *Цяпівка*. Тодъ була колісь пустиня, а одинъ чоловікъ изъ жінкою приишовъ на слободу жъ такі та й сівъ собі одинъ однимъ за річкою. Такъ було жінка ёго вийде въ-ранці та на курей: *Куръ, куръ! цяпъ, цяпъ!* А люде зъ сёго боку, сміютця було та й прозвали того чоловіка Цяпомъ, а одъ Цяпа и весь кутокъ ставъ Цяпівка.

А ще, якъ їхати на Кальніболота, то, одъ гóрода верстовъ пять, стоить камень *Писанка*, що снїи поставили колісь надъ

изъ Бердичева, что ли, и поселяется возлѣ Погибной. Вотъ и призываютъ его къ себѣ паны: »Какъ тебя зовутъ?« — »Олійникъ.« — »Нѣтъ, надобно тебѣ дати другое прозвище, чтобы твои господа не взяли тебя оттуда.« (1) — »Да вѣдь я«, говоритъ, »господа, поселился на такихъ *кучугурахъ* (2), что ко мнѣ нѣтъ никакого доступа.« — »Ну, будь же ты Кучугуромъ.« И пошелъ онъ называться Кучугуромъ, а потомъ и весь тѣтъ конецъ назвался Кучугуровкою.

А по ту сторону рѣчки Звенигородки зовется мѣсто *Цяпівка*. Тогда было когда-то пустошь, и пришелъ одинъ человекъ съ женой на слободу же и поселился особнякомъ за рѣчкою. Вотъ бывало жена его выйдетъ утромъ изъ хаты и зоветъ курь: *Куръ, куръ! цяпъ, цяпъ!* А люди съ этой стороны бывало смѣются и прозвали того человека Цяпомъ, отъ Цяпа и весь околотокъ началъ называться Цяпівкою.

А еще по дорогѣ въ Кальніболота, верстахъ въ пяти отъ города,

---

(1) Чтобы выразумѣть это мѣсто, надобно оглянуться на стр. 84 — 86.

(2) Мѣсто, гдѣ горы нагромождены кучами.

батькомъ. Писанка той бувъ родомъ изъ Стебного [дві вереті одъ Звенигородки], старій, дідизній чоловікъ; и тавій, кѣжуть, бувъ козакъ, що нехай до ёго стрѣляе, то рѣку наставить да й кѣлі вертае назадъ. Якъ ще були козаки у старосѣчин Солтыковой, то вже було безъ ёго не пійдуть грянничтыця, бо не ихъ бѣде сила. А якъ же Писанка ё, то вже ідуть смѣло. Такъ отъ надъ тѣмъ-то Писанкою и стоить той камінь Писанка.

Изучая воспоминанія нашихъ современниковъ о недавней старинѣ, мы получимъ возможность представить себѣ ясно положеніе дѣлъ въ эпохи отдаленнѣйшія, о которыхъ до насъ дошли только немногія лѣтописныя и архивныя извѣстія, въ смыслѣ живописи исторіи. Между положеніемъ Западной Украйны въ концѣ прошлаго столѣтія и положеніемъ Украйны Обѣихъ Сторонъ Днѣпра до возстанія Хмѣльницкаго существуетъ параллель, взаимно объясняющая обѣ одна отъ другой отдаленныя эпохи. Напримѣръ, изустныя разсказы о томъ, какъ въ-старину *граничились* сосѣди помѣщики, или старосты (что въ этомъ случаѣ значило почти одно и то же) совпадаютъ съ документальными преданіями о пограничной войнѣ Адама Киселя съ Іеремією Вишневецкимъ. Документы объ этомъ у меня въ рукахъ, и я ихъ печатаю въ свое время и въ своемъ мѣстѣ.

стоитъ камень *Писанка*: когда-то сыновья поставили его надъ отцомъ. Писанка тотъ былъ родомъ изъ Стебного [въ двухъ верстахъ отъ Звенигородки], старій, дѣдовскихъ временъ человекъ, и такой былъ козакъ, что ты стрѣлай въ него, а онъ руку подставитъ и возвращаетъ тебѣ пули. Когда еще служили козаки у жены старобы, Солтыковой, то бывало безъ него никогда не выступаютъ драться съ сосѣдами за границу: не на ихъ сторонѣ будетъ сила. А съ Писанкой идутъ смѣло. Такъ надъ тѣмъ-то Писанкой и стоитъ тотъ камень Писанка.

ПОГРАНИЧНЫЯ СХВАТКИ ЖОЛНІРОВЪ СЪ КОЗАКАМИ. (*)

Есть десь рѣчка Жовтѣнька. То по одну сторону, на заходь сонця, стояли жовніри, а противь сонця стояли Запорѣзці. Пійдутця було въ шпикъ на дешеву горілку. То жовніри, а то козаки; у ряду сидять собі. Та якъ напьютця горілки, то її заведутьця битьця за граніцію, та часомъ которій которого її зарубае. А далі вже такъ завелісь, що стали її дуже битьця, и проженуть бувало жовнірівъ ажъ геть за слободу, а въ слободі позабірають усе та її вернутця. То жовніри просили короля, щобъ поставлено імъ певну граніцію. Отъ король и каже козакамъ: »Приженіть тихъ жовнірівъ ажъ у Варшаву.« Отъ вони якъ пригнали, то король и каже отаману: »Чимъ тебѣ наградитъ? Отъ тобі награда: де побачишь Жіда, або багатаго мужика, то нечї її дері.« Такъ оттогді-то бувъ Нечай и Хмельницькій.

Отбросивши въ этомъ преданіи конецъ, въ которомъ грубїйшій смель гайдамачества смѣшанъ съ неясными воспоминаніями

(*) *Переводъ.*—Есть гдѣ-то рѣчка Желтенькая (Желтыя Воды). На западной сторонѣ стояли *жолтиры* (Польскіе солдаты), а на восточной Запорожцы. Соберутся бывало въ кабакъ на дешевую водку и сидять рядомъ; да напившись и начнутъ драться за граніцу и иного на смерть изрубятъ. Наконецъ ужъ такъ раззадорилсь, что стали драться не на шутку, и прогонять бывало козаки жоліфровъ далеко за слободу, а слободу разграбятъ и воротятся. Такъ жоліфры просили короля, чтобъ опредѣлялъ имъ точную граніцу. Тогда король и говоритъ козакамъ: »Гоните жоліфровъ въ самую Варшаву«, и когда козаки ихъ пригнали, то король и говоритъ отаману: »Чѣмъ тебя наградитъ? Вотъ тебѣ награда: гдѣ увидишь Жіда, или богатаго мужика, жарь его и грабь.« И вотъ тогда-то были Нечай и Хмельницькій.

о Хмѣльницкомъ, обращу опять вѣнманіе читателя на параллель между концомъ и началомъ козачества, которая въ немъ высказывается. *Дикое Поле* было ареною борьбы между злоупотребленіями пановъ и реакціею козачества, стоявшаго за равновѣсіе сословія. Что разсказано здѣсь Дмитромъ Погорѣлымъ въ сбивчивыхъ припоминаньяхъ слышаннаго, то въ думѣ о Ганжѣ Андубѣрѣ⁽¹⁾ облечено въ поэтическія краски; но объ повѣсти, по характеру событія, могли бы имѣть мѣсто какъ во времена Наливайка, такъ и во времена Зализняка.

Отъ пребыванія моего въ Звенигородѣ въ записной моей книжкѣ осталась еще два разсказа очевидца о Запорожцахъ, съ помѣткою: »Пасичникъ изъ Кременчуга.« Теперь уже я не могу припомнить, какъ я встрѣтился съ этимъ пасичникомъ; но разсказы его не нуждаются въ характеристикѣ разсказчика.

1.

ЗАПОРОЖЦЫ НА СВОИХЪ РЫБНЫХЪ ЛОВЛЯХЪ. (*)

Я служивъ два гóди у Бериславі, а тамъ недалѣко рѣбні заводи Запорóзькні. То булó якъ приїдешъ у заводъ, то вопі тебе не стануть питать, щó ти за чоловікъ, а заразъ: »Дайте лишъ козаку поноєти, та її горілки чарку віднесіть, бо вінъ, мóже, здалека йдє, то втомівсь.«

(*) *Переводъ.* — Я служилъ два года въ Бериславѣ, а оттуда недалеко были Запорожскіе рыбныя заводы. Вывало, какъ придеши на заводъ, то Запорожцы не спрашиваютъ, что ты за человекъ, а тотчасъ: »Дайте-ка поѣсть козаку и чаркой водки попотчивайте; можетъ быть, онъ пришелъ издалека и усталъ.« А когда поѣшь, то еще ложись

---

(1) См. ниже.

Отъ якъ наісієсь, то ще ляжъ одпочінь, да тогді вже питають: »Хтò ти такіій? Мòже, робòти шукáєшь?»

Отъ и свáжєшь: »Шукáю.«

»Такъ и въ насъ є робòта; приставаіі!»

То її пристаєшь, и чáсомъ за мiєсяць рублiвъ двáдцять зарòбишь.

А нарòдъ бувъ усє роскошнiй. Шii такіі, що хочъ обiдде гни. Ужє вони до себє якого-нiбудь не прiймуть. А їси дóвгi, що ажъ за їни позаклáдують. У недiлю булò зберўтця гулять; то багáтнi особò, а вòбгнi особò. Багáтнi її шатєрь собi нанцўть и справляють бáль: горiлку пьють, у кáрти, а найбòльше въ шáшки, грають. На кòбзи булò лiрникъ імъ грає, пiдòбгáвши пòгни, а вони ташцòють. Пiiде булò навприсядки, то гєть обiйде — чòртъ знає де. То вже нарòдъ мунтрòваний бувъ! Абò колесомъ пiiде... то чòртъ єго знає, якъ вінъ тамъ кòтитця: зовсiмъ якъ колесо! (1)

отдохни, а потомъ уже спрашиваютъ: »Кто ты таковъ? Не ищешь ли работы?» Ну, скажешь имъ: »Ищу.« — »Такъ и у насъ есть работа; приставай къ намъ.« Пристанешь бывало на работу и иной разъ въ мѣсяць рублей двадцать заработаешь.

Народъ былъ, эти Запорожцы, дородный. Шел у нихъ — хоть ободье гни. Ужъ они въ свое общество какую-нибудь дрянъ не примутъ. А усы такіе длинные, что за уши закладывались. Въ воскресенье соберутся бывало гулять: богатые особò, а бѣдные особò. Богатые разобьютъ палатку и дѣлаютъ баль: водку пьютъ, играютъ въ карты, а всего больше въ шашки. Кобзарь бывало играетъ имъ на кобзѣ, поджавши подъ себя ноги, а они танцуютъ. Пустится бывало въ-присядку, то далеко, чортъ знаетъ какъ далеко, обойдетъ кругъ. Тò ужъ народъ былъ ученый! Или какъ пойдетъ колесомъ кататься... то чортъ его знаетъ, какъ онъ катится: ну, колесо да и только! (1)

---

(1) То, чтоъ рассказывается здѣсь объ отособленіи богатыхъ и убогихъ, воспыто въ пѣснѣ, напечатанной въ сборникѣ г. Метлинскаго, на стр. 449.

Тёмна хмáра наступáє, ставъ дòщикъ итти,
Благословiй, отáманє, намєть напаястi!

ЗАПОРОЖСКОЕ ЦЬЛОМУДРІЄ. (*)

Росказувала одна старá бáба, що, каже, якъ була я дівкою, то, каже, Запорóжець ставъ зо мною жартувать. А другій стоить да й каже: »Вражій сїну! на що ти зъ дівкою жартуєшь? хибá тобї нема молодїці?«

»Я«, каже, »тїлько такъ.«

Да вїнявъ зъ кшнєні такъ хорóшу шовковóу хустку! да й каже: »На жъ тобї, бїсова дівко, носї. Се тобї за тє, що съ тобїю пожартовавъ.«

(*) *Переводъ.* — Рассказывала одна старуха, что когда я, говорить, была дѣвушкою, то Запорожець началъ заигрывать со мной. А другою стоитъ и говоритъ: »Вражій сынъ! зачѣмъ ты съ дѣвушкою шалишь? развѣ мало тебѣ молодїцъ?« — »Я«, говоритъ, »только такъ.« Потомъ вынулъ изъ кармана такой славный шелковый платокъ! и говоритъ: »Возьми, чортова дѣвка, и носи. Это я за то тебѣ даю, что пошалилъ съ тобой немножко.«

Ой напаялі козачєньки червóний намєть.
Беруть вони вино, пїво и солóдкий медь.
Усі панї, усі дукї въ намєту сїл,
Нáше браття сїромáшши та й не посміли,
Взялі квáрту мєду зъ жáрту, на доцї сїл.
Пде козáцький отамáнъ, стáло єму жáль;
Взявъ изъ сєбе голубїй жупáнъ, намъ намєть напьявъ —
Пде багачъ, та йде дукáчь, пьянъ валяєтця,
Зъ козáцького отамáна насмїхáетця:
»За що тáя голóтонька напивáетця!« (Гуть пропускъ.)
Одїнь ведє за чупрїну, другїй дýла бєе;
»Не йдї тудї, вражїй сїну, де голóта пье!«

А вже въ їхъ такъ (рассказывалъ мнѣ *Клима Біликъ* въ Кумєйкахъ), що якъ садовїщъ, то садовї багáтого и вбóгого; а якъ же нї, то й хазяїна по грý-ляхъ: »Мáтері твоїй бїсь! багáтого, такъ и трактуєшь, а менє, такъ и нї!«

Такъ какъ я, по поводу исторіи сотника Харка, разсказаль уже о своемъ знакомствѣ съ древнимъ человѣкомъ мѣстечка Смилой, Кондратомъ Таранухою, то, чтобъ не возвращаться къ нему послѣ, завернемъ въ его низенькую хату и послушаемъ его разсказовъ.

1.

ЛЕГЕНДА О БОГДАНѢ ХМЕЛЬНИЦКОМЪ. (*)

Хмельницькій первый піднявъ гайдамакъ. Написавъ такий листъ, що: »Гей! хтò до мене пристане?« та й назбиравъ козаківъ. Якъ назбиравъ, то й почали різати Ляхівъ и Жидову. А якъ побачить було хорошу пані, або Жидівку, то змілується та й перехрестить у свою віру. И панівъ перехрещувавъ... Отъ, якъ ставъ воєвать, якъ ставъ воєвать, то новоєвавъ Ляхівъ ажъ по Случъ; одіславъ військо додому, а надъ Случчу поставивъ вѣтряні барабани. Що подмѣ вѣтеръ, то Ляхи думаютъ, що у козацькому війську въ трубѣ грають, да й бояться йти за Случъ. А Хмельницькій тимъ часомъ бачить, що багачко ліха наробивъ, та взявъ да й полѣзъ до короля прохати милости. А король нарядивъ одинадцять кативъ у королѣвське платте, а самъ дванадцятій

(*) *Переводъ.* — Хмельницькій первый поднялъ гайдамакъ. Написалъ онъ такую бумагу, въ которой сказано: »Эй, ко мнѣ, молодцы!« и собралъ вокругъ себя козаковъ. Собралъ — и давай съ ними рѣзать Ляховъ и Жидовъ. Но когда увидитъ бывало красивую пани, или Жидовку, то умилосердился и перекрестить въ свою вѣру. И пановъ перекрещивалъ... Вотъ, какъ принялся воевать, то завоевалъ у Ляховъ землю по самую Случъ; потомъ отослалъ войско домой, а надъ Случью поставилъ вѣтряные барабаны. Вѣтеръ подуетъ, а Ляхи думаютъ, что то въ козацкомъ войскѣ играютъ въ трубы, и боятся идти за Случъ. А Хмельницькій между тѣмъ увидѣлъ, что надѣлалъ бѣды, и полѣзъ къ королю просить милости. Вотъ король нарядилъ одинадцать палачей въ

ставъ. Якъ прилізе Хмельницькій до яко́го кáта, зáразъ ё́му го́лову одтя́ть. Отъ же Хмельницькій не полізь и до однёго кáта, да прáмо до коро́ля. Прилізь до ё́го рáчки и впа́вь у но́ги. То коро́ль підня́вь ё́го за го́лову та й сказа́вь: »Ой ти, сваво́льнику! бага́цько ти невiннихъ ду́шъ занасті́вь!«

2.

ЛЕГЕНДА О МАЗЕПѢ И ПАЛІІ. (*)

Мазéпа боя́всѧ Палі́я, щобъ вінъ ё́го не звоёва́вь, та взя́вь ё́го да й заму́рова́вь у стовб́ъ у та́кій, що тíлько малéньке вікóнце, а то ввесь заму́ровáний; и якъ хто подáсть у те вікóнце шмáтокъ хлiба, то тíлько вінъ и жiвъ. Отъ, заму́рова́вши Палі́я, и ставъ Мазéпа воёва́ть зъ Царéмъ. А тогдi ще Москóвськóй землi бу́вь тíлько одiнъ рука́вь та й гóдi. А се вже тепèрь такъ Госудáрь розжiвся: давъ Госпóдь милосéрдний, що позавоёвувáвь собi и городiвъ, и земéль. А тогдi Москóвськóй землi бу́ло тíлько такъ,

---

королевское платье, а самъ сталъ между ними двiнадцатый, и велéль — лишь только Хмельницкій прилэзеть къ которому-нибудь палачу, тотъ-часъ отсéчь ему голову. Но Хмельницкій не полэзъ ни къ одному палачу, а прáмо къ королю. Прилэзъ къ нему на черверенькахъ и упалъ къ ногамъ. Тогда король поднялъ его за голову и сказалъ: »Ахъ, ты, *своевольникъ!* много ты невинныхъ душъ погубилъ!«

(*) *Переводъ.* — Мазепа боялся Палия, чтобъ онъ его не побéдилъ, и заложилъ его въ каменномъ столб́у, въ которомъ было только маленькое окошечко. Кто-нибудь подасть кусокъ хлiба въ окошко — тёмъ только и штался Палий. Засадивши Палия въ столб́ъ, началъ Мазепа воевать съ Царёмъ. А въ то время Московской земли былъ только одинъ рукавъ. Это ужъ теперь такъ Гоеударь разжился: помогъ Ему Господь милосердый завоевать городовъ и земéль. А тогда Московской земли бы-

якъ на рукавъ. Отъ зовсімъ ужé Мазéпа одолíвае Царя. А Царь якъ дочу́вь, що въ такімъ и такімъ містечку замурóванъ у стовб́ Палі́й, зара́зъ, послáвъ такіхъ, що розруйно́вали геть чісто той стовб́. Отъ, якъ випустили Палі́й, то вінъ ажъ тремтіть увесь, такъ ослаб́. То Царь мусивъ прохати у Мазéпи на двана́дцять день згóди, поки одхая́въ Палі́й. А якъ одхая́въ, то Палі́й сівъ на коня́ да об́їхавъ кругомъ Мазéпине військо, да якъ поставивъ отта́къ ⁽¹⁾ рáтище, то імъ здало́сь, що то лісь стоїть. Отъ вони и почалі́ їхати черезъ той лісь, схиля́ючись; а Палі́єви козаки́ дава́й рубáть імъ гóлови. А Мазéпа постері́гъ, що ліхо, да якъ удáрить у тараба́ни: »Гей, б́ратці, втіка́йте, бо ще старі́й соба́ка живъ!«

Зд́есь кетати привести другу́ю легенду о т́їхъ же лицахъ, записанну́ю мною со словъ П. Е. Чуйкевича, которі́й слышавъ ее отъ чабана́ близъ Ново́й Басани, Переяславскаго у́зда Полтавско́й губерні́. Въ не́й фантастическі́й елементъ преоблада́ть надъ историческі́мъ еще въ сильні́йшей степе́ни, и самы́я имена переі́начены. Семень Палі́й обра́щенъ въ Степа́на Плаху, а Мазéпа

ло не больше, какъ рукавъ. Вотъ Мазéпа совес́мъ одол́вваетъ Царя. А Царь услышалъ, что въ такомъ—то м́стечќ заложень въ столб́ Палі́й, и тотъ-часъ послалъ разорить тотъ столб́ дочиста. Какъ выпустили Палі́я, то онъ весь дрожитъ, такъ ослаб́. Поэтому Царь принужденъ былъ просить у Мазéпы на дв́надцать дней переми́рїя, пока Палі́й не оправился. А лишь только оправился, — с́ѣлъ на коня, об́їхавъ кругомъ Мазéпино войско и какъ поставилъ вотъ эта́къ ⁽¹⁾ конье, то імъ показало́сь, что то́ л́есь стоїть. Вотъ и ї́дутъ они черезъ тотъ л́есь наклоня́ясь, а Палі́євы козаки́ дава́й рубіть імъ гóлови. Спóхвотился Мазéпа, что б́ѣда, и ударилъ въ бараба́ны: »Эй, б́ратцы, уходите: еще старі́й песь живъ!«

(1) Гуть Тарану́ха протяну́ль р́ку такъ, какъ будто державъ отв́сно, упері́й въ землю, конье.

является крестнымъ сыномъ царя Петра, Мазепенкомъ. Между г. Чуйкевичемъ и чабаномъ завязался какъ-то разговоръ о старинѣ, и молодой путешественникъ хотѣлъ прислужиться старому пастуху своими книжными свѣдѣніями. Но старикъ не повѣрилъ, чтобъ исторія Мазепы и Палія совершилась такъ просто и попотчивалъ его произведеніемъ народнои фантазій, которому не достаетъ только стихотворной формы, чтобы быть эпосомъ.

ВТОРАЯ ЛЕГЕНДА О МАЗЕПѢ. (*).

У Мазепи родився сынъ. Царь Петро бувъ кумомъ. Отъ, якъ уже були на підпитку, то Петро и призвавъ до себе козакá Степана Плаху. [А той Степанъ Плаха такій бувъ чоловікъ, що знавъ усё, що буде напередъ за сто лѣтъ.]

»Скажи«, каже, »Степане Плахо, що зо мною буде?«

»А отъ що зъ тобою буде, Царю«, каже Плаха: »черезъ тридцять рѣкъ твої хрищенікы воєватиме на тебе.«

»Брѣшешъ, Степане!« каже Петро: »чи можна, щобъ мое дитя підняло на мене рѣки?«

Да и звелівъ забить Плаху въ кайдани и посадить у темницю, — не дають ёму ни нити, ни їсти, тилько рожокъ зъ табакою положить біля ёго.

(*). *Переводъ.* — У Мазепы родился сынъ. Царь Петръ былъ кумомъ. Вотъ, когда ужъ подгуляли, Петръ и призвалъ къ себѣ козакá Степана Плаху. [А Степанъ Плаха былъ такой человекъ, что зналъ все, что будетъ за сто лѣтъ впередъ]. »Скажи«, говоритъ, »Степанъ Плаха, что со мною будетъ?« — »Вотъ что съ тобою будетъ, Царь«, говоритъ Плаха: »черезъ тридцать лѣтъ твой крестникъ будетъ воевать противъ тебя.« — »Лжешь, Степанъ!« говоритъ Петръ: »можно ли, чтобъ мое дитя подняло на меня руки?« И велѣлъ забить Плаху въ колодки, посадить въ темницу и не давать ему ни пить, ни ѣсть, только положить возлѣ него рожокъ съ табакомъ. »Вотъ«, говоритъ, »тебѣ,

»Отъ же«, каже, »тобі, Степане, рижокъ табаки. Коли твоя правда, то ти въ темниці буденъ жить тридцять лѣтъ одною табакою; а коли брехня, то згинешъ.«

Посадивъ та її байдуже описія на того Плаху.

А Мазепенко тимъ часомъ ростѣ, и, скоро сповшилось ёму тридцять лѣтъ, заразъ зібравъ свою ватагу — гайда въ стень! да її забушовавъ. »Гей«, каже, »Царю! давѣи на погулянье!«

Петро жажнувся: знавъ, що ніякою силою не одоліе. Мазепенко бо сей такий бувъ лѣмуць, що поставивъ нушку на долоні та якъ стрѣливъ изъ Быкова, то досягъ ажъ у Остеръ и розбивъ у Острі церкву. И досі стоить та церква розбита.

Узялі Царя Петра дѣмки та гадки; сумѣ на столиці, не може жадної ради приложити. Коли жъ де взявъ старіи солдатъ: »А що«, каже, »Царю! бачъ теперъ, що правду казавъ Степанъ Плаха?«

»Який Степанъ Плаха?«

»А забувъ христіни въ Мазепи? Тамъ Степанъ Плаха тобі

Степанъ, рожокъ табаку. Коли твоя правда, то ты будешъ жить въ темницѣ тридцать лѣтъ однимъ табакомъ; а коли ложь, то погнинешъ.« Посадилъ и позабылъ о Плахѣ.

Между тѣмъ Мазепенко (сынъ Мазены) растетъ и лишь только исполнилось ему тридцать лѣтъ, тотъ-часъ собралъ свою ватагу — гайда въ стень! и забушеваль: »Эй«, говорять, »Царь! выѣзжай на погулянье!« Петръ ужаснулся; зналъ, что никакою силою не одолѣетъ его. Этотъ Мазепенко былъ такой громадна, что поставилъ нушку на ладони да какъ выстрѣлилъ изъ Быкова, то достигнулъ до самого Остра и разбилъ въ Острѣ церковь. И до сихъ поръ стоить въ Острѣ разбитая церковь. Приздумался Петръ, горюеть, сидя въ столицѣ, не можетъ ничего придумать. Какъ откуда ии возьмись старій солдатъ: »А чтѣ, Царь«, говоритъ онъ, »теперь видишь, что Степанъ Плаха говорилъ правду!« — »Какой Степанъ Плаха? — «А развѣ ты позабылъ крестины у Мазены? Тамъ Степанъ Плаха сказалъ тебѣ, точно въ глазъ попалъ, что

сказавъ, якъ у око вліпівъ, що твої хрищеніхъ черезъ тридцять лѣтъ воєватиме на тебе.»

То Петро ажъ за голову вхопивъ: »Заразъ, заразъ випустить ёго зъ темниці!«

Пришли до Степана царські слуги, та якъ глянули на ёго, то ажъ за сѣрце їхъ заколуило. На томъ Степану Плаці вже тілько кожа да кости; увесь ажъ мохомъ обрісъ, и борода до пояса. Білі ёго рижокъ, тілько въ рижку вже пуєто. Якъ-би ще днёмъ, або двомъ опизнівъ Петро, то тілько бъ и бачили Степана Плаху.

Отто заразъ розбили на ёму кайдани, понесли на посылкахъ до Петра, бо куди вже самому ёму йти! Принесли до Царя, то Царь ажъ слізми вмівся. »Прости«, каже, »менѣ, Степане, за твою обиду! Пришлось и мині тепѣрь круто: Мазепенко гасѣе по степу та кличе на погуляння.»

То Плаха тогди: »Не журись, Царю; визволю тебе зъ біді, дай тілько мині вигулятьця на волі.

Отъ и пішовъ гулять. Пѣе дѣнь, пѣе другий, пѣе третій; и якъ вигулявсь, то берѣ зъ собою одинадцять козаківъ, а самъ два-

---

твой крестникъ черезъ тридцать лѣтъ будетъ воевать противъ тебя.» Тогда Петро схватился за голову: »Тотъ-часъ, тотъ-часъ выпустить его изъ темницы!«

Пришли къ Степану царскіе слуги, взглянули на него, — у нихъ и сердце заболѣло.

На Степанѣ Плахѣ уже только кожа да кости; весь онъ обросъ мохомъ, и борода до пояса. Возлѣ него рижокъ, только въ рижкѣ ужъ пуєто. Еслибъ еще днемъ, или двумя опоздалъ Петро, то не застали бы въ живыхъ Степана Плахи. Тотъ-часъ разбили на немъ колодки и понесли на посылкахъ къ Петру — куда ужъ ему самому идти! Принесли къ Царю — Царь слезами облился. »Прости меня«, говорить, »Степанъ, за твою обиду. Пришлось и миѣ тепѣрь плохо: »Мазепенко разъѣзжаетъ по степи и зоветъ на погулянье.« Тогда Плаха: »Не горюй, Царь, вручу я тебя изъ бѣды, дай только миѣ оправиться на волѣ.« Вотъ и пошелъ гулять. Пѣеть одинъ дѣнь, пѣеть другой, пѣеть третій; и когда

на́дцятиї, та її гайда въ степь. Скóро забáчивъ Мазéпенкову ва-та́гу, зáразъ узявъ та її об́ыхавъ її кругомъ. Ягъ об́ыхавъ, то козаки́ Мазéпенкови мовъ подуріли и стáли оди́нь одно́го колóть да рубáть. А Мазéпенко навтікача; а Степанъ Пла́ха съ козака́ми за нимъ. Скóро настігъ, зáразъ ёго и проколóвъ спи́сомъ. Ті́лько то бісова тварь! Изожра́въ оди́нь спи́сь, изожра́въ дру́гий, изожра́въ треті́й, и такъ усі одина́дцять спи́сівъ пои́въ; та вже ягъ у́даривъ ёго Пла́ха своі́мъ двана́дцятимъ, то́ді вже ёму́ її капу́ть. А по́тімъ узя́въ Степанъ Пла́ха Мазéпенка, спали́въ та її по́пелъ по степу́ розвія́въ.

Отъ за то́го-то вра́жого Мазéпенка розгні́вався д́уже Царь Пе-трó на Укра́ину. Зáразъ шле ука́зь, що́бъ рубáли въ пень увéсь наро́дь.

Уже́ її ша́бли пови́ймáли, що́бъ рубáть. А тутъ усю́ди въ тру́би та въ жоломи́йки смúтно та жа́лібно вигравáють, а по церквáхъ моле́бни прáвлять, що́бъ одверну́въ Господь гні́въ царскі́йї.

Ажъ ось шле Пе́трó дру́гий ука́зь: велі́ть всі́мъ го́лови зді́ї-ма́ть.

оправился, беретъ съ собою одинадцать козаковъ, а самъ садится на ко-ня двѣнадцатый, и гайда въ степь! Лишь только увидѣлъ Мазепенкину ватагу, тотъ-часъ и объѣхалъ ее кругомъ. Объѣхалъ — тогда Мазепенкины козаки словно обезумѣли и стали одинъ другого колотъ да рубить. Ма-зепенко — бѣжать, а Степанъ Плаха съ козаками за нимъ, и лишь только настигнулъ, тотъ-часъ и прокололъ его конемъ. Да то была бѣ-сова тварь! Проглотилъ одно конье, проглотилъ другое, проглотилъ тертье, и такъ всѣ одинадцать коніи переѣлъ; но какъ ударилъ его Пла-ха своимъ двѣнадцатымъ, тогда ужъ ему и конецъ. А потомъ взялъ Сте-панъ Плаха Мазепенка, сжегъ и пепель развѣялъ по вѣтру.

За того-то окаяннаго Мазепенка разгнѣвался крѣпко Царь Петръ на Украйну. Тотъ-часъ посылаетъ указъ, что́бъ рубили до остатку весь на-родъ. Уже и са́бли вынули, что́бъ рубить. А тутъ вездѣ на трубахъ да на свирѣляхъ печально и жалобно играютъ, а въ церквахъ молебны слу-жатъ, что́бъ отвратилъ Господь гнѣвъ царскі́й. Какъ вотъ, посылаетъ

То вже й шаблі поодпускали, та ще такі голівъ не здіймають. А тутъ усюди въ труби та въ жоломіи ки смутно та жалібно виграввають, а по церквахъ молебні правлять, щобъ помиловавъ Господь невинні дѣши.

Коли жъ шле Петро третій указъ: прощае весь народъ. Тоді вже всюди скіки та музики. Звеселівся весь людъ Христіянскій.

Легенды объ историческихъ лицахъ и событіяхъ, уклоняясь отъ точныхъ датъ и фактовъ, тѣмъ не менше интересны для историка-этнографа, какъ искреннее выраженіе образа мысли народа и взгляда его на свою собственную исторію. Не принявъ во вниманіе того и другого, мы не прощкнемъ въ самыя тайныя причины историческихъ явленій въ Малороссіи и, изображая событія народной жизни, будемъ, такъ сказать, скользить по поверхности. Каждый, кто сколько-нибудь знакомъ съ исторією Южно-Русскаго племени, согласится, что записанныя мною легенды и преданія во многихъ мѣстахъ болше или менше противорѣчатъ тѣмъ понятіямъ о здѣшнемъ народѣ, которыя онъ составилъ въ своемъ умѣ по сочиненіямъ лѣтописцевъ (1) и историковъ. Народъ какъ-будто стоить въ сторонѣ и смотритъ на свою исторію (или на то, что называютъ его исторією), какъ на что-то внѣ его происходящее. Душа его всегда остается спокойною, о чемъ

Петръ другой указъ: велитъ всѣмъ головы снимать. Уже и сабли отпустили, но всё еще не снимаютъ головъ. А тутъ вездѣ на трубахъ да на свирѣляхъ печально и жалобно играютъ, а въ церквахъ молебны служатъ, чтобъ Господь помиловалъ невинныя души. Наконецъ посылаетъ Петръ третій указъ: прощаетъ весь народъ. Тогда ужъ всюду танцы да музыка. Возрадовался весь людъ Христіянскій.

---

(1) Не такихъ, разумѣется, какъ Самовидецъ, этотъ Несторъ Малороссійской исторіи.

бы ни разсказывалъ онъ въ своихъ преданіяхъ. Вы не замѣтите въ немъ ни тѣни политическихъ страстей, волновавшихъ такъ долго Малоросію. Онъ даже не сохранилъ чувства, которое можно бы назвать геронческимъ. Онъ простодушно славитъ сильнаго, онъ смиренно клонитъ голову передъ всякою бурей въ родъ той, какую воздвигла его фантазія въ легендѣ чабана о Мазепѣ и Палин, и часть своего спасенія отъ Бога, а не отъ людей. Какъ все это произошло въ немъ? Ужъ конечно не отъ упадка моральныхъ силъ, ибо самыя сказанія и пѣсни его о самомъ себѣ исполнены поэтической свѣжести, показывающей, что это племя находится еще въ періодъ возможности высокаго нравственнаго развитія. Состарѣлости въ немъ вовсе незамѣтно. Откуда же на почвѣ, сплошь напоенной кровью, усѣянной костями, стрѣлами и «переколотыми шаблѣками», явилось племя такъ глубоко спокойное, хотя въ то же время оживленное неослабнымъ стремленіемъ къ лирическому выраженію своего настоящаго и эпическому — былаго? Подобные вопросы неизбежно должны возникнуть въ умѣ этнографа въ слѣдствіе изученія изузетной словесности Малоросійскаго народа, а возникнувъ, они поведутъ его къ новому пересмотру всего, что ни происходило въ Малоросіи. Восходя въ старину по доступнѣйшимъ для нашего изслѣдованія явленіямъ, мы мало-помалу разложимъ массу Южно-Русской исторіи на ея элементы, увидимъ взаимное дѣйствіе ихъ одного на другой и въ потемкахъ старины не останемся безъ свѣточа. Этимъ свѣточемъ будетъ для насъ современность. Только она, обнятая со всѣхъ сторонъ, поставитъ насъ въ возможность постигнуть подлинную, прямую жизнь народа въ его прошедшемъ, въ связи съ жизнью политической, которая, находясь подъ условіями жизни народнои, въ свою очередь оказываетъ на нее болѣе или менѣе замѣтное вліяніе.

Есть у меня еще одна легенда о Мазепѣ и Палин, записанная въ селѣ Кумейкахъ, между Каневомъ и Черкасами, отъ глубокаго старика, *Клима Білика*. Въ ней Царь Петръ омалоросіян-

ненъ народнымъ воображеніемъ еще болѣе, нежели въ двухъ первыхъ, и ни одной чертой не отчужденъ отъ родныхъ героевъ.

ТРЕТЬЯ ЛЕГЕНДА О МАЗЕПѢ И ПАЛІИ. (*)

Бувъ-то такіи Мазепа, такіи-то гетьманъ, що її Царь ёго бѣтешкою звавъ. А Кочубеѣи да Пскра довідались, що вінъ хоче зъ Шведомъ бити на восточного Царя, та її пішли до Царя до восточного: »Эй!«, кажутъ, »Царю восточный! хоче Мазепа на тебе бити.«

А Царь не повѣвъ віри. »Чи можна«, каже, »щобъ вінъ на мене бивъ?«

Отъ же и въ пісні співають :

»А Царь«, каже, »віри не повѣвъ
Та назадъ їх одіславъ.« (1)

Тільки що вони одішли, ажъ біжить гонецъ до Царя: »Становиця«, каже, «на баталію, ато Мазепа битиме на васъ!»

(*) *Переводъ.* — Былъ когда-то гетманъ Мазепа, котораго и Царь называлъ батюшкой. А Кочубеѣи съ Пскрой узнали, что онъ хочетъ воевать съ Шведомъ противъ восточнаго Царя и пошли къ Царю восточному: »Гой ты, Царь восточный!« говорятъ они, »хочетъ Мазепа воевать противъ тебя.« Но царь имъ не повѣрилъ. »Можно ли«, говоритъ, »чтобъ онъ противъ меня воевалъ?« Поэтому и въ пѣснѣ поютъ :

А Царь віри не повѣвъ
Та назадъ їх одіславъ. (1)

Только-что они отошли, какъ скачетъ гонецъ къ Царю: »Готовьтесь къ битвѣ«, говоритъ: »Мазепа на васъ ударить!« Царь изумился :

---

(1) Пѣсня эта напечатана во второмъ сборникѣ г. Максимовича, 1834 года, стр. 110 — 111.

То Царь тоді зумівся. »Біжи жъ«, каже, »чи не наженешъ їхъ! біжи якъ можна, щобъ вінъ їхъ не потративъ!«

Коли жъ приближить, ажъ імъ уже її голови одтято.

Отó, якъ ставъ битъ Мазепа на Царя, то Богъ знае, що її робить. Ажъ на розділь на цёркву постягувавъ у Бату́рині пушки да бивъ. Та́къ избивъ, що вже — ка́же коза́къ (1) — та́къ на́ше вйсько завертілося, що пропада́ть да її тільки!

Царь бідкаетця. »Чи нема«, каже, »въ на́шому ца́рстві тако́го чоловіка, щобъ знавъ, якъ одоліть Мазепу? Нехай обзвѣтця«, каже, »бѣду жаловать ёго.«

А оди́нь старій Запоро́жець осміливсь та її ка́же: »Пійду я до Царя та її скажу́, що у насъ ёсть такий, Палі́й Семёнъ.«

[А пер́вий Императо́ръ такий жорсто́кий бувъ, що тільки збреші, то її голову зніме.]

Та її пішовъ.

»А чо́го ти«, ка́же, »коза́че, приішовъ?«

»Приішовъ«, ка́же, »я, Ца́рю, пора́дить тебѣ, що ёсть у насъ такий чоловікъ, Семёнъ Палі́й. Вінъ одоліе Мазепу.«

»Скачи«, говорить, »велѣдъ за ними! спѣши какъ только можно, ато онъ ихъ погубить!« Прискакалъ гонецъ, а имъ ужъ головы отѣкли.

Вотъ, какъ началъ Мазепа воевать противъ Царя, то Богъ знаетъ что и дѣлать. Въ Бату́ринѣ встацилъ онъ пушки на самый *раздѣль* на церковь и всё стрѣляетъ. Такъ избилъ, что — говоритъ козакъ (1) — наше войско совсѣмъ завертѣлось; погибать да и только. Царь безпокоится. »Нѣтъ ли«, говоритъ, »въ нашемъ царствѣ такого человѣка, который бы зналъ, какъ одолѣтъ Мазепу? Пусть обозвѣтся«, говоритъ, »я его пожалую.« Тогда оди́нь старій Запоро́жець осмілился и говоритъ: »Пойду я къ Царю и скажу, что есть у насъ такой человѣкъ — Палі́й Семёнъ.« [А пер́вий Императо́ръ былъ такой строгій, что только солги, то и голову сниметь.] И пошелъ. »А зачѣмъ ты, козакъ, пришелъ?« говоритъ Царь. — »Пришелъ я, Царь, посовѣтовать тебѣ, что

---

(1) Отъ котораго слышалъ это преданіе разскащикъ.

А Царь каже: »Нема Палія, страченніи.«

»Ни, Царю, живъ, тилько на Сибѣри.«

Отто послали по ёго пошту таку огненну, що й птиця не злетить. Примчали до Царя: »Эй«, каже, »Палію, Палію Семѣне! отъ царство втраћимъ!«

А вінъ каже: »Не бійсь, коли я заїду, то ще буде по-нашому.«

Отó заразъ ёму істи.

»Ні«, каже, »нехайи задзвонять до служби Божіи« ..... (1)

»Теперъ«, каже, »давайіте мині коня!«

Пішовъ до стани, такъ не доберё собі коня. Струснѣ за гриву, то такъ и впадѣ. »Ні«, каже, »Царю, нема въ тебе тако́го коня.«

А Царь розгнівався: »Якъ-то нема? я Царь, та нема въ менѣ коня для тебе?«

у насъ есть такой человекъ — Семенъ Палій. Онъ одолѣеть Мазену.« А Царь говоритъ: »Палія нѣтъ ужъ на свѣтѣ.« — »Нѣтъ, Царь, онъ живъ, только въ Сибири.«

Вотъ послали за нимъ огненную *почту*, быстрѣе птицы. Примчали Палія къ Царю: »Эй, Палій Семенъ!« говоритъ Царь, »вотъ потеряемъ царство!« А онъ говоритъ: »Не бойся, какъ *заѣду*, то еще будетъ по нашему.« Тотъ-часъ дали ему поѣсть. »Нѣтъ«, говоритъ онъ, »пускай сперва благовѣстятъ къ Божіей службѣ.« ..... (1)

»Теперь«, говоритъ, »давайте мнѣ коня!« Пошелъ въ конюшню — не можетъ найти по себѣ коня. Встряхнетъ за гриву — конь такъ и повалится. »Нѣтъ«, говоритъ, »у тебя, Царь, нѣтъ по мнѣ коня.« Царь разсердился: »Какъ нѣтъ? я Царь, и у меня нѣтъ для тебя коня?« —

(1) Точками отдѣленъ здѣсь одинъ моментъ дѣйствія отъ другого. Разскащикъ не счелъ нужнымъ говорить о томъ, что само собою разумѣется, т. е. что желаніе Палія было исполнено, и онъ молился въ церкви.

»Нема́«, ка́же. »Пусти́ть мене́ въ козацьке військо, то я собі ви́беру коня́.«

Пі́йшовъ у козацьке військо; гляне, ажъ ёго конёмъ во́ду ве-зуть. Ві́нь ажъ заплакавъ: »Я«, ка́же, »въ неволі, и кінъ мій у нево́лі!«

Сівъ на коня́, то кінъ підъ нимъ, такъ якъ орель!

»Тепе́ръ«, ка́же, »по́їдьмо, Ца́рю, у Мазе́нше військо, то почу́ємъ, що́ про тебе́ гово́рять.«

А Палі́й таки́й ли́царъ бу́въ, що́ не вольше́бствомъ, а а́нгель-скимъ чи́номъ во́єва́въ, — таки́й, що́ їздить по чужо́му війську — ніхто́ ёго́ и не ба́чить; а якъ гляне кому́ въ ві́чі, то зъ-ро́ду не ви́держать.

Пої́хали, ажъ сидя́тъ у па́меті тро́є: Мазе́на, Шве́дь и Ту-рецький Баша́, та и ка́жуть: »Оце́ зобъе́мъ усё ёго́ військо та и ца́рство ёго́ на-трое́ розді́лимъ.«

»Бачь«, ка́же, »Ца́рю, що́ гово́рять!«

Мазе́на жъ и Ту́рецький Баша́ не ба́чили Ца́ря зъ Палі́емъ, а Шве́дь постере́гъ, що́ се щось не певне, та и ви́стреливъ на Па-лія́ зъ рушні́ці.

Такъ Палі́й оберну́въсь до Ца́ря та и ка́же: »Якъ-би́ не стара́ шку́ра, то бь, мо́же, и проби́въ би. Вра́жній сплх и се́ до́брій!«

»Нѣту«, говори́ть Палі́й. »Пусти́те мене́ въ козацкое войско, такъ я ви́бе-ру по себѣ коня.« Поше́лъ Палі́й въ козацкое войско, смотре́тъ — его́ конь ве́зеть во́ду. Онъ и заплака́лъ: »Я«, говори́тъ, »въ неволѣ, и конь мой въ неволѣ!« Но какъ съѣлъ онъ на коня, то конь подъ нимъ — словно орель!

»Теперь поѣдемъ, Царь, въ Мазенино войско, такъ услышишь, что́ про тебѣ́ говорятъ.« Поѣ́хали, смотре́тъ — сидя́тъ въ па́латкѣ́ втрое́мъ Мазена, Шве́дь и Ту́рецкій Паша́ и говори́тъ: »Истре́бимъ все́ его́ вой-ско и ца́рство ме́жду собо́й разді́лимъ.« — »Ви́дншь, Царь, что́ гово-рять!« Только́ Мазена и Ту́рецкій Паша́ не ви́дѣли Ца́ря и Палі́я, а Шве́дь сме́кнулъ, что́ это что́-то неспроста́ и вы́стрѣлилъ по Палі́ю изъ ружья́. А Палі́й поверну́лся къ Ца́рю и говори́тъ: »Если́бъ не старая́ ко-жа, то, мо́жетъ, и проби́лъ бы. Хоро́шъ и зто́тъ бесті́я.«

Тдуть звідти ужé, а Запорóзці сидять да въ кáрти гуляють.

А Паліі ка́же: »Здорові, пані молодці! чи будемо́ битця, чи будемо́ миритьця?»

А одінь Запоро́жець ка́же: »Се Паліі по́хавъ!»

»Дé тобі«, ка́жуть, »у чо́рта той Паліі тутъ б́уде!»

Ко́лі жъ вінъ у́їхавъ у своé в́їсьєко, та й кле́шоди свої ви́ставивъ. Такъ во́ні й похоло́нули.

А Мазéна одъ Паліі бувъ навчéнь (¹). Такъ Царь ка́же: »Що жъ, Палію? ти ё́му нічо́го не зроби́шь, бо й вінъ одъ тебé навчéнь.»

»Ні«, ка́же, »Царю, хочъ вінъ и навчéнь одъ мéне, да я ё́му не сказа́въ усе́її пра́вди.»

Отъ и взя́въ заряжа́ть пу́шки па́вхрестъ: та туді, а та туді; та туді, а та туді. »Тепéрь«, ка́же, »стреля́йте, то не ба́гато зо́станетья.»

Якъ у́дарили жъ, то такъ якъ билі́на на пожа́рищі зо́станетья, то такъ съ то́го в́їсьєка зо́стало́сь. Отъ и погна́ли Мазéну...

Тдуть уже оттуда, а Запорожцы сидятъ и играютъ въ карты. »Здравствуйте, паны молодцы!« говоритъ Паліи. »Что́, будемъ бится, или мириться?« А одінь Запоро́жець говоритъ: »Это Паліи по́халъ!«— »Кой чортъ Палію бытъ здéсь!« Какъ тутъ онъ в́ѣхалъ въ свое войско и знаки свои выставилъ. Они такъ и обмерли.

А Мазена былъ *науцень* Паліемъ (¹), а потому Царь и говоритъ: »Что же, Паліи? тебѣ съ нимъ не справиться: вѣдь ты самъ его научилъ.«— »Нѣтъ, Царь«, отвѣтил Паліи, »хоть я и научилъ его, да не всему.« И началъ заряжать пушки накрестъ, одну сюда, а другую туда, одну сюда, а другую туда. »Теперь«, говоритъ, »стрѣляйте; немного ихъ останется.« Выпалили изъ пушекъ, и осталось отъ того войска столько, сколько остается травы поелъ пожара. Вотъ и погнали Мазену...

(¹) *Навчéнь* здѣсь значить научень *характёрствоу*, то есть чародѣйскому искусству воевать.

Такъ хотівъ Царь за Мазену усю Гетьманщину вигубити, да ото ѱ каже Палію, якъ ужé побіли Мазену: »Ну, тепёръ, Палію Семéне, чо́го ти одъ менé хочешъ? чи вели́кого пánства, чи злáта, чи що́?«

А вінъ каже: »Що́ жъ, Цáрю? я б́уду просіть тебé объ одн́у рíчь; подару́и мнi!«

»Що́ такé? кажи́.«

»Не плюндру́и«, каже, »Гетьманщину.«

»Ну«, каже, »дóбре; для те́бе дару́ю.«

Наши историки почти такъ же неясно понимали обстоятельства, въ которыхъ жилъ и дѣйствовалъ Палій, какъ и простолюдины. Виною тому, между прочимъ, недостаточное знакомство наше съ Польскою литературою, въ которой, независимо отъ ошибочныхъ иногда взглядовъ на событія, изображено множество обстоятельствъ, вводящихъ историка въ познаніе дѣйствительнаго положенія вещей. Недавно Эдуардъ Рудиковскій напечаталъ въ Варшавѣ прекрасную монографію Васильковскаго уѣзда (*Opis Powiatu Wasylkowskiego*), въ которой приведено, между прочимъ, двѣ-три страницы изъ записокъ Отвиновскаго ⁽¹⁾, проливающія свѣтъ на обстоятельства, способствовавшія появленію въ исторіи такой личности, какъ Палій. Онѣ согласны съ тѣмъ, что мною высказано выше, на стр. 84—85, о заселеніи праваго берега Днѣпра послѣ *ру́ины* и *збóну*. Палію у Отвиновскаго является колонизаторомъ

Царь за Мазену хотѣлъ опустошить всю Гетманщину и когда ужъ разбіли Мазену, — говоритъ Палію: »Ну, Палію Семень, чего ты отъ меня хочешь? высокихъ почестей, богатства, или чего другого?« А онъ говоритъ: »Нѣтъ, Царь: я попрошу тебá объ одномъ дѣлѣ; исполни это.« — »Что же такое?« — »Не опустошай«, говоритъ, »Гетманщины.« — »Ну«, говоритъ Царь, »б́ыть по твоему!«

---

(1) Pamiętniki Otwinowskiego.

опустошенной войною страны, — такимъ точно, каковы были въ Украинѣ Польскіе старобы, съ своими »губернаторами, экономами, лѣсничими« и другими *офиціалистами*, или помѣщики, владѣвшіе землею по праву наслѣдства и пожалованія. Разница только въ томъ, что его право владѣть населенными имъ землями должно было прекратиться съ окончаніемъ Турецкой войны, какъ читатель увидитъ изъ слѣдующаго разсказа Отвиновскаго.

»Во время Турецкой войны, когда король Янъ III освобождалъ изъ-подъ Турецкаго ига Брацлавскую Украину, уступленную Туркамъ по договору 1686 года, — козаками, участвовавшими въ этой войнѣ, предводительствовали Паліи. Король Янъ III утвердилъ его въ этомъ начальничествѣ и, сверхъ того, подъ условіемъ военной службы съ извѣстнымъ числомъ козаковъ въ эту компанію, позволено было ему *осадить* (заселить) пустыя Хвастовскія земли, принадлежавшія Кіевскимъ епископствамъ, и пользоваться всякими доходами до самого окончанія войны съ Турками. Дѣйствительно Паліи, во все продолженіе этой войны, въ точности выполнилъ возложенную на него обязанность, то приводя по нѣскольку тысячъ козацкаго войска въ генеральный лагерь, то пестребя, зимою въ Подоліи на переправахъ, хищныхъ Татаръ. Не смотря на то, по окончаніи войны, Рѣчь Посполитая, не нуждаясь болѣе въ службѣ Палія противъ Турокъ, потребовала возвращенія Хвастова. Но Паліи, не слушаясь гетманскихъ повелѣній, не только не хотѣлъ возвратитъ Хвастовскихъ земель, но овладѣлъ еще и другими, соседними землями, изъ которыхъ позволялъ великимъ панамъ брать едва малую часть доходовъ; свои же доходы употреблялъ на содержаніе козаковъ. Почему на мирномъ сеймѣ 1699 года опредѣлено отобрать у Палія эти имущества силою оружія. Въ то время Кіевскій епископъ, Гомолинскій, выслалъ двоихъ своихъ духовныхъ для отобранія у Палія своихъ земель. Паліи посадилъ ихъ сперва подъ стражу, а потомъ прогналъ изъ Хвастова, говоря, что онъ »поселился въ вольной козацкой Украинѣ, на которую Рѣчь Посполитая не имѣетъ никакого права, а имѣетъ право только опъ, какъ истинный

«козакъ и гетманъ козацкаго народа.» Гетманъ Яблоновскій приказалъ генералу Брандту, стоявшему въ Бѣлой Церквѣ, схватить Палія и представить къ нему. Брандтъ прислалъ нѣсколько чело-
вѣкъ, которые спрятались въ лѣсу возлѣ паснкъ, а въ Хвастовѣ отравили одного Жиду, чтобы онъ, торгуя у Палія медь, выманить его изъ города къ паснкамъ. Но эта хитрость не удалась, ибо Палію, подгулявъ на то время, остался самъ въ городѣ, а къ паснкамъ выслалъ своего пасынка, Семашка. Когда онъ былъ уже въ четверти мили отъ Хвастова, одинъ изъ пасичниковъ далъ знать Палію о засѣвшихъ въ лѣсу людяхъ, которые закрыли себя и своихъ лошадей вѣтвями. Узнавъ объ этомъ, Палію тотъ-часъ послалъ къ Семашку хлопца съ предостереженіемъ о засадѣ. Семашко въ ту же минуту отрубилъ на полѣ Жиду голову и, возвратясь какъ можно скорѣе въ городъ, сдѣлалъ вылазку съ нѣсколькими сотнями конницы и истребилъ прятавшихся въ лѣсу Брандтовыхъ рейтаръ. Послѣ этого происшествія, гетманъ Яблоновскій немедленно выслалъ вторично къ Хвастову 4,000 войска; а Палію велѣлъ жителямъ окрестныхъ мѣстечекъ и деревень съ женами и дѣтьми уходить въ Хвастовъ и сдѣлалъ ниже стараго города пригородокъ, въ который было ввезено множество хлѣба въ снопахъ и сѣна и сложено въ скирды на случай долгой осады. Но когда *кварцянное* войско подступило и пришелъ на другую ночь съ двумя стами гренадеръ оберстерлейтенантъ Гольць и зажегъ гранатами скирды въ пригородкѣ, гдѣ и козаковъ много погибло, Палію черезъ нѣсколько дней окупился, выдавши нѣсколько бочекъ денегъ гетманамъ, а Польское войско оставлено зимовать по мѣстечкамъ около Хвастова.»

Этотъ послѣдній фактъ сомнителенъ. Еслибы Яблоновскій снялъ осаду за деньги, то не располагалъ бы своего войска на зимнія квартиры вокругъ Хвастова. Гораздо вѣроятнѣе, что Поляки, будучи не въ силахъ ничего сдѣлать съ осажденнымъ, старались овладѣть по крайней мѣрѣ не-Хвастовскими имѣніями, признававшими власть Палія, и заняли ихъ своимъ войскомъ. Но и въ этомъ они не успѣли. Палію вездѣ ихъ колотилъ, прогналъ

изъ подвластныхъ себѣ селъ и въ 1702 году овладѣлъ Вѣлюю Церковью, по праву «истиннаго козака и гетмана козацкаго народа». Только подозрительная зависть Мазепы сокрушила этого полудикаго *лицаря*, посмѣвавшагося безеплю Польскихъ правителей и, въ предѣлахъ полуразрушеннаго ихъ государства, создавшаго пѣчто въ родѣ незавлемаго княжества. Палій, по словамъ его современника Самоила Величка, желая быть подъ властью Русскаго Царя, «склонялся подъ рейментъ Мазепинъ, прїѣздячи до него въ Батуринъ съ праздничными привѣтствами и отъ него розные отбираючи подарунки» (1). Въ одно изъ такихъ посѣщеній онъ былъ схваченъ Мазепою и обвиненъ передъ Царемъ Петромъ въ намѣреніи подражать Богдану Хмѣльницкому не только относительно Поляковъ, но такъ-же и Русскихъ. Заключение его въ темницу, ссылка въ Сибирь и потомъ появленіе на Полтавскихъ боевыхъ равнинахъ воспѣты въ прекрасныхъ пѣсняхъ и думахъ, доказывающихъ, что Палій обладалъ свойствами, привлекающими любовь народа, и составлялъ противоположность съ нелюбымъ ему Мазепою....

Однакожъ онъ отвлекъ насъ далеко въ сторону отъ разсказовъ Таранухи.

Гайдамакъ Тарануха не могъ видѣть самъ, но долженъ былъ слышать о нихъ преданія очевидцевъ. Къ сожалѣнію, на этотъ разъ онъ могъ припомнить только немногое, такъ какъ теченіе бесѣды не навело его на обстоятельства, съ которыми въ его памяти вязались разсказы старожиловъ. Выписываю изъ дорожнаго моего альбома и это немногое, продолжая прерванную нумерацію.

---

(1) Лѣтопись Самоила Величка, т. II, стр. 550.

ПОХОЖДЕНІЯ ГАЙДАМАКЪ ВЪ СМІЛОЙ. (*)

Гайдамаки драли Смілу разівъ три, чи що. У первий разъ якъ прійшли, то пани заховалася у лѣху, а панна у грѣбі; тілько панну такі знайшли и замокъ розграбили. А потімъ узали панну и хлопця Оедірку та вивели ажъ до Курілової могіли, а тамъ ватажко зміловавъ та й каже: »Иді жъ, панно, та моли за мене Бѣга, атѣ-бъ ти на сій могілі полягла!«

И хлопця Оедірку пустили. А се було зимою. Панна жъ такі хочъ у черевічкахъ бігла по снігу, а Оедірка бѣспій.

А въ другій разъ приходивъ ватажко Вовчѣкъ, та й ставъ болѣ Костянтінова, у Шолудьковімъ садку; душъ їхъ десятобъ тілько. Стоить вінъ тамъ, а повкъ Поляківъ, почѣвши, що тутъ гайдамаки зібрались, притягнувъ ажъ изъ Білої Церкви та й паткнувъ на той садѣкъ. А Вовчѣкъ якъ вискочить звідти, то жовіри назадъ!

(*) *Переводъ.* — Гайдамаки грабили Смілу раза три, или больше. Когда пришли они въ первый разъ, то *пани* спряталась въ погребѣ, а *панна* въ печкѣ; но панну гайдамаки все таки отыскали и замокъ разграбили. А потомъ взяли панну и мальчика Оедорку и вывели къ самому Курілову кургану; тамъ отаманъ умилосердился надъ ними и говорить: »Ступай, панна, да моли за меня Бога, а не будь это я, то лежать бы тебѣ на этомъ курганѣ.« И мальчика Оедорку отпустили. А было это зимою. Панна по крайней мѣрѣ въ башмачкахъ бѣжала по снѣгу, а Оедорка босикомъ.

А въ другой разъ приходилъ въ Смілу отаманъ Вовчѣкъ и остановился возлѣ Константінова, въ Шолудьковомъ садкѣ; было съ нимъ только человекъ десять. Стоить онъ тамъ, а отрядъ Поляковъ, услыхавъ, что тутъ собрались гайдамаки, пришелъ изъ самой Бѣлой Церкви да и паткнулся на этотъ садикъ. Вдругъ Вовчѣкъ выскакиваетъ оттуда. *Жоліеры* назадъ. А Вовчѣкъ былъ и самъ маленькаго росту — только

А Вовчогъ той и самъ невеличкий — тільки плечистий шельма — и на невеличкому конику, та якъ узявъ їхъ гнать, то такъ ратищемъ и на той, и на той бікъ їхъ и кладє. А на ёму бувъ кажанокъ⁽¹⁾; то зъ-підъ того кажанка кровь такъ и летця, що по ратищу біжить у рукавъ. Та якъ догнавъ до Смілянської грєблі и вони вскочили въ Смілу, тогді вернєсь та й каже: »Отагъ Вовчогъ! женє Ляхівъ повчогъ!«

Этотъ разсказъ напомнилъ пріятели Таранухи, бондарю, кое-что изъ слышаннаго имъ о гайдамакахъ, и онъ принялъ нить исторической нашей бесѣды такимъ образомъ:

ВСТРѢЧА ПАСИЧНИКА СЪ ГАЙДАМАКОЮ. (*)

Росказувавъ мнѣ одинъ дідь, що — каже — сию я въ пасіці, коли жъ чортъ несе бурлаку. Увєсь обшарпаний.

»Здоровъ, дїду!«

»Здоровъ!«

»А що бѣдемо робїти? давай на сорочкї мїнятьця!«

Я вже злякавсь. »Давай!«, кажу.

плечистая бестія — и на маленькомъ конѣ. Какъ принялся онъ гнать ихъ, то на обѣ стороны копьемъ такъ и кладеть. На немъ былъ *кажанокъ*⁽¹⁾, изъ-подъ котораго такъ и льется кровь, что текла по кошю въ рукавъ. Пригнавъ къ Смілянской плотинѣ, они вскочили въ Смілу, а онъ воротился и говоритъ: »Вотъ такъ Вовчогъ! гонитъ Ляховъ полчокъ!«

(*) *Переводъ.* — Разсказывалъ мнѣ одинъ старикъ: Сию я, говорить, въ пасикѣ, какъ и несетъ нечистый ко мнѣ бурлака. Весь оборванный. »Здорово, старикъ!« — »Здравствуй!« — »А что будемъ дѣлать? давай мѣняться рубашками!« Я ужъ испугался. »Давай!«, говорю,

---

(1) Родъ куртки, или полукафтаны изъ кожи.

Оддавъ ёмү сорóчку.

Винъ скінувъ тée рямъе, надівъ сорóчку: »Давай п штани!«

Оддавъ я й штани.

»Давай, дїду, меду!«

Я — каже — ажъ тремчү весь зъ переляку. Пішовъ, одривавъ ёмү за́боцень тако́го вже гарного, гречаного!

Винъ наивъ та й каже: »Чи ти, дїду, знаєшь Вóвчу Гать?« (1)

»Знаю.«

»Отъ же«, каже, »тамъ е пенёкъ дубóвийй, обимóрганій колёсамп. То ти за́втра встань до сходы́ со́нця, та пїйдї тудї, та одлічї трп ступпї, и вікопаешъ тамъ грóшї. Отó тобі за тє, що ти менé приодівъ и пагодовавъ.«

Пішовъ я на дру́гий день, ажъ справді повніснькїй улень самїхъ пятаківъ!

Понравилея Кондрату Тарану́хъ прїятельскїй разсказъ. Онъ пожалѣлъ, что съ нимъ нїкогда не случилось ничего подобнаго тому, что съ пасичникомъ, и какъ-то невзначай припомнилъ еще кое-что о гайдамакахъ, а именно:

и отдалъ ему свою рубашку. Онъ сбросилъ свое лохмотье, надѣлъ рубашку. »Давай п штаны!« Отдалъ я п штаны. »Давай, старикъ, сотовъ.« Я, говоритъ, весь дрожу отъ страха. Пошелъ и вырѣзалъ ему сбоку въ ульѣ самыхъ лучшихъ, гречневыхъ сотовъ. Онъ поѣлъ и говоритъ: »Знаешь ты, старикъ, Волчью Гать?« (1) — »Знаю.« — »Тамъ«, говоритъ, »есть дубовый пень, обтертый осями. Встань завтра до восхода солнца, поди туда, отсчитай три шага и вырешь деньги. Это тебѣ за тó, что ты меня прїодѣлъ и накормилъ.« Пошелъ я на другой день — въ самомъ дѣлѣ полнехонькой улей чистыхъ пятаковъ!

---

(1) Въ Черкасскомъ уѣздѣ, близъ села Дубинки.

4.

О ГАЙДАМАКЪ ШВАЧКЪ. (*)

Гайдамаки дёрли народъ роківъ, мѡже, зъ дѣсять, ажъ поки мандебурія (1) стала. Тогдѣ стѣичики, що замку стерегли, и заступали ихъ оттуть у лѡзахъ. А колиймъ ничимъ стрелять, — кўль нема; то оцѣ вѣриже зъ лозѣ та ѣ хрѣстикъ парѣже, та ѣ стреляе. Швачка ими доводивъ. Есть про ёго ѣ пѣсня. Коли хочете, то ѣ заснѣваю:

Ой на козаченькѣвъ, ой на Запорѡзцѣвъ та пригѡдонька стала:

Ой у сѣреду та ѣ у обѣднѣй часъ ихъ Москва забрала.

Крѣкнувъ Швачка та на асаулу: »Изъ кѡней додѡлу!

Охъ и не даймося, панѡве молодцѣ, ми Москалямъ у невѡлю!»

Москальки умнѣ, Москалѣ розумнѣ, рѡзуму добрали:

Ой напередъ Швачку изъ асаулоу до-кўпи звязали.

Охъ извязали и попаровали ѣ на возѣ поклали,

(*) *Переводъ.* — Гайдамаки грабили народъ лѣтъ, можетъ, десять, пока не установилась *магдебурія* (1). Тогда замковая стража и захватила ихъ здѣсь въ лѡзахъ. А у разбойниковъ пуль не было, нечемъ стрѣлять; такъ они рѣжутъ изъ лозы пули, парѣзываютъ на нихъ крестикъ и стрѣляютъ. Предводительствовалъ ими Швачка. Есть про него и пѣсня. Коли хотите, я спою.

»Постигло несчастье козаковъ Запорожцевъ: въ среду, въ обѣдную пору, захватили ихъ въ плѣнь *Москалѣ*. Крикнулъ Швачка асаулу: »Долой съ лошадей! Не дадимся, панѣ молодой, въ неволю *Москалямъ!*« Но *Москалѣ* были люди умные, придумали, что сдѣлать: прежде всего связали Швачку вмѣстѣ съ асауломъ. Потомъ перевязали попарно гайдамакъ, положили на возы и повезли въ тюрьму изъ Богуелава въ Бѣлую Цер-

---

(1) Подъ этимъ словомъ разсказчикъ разумѣетъ военныя мѣры, принятыя Польскимъ правительствомъ для возстановленія порядка въ Украинѣ.

Изъ Богуслѣвья до Білої Цѣркивѣ ихъ у невѣлю забрѣли.
Охъ дѣ жъ вѣши, панѣве молѣдці, воронїї кѣні?
Ой нѣшиї кѣні въ пѣна на припѣні, а самї ми въ невѣлі!
Охъ а дѣ жъ вѣши, панѣве молѣдці, а срїбнїї ўзди?
Ой нѣшиї ўзди въ кѣнехъ на занўзди, а самї ми у нўждї!
Охъ а дѣ жъ вѣши панѣве молѣдці, яенѣнькїї спїсен?
Ой нѣшиї спїсен вже въ пѣна у стрїсі, а самї ми у лісі!
Охъ а дѣ жъ вѣши, панѣве молѣдці, грїмкїї рушиїці?
Ой нѣшиї рушиїці въ пѣна у свїтліїці а самї ми въ темнїїці!
Охъ а дѣ жъ вѣши, панѣве молѣдці, голубїї жупѣни?
Ой вѣшиї жупѣни поносили нѣни, а самї ми пропѣли!
Охъ а дѣ жъ вѣши, панѣве молѣдці, чѣботи сафьянїці?
Ой нѣшиї сафьянїці позабрѣрали райнї у пѣдїленьку вѣрѣнї!
Охъ пошлїмо гѣлку, охъ пошлїмо чѣрну, а до Сїчп рїбу їсти,
Охъ нехѣй донесѣ, охъ нехѣй донесѣ до кошовѣго вѣсти.
Охъ ужѣ жъ гѣльці, охъ ужѣ чѣрнїї та пѣзадъ не вертѣтьця:
Ой ужѣ жъ нѣмъ, панѣве молѣдці, изъ кошовїмъ не видѣтьця! (1)

ковъ. Гдѣ же ваши, паны молодцы, вороные кони? » « Наши кони стоятъ
»привязанные у пана, а мы сидимъ въ неволѣ!« « Гдѣ ваши, паны молодцы,
серебряные узды? » « Нашими уздами взнузданы кони, а мы терпимъ нуж-
ду!« « Гдѣ ваши, паны молодцы, громкія ружья? » « Наши ружья у пана
»въ свѣтлицѣ, а мы сидимъ въ темницѣ!« « Гдѣ ваши, паны молодцы, го-
лубые жупаны? » « Наши жупаны износили паны, а мы пропали!« « Гдѣ
ваши, паны молодцы, сапоги сафьянцы? » « Наши сафьянцы забрали судьи,
»поутру въ воскресенье!« « Пошлю я черную галку въ Сѣчь їсть рыбу; пу-
скай передастъ кошевому вѣсти. Ужъ той черной галкѣ пѣзадъ не веро-
титься, а намъ, паны молодцы, съ кошевымъ не видѣться. « (1)

---

(1) Отрывокъ этой пѣсни, напечатанный во второмъ сборникѣ г. Максимовича, стр. 128, ошибочно отнесенъ къ разрушенію Сѣчи. Издатель былъ введенъ въ заблужденіе, вѣроятно, тѣмъ, что здѣсь упоминается кошевой. Но откуда и куда Запорожцы посылали галку?... Здѣсь эта посылка имѣетъ важное значеніе: она показываетъ тѣсную связь между гайдамацкими набѣгами и кошемъ.

»Ну, скажи, будь ласко (спросилъ бондарь), гайдамаки якъ идуть було, то и пісні співають?«

»Ні, гайдамака йде тихо (отвѣчалъ Тарапуха). А се вже вони тогді співали, якъ у неволі сиділи.«

Не худо было бы представить людямъ, никогда небесѣдовавшимъ по-пріятельски съ Малороссійскими поселянами, все теченіе разговора между мной, Тарапухой и бондаремъ. Но я въ то время рѣдко записывалъ фразу за фразой, отъ-части по трудности такого дѣла, а отъ-части потому, что полагался на свою память. Можетъ быть, я бы и припомнилъ его раише двѣнадцати лѣтъ; но теперь я долженъ ограничиться только тѣмъ, что сохранилось въ моей записной книжкѣ, то есть воспоминаніями, къ которымъ приводилъ Тарапуху нашъ разговоръ. Вотъ они.

5.

ОБЪ УНІИ И БЛАГОЧЕСТІИ. (*)

Довго тягались по Вкраїні тіі колїі, та опісля вже почали усюди їхъ хватать, и якъ стала маңдебурія на нихъ, то стали гонїтельства и на поновї благочестївїхъ. Людїі гонїли сїлою на присягу; то и батько присягавъ на унїю. А де-котїрні не хотїли та ховались. Не хотїли ламати вїри, а ждали такого вїремя, що зновъ бїде благочестїе. И я тогді родївсь, якъ маңдебурія

»Ну, скажи пожалуйста (спросилъ бондарь) гайдамаки пѣли пѣсни на походѣ?« — »Нѣтъ, (отвѣчалъ Тарапуха) гайдамаки идуть, бывало, тихо. Это они пѣли, уже сидя въ неволѣ.«

(*) *Переводъ.* — Долго таскались по Украйнѣ эти разбойники, а потомъ ужъ начали ихъ хватать и какъ появилась противъ нихъ *маңдебурія*, то начались гоненія и на *благочестивыхъ* поновѣ. Людей гоняли насильно къ присягѣ; и отецъ мой присягалъ на *унїю*. А иные не хотѣли и прятались. Не хотѣли нарушать вѣры и ожидали такого време-

встала. То батько не хотів хрестити мене увв ушіята, а хотіли везти аж у Виноградський монастирь, та вже якое знайшли пона тута и въ-ночі тайно охрестили.

Такъ Польша до конца политическаго своего существованія осталась вѣрна религіозной іерархіи, за которую получила столько жестокихъ, но напрасныхъ уроковъ! Разсказъ Тарахѹхи, пмб-юціи всю цѣну лѣтописи, относится къ восьмидесятымъ годамъ прошлаго столѣтія.

6.

ВЗГЛЯДЪ ПРОСТОЛЮДИНА НА ЯРМАРКИ. (*)

...А якъ уже забрала краі Царица, та стало всюди благочестіе, тоді іродъ у пеклі її тужить одінь до дрѹгого: »Отъ ліхо! всюди благочестіе стало! Теперъ уже нельзя нікого ні на гріхъ, ні на що підвести: у будень бѹдутъ робитъ, а въ неділю по церквѣмъ ходитъ.«

А дрѹгий каже: »Не журісь, брате: ми такихъ на ихъ панівъ нашлемъ, що въ неділю не бѹдутъ по церквѣмъ ходитъ, а зрѹблять усюди по неділямъ ярмарки; то її самі ніколи не бѹдутъ у церкві, и народъ бѹде ярмарковати.«

ни, когда опять настанетъ *благочестіе*. И я тогда родился, когда появилась *магдебургия*. Отецъ не хотѣлъ крестить меня у униата, а хотѣлъ везти въ Виноградскій монастырь; наконецъ нашли какъ-то здѣсь пона и крестили меня тайно ночью.

(*) *Переводъ*. — ...Когда ужъ овладѣла краемъ Царица и установилось всюду *благочестіе*, черти въ аду начали горевать: »Вотъ намъ бѣда! всюду *благочестіе*! Теперь ужъ нікого нельзя искусить на грѣхъ: въ будни стануть работать, а по воскресеньямъ ходить въ церковь.« А дрѹгой чортъ говоритъ: »Не горюй, братъ: мы нашлемъ на нихъ такихъ

Отъ же її справділось диявольске слѣво! Теперъ у насъ що неділя, що свято, то її ярмарокъ, не въ тімъ, то въ тімъ селі.

7.

ОБЕЗОРУЖЕНІЕ ПОСЛАНЪ ПОСЛѢ КОЛИВЩИНЫ. (*)

Після гайдамаччини, якъ уже Ляхи стѣли зновъ правити Вкраїною, то було на дѣсять хатъ одінь ніжъ и одна сокіра: боялись, щобъ зновъ народъ не збунтовавсь. Оце ввійде жовніръ у хату: »А, ти, мужіку, сизмѣтику! у тебѣ два ножі, галганъ, гайдамака!« Візьме и пропало.

8.

ЗАПОРОЖСКОЕ ЩЕГОЛЬСТВО. (**)

Було що року наїздять на ярмарокъ у Смілу Запорозці зъ Січи. Приде було їхъ чоловікъ дванадцять, тринадцять. А нарядъ на їхъ такий, що, Боже, твоя воля! Зѣлото та сріблѣ! Оце шапка на

господь, что не будутъ по воскресеньямъ ходить въ церковь, а заведутъ вездѣ въ эти дни ярмарки, такъ и сами никогда въ церковь не заглянутъ, и народъ будетъ весь на ярмаркахъ.« Чтѣ же? вѣдь исполнилось дьявольское слово! Теперъ у насъ чтѣ воскресенье, чтѣ праздникъ, то и ярмарка, не въ одномъ, такъ въ другомъ селѣ.

(*) *Переводъ.* — Когда послѣ *гайдамаччины* начали опять Ляхи управлять Украйной, то на дѣсять хатъ опредѣлено было имѣть по одному ножу и по одному топору: боялись, чтобъ опять не збунтовался народъ. Взойдетъ бывало *жовніръ* въ хату: »А, мужикъ, еретикъ! у тебя два ножа, негодяй, гайдамака!« Взялъ — и пропало.

(**) *Переводъ.* — Бывало каждый голь прїѣзжаютъ Запорозцы въ Смілу на ярмарку, — человекъ по двѣнадцати, по тринадцати. Разодѣты такъ, что, Боже, твоя воля! Золото да серебро! Шапка на Запо-

ѣмү буде оксамітна, червона, зъ рижками, а околичка — такъ пальці на три — або сѣва, або чорна; на споді у єго жупанъ — саміи чістий кармазипъ, якъ огонь, що й очима не зоглянешь; а зверху черкеса зъ видѣтами або сѣня, або голуба; штани суконни сѣні, широкі, такъ и висяць ажъ почти по передкахъ; чоботи червоні; а на лядунці або золото, або сріблѣ; и черезплічники, то й тѣ все позолочуване; шабля при боку вся буде въ золоті — ажъ горить. А якъ цѣ, то й до землі не доторкається. А оцѣ було сядуть на коней та по ярмарку — якъ йскри сяють! Кіне оцѣ було бриль та й не допуститъ: підбіжить конемъ та й ухватить. А скоро въ кого впавъ, то вже оцѣ йдуть, пьють и гуляють за єго гроші. А храбрость, така храбрость! Було йде, то їй Богу до землі не доторкається! тільки шамъ, шамъ, шамъ, шамъ — пішовъ гулять!

Сватають було дівчаты. Мою сестру засватали; то коней у батька поодгодювали, самі неділь зѣ дві погуляли, та потімъ: »Поїдемо жъ ми за свідѣтельствомъ та будемо вінчаться.«

Якъ поїхали, то тільки й бачили.

рожицѣ бархатная, красная, съ углами, а околышъ — пальца въ три шириною — сѣрый, или черный; съ исподи у него жупанъ изъ самого дорогого красного сукна, — горить, какъ огонь, просто — глаза ослѣпляетъ; а сверху черкеса съ видѣтами, или сѣная, или голубая: штаны суконные сѣніе, широкіе — такъ и нависли почти на переда сапогъ; сапоги красные; на ладункѣ золото, или серебро; даже и перевязи въ позолотѣ, а сабля при боку вся въ золотѣ — такъ и горить. Идетъ и земли не касается. А какъ сядуть на коней да проѣдутъ по ярмаркѣ, то словно искры сверкають. Взброситъ бывало Запорожець шляпу и не допуститъ упасть: подлетитъ на конѣ и схватитъ. А кто не схватитъ, тотъ на свой счетъ поитъ и угощаетъ товаришей. А ужъ какая храбрость! Бывало идетъ Запорожець, смотришь, ну, ей Богу, земли не касается! Только шелеститъ платьемъ и ношелемъ, и ношелемъ.

Сватають бывало дѣвушекъ. И мою сестру сосватали да откормивши у отца лошадей и говорятъ: »Поїдемъ теперь за свідѣтельствомъ и будемъ играть свадьбу.« Уїхали — и поминай какъ звали.

9.

ПРЕДАНІЕ О ЗАПОРОЖЦѢ ВАСЮРИНСКОМЪ. (*)

Якү жь вамъ тепѣрь пісню заспівать? Хибѣ про Васюринського?

Васюринський козарлюга все пѣє та гуляє,

Отамана кошового бѣтькомъ називає:

»Позволь, бѣтьку отамане, намъ на баштѣ стати...»

Васюринський, знаєте, той бувъ такій сѣльний, що якъ при-
чащѣтця, то чотірі чоловіки держать попѣ, щобъ не вивъз одъ
дѣху. Такій бувъ лицарь, що тѣлько дхнѣ, то одъ самого дѣху не
встѣишь на ногахъ. Якъ приишли Москалі Сѣчь жакувати, то вінъ
просивъ, щобъ тѣлько позволено єму стати на баштѣ: »Ми«, каже,
»станемо съ кулаками, то ні списъ, ні кўля не візьме.«

А опісля, якъ побачили, що Москва вже все позабїрала, то
сіло їхъ сорокъ тїсячъ на човні та її поїхали до Турка.

(*) *Переводъ.* — Какую же теперь вамъ пѣсню спѣть? Развѣ про
Васюринскаго?

»Васюринскій *козарлюга* (козакъ-громадина) все пѣетъ да гуляетъ,
кошевого отамана отцомъ называетъ: »Позволь, отецъ нашъ отаманъ,
взойти намъ на башню...«

Видите ли, этотъ Васюринскій былъ такой силчачъ, что во время при-
чащенія, четыре человека поддерживали священника, чтобы не уналь-
отъ его духу. Такой былъ онъ богатырь, что толькодохнетъ — не усто-
ишь на ногахъ отъ одного дыханія. Когда пришли *Москали* разорять Сѣчь,
онъ просилъ, чтобы только позволили ему взойти на башню: »Мы«, го-
воритъ, »станемъ съ кулаками — и ни конь, ни пуля не возьметъ насъ.«
А потомъ какъ увидѣли Запорожцы, что *Москали* все ужъ захватили,
то сорокъ тысячъ ихъ сѣли на лодки и поплыли къ Турку.

Я не преминулъ случая распросить Тарануху объ урочищахъ въ Смилой, такъ какъ съ ихъ названіями всегда соединяются какія-нибудь историческія воспомнанія, или характеристическіе случаи обыденной жизни. Вотъ его слова.

10.

ПРЕДАНІЯ ОБЪ УРОЧИЩАХЪ ВЪ СМИЛОИ. (*)

Не знаю, чи згадаю всі врочища, бо е въ насъ їхъ до ката. Оце заразъ *Юрова Горá*. Було у якогось пана трое дитей; то синъ Юрасъ збудовавъ собі домокъ на Юровій Горі — ще й досі слідъ знать; а одна дочка, Домна, грѣблю Смилянську сіпала; а друга, Мотря, Мотренинъ манастиръ збудовала.

А зновъ есть, верстовъ, може, пятнадцять одъ Смілоі, *Гѣрусівъ Ярѣ*. Тамъ, кажутъ, Турки колісь сиділи. И колодязъ тамъ есть, увесь викладенъ камнемъ; а глибокий такий, що росказувавъ Смилянський такий нашъ чоловікъ, що — каже — разъ якъ одваливъ камінь та якъ кинувъ туди, то летівъ, летівъ та тільки — дзень!

А ще есть *Барабашѣха* ярѣ, верстовъ дѣсять одъ Смілоі. Тамъ колісь козакъ Барабанъ сидівъ.

(*) *Переводъ*. — Не знаю, вспомню ли все урочища: ихъ у насъ бездна. Вотъ здѣсь *Юрова Гора*. У какого-то господина было трое дѣтей: сынъ Юрій выстроилъ себѣ домикъ на Юрьевой Горѣ, — до сихъ поръ примѣтенъ слѣдъ; одна дочь, Домна, насыпала Смилянскую плотину; а другая, Матрена, построила Матренинъ монастырь.

Далѣе, верстахъ, можетъ, въ пятнадцати отъ Смилой, *Гѣрусовъ Ярѣ*. Тамъ, говорятъ, жили когда-то Турки. Есть тамъ и колодезь, весь выложенный камнемъ, и такой глубокой, что — рассказывалъ мнѣ одинъ Смилянской человекъ — разъ, говоритъ, я отвалилъ камень да какъ бросилъ туда, то долго, долго летѣлъ и наконецъ зазвенѣлъ, ударившись въ воду.

Есть ще *Холодний Яр*, давній дуже....

А коло Юрового дому есть, на горі такі, могила: зовѣтця *Роскопана*..... Отъ її відно звідеі. Та и зъ Черкась, скоро вийдешъ за цѣрину, заразъ и відно.

11.

ВОСПОМИНАНІЯ О ПРЕЖНИХЪ ПОВИННОСТЯХЪ, УРОЖАЯХЪ И ЦѢНАХЪ ВЪ
ЗАПАДНОЙ УКРАИНѢ. (*)

Тоді, було, дасі два рублі *чѣши* посѣсорові, та одбѣдешъ дванадцять день *шарварку*, грѣблю бѣ то гатіть, а тамъ ужѣ що загадають; та *возовѣ* одбѣдешъ, шість визъ привезешъ колодѣ; та заплаатишь *коменидо* півкопи грѣшей, та *осину* кѣрець жїта, та півкѣрця овса п ячменю, та її сидіишь дома. А пѣнцини нїякої не було. Тилько толокою було зѣремъ лань посѣсорові, та вїжавши складѣмъ и звѣзмъ та її гѣді. Оцѣ, було, ирїїде до хати: »Прохавъ панъ на толоку оратъ, [абѣ тамъ жать, чи босіть].«

Есть еще яръ *Барабашѣха*. Жилъ тамъ когда-то козакъ Барабашъ.

Есть *Холодный Яр*, очень старинный.....

А возлѣ Юрового дому есть на горѣ жѣ могила *Раскопанная*..... Вотъ и видать ее отсюда. Да и изъ Черкась, только вийдешъ за *цѣрину* (полевья ворота), тотъ-часъ и видать.

(*) *Переводъ*. — Тогда бывало дашь два рубля *чїншу* посессору, да двѣнадцать дней отбѣдешъ *шарварку*, стало бытъ, чїнить плотину, или вмѣсто того что-нибѣудь другое дѣлать: да *возовѣ* отбѣдешъ — привезешъ шесть возовъ лѣсу; да *коменидо* заплаатишь двадцать-пять грѣшей, да четверть ржи, да полъ-четверти овса п ячменю, а потомъ и сиди дома. Барцины никакой не было. Только бывало гуртомъ вѣпашемъ большую ниву для посессора, потомъ сожнемъ и свеземъ — и только. Придѣтъ бывало прикащикъ къ хатѣ: »Просилъ панъ гуртомъ оратъ [или жать, или сѣять],« и на такой зовъ бѣгутъ изъ хаты двое, или трѣе рабочихъ,

То зъ хати два, або три біжить, и въ одинъ день зрѣблять толбою, що треба, та її напшютця, її наідятця въ посѣсора; ще її музички грають. Дѣбре було жить!

Урожайі були вуді прѣти тепѣрешнихъ! Знаете, степі були вѣльниі, бо ще Смиліанки, Рохмистрѣвки и Коваліхи тогдѣ не було, то поля було доволі. Рѣкѣвъ дѣсять, або пятнадцять перелѣгомъ лежить; та якъ зѣрешъ на повині та посѣешъ кавунівъ, то врѣдять такіі, що зъ землі не знімешъ. А на другій годъ посѣешъ пшениці, або жита. То, було, якъ залѣжншъ чотирі парі волівъ та день поподрешъ, то врѣдять тобѣ на однімъ двѣ кшъ сѣрокъ, да такѣ густѣ, що було кшъ чотирі за день нажнешъ; а тепѣрь попогаийнѣя, нѣки нажнешъ и двѣ кѣпи. Та було оцѣ поподрешъ рѣкѣвъ три та її нукаешъ зновъ на перелѣгъ, а орѣшъ новинѣ. А тепѣрь якъ воно бѣде родить, колѣи що рѣку все на однімъ мѣстѣ ѣрють? Изъ копѣи, було, наберѣшъ чѣтверть, якъ дѣбрій колѣсъ.

А цѣни ѣсь якѣ були. Мѣшокъ грѣчки такій, що чѣтверикѣвъ два, — три копѣйки; прѣса, овсѣа, ячмѣню — три копѣйки; жита

ѣдѣлають гуртомъ въ одинъ день, чѣо нужно, напшются и наѣдятся у посѣссора, — и музыка, бывало, играетъ. Хорошо было жить!

Урожаевъ нечего и сравнить съ теперешними. Степи, видите ли, были тогда еще свободны, потому что не было еще тогда ни Смиліанки, ни Ротмистровки, ни Ковалихи, такъ пахатной земли было сколько угодно. Бывало, лѣтъ дѣсять, или пятнадцать лежить земля въ парѣ, а потомъ какъ венашешъ на повинѣ да наѣшешъ арбузѣвъ, такъ уредять такѣ арбузы, что съ земли не поднимешъ. А на другой годъ сѣшешъ бывало пшеницу, или рожъ. То бывало, какъ запряжешъ чѣтыре пары волѣвъ да поработаешъ день, то получишъ урожая конъ сорокъ, и такая густая нашня, что въ день нажнешъ конѣ чѣтыре. Года чѣрезъ три опять бывало нукаешъ подъ парѣ, а повъ нашешъ. А тепѣрь куда ему родить, когда каждый годъ нашутъ всѣ на томъ же мѣстѣ? Изъ конѣ бывало получишъ чѣтверть, если колѣсъ хорошъ.

А цѣны были вотъ какія. Мѣшокъ грѣчи чѣтверика въ два стоить три копѣйки; прѣса, овсѣа, ячмѣня — три копѣйки; ржи три мѣры въ

корець у Смілій — двадцять конієць, а въ Білазерье повезі, то три грóші; пшениці корець — сорокъ конієць; візь кавунівъ — грівня.

Еслибы въ каждомъ селѣ я находилъ по одному Кондрату Тарацухѣ, то сборникъ мой былъ бы пренепопленъ интереснѣйшихъ въ своемъ родѣ вещей, а совокунность ихъ представила бы живое изображеніе Украинскаго народа, съ его воспоминаніями, пшенями, образомъ мыслей и способомъ выраженія ихъ. Но жатва моя часто была такъ-же скудна, какъ и у г. Сквальковскаго, который, собираясь писать »Наѣзды Гайдамакъ«, »нарочно посѣщаль (говорить онъ) почти все тѣ мѣста Западной Украйны, которыя были поприщемъ гайдамацкихъ подвиговъ« (стр. 144), но не записалъ *ни одной* пьсни о гайдамакахъ, *ни одного* преданія объ ихъ походехъ. Я проѣхалъ города: Васильковъ, Бѣлую Церковь, Тарацу, Каневъ и посѣтилъ множество лежащихъ между ними селъ, но часто, на большихъ разстояніяхъ и при многочисленныхъ попыткахъ расположить стариковъ и старухъ къ разговорности, встрѣчалъ только тупоуміе, озабоченность текущими дѣлами, ничѣмъ не смягчаемую угрюмость, а иногда и подозрительность, которая доводила меня до отчаянія. Надобно было довольствоваться только характерпетическими фразами, которыя народъ разсыпаетъ въ своихъ разговорахъ, не зная имъ цѣны, и моя записная книжка въ этихъ мѣстахъ или оставалась пустою, или наполнялась отрывками въ родѣ слѣдующихъ.

ОТДѢЛЬНЫЯ ВЫРАЖЕНІЯ МАЛОРОССІЙСКИХЪ ПОСЛАНЫЪ. (1)

У хати въ її, якъ у віночку; хлѣбъ віпеченній, якъ сонце; самá сидіть, якъ квіточка.

Смилой — двадцать копеекъ, а въ Білазерьи три гривны; пшеницы три мѣры — сорокъ копеекъ; возъ арбузовъ — гривна.

---

(1) Прелесть этихъ выраженій могутъ чувствовать только знающіе Малороссійскій языкъ; переводить ихъ было бы напрасно.

Мóже вінъ такū пісню зна́е, що якъ-бѣ заспѣвавъ, то її вóдось би завъявъ!

А чомъ ви, хлопці, не оретѣ? — Да, дядьку, свято. — Якѣ свято? — Чересло її лемішь пзнято!

Хочъ у ступу всадить да пирогами годуйте, все бѣду однака. (1)

Вамъ хочъ голову пробий, то не вгóдншь.

Не по чимъ и бѣе, якъ не по́ голові! (2)

Якъ розгуляетця погóда та протівъ вітру якъ поженѣ буруні, то дубъ граѣ по буруна́хъ то вгóру, то випзъ якъ візъ по балка́хъ.

Крoвъ дзюрить, булькотить зъ спѣни.

Велі́ка буваѣ чубані́на на вкула́чкахъ, а іншій довідаеця, що її молотить неможна: помякчать рѣбра!

Пѣкъ ёму, мо́я ма́ти рідна! по́ночі зовсімъ не ба́чу.

Пошли́ тобі, Бо́же, на сімъ сві́ті па́нство, на тімъ сві́ті ві́чнеє ца́рство!

Е щó її їсти, її пѣти, е по чому́ її походити, тілько ні на чому́ гара́здъ гостѣй поса́дити. (3)

Такъ якъ ба́жуть за двана́дцять мплъ киселю́ їсти, ні зъ сѣгó, ні съ тогó прѣ́хала до менѣ кума́ зъ Ніжѣня.

Чогó ти на менѣ дѣвѣся, якъ чортъ на попá?

Я живу́ якъ у рѣшеті: відки вітеръ подмѣ, то по́вні ха́ти.

Якъ у воді не безъ чо́рта, та́къ у вели́кого па́на не безъ Жѣда.

Цдѣ Москаля́ такъ якъ траві́.

Якъ же мнѣ знать, котóрий мнѣ годъ? Якъ родивсь, то безъ па́мяти бу́въ; якъ рісь, то ро́зуму не мавъ; а якъ ужѣ до ро́зуму дойшовъ, тоді́ бъ то її лі́чить, та бага́цько літь уплило́.

На́ що ти тамъ ячмінь посія́въ? — Да тамъ, па́не, така́ люба́ ріля́, що дѣти́на віросла́ бъ, коли́-бъ поса́дивъ!

---

(1) Т. е. не сдѣлаюсь полгѣе.

(2) Въ томъ-то и дѣло! отъ этого-то все и зависить!

(3) Говорила хозяйка немеблированной свѣтлицы.

Оттамъ, матінко, лихіі люде! якъ напало на мене се́меро перекуюокъ, то ледві одгрізлась.

Якъ занедужавъ, то такъ не хочеться вмирать! чи ми жъ кому́ прикльонимося? чи ми обідець перравимъ, чи ми чужого чоловіка погодуемъ, коли ми такі бідні?

Такъ холодно, що якъ-би не вмівъ дригати, то змерзъ би, Такъ болить, що якъ-би не вмівъ стогнати, то вмєръ би.

Вода чиста якъ слєза. Дівка — якъ тополя. Гарна, хочь воді напійєсь. Швидкій, якъ мотиль. Проворний, якъ вітеръ у полі. Сидить, якъ грибокъ. Хлопець молодій, якъ барвінокъ. Повнолицій, якъ місяць. Ростє, якъ зъ воді. Щєбєче, якъ ластівка. Похожає, якъ пава. Сдоколь, не парубокъ! Пьяній, якъ нічь. Надусь, якъ сичъ. Біга, якъ дзіга. Боротця, якъ рябець. Пнєтця, якъ жаба на кўпу. Вертїтця, якъ шкурати на огні. Величаєтця, якъ поросє на орчику. Дивитця, якъ теля на пові двєрі. Цапкомъ ставъ⁽¹⁾. Мовчить, якъ стїна. Ходить, такий якъ квачъ⁽²⁾. Гострий, якъ бритва. Вьєтця, якъ гадина. Весєла, якъ ясочка. Тєпло, якъ у вусї. Дєбре, якъ у Бєга за двєрїма. Житте ємў, якъ у Христє за пазухою.

Байструкъ? та ростє якъ струкъ!

Отъ якъ вїхоръ злетїть да летїть не звїсно кудї, то такъ наше добрє ростеклось, — якъ слїня по воді.

Такъ якъ вода зъ відрє течє, а воно схне, то такъ вона сохнула въ нашихъ очахъ, — скорїй, шїжъ поліно въ печі.

Ти мене слўхай, а своїмъ рєбомъ не ходї.

Туть тешї да тешї, а тамъ трєба нупъ напїять.⁽³⁾

Пшїній такий є, що въ мене, каже, свїтлїйше єво попросїть; а другїй: А въ мене свїтлїйше вкраєти.

Трєба робїть потїї-Бєга, щобъ и чортъ не знавъ.

---

(1) Уперся, какъ козель.

(2) Т. е. такъ пьянь.

(3) Говорено при сравненїи плотницкой работы съ косовицею.

Якъ увійде въ комору, то хочъ-бі гадюка лежала, то зогнавъ би да вкравъ.

Хибá на́довго старійі жéнитця? абó самъ умрé, абó жінка покине.

Чогó ти трúспєся, якъ сичъ на негóду?

Діла робить не хочешъ, а піба — хочъ нацювї бий.

Ой, місяцю-місяцю! світишъ, та не грієшъ, — дарémне въ Бóга хлїбъ їєй. Я давъ би дві зімі за однó літо.

Душá не сусїдъ: ї не віпрешъ. (¹)

Знаїйте менé перепечайку, що на ворóтяхъ тїсто!

Госпóдь милосéрдний нїкóли не спить: у тогó щáсте одбирáє, а томú дає.

Тамъ такóго наговорївъ, що ї класти нїкуди.

Їдьте, сéрдечко, навирямéць, а тамъ живéть Андриї Швець; а тамъ — крúто собъ — живéть Куліна Вакуленкова: ї чоловїка торїкъ взяли въ Москалі. А тамъ провáлечко, а за провáлечкомъ — гулькъ — по горóду хóдить сїва кобїла, а на прїзбї лежїть рудá собáка. Отó, сéрдечко, ї отáманъ живéть.

По части преданїї, въ етихъ мѣстахъ записано у меня очень мало. Помѣщаю выписки изъ дорожнаго альбома.

1.

ХМѢЛЬНИЦКІЙ НАДЪ СЛУЧЬЮ. (*)

...Якъ ставъ Хмельницький надъ Слúччу, на горі, то обобравъ своé вїєсько такъ, що не зостáлось у козаківъ грóшей нї въ кишéняхъ, нї зашитихъ. (²)

(*) *Переводъ.* — Когда Хмельницкій расположился надъ Случью на

(¹) Говорится о голодѣ.

(²) Рассказывалъ одинъ старикъ въ Корсунѣ. Этотъ старикъ былъ единствен-

О ЗОЛОТОЙ ГРАМОТѢ. (*)

Ляхи взяліся гнать на благочестіе. »Чого вони!«, кажуть, »на нашії землі живуть, а *благочестівого Государя* поминать?« И давай головки лупить благочестивимъ. Отó спалили першъ тѣтаря въ Млѣві, а далі й хуторки чернѣчі Мотрѣннєвскіє попалили. А въ томѣ монастырѣ бувъ гѣмень... охъ, забѣвъ же я, якъ ёго звѣли! (1) Бачить, що лихо Ляхи рѣблять, полѣплять голови благочестивимъ; а писака добрий бувъ, та якъ удрѣвъ *Золотѣ Грамотѣ*! А Максимъ Зализнякъ прихавъ на поклонѣние, а вінъ ёму й піднісь: »Великъ свѣтъ Государиня (2) велить рѣзать Жіда й

горѣ, то обобралъ свое войско такъ, что не осталось у козаковъ денегъ ни въ карманахъ, ни зашитыхъ въ одеждѣ.

(*) *Переводъ.* — Ляхи начали преслѣдовать *благочестіе*. »Зачѣмъ они!«, говорятъ, »живучи на нашей землѣ, молятся въ церкви за *благочестиваго Государя*?« И давай головушки снимать *благочестивымъ*. Сперва сожгли ктитора въ Млѣвѣ, а потомъ пережгли и монашескіє Матренинскіє хуторки. А въ Матренинскомъ монастырѣ былъ игумень... ахъ, позабылъ я его имя! (1) Видить онъ, что Ляхи дѣлають бѣдовое дѣло — перегубяють *благочестивыхъ*, — и хватилъ *Золотѣ Грамотѣ*... писака былъ онъ славный. Въ это время пріѣхалъ на поклонѣние Максимъ Зализнякъ; онъ и поднесъ ему: »*Великъ свѣтъ* Государиня (2) велить рѣзать Жіда и Ляха до послѣдней ноги,

---

ный человекъ съ *оселедецкѣ*, котораго я встрѣтилъ въ своей жизни. Въ Черниговской губерніи оставляемыя у хлопчиковъ на головѣ чупрѣны, называютъ *левержѣтъ*.

(1) Мельхиседекъ Яворскій.

(2) Это выраженіе встрѣтилось мнѣ въ одной пѣснѣ:

Великій свѣтъ наша мати! жѣлю нарѣбала. —
Славне войско Запорѣзьке та й запастила!

Ляха до погі, щобъ и не смерділи на Україні. « Якъ гукнувъ Зализнякъ на охотника, такъ такъ и поваливъ народъ, — уся Смілянщина и Чигиринщина. Якъ пішли вінники, то-що, тогді вже *веліла мати и валь брати.* (1)

3.

ПРЕДАНІЕ О КОЗАРАХЪ. (*)

Запорозці перше звались Козари (2) и сиділи въ Каневі, потімъ въ Романкові, потімъ у Старому Кодаку, а далі піжче Никополя. Служило їхъ три у короля. Король заплативъ двомъ жалованне, а третєму сказавъ: »Отъ же я двомъ заплативъ грішми, а ти, коли хочъ, пди въ Каневъ, осаді собі тамъ слободу.« Отъ вінъ пішовъ та й завівъ тамъ Січъ. (3)

чтобъ и духу ихъ не было въ Украинѣ». Кликнулъ кличъ Зализнякъ — народъ такъ и повалилъ къ нему со всею Смілянщиною и Чигиринщиною, и какъ зашевелились виноркуры и другіе такіе люди, тогда ужъ нечего было Ляхамъ и думать о защитѣ.

(*) *Переводъ.* — Запорожцы назывались прежде Козарами (2) и жили въ Каневѣ, потомъ въ Романковѣ, потомъ въ Старомъ Кодакѣ, а наконецъ ниже Никополя. Король заплатилъ двоимъ (предводителямъ) жалованье, а третьему сказалъ: »Я заплатилъ двоимъ деньги, а ты, коли хочешь, ступай въ Каневъ и засели тамъ себѣ слободу«. Онъ пошелъ и основалъ тамъ Січъ. (3)

---

(1) Рассказывалъ тотъ же старикъ въ Корсунѣ.

(2) Замѣчу по случаю этого преданія, что увеличительное отъ слова *козакъ* — *козарлюга*, а уменьшительное ласкательное — *козуря*. Примѣры:

Васюринській козарлюга все пѣе та гуляе...

Лучче бѣ, козурю, могиі моі очі на потілиці стати...

(3) Не относится ли къ тремъ войскамъ Рѣчи Посполитой — Коронному, Литовскому и Запорожскому? — Преданіе записано въ Корсунѣ.

4.

ХЛѢБОСОЛСТВО НА ЗАПОРОЖЬИ. (*)

Въ Запорѳжї нїхтѳ булѳ не скаже старѳму: »Дѳрно хлѳбъ їси.« Придѳ, рѳтище востромї, янчѳрку повїсь та ї лежи собї хочѳ три мїсяцї, пий и їжѳ гѳтовѳ. Тїлькѳ встанѳ, Бѳгу помолїсь; колї е грѳшї, идї въ корчмѳ — горїлку пий. А якѳ же скаже хто: »Дѳрно хлѳбъ їей«, то козакї такѳ и нападѳтъ: »А ти вже закозаковався, сякїй-такїй сїну!« (1)

5.

ПОХОЖДЕНІЯ ГАЙДАМАКѢ ВЪ КАНЕВѢ. (**)

»Щѳ то, дїду, за гайдамѳччипа булѳ?« (2)
Проклѳята булѳ! Самовѳльцї такї булї, щѳ... Невїрне такѳ

(*) *Переводѳ.* — Въ Запорѳжї никто бывало не смѳетѳ сказать старѳму челѳвѳку: »Ты дарѳмъ хлѳбъ ѳшь.« Прїѳзжай туда всякѳ, воткни въ землю копѳе, повѳсь саблю и лежи себѳ хотѳ три мѳсяца, — пей и ѳжь все готовѳе. Только и дѳла, что встанѳ да помолїсь Бѳгу; а когда есть денѳги, ступай въ корчму пить водку. Если же кто скажетѳ: »Дарѳмъ хлѳбъ ѳшь«, то козакї тотѳ-часѳ и накинутся: »А ты ужѳ закозаковался, сякой, такой сынѳ!«

(**) *Переводѳ.* — »Чтѳ это, старикѳ, было за гайдамѳчество такое?« (2)

Проклѳтое было! Своевольникї такїе были, что.... И какѳ просла-

---

(1) Записано въ Корсунѳ.

(2) Вопросѳ путешественника.

було прославилось! Якъ попъетця, то ёму не кажі ні злого, ні доброго, — така собача юха!

Булі ми зъ батькомъ у ярмарку підъ Мошнами, на Святү Неділю, то їх и патяцївъ хтось, що въ Білика кінъ добрий єсть. А мого батька її торкнули: »Утікай, Дмитре, ато буде тобі лихо!« То батько якъ рўшивъ зъ ярмарку! Добігав до сего хреста, що підъ містомъ стоить, оглянетця, ажъ вінъ летить пзъ узвозу, такъ якъ ворона. И до села не допустївъ, нагнавъ. А тутъ чередà ходить. То батько викинувъ коня та її пустївъ у череду.

Ганявсь вінъ, ганявсь за тимъ концемъ; ганявсь-ганявсь, — не піймавъ; та ажъ до хати приїшовъ до батька: »Иди, сїну вражийї, та коня мнї дай!«

То батько мўсивъ самъ ловить коня и оддавъ ёму.

»Ну, приїдешъ же у Каневъ, то тамъ Неживийї тобї заплатитъ.«

Приїшовъ батько въ Каневъ, ажъ Каневъ уже спалєнь. Атамъ-то панї зробили собі замочокъ та ажъ у три рядї палями обгородїлись и запєрлись тамъ. А гайдамаки давїй солóму возить, та

вилась было эта сволочь! Какъ нашьется, то не смїй сказать ему ни злого, ни добраго, — такіе собаки!

Случилось мнѣ съ отцомъ быть на ярмаркѣ подъ Мошнами о Святойї. Имъ и сказали кто-то, что у Бѣлика конь добрый. А моему отцу и шешули: »Уходи, Дмитрій, ато не мншовать тебѣ бѣды!« Отець скорѣе съ ярмарки. Доскакаль до креста, что стоить подъ городомъ, оглянет-ся — летить за нимъ гайдамака съ горы, какъ ворона. Не допустиль отца и до села, нагналь. Тутъ близко ходило стадо. Отець отпрегъ коня и пустиль въ стадо. Сколько ни гонялся гайдамака за конемъ, не поймалъ; наконецъ пришелъ къ самой хатѣ, къ отцу: »Поди, вражий сынъ, отдай мнѣ коня!« Тогда отецъ принужденъ былъ самъ поймать коня и отдать ему. »Ну, приходи ты въ Каневъ«, сказалъ гайдамака, »тамъ Неживый тебѣ заплатитъ.« Пришелъ отецъ въ Каневъ, а Каневъ уже выжженъ. Паны сдѣлали тамъ себѣ острожекъ, окружили его въ три ряда частоколомъ и заперлись. А гайдамаки натаскали соломы, зажали,

якъ запалили, то все тамъ и съ напамп, и зо веімъ такъ огнѣмъ и взялось. У якогось пана кінь бувъ, ѳгиръ такий, що пять сотъ рублівъ вартъ, а сѣдло самѣ пять сотъ рублівъ варте було; такъ завелі того коня ажъ у острові у лугъ, а гайдамаки й тамъ наішли... Такъ ото приходить батько въ Каневъ, а гайдамаки посадили дванадцять Жидовокъ у-рядъ, та зайде зъ боку та й бѣе зъ пистоля. Усіхъ вибили; а до однієї три рази примѣръ робіли, такъ не спалить та й годі. Отъ и пішли до отамана: »Що тутъ робить, пане отамане? три рази робіли примѣръ до Жидівки — не спалило.«

»А що жъ? може, вона схоче віхреститьця?«

»Хочешъ віхреститьця?«

»Хочу«, каже. »Я вже и *Вірую во єдиного Бога* знаю.«

Отъ и почали затязці збірать христіани. Де молодіцію понадуть: »Иди кумою!« А самі кумами. А поєлі якъ стали даровать своїй хрищеніці, то наскидали саміхъ денежокъ стілько, що й конѣмъ не повезешъ.

И добра молодіця зъ тиєї Жидівки вийшла; віру нашу опієлі

и все вмѣстѣ съ напанами сгорѣло. У одного пана былъ такой жеребець, что стоилъ рублей пять-сотъ, да сѣдло стоило пять сотъ рублей. Этого коня отвели далеко въ острова на лугу, но гайдамаки и тамъ его нашли. Вотъ приходитъ батько въ Каневъ; смотритъ — гайдамаки посадили двѣнадцать Жидовокъ рядомъ и стрѣляютъ по нимъ изъ пистолета, зашевели боку. Всѣхъ перестрѣляли, а къ одной прицѣливались три раза, но порошъ никакъ не вспыхивалъ. Гайдамаки пошли къ отаману: »Что намъ дѣлать, нашъ отаманъ? три раза прицѣливались мы къ Жидовкѣ — не вспыхнуло«. — »Что же? можетъ, она захочетъ креститься?« — »Хочешъ креститься?« — »Хочу«, говоритъ. »Я ужъ и *Вѣрую во единого Бога* знаю.« Вотъ и начали гайдамаки собирать крестины. Ветрѣтять молодіцу: »Иди кумою!« а сами кумовьями. Потомъ начали дарить свою крестиницу и набросали ей столько одіѣхъ денежекъ, что коню не подъ силу было бы свезти. И добрая женщина вышла изъ той Жидовки; вѣру нашу потомъ хорошо соблюдала и была очень побожна.

хороше держала и така була богомільна. Було, тільки задзвонять до церкви, то и йде.

Такъ ото батько її приступивъ до тихъ затязцівъ. А вони у Нетеребці вірвали казанъ: »На жъ тобі«, кажутъ, »оцеї казанъ.« Батько взявъ казанъ, а Нетеребці опісля прийшли та її узяли.

Такè-то прокляте було та гайдамаччина! Багато накоїли ліха. А опісля ще пані та Жиди народъ дерли. Приїде: »Се тобі гайдамаки дали, або ти самъ гайдамачивъ!« та її берè, що зүздрить. Такè-то! (¹)

6.

ВОСПОМИНАНІЯ О ЗАПОРОЖЦАХЪ, ОБЪ ИХЪ ПРАВАХЪ И ОБЫЧАЯХЪ. (*)

Козакі підъ Мазéпою змінили та її пішли підъ Турка. Турокъ давъ їмъ зéмлю и все. Колі жъ умеръ козакъ, а землі її викинула; умеръ другій — и другого викинула, третій — викинула її трè-

---

Только бывало начнутъ благовѣстити, тотъ-часъ и идетъ въ церковь. Приступилъ отецъ къ гайдакакамъ; а они въ то время вынули изъ печи въ винокурнѣ въ Нетеребкѣ котель. »Возьми«, говорятъ, »себѣ этотъ котель.« Отецъ, и взялъ, а Нетеребцы потомъ отъ него и отобрали.

Такое-то проклятое дѣло было гайдамачество! Много натворили бѣды гайдамаки, а потомъ еще паны да Жиды грабили народъ. Придетъ панъ, или Жидъ: »Это тебѣ гайдамаки дали, или ты самъ гайдамачилъ?« и беретъ, что ни увидитъ. Такая-то бѣда!

(*) *Переводъ.*—Козаки въ гетманство Мазепы измѣнили и подались Турку. Турокъ далъ имъ землю и все. Только — умеръ одинъ козакъ, а земля и выбросила его; умеръ другой — и другого выбросила, тре-

---

(¹) Разсказывалъ въ Кумейкахъ Климъ Бѣликъ.

тѣго. Такъ вони тоді: »Эй, братці сердечніі! вернімось, бо насъ тутъ и земля не приймає.« А Царь Петро вже зазиває. »Вернітця«, каже, »не буде вамъ ніякої карі, ні упомінку.« Такъ вони й вернулись. То іхавъ разъ батько поузъ Савурь-Могилу, а тамъ великіи шляхи ідуть: одінь у Московщину, а другий у нашу сторону. То міжъ тими шляхами, коло тні Савурь-Могилы камінь великий лежить. А зъ нимъ ходивъ тоді на Дінь Василь Куцѣнко, письменний. Такъ батько каже; »Иди лишъ, Василю, прочитаі, що на тімъ камені написано.« А той пішовъ та й прочитавъ: »Проклять, проклять, проклять, хто буде одъ Запорозцівъ одбіраць зѣмлю, поби світь сѣнца!« Государь такѣ заклатьте положивъ. (1)

Мій батько такі водився зъ тими Запорозцями. Бувало, то

тій — выбросла и третьяго. Тогда они: »Эй, братья милые! воротимся въ отечество: насъ тутъ и земля не принимаетъ.« Между тѣмъ Царь Петръ зоветъ къ себѣ: »Воротитесь«, говоритъ, »не будетъ вамъ никакой кары, ни упрёка.« Однажды отецъ мой ѣхалъ мимо Савурь-Могилы, гдѣ проходятъ большія дороги: одна въ Московскій край, а другая въ нашу сторону, и между тѣхъ дорогъ, возлѣ Савурь-Могилы, лежитъ большій камень. Съ отцомъ ходилъ тогда на Дюнь Василій Куцѣнко, грамотный человекъ. Отецъ и говоритъ: »Поди-ка, Василій, прочитай, что на томъ камнѣ написано.« Тотъ пошелъ и прочиталъ: »Проклять, проклять, проклять, кто будетъ отбирать у Запорожцевъ землю, пока свѣтъ солнца!« Такое заклатье Государь положилъ. (1)

---

(1) Любопытно было бы знать, какимъ побужденіемъ управлялся Василь Куцѣнко, читая на камнѣ то, чего на немъ не было написано. Отецъ разскащика ходилъ на Дюнь около того времени, когда у Запорожцевъ шли споры съ Сербскими поселеніями за земли. Василь Куцѣнко могъ посѣщать ихъ рыбные «заводы» для заработковъ, подобно Кременчугскому пасичнику (см. выше, стр. 111) и наслушаться тамъ разсказовъ объ ихъ мнимыхъ правахъ. Идучи степью съ чумаками, онъ передавалъ имъ то, что видалъ и слышалъ во время своихъ странствованій въ разныхъ мѣстахъ, и естественно соблазнился ролью человекъ, который умѣетъ заставить другого разинуть ротъ. Чтобы еще больше поразить простодушныхъ своихъ слушателей, онъ импровизировалъ надпись на камнѣ; а отецъ Клима Бѣлика принялъ его продѣлку за чистую монету.

горілку, то-що вóзять у Січъ. Роска́зуе бу́ло, що, ка́же, якъ привезешъ горілку, то її прийіде купова́ть, и за́разъ берє волочо́къ, тягає, са́мъ пше и ду́шъ де́сять часту́е. Хто стоїть, жо́дного ча́стуе. Ужé жъ ти ё́му не кажи́ нічо́го. То ви́пьють такъ якъ на корхъ зъ бо́чки, та тоді вже: »Запла́тимъ же, наші́ молодці́, за горілку«, та її за́купить усе́ бо́чки, и вже запла́тить до́бре. А якъ же бъ що сказа́ вь, тої́ стоявъ би тамъ не знать до́би, та, мо́же, її наза́дъ пові́зъ би горілку. »Не йдіть«, ка́жуть, »до вра́жого сїна купова́ть: ча́рки горілки жа́луе.«

Жва́вий наро́дъ бу́в! Бу́ло якъ пі́йде копе́мъ, то не та́къ, якъ на́ші, а та́къ, якъ ца́пъ: коли́бъ струсу́всѣя! Та́къ и пізна́ешъ ёго́ оддалеку́.

Разъ стою́ за ворітьми́, ажъ іхъ іде́ трое́, а за ні́ми по од-но́му ко́шю підъ вью́ками, и що тамъ срі́бля въ тихъ вью́кахъ! Та́къ ду́маю, що четвері́къ на жо́дному.

»Здоровъ«, ка́жуть, »хлопца́!«

Мой отецъ водилсѣ таки съ Запорожцами. То водку, то что-нибудь другое возилъ онъ въ Сѣчь. Бывало разеказываетъ: Кабъ привезешъ водку, вотъ и приходитъ Запорожець покупать и тотъ-часъ беретъ *волочо́къ* (цилиндрическую стеклянку на слуркѣ), опускаетъ въ бочку, пшеъ самъ и потчиваетъ человекъ десять товарищей. Кто бы тутъ ни случился, каждого потчиваетъ. И ужъ не говори ему ни слова. Вышють Запорожцы изъ бочки волки пальца на четыре, и тогда ужъ говорятъ: »Ну, наши молодцы, заплатимъ теперь за водку«, купятъ все́ бочки и ужъ хорошо заплатятъ. А когдабы что-нибудь сказала имъ неприятное, то и стоялъ бы съ водкой Богъ знаетъ сколько времени, а пожалуй и у́халъ бы не продавши. »Не покупайте«, говорятъ Запорожцы, »у вражяго сына: онъ чарки водки жалѣтъ.«

Удалый народъ былъ! Ёдетъ бывало верхомъ, табъ ужъ не по нашему, а погосподски: и не встряхнется! Издали его узнаешъ.

Разъ я стою за воротами, смотрю — ёдетъ трое Запорожцевъ и ведутъ по ко́шю подъ вью́ками... сколько тамъ серебра въ тѣхъ вью́кахъ! Думаю, четверикъ на каждомъ. »Здорово, хлопце!« говорятъ миѣ.

»Здорові!«

»А дѣ тутъ Дмитро Біликъ живѣ?«

»Оцѣ«, важу, »їі Біликъ.«

»А дѣма?«

»Дѣма.«

Заїхали, пообїдали въ бѣтька та їі поїхали.

А то вони вертали ся изъ Польщи. Кажуть бѣтькові: »Ужѣ, Дмитре, надрѣли; бѣде зъ насъ, поки їі нашого віку.«

Не одну жъ Польщу вони дрѣли: було їі нашимъ одѣ їхъ лихо. Ні харчі, було, не провезешъ, нічого. Розказувавъ бѣтько, що їдемѣ — каже — зъ Запорожжя. А братъ до брата на Запорожжя ходивъ, такъ вінъ їмѣ два вози рїби наклѣвъ. Щемѣ зъ Запорожжя, ажъ дївимся — рѣтище на шляхѣ встрѣмлене. Ужѣ жъ и не їдї дѣльше, ато якъ вискочать проклѣті камїшники, то недовго на свѣтъ дивїтимесся. Зупинїли волї, ажъ и їде їхъ три. Два жъ стоїть на коняхъ, а одїнь до воза: »Розшнурѣвуй возъ, вражїї сїну!«

Розшнурѣвавъ.

Вїнь и почѣвъ изъ воза рїбу викадѣть. А въ другѣму возї

»Здравствуйте!« — »А гдѣ Дмитрїї Біликъ живѣть?« — »Вотъ онъ живѣть«, говорю. »А дѣма?« — »Дома.« Заїхали къ намъ, отобїдали у отца и поїхали. Они въ то время возвращались изъ Польши. »Набрѣли мы, Дмитрїї, добычи!« говорили они отцу. »Будетъ сѣ насъ, пока живы.«

И не одну Польшу они грабили: доставалось отъ нихъ и нашимъ. Бывало, ни харчи не провезешъ, ничего. Разказывалъ отецъ: Ъдемъ — говоритъ — разъ изъ Запорожжя, а сѣ нами одїнь человекъ ходилъ къ брату на Запорожжя, такъ тотъ нагрузилъ ему два воза рѣбою. Ъдемъ изъ Запорожжя, смотримъ — копы на дорогѣ воткнуто. Это значить: не ходи дѣльше, ато какъ вискочать проклѣтые камїшники, то недолго будешъ послѣ того глядѣть на Божїй свѣтъ. Остановили воловъ, смотримъ — ѣдетъ трѣе камїшниковъ. Двое остались на коняхъ, а третїї соскочилъ и къ возу: »Разшнурѣвай возъ, вражїї сїнь!« Чувакъ разшнуро-

снесъ стримівъ. Візъ бувъ очеретомъ укрітний, и снесъ у ёму стримівъ. Тої чумаць дивівсь-дивівсь, далі якъ ухопить снесъ та якъ сунє того комішника підъ бікъ, — такъ и пронявъ.

»А ідіть«, каже, »ї вї сюді! [на тихъ ужє, що на коняхъ сидятъ] И вамъ те буде!«

То тїі бачать, що се не промакъ, та и звѣдали. »Що жъ?« кажутъ, »ми бачимо, що вінъ, вражий синъ, глумітця.«

Та и оружье поодкидали.

»Сховаймо«, кажутъ, »ёго, братці: то не падлюка, то Християнинъ.«

Угориули въ рядно — рядно въ того чоловіка взяли — та и заховали.

Тоді питають: »Хто жъ ти такий?«

»Я«, каже, »отакій и такий. Ходивъ до брата въ гості.«

»Знаємо«, кажутъ, »того козака. Щобъ же тебе! коли-бъ ти намъ хочъ слово сказавъ, що ти ёго братъ, ми бъ тебе и не чинали.«

валъ. Онъ и началъ выбрасывать изъ воза рыбу. А въ другомъ возѣ было воткнуто копые. Возъ былъ покрытъ очеретомъ и копые въ немъ торчало. Чумаць сперва смотрѣлъ, ничего не говоря, на камышника, потомъ какъ схватитъ копые да какъ пырнетъ его въ бокъ — такъ и проколетъ. »А подите«, говоритъ, »и вы сюда! [къ тѣмъ, видите ли, что сидѣли на коняхъ] Подите, я и вамъ то же сдѣлаю!« Видятъ камышники, что это то-же молодець, и струсили. »Что же?« говорятъ, »мы видимъ, что онъ, вражий синъ, глумится«, и отбросили въ-сторону оружье. »Похоронимъ«, говорятъ, »его, братцы: вѣдъ это не падаль, а Християнинъ.« Завернули въ толстый холстъ — холстъ взяли у того чоловіка — и похоронили. Потомъ спрашиваютъ: »Кто же ты таковъ?« — »Я«, говоритъ, »такъ и такъ называюсь. Ходилъ къ брату въ гости.« — »Знаемъ«, говорятъ, »того козака. О, чтобъ тебя! колибъ ты намъ хоть слово сказалъ, что ты его братъ, мы бъ тебя и не трогали.« И поѣхали отъ насъ.

Да її поїхали. (¹)

Такий-то народъ бувъ! Якъ не краде Запорожець, то її вѣжуть ёму: »Дѣки ти, вражий сину, будешъ лежати? И чѣрки горілки ні за що виїшти.«

Нашъ рѣдичъ Яцькѣ бувъ у Запорѣзцяхъ; то було роскѣзуе. Пішли ми — кѣже — ажъ за Бѣгъ-рѣку, надъ Тилигуль, кѣней крѣсти. Глянемъ, ажъ такий табунъ кѣней ходить! Отъ я прилѣзь, ажъ Нагаецъ вартовий спить и вѣжки замотѣвъ колѣ рукі. Я якъ сунувъ ёго спиномъ! а вінъ бувъ у панцирі, то спиєть такъ и закорчився. Віпъ якъ схѣнитця та до менѣ! то якъ-бї не було пожа, то зарѣзавъ би вражий спить. Ато я якъ черкнуъ ёго ножемъ по горлу, то вінъ такъ и поваливъсь.

А вже въ Січъ баба не ходї. Хочъ-бї сестра, хочъ-би рѣдна матї — не пѣстятъ. Такъ, чѣртъ знає по-якому жили тїи Запорѣзці: самї собї якъ бурлаки. Бувъ одїнъ Запорожець Нагаецъ та и вѣдївсь до паламарки. Колѣ Січи тамъ десь у селци паламаръ

Таковъ-то народъ были эти Запорожцы! Если Запорожець не крадетъ, то ему говорятъ: »Долго ли ты, вражий сынъ, будешь лежать на боку? И чарки водки не на что вышты.« Нашъ родственникъ Яцькѣ былъ въ Запорожцахъ и бывало рассказывалъ намъ: Пошли мы — говоритъ — разъ за самый Бугъ-рѣку, выше Тилигула, красть лошадей. Смотримъ — такой славный табунъ лошадей ходить! Подползъ я къ нимъ, смотрю — сторожевой Нагаецъ спить и возжи наматалъ на руку. Я какъ шырну его кошемъ! но онъ былъ въ панцирѣ, — коше такъ и свернулось. Вечерилъ онъ да ко мнѣ... и не будь при мнѣ ножа — зарѣзалъ бы вражий сынъ. Ато я хватъ его ножомъ по горлу — онъ такъ и повалился.

А ужъ бывало баба въ Сѣчь не ходи. Будь хоть сестра, будь хоть родная мать — не пѣстятъ. Чѣртъ знаетъ, какъ жили эти Запорожцы, — холостяками, какъ бурлаки. Былъ одїнъ Запорожець, по прозванїю Но-

---

(¹) Эта сцена напоминаетъ рассказъ Семѣна Юрѣнка о камышникахъ (см. выше, стр. 75). Оба рассказчика передали мнѣ какъ видно одно и то же приключенїе; но Юрѣнко, очевидно, повторилъ его, какъ отдаленное эхо, а Бѣликъ былъ ближе къ дѣйствующимъ лицамъ.

живъ, такъ вінъ до паламарки и впадився. А Запорозці проіюхали та й пішли до кошового: »Такійі намъ стыдъ рѣбать Пагаецъ, пане батьку: упадивсь«, кáжуть, »до паламарки, такъ якъ той со-бáка!«

»Постійте жъ«, кáже, »наніі молодці«, я козака надежного пошлю, нехай присочить ёго, тоді вже буде ёму сѣдь и расправа.«

Отó Пагаецъ поїхавъ изъ Сичи, а козакъ собі. Приїхавъ до паламарки: »Одчпні!«

Не одчпняє.

Вінъ якъ сунѣ двери ногою — двѣри такъ и вивалились. У хату, — ажъ вінъ тамъ за занпоною.

»А щѣ ти тутъ рѣбпшь, сякійі-такійі сїну?«

Якъ узявъ бить ёго пагаемъ!

А той проєнтця: »Брате мійі рідпній! ужѣ хочъ бпій, тїлько панові батьку не ясі!«

[А тамъ ужѣ такѣ чѣртовѣ заведѣнне, щѣ сїмъ разъ якъ ударить вїемъ, то вже хлїба не їстимевъ.]

Такъ щѣ жъ? у такого одмѣлсеся? И пагаемъ вїбпвъ, и ко-

гаецъ и повадплся ходпть къ попомарпхъ. Возлѣ Сѣчи жпль попомарь, такъ онъ къ попомарпхъ и повадплся. А Запорожцы провѣдали да и пошли къ кошовому: »Какойі намъ стыдъ дѣлаеть Ногаецъ, пане батько! повадплся ходпть къ попомарпхъ, словно песь какой!« — »Погодите же, паны молодцы«, говорпть кошевой, »я повплю надежного козака, пусть онъ его подкараулпть, а потомъ ужъ бѣдетъ ему сѣдь и расправа.« Вотъ Ногаецъ изъ Сѣчи, а козакъ за нпмъ. Прпѣзжаеть къ попомарпхъ: »Отвори!« Не отворяеть. Онъ толкнулъ въ дверь ногою — дверь такъ и вивалплась. Входпть въ хату, смотрпть — Ногаецъ тамъ за занавѣскою. »А чтѣ ты дѣлаешь тутъ, сякой, такой снпть?« и давай стегать его нагайкою. А тотъ упрашиваеть его: »Братецъ ты мой родной! бей меня, только не еказывай пану батьку!« [А ужъ у нпхъ такой чертовекій обычай, что какъ ударпть семь разъ дубпною, то хлѣба не будешъ больше їеть.] Чтѣ же? напрасно и упрашивать! И нагайкой от-

шовому з'ясовавъ. Ну, звісно вже: заразъ до стовба та внями. За-недужавъ сердешний Нагаецъ одъ такої бани та и вмёръ незабаромъ.

Ужé що бойкий людъ бувъ, то такъ! Разъ ходивъ изъ батькомъ у Сичъ изъ горілкою мій рідний дядько. Отъ и питаютьця:

»Що се, Дмитре, съ тобою?»

»Та се«, каже, »мій шуринъ, моєі жінки братъ.«

»Якъ ёго зовуть?»

»Хомá.«

»Не вклепáлись же«, каже, »и ви, що ёму такé имя дали: вінъ на Хому и походивъ, дияволівъ синъ!»

А разъ такі добре допеклі моёму батькові. Сидить вінъ изъ ними въ лёху та и пьють. А вони и давай ёго на сміхъ підіймать:

»Ге, васъ«, кажуть, »тамъ у Польци [а се бъ то, бачъ, на Україні] міромъ не мажуть, а гусячимъ саломъ.«

А батько, не довго говоривши, схопивъ та на базарі купивъ хлѣба та и пішовъ до кошового.

Кошовий вислухавъ. »Штъ«, каже, »вражі сині! а вони жъ

стегаль, и кошовому донесъ. Ну, разумѣется: тотъ-часъ привязали къ столбу Погайца и наказали дубѣемъ. Заболѣлъ бѣдняга Погаецъ отъ такої бани и умеръ вскорѣ.

Что за бойкий народъ былъ эти Запорожцы! Разъ ходилъ въ Сичъ съ водкою мой родной дядя при отцѣ. Они и спрашиваютъ: »Что это за человекъ съ тобою, Дмитрій?» — »Это«, говоритъ, »мой шуринъ, братъ моей жены.« — »А какъ его зовутъ?» — »Оома«. — »Ну«, говорятъ, »вы не ошиблись, давши ему такое имя: онъ, чортовъ сынъ, и похожъ на Оому!»

А разъ задѣли таки моего отца за живое. Сидитъ онъ съ ними въ погребу и пьетъ водку. Только они и давай надъ нимъ подсмѣиваться: »Васъ«, говорятъ, »тамъ въ Польшѣ [а это, выходитъ, на Украинѣ] помазываютъ не миромъ, а гусинымъ жиромъ.« Отецъ, не говоря дурного слова, вскочилъ съ своего мѣста, купилъ на базарѣ хлѣба и пошелъ къ кошовому. Кошовой выслушалъ. »Вишь«, говоритъ, »вражьи дѣти! а они откуда наплодились? И они же вышли изъ мужиковъ, а те-

изъ чого̃ поплоділись? И вони̃ жъ изъ мужиківъ породілись, а те́неръ уже̃ тілько̃ їхъ міромъ ма́зано! А пійді« , ка́же на козака̃, що̃ при̃ ёму̃ бувъ , »пійді̃ лишне́нь помирі́ їхъ.«

При́ишовъ коза́къ изъ ба́тькомъ до̃ лѣху: »А чого̃« , ка́же , »ви тутъ , вра́ні сипі́ , змага́етесь?«

А вони́: »Сядь , сядь , ба́тьку , ча́рку горілки̃ ви́пий.«

Отъ̃ ви́нь по́сідивъ̃ трѣхи . »Що̃ жъ« , ка́же , »я да́рмо чо́боти топта́въ для̃ васъ? Положи́ть по̃ рублю́!«

Усі̃ ви́няли по̃ рублю́ и̃ положи́ли ёму̃ въ ша́пку . И ба́тько̃ му́снвъ̃ положи́ть рублю́ . Та́къ ро́зсудивъ̃ , дя́волівъ̃ снвъ̃ !

Ато̃ , ка́жуть , ще-то̃ въ-старови́ну̃ одібра́въ̃ кошови́и̃ що̃ най-кра́нши̃ наро́дь та̃ одики́и̃ та̃ и̃ посла́въ̃ до̃ коро́ля . Отъ̃ Ляхи́ ба́чать , що̃ въ̃ ихъ̃ ўси̃ оттакѣ́лезні : »Чого̃ бъ« , ка́жуть , »да́ть имъ̃ їсти? Да́ймо̃ имъ̃ сметани́.«

Да́ли̃ сметани́ . А Запоро́зці̃ ка́жуть : »У̃ насъ̃ не да́ють̃ сметани́ напе́редъ ; ме́дъ напе́редъ да́ють.«

»Ну , да́ть̃ имъ̃ ме́ду!«

Да́ли̃ ме́ду . А вои̃̃ яки́и̃ попо́или̃ ме́ду̃ та̃ позакру́чували̃ ўси̃ : »Те́перъ« , ка́жуть , »дава́йте̃ и̃ сметани́!«

перъ̃ уже̃ то́лько̃ они̃ и̃ помазаны̃ му́ромъ ! Сту́пай« , говори́тъ къ̃ козаку , что̃ былъ̃ при̃ немъ , »ступай , помири-ка̃ ихъ« . Прише́лъ̃ коза́къ съ̃ отце́мъ̃ въ̃ погребъ̃ . »А что̃ вы« , говори́тъ , »вражьи̃ дѣти , спорите̃ тутъ?« А они̃ : »Сидь , ба́тько , сядь , ви́шей̃ ча́рку̃ водки.« Вотъ̃ онъ̃ по́сидѣлъ̃ немно́го . »Что̃ же?« говори́тъ , »я даро́мъ̃ для̃ васъ̃ са́ноги̃ топта́лъ? Положите̃ ми́ѣ̃ сю́да̃ по̃ рублю.« Ве́ѣ̃ выпу́ли̃ по̃ рублю̃ и̃ положи́ли̃ ему̃ въ̃ ша́пку . И̃ отецъ̃ прину́жденъ̃ былъ̃ положи́ть̃ рубль . Та́къ̃ разо́удилъ̃ , чорто́въ̃ снвъ̃ !

Ато̃ , говори́тъ , еще̃ въ̃ стари́ну̃ выбра́лъ̃ кошево́й̃ самы́х̃ лучши́х̃ , самы́х̃ шего́леваты́х̃ Запоро́жцевъ̃ и̃ посла́лъ̃ къ̃ коро́лю . Видя́тъ̃ Ляхи , что̃ у̃ нихъ̃ усы̃ вотъ̃ э́такіе̃ , бо́льшущіе̃ , и̃ говори́тъ : »Чего̃ бы̃ да́ть̃ имъ̃ по́беть ! Да́димъ̃ имъ̃ сметани́.« И̃ да́ли̃ сметани́ . А Запоро́жцы̃ говори́тъ : »У̃ насъ̃ не̃ пода́ють̃ сперва̃ сметани́ ; сперва̃ пода́ють̃ со́ты.« — »Ну , да́ть̃ имъ̃ со́товъ.« По́дали̃ со́товъ . Они̃ по́бли̃ и̃ закру́тили̃

А підь той часъ непріятель приславъ Ляхамъ лукъ: »Якъ не натягнете«, каже, »єго лука, то становітця на баталію.«

Отъ Ляхи прѣбовали — ніхто не натягне.

А одінь Запорожець: »Ось кѣте«, каже, »лишень сюді!«

Узявъ, такъ и натягнувъ той лукъ.

»Дайте жъ«, каже, »теперъ мнѣ штабу заліза.«

Та взявъ та кругомъ шпї тому послові обгорнувъ та її завернувъ; такъ якъ отъ сніпъ завертаешъ, що перевѣсло скрутинь, такъ вінъ ту штабу завернувъ.

»Коли одвернете«, каже, »ви сю штабу, то ми на баталію зъ вами станемъ.«

Якій же єго чортъ одверне? Хибá бѣ голову одкрутивъ! Мѣже, якъ прихавъ, то, мѣже, чортъ знає доки шпїляли. Не мѣжна ні лягти, нічого.

Э, здоровій народъ бувъ! Уже якъ зруїновали Січъ, то одінь такий бувъ здоровій, що дѣхомъ убѣе чоловіка. Якъ пішовъ причащатця та дѣху не втаивъ, то трѣхн священникъ не вправъ павзнакъ.

вверхъ усы. »Теперь«, говорятъ, »давайте и сметаны!« А въ это время прислалъ непріятель Ляхамъ лукъ. »Колн не натянете«, говоритъ, »этого лука, то выходите на бой.« Долго пробовали Ляхи — нітъ, никто не натянетъ лука. Тогда одінь Запорожець: »Дайте-ко«, говоритъ, »его сюда!« Какъ взялъ, такъ съ-разу и натянулъ. »Теперь подайте«, говоритъ, »мнѣ полюсу желѣза.« Взялъ онъ желѣзную полюсу, обвилъ вокругъ шеи послу и завернулъ; такъ вотъ какъ сновъ свяжешъ и завернешъ связку, такъ онъ завернулъ ту полюсу. »Колн развернете«, говоритъ, »вы эту полюсу, то выйдемъ съ вами на бой.« Кѣй чортъ развернуть! Развѣ съ головой вмѣстѣ открутить! Какъ воротился по-солъ домой, то, можетъ, чортъ знаетъ скѣлько времени шпїляли желѣзо. Пельзя ни прилечь, ни что.

Эхъ, народъ былъ докій! Когда разорили Сѣчъ, такъ одінь былъ такой свлачъ, что одіньмъ дѣханіемъ убилъ бы чловѣка. Какъ подошелъ къ причастію, да не затаилъ дѣханія, то едва священникъ не умалъ на-

»Хто ти«, каже, »стáрче, такий? признайся.«

»А щó жъ«, каже, »бáтюшка? я отòй и той.«

»Зпиди жъ«, каже, »зъ сего града, бо тилько дознаютьця, то пропадєиць.« (1)

Ще скóро рознеслáсь чýтка, що Запорóбже зруйнýють, то Гетьмáнци булó Запорóбцямъ снívають:

Врáжі сині Запорóбці не дóбре вчинили:

Степъ шпрóкий, край весєлий та й занапáстили.

То Запорóбці булó злýтця! Вони бъ то й били ихъ, такъ и тó жъ нарóдъ воєнний. Хочъ и по шинкáхъ булó зострiнутця, то не дýже булó стрáшно. (2)

А булó якъ очортiє Запорóбцямъ у Сiчi горiлку питъ, то й понаїжджáють у гóстi на Украiну, абó на Гетьмáнщину. Прiїжджáють

взпичъ. »Кто ты таковъ, старикъ?« говоритъ онъ, »признайся.« — »Что же«, говоритъ, »бáтюшка? я таковой-то«. — »Пзыди же«, говоритъ, »взъ сего града, ато, какъ узнають о тебѣ, то погибнешь.« (1)

Еще лишь только разнесся слухъ, что Запорожье разорять, то гетманские козаки припѣвають бывало Запорожцамъ:

Врáжі сині Запорóбці недóбре вчинили:

Степъ шпрóкий, край весєлий та й занапáстили.

Запорожцы, бывало, бѣсятся на *Гетманщевъ* за эту пѣсню. Они пожалуй и поколотили бы ихъ, да и то былъ народъ военный. Хотя и въ кабакѣ встрѣтятся было съ Запорожцами, то не очень трусили. (2)

А ужъ, бывало, бакъ опротивѣтъ въ Сѣчи водка Запорожцамъ, то и наѣдутъ въ гости на Украйну, а не то — на Гетманщину (т. е. на

---

(1) Прошу читателя припомнить преданіе Таранухи о козарлюгѣ Васюринскомъ (см. выше стр. 141). Очевидно, что дѣйствительно на Запорожьи существовало лицо, производившее сильное впечатлѣніе на умы. Подъ физическою злою надобно разумѣть здѣсь нѣчто и другое.

(2) Вѣроятно, этою пѣснею дразнили *отставныхъ* Запорожцевъ. Ея продолженіе показываетъ, что она сложена *посль* разоренія Сѣчи.

було й до мого батька. То їмъ же добре, що є за що питъ, а батько зъ ними такъ було укачається въ довгі, що ну! Якъ позвйдятця було, то й говорять: »Наше Запорóжже такъ изведється, що чортмáтима нічого!« Такъ самі, було, й говорять. Отъ же и звелось.

Якъ ужé въ Січъ Москаль поринувъ, то вони драла, а Москаль: »Біжіть та коло Кизикермена ланцюгъ перекинъте черезъ Дніпръ! якъ будуть утікати, то зъ пúшокъ на їхъ!« А вони вербу зрубали та й пустили по Дніпру. То верба вдарилаєь объ ланцюгъ, а пúшки — гу, гу! А Запорóзці тоді: »Оттенеръ, братця, гребить!« та й утекли одъ Москаля. (¹)

7.

ПОВѢРЬЕ О НОВОМЪ КОЗАЦКОМЪ ГЕРОѢ ГЛАДКОМЪ. (*)

Тоді, якъ була та війна (²) зпòвъ незнатъ чогó народъ изтрусувся. Було кажуть: »Се, видно, десь такий лццаръ уродився, що

лѣвий берегъ Днѣпра). Прїѣзжають бывало и къ моему отцу. Ну, имъ-то не бѣда — есть на чò питъ, а отецъ бывало вкатаєся въ такіє долги, что ну! Какъ съѣдутся бывало, то и говорятъ: »Наше Запорожье такъ изведется, что ни чорта не останется!« такъ сами бывало и говорятъ. И подлинно вѣдь извелось.

Какъ бросились *Москали* въ Сѣчь, такъ они бѣжать, а тѣ посылають отъ себя: »Поскорѣ перебросьте возлѣ Кизикермена цѣнь черезъ Днѣпръ! и какъ стануть уходить, палите изъ пушекъ!« А Запорожцы срубили вербу и пустили по Днѣпру. Ударилась верба объ цѣнь, а пушки — гу, гу! Тогда Запорожцы: »Тенеръ, братцы, гребите!« и ушли отъ *Москалей*. (¹)

(*) *Переводъ*. — Въ ту войну опять не вѣсть отъ чего народъ встре-

---

(¹) Разсказникъ (Климъ Біликъ) смѣшалъ здѣсь бѣгство Запорожцевъ въ Турцію съ выступленіемъ Запорожскихъ *чаекъ* въ морской походъ.

(²) Съ Польшею, 1792 — 1795.

вся земля затрусилась!« Ажъ тоді саме, якъ була ота заверюха, той Гладкий-то народивсь.

8.

ЖИДОВСКІЕ ОТКУПЫ ДО ХМЕЛЬНИЦКАГО. (*)

Будо колісь такъ — щіє передъ Хмельницькою — що церквнї ключі були въ Жїда. Якъ чогó-треба до церкви, то йди вже до Жїда да торгуйся, що вінъ візьме. То зъ того-то й лихо счалóся.

9.

ХМЕЛЬНИЦКІЙ И БАРАВАШЪ. (**)

Стáli Ляхі дуже вже палягáть на козаківъ. Прийшло їхъ у Запорожжа по два Ляхі на одного козакá. То козакі слáли до короля листі, що такі намъ збитки рóблять, що не мóжна нїякъ прожити. Такъ король и давъ їмъ права. А Барабáшъ сховáвъ та пі-

---

вожился. Бывало говорятъ: »Это, видно, гдѣ-то родился такой богатырь, что вся земля затряслась!« Ань въ это самое время, въ эту бурю, тотъ Гладкий-то родился.

(*) *Переводъ.* — Когда-то водилось такъ — еще до Хмельниччины — что церковные ключи хранились у Жїда. Коли нужно отворить церковь, то ступай къ Жїду да торгуйся, что онъ возьметъ за это. Изъ-за этого-то и бѣда началась.

(**) *Переводъ.* — Ляхи начали ужъ больно налегать на козаковъ. Какъ пришло въ Запорожье по два Ляха на одного козака, то козакки посылали къ королю жалобы, что они дѣлають имъ великія разоренія и что нѣтъ житья козакамъ. Тогда король и далъ козакамъ права. А Ба-

кому її не показавъ. Отъ Ляхі козакамі її оруднують. А Хмельницький бувъ при Барабашеві за писаря въ Чигирині. Самъ у Сѹботові сидѣвъ, а туди їздивъ на писарство. Отъ, якъ родѣлась у Хмельницького дитина, то вѣшь кумомъ увѣвъ гетьмана. Якъ же вноивъ гетьмана добре, тоді вѣнявъ у єго зъ вѣшені хѣстку, и перстень зъ рукі знявъ, та її послѣае до Чигиринѣ свого джѹру. »Два вѣні бері та біжі въ Чигиринѣ по права!«

Прііжджае той джѹра до гетьманши: »Пані! заіінесъ изъ гетьманомъ пані, — порубѣають; такъ даііте тій права, що одъ короля!«

»Оттамъ же«, каже, »воні въ стѣні підъ ворітьмі, въ глухімъ кінці у пуздерку, въ землі.«

Просиѣтця гетьманъ: »Ой куме«, каже, »куме! була въ мене хѣстка въ вѣшені, а теперъ нема! бувъ у мене перстень щорозлѣтній на руці, а теперъ нема!«

рабашъ спиталъ ихъ да нѣкому и не показалъ. Ляхи и ворочають козаками, по своей волѣ. Въ это время Хмельницкій былъ при Барабашѣ писаремъ въ Чигиринѣ. Жилъ онъ въ Сѹботовѣ, а туда ѣздилъ на службу. Когда у Хмельницкаго родился ребенокъ, онъ просилъ гетмана (т. е. Барабаша) кумомъ, и какъ нанюхалъ хорошенько гетмана, то вынулъ у него изъ кармана платокъ, снялъ съ руки перстень и посылаетъ въ Чигиринѣ своего *джѹру* (служу): »Возьми двухъ копей да свачи въ Чигиринѣ за правами!«

Прііждаеъ джѹра къ гетманшѣ: »Пані! повздорили съ вашимъ мужемъ пані, — изрубятъ въ куски; даііте права, чѣо король прислалъ!« — »Вотъ тамъ«, говоритъ, »въ конюшнѣ подъ воротами въ глухомъ концѣ (1) они въ погребецѣ лежатъ въ землѣ.«

Просыѣаеъ гетманъ: »Эй«, говоритъ, »кумъ мой, кумъ! былъ у меня въ кармашѣ платокъ, а теперъ нѣту! былъ у меня на рукѣ перстень изъ чистаго золота, а теперъ нѣту!« — »Это«, говоритъ Хмель-

(1) Глухимъ концомъ воротъ называется та часть, въ которой находится петля, или петли.

»То«, каже, »мій хлонець роздягавъ тебе, якъ клавъ у ліжку, то повиймавъ.«

А самъ усє позирає въ вікно. Коли жъ гляне гетьманъ, ажъ хлонець повивъ у станю коня такоґо, що тілько — хахъ, ха, хха, хха! (1) Тоді вже й постерігъ, що Хмельницькій посилавъ по правѣ.

»Ой Хмелю«, каже, »Хмелю!
Вчпнівъ есі ясѹ
И поміжъ панами великую трусѹ.
Лѹчче було бѣ тобі братъ сѹкна не мірячи,
А грощі не лічачи;
Лѹчче бѣ було тобі съ панами дѹбре поживати,
Апійжъ теперъ по лугахъ Базалѹгахъ потирати,
Комарівъ, якъ ведмедівъ, годовати!

Гетьманъ же іде додому, а вони съ хлонцемъ, коней сідлають та ідуть у Січъ. Приїхали; вдарили въ кѹтли; зібрались козаки. Вінъ вічитавъ одінь ука́зъ — не слѹхають; вічитавъ дру-

---

ницькій, »мой мальчикъ раздѣвалъ тебя, какъ укладывалъ въ постель, да и снялъ.« А между тѣмъ безпрестанно посматриваетъ въ окно. Смотритъ гетманъ — мальчикъ повелъ въ конюшню такого коня, что только — хахъ, ха, хха, хха! (1) Тогда онъ и смекнулъ, что Хмельницькій посылалъ за правами.

»Ой ты, Хмель«, говоритъ, »Хмель! сдѣлалъ ты огласку и встревожилъ сильно пановъ. Лучше было бы тебѣ брать отъ нихъ сукна безъ мѣры и деньги безъ счету; лучше бы тебѣ жить съ панами въ добромъ согласіи, чѣмъ теперь скитаться по луговымъ лѣсамъ Базалѹкамъ и откармливать комаровъ, какъ медвѣдей!«

Бѣдетъ гетманъ домой, а Хмельницькій съ мальчикомъ сдлають коней и їдуть въ Січъ. Приїхали; ударили въ котлы; собрались козаки. Прочиталъ Хмельницькій одну бумагу — не согласны; прочиталъ дру-

---

(1) Этими междометіями розскащикъ выражаетъ тяжелое дыханіе коня, приѣжавшаго съ гоцу.

гий—не слухають; та вже якъ третій прочитавъ, тоді всі її стали на баталію. (1)

Въ этомъ преданіи замѣтны слѣды думы, которая была его первоначальною формою. Стихи, приведенные разскащикомъ, не принадлежатъ ни къ одному изъ извѣстныхъ мнѣ варіантовъ думы о Хмѣльницкомъ и Барабашѣ, и составляютъ, какъ видно, уцѣлѣвшій обломокъ забытаго речитатива; иначе разскащикъ не перешелъ бы къ нимъ отъ прозы, не сказавши, что вотъ-де поють объ этомъ такъ-то, или чего-нибудь подобнаго. Но, кромѣ стихотворной части преданія, и самая сцена между кумовьями намекаетъ на стихотворный складъ рѣчи.

То же самое можно сказать и о легендѣ про Золотыя Ворота (см. выше, стр. 4). Ея четверостишіе:

Ой Кіяне, Кіяне, панове громада!
Погана вѣша рада:
Якъ-би ви Михайлика не одавали,
Поки свѣтъ сонця, ворогѣ бѣ Києва не достали...

встрѣтилось въ думѣ о Жидовскихъ откупахъ (см. выше, стр. 62), въ нѣсколько измѣненномъ видѣ, а именно:

Эй, Полоняне, Полонянска громада!
Не хордша вѣша рада ...

Но изъ этого не слѣдуетъ, что разскащикъ взялъ это четверостишіе изъ думы и перенесъ въ легенду. Это, напротивъ, значитъ, что оно сложено очень давно и обратилось въ общее мѣсто, ка-

---

гую — не согласны, да ужъ какъ третью прочиталъ, тогда всѣ вышли на бой.

---

(1) Разсказывалъ Клима Біликъ.

ныхъ много и въ Гомерѣ, и въ нашихъ рапсодіяхъ. Для народа эти общія мѣста не кажутся скучными повтореніями, какими были бы въ поэзіи образованнаго общества. На нихъ отдыхаетъ вниманіе слушателей, какъ на промежуточномъ рокотаньи струнъ, и народу пріятно между новыми для него стихами встрѣчать давно извѣстные. Постигая это поэтическимъ чутьемъ, пѣвцы нашихъ Украинскихъ думъ ни мало не стѣсняются заимствованіемъ готовыхъ оборотовъ рѣчи и даже поэтическихъ образовъ изъ извѣстныхъ народу речитативовъ (¹). Перенести же куплетъ изъ думы о повѣйшемъ событіи въ легенду о событіи древнемъ было бы для разсказчика дѣломъ неестественнымъ, потому что вообще человеческой натурѣ свойственно новое строить изъ развалинъ стараго, но не подирать старое выемками изъ новаго. Самъ авторъ »Слова о Полку Игоревѣ« говоритъ, что хорошо бы начать пѣнь объ Игорѣ Святославичѣ *старыми словесы*, какъ пѣвалъ Боянъ, только разсказать въ ней *быльши сего времени*: и ни одна исторія литературы не представляетъ примѣра, чтобы въ какую-нибудь сказку, легенду или балладу народъ вставилъ стихи изъ произведенія повѣйшаго.

Тутъ является вопросъ: Если легенда о Золотыхъ Воротяхъ есть старинное стихотворное произведеніе, отъ котораго уцѣлѣлъ только одинъ кусокъ, говорящій о его первоначальной формѣ; то какъ же это случилось, что изъ всей до-козацкой эпической поэзіи память народа сохранила только одинъ этотъ искаженный

(¹) Запѣвъ думы о походѣ на Поляковъ («Укр. Нар. Пѣсни», изд. Максимовича, стр. 26):

Ой пішли козакі на чотирі поля,
Що на чотірі поля, а на п'яте на Поділье...

взять изъ думы на побѣду Чигиринскую (тамъ же, стр. 23), въ которой онъ тоже былъ заимствованіемъ, въ качествѣ общаго мѣста изъ неизвѣстной намъ думы. Это видно изъ того, что сперва оба враждебные стана поставлены одинъ противъ другого, и когда ужъ дошло до битвы, тогда говорится:

Отсе жь и пішли наші на чотірі поля,
Що на чотірі поля, а на п'яте на Поділье.
Ляхів на всі сторони, по всімъ хрестамъ колотіли...

обломокъ? На это можно отвѣчать, что мы еще далеко не привели въ извѣстность всего, что дошло до насъ изъ отдаленной старины нашей посредствомъ памяти народа, какъ это, между прочимъ, доказывается такими неожиданными находками, какъ дума о Ганкѣ Андыбѣрѣ, или пѣвоторыя другія думы, помѣщенные въ этой книгѣ. Но даже и въ настоящее время это не единственное поэтическое воспоминаніе народа о томъ, что предшествовало козачеству. Недавно А. В. Шишацкій-Плечь записалъ въ селѣ Красновкѣ Козелецкаго уѣзда Черниговской губерніи думу, относящуюся къ морскимъ походамъ язычниковъ Варяго-Руссовъ въ Грецію. Дума эта, какъ видно, давно уже вышла изъ употребленія у бандуристовъ, которыхъ умы увлекались современными имъ событіями козацкой исторіи и, подобно легендѣ о Золотыхъ Воротахъ, обратилась въ изустный разговоръ, потерявъ множество стиховъ своихъ и характеристическихъ подробностей. Она сдѣлалась достояніемъ старухъ, которыя, проводя почти все свое время за валешемъ *валу* или пряжею *вѣсны*, пересказывали ее, вмѣстѣ съ разными сказками, своимъ внучатамъ. Этимъ бѣднымъ путемъ пѣснь какого-то «соловья стараго времени» дошла до насъ уже въ убогомъ и жалкомъ видѣ. Но ея вялому речитативу, по неточности многихъ словъ и выраженій, видно, что «вѣщце персты» давно уже не вторили ей на «живыхъ струнахъ» и что только тихое жужжанье старушечьяго веретена сопровождало заученную и плохо понимаемую рѣчь разсказчицы. 85-лѣтняя старуха *Гүндиха*, передавшая ее г. Шишацкому-Плечу, уже не существуетъ, и, вѣроятно, пѣвнѣе поколѣніе ея класса людей — сколько мы его знаемъ — не сохранило въ памяти темнаго сказанія о какихъ-то языческихъ плователяхъ по «круглому» морю, занимательнаго только для просвѣщеннаго человѣка. Страшно подумать, сколько еще и въ наше время гибнетъ сокровищъ народнаго духа, по недостатку такихъ людей, какъ Шишацкій-Плечь! Открытіемъ этого памятника Южно-Русской народнои поэзіи онъ сдѣлалъ въ ея исторіи эпоху, и его заслуга не уступаетъ заслугѣ графа Мусина-Пушкина, перваго издателя «Слова о Полку Игоревѣ.»

Интересно во многихъ отношеніяхъ введеніе разскащицы въ стихотворную часть ея сказанія. Сама она не придавала никакой важности словамъ своимъ, называя ихъ *верзьякашемъ*, и находилась, вѣроятно, въ такомъ состояніи, какъ одна старуха-сказчица, которая говорила о себѣ: »За старостію мало вже що памятаю; мовъ сплю, абó п'яна, абó, здаётця, передь вами стою да її брешу зъ голові, чогó зъ роду її не чула.« Она сохранила въ памяти свое сказаніе не иначе, какъ съ того времени, когда, будучи ребенкомъ, слухала въ *зипечку* какую-нибудь 80-лѣтнюю старуху. Поэтому въ ея словахъ слышатся намъ преданія Екатериинскаго вѣка, когда еще существовала Сѣчь Запорожская; а старуха, отъ которой сама она переняла древній речитативъ, могла видѣть собственными глазами людей, слышавшихъ пѣвцовъ первыхъ временъ козачества. (1)

ДУМА-СКАЗАНИЕ О МОРСКОМЪ ПОХОДѢ »СТАРШАГО КНЯЗЯ« -ЯЗЫЧНИКА ВЪ
»ХРИСТИАНСКУЮ ЗЕМЛЮ.« (*)

Старіи люде кажутъ, що колісь булі люде зовсімъ не такі, якъ (2), тепереньки: булі, кажутъ, и великіи и гонкіи такъ, що

(*) *Переводъ.* — Говорятъ старые люди, что когда-то народъ былъ совсѣмъ не томъ, что теперь: былъ крупень и такой рослой, что нога,

---

(1) Перепечатаваю ее изъ № 16 »Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостей« 1855, гдѣ она неосновательно названна »Сказкою про бога Посвѣстача«, въ противорѣчіе словамъ самого г. Шишацкаго-Илича, что »дума заключаетъ въ себѣ не фантазію, или же мысли объ извѣстныхъ историческихъ, или семейножитейскихъ фактахъ, несуществующихъ во времени, а самый фактъ.« (Примѣч. 5) Кроме того, въ думѣ этой описываются главнымъ образомъ происхожденія князя съ дружиною, а не дѣйствія бога Посвѣстача, и потому не слѣдовало называть ее такъ, какъ она названа первымъ издателемъ.

(2) Въ правописаніи держусь того же правила, которое соблюдено мною въ редакціи думъ Андрея Шута Александровскаго.

одна нога, примірно сказати, намъ по плечѣ досягала, а въ нашихъ хатахъ тепереньки їмъ и жити би не по мірі. Сказано, порадъ пори усе малютця. Колись, кажутъ... Богъ-то єго знае уже, коли се буде... зростуть такі люде, якъ у насъ мурашки, да тогди уже, поговорууть, и конецъ світу буде. Бачъ, кажутъ старіи люде... да Богъ-то єго знае, відкуля вони сее уже знають: чи то їмъ уже такеньки прадіи розказували, чи инакъ якъ, Господь їх знае... якъ-то воно буде такє, що люде такъ изживутця, що якъ комашки ти стануть! Ажє якъ, якъ подивитця на теперешнєго чоловіка, дакъ ищє либонь не швидко такє малє переробитця, и світь ищє замєсь довго стоять буде. Не намъ, бачъ, дождатъ сєго: хибá вже діти наши, чи внуки, абó далі.

Да то сказано, що люде си великіи були зовсімъ не те, що ми, Християне: у їх и бoга якоесь инакъ звали — кажутъ, *Посвистачъ* якись. Вінъ, кажутъ-то, установлявъ годіну усюди, а більше нечoго и не знавъ: объ другімъ чимъ другіи знали и порядокъ свіи давали.

примірно сказати, досягнула бы намъ до плеча, а въ нашихъ хатахъ ему и жити теперъ было бы не по мѣрѣ. Извѣстно, что дальше, то все и народъ мельчаєть. Говорять, когда-то... Богъ знаетъ только, когда это будетъ... явятся такі люди, какъ теперъ муравьи, да тогда ужъ, сказывають, и конецъ свѣта настанєть. Видишь, говорятъ старые люди... только Богъ ихъ знаетъ, откуда они все это знаютъ: такъ ли ужъ имъ прадѣи разказывали, или какъ-нибудь иначе... какъ оно такъ сдѣлаєтся, что люди изживутся и стануть, какъ муравьи! Вѣдь, какъ посмотрѣть на пошншого чoлoвѣка, то, кажется, не скоро бы всему такъ выпродиться, и свѣту, кажись, стоять бы еще долго. Не намъ, видишь, дожить до этого: развѣ доживутъ наши дѣти, или внуки, или далѣе.

Ну, извѣстно, эти большіе люди были совсѣмъ не то, что мы, Християне: у нихъ и бoга какъ-то иначе звали: бoгъ у нихъ былъ, говорятъ, какой-то *Посвистачъ*. Опъ, говорятъ, устанавливалъ всюду погоду, а больше ни о чемъ не заботился; объ шoмъ прочемъ заботились другіе и распоряжались по-своему.

Такъ-то было колісь, про що вамъ старá Гуйдиха верзѣкае. ⁽¹⁾
Сказано: *Старóму брехáть — не цїномъ махáть.*

Отó, кáкуть... слухáйте жь, бо се вже справеднá кáзка починається... у сїхъ великихъ людéй старшій явїи́сь бувъ князь, да задумавъ вінъ женїтьця, щóбъ по себѣ було когó на царствї зоставить. Ставъ сеї князь людéй своїхъ зивать. Зїшли́ся усе старїі, розумни гóлови, що совіть давали своїмү князю. Вінъ їмъ и каже:

»Оцé, слуги мої вїршї, намъ трéба знáть,
Когó нóсїлї мéне на царство зоставить,
Щóбъ вами, розумними гóловами, дóбре-предóбре править;
Чáсомъ ⁽²⁾ моєї смéрти, щóбъ ви знáли.
Когó царéвáть поставить.«

Отъ їмү и кажутъ:

»Ще ти, навть старшїй князю, нáша гóловá парóша,
Ще ти самъ мóжешъ дóбрїй совіть дать,
И своїмъ рóзумомъ помїрковáть.
А колї дозвóлишъ, такъ ми тобї óтъ що скáжемо:
Не прикажї насъ казнїть и рубáть,
А повóль тобї краснóю княгїню достáть,

Такъ-то было когда-то все это, что вамъ старая Гуйдиха болтаетъ.
Извѣство, *старóму брехáть — не цїномъ махáть.*

Ну, вотъ, говорятъ... слушайте же: это ужъ настоящая сказка начинается... у этихъ большихъ людей былъ какой-то старшїй князь, и вздумалъ онъ жениться, чтобы было кого оставить по себѣ на царствѣ. Сталъ этотъ князь людей своихъ сзывать. Сошлися все старья, умныя головы, что давали совѣты своему князю. Онъ и говорить имъ. ⁽³⁾

⁽¹⁾ При этомъ разсказщица улыбулась. *Прил. III.-II.*

⁽²⁾ Въ-случаѣ.

⁽³⁾ Языкъ самой думы такъ близко подходитъ къ обще-употребительному Русскому языку, что сплошной переводъ былъ бы излишнимъ. Я объясню только нѣкоторые мѣста и отдѣльныя слова.

Позвіль карабелі стругать
Да на сіне мѡре виїжджать.»

Туть старшій князь усміхнувся...

Повелїв карабелі зварижать

И новї будовать, ⁽¹⁾

А въ карабелі вїйсько насїажувать

И кадкї мѡду уставлять,

Щобъ було съ чмъ по сінемъ мѡрю гулять,

Да красную княгїню затримать и шановать. ⁽²⁾

Якъ зобралн жъ да збудовали карабелї,

Тогдї ставъ князь у волосянї дѡху одягатьця ⁽³⁾

Да золотїмъ чересломъ ⁽⁴⁾ пїдшерїзуватьця. ⁽⁵⁾

Стали вїрнї слуги єго на майданяхъ громадитьця ⁽⁶⁾

⁽¹⁾ И новые строятъ.

⁽²⁾ Угощать и потчевать.

⁽³⁾ Въ мохнатую даху одѣваться. — *Даха* или *даху* — по-Монгольски, а *даха* — въ Иркутской и Томской губ. — родъ шубы, шерстью наружу. («Матерїалы для Сравнительнаго и Объяснительнаго Словаря», стр. 195.) Попросту — даха значить бурка съ *кобенякомъ* (капюшономъ), какъ это видно изъ слѣдующаго отрывка пѣсни, записанной г. Шиншацкимъ-Ничемъ въ селѣ Чемерѣ, Козелецкаго уѣзда:

Обувъ ноги не въ ремїнь, не въ ремїнь,
А въ чоботи изъ сапьяну, изъ сапьяну,
Пїтїй чересъ все шовкѡми — кругомъ стану.
Одягъ плѣчи не въ жувѡнї, не въ жуѡнѡнѡ,
Надївъ *даху*, ставъ якъ панѡ, ставъ якъ нанѡ.
Вѡвна звѣрху такъ и мѡе, такъ и мѡе.
Ззадѡ кобенѡ такъ и грѡе, такъ и грѡе;
А рукава да ширѡкї, ширѡкї:
Задѡстъ мѡлодъ всѡкїй дївонцї морѡкї...

Г. Шиншацкїй-Ничѡ прибавилъ къ этому отрывку слѣдующее объясненїе:

На мой вопросъ: «Что такое даха?» пѣвецъ этой пѣсни отвѣчалъ мнѣ: «Хутрянѡ звїрѣва свѣта, тїльки вѡвною до вѣрху, себѡ-то пенѡче кожухъ, да тїльки дѡже корѡтка. Кѡжуть, булѡ ся одѣжинѡ ажъ вїшнѡе вкѡлїшокъ; иззадѡ пѡче кобенякъ, а рукава ширѡкї да такъ и мѡялись по вїтру, а на рѡкї не вдягѡлись. Я, бачъ, не бѡчивъ, а кѡжуть такъ.»

⁽⁴⁾ *Чересло* или *чересъ* — кожаныи поясъ, въ которомъ обыкновенно носили деньги. — ⁽⁵⁾ Опоясываться. — ⁽⁶⁾ На выгонахъ собираться.

Да своїмú бо́гу Посвістачу моли́тьця,
Що́бъ вінъ імъ годіну давъ
Да мѳра не турбовавъ. (¹)

Ста́ли за сімъ во́ні збира́тьця
Да карабѳлі свої у мѳре випуска́ть.
Ста́ли карабѳлі свої ча́йми (²) підима́ть ;
Якъ ста́до лебеді́въ во́ні одъ бе́рега одпли́вали,
По сі́вїму мѳрю якъ бжѳди (³) сновали́,
Що ажъ мѳре собо́ю, непа́че хма́рами (⁴) ті́ми, крї́йма укривали́.

‘Де князь ста́рший зъ своїмъ ви́йськомъ по крѳглому мѳрю до землі Хри-
сти́янської,

Що́бъ тамъ у ла́къ своїми карабѳлі́ми усі́хъ постано́вити (⁵)

И со́бі кра́сну ю княгі́ню въ замѳжже доста́ти.

Якъ ста́ли во́ні до Хри́стіянської землі доі́жджати́,
Ста́ло ста́ршого кня́зя уда́ле се́рце недѳбре зачу́вати́.

И ка́же вінъ своїмъ ра́днимъ слуга́мъ : (⁶)

»Э́й ви слѳги мої́, ра́ти ві́рніі !

Що́сь мо́я ду́ша недѳбре чу́е :

(¹) Не волновалъ.

(²) Слово, и Малороссіянамъ уже непонятное. По смыслу — мачты и паруса. —

(³) Пчелы. — (⁴) Тучами. — (⁵) У *лакъ постановити* — привести въ ужасъ. —

(⁶) Эти два слова, можетъ быть, пѳлись старослѳвскими баянами — *ратными слугами*. Поправка позднѳйшихъ пѳвцовъ, или разскащиковъ имѳеть свое основаніе и не уклоняется отъ смысла «старыхъ словесъ». Чуры у козаковъ были не только *ратными*, но и *радными* слугами (т. е. слугами-совѳтниками). Это не были конюшіе, или разсылные, это были повѳренные величайшихъ тайнъ. Хмѳльницькій послалъ своего чуру къ женѳ Барабаша за бумагами, отъ которыхъ зависѳла судьба Малороссіи. Чура Палия, Стоуесъ, послѳдовалъ за нимъ въ Сибирь. Въ думѳ Андрея Шута о Хмѳльницкомъ говорится (Сборн. Метлицк. стр. 391):

Тогді́ жъ то не мога́лі зна́ти ні со́тники,

Ні полко́вники,

Ні чу́ри коза́цькіі,

Ні му́жи грома́дськіі,

Що нашъ панъ Хмельницькій — —

У городі́ Чигрині́ задѳмавъ вже й загада́въ.

Що ні сѡнь не йде, ні хлѣба иззісти.

Ні воді пєніти...

Колибѡ намъ часомъ ⁽¹⁾ оттутъ своїхъ дѹшь не положіти!

Тогді старі гѡлови стѣли князя резѡнити,

Що на сінєму мѡрю імъ нічого боятєсь :

Бачь, воні свого бѡга Посвѣстача прохѣли мѡря не турбѡвати.

Якъ тѣльки жь до бѣрега Християнєського воні стѣли допливѣть,

Ставъ чѡрний орѣль надъ мѡремъ лѣтѣть,

А лѣтѣвши, ставъ вінъ гѡлосомъ казѣть : ⁽²⁾

»Пхе, Рѹська кѡдетъ пѣхне !«

Ставъ народъ Християнєський до мѡря зихѡдитьця

Да Бѡга свого прохѣть,

Щобъ вінъ карабѣлі вѣражєськи вѣтромъ розогнѣвъ,

Чи водѡю потопѣвъ.

Ставъ Богъ Християнєський бѹрю пѣднимѣти

Да крѹглее сѣне мѡре изъ своего лѡжа вивертѣти.

Тогді карабѣлі по мѡрю безъ ладѹ гулѣли,

Чѣйми їхъ вѣтромъ ламѣло

Да по воді рєскадѣло.

Стѣло вѣйєько князя стѣршого у мѡрі потопѣть,

Ставъ тогді стѣрший князь своімъ рѣднимъ слѹгамъ казѣть :

»Эй ви, слѹги мої вѣрніі ! ⁽³⁾

Не єсть се бѡгъ нашъ Посвѣстачъ Богъ пѣстойщій,

Що вінъ сѣєі бѹри не втѣпѣвъ,

Да наші карабѣлі вѣ такїі сїлі потопѣвъ.

Дєсь нашъ бѡгъ Посвѣстачъ свѣвъ,

Чи вѣ Макоши ⁽⁴⁾ гулѣвъ....

Єсть-то Богъ пѣстойщій

Богъ Християнєський !«

Тогді стѣрший князь карабѣлі свої остѣнні завєртѣвъ,

(1) Подь-часъ. — (2) Говорить.

(2) Этотъ стихъ подтверждаетъ предвѣдѹщее замѣчаніє.

(4) Макоша — Славянскій богъ тишины.

Да назадъ одпливавъ.

Якъ прихавъ князь старшій у свою невѣрную зѣмлю,
Ставъ вінъ совѣтъ старихъ людей ззивать да збирать,
Да въ Християнську зѣмлю посилать,
Щобъ вони тамъ віру займали
Да Християнського Бѣга и собі Бѣгомъ зазнали.

Дѣвго старі голови мовчали.

Одні свогѣ старшого князя одъ сѣі дѣмки одвертали,
Другіі самі собі нарекали,
А трейті стали старшого князя вѣжити, (1)
Щобъ швидче човні бударѣжить (2)
Да у Християнську зѣмлю одпливать.

Стали вони вѣжджать,

Стали тогді усі пиръ нировать,
Да кринкимъ мѣдомъ дорѣгу поливать.
Не день и не двѣ вони такъ гуляли,

Покіль ажъ посланці зъ старшимъ княземъ назадъ повертались.

У дудкѣ грѣли

И въ бряжкѣти (3) бряжчали...

Я тамъ була,

Медь-вишѣ пила,

По бородѣ текло,

Да въ рѣті не було.

Зъ барилечка горілочка буль-бѣль,

А нашимъ ворогамъ сѣмъ дуль! (4)

Въ какое время была сложена эта дума?

Кто будетъ утверждать, что, хотя она относится и къ стариннымъ событіямъ, но сложена во времена козачества, тотъ не

---

(1) Убѣждать. — (2) Лады снаряжать. — (3) Бренчалки. — (4) Кукишей. — По древности воспоминаія, рядомъ съ этой думою должно поставить отрывокъ пѣсни о *разореніи Кіева Батьемъ*. (См. въ приложеніяхъ).

представить никакихъ фактическихъ доказательствъ. Я напротивъ полагаю, что она современна самому событію, въ ней воспѣтому, и только съ теченіемъ времени утратила мѣстами старинныя формы рѣчи: забывая ихъ понемногу, пѣвцы могли замѣнять утраченныя слова и выраженія соответствовавшими имъ изъ современнаго языка, подобно тому какъ и въ наше время общепонятныя синонимы, а такъ-же Великорусскія слова и иногда цѣлыя рѣченія подмѣшиваются къ старинному языку думъ. (1)

Описывая странствованія Одиссея, Гомеръ заставляеть его слушать раяодіи, въ которыхъ воспѣваются его же подвиги. Изъ этого видно, что, по убѣжденію Гомера, героическія пѣсни слагались были Греческимъ народомъ на основаніи молвы, только что поражавшей его воображеніе. Раяодіи народовъ Германскаго племени тоже слагались при жизни дѣйствующихъ въ нихъ лицъ, или непосредственно послѣ ихъ смерти. На этомъ основаніи и Шиллеръ заставляеть своего Рудольфа прослезиться въ день коронаціи отъ пѣсни о собственномъ подвигѣ благочестія. То же самое надобно сказать о произведеніяхъ Провансальскихъ трубадуровъ, объ Испанскихъ и о Шотландскихъ балладахъ. Наши пѣвцы такъ-же слагали свои думы непосредственно вельдѣ за событіями, которыя давали строй ихъ мыслямъ, или въ честь, а пожалуй и въ порицаніе живущихъ лицъ. Такъ въ «Краткой Исторіи о Бунтахъ Хмѣльницкаго», написанной современникомъ этихъ «бунтовъ», говорится (на стр. 44), что невѣста Тимофея Хмѣльницкаго, наканунѣ свиданія съ нимъ, приказывала пѣть себѣ о немъ «думу козацкую»; а въ Лѣтописи Величка (стр. 536) упоминается, что епископъ Львовскій Іосифъ Шумлянскій, на досаду гетману Самойловичу, «зложилъ собою думу альбо пѣснь» о Вѣнской войнѣ.

---

(1) Недавно я слушалъ лярника Федора Кононенка, въ селѣ Александровкѣ, Лубенскаго уѣзда. Въ думѣ объ Ивасѣ Вдовиченкѣ, онъ въ первый разъ пропѣлъ: *шанку изъ голови знимѣе*, а въ другой: *шликѣ изъ главї здиимѣе*. На вопросѣ мой: отчего онъ неодинаково поеть? онъ отвѣчалъ: «То я попростому спивавъ, а ви отгакъ записуйте: *шликѣ изъ главї здиимѣе*.»

Пѣсня о пребываніи Палія въ Сибири (1) говоритъ :

Ой де жъ то пакъ Палій Семѣнь *теперѣ* журитця!

Она сравниваетъ Мазену, который, пожертвовавъ душою, носитъ штыю золотомъ свиту, съ Паліемъ, бѣдствующимъ въ Сибири :

Той, дѣшу заклѣвши, свѣту, бачъ, гайтѣ,
А той по Сибіру — мовъ въ дѣзі дубѣ...

и унылымъ своимъ складомъ, чуждымъ всякаго утѣшенія, выражаетъ, что во время ея сочиненія Палій не былъ еще возвращенъ изъ Сибири, а Мазена находился на верху своего могущества.

Теперь слѣдуетъ вопросъ: Кто были слагатели историческихъ думъ и пѣсень?

Судя по нынѣшнимъ ихъ пѣвцамъ, можно бы было полагать, что такіе же слѣпцы были и ихъ авторами. Но отъ-чего же они теперь не сложили думы на 1812-й, или 1834-й годъ, въ подобіе тому, какъ нѣкогда кто-то сложилъ :

Шведського рѣку, нещасливого літа.....?

Отъ-чего Гладкій, при рожденіи котораго затрепетала земля (см. выше, стр. 165), не воспѣтъ пиццми слѣпцами такъ, какъ Палій. вѣрный слуга Царя Петра? Миѣ скажутъ, что этому причиною общій упадокъ Малороссійскаго народнаго творчества, происходящій въ-слѣдствіе обобщенія національностей, или, что причиною этому отсутствіе старосвѣтской централизаціи Малороссіи. Но то и другое будетъ справедливо только отъ-части, и не въ приложеніи къ вопросу о слѣпцахъ. Я прибавлю третью причину, можетъ быть, сильнѣе обѣихъ первыхъ, именно: что духъ народный

---

(1) «Укр. Нар. Пѣсни», изд. Максимовичемъ, стр. 113.

ослабѣлъ въ массѣ населенія, которая управлялась инстинктивнымъ стремленіемъ къ темной для нея исторической цѣли, и возродился въ просвѣщенномъ, небольшомъ слоѣ общества, ближайшемъ къ народу по своей любви къ нему и сознательно продолжающему его духовную жизнь въ новыхъ формахъ — цивилизаціи. Лирическія, эпическія и драматическія произведенія этого слоя общества, на какомъ бы языкѣ они ни были написаны, суть продолженіе пер-выхъ твореній Малороссійскаго поэтическаго гения и ни коимъ образомъ не должны быть отъ нихъ отдѣляемы. Мы всё, не разбирая того, велики, или малы наши литературныя способности, такъ точно ведемъ свое происхожденіе отъ своихъ рапсолистовъ, какъ Греческіе писатели образованнаго вѣка вели его отъ Гомера, и какъ самъ Гомеръ — отъ предшествовавшихъ ему очевидцевъ дѣяній старой Греціи. Наши рапсодин, въ которыхъ рассказываются такія подробности, какъ напримѣръ:

Перва (аренда) на Самарі,
Друга на Саксані,
Трѣйта на Гивилій,
Четвѣрта на Пробойній,
Пята на річці Кудесці (1)...

или:

Городъ Сорóку у неділю рано задобідде взявъ,
На ринку обідь пообідавъ,
Къ полудній годіні до гóрода Січáви припáвъ,
Гóродъ Січáву огнѣмъ запалівъ и мечѣмъ пеплюдрóвáвъ (2)...

наши рапсодин суть наши поэтическія лѣтописи. Гомеръ, сложив- шій Илиаду лѣтъ черезъ полтораста по разореніи Трои, не могъ иначе помнить всѣхъ Данайскихъ кораблей и разныхъ народцевъ съ ихъ исторіями, какъ посредствомъ подобныхъ обстоятельныхъ

---

(1) См. выше, стр. 58.

(2) «Нар. Южнор. Пѣсни», изд. Метлинскаго, стр. 393.

рапсодіі, въ которыхъ фантазія пѣвца опиралась безпрестанно на собственныя его воспоминанія. Онъ былъ Вальтеромъ Скоттомъ Греческой старины. Онъ собралъ память многихъ людей въ одну память и творчество многихъ умовъ въ одинъ умъ, сообщилъ всему этому единство представленія и слилъ отдаленнѣйшія преданія, легенды и пѣсни съ собственными впечатлѣніями, воспоминаніями и разказами очевидцевъ ближайшей къ нему старины. Великія явленія въ исторіяхъ литературъ не повторяются въ точной параллели между собою, но, по одинаковости натуры общаго генія человѣческаго, они болѣе или менѣе имѣютъ между собою общаго; и потому ниши пѣсни, сложенныя народомъ, послужать, — если не послужили уже отъ-части — къ возсозданію вѣрнаго образа прошедшаго, въ произведеніяхъ, соотвѣтствующихъ требованіямъ вкуса новаго, цивилизованнаго общества. Мы и народъ—одно и то же, по нравственному развитію Малороссійскаго населенія, но только онъ, съ его изузетною поэзією, представляетъ, въ духовной жизни, первый періодъ образованія, а мы — начало новаго, высшаго періода. Въ его пѣсняхъ не было и не могло быть отличающихъ насъ отъ него элементовъ, тогда какъ наша построена прямо на началахъ его изузетной *словесности* (понимая это слово въ его обширномъ смыслѣ) и, идя къ развитію по законамъ общечеловѣческаго развитія, приняла въ себя новыя начала жизни. Мы, слѣдовательно, только многосторонніе своихъ предшественниковъ, Украинскихъ бардовъ, но они не лишили насъ наслѣдства по себѣ ни въ какомъ отношеніи. Какимъ же, послѣ этого, образомъ современные намъ слѣпцы, не принадлежа къ развивающейся (преимущественно предъ прочими) части Малороссійскаго населенія, а составляя только его отребіе, могутъ творить новыя думы, въ-уровень съ понятіями и требованіями идущихъ впередъ представителей своей національности?... Но возвратимся еще къ непрерывности народнаго поэтическаго творчества.

Цивилизація рѣзко раздѣлила наше общество на двѣ части, касательно образа жизни и всего, что сюда относится, и слѣпцы остались за предѣлами нашего круга. Но она не въ силахъ была

расторгнуть внутреннюю связь цивилизованнаго челоѣка съ остатками прежняго общества, и потому народная поэзія возродилась въ новомъ Малороссійскомъ мірѣ со всеми признаками своего происхожденія отъ поэзіи стараго міра. Противъ цивилизаціи сильно возстаютъ любители старины, какъ противъ смертоноснаго начала въ *народной* жизни. Но это — только вопли, безъ которыхъ не совершается въ народѣ ни одинъ переворотъ. Истинно философскій умъ стоитъ выше сожалѣній о томъ, что старое исчезаетъ, уступая мѣсто новому, и успокоиваетъ себя убѣжденіемъ, что всякій переворотъ обнаруживаетъ движеніе жизни; а жизнь, двигаясь впередъ, непременно создаетъ для себя новыя и новыя формы. Что выйдетъ изъ Малороссійскаго цивилизованнаго общества, по-видимому совершенно отрѣшившагося отъ своего прошедшаго и доходящаго до бозобразія въ стремленіи къ обобщенію съ общечеловѣческой жизнью, — мы не знаемъ, но не можемъ потерять (ибо не потеряли до сихъ поръ) вѣры, что эта сумятица понятій и убѣжденій, которая поражаетъ насъ въ его массахъ и отдѣльныхъ личностяхъ, подъ видимою своею безпорядочною скрываетъ вѣрный ходъ къ высшему духовному развитію. Притомъ же никогда не должно терять изъ виду, что залогомъ грядущей жизни часто скрываются глубоко въ *народѣ* (разумѣя подъ этимъ словомъ не однихъ простолюдиновъ) и что жизнь, составляя вообще тайну для ума челоѣческаго, и тутъ не легко дается ему досмотрѣться до дѣйствительныхъ двигателей общественнаго развитія. Исторія ужъ много разъ изумляла насъ обнаруженіемъ глубоко вкоренившейся новой жизненной силы подъ омертвѣлыми, почти неподвижными остатками прошедшаго порядка вещей и слишкомъ бурными массами новыхъ, еще безобразныхъ явленій; но она еще никогда не отступала отъ законовъ преемства между стариною и новымъ временемъ. А потому и въ нравственной исторіи Южно-Русскаго племени движенія челоѣческаго духа въ формахъ былого не должны остаться безъ соотвѣтственныхъ послѣдствій.

Итакъ вотъ мой отвѣтъ на вопросъ: почему современные слѣпые пѣвцы-ниціе не творять новыхъ думъ подѣ-стать старымъ:

Spiewak niestety! spiewać nie mam komu.... (1)

Поголбніе простолюдиновъ отрѣшилось отъ своего прошедшаго въ-слѣдствіе новаго порядка вещей, по которому не масса народа, управляемая инстинктомъ, а извѣстное, ограниченное число людей, стремясь къ ясно понимаемымъ цѣлямъ, творить историческія обстоятельства. Оно отвыкло питаться поэтическою пищею воспоминаній, потому что новая обстановка жизни, мало-помалу подавила въ немъ симпатію къ тому, что не напоминаетъ ему его положенія. Поэтому дума бандуриста, сложенная въ эпоху Хмѣльницкаго, производитъ слабое впечатлѣніе на народъ; а какъ поэтъ есть только собиратель въ одинъ фокусъ народныхъ чувствъ и мыслей, то и нѣтъ для бандуриста-простолюдина достаточнаго возбужденія на творчество. Мало того: онъ даже забываетъ заученныя отъ другихъ думы, по причинѣ апатіи и невниманія своихъ слушателей, какъ это выразилъ и самъ Архипъ Оржицкій, сколько былъ способенъ выразить (см. выше, стр. 13 — 14). Люди же новаго образованія, въ которыхъ возродилась сила народнаго духа, съ своей стороны не могутъ удовлетвориться возрѣ-піемъ темнаго простолюдина на жизнь, и потому самому не даютъ ему поэческаго возбужденія къ творчеству. Имъ нужны уже *поэты*, въ новомъ значеніи слова, — люди, окруженные одинаковымъ съ ними горизонтомъ, и творенія этихъ поэтовъ, даже непапечатанныя, они знаютъ наизусть, а произведенія ихъ, по обширности и формѣ неудобныя для сохраненія въ памяти, переписываютъ съ пожертвованіемъ значительнаго времени и издержекъ. Не говорю уже о сочиненіяхъ на Велико-русскомъ и на Польскомъ языкахъ такихъ писателей, какъ Гоголь и Богданъ Залѣскій. Бандура и пѣніе сдѣлались ненужными, по совершенству изложенія,

---

(1) Т. е. Увы, я пѣвецъ, и некому мнѣ пѣть!

возбуждающаго внутреннею своею гармоніею поэтическое сочувствіе въ обществѣ: явленіе такъ-же не новое между народами.

Но одни ли только елѣбцы были въ-старину Малороссійскими рапсодами? Нѣтъ, и вотъ тому доказательства:

1. Въ думѣ о смерти козака-кобзаря, записанной г. Аванасьевымъ между Пыратипомъ и Прилуками (1), изображается козакъ, который вышелъ изъ битвы на израженномъ конѣ, съ переломаннымъ копьемъ, потерявъ саблю и выстрѣлявъ все заряды. Онъ утоляетъ свою скорбь пѣснейю о приближающейся смерти и игрою на бандурѣ, которую называетъ вѣрною подругою и къ которой обращается, какъ къ существу чувствующему. Изъ этой думы видно, что бандура бывала иной разъ такою жъ принадлежностью козака въ дорогѣ, какъ и люлька, ибо она названа *подорожною*, и когда козакъ лишился всего, то —

Тількі й зосталась ёму *бандура* подорожня

Та у глибѣкій кишѣні *люлька*-бурѣвка.

Уже это сближеніе бандуры съ люлькою, которая, по извѣстной пѣснѣ, для козака нужнѣе живки (2), показываетъ, какою употребительною вещью была она въ тѣ времена, когда человѣкъ жилъ на конѣ и не имѣлъ другой словесности и другого свидѣтельства о своихъ подвигахъ, кромѣ пѣсни. Но всего лучше прочитаемъ самую думу, которая не для всякаго памятна по сборнику.

ДУМА О СМЕРТИ КОЗАКА-БАНДУРИСТА. (*)

Ой на Татáрьскихъ поляхъ,

На козацькихъ шляхáхъ,

(*) *Переводъ.* — На Татарскихъ поляхъ, на козацкихъ дорогахъ

---

(1) «Нар. Южнор. Пѣсни», изд. Метлинскаго, стр. 443.

(2) Мнѣ зъ жінкою не возитьця,

А тютюнъ та люлька козаку въ дорозі знадобитьця

Не вовкі-сіроманці квілять-проквіляють,
Не орлі-чорнокрільці клеко́чуть и підъ небеса́ми літають :
То сидіть на могилі коза́къ старе́сенький,
Якъ голубо́нько свісе́нький,
У ко́бзу гра́е-вигра́е,
Го́лосно співа́е...

Кінь біля ёго постріляний, порубаний,
Ра́тище полáмане.
Піхви безъ ша́блі була́тної,
У ладівниці ні однісенького набо́ю.
Тільки її зоста́лась ёму банду́ра подоро́жняя,
Та у глибо́кій кишéні лю́лька-буру́нька,
Та тютю́ну півъ-пану́шки.

Коза́къ серде́га лю́лечку потяга́е,
У ко́бзу гра́е-вигра́е,
Жа́лібно співа́е :
»Гей, бра́тця, пані мо́лодці,
Коза́кі Запо́ро́зці!
Де ви ся поверта́ете.
Якъ ви ся ма́ете?
Чи до Січп-ма́тери прибува́ете?

не стрые волки воють, не чернокрылые орлы клохчуть и подъ небесами летаютъ: то сидитъ на курганѣ престарѣлый козаць, сѣдой какъ голубъ; онъ играетъ на ко́бзѣ, онъ громко поеть...

Подлѣ него израненный пулями и саблями конь, изломанное коше, пожны безъ булатной сабли, и ни одного заряда въ ладункѣ. Только и осталась у него дорожная бандура да въ глубокомъ карманѣ бурая трубка, да поль-пануши табаку.

Козаць бѣдняга трубочку покуриваетъ, играетъ на ко́бзѣ и жалобно поеть: »Гой вы, братцы, паны молодцы, козаки Запорожцы! гдѣ вы обрѣтаетесь? каково вамъ поводится? Возвращаетесь ли вы къ матери-Сѣчи, побиваете ли дубьемъ враговъ Ляховъ, загоняете ли въ по-

Чи до Січи-мáтери прибуваєте,
Чи Ляхівъ-ворогівъ киями покладáете?
Чи Татаръ бусурмѣнівъ малахайми, якъ чѣреду, у полонъ заганяете?
Колі́бъ ми́ні Богъ помі́гъ старі́ но́ги розсправля́ти,
За ва́ми поспі́шати,
Мо́же бъ ще я зд́ужавъ на оста́нку віку ва́мъ загра́ти,
Го́лосно заспівáти!
Нехай́ би мо́я ко́бза зна́ла,
Що менé рука́ Христія́нська поховáла!
Ато́ пропаде́ мо́я ко́бза ні за соба́ку:
Лежа́тиме сама́ собі у степу́, вівернувши угору́ е...!
А вже ми́ні старе́цькому безъ ко́бзи пропада́ти:
Не зможу́ я по степа́хъ чвала́ти.
Буду́ть менé вовки́-сірома́нці зустрівáти,
Буду́ть дідомъ за обідомъ коня́ мо́го заїда́ти.
Ко́бзо жъ мо́я, дружи́но вірна́я,
Банду́ро мо́я малéваная!
Де жъ ми́ні тебé діти?
А чи у чі́стому степу́ спалі́ти?
И пої́дець по ві́тру пу́стити?
А чи на мо́гілі положі́ти?
Нехай́ буйни́й віте́рь по степа́хъ проліта́е,
Стру́ни тво́ї зачіпа́е,

лонь нагайками бусурмановъ Татаръ, какъ стадо! Когдабы помогъ мнѣ Богъ расправитъ старыя ноги и поспѣшитъ за вами, то, можетъ быть, я бы еще былъ въ силахъ заиграть и громко заѣтъ вамъ при концѣ жизни! Пускай бы моя кобза знала, что меня похоронила рука Христіянская! Ато пропадетъ моя кобза ни за собаку: будетъ валяться въ степи, опрокинувшись къ-верху задомъ! Приходится мнѣ, дряхлому, погибать безъ кобзы: не въ силахъ я тащиться по степи. Повстрѣчаютъ меня сърые волки; конь мой будетъ имъ обѣдомъ, а я, старикъ, закускою. О кобза, подруга моя вѣрная, банду́ра ты моя размалеванная! Куда мнѣ дѣвать тебѣ? Сжечь ли мнѣ тебѣ и развѣять пепель по вѣтру, или положить на курганѣ? Пусть буйный вѣтеръ пролетаетъ по стенамъ, пусть

Смутієсенько, жалібієсенько грає-виграє.
То, може, подорожні козаки бігтимуть білизенько.
Почують, що ти граєш жалібенько,
Привернуть до могили... « (1)

Итакъ въ первыя времена козацкаго рыцарства бандура была не случайною вещью у воина; иначе она бы не была названа въ думѣ подорожною и не упоминалась бы рядомъ съ люлькою.

2. Когда средоточіемъ Малороссійской національности, вмѣсто Запорожья, или *Полей*, сдѣлалась *Города*, Запорожье и сюда перенесло многія черты свои. Бандура сдѣлалась на Украинѣ общеупотребительнымъ инструментомъ у всѣхъ, кто самъ себя называлъ *козакомъ*, или кого другіе такъ называли. Чтобы въ козацкіи вѣкъ и въ козацкомъ обществѣ называть себя козакомъ, или отъ другихъ получить такое названіе, для этого нужно было имѣть всѣ отличительныя свойства козацкаго характера, а въ томъ числѣ и искусство выраженія козацкихъ чувствъ. Объ этомъ мы можемъ догадываться по недавнимъ, существовавшимъ еще на на-

---

задѣваетъ твои струны и грустно, жалобно на нихъ наигрываетъ. Можетъ быть, проѣзжіе козаки будутъ скакать близко; можетъ быть, услышатъ твой жалобный голосъ и повернутся къ кургану... «

---

(1) Думу эту надобно отнести къ первымъ временамъ козачества, когда убѣжищемъ Малороссійской національности была *Січь-пяти*, или *Поля*, какъ называлось вообще Запорожье, и когда съ одной стороны наши степные рыцари отражали напоръ невѣрныхъ Татаръ на Христіянскія земли, а съ другой боролись за свое существованіе съ Польскими коронными гетманами, которые, не зная какъ согласить поступки Запорожцевъ съ общими интересами государства, не разъ готовы были уничтожить ихъ совершенно. Всѣ думы временъ Хмѣльницкаго имѣютъ своею почвою *Городы*, или собственно *Украину*, и не говорятъ ничего о враждѣ къ Татарамъ, которые въ то время были союзниками козаковъ. Всѣ послѣ Хмѣльницкаго сложенныя думы такъ сильно проникнуты духомъ партій, что ни одинъ бандуристъ не могъ бы сложить пятидесяти стиховъ, не упоминая въ нихъ ни объ одномъ изъ лицъ, полъ знаменами которыхъ дѣйствовали тогда раздробленные интересы Малороссіи.

шей памяти бандуристамъ не-слѣпцамъ и не-нищимъ: они были именно тѣ люди въ народѣ, которыхъ выразительно называли *козаками*. Это были большею частью удалые, молодцоватые парубки, которые, женись и сдѣлавшись степенными людьми, только подъ веселую (попросту — пьяную) минуточку брались за бандуру и плясали подъ нее съ чаркою на головѣ, а иной разъ и плакали. Теперь ужъ эти козаки между козаками измельчали, въ-слѣдствіе перехода дѣятельной силы народнаго духа въ другой классъ общества: бандуры ихъ раскололись въ щепы, и они — если чувствуютъ въ себѣ музыкальныя способности — дѣлаются свадебными музыкантами на скрипкахъ и басахъ. Но въ-старину бандура была инструментомъ не только удалыхъ молодцовъ, но и знатныхъ людей въ козацкомъ товариществѣ. Она уступала первое мѣсто только гусямъ, которыя, по преданію о Царѣ Давидѣ, были присвоены особамъ духовнаго сана, или тѣмъ лицамъ, которыя чувствовали себя слишкомъ степенными для буйной козацкой, подчасъ цинической поэзіи (1). Пѣсня о пребываніи Палія въ Сибири показываетъ, какое важное значеніе имѣла бандура въ жизни козака. Въ этой пѣснѣ, исполненной глубокой грусти, какъ по содержанию, такъ и по напѣву, представляется козацкій предводитель тоскующимъ въ удаленіи отъ родины и отъ восхода до захода солнечнаго бродящимъ по Сибирской пустынѣ:

Высоко сонце сходитъ, низенько ложитца;
Ой десь-то панъ Палій Семѣнь тепѣра журитца?
Высоко сонце сходитъ, низенько заходитъ;
Ой десь-то панъ Палій Семѣнь по Сибіру бродить!

Онъ ищетъ утѣшенія въ религій; онъ чувствуетъ приближеніе старости и кается въ грѣхахъ своихъ:

---

(1) Еще недавно на гусяхъ игравали въ Малороссіи дворяне стараго вѣка; теперь вы ихъ найдете только у священниковъ; а одинъ только разъ, именно въ 1853 году, я встрѣтилъ этотъ инструментъ въ рукахъ слѣпого пѣвца-нищаго, въ Золотоношскомъ уѣздѣ Полтавской губерніи.

»Ой чуро мій, чуро, мій вірний Стоюсю!
Ой ходімо у каплицю, Богу помолюся.
Ой Бѳгові помолюся, святїмъ поклонюся:
Зледащївъ же я, понурїї, старенькимъ здаюся,
Старенькимъ здаюся, молитися мѳшу!
Хай мїлує Милостївнїї мою грїшну дѳшу!«

Это одно средство къ облегченїю *понурої* души изгнанника, такъ какъ религіозное начало, то есть стремленїе къ безконечному, лежитъ въ основѣ Малороссїйскаго характера. Но человекъ не можетъ оставаться долго на высотѣ религіознаго возношенїя души къ Богу; земная тоска имѣетъ всегда свою долю въ душѣ его:

Пішовъ панъ Палїї Семѣнь Бѳгові молїтьця, —
Не то Бѳгові молїтьця, а не то журїтьця.

Отводомъ этой тоски служитъ человекъ философія, которая въ ней самой беретъ свое начало, но, развиваясь болѣе и болѣе, возвращается человекъ утраченное спокойствїе. Палїї естественно долженъ былъ въ своемъ одиночествѣ утолять душевную скорбь философскими сѳтованїями, отъ которыхъ одинъ только шагъ до высшаго утѣшенїя (хотя этотъ шагъ дѣлають немногіе). Но посмотрите, что служитъ ему органомъ скорби: бандура и пѣсня:

Прїйшовъ панъ Палїї долѳму да й сївъ у намїті,
На бандурці вигравѣе: »Лїло жити въ свїті!«
Той, дѳшу заклѣвши, свїту, бачъ, гантѳе,
А той по Сибїру мовъ у лѳзі дубѳе!«

Бандура здѣсь упомянута не для украшенїя стиха. Строгїї характеръ исторической Малороссїйской пѣсни вообще, и этой въ особенноти, не допускаетъ никакихъ украшенїй, въ противорѣчіе дѣйствительности. Печпеленїе вещей и предметовъ природы въ нашихъ пѣсняхъ основано всегда на исторической истинѣ: фантазія пѣвца свято ее уважаетъ, и это составляетъ одно изъ су-

щественныхъ достоинствъ Малороссійскаго эпоса. Пѣвецъ, изображая Палія съ бандурою въ рукахъ по возвращеніи съ молитвы, не могъ бы не чувствовать неестественности этого положенія, еслибъ оно не было въ обычаяхъ того времени и не согласовалось съ понятіями народа о томъ, какъ долженъ проводить свое время въ Сибири такой рыцарь, какъ Палій. А два способа душевнаго изліянія, религіозный и поэтический, взятые въ пѣснѣ и поставленные рядомъ, показываютъ, что бандура и пѣсня заступали въ-старину второе мѣсто послѣ возношенія души къ Богу въ молитвѣ.

3. Въ старосвѣтскихъ мѣщанскихъ и козацкихъ свѣтлицахъ можно до сихъ поръ встрѣтить изображеніе Запорожца во всей красѣ его. Онъ сидитъ, сложивъ накрестъ ноги, и играетъ на бандурѣ; подлѣ него, въ лѣву, пасется конь, а вдали на деревѣ виситъ ногами къ-верху Жидъ, а иногда и Ляхъ. Г. Скальковскій, съ свойственнымъ ему искусствомъ объяснять козацкую исторію, замѣчаетъ въ своей книгѣ: »Наѣзды Гайдамакъ« (стр. 153), что висящая на деревѣ фигура есть козакъ и что она представляетъ изображеніе участи, которая ожидаетъ въ Польшѣ всякаго гайдамацкаго предводителя. Но въ стихахъ, списанныхъ имъ же съ такой картины и помѣщенныхъ вслѣдъ за объясненіемъ, Запорожецъ выражаетъ торжество свое надъ Поляками и Жидами и безопасно шутитъ по-Запорожски съ читателемъ:

Въ мене імя не одно, а есть іхъ до-кѣта;
Такъ зовуть, якъ набіжишь на якого свѣта:
Жидъ зъ біди за рідного бѣтька почитае,
Милостивимъ добродіемъ и Ляхъ називае.
А ти якъ хочь назові — на всё позволяю,
Аби-объ тілько не крамаремъ, бо за те полѣю.

Эти надписи имѣютъ множество вариантовъ, но всё онѣ, какъ видно, пошли отъ одного стихотворенія какого-нибудь маляра, который »удралъ« для кого-то Запорожца со всеѣми его принадлеж-

постями и выразилъ его философію въ полукнижныхъ виршахъ. (1)
Одна надпись начинается такъ :

Струни мої золотіі! заграйте мнѣ стіха,
Ачѣй (2) козакъ-ветіяжище позабуде ліха....

Это двустипшіе напоминаеть общій тонъ пѣсни о Паліи и назначаетъ бандурѣ ея обычную роль въ жизни козака. Народъ любилъ изображеніе Запорожца съ бандурою въ рукахъ; а если любилъ народъ, это значитъ, что изображеніе похоже на свою натуру, то есть, что съ понятіемъ о Запорожцѣ въ умѣ народа непременно соединялась бандура. Но этотъ инструментъ не имѣлъ для него смысла балалайки. Воззававъ къ своимъ золотымъ струнамъ, Запорожець выражаетъ глубокую тоску о своей бурлацкой, бѣдственной, хоть и разгульной подь-часъ жизни. Хоть онъ и говоритъ, что у нихъ въ Сѣчи *гладко пьють, якъ зъ лука бьють* съ утра до ночи; хоть онъ и хвалится своимъ молодецкими подвигами; но тутъ же, въ комическихъ краскахъ, изображаетъ безсиліе грядущей старости, — разумѣется, одинокой и безпріютной посреди черстватаго *товариства*, и во всей стихотворной рѣчи его слышится то же самое, что выражала и бандура Палія. именно: *Ліхо жити въ світі!*... Таково было значеніе бандуры для козака въ старыя времена, таково оно, въ понятіи народа, и до сихъ поръ. Это органъ для выраженія глубокихъ душевныхъ движеній, а не веселый инструментъ для танцевъ, хотя веселость, или комизмъ въ Малороссійскомъ характерѣ всегда идетъ объ руку съ грустью (какъ это доказалъ и нашъ Гоголь), и бандурнеть *зъ журбѣи* можетъ ударить плясовую, какъ-бы желая закружиться въ вихрѣ танца и позабыть на время тоску свою.

1. Если, такимъ образомъ, старый воинъ, въ послѣдній свой

---

(1) Вспомнимъ Запорожца, который рисовалъ костюмы для «Историческаго Повѣствованія о Малой Россіи», Ригельмана. Такой мастеръ могъ сочинить изображеніе Запорожца-кобзаря и стихи подъ нимъ, которые сдѣлали народною и самую картину.—Полную надпись помѣщая въ приложеніяхъ. — (2) Аволь-либѣ-

часть, обращался къ бандурѣ съ рѣчью, какъ къ живому существу, и передавалъ ей грусть о близкой кончинѣ вдали отъ товарищей: если изгнанникъ въ Сибири выражалъ этимъ органомъ свои мысли и чувства на тему: *Лихо жити въ свѣті!* если чубатый Запорожець взывалъ къ золотымъ струнамъ въ надеждѣ позабыть, при звонѣ ихъ, о своихъ бѣдствіяхъ: то какъ не заключить, что такія думы, какъ о дарахъ Баторія, какъ о походѣ Серпяги, или о походѣ Сомка Мушкета, или о войнахъ Богдана Хмѣльницкаго, сложены самими дѣйствующими лицами кровавыхъ трагедій старины, а не безоружными слѣпцами? Владѣя инструментомъ и глядя на событія съвозъ призму цвѣтстаго Украинскаго воображенія, неужели они только повторяли думы слѣпцовъ, а сами ихъ не складывали? Гораздо естественнѣе было слѣпцамъ, посѣщая козацкіе таборы и бесѣды для милостыни, наслушаться козацкихъ пѣсень и потомъ расцѣвять ихъ на *пріснахъ* подъ сельскими хатами. Имъ принадлежать, можетъ быть, только думы собственно поучительныя; но вопнекія думы уже одною обстоятельствомъ описаній битвъ, переправъ и всѣхъ операцій войны показываютъ, что онѣ вышли изъ души, сильно волновавшейся при зрѣніи этихъ явленій. (1)

5. Такъ какъ думы слагались немедленно послѣ всякаго событія, потрясавшаго «козацкій народъ», и какъ многія лица, владѣвшія бандурою, безъ сомнѣнія, импровизировали подъ нее свои впечатлѣнія и воспоминаія, подобно Палію въ Сибири, или старому козаку, вышедшему изъ битвы на израженномъ конѣ; то можно суждать, какое обиліе произведеній эпической изузетной поэзіи существовало въ длинный періодъ времени отъ морскихъ походовъ первыхъ Кіевскихъ князей до переходной эпохи, въ которую народное

---

(1) Напомню читателю стихъ изъ пѣсни, о которой буду говорить подробно ниже:

Не попустило Ляхові Польщи!

Бандуристъ-слѣпецъ сказалъ бы: *Не попусти, Бѣже!* или: *Не попустите, козаки!*

творчество едѣлалось достояніемъ людей новаго вѣка. Лѣтописцы наши вовсе не упоминають о думахъ, такъ какъ-бы ихъ никогда и не пѣлось; но они молчатъ и о пѣсняхъ, которыми до сихъ поръ сопровождается каждое обстоятельство въ жизни Малоросійскихъ поселянъ. Будучи почти исключительно отшельниками, они до времени Хмѣльницкаго едва считали нужнымъ записывать въ своихъ *крѣвничкахъ*, что въ такомъ-то году была война *Круковщина*, а въ такомъ *Таборщина*, и т. д. Только эпоха Хмѣльницкаго вовлекла многовъ и всѣхъ грамотныхъ людей въ интересы козачества и заставила ихъ кой о чемъ пораспространиться. Но существованіе, въ формѣ думы, такого стариннаго воспоминанія, какъ походы нашихъ аргонавтовъ, показываетъ, что она ведетъ свое начало съ того времени, когда въ мирномъ племени Полянъ образовалось воинственное и предприимчивое общество, подъ предводительствомъ Балтійскихъ Руссовъ. Разумѣется, старыя рюмованія, или тощическія сказанія слагались для извѣтнаго класса слушателей и въ этомъ классѣ сохранялись посредствомъ одной памяти. Грамота въ то время была такимъ дѣломъ, которое можно было употребить только для нереннски священныхъ книгъ, для сохраненія договорныхъ статей да для записыванія, что такой-то князь сѣде на такомъ-то столѣ, а такой-то приде войною на такого-то. До нынѣ, погребеннаго живнво въ пещерѣ, не дошли воинственныя пѣсни княжеской дружины; если же онъ и слышалъ ихъ, появляясь изрѣдка на княжескомъ дворѣ, то осуждалъ, какъ еуету мірскую, вмѣстѣ съ *соньями* и *гусями*, которыя имъ вторили. Времена удѣловъ благопріятствовали еще менѣе сохраненію на бумагѣ старинныхъ думъ. Только необъяснимая случайность выбросила намъ изъ бездны забвенія одну думу о *полку Игоревѣ*, но и та дошла до насъ въ неважномъ видѣ. Понятія тогдашнихъ неренничковъ доуекали измѣненія въ чужомъ сказаніи по собственному вкусу, и какой-нибудь Владимірецъ, добываясь отъ поэмы лѣтописнаго интереса, могъ потрудиться надъ старой, или оригинальной рукописью по-своему, чтобы разоблачить ее отъ рюмъ, которыя только случайно кое-гдѣ уцѣлѣли. Но,

можетъ быть, это было совѣтъ иначе: можетъ быть, уроженецъ безрѣченной страны слыхалъ рапсодіи южныхъ пѣвцовъ и, въ подражаніе имъ, сложилъ полу-думу, полу-лѣтоснь обѣ Игорѣ, не усвоивъ себѣ южной рѣзмы. Противъ этихъ парадоксовъ можно возразить только парадоксами, потому что область старослѣтской поэтической дѣятельности на Руси расширяется вокругъ »Слова о Полку Игоревѣ« темною пустынею, въ которой только гдѣ-то дали слышенъ голосъ Бояна, *соловья стараго времени...* Для состязавшихся нѣтъ никакихъ опоръ, ни орудій. Дѣло кончается на догадкахъ, и каждый остается при своемъ мнѣніи. Положимъ, что »Слово о Полку Игоревѣ« есть произведеніе, независящее отъ думъ; но способность Южно-Русскаго племени къ эпическому творчеству не могла пробудиться только съ возрожденіемъ княжескихъ дружинъ подъ формами козачества. Существова въ эту эпоху, она должна была существовать и въ эпохи отдаленнѣйшія, какъ тому служить доказательствомъ и приведенная выше дума обѣ аргонавтахъ Южно-Русскихъ. Если же при жизни козаковъ обѣ ихъ подвигахъ уже слагались думы, то почему было князьямъ не получать подобной хвалы отъ современныхъ имъ Бояновъ? Обѣ этомъ ясно говорится въ »Словѣ о Полку Игоревѣ« : *... пѣсь поше старому Ярославу, храброму Мстиславу, красному Романови Святъславичю. Пли: О Бояне, соловію стараго времени! абы ты сіа пѣкы ущеко-талъ!... пѣти было пѣсь Игорви, того Ола виуку. Самыи заключительный куплетъ поэмы: Слава Игорю Святъславичю, буи туру Всеволоду, Владиміру Игоревичу! Здрави князи и дружина, поборая за Християны на поганья пѣкы! Княземъ слава, а дружинѣ амиць!* очень похожъ на окончанія многихъ нашихъ думъ, и всего болѣе на заключительные стихи думы о Паліи и Мазепѣ :

Дай, Бѣже, честь и хвалу
Світѣ праведному Государю,
Та и Семѣну Палію, превеликому пану,
Що не давъ Шведу Християнъ на поталу!

Ой дай, Боже, усімъ Християнамъ многая літа
Та щасливого прожитія у сімъ світі! (1)

Да и до сихъ поръ еще остались въ народѣ слѣды старинныхъ славословіи князьямъ, то есть предводителямъ войска. Въ *щедрий вечеръ*, наканунѣ новаго года, толпа народа, подойдя къ обну дома, котораго хозяина зовуть, положимъ, Александромъ, поетъ :

Славень, славень да пань Олександра!

Щедрий вѣчиръ!

Ой чимъ же вѣшь славень? тромъ городами.

Щедрий вѣчиръ!

Тромъ городами, своїми сніами.

Щедрий вѣчиръ!

Потомъ слѣдуетъ перечисленіе городовъ, которыми обыкновенно бывають Кіевъ, Черниговъ и тотъ, который ближе къ селу. Сыновья сидятъ въ городахъ, и каждый имѣетъ свою заботу: одинъ собирается на войну, другой на охоту, третій на свадьбу. Къ сожалѣнію, я не помню словъ этой *щедривки*, слышанной мною въ дѣтствѣ подъ окнами родительскаго дома. Но каждый согласится, что она изображаетъ князя и его сыновей на удѣлахъ. Чтò значить припѣвъ: *Щедрий вѣчиръ*? Не было ли въ старину определенныхъ вечеровъ, въ которые князья слушали собственное славословіе и *щедро* угощали, или награждали пѣвцовъ, какъ это и теперь дѣлается хозяиномъ дома, которому *щедрують*? (2)

Итакъ, по одному уже обычаю слагать думы въ честь князьямъ, а потомъ въ честь козацкимъ *лицарямъ* и по легкости Малороссійскаго речитатива, можно заключить, что пѣсенность въ старія времена Южной Руси была въ сильномъ развитіи, и что эпоей былъ такъ употребителенъ между рыцарствомъ, какъ ли-

(1) «Запорожская Старина», изд. Срезневскаго, т. II, стр. 75.

(2) Трубадуры по оканчаніи своихъ пѣсень восклицали: *Largesse! largesse!*

рическая поэзия — между женщинами. Но здѣсь представляется еще одно заключеніе. Въ женскихъ пѣсняхъ языкъ, независимо даже отъ дивной текучести стиха, обработанъ до изумительной степени совершенства. Вы не встрѣтите слова, сколько-нибудь вялаго, или плохо подобранаго. Какъ зерна въ хорошемъ колосѣ, такъ слова въ лучшихъ, нескаженныхъ еще нашихъ пѣсняхъ, набраны всё здоровыя, звучныя и полновѣсныя. Въ изложеніи замѣтенъ строгій вкусъ; въ звукоподражаніяхъ языкъ доведенъ до послѣдней своей гибкости, съ сохраненіемъ въ то же время мужественнаго, густого тона. Какъ произошли всё эти явленія? Неужели языкъ женскихъ пѣсень обрабатывался отдѣльно и дошелъ самъ собою до такого совершенства? Или женщины наши заговорили о своихъ чувствахъ только со временъ козачества, и въ короткое время, безъ пособія письменности, успѣли возвести рѣчь свою на такую высокую степень красоты? Нѣтъ, тутъ надобно предполагать трудъ нѣсколькихъ столѣтій, и исторія другихъ языковъ показываетъ, какъ медленно совершается подобная обработка. Собственно женщинамъ нашимъ принадлежитъ только несравненная ни съ чѣмъ пѣвучесть стиха, но мужественный звонъ его и сила его словъ находятся въ явномъ соотношеніи съ языкомъ думъ и мужскихъ пѣсень. Дума была первою формою, избрѣтенною нашими древними Боянами, для того, чтобы *уцекотать*, подобно соловью, какой-нибудь побѣдоносный полкъ съ его княземъ, и безчисленныя битвы старосвѣтскихъ дружинъ давали имъ поводъ къ безчисленнымъ славословіямъ, въ свободной формѣ думы. Немудрено, что эти славословія, наполненныя собственными именами, какъ и поэма объ Игорѣ, и наши историческія думы, были перебыты, когда въ гражданской жизни Южныхъ Руссовъ случился перебой, разогнавшій и истребившій талантливыхъ пѣвцовъ ихъ, и что они воскресли только съ козачествомъ. Подобное явленіе совершается передъ нами и въ настоящее время, не смотря на то, что все население Малороссіи остается на мѣстѣ и что только новыя стихіи гражданской жизни заступаютъ мѣсто старыхъ.

Приведу еще два факта изъ исторіи Южно-Русской народнои

словесности, въ доказательство того, что эпосъ былъ развитъ въ обширнѣйшихъ размѣрахъ въ древней, а потомъ и въ козацкой Руси и что Боянами не были нищѣ (которыхъ одна необходимость заставляеть изучать козацкія думы), а сами рыцари, сами дѣятели и свидѣтели героическихъ подвиговъ.

6. Мнѣ неоднократно случалось слышать отъ старыхъ людей, что въ-старину появлялись иногда въ какомъ-нибудь пиршествениомъ, или иномъ сборищѣ странствующіе пѣвцы, которые въ-теченіе нѣсколькихъ часовъ, а иногда и цѣлаго дня занимали общество пѣсями о старинѣ, и что эти пѣсни перебрали одного гетмана за другимъ, описывая старыя войны и приключенія. Къ сожалѣнію, случайные свидѣтели такихъ явленій не знали имъ цѣны, или даже находились еще въ дѣтскомъ возрастѣ и, только по соображенію съ позднѣйшими понятіями о народной поэзіи, догадывались, что передъ ними въ то время происходило. Самыя вышшіе пѣвцы историческихъ думъ, какъ Андрей Александровскій и Архипъ Оржицкій, вѣспоминаютъ о своихъ наставникахъ, что они знали думы о многихъ гетманахъ и что передали имъ только нѣкоторыя. Ни одинъ бандуристъ не сказалъ еще мнѣ, что онъ изучилъ *всѣ* думы своего учителя. Зная по извѣстнымъ намъ пьесамъ, какъ удобно историческія событія, со всѣми мелочными обстоятельствами, укладываются въ форму думы, мы можемъ, со всѣмъ правдоподобіемъ, заключить, что память старосвѣтскихъ бандуристовъ хранила въ себѣ рѣмованныя лѣтописи былого, въ которыхъ исторія фактовъ сочеталась съ исторіей души народа. Эти лѣтописи едва-ли не навсегда утрачены, по милости старинной схоластической образованности, которая считала достойными памяти потомства только свои бездушныя произведенія.

7. Въ Харьковской губерніи, Богодуховскаго уѣзда, въ селѣ Красномъ Кутѣ живетъ зажиточный старикъ-слѣпецъ Ригорѣнко, которому въ его молодости одинъ Запорожець продалъ свою осьмиструнную бандуру. Эта бандура была неразлучною спутницею жизни «добраго молодца» до разрушенія и по разрушеніи Сѣчи. Онъ рѣшился разстаться съ нею единственно изъ крайней нужды

въ деньгахъ и разстался со слезами и съ причитањями, похожими на причтавья по мертвомъ :

»Ти жъ була моєю втіхою (говорить онъ), ти жъ розважала мене у всякій пригоді. Багато людей вельможнихъ, багато лицарства славного и всякого народу православного слухали твоїхъ пісень! Де ти не бувала, якої пригоди не дознала? Чи разъ же ти мою голову и зъ шийку визволяла? Чи разъ же ти въ заставі лежала, та й нігдѣ жъ ти не застряла! А теперъ довелось мнѣ съ тобою розлучатись, за чотіри карбованні рублі тебе въ чужі руки отдавати, та й по вікъ вішній, може, тебе не видати!« и т. п.

Запорожець, по словамъ Ригорѣнка, зналъ безчисленное множество пісень и думъ о старшій и нѣкоторыя передалъ ему. Ригорѣнко усвоилъ бы ихъ и все, но Запорожець умеръ, не успѣвъ передать ему всего, что зналъ и, можетъ быть, екомпеновалъ собственнымъ *замышленіемъ*. Свѣжая пора жизни самого ученика его прошла, какъ сонъ; наступившая старость, вмѣстѣ съ перемѣною вкуса слушателей, затмила въ его памяти и то, что зналъ онъ. Когда познакомился съ нимъ ревностный собиратель пісень М. В. Нѣговскій, его бацдура съ оборванными струнами давно уже валялась въ коморѣ на полицѣ, и охладѣвшій къ своему ремеслу пѣвецъ съ трудомъ могъ припомнить нѣсколько думъ, которыя были переданы ему Запорожцемъ. Эти немногіе остатки отъ пісень *последняго менестреля* козацкаго чрезвычайно, однакожь, важны и въ своемъ разрозненномъ и несаженномъ видѣ. Они разширяютъ передъ нами область фантазіи старосвѣтскихъ пѣвцовъ нашихъ и сильно говорятъ воображенію о тѣхъ утраченныхъ раяхъ, къ которымъ они примыкали если не по содержанию, то по характеру поэтической живописи. Принося отъ лица всехъ цѣнителей памятникъ нашей народнои поэзіи благодарность г. Нѣговскому за доставленіе мнѣ этихъ драгоценностей, помѣщая ихъ въ моемъ сборникѣ. Одна изъ нихъ, о *Ганзель Андыбѣртъ* извѣтна уже по моему списку, напечатанному въ сборникѣ пѣ-

сень А. Л. Метлинскаго (стр. 377); но г. Нѣговскій отбрыль весьма важный вариантъ этой думы, въ которомъ многія мѣста написаны гораздо сильнѣе, нежели въ речитативѣ Андрея Шута. Зато опъ слабѣе въ цѣломъ и въ немъ потеряна основная мысль рапсодіи — вражда войсковою черни къ *дубкамъ*, захватившимъ въ свои руки лучшія земли и угодія. Тотъ и другой речитативы имѣють полную свою цѣну только въ совокупности, и такъ какъ дума Андрея Шута напечатана уже въ ея первоначальномъ видѣ, то я, не опасаясь исказить ее неудачными вставками, дополнилъ ее здѣсь лучшими мѣстами изъ списка г. Нѣговскаго; а чтобы чрезъ то не скрыть отъ читателей всѣхъ отличій и этого списка, помѣщаю изъ него въ приложеніяхъ все, что не вошло въ сдѣланное мною дополненіе думы Андрея Шута.

I.

ДОПОЛНЕННАЯ ДУМА О ГАНЖѢ АНДЫБЕРѢ. (*)

Ой полемъ, полемъ Килимьскимъ,
 Битимъ шляхомъ Ординьскимъ,
 Гей гулявъ, гулявъ бѣдний козаць-петяга сѣмъ годъ и чотирі,
 Та потерявъ съ-підъ себѣ три кѣни ворошиі.
 На двацѣятій годъ повертае —
 Козаць-петяга до гѣрода Черкасѣ прибывае.
 На козаку, бѣдному петязі,
 Три сѣромязі,
 Опанчїна рогозовая,

(*) *Переводъ.* — По Килийскому полю, по торной Ордынской дорогѣ, гулялъ бѣдний козаць-петяга (бѣздомный) семь лѣтъ и четыре и потерялъ троихъ верховыхъ вороныхъ коней. Наступаетъ двѣнадцатый годъ — козаць-петяга прибываетъ къ городу Черкасамъ. На бѣдномъ козаць-петягѣ три сѣрмяги, энанчишка изъ ситника, поясишка изъ хмѣлю. На бѣдномъ козаць-петягѣ сафьянцы — видать пяты и пальцы;

Поєїна хмеловѣя
На козаку́, бѣдному петя́зі, сашъянци —
Видні пѣти и вѣльці,
Де ступить — босо́и ногѣ слѣдъ пише.
А ще на козаку́, бѣдному петя́зі, шапка-бѣрка —
Звѣрху дѣрка,
Ху́тро го́ле, око́лиці Бі́гъ-ма́е;
Вона́ дощѣмъ покрѣта,
А вітромъ, на сла́ву коза́цьку, підбѣта.

Ще́ жъ то коза́къ, бѣдний петя́га, до го́рода Черка́сь прибу́ває,
На́сті Горово́ї, каба́нниці степово́ї, шука́е-пита́е.
Скоро́ коза́къ, петя́га На́сті Горово́ї, каба́нниці степово́ї-дошгѣвѣя,
Зара́зь у свѣтлицю вѣра́вѣя.
Тамъ шлѣ́ три Ляхѣ́,
Ду́ки-срѣбляни́кѣ:
Пе́рвий швѣ́ Гаври́ло Довгоно́ленко Пере́яславський,
Дру́гий швѣ́ Вѣйтѣ́нко Ніже́нський,
Тре́тій швѣ́ Золо́тарѣ́нко Черні́говський. (1)
Отъ вони́ шлѣ́-підшвѣ́вали,

гдѣ ни ступить — слѣдъ босой ноги оставляетъ. А еще на бѣдномъ козацкѣ-петягѣ баранья шапка — сверху дыра, мѣхъ вылѣзъ, околѣшка иѣту; дождемъ шапка покрѣта, а вѣтромъ, на козацкую славу, подбѣта.

Прибуваетъ бѣдний козацкѣ-петяга въ городъ Черкасы и спрашиваетъ, гдѣ живеть Настя Горовая, кабачница степная. Лишь только отыскалъ ее, тотъ-часъ ввалился въ свѣтелку. Тамъ шлѣ три Ляха, ду́ки-богачи: первый Гаврило Довгоноленко Переяславскій, другой Вѣйтѣнко Нѣжинскій, третій Золо́тарѣнко Черниговскій. Пьютъ они, гуляють и под-

---

(1) Въ думѣ Ригорѣнка эти имена перепланы, а именно: *Київський Вѣйтѣнко*, *Переяславський Судѣнко*, *Гаври́ло Крилі́вський Довгоно́ленко*. Я удержалъ имена, исключенныя Андреемъ Шутомъ, потому что они складомъ своимъ напоминають народныя названія полковниковъ. На примѣръ, Василій Золо́тарѣнко назывался въ народѣ *Васі́отою Ніже́нськимъ*, Мартинъ Пушкаръ — *Марти́номъ Пушкаре́мъ Поля́вськимъ*, и т. д.

Сь козака-петяги насміхались,
На шинкарку покликали:
»Гей шинкарко Горовія,
Наєте молодія!
Добре ти дбайі —

Намъ солóдкі меді, оковіту горілку щє підсипайі,
Сьго козака, пресу́чого сїна, у потїлицю сь хати вишихайі;
Бо десь віпъ по вишищяхъ, по броварняхъ валявся,
Опалївся, ошарпався, обїдрався,
До насъ прийшовъ добувати,
А въ іншу корчму́ бóде нести́ пропивати.»

Тоді шинкарка Горовія,
Наєтя, кабачниця степовія,
Козака-петягу за чубъ брала,
Въ потїлицю сь хати вибивала.
То козакъ-петяга дóбре дбає,
Козацькими пятами опинає.
Пóти пався,

Пóки до порóга добрався.

Козацькими пятами за порігъ зачепав,
А козацькими рука́ми за одвірки ханав,
Підъ мїсникъ гóлову козацьку молодецьку ховає.

Тоді два Ляхі, дўки-срібляники, на ёго поглядали,

смѣиваються надъ козакомъ-петягою и говорятъ: »Эй *шинкарка* (продавица напитоковъ) Горовая, Настя молодая! прибавь намъ сладкихъ медовъ и доброй водки, а этого каналью козака вытолкай въ-зашей изъ хаты. Онъ валялся гдѣ-то по винокурнямъ, по пивоварнямъ, кругомъ обгорѣлъ, оборвался и пришелъ къ намъ на заработки, а заработавши пропьеть не въ твоей, а въ другой какой-нибудь корчмѣ.«

Тогда шинкарка, Настя Горовая, кабачница степная, беретъ козака-петягу за чубъ и толкаетъ въ-зашей изъ хаты. А козакъ-петяга упрался козацкими пятами, пока дошелъ до порога; а тамъ зацѣпился ко-

Зъ ёго насмѣхали,

А третій, Гаврило Довгопóленко Переяславський, бувъ обáшний :

Изъ карма́на *людську денежку* вийма́въ,

На́сті каба́шний до рукъ до́бре отдава́въ,

А ще стѣха слова́ми промовля́въ :

»Гей«, ка́же, »ти, шинка́рко молодá, ти, На́сте каба́шша!

Ти«, ка́же, »до сѣхъ бѣднихъ козаки́въ-петя́гъ хочь злáя, да й обáшша :

Коли́бъ ти до́бре дба́ла,

Сю дене́жку до рукъ прийма́ла,

До по́греба́ одходи́ла,

Хочь поро́цово́го пи́ва уточи́ла,

Сѣму́ козаку́, бѣдному петя́зі, на похмі́ллі живи́ть ёго коза́цький скреси́ла.

Тоді На́стя Горовáя,

Шинка́рка степова́я,

Сама́ въ лѣхъ не ходи́ла,

Да пáймичку носила́ла :

»Гей, дѣвко пáймичко!

До́бре ти вчи́ні,

Кѣйву-чвертѣвку въ рѣ́ки вхо́пи

зацкими пятами за порогъ, схватилея козацкими руками за косяки. а козацкую, молодецкую голову спрятали подъ *мисникъ*. (1)

Смотрятъ на него Ляли, дѣтки-богачи, и смѣются. Но одинъ изъ нихъ, Гаврило Довгопóленко Переяславскій, былъ человекъ толковый : опъ вынулъ изъ карма́на *людскую денежку*, подаль Настѣ кабачной и сказалъ : »Эй ты, молодая шинкарка, ты, Настя кабачная ! ты хоть и зла на этихъ бѣдныхъ козаковъ-петягъ, по разсудлива. Возьми-ка эту денежку, поди въ погребъ, наточи хоть мартовскаго пи́ва, чтобъ этотъ бѣдный козакъ-петяга подкрѣпилъ на похмѣльи свой козацкій животъ.

Не пошла Настя Горовая, кабачница стенная, сама въ погребъ, а послала служанку : »Эй, дѣвушка-служанка ! захвати-ка съ собою чет-

---

(1) *Мисникъ* — полка надъ дверью, для мисокъ. Здѣсь выражается высокой ростъ козака-петяги, который досягнулъ головой до полки (а полка обыкновенно находится подъ самымъ потолкомъ), и не только досягнулъ, но еще наклонился, чтобы спрятать голову отъ Насти.

Та въ лёхъ убіжї ,
Та вісімъ бочокъ мшиї ,
А зъ девятої поганого пїва паточї .
Якъ маємъ ми ёго свїнямъ виллвати ,
То будемъ ми ёго на такіхъ петягъ раздавати .»

Тодї дївка наймичка у лёхъ убїгала ,
Та девять бочокъ мшала ,
Та зъ десятої *пзяного чела* меду паточїла .
Та въ свїтлицю влождє ,
Свїй нїсь геть одъ кїнви одвертє ,
Бўцимъ-то те пїво воиє .

Якъ подали козаку въ рўки ту кїнву ,
То вінъ ставъ біля пєчи
Та й почавъ піднивати пивцє грєче .
Взявъ , разъ покоштувавъ , у-друге напився ,
А въ-трєте якъ узївъ ту кїнву за ўхо .
То зробївъ у тїй кїпівцї сўхо .
Якъ ставъ козацьку хмїль гóлову розбїрати ,
Ставъ козакъ кóнвкою по мосту дóбре погрїмати .

вертнующую *кóнву*, бѣги ты въ погребѣ и, миновавъ восемь бочекъ, нато-
чи изъ девятой негоднаго пива. Чѣмъ выливать намъ его свишьямъ, то
лучше будемъ раздавать такимъ козакамъ-петягамъ.»

Побѣжала наемница въ погребѣ, миновала девять бочекъ, а изъ де-
сятой паточила меду — *пзяного чела*. Воротилась въ свѣтелку и от-
ворачиваетъ носъ отъ кóнвы, точно какъ-бы пиво вопяло.

Подали козаку въ руки кóнву; онъ сѣлъ возлѣ печи и началъ тя-
нуть пиво на-славу. Отвѣдалъ разъ, потянулъ въ другой разъ, а за
третьимъ взялъ кóнву за ўхо и осушилъ до дна.

Когда началъ хмѣль одолѣвать козацкую голову, началъ козакъ кó-
повкою гремятъ по полу; начали тогда у дукъ-богачей чарки и фляжки
прыгать со стола, а шинкаркина печка распалась на десять частей, раз-
летѣлась по хатѣ и за сажей не увидѣли дукъ-богачи Божьяго свѣту.

Стáli въ дѣківъ-сріблянннківъ изъ столá чаркн̄ й пляшкн̄ скакати,
И стála шннвáрьєвкá грѹба на дѣсятъ штукъ скрн̄зъ по хáтн̄ летати.
Не стáli тодн̄ Ляхн̄, дѣкн̄-сріблянннкн̄, за сáжею свѣту Божьєго видати.

Тодн̄ тн̄ Ляхн̄, дѣкн̄-сріблянннкн̄, на ёго поглядáли,

Словáми промовлѣли :

»Дєєь сєй козáкъ-пєтѣягá нн̄дѣ не бѹвáвъ,
Доб́рнхъ горн̄лòкъ не пн̄вáвъ,
Що ёго й погáне нн̄во оцѣяніло!«

Якъ ставъ козáкъ-пєтѣягá тєє зачувáти,

Ставъ на Ляхн̄въ грн̄зно гукáти :

»Гєй ви, Ляхòвє,

Врáзкн̄ снн̄повє!

Нк̄ь порòгу посувáйтєсь,

Мєнн̄, козакѹ-пєтѣзн̄, на покутн̄ мн̄цє попускáйтє.

Посувáйтєсь тн̄сно,

Щобъ бѹлò мєнн̄, козакѹ-пєтѣзн̄, дє на покутн̄ изъ лáвтями сн̄стн̄!«

Тодн̄ Ляхн̄, дѣкн̄-сріблянннкн̄, доб́ре дб́али,

Дáльшє нк̄ь порòгу посувáли,

Козакѹ-пєтѣзн̄ бн̄льшє мн̄цє на покутн̄ попускáли.

Тодн̄ козáкъ-пєтѣягá на покутн̄ сн̄дáє,

Смотрятъ они тогда на него и говорятъ : »Видно, этотъ козакъ-пєтѣягá нн̄дѣ не бѹвалъ и хорошей водкн̄ не пн̄валъ, что опьянѣлъ и отъ негодн̄аго пн̄ва!«

Слышитъ это козакъ-пєтѣягá и грозно говоритъ Ляхамъ : »Эй вы, Ляхн̄, вражн̄ дѣтн̄! подвн̄гайтєсь къ порòгу, даватє мнѣ, козакѹ-пєтѣягѣ, на покутн̄ (подъ образами) мѣсто; помѣщáйтєсь за столòмъ потѣсн̄тє, чтобъ было гдѣ мнѣ, козакѹ-пєтѣягѣ, сѣсть на покутн̄ съ лáвтями!«

Тогда Ляхн̄, дѣкн̄-богачн̄ — нечєго дѣлать — подвн̄улись дáльшє къ порòгу и дали козакѹ-пєтѣягѣ бн̄льшє мѣстá на покутн̄.

Ись-підь полі позлотістий педолімокъ виньмае,
Шникарці молодій за цѣберъ мѣду застатовляе.

Тоді ті Ляхі, дѹки-срібляники, на ёго поглядѣли,
Словѣми промовляли:
»Гей, шникарко Горовая,
Нѣсте молодая,
Кабѣшнице стеновая!

Нехай сей козакъ, бідний петяга, не маєтця въ тебѣ еєі заставціни ви-
купляти,

Намъ, дѹкамъ-срібляникѣмъ, нехай не зарікаєтця волі погапѣти.
А тобі, Нѣсті кабѣшній, грѹбъ топѣти.»

Оттоді-то козакъ, бідний петяга, якъ ставъ еєі словѣ зачувѣти.
Такъ вінъ ставъ чересѣкъ выпьмѣти,
Ставъ шникарці молодій, Нѣсті кабѣшній, увесь стѣль червінцями усти-
лѣти.

Тоді дѹки-срібляники, якъ стѣли въ ёго червінці зоглядѣти,
Тоді стѣли ёго витѣти
Мѣдомъ шклѣнкою
И горѣлки чѣркою.
Тоді й шникарка Горовая.

Садитєя козакъ-петяга на покутѣ, вынимаетъ изъ-подъ полы золоче-
ный чекагъ и отдаєтъ шникаркѣ въ залогъ за ушатъ меду.

А дѹки-богачи на него посматриваютъ и говорятъ: »Эй шникарка
Гороваа, Настя молодая, кабѣшница стєнная! ищєкай этотъ козакъ, бѣд-
ный петяга, не падѣтєся выкупить у тебѣ этотъ закладъ, ищєкай не *за-
рекаєтєся* (не даєтъ обѣта, что не будетъ) погонять у насъ воловъ, а
у тебѣ, Нѣсти кабѣшной, печей топить.»

Слышитъ эти слова козакъ, бѣдный петяга, вынулъ кожанный по-
ясекъ и устлалъ молодой шникаркѣ, Нѣстѣ кабѣшной, весь столъ чер-
воццами.

Тогда дѹки-богачи, увидѣвъ у него червоццы, пачали потчивать его
стаканомъ меду и чаркой водки. Тогда и шникарка Горовая, Настя мо-

Пієтя молодія,
Петіха словами промовляє :
»Эй, козаче«, каже, »козаче!
Чи снідав ти с'єгодні, чи обідав?
Ходи зо мною до кімнати,
Сядемъ ми съ тобою поспідаемъ,
Ли пообідаемъ.«

Тогді - то козакъ, бідний петяга, по кабаку похаждає,

Квартірку одчиняє .
На бiстрiї рiкi поглядє,
Кліче, дбiре покликє:
»Ой рiкi«, каже, »ви рiкi Низовiї,
Помошницi Днiпровiї!
Теперъ або мене зодягайте,
Або до себє приймайте!«

Оттоді одинъ козакъ идє,
Шати дорогiї несє,
На єго козакцкi плєчи надє;
Другий козакъ идє,
Бiти сащяповi несє,
На єго козакцкi ноги надє;
Трєтiй козакъ идє,

лодя, говорить ему потихоньку: »Эй козакъ ты, козакъ! завтракаль ли ты сегодня, обѣдалъ ли? пойдѣмъ со мной за перегородку, сядемъ съ тобой, позавтракаемъ, или пообѣдаемъ.«

А козакъ, бѣдный петяга, по кабаку похаживаетъ, отворяетъ окошко, на быстрыя рѣки поематриваетъ, громкимъ голосомъ покрикиваетъ: »Ой рѣки, вы, рѣки Низовья, помощницы Днѣпровья! теперь меня или приодѣньте, или къ себѣ примите!«

Тогда одинъ козакъ идетъ, дорогое платье несетъ, на его козакцкія плеча надѣваетъ; другой козакъ идетъ, сащянные сапоги несетъ, на его козакцкія ноги надѣваетъ; третій козакъ идетъ, козакцкую шапку несетъ, на его козакцкую голову надѣваетъ.

Шличòкъ козацький песé,
На ёго козацьку главу надіé.

Тоді дѹки-сріблянські стїха словáми промовлял :
»Эй не ёсть же се, брáтці, коза́къ, бѣдний петя́га,
А ёсть се Феськó Гáнжа Андѣбѣръ,
Гетьманъ Запорóзький!...

Присѹнься ти до насъ«, бáжуть, »блїжче,
Поклонїмось ми тобі нїжче,
Бѹдемъ радїтьця, чи гарáздъ-дóбре на слáвній Україні проживáти.«
Тоді стáли ёго витáти мѣдомъ шкля́нкою
И горїлки чáркою.

То вінъ тѣе одъ дѹківъ-сріблянківъ приймáвъ.
Самъ не вишвáвъ,
А все на свої шáти проливáвъ :
»Эй шáти мої, шáти! пийте-гуляйте :
Не менè шанѹють, бо вáсь поважають.
Якъ я васъ на собї не мавъ,
То й чѣсти одъ дѹківъ-сріблянківъ не знавъ.«

Тоді-то Феськó Гáнжа Андѣбѣръ, гетьманъ Запорóзький, стїха словáми
промовляе :

»Эй козакї«, вáже,« дїти, дрѹзї, молодці!

Тогда дѹки-богачи потихоньку перемовлялись : »Эхъ, братцы! это не козакъ, бѣдный петя́га, а Феськó Гáнжа Андѣбѣръ, гетманъ Запорóжскїй!... Придвинься«, говорятъ, »къ намъ поближе, поклонимся мы тебѣ пониже и будемъ совѣтоваться, все ли хорошо у насъ идетъ въ славной Українѣ.« И потчиваютъ его стаканомъ меду и чаркой водки.

Принимаетъ онъ все это отъ дукъ-богачей, да не пьетъ, а проливаетъ на свою одежду : »Эй ты, одежда моя, одежда! пей, веселись! не меня потчиваютъ, тебя почитаютъ. Какъ не было тебя на мнѣ, то не было мнѣ и чести отъ богачей.«

Наконецъ Феськó Гáнжа Андѣбѣръ, Запорóжскїй гетманъ, говоритъ :

Прощу я васъ, дѣбѣре,
Сіхъ дукѣвъ сріблянкѣвъ за лѣбъ, нѣче волѣвъ, изъ-за столѣ вивождайте,
Передъ вѣкнами покладайте.
У три берѣзини потягайте,
Щобъ воин менѣ споминѣли,
Менѣ до вѣку памятали!»

Тѣлько Гаврила Довгополѣнка Переяславського за те улюбѣвъ,
Край сѣбе сяловѣвъ,
Що вінъ ѣму за свою дѣнежку пѣва купѣвъ.

Тогдѣ жъ то козакѣ, дѣти, друзѣ, молѣдцѣ, дѣбѣре,
Сіхъ дукѣвъ сріблянкѣвъ за лѣбъ брѣли,
Изъ-за столѣ, нѣче волѣвъ, вивождали,
Передъ вѣкнами покладали.
У три берѣзини потягали,
А ще стѣха словѣми промовѣли:
»Ѣй дукѣ«, кѣжуть, »ви, дукѣ!
За вѣми всѣ лугѣ и дукѣ, —
Нѣгде нашѣму брѣату, козакѣ-нѣтязі, стѣти
И конѣ попасти!»

»Ѣй вы, козакѣ, дѣти, друзѣ, молѣдцѣ! прошу васъ, берите за чубѣ
этѣхъ дукѣ-богачѣ и выводите, какъ воловъ, изъ-за столѣ, кладите вы
ихъ передъ окнами и валяйте въ три берѣзовыя палки! пусть они меня
помнятъ и до смѣрти не забываютъ!»

Только Гаврила Довгополѣнка Переяславскаго за то полюблѣ и
возлѣ себя посадилѣ, что онѣ купилѣ ему пѣва за свою дѣнежку.

Тогдѣ козакѣ, дѣти, друзѣ, молѣдцѣ, дукѣ-богачѣ за чубѣ брѣли,
изъ-за столѣ, какъ воловъ, выводили, передъ окнами клали и въ три
берѣзовыя палки валяли, да ещѣ приговарили: »Ѣхъ дукѣ, вы, дукѣ! за-
хватили вы всѣ луга и дукѣ, — нѣгдѣ нашѣму брѣату, козакѣ-нѣтягѣ,
остановитѣся и конѣ выпасти!»

2.

ДУМА О МАРУСЬ БОГУСЛАВКѢ. (*)

Що на Чѣрному морі,
На камені біленькому,
Тамъ стояла темни́ця камяная.
Що у тій-то темни́ці пробува́ло сімь-сотъ козаківъ.
Біднихъ невольниківъ.
То вони три́дцять літь у нево́лі пробува́ють,
Бо́жого світу, со́нця пра́ведного у вічи собі не вида́ють.

То до їхъ дівка бра́нка,
Мару́ся, попівна Богусла́вка,
Прихождѣ,
Слова́ми промовля́є :
»Гей козакі,
Ви, бі́дні невольники!
Угада́йте, що́ вь на́шій землі Христія́нській за де́нь тепе́ра?»

Що тоді́ бі́дні невольники зачува́ли,
Дівку бра́нку,
Мару́сю, попівну Богусла́вку,
По річа́хъ познава́ли,

(*) *Переводъ.* — На Черномъ морѣ, на бѣломъ камнѣ стояла каменная темница, и въ той темницѣ сидѣло семь-сотъ козаковъ, бѣдныхъ невольниковъ. Тридцать лѣтъ сидятъ они въ неволѣ, свѣта Божьяго, солнца праведнаго не видятъ.

И приходитъ къ нимъ дѣвушка-бранка (взятая въ неволю), Маруся, поповна Богуславка, и говоритъ имъ: »Эй козаки, бѣдные невольники! угадайте, какой теперь день въ нашей землѣ Христіанской?»

Слышатъ это бѣдные невольники, узнають дѣвушка-бранку, Марусю, поповну Богуславку, по голосу и говорятъ: »Эй дѣвушка-бранка, Ма-

Словами промовляли :

»Гей дівко бранко,

Марусю, поівно Богуславко!

Почімъ ми мѡжемъ знати,

Що въ на́шій землі Христия́нській за дѣнь тепѣра?

Що три́дцять лѣтъ у нево́лі пробува́емъ,

Бо́жого свѣту, со́нця пра́ведного у вічи собі не вида́емъ.

То ми не мѡжемо знати,

Що въ на́шій землі Христия́нській за дѣнь тепѣра.»

Тоді дівка бранка,

Маруся, поівна Богуславка,

Тѣе зачуває,

До козаківъ словами промовляє :

»Ой коза́кі,

Ви, бідниі нево́льникі!

Що сѣ́годня у на́шій землі Христия́нській Вели́кодная субѡта,

А за́втра свята́йі пра́зникъ, роковій дѣнь Вели́къ-дѣнь.»

То тоді ті коза́кі тѣе зачува́ли,

Бѣлимъ лицѣмъ до сирѡі землі припадали .

Дівку бранку,

Марусю, поівну Богуславку.

Клялі-проклинали :

руся, поповна Богуславка! почему намъ знать, какой теперь день въ нашей землѣ Християнской? мы тридцать лѣтъ сидимъ въ неволѣ и Божьяго свѣта, праведнаго солнца не видимъ. Не знаемъ мы, какой теперь день въ нашей землѣ Християнской.»

Тогда дѣвушка-бранка, Маруся, поповна Богуславка, говоритъ козакамъ: »Ой козаки, бѣдные невольники! сегодня въ нашей землѣ Християнской страстная субѡта, а завтра святой празникъ, годовой дѣнь *Вели́къ-дѣнь*.«

Услыхавъ это, козаки пали бѣлымъ лицомъ на землю и прокляли дѣвущку-бранку, Марусю, поповну Богуславку: »О, чтобъ ты, дѣвущка-

»Га бодай ти, дівко бранко,
Марусю, пошівно Богуслáвко,
Щáстя й до́лі собі не ма́ла,
Якъ ти намъ святій прáзникъ, роковій день Вели́къ-день сказа́ла!«

То тоді дівка бранка,
Мару́ся, пошівна Богуслáвка,
Тéе зачува́ла,
Слова́ми промовля́ла:
»Ой коза́кі,
Ви, бідниі нево́льники!
Та не ла́йте мене́, не проклина́йте;
Бо якъ бу́де нашъ пашъ Туре́цький до мечéти ви́їжджа́ти,
То бу́де ми́ш, дівці бра́нці,
Мару́сі, пошівні Богуслáвці,
На рúки ключі видава́ти:
То бу́ду я до темни́ці прихожда́ти,
Темни́цю відми́ка́ти,
Весь вéсьхъ, біднихъ нево́льниківъ, на во́лю ви́пуска́ти.«

То на святій прáзникъ, роковій день Вели́къ-день,
Ставъ нашъ Туре́цький до мечéти ви́їжджа́ти,
Ставъ дівці бра́нці,
Мару́сі, пошівні Богуслáвці,
На рúки ключі видава́ти.

бранка, Маруся, поповна Богуславка, не имѣла ни счастья, ни доли! зачѣмъ ты намъ объявила, что сегодня святой праздникъ, годовой день Великъ-день!«

Тогда дѣвушка-бранка, Маруся, поповна Богуславка, говоритъ имъ:
»Ой козаки, бѣдные невольники! не браните меня, не проклинайте!
Какъ будетъ ѣхать нашъ Турокъ-господинъ въ мечеть, то отдастъ мнѣ
на руки ключи; тогда я приду къ темницѣ, отпору темницу и выпущу
всѣхъ васъ, бѣдныхъ невольниковъ, на волю.«

И вотъ въ святой праздникъ, въ годовой день Великъ-день, выѣзжаетъ
Турокъ-господинъ въ мечеть и отдастъ ключи на руки дѣвущкѣ-бранкѣ,

Тоді дівка бранка,
Маруся, поївна Богуслава,
Добре дбає —
До темниці приходить,
Темницю відмикає,
Всіх козаків,
Бідних невольників,
На волю випускає,
И словами промовляє:
»Ой козакі,
Ви, біднії невольники!
Кажу я вамъ, добре дбайте,
Въ городі Християнські утікайте,
Тільки прошу я васъ, одного города Богуслава не минайте,
Моєму батьку й матері знати давайте:
Та нехай мій батько добре дбає,
Грунтівъ, великихъ маєтківъ нехай не збуває,
Великихъ скарбівъ не збірдає,
Та нехай мене, дівки бранки,
Марусі, поївини Богуславаки.
Зъ неволі не викупає:
Бо вже я потурчилась, побусурменилась,
Для роскоши Турецької,
Для лакомства нещасного!«

Маруся, поповни Богуславка. Тогда она приходитъ къ темницѣ, отпираетъ темницю, выпускаетъ всѣхъ козаковъ, бѣдныхъ невольниковъ, на волю и говоритъ: »Козаки, бѣдные невольники! уходите вы въ Християнскіе города; но прошу васъ, не минуйте города Богуслава и дайте знать моему отцу и матери: пускай мой отецъ не продаетъ земель и имущества, пускай не собираетъ великихъ собранищъ и не выкупаетъ изъ неволи меня, дѣвушки-бранки, Маруси, поповны Богуславки. Я ужь отуречилась, обсурманилась, ради роскоши Турецкой, ради несчастнаго лакомства!«

О Боже! освободи насъ, всѣхъ бѣдныхъ невольниковъ, изъ тяжкой

Ой візволи, Боже, насъ всіхъ, біднихъ невольниківъ,
 Зъ тяжкої неволі,
 Зъ вірп бусурмѣнської,
 На ясні зорі,
 На тихі води,
 У край веселій,
 У міръ хрещеній!
 Віслухай, Боже, у прѣзобахъ щірихъ,
 У щаснихъ молитвахъ
 Насъ, біднихъ невольниківъ!

Молитва, закінчиваюча эту думу, представляеть для изучающаго исторію Южно-Русской народної словесности весьма важное обстоятельство. Въ ней говорится: «Візволи, Боже, *насъ*, — віслухай, Боже, *насъ*, біднихъ невольниківъ.» Такъ какъ Турецкіе пристани и рынки были наполнены «ясіромъ» Татарскимъ и плѣнниками, захваченными на сушѣ и на морѣ, то подобно предположить, что въ Турціи существовала, такъ сказать, цѣлая нація Южныхъ Руссовъ, и что эта нація, соединенная языкомъ, вѣрою и воспоминаніями о родинѣ, подобно Евреямъ, плакавшимъ на рѣкахъ Вавилонскихъ, имѣла свою невольницькую исторію и поэзію. Бандуристы до сихъ поръ раздѣляютъ свои пѣсни (называя такъ и думы) на *козацкія*, которыя имѣють своею сценою Украину, и на *невольницкія*, которыя описываютъ пребываніе козаковъ на Турецкихъ галерахъ, или въ плѣну у Турокъ и Татаръ. Невольницкихъ пѣсень должно было быть очень много, потому, что отдаленіе отъ родины служило для плѣнниковъ безпрестаннымъ возбужденіемъ къ воспоминаніямъ о «ясныхъ зоряхъ, о тихихъ водахъ, о веселомъ краѣ, о крещеномъ мірѣ», и что эти пѣсни были вмѣстѣ и молитвами, какъ это видимъ и изъ думы о Марусѣ

неволи, изъ земли бусурманской! возврати насъ къ яснымъ зорямъ, къ тихимъ водамъ, въ край веселій, межъ народъ крещеній! выслушай, Боже, наши горячія просьбы, наши несчастныя невольницкія мольбы!

Богуславкѣ. Выпнемъ въ народныя наименованія пѣсень *жинóцкими, коза́цкими* и *невóльницкими*. Жинóцкихъ не поють козаки (или вообще — мужчины); козацкихъ не поють женщины: поэтому и невольницкія должны были пѣться, а слѣдовательно и слагаться, невольниками. Здѣсь получаютъ важный смыслъ слова Кондрата Таранúхи (см. выше, стр. 137): »Гайдама́ка йде́ (було́) тiхо. А се вже вони́ тогди́ співа́ли, якъ у нево́лі сиді́ли.« Чтобы не оставить мѣста для возраженій, скажу, что въ невольницкихъ пѣняхъ надобно различать два рода: *плачи*, къ которымъ принадлежитъ дума о Марусѣ Богуславкѣ, и *славословія*, къ которымъ относится дума о Кішкѣ Самійлѣ. Эти послѣднія слагались естественно дома, въ честь героевъ, и состоятъ больше изъ торжественныхъ сценъ, нежели изъ жалобъ, но слагались однакъ людьми, попробовавшими »Турецкой каторги«, какъ это видно изъ множества мелочныхъ обстоятельствъ, которыя ввертываются только въ рѣчь очевидца; и кто знаетъ, гдѣ они были больше въ ходу: между невольниками, которыхъ сѣрдца они такъ близко касались, или между козаками вольными? Можетъ быть, тѣ и другіе, мѣняясь ролями, мѣнялись и своими пѣнями о нево́лѣ, и взаимно прибавляли въ нихъ цвѣтовъ своихъ.

3.

ДУМА О КОЗАЦКОЙ ЖИЗНИ. (*)

Не оди́нь коза́къ самъ собі шко́ду шко́дивъ,

Що відь молодóї жiнки у вiйсько́ ходивъ.

Ёго́ жiнка́ кляла́ - прокли́нала́:

»Бода́й тебе́, коза́че сiрома́хо, побiло́ въ чiстому́ полі́

Три́ недóлі:

(*) *Переводъ.* — Не одинъ козакъ дѣлалъ тѣмъ себѣ вредъ, что отъ молодой жены въ войско ходилъ. Жена проклинала его: »Чтобъ тебя,

Перша недоля — щобъ підъ тобою добрый кінь приставъ;
Друга недоля — щобъ ти козаківъ не догнавъ;
Третя недоля — щобъ тебѣ козаки не злюбили
И въ куринь не пустили!»

А козакъ добре дбає,
На жінку не потурдає,
Жінци віри не діймає;
Коневі частенько зеленого сѣна підкладає,
Жовтого вівса підсипає,
Холодною крѣпкішою водою коня папуває;
У походъ виступає.

Господь йому давъ,
Що підъ нимъ добрый кінь не пристає;
Вінъ козаківъ доганяє:
Що його козаки злюбили,
До себѣ въ куринь пустили,
Ще й отаманомъ настановили.

козакъ-сѣромаха (1), постигли въ полѣ три недолы: первая недоля — чтобы подъ тобой добрый конь присталъ; другая недоля — чтобы ты козаковъ не догналъ: третья недоля — чтобы тебя козаки не полюбили и въ курень не пустили.»

А козакъ на то не смотритъ, женѣ не вѣрять, коню частенько зеленого сѣна подкладываетъ, желтого овса подсыпаетъ, холодною, ключевою водою папуваетъ и въ походъ выступаетъ.

Господь ему помогъ: подъ нимъ добрый конь не присталъ; онъ козаковъ догналъ: козаки его полюбили, къ себѣ въ курень пустили, еще и отаманомъ сдѣлали. Тогда козакъ рассказываетъ товарищамъ свою

---

(1) Когда *сіромаха*, или *сіроманецъ* говорится о волкѣ, то разумѣется сѣрый цвѣтъ его шерсти; но когда о человѣкѣ, то выражается косвеннымъ образомъ понятіе о его убожествѣ, непозволяющемъ носить цвѣтливой одежды, а вмѣстѣ съ тѣмъ приписывается человѣку что-то волко-образное, бродячее, бездомное. *Сіромá*, въ собирательномъ смыслѣ, значитъ — голъ, или — чернь.

Тоді козакъ у війську пробуває,
Свою повину козакамъ оповідає:
»Слухайте, панове молодці,
Якъ-то жишоцька клятьбоа дурно йдє:
Такъ, якъ мимо сухє дєрево вітеръ гудє;
Жишоцькі слїзи дурні — якъ вода тїчє.«

Жінка въ корчмі пила та гуляла,
Та домівки не знала,
Мовъ її хата къ нечїстїй маторї пусткою завонїла.
Скоро стала козака съ походу сповітвєть,
Стала до домівки приходяти,
Стала въ печі ростопляти,
Стала той борщъ кислий,
Оскомнетий чортъ-зна-колішній;
Изъ-підъ лави вставляти,
Стала до пєчи приставляти,
Оттїмъ борщємъ хотїла козака привітати.

Скоро ставъ козакъ съ походу пробувати,
Ставъ до новїхъ ворїтъ до ламанихъ доїжджати;
Вїнь съ коня — не вставає,
Кєлепомъ новї ламанї ворота відчиняє,
Козацькимъ голосомъ гукє:

исторію: »Послушайте, паны молодцы, какъ женское проклятіє въ ничто обращается: все равно какъ вѣтеръ прошумитъ мимо сухого дерева; а женскія глуныя слезы — какъ вода текутъ.«

Межъ тѣмъ жена въ корчмѣ пьетъ-гуляетъ, не сидитъ дома, и хата у ней воиаєтъ ужъ пустынею. Когда же начала ожидать козака съ походу, воротилась домой, принялась топить въ печи, вытащила изъ-подъ лавки кислый, оскомнетый, чортъ знаетъ когда сваренный борщъ и поставила въ печь, чтобъ попотчивать этимъ борщомъ козака.

Возвращается козакъ съ походу, подъѣзжаетъ къ новымъ разломанымъ воротамъ; не вставая съ коня, отворяетъ чеканомъ новыя разломанныя ворота и козацкимъ голосомъ покрикиваєтъ.

Скоро стала козачка козацький гóлосъ зачувати,
То вона не стала противъ нёго дверми виходати,
Стала, мовъ сивою голубкою, въ вiкно вилитати.

Тогдi козакъ лóбре дóде,
Хорошенько ii келепомъ по плéчахъ привитае,
Карбачёмъ по спинi затпнае.

Тогдi козачка у хату вóигала,
Бўцимъ пехотя той борщъ полиномъ штиркиўла,
Цу ёго къ нечистiй мáтери! у пiчь обертала,
Новий борщъ унóвъ варити зачинала;
До скринi тягла,
Не прóстого, льянóго полотнá тридцять локтiвъ узяла;
До шинкарки тягла,
Три квáрти не прóстоi горiлки, оковити узяла,
Зъ мéдомъ та съ перцемъ розогрiвала,
Оттимъ козакá частувала та витала.

Отгó вийшла козачка на дрўгий дeнь за ворóта,
Ажъ сидiть жiнокъ превеликая рóта.
А скáзано: жiшкi — якъ сорóки:
Одна на однў зглядали

Лишь только козачка услышала козацкий голосъ, то не вышла къ козаку навстрѣчу въ дверь, а вылетѣла, какъ сизая голубка, въ окно. Тогда козакъ хорошенько ее чеканомъ по спинѣ привѣтствовалъ, а въ добавокъ еще и нагайкою.

Вбѣжала козачка въ хату, сунула, какъ будто нечаянно, плѣномъ и опрокинула въ печи къ нечистой матери борщъ. Потомъ давай варить новый борщъ; бросилась къ сундуку и вынула тридцать локтей не простого, льяного полотна; побѣжала къ шинкаркѣ и купила три кварталы не простой, доброй водки; разогрѣла ее съ медомъ да съ перцемъ и угостила козака.

Вотъ на другой день вышла козачка за ворота, смотреть — сидитъ цѣлая толпа женщинъ. А извѣстно, женщины — что сороки: одна на

Та й козачку осуждали,
Та й козачці не казали.
Одна такі старушка не втерпіла
И козачці сказала:
»Гей козачко, козачко!

Десь твій козакъ перано съ походу прибувавъ,
Що по-підъ очима добрі гостинці подававъ.«

То козачка добре дбала,
По своїму козака покривала:
»Чи ви жъ то, жіночкі-голубочки, не знаєте,
Що мій козакъ перано съ походу прибувавъ,
Заставивъ мене въ печі потопити,
Вечеряти варити.
А я пішла по дрѣва,
Та не втрапила по дрѣва,
А втрапила по лучину,
Понідбивала собі очи на ключицу.
Роблю жъ я такі те ремѣство синіло,
Такъ воно мнѣ добре въ знаки вдалося:
Якъ я ёго мішала, такъ воно мнѣ за очи взялося.«

А козакъ сидить у корчмі та медь-вино кружає,
Корчмѣ сохваляє:

другую взглянули и козачку между собой осуждали, но козачкѣ того не сказали. Только одна старушка не утериѣла и сказала козачкѣ: »Эй козачка, козачка! видно, твой козакъ поздно съ походу воротился, что привезъ тебѣ подъ глаза такихъ гостинцевъ!«

А козачка по-своему козака покрывала: »Развѣ вы, голубушки-сосѣдушки, не знаете, что мой козакъ поздно съ походу пришелъ и заставилъ меня въ печи топить, вечерю готовить? а я пошла за дровами, да не туда потрапила и подбила себѣ глаза, ударившись объ жердь. Да еще я занимаюсь ремесломъ синельнымъ; ужъ оно миѣ порядкомъ надоѣло: какъ я помѣшивала краску, такъ запачкала себѣ подъ глазами.«.

А козакъ сидитъ въ корчмѣ, медь, вино пьетъ, корчму восхваляетъ:

»Гей корчмо, корчмо-княгине!
Чомъ-то въ тобі козацького добра багато гине?
И сама еси пеошáтно ходишь,
И насъ, козаківъ-цетягъ, підъ-случай безъ свитокъ водишь.
Знати, знати козацьку хату
Скрізь десяту:
Воца соломою не покрита.
Присною не осіпана,
Коло двора нечиста-ма и кола,
На дрівиті дровъ ні поліна.
Сидить въ ній козацька жінка, околіла.
Знати, знати козацьку жінку,
Що всю зиму боса ходить,
Горшкомъ воду носить,
Полонникомъ діти панувае!«

Вотъ еще одна изъ тѣхъ счастливыхъ находокъ, которыя, въ последнее время, такъ расширили кругъ нашихъ понятій о Малороссійской народной поэзіи. Честь и хвала г. Цѣговскому за его подвигъ! Спассти отъ забвенія памятникъ жизни своего народа есть истинный подвигъ, который ужъ и теперь имѣетъ полную важность въ глазахъ каждаго истинно просвѣщеннаго человѣка; но, когда не останется на свѣтѣ ни одного бандуриста — а это время близко — и когда слѣдовъ старосвѣтской жизни стануть ис-
кать только въ книгахъ и рукописяхъ, тогда имя каждаго соби-

»Эй ты, корчма, корчма-княгиня! зачѣмъ въ тебѣ много козацкаго добра погибаетъ? и сама ты не щеголяешь, и насъ, козаківъ-цетягъ, иной разъ безъ *свитокъ* (сермягъ) оставляешь. Замѣтна казацкая хата межъ десятью хатами: она соломою не покрыта, заваливою не обсыпана, возлѣ двора нѣтъ ни кола, надровосѣчь нѣту дровъ ни поліна. Сидитъ въ той хатѣ козацкая жена, околовши отъ холоду. Узнаешь тотъ-часъ и козацкую жену: она всю зиму ходитъ босая, она носитъ воду горшкомъ, она поить дѣтей изъ ложки!«

рателя произведеніи народной поэзіи будетъ имѣть что-то общее съ ихъ неизвѣстными творцами. Въ самомъ дѣлѣ, сочувствовать пѣснѣ, страствующей какъ спрота между людьми, и сберечь ее отъ забвенія — не то ли самое, что приютить живую душу, которая безъ нашей заботливости исчезла бы съ лица земли? Разширить своими открытіями кругъ историческихъ свѣдѣній — не значить ли сдѣлаться самому частью исторіи? Провести источникъ родного слова и духа къ будущимъ писателямъ — не значить ли быть двигателемъ ихъ успѣховъ? Уже и теперь произносятся съ почтеніемъ имена первыхъ собирателей нашихъ народныхъ пѣсень, которые записали ихъ отъ несуществующихъ болѣе бандуристовъ; и едва-ли князь Цертелевъ и гг. Максимовичъ, Срезневскій, Лукашевичъ и Метлинскій будутъ такъ долго жить въ литературныхъ преданіяхъ по своимъ произведеніямъ, какъ по записаннымъ и изданнымъ ими народнымъ пѣснямъ.

Читая думу о домашней жизни козака, не должно забывать, что она передана бандуристу Ригорѣнку Запорожцемъ. Что же это такое? сочиненіе Гетманскаго козака, перенесенное на Запорожье, или взглядъ Запорожца на жизнь козака-Гетманца?... Запорожье такъ сильно централизовалось само въ себѣ, что не могло усвоить пѣсни, выражающей чуждой ему взглядъ на вещи. Но если это — дума Запорожская, то зачѣмъ въ ней описывается не та жизнь, которая обружала »братчиковъ«? Чтобы рѣшить этотъ вопросъ, надобно вчитаться въ думу. Первые два стиха:

Не оди́нь коза́къ самъ собі шко́ду шко́дивъ,
Що відъ молоді́ жінки у військо́ ходивъ...

выражаютъ позднее раскаяніе одинокого »сѣромахи«, очутившагося безъ жены, безъ дома и безъ всякаго имущества (кромѣ развѣ бандуры подорожной да люльки-бурѣшки) посреди такихъ же бѣдныхъ забіякъ. Это — невольный вздохъ по прежнемъ, счастливомъ состояніи и вмѣстѣ исходный пунктъ речита-

тива. Выразивъ передъ слушателями такую мысль, можетъ быть, съ неосторожною искренностью, онъ продолжаетъ развивать ее, скрывая подъ комическими образами горькую правду. Это — песторія юноши, который со всѣмъ пыломъ первой любви предался молодой женѣ, но въ которомъ потомъ проснулася страсть къ молодечеству, къ козакованью, къ *лицарству*. Онъ началъ пропадать надолго изъ дому и шляться въ наѣздахъ на чужія земли. Жена безъ мужа — не хозяйка: у ней и печь по нѣскольку дней не топится, и борщъ плѣснѣваетъ подъ лавкою. Возвратясь домой, козакъ съ грустью и съ досадою видитъ вездѣ запустѣніе, колотить молодую жену, обращаетъ ее изъ подруги въ трепетную рабыню и, отвыкнувъ отъ тихой домашней жизни, отправляется гулять въ корчму. Тамъ онъ распиваетъ медъ и вино и по-видимому веселится, но въ буйныхъ рѣчахъ его слышны сарказмы на самого себя. Никто лучше его не чувствуетъ, какъ у него въ домѣ пусто и грустно. Онъ знаетъ, что не жена причиною этого запустѣнія и что она даже старается скрывать его собственную беспорядочность передъ сосѣдями. Онъ видитъ ясно, до чего она доведена его разгульною жизнью; но онъ ужъ не властенъ надъ самимъ собою. Корчма тянетъ его къ себѣ волшебною силою, и бѣдняга съ лирическимъ смѣхомъ восклицаетъ:

Гей корчмо, корчмо-княгинє!

Чомъ-то въ тобі козацького добра багато гине?

И самá еси нешáтно ходишь,

И насъ, козаківъ-цетягъ, нидь-случай безъ свитокъ водишь!

Гдѣ ему дѣваться послѣ того, какъ онъ пропьетъ все, чтó только можно пропить? Работать онъ отвыкъ, отъ козакованья отстать не хочетъ. Разумѣется, всего проще и удобнѣе идти ему туда, гдѣ не спрашиваютъ: откуда и зачѣмъ пришелъ? гдѣ не говорятъ: *Дурно хлѣбъ їси!* и куда прійдя, вотгни *рѣтище* въ землю, повѣсь *лицарку* (саблю) да и живи на готовомъ хлѣбѣ. (См. выше, стр. 151). Козакъ въ послѣдній разъ покидаетъ молодую жену

и навсегда расторгаетъ связи съ обществомъ, котораго онъ былъ негоднымъ членомъ. Онъ освобождается отъ всѣхъ обязательствъ, тяготившихъ его на Украйнѣ; онъ могъ бы быть спокоенъ и веселъ, какъ ребенокъ... Но тайный червь грызеть его сердце, и онъ, подъ видомъ похвалы своимъ молодечеству, рассказываетъ исповѣдь своей недостойной жизни. Таково, по-моему, происхожденіе и таковъ смыслъ этой драгоценной думы.

4.

ДУМА О ПОВѢДѢ ПОДЪ КОРСУНЕМЪ. (*)

(¹)

Ой обозвѣтця пань Хмельницькій,
Отаманъ - батько Чигиринський :
    »Гей друзі молодці,
    Браття козаки Запорозці!
    Добре дбайте, барзо гадайте,
Пизь Ляхами пиво варити зачпайте.
Лядський солодь, козацька вода;
Лядські дрова, козацькі трудя.«

Ой съ того пива
Зробили козаки зъ Ляхами превелике диво.
Підъ городомъ Корсунемъ вони станомъ стали,

(*) *Переводъ.* — Отозвался пань Хмельницькій, отаманъ-отець Чигиринскій : »Эй, друзья молодцы, братья козаки Запорожцы! подумайте хорошенько и начинайте варить пиво съ Ляхами. Ляшской солодь, козацкая вода; Ляшскія дрова, козацкіе труды.«

Съ того пива сдѣлали козаки съ Ляхами превеликое диво. Подъ го-

---

(¹) Начало этой думы (до 9-го стиха), забытое Ригоренкомъ, взято мною изъ варианта г. Копытько, напечатаннаго въ «Сборникъ Украинскихъ Пѣсень» М. Максимовича (стр. 67).

Підъ Стеблѣвомъ воші солодь замочили;
Ще й пѣва не зваріли,
А вже козакі Хмельницького зъ Ляхами бѣрзо посваріли.
За ту бѣржку
Счпніли козакі зъ Ляхами веліку дрѣчку;
За той *молотъ*
Зробіли Ляхі съ козаками превелікий кóлотъ;
А за той незнѣтъ-якій квѣсъ
Не одного Ляха козакъ, якъ - ой скѣрвого сѣна, за чѣба стрясъ.
Ляхі чогось догадѣлись,
Вілъ козаківъ чогось утікали,
А козакі на Ляхівъ наривали:
Ой вы, Ляхове,
Нѣські снѣове!
Чомъ ви не дождѣдете,
Нѣшого пѣва не допѣваете?»

Тогді козакі Ляхівъ доганіли,
Пана Потóцького піймали,
Якъ бѣрана звязали,
Та передъ Хмельницького гетьмана примчѣли:
»Гей пане Потóцький!
Чомъ у тебе й досі рóзумъ жіноцький?»

родомъ Корсунемъ они станомъ стали, подъ Стеблевымъ они солодь замочили, и не успѣли еще сварить пива, а ужъ крѣпко съ Ляхами повздорили. За ту бѣржку сильно подралісь козаки съ Ляхами; за тотъ *молотъ* поднялась у Ляховъ съ козаками страшная сватка; а за тотъ негодный квѣсъ не одного Ляха козакъ за чѣбъ, какъ негодя, встряхнулъ. Ляхи что-то смекнули и отъ козаковъ чего-то уходили; а козаки Ляховъ попрекали: »Ой вы, Ляхи, собачьи дѣти! что вы не ожидаете и нашего пива не допиваете!«

Догнали козаки Ляховъ, поймали пана Потóцкого, связали, какъ бѣрана, и привезли къ гетьману Хмельницкому: »Эй ты, пане Потóцкий! что у тебя до сихъ поръ умъ женскій? Не умѣлъ ты сидѣть въ Камен-

Не змівъ ти есі въ Камянськімъ Подільці пробувати,
Печеного поросяти, кўрпці съ перцемъ та зъ шафраномъ уживати,
А теперъ не зумієшь ти зъ нами, козака́ми, воювати
П житїєї солома́хн зъ тузлукомъ ⁽¹⁾ (уплітати).
Хиба́ велю тебе́ до рукъ Крїмському хану дати,
Щообъ навчили тебе́ Крїмські пагаї сиріи кобиляни жовати!»

Тоді Ляхи чо́гось догадались,
На Жидів на́рікали :
»Гей ви, Жидове,
Поганські си́нове!
На що-то ви вели́кий бунтъ, тревдо́и зривали,
На мїлю по три корчми становили,
Вели́кі мѣта бра́ли :
Відъ возово́го —
По півъ-золото́го,
Відъ пше́ного — по два гро́ши,
А ще не мшали їи се́рдешного ста́рця —
Видо́ирали пше́но та яйця!
А теперъ ви тіи́ ска́рби збіра́йте
Та Хмельни́цького іди́йте ;

скомъ Подольцѣ да їсть жаренаго поросенка и курицу съ перцемъ да съ шафраномъ : куда же тебѣ съ нами , козаками , воевать и питаться ржаную саламатой съ разсоломъ ! Ужъ не велѣтъ ли мнѣ выдать тебя Крымскому хану ? пусть научатъ тебя Крымскія пагайки жевать сухую конину !»

Тогда Ляхи что-то смекнули и Жидовъ попрекали : »Эй вы , Жиды , языческіе дѣти ! зачѣмъ вы подняли этотъ страшный бунтъ , эту тревогу ! зачѣмъ вы на одной мѣлѣ становили по три корчмы ! зачѣмъ брали большой мытъ : отъ воза по полу-золоту , отъ пше́ного по два гро́ша , не пропускали и бѣднаго нищаго , отбирали отъ него пше́но и яйца ! Сооби-

---

(1) Сирівцѣмъ, розсѣломъ на рибу. *Прим. и.*

Ато, якъ не будете Хмельницького іднати,
То не зарікайтесь за річку Віслу до Полонного прудко тікати.»

Жидове чогось догадались,
На річку Слѹчу тікали.
Которі тікали до річки Слѹчи,
То погубили чоботи й онучи;
А которі до Прѹта,

То була відь козаківъ Хмельницького доріженька барзо крута.

На річці Слѹчі
Обломали мість идучи,
Затопили усі клейноди
И всі Лядські бубни.
Которі бігли до річки Рѹсі,
То зостались голі й босі.

Обізвѣтця первий Жидъ, Гичикъ,
Та й хашаетця за бичикъ.
Обізвѣтця другий Жидъ, Шлѣма:
»Ой я жъ пакъ не бѹду на сабасъ дома!
Третій Жидъ озовѣтця, Оврамъ:
»У мене невеличкій крамъ:
Шпилькі, голкі,

райте же теперъ свои сокровища да смягчите Хмельницькаго, ато придется вамъ уходить опретью за Віслу въ Полонное!

Жиды что-то смекнули и уходили къ рѣкѣ Слѹчи. Кто уходилъ къ Слѹчи, тѣ растеряли сапоги и онучи! кто уходилъ къ Пруту, тѣмъ пришлось на дорогѣ отъ козакѣвъ Хмельницькаго очень круто. Какъ переходили черезъ рѣчку Слѹчъ, обломался мостъ, и потонули все драгоцѣнности и все Лядскіе бубны. Кто бѣжалъ къ рѣкѣ Роси, тѣ остались голы и босы. Вскрикнулъ первый Жидъ, Гичикъ, и схватился за бичикъ. Вскрикнулъ другой Жидъ, Шлѣма: »Ой не быть мнѣ къ шабашу дома!« Вскрикнулъ третій Жидъ, Аврамъ: »У меня мелкій крамъ (товарь): шпильки, иголки, кремни да трубки. Я свой крамъ сложилъ въ

Креміння, люлькі.
Такъ я свій крамъ
У корóбочку склávъ,

Та козака́мъ пятами нажива́въ.«⁽¹⁾
Обі́звѣтця четвѣртий Жидь, Давідко :

»Ой бра́те Лейбо ! уже́ жь пакъ изъ-за горі коза́цькі коро́вві відко !«

Обі́звѣтця п'ятій Жидь, Ю́дко :

»Ну́мо до Полóнного утíкати прудко !«

Тогді Жидь Лейба біжítь,
Ажъ живіть дріжítь;

Якъ на шко́лу погляне,
Е́го сѣрце Жидівське зів'яне :

»Эй шко́ло жь мо́я, шко́ло мурòвана !

Тепѣрь тебѣ ні вь па́зуху з'я́ти,

Ні вь кишѣню слов'ати,

Але́ жь доведѣтця Хмельницького козака́мъ на ср'ачъ, на бала́ки покида́ти !«

Оте́е, панóве - молодці, надь Полóннимъ не чо́рна хма́ра встав'ала ;

Не одна́ п'ані - Ля́шка удово́ю зоста́лась.

Озовѣтця одна́ п'ані - Ля́шка :

коробокъ, и ушелъ отъ козаковъ. »Вскрикнулъ четвертый Жидь, Давидко : »Ой, братъ Лейба ! уже видать изъ-за горы козацкія хоругви !« Вскрикнулъ пятый Жидь, Юдко : » Ой уйдемъ поскорѣе въ Полонное !«

Жидь Лейба бѣжитъ, и животь у него дрожитъ. Какъ взглянетъ на школу, такъ его Жидовское сердце и занеетъ : »Эй ты, школа моя, школа камешная ! ни въ пазуху тебя не забрать, ни въ карманъ тебя не спрятать ! придется тебя подарить козакамъ Хмельницкаго на самую поносную потребу !«

И не черная туча, паны молодцы, встала надъ Полоннымъ ; не одна п'ані - Полька осталась вдовою. Вскрикнула одна п'ані - Полька : »Нету

---

(1) Этотъ стихъ исправляетъ несообразность списка г. Копытько. Тамъ сказано :

»Нема́ мого́ пана́ Яна!

Де́сь ёго́ звязáли козаки́, якъ - бѣ́ барана́,

Та повелі́ до сво́го гетьма́на.»

Озовѣ́тця дру́га пани́ - Ля́шка :

»Нема́ мого́ пана́ Кардаша́!

Де́сь ёго́ Хмельни́цького козаки́ повелі́ до сво́го коша́.»

Озовѣ́тця тре́тя пани́ - Ля́шка :

»Нема́ мого́ пана́ Яку́ба!

Де́сь (узяти́) Хмельни́цького козаки́ та либо́нь пові́сили ёго́ де́сь на дубі́.»

Возра́щаю́сь къ мои́мъ запи́снымъ кни́жкамъ.

Малороссі́янини́тъ-старикъ́ бо́льшею ча́стью угрю́мъ и ва́женъ, особливо́ съ чело́вѣкомъ не сво́его зва́нія, и отъ кото́раго, при́томъ, онъ ни́ сколько́ не зави́ситъ. Но, пере́правля́ясь, въ де́сяти верста́хъ ни́же Кана́ва, че́резъ Ди́бпръ на ло́дкѣ́, я нашелъ́ въ сво́емъ сѣдо́усомъ Ха́ронѣ́ весела́го балагу́ра, и въ мо́ей запи́снóй кни́жкѣ́ остало́сь два́ изъ его́ разска́зовъ.

I.

МАЛОРОССИЙСКОЕ НЕ ЛЮБО — НЕ СЛУШАЙ. (*)

Якѣ́ бувъ я ще́ па́рубкомъ́, а дідъ́ тоді́ ще́ невели́чкимъ́ бувъ, а ба́тька́ ще́ на сві́ті не бу́ло, то діду́сь покійни́къ, бу́ло, пита́етця: »А що́ бу́демъ, си́ну, робі́ти? зи́ма хо́лодна.»

мого́ пана́ Яна!́ видно́, связа́ли его́ козаки́, какъ́ барана́, и повелі́ къ сво́ему гетьма́ну«. Вскри́кнула дру́гая пани́ - Полька́: »Нѣ́тъ моего́ пана́ Кардаша́!́ видно́, козаки́ Хмельни́цькаго́ увелі́ его́ въ сво́й станъ́«. Вскри́кнула тре́тья пани́ - Полька́: »Нѣ́тъ моего́ пана́ Яку́ба!́ видно́, взяли́ его́ козаки́ Хмельни́цькаго́ и пові́сили на дубѣ́.»

(*) Оставляю́ эту́ статью́ безъ́ пере́вода, потому́ что́ всѣ́ ея́ досто́инства за́ключаются́ въ́ коми́ческихъ, неудо́бныхъ́ для́ пере́дачи на дру́гомъ́ язы́кѣ́ выра́женіяхъ́ и въ́ непереводи́мой и́грѣ́ словъ́.

То я, було, діда ражу: »Поїдьмо«, кажú, »дідусю, въ лiсь да варубаємъ дрóвъ.«

»Поїдьмо, такъ и поїдьмо.«

А въ насъ бпчечки невеличкі собі були, такъ — мójпа на пригорцъ було взятъ. Поїхали въ лiсь. Дивлюсь, ажъ ломачця така велика кúна! Я стúвъ сокірою въ те ломачче! а ведьмідь звідтиля, съ того ломачця! Коли я въ те ломачче, ажъ шéстеро яєць. Якъ узяли ми зъ дідомъ, то дрúчемъ на візь не скотíли, да вже я лéдві не лéдві въ шанку забравъ; такі великі.

Оттó принієь додóму. А въ насъ, якъ на те, прáвда, свиня квоктала. Отъ я підсипавъ підъ ту свиню, а вона й відлунила мині шість волівъ, такъ якъ соколівъ.

Тоді вже якъ узяли ми зъ дідомъ тимі волáми поле орать да хлiбъ сiятъ... да и вродило жъ дóбре! Вийдемъ, було, зъ дідомъ на поле, то то чужè, а то не наше; то чужè, а то не наше.

Якъ узяли жъ ми женцівъ збирáть, такъ, Бóже мiй милостивий! щó-то ми того женця зобрáли! ажъ одну бáбу. Якъ онажинала вона намъ кiпъ... Бóже милостивий, скiлько кiпъ!

А дiдъ покiйникъ и питаєтця въ мене: »Де жъ ми«, каже, »сiну, бúдемъ скиртi складáти?«

А я кажú: »Ажé жъ у насъ бóменъ великий, то на бóменi скиртi складемо, а на печi молотитимемъ.«

Якъ же вклóнулася та проклáта кúзьба, мiшин, да такъ же вклóнулася! А въ насъ, признáтьця, кiтъ дóбрый бувъ. Якъ махнувъ вiць по бóмену, якъ удáрить хвостóмъ, а наши скиртi да въ помiйшвицю!...

А тутъ ужé й бáтько пiдрiєь. Дажъ мáти, було, все лóбить молоко пáрене, а ми все кiсле. То мáти, було, по селú пáрить-пáрить, а ми въ зáничку кiснемъ-кiснемъ!

А бáтько, прáвда, рибáлка дóбрый бувъ: кiне úдочку въ чужú бúдочку, то й тiгне не кожúхъ, такъ свiточку.

Отъ ми й розжилиєь. Такъ бáтько й каже: »У тебе мáти вмéрла, а въ мéне жiвка, то поставимо обiдъ.«

Якъ узяли жъ ми збирáть людéй на обiдъ, да съ такимъ дого-

вóромъ, щобъ була своя лóжка, и хлѣбъ, и сѣль. Отó якъ найшло наро́ду, такъ, Бóже милостивий! ажъ два чоловіка. Дакъ бáтько й каже: »Засóлимъ же о́це озерце́, то ви́йкте щерби́чку, а насподі́ буде ри́ба.«

Дакъ ті́ лю́де не здя́вовались.

2.

СВРЫЕ ГУСИ ИЗЪ ВЪЛОИ РУСИ. (*)

Отó óре чоловікъ у полі, ажъ іде Царь. Чоловікъ доходить до шляху, а Царь зовѣ ёго: »Діду«, ка́же, чи я́въ тамъ.

»Чого́, па́не?« [бо тоді́ ще не було сѣхъ благо́родній, а за́просто *па́не* да й тѣлько.] »Чого́«, ка́же, »па́не?«

»Чи давнó, діду, на горі́ лягли́ сні́ги?«

»Давнó, па́не: го́дівъ пяти́дцять, абó й два́дцять.«

[А се бѣ́ то, бачъ: чи давнó голова́ посѣ́вила?]

»Э!« дýмае собі́ Царь. »А чи давнó«, ка́же, »пішла́ вода́ съ́пидь гиръ?« [Зъ ви́шчого, бачъ, рóзуму закида́е кручка́. Зи́нешъ, у старі́хъ люде́й, такъ слѣ́зи зъ очей́ іду́ть.]

»Давнó«, ка́же, »го́дівъ де́сятокъ бу́де.«

(*) *Переводъ.* — Пашеть въ полѣ́ мужикъ, смотритъ — Царь ѣдетъ. Мужикъ подходит (за плугомъ) къ доро́гѣ, а Царь зоветь его: »Старикъ!« говоритъ, — или какъ-нибудь ина́че его назва́ль. — »Чего, па́нъ?« [Въ то время́ еще не было *благо́родій*, а просто *па́нъ*, да и все тутъ]. »Чего, па́нъ?« говоритъ мужикъ. »Давно ли, старикъ, ле́гли на гора́хъ снѣ́га?« — »Давно, па́нъ: лѣ́тъ будетъ пята́дцать, или два́дцать.« [А оно, видишь, значить: давно ли голова́ носѣ́дѣла?] »Э!« думаетъ про се́бя Царь. »А давно ли«, говоритъ, »пошла́ изъ-подъ горъ вода́?« [Закидываетъ, видишь, кру́чекъ съ́ высшего ума-разума. Уста́рыхъ, значить, люде́й слезы́ изъ гла́зъ теку́ть.] »Давно«, говоритъ мужикъ: »лѣ́тъ де́сять у́жъ будетъ.« — »О, да это́ не проста́къ стари-

»Ә, да се жъ и дідъ собі вдався!«... Питаетця ще: »Чи багато на небі звїздъ?»

Каже: »Пасъ волі да все лічївъ, а передъ світомъ заснўвъ, то її не долічївъ.«

»Оце знайшовъ діда!« думасе собі. »Гляді жъ«, каже, »чоловіче, залетятъ сірі гуси зъ Білої Русі, то піддері хорошенько!«

»Добре«, каже, »якъ живъ буду, то піддеру.«

И поїхавъ собі...

Отó приїшовъ у сенатъ. А тамъ старикї такі сидятъ... звісно сенатори. Отъ вінъ зразу: »А чи давно лягли сніги на горахъ?»

Тїі тамъ думали-думали. А вже бачить, що вже старі, да нічого не втнўть... Вони тамъ до книгъ, вони до Богословїї; перекїдають, книжки ламають: Оттакъ Богъ создавъ небо, оттакі річки... Ні, не втнўть!

»Әгє!« каже, »пошліть до такого її такого старичка—вінь скаже.«

Ну, а грошей до смўтку въ тихъ членївъ. Отъ вони вїбрали поштаря, далі єму кїлько тамъ тїсячъ: »Дуї!«

чокъ!« думаєть Царь и спрашиваєть еще: »Много ли на небѣ звѣздъ?« — »Пасъ«, говоритъ, »я воловъ и считалъ, а передъ разсвѣтомъ уснулъ и не дочелъ.« — »Ну, потрафилъ я на старика!« думаєть Царь. »Смотри же, мужичокъ«, говоритъ онъ ему, »какъ залетятъ сюда гуси изъ Бѣлой Руси, то поддержи хорошенько!« — »Хорошо«, говоритъ тотъ, »коли живъ буду, то поддеру.«

Царь и поѣхалъ своимъ путемъ. Пришелъ въ сенатъ. А тамъ все старики сидятъ... извѣстно, сенаторы. Онъ тотъ-часъ: »А давно легли снѣга на горахъ?« Тѣ долго думали. А Царь видить: и старики, да ничего не могутъ сказать ему... ужъ они и въ книги, ужъ они и въ Богословію заглядывали: перелистываютъ, ломаютъ книги: »Вотъ какъ Богъ мїръ сотворилъ, вотъ такія и такія рѣки«... Нѣтъ, ничего не сдѣлаютъ да и только. »То-то!« говоритъ Царь. »А вотъ пошлите къ такому-то старику — онъ вамъ скажетъ, въ чемъ дѣло.« Ну, разумѣется, денегъ

Убігъ той у сельцѣ, спитавсь: »Чи живъ такий и такий старикъ?»

»Живъ«, кажутъ.

До ёго заразъ: »Здоровъ, дѣду!«

»Здоровъ, пане!«

»Пусті на кватѣру.«

»Ідьте, пане.«

»Сіно, овесъ ёсть?»

»Есть, пане.«

»Ну, такъ пусті на кватѣру.«

»Ідьте«, каже, »пане.«

Отó заіхавъ. Заразъ пославъ за горілкою [ще треба якось-нёбудь кручкѣ закінуть. А якъ явѣго, то й горілкою не обмануишь]. Питаетця отó: »Чи знаєшь, дѣду, давнó на горі лягли свіги?»

»А якъ же не знать?»

»А чп знаєшь«, каже, »давнó пішла вода съ-підъ гирь?»

»Да знаю«, каже, »коли й вода, коли й щó.«

А тутъ того й прихавъ.

Кинулось дѣду въ голову: »Оцѣ, мѣже, той панъ приславъ!«

»Щó«, каже, »тобі дати, щобъ сказавъ?»

бездна у этихъ *членовъ*. Выбрали они почтаря, дали ему нѣсколько тысячъ: »Валяй!»

Прискакалъ почтарь въ деревушку, спрашиваетъ: »Живъ такой-то старикъ?» — »Живъ«, говорятъ. Тотъ-часъ къ нему: »Здорово, старикъ!« — »Здорово, панъ!« — »Позволь взѣхать на дворъ.« — »Взѣзжайте, панъ.« — »Сіно, овесъ есть?» — »Есть, панъ.« — »Ну, такъ позволь взѣхать на дворъ.« — »Взѣзжайте, панъ.« Взѣхалъ почтарь къ нему. Тотъ-часъ послалъ за водкою [Надобно, видите ли, какъ-нибудь зацѣниться. А иногo и съ водкой не проведешь]. Вотъ и спрашиваетъ: »Знаешь ли ты, старикъ, какъ давно легли свѣга на горь?» — »Какъ не знать?» — »А знаешь, какъ давно пошла вода пзъ-подъ горь?» — »Знаю«, говоритъ, »и это, и все.« [А онъ затѣмъ и пріѣхаль.] Старикъ и смекудъ: »Видно, это тотъ панъ приславъ!« — »Чтó

»Тисячу рублівъ«, каже, »то скажѹ.«

Тягне той тисячу съ карма́на: »Кажі, старі́къ!«

А дідь: »Постій!«, каже, »заховаю гро́ши въ комо́ру.«

Захова́въ.

»Ну«, каже, »старі́къ!«

»Ото́ такъ, па́не: Оце́, що сні́ги впали, то то па́ша голова поси́віла...«

Той дівитця: »Оце́«, каже, »такъ!«

»А то«, каже, »що вода́ пішла съ-підъ гі́рь, то то въ ста-ро́го чолові́ка — такъ хочъ-би и въ ме́не — слэ́зи почали́ йти зъ очі́й...«

Той тоді: »Го́споди! оце́ такъ!« каже.

»Відкиля́«, каже, »ви, па́не?«

Ка́же: »Зъ Петнбу́рха.«

»Ге!... Якъ«, каже, »і́хавъ боли́сь якійся па́нь; я«, каже, дохо́жу до шля́ху, а вінъ почавъ мене́ питать, а я ё́му одві́чавъ. Питавъ: »»Чи давнó наго́рахъ сні́ги лягли!«« А я ё́му одві́чавъ: »»Го́дівъ съ пята́дцять, або й зъ двáдцять.«« Питавъ: »»Чи давнó »пішла вода́ съ-підъ гі́рь?«« А я ё́му отта́къ, отта́къ одві́чавъ. То вінъ

ты возьмешь за то, что скажешь мнѣ?« — »Тысячу рублей дашь, такъ скажѹ.« Вытаскиваетъ почтарь тысячу рублей: »Говори, старикъ!« А старикъ: »Погоди«, говоритъ, »спрячу сперва деньги въ *комо́ру* (чуланъ).« Спрягалъ деньги. »Ну, старикъ!« — »Во́тъ въ чемъ дѣло, пань. Вышали снѣга, — это значить — наша голова посе́дѣла.« Тотъ смотритъ на него: »Вотъ те на!« говоритъ. »А вода пошла изъ-подъ горь, — это значить — у старика, вотъ хоть у меня, слезы начали идти изъ глазъ... А почтарь: »Господи! вотъ те и загадка!« — А откуда вы, пань?« спрашиваетъ мужикъ. »Изъ Петербурга.« — »Аа!« говоритъ. »Проѣзжалъ здѣсь какой-то пань; я«, говоритъ, »подхожу къ дорогѣ, а онъ началъ меня спрашивать, а я ему отвѣчалъ. Спросилъ онъ: »»Давно ли на горахъ снѣга легли?«« а я отвѣчалъ: »»Лѣтъ пята́дцать, или двáдцать.«« Спросилъ: »»Давно ли пошла вода изъ-подъ горь?«« а я ему такъ-то отвѣчалъ. Такъ онъ и говоритъ мнѣ: »»Смотри же, ста-

и сказавъ: »Гляді жъ, діду, залетять гуси зъ білої Русі, то підде-
рїи хорошенъко!« « А я ёму ї кажу: »Якъ буду живъ, то піддеру.« «

Тоді той поштаръ назадъ: »Оттакъ и такъ, панове!«

Тіи ажъ за голову вхопїлись: »Що бъ намъ було такъ ка-
зати! Мужикъ, да давъ Царю одвїтъ!«

Эгѣ, и зъ нашимъ братомъ часомъ не жартуй!

Надобно сознаться откровенно, что, страпствуя пзъ села въ село по Малороссійскимъ губерніямъ въ періодъ моеї юности, я рѣдко имѣлъ въ виду собственно науку. Меня увлекала поэтиче-ская сторона жизни народа. Я гонялся за драмою, которую разыгриваетъ мелкими отрывками цѣлое Малороссійское племя. Мнѣ нужно было видѣть постановку сельской жизни на театрѣ приро-ды; и то, что внесъ я въ свои записныя книжки, составляетъ толь-ко малую часть моихъ изученій, которыя управлялись постоянно однимъ только чувствомъ — непреодолимымъ желаніемъ видѣть и слышать народъ въ разнообразныхъ особенностяхъ единиць его. Если въ этомъ желаніи заключались и побужденія чисто научныя, то источникомъ ихъ была всё-таки чистая любовь къ человѣку, въ его простой, сельской жизни.

Само собою разумѣется, что города, села и мѣста, пзвѣст-ныя въ исторіи, привлекали меня къ себѣ преимущественно предъ прочими, и я съ душевнымъ волненіемъ находилъ въ нынѣшнемъ народонаселеніи слѣды и объясненіе жизни бывшихъ поколѣній. Въ этихъ мѣстахъ, по выраженію лицъ, по хваткамъ и рѣчамъ, я живѣе обыкновеннаго воображалъ, каковъ долженъ былъ быть

»рикъ: какъ залетять къ тебѣ гуси пзъ Бѣлої Русі, то поддержи ихъ хоро-
шенъко!« « А я сказалъ ему: »Если буду живъ, то поддеру.« «

Тогда почтаръ назадъ: »Вотъ въ чемъ дѣло, господа!« Тѣ и за го-
лову схватились: »Ну, какъ это намъ не пришло въ мысль! Мужикъ
далъ Царю отвѣтъ, а мы не дали!«

Да, и съ нашимъ братомъ иной разъ не шути!

Малороссіянинъ подъ широкимъ вліяніемъ и при другихъ обстоятельствахъ. Тутъ этнографія сливалась для меня въ одну науку съ исторіей, а исторія разоблачалась въ своихъ этнографическихъ послѣдствіяхъ. Наши кабинетные люди, повторяя одинъ другого, говорятъ, что въ Малороссіи не осталось почти никакихъ памятниковъ старины. Но самъ народъ — такой памятникъ своей прошедшей жизни, который лучше всякаго произведенія искусствъ вводитъ насъ въ познаніе того, какъ онъ существовалъ до настоящаго момента. Надобно только всмотрѣться въ нравственный его образъ, котораго разсѣяныя черты собираетъ и объясняетъ для насъ этнографія.

Я уже былъ въ Бѣлой Церкви, въ Кореунѣ, въ Кумейкахъ, гдѣ борьба племенныхъ убѣжденій запечатлѣна смертью многихъ тысячъ ихъ защитниковъ. Наконецъ я вѣхалъ въ Черкасы, — городъ, по которому старинные Великороссіяне называли всѣхъ своихъ южныхъ соплеменниковъ *Черкасами*. Съ какаго времени утвердилось на сѣверѣ мнѣніе, выражаемое этимъ именемъ, неизвѣстно; но замѣчательно, что неграмотные обитатели Малороссіи никогда не усвоивали себѣ имени *Черкасѣ*, точно такъ же, какъ и имени *Русскихъ*. Малороссійяне простолюдины, на вопросъ: «Откуда вы?» будутъ отвѣчать: Пзъ такой-то губерніи; но на вопросъ: «Кто вы? какой народъ?» не найдутъ другого отвѣта, какъ только: *«Люде такъ собі народъ та и іоді.»* — «Вы Русскіе?» — *«Ні.»* — «Хохлы?» — *«Якїи жѣ ми Хохли?»* (Хохоль — слово бранное, и они его отвергають). — Малороссіяне? » — *«Що то за Маросіянє? намъ ёго и вимовить трудно»* (Малороссіянинъ — слово книжное, и они его не знаютъ). Словомъ, земляки наши, предоставляя называть себя Русью, Черкасами и чѣмъ угодно, сами себя называютъ только *людьми* и не присвоиваютъ себѣ никакого собственнаго имени... Но возвратимся къ городу Черкасамъ.

Относительно населенія и устройства домовъ и улицъ, это таковой же городъ, какъ и всѣ уѣздные города въ Малороссіи. Тѣ же успія челоуѣка вытѣснить украшенія природы, ничѣмъ не замѣ-

нивъ ихъ; та же дисгармонія въ быту высшего сословія и удаленіе отъ сельской простоты низшаго; та же архитектура домовъ, занимающая уродливую средину между національною хатою и иноземнымъ стилемъ построекъ. Я воображаю себѣ положеніе этнографа, живущаго въ столицѣ и пріѣхавшаго сюда на почтовыхъ, съ цѣлью изучить Малороссійскіе нравы въ самомъ гнѣздѣ Малороссійской народности, собрать пѣсни, новѣрья и преданія о старинѣ на мѣстахъ, наиболѣе извѣстныхъ въ исторіи. Онъ необходимо долженъ занять квартиру въ домѣ Жюда, или Велико-россіянина, потому-что коренные жители уступили пришельцамъ первенство въ промышленности, слѣдовательно и въ богатствѣ. Самы они живутъ въ чистенькихъ, но убогихъ хаткахъ, въ которыхъ барину-этнографу было бы крайне неудобно провести нѣсколько дней. Расположась въ своей квартирѣ, онъ приступаетъ къ справкамъ о старикахъ, которые могли бы поразсказать ему о прежнихъ временахъ. Ему указываютъ на извѣстные лица между мѣщанами, и они, по его приглашенію (которое принимаютъ за требованіе) являются. Это — сѣдые старики съ длинными бородами и волосами, похожіе скорѣе на монастырскихъ отшельниковъ, нежели на мірянъ, которые обыкновенно бороды брѣютъ и носятъ усы. Видъ ихъ внушаетъ далекому путешественнику уваженіе. Онъ усаживаетъ ихъ у себя на стульяхъ и начинаетъ распрашивать о старинѣ, о пѣсняхъ, объ обрядахъ и тому подобномъ. Старики, вовсе не ожидавшіе отъ столичнаго господина подобныхъ распросовъ, дивятся его рѣчамъ, взглядываются между собою, значительно покачиваютъ головами, какъ-бы говоря: »*О, да се дѣбра казючка!*« и отвѣчаютъ на его вопросы уклончиво и безтолково, такъ что онъ, потерявъ съ ними безъ пользы часъ, или два, отпускаетъ ихъ во-свояси. Въ городѣ между тѣмъ распространяется слухъ, что кто-то пріѣхалъ изъ Петербурга, изъ Москвы, или изъ Кіева и потребовалъ къ себѣ такихъ-то людей. Досужія головы дѣлаютъ на счетъ цѣли его пріѣзда самыя дикія заключенія. За нимъ слѣдятъ глазами изъ всѣхъ домовъ, лишь только онъ появится на улицѣ. Всѣ на сторожѣ; всѣ опасаются

съ его стороны какихъ-то тайныхъ, непріязненныхъ дѣйствій: и этнографъ нашъ, проскучавъ сутки двои-трои въ уѣздномъ городѣ, гдѣ ему нечего было дѣлать съ жителями высшего и низшаго сословія, уѣзжаетъ съ немногими нотабенами въ своей книжкѣ и съ общимъ впечатлѣніемъ пошлости, безцвѣтности и безхарактерности Малороссійскаго населенія уѣздныхъ городовъ.

А сущность дѣла совсѣмъ не та. Простолюдины-горожане конечно теряютъ у насъ много того, что составляетъ прелесть общаго характера поселянъ; они *цивилизуются*, въ худшемъ значеніи этого слова, и забываютъ свой языкъ, свои обряды, пѣсни и преданія. Но между ними можно иной разъ встрѣтить людей стараго вѣка, къ которымъ не пристанетъ никакая цивилизація, или простаковъ, неспособныхъ гоняться за корыстью и въ сношеніяхъ съ прасолами усвоивать себѣ ихъ вкусъ относительно одежды, хватокъ и языка. Только этихъ людей надобно почитать прилежибе, а найдя, умѣть обойтись съ ними. Какъ это дѣлается, я не знаю рецепта и, въ утѣшеніе всѣхъ выступающихъ на трудное поприще народозелѣдователя, скажу, что не разъ я самъ игралъ роль столичнаго этнографа; не разъ я чувствовалъ себя пристыженнымъ и раздосадованнымъ послѣ неудачныхъ попытокъ завязать довѣрчивый разговоръ съ сѣдобрадыми старцами; не разъ я уходилъ изъ хаты поселянина съ сознаніемъ неумѣнья показать себя тѣмъ, что я есть, и съ увѣренностью, что подалъ своимъ посѣщеніемъ поводъ къ безпокойному подозрѣнію себя въ томъ, къ чему я неспособенъ, а пожалуй и къ простодушнымъ насмѣшкамъ надъ тѣмъ, что было мною говорено отъ искренняго сердца.

Въ Черкасахъ, однакожь, этого со мною не случилось. Едва успѣлъ я осмотрѣть городъ, какъ очутился самымъ естественнымъ путемъ посреди свидѣтелей старины и добродушнѣйшихъ о ней разскащиковъ. Пробравшись изъ центра города въ тѣ улицы, которыя напоминаютъ деревенскіе виды и выходятъ въ поле, или обанчиваются какой-нибудь пустынной рощею, косогоромъ съ старыми грушами и т. п., я остановился у колодца и началъ

наблюдать приходящей къ нему народъ. Для полуразнаго заѣзжаго это лучшіе пункты въ селахъ и въ похожихъ на села городахъ. У колодцевъ почти всегда растутъ вербы, или другія деревья, о которыхъ, разумѣется, никто не прилагалъ и не прилагаетъ попеченія. Уѣвшисъ въ тѣни этихъ деревъ, вы ужъ получаете въ глазахъ приходящихъ за водою значеніе человѣка, занятаго своимъ дѣломъ, а не разнаго вѣдывателя подноготной: вы отдыхаете, и, въ качествѣ отдыхающаго человѣка, вамъ можно балагурить съ приходящими, какъ балагурятъ они между собою, и вы не удивите никого вопросомъ о Гайдамакахъ, о Запоржцахъ, о Хмѣльницкомъ и о чемъ вамъ угодно, лишь бы только не рѣзко перейти къ такому вопросу. Въ вашемъ положеніи это естественно: вы отдыхаете, и вамъ скучно молчать.

Въ такомъ выгодномъ положеніи находился я, когда, послѣ нѣсколькихъ перемѣнъ дѣйствующихъ лицъ у колодца, пришелъ за водою сѣдоусый человѣкъ, въ сѣбонномъ жилетѣ, очевидно передѣланномъ изъ солдатскаго мундира. Онъ отличался необыкновенною говорливостью, такъ что не пропустилъ ни одной дѣвухи, ни одной молодицы изъ стоявшихъ у колодца (а поселанки наши всегда любятъ постоять съ порожними и полными ведрами въ этомъ мѣстѣ встрѣчь и пересказыванья новостей) и приравлялъ свои вопросы и отвѣты такимъ пословицами и поговорками, отъ которыхъ все единодушно хохотали. Рѣдко можно встрѣтить у насъ между стариками такое веселое выраженіе лица, какъ у этого говоруна. Онъ слылъ у своихъ сосѣдей за *шутника* и за такога человѣка, съ которымъ забудешь, зачѣмъ ходятъ къ колодезю. Такъ объявили о немъ другъ другу носильщицы воды и разбѣрились въ разныхъ направленіяхъ по зеленымъ взгорьямъ, перекидываясь съ нимъ еще и издали шутками и остротами.

Я попросилъ у него напиться воды и былъ спрошенъ, откуда я. (Онъ тотъ-часъ увидѣлъ, что я человѣкъ заѣзжій.) Я выдалъ себя за живописца, ѣдущаго изъ Кіева въ несуществующее на картѣ село расписывать иконостасъ. Это одна изъ лучшихъ рекомендацій въ глазахъ Малороссійскаго простолюдина, такъ какъ онъ

распространяетъ святость иконъ и на самое ремесло иконописца. Разговоръ зашелъ о Кіевѣ, въ которомъ рѣдкій изъ поселянъ не былъ на богомольи, потомъ о городахъ по пути къ Кіеву и наконецъ о Черкасахъ. Старикъ указалъ мнѣ, гдѣ стоялъ замокъ, то есть деревянный острожокъ, окруженный валомъ и рвомъ, и намекнулъ на нѣкоторыя обстоятельства прежнихъ временъ тономъ человѣка, слыхавшаго довольно разсказовъ о старинѣ. Любопытство мое было возбуждено въ высшей степени, но я казался спокойнымъ и не смѣлъ его спрашивать. Наконецъ онъ объявилъ, что жінка ждетъ его съ водою и что пора уже обѣдать. Я поднялся съ нимъ вверхъ по покатої улицѣ, продолжая бесѣдовать о его хатѣ, которою онъ былъ очень доволенъ, о его левадѣ, или огородѣ, которымъ онъ былъ такъ-же очень доволенъ, и о его жинкѣ, которою онъ былъ довольнѣе всего. Жінка его была въ молодости горничной дѣвушкой у какой-то барыни, и Василь Судѣнко (имя старика) гордился не мало женитьбой на такой, знатной, или вѣрнѣе — на такой образованной особѣ.

»Отъ моя хата!« (говорилъ онъ, указывая рукой черезъ плечень, въ которомъ сдѣланъ былъ перелазъ.) »Тутъ у менѣ всё колло хати, чогу душа бажае. Отъ и кѹри ходятъ, отъ и теля, — а корову вигнали въ череду — отъ у менѣ й жито росте передъ хатою... вийди съ хати та й жни... усея благодать Бѳга!

Я попросилъ позволенія зайти къ нему, и этимъ очень одолжилъ его. У него и у самого была уже такая думка, чтобъ зазвать меня къ себѣ обѣдать, да какъ-то не осмѣлился, потому что не зналъ, каково оно мнѣ покажется. Онъ человѣкъ простой, хоть и цеховой мѣщанинъ, хоть и портной, а не то, чтобы такъ себѣ *покидька*; но всё же видитъ — человѣкъ я не ихъ званія; можетъ быть, привыкъ сидѣть за столомъ съ великими панамы; такъ оно какъ-то показалось ему и *сумнительно*.

»А жінка моя (продолжалъ онъ) варить борщъ такой, що

хоть би и городничому. Вона у панів довго жила и поважувалась усяких пánських роскóшівъ.»

Дѣйствительно борщъ оказался такимъ, что хоть бы и городничему; но анетить мой сильно пострадалъ отъ волненія, съ которымъ я слушалъ рассказы Василя Суддѣнка о его отцѣ, служившемъ въ городскихъ козакахъ во время Коліивщины. Эти рассказы были исполнены для меня неовисапаго очарованія: я слышалъ въ нихъ еще незамолкнувшій голосъ былой жизни, о которой до насъ дошли только книжныя извѣстія. Василь Суддѣнко пересказывалъ рѣчи отца, принятія имъ съ впечатлительностью дѣтства и, можетъ быть, заимствовавшія оттѣнокъ его собственнаго воображенія. Когда я сказалъ, что все это такъ интересно, что жаль было бы позабыть — а у меня-де плохая память — и принялся записывать, Василь Суддѣнко объявилъ мнѣ, что, если я такъ люблю рассказы о старинѣ, то мнѣ надобно послушать его тестя, Харкѣ Цехмістера, который самъ видѣлъ Зализняка и зазнаеть Богъ занаеть какія времена.

Черезъ нѣсколько времени явился къ намъ и Харкó Цехмістеръ, старикъ самой почтенной наружности — въ черной свитѣ съ кобенякомъ, съ бѣлою, длиною бородою. Онъ былъ ужъ очень старъ, но держался на ногахъ крѣпко, говорилъ чрезвычайно ясно и, когда описывалъ что-нибудь поражавшее его въ молодости, глаза его оживлялись юношескимъ огнемъ. Онъ былъ не прочь познакомиться съ моимъ штофникомъ, который давно уже стоялъ на столѣ и съ которымъ Василь Суддѣнко ветупилъ въ самыя пріятельскія отношенія. Память его не только не пострадала отъ хмѣлю, скоро подѣйствовавшаго на его престарѣлую голову, но еще отъ него прояснилась, и онъ припоминалъ самыя мелкія подробности изъ своихъ давнишнихъ впечатлѣній. Не пужно, я думаю, увѣрять, что я провелъ время въ обществѣ этихъ друзей самымъ пріятнымъ образомъ. Я просидѣлъ съ ними до сумерекъ, не выпуская карандаша изъ рукъ, и ушелъ, обѣщавъ явиться къ нимъ на другой день. Харкó Цехмістеръ тоже далъ слово обѣдать завтра у своего зятя. Такъ я встрѣчался съ нимъ нѣсколько разъ,

до тѣхъ поръ, пока не записалъ всего, что хранилось у него въ памяти. Утромъ я приводилъ въ порядокъ свою стенографію, а потомъ отправлялся въ хату Василя Суддѣнка, какъ на университетскую лекцію, и пополнялъ все неполныя, или темныя мѣста при вторичныхъ распросахъ. Читатель увидитъ, стоило ли попытъ запеканкою Черкасскихъ разсказщиковъ. Что касается до меня, то ихъ бесѣды дѣйствовали на мое воображеніе такъ сильно, что я нѣсколько дней не могъ ни о чемъ другомъ думать, и лица, выведенныя ими на сцену въ ихъ повѣствованіяхъ, рисовались предо мной, какъ живыя. Вотъ эти повѣствованія.

МАКСИМЪ ШИЛО. (1)

(*) ...Почувши губернаторъ (2) Роскѣвскій, що гайдамаки деруть одного чоловіка, Шрама... а той Шрамъ державъ у ёго на орѣнді корчму въ Рѣвскій Полянѣ... то вінъ, почувши, що Шрама деруть, поїхавъ ёго обороняти. А одінь гайдамака пзъ вігна, не допустивши ёго до орѣнди, и вбївъ зъ рушницї. То вони самї скололи того гайдамаку. «О, вражий синь!» кажутъ, «дѣброго пана стративъ!» та взяли та й скололи (3). Пдѣсі хрестъ стоить надъ тїмъ губернаторомъ у Рѣвскій Полянѣ.

(*) *Переводъ.* — ...Какъ услышалъ губернаторъ (2) Роскѣвскій, что гайдамаки грабятъ одного мужика, Шрама... а тотъ Шрамъ имѣлъ отъ него въ арендѣ корчму въ Русской Полянѣ... такъ онъ, узнавши, что Шрама грабятъ, и поѣхалъ оборонять его. Тутъ одиъ гайдамака, не допустивъ его къ арендѣ, выстрѣлилъ въ окно пзъ ружья и убилъ его. Такъ они самі закололи того гайдамаку. «Ахъ, вражий синь!» говорятъ, «дѣброго пана сгубилъ!» и закололи гайдамаку (3). До сихъ поръ стоить крестъ надъ тѣмъ губернаторомъ въ Русской Полянѣ.

---

(1) Разсказъ Василя Суддѣнка.

(2) Т. е. управитель.

(3) Это обстоятельство заслуживаетъ особеннаго вниманія.

А потімъ бувъ губернаторомъ панъ Сельскій. То за сего вже губернатора приїхавъ отаманъ Шило, зъ ватагою — душъ, може, зъ сотню. Менє ще тогді на свѣті не було, а росказувавъ те все покійшикъ батько. Приїхали — каже — вони підъ (замкову) браму та її кричать, щобъ одчинили. А губернаторъ злякавсь та її звелївъ одчинити, хочъ у замку було не безъ народу. А я — каже — бувъ на той часъ дома. Прибігаю до замку, ажъ уже менє не пускають. Я до частоколу. Дивлюсь скрізь щіливу, ажъ губернаторъ стоить на колінахъ передъ Максимомъ Шиломъ; а той сидить на коні, якъ разъ проти мене, и читає єму указъ ніби-то одъ Царіці, щобъ різать усіхъ Ляхівъ и Жидівъ, щобъ и на свѣті їхъ не було. А я собі думаю: »Ось постой лишъ, я тобі дамъ не такого указу!« та, просеунувши въ щіливу ружницю, тільки що хочу стрѣлити прімо єму въ груди, а кінъ махнє головою, то її нельзя влучити. Я зновъ пережду, поки кінъ поцуритця, та що хочу стрѣлити, то вінъ знову її махнє головою. А літне, знаєте, время, саме передъ Троїцею, то мұхи коня кусають.

Колі жъ прибігає то-жъ изъ міста повгодиникъ замковійи, Па-

А потомъ былъ губернаторомъ панъ Сельскій. При этомъ ужъ губернаторъ приїхалъ (въ Черкасы) отаманъ Шило съ ватагою, душъ, можетъ, во сто. Меня тогда еще на свѣтѣ не было, а рассказывалъ мнѣ объ этомъ покойный отецъ. Подѣхали — говоритъ — они къ (замковымъ) воротамъ и кричатъ: »Отворите!« Губернаторъ испугался и велѣлъ отворить, хоть въ замкѣ было не безъ людей. А я — говоритъ — былъ на то время дома. Прибѣгаю къ замку — меня ужъ не пускаютъ. Я къ частоколу. Смотрю сквозь щель: губернаторъ стоитъ на колѣняхъ передъ Максимомъ Шиломъ; а тотъ сидитъ на конѣ, какъ разъ противъ меня, и читаетъ ему указъ будто-бы отъ Царьцы, чтобъ рѣзать всѣхъ Ляховъ и Жидовъ, такъ чтобъ и на свѣтѣ пухъ не было. А я думаю: »Погоди-ка, я тебѣ дамъ не такого указу!« и, просеунувши въ щель ружье, только что хочу выстрѣлить прямо ему въ грудь, а конь и махнетъ головой, такъ и нельзя потрафить. Я опять подожду, пока конь потухитъ голову, и только что хочу выстрѣлить, онъ опять и махнетъ головой. А вре-

ціна Францішекъ: »Бога бііся, Омельку, не стреляй! Ходімо пёрше роснитæмось.«

Пішли, стæли стучать. Виўщено насъ у башту.

Отъ батько (¹) піднявъ підъ рўби губернатора и кæже: »Устань, нане! щò ти передъ леданомъ оцè рòбншь? Да ви ихъ не слўхайте: се гайдамаки! Вйстреляймо ихъ, вражнхъ снйвъ!«

Губернаторъ и вставъ.

А Максїмъ и кæже батькові: »Хтò ти за чоловікъ?»

А батько кæже: »А тобі когò трéба?»

»Ти, вїдно, Омелько Суддєнко?»

»Такъ, Омелько Суддєнко.«

А батько та бувъ пёрвий на всю губєрнїю стрїлецъ. То вже Максїму скæзано: »Стережись, Максїме, Омелька Суддєнка, бо той чоловікъ тебè зъ свїту зженè.«

То Максїмъ и кæже батькові: »Не стреляй же, брате, сєгò хлòбця свинцєвою кўлею, а стреляй срібною.«

мя, видите ли, лєтнее, какъ разъ передъ Троицынымъ днемъ, такъ мухи кусають коня.

Какъ тутъ прибѣгаетъ изъ города замковой полковникъ, Францішекъ Паціна: »Ради Бога, Омелько, не стрѣлай! пойдемъ сперва раз-узнаемъ, въ чемъ дѣло.« Пошли мы, начали стучать въ ворота. Пропустили насъ черезъ башню...

Тогда отецъ (¹) поднялъ губернатора и говоритъ: »Встань, нань! щò это ты дѣлаешь передъ негодемъ? Не слушайте ихъ: это гайдамаки! Перестрѣляемъ ихъ, вражнхъ дѣтей!« Губернаторъ всталъ. А Максїмъ говоритъ отцу: »Щò ты за человекъ?« А отецъ говоритъ: »А тебѣ кого нужно?« — »Ты, вѣрно, Омелько Суддєнко?« — »Такъ, Омелько Суддєнко.« А отецъ, видите ли, былъ пёрвий стрѣлокъ во всей *губернїи*; такъ Максиму кто-то и сказалъ: »Берегись, Максїмъ, Омелька Суддєнка: этотъ человекъ сгонитъ тебè со свѣта.« Вотъ Максїмъ

(¹) Здѣсь разсказчикъ перестаетъ повторять слова отца и начинаетъ говорить о немъ въ третьемъ лицѣ.

А батько каже: »Молі Бога за пана повгвоника, ато досі п одь свинцевої ти на коні не сидів би; та ще— що кінь головою махавъ... Віколімъ«, каже, »іхъ, панове!«

Отъ паніи її заходілись коло гайдамакъ. А Максимъ и каже: »Що жъ, панове? що съ того, що ви насъ віколете? Насъ е багачко, то віколють и васъ. Я не по своїй волі прихавъ: мене послапо.«

Паніи пораховали-пораховали та її випустили іхъ.

Гайдамаки стали на кватірі у Андрійця, коло Трійці. А опісля прислає Максимъ козакá зъ запіскою до замку: проєнтъ губернатора вийти за хвіртку на тайну розмову. Губернаторъ вийшовъ безъ оружжя, а батько зъ нимъ при пистолетахъ. И Максимъ вийшовъ самъ безъ оружжя, а козакъ зъ нимъ при пистолетахъ. »Не знаю«, каже, »що мні її говоріть своїмъ старшому. Зъїдь«, каже, »зъ Черкаєъ, а я скажю, що дома не заставъ.«

Губернаторъ послухавъ та и зъїхавъ. А гайдамаки порозби-

и говорить отцу: »Не стрѣлай же, братъ, этого парня свинцовой пулей, а стрѣлай серебряною.« А отецъ говорить: »Молись Богу о панѣ полковникѣ, ато не сидѣть бы тебѣ на конѣ и отъ свинцовой пули: да еще благодари Бога за то, что конь головой махалъ. Переколемъ«, говоритъ, »іхъ, господа!« Вотъ паші и приступили къ гайдамакамъ. Тогда Максимъ говорить: »Что же, господа? что въ этомъ проку, что вы насъ переколете? Насъ много — переколють и васъ. Я не по своей волѣ приѣхалъ: меня прислали.« Паші подумали, подумали и выпустили ихъ.

Гайдамаки заняли себѣ квартиру у Андрійця, около Троицы. Потомъ присылаетъ Максимъ къ замку козакá съ запіскою: проєнтъ губернатора вийти за калитку для тайныхъ переговоровъ. Губернаторъ вышелъ безъ оружія, а отецъ при немъ съ пистолетами. И Максимъ вышелъ самъ безъ оружія, а при немъ козакъ съ пистолетами. »Не знаю«, говоритъ, »что и сказать мнѣ своему старшему. Уѣзжай изъ Черкаєъ, а я скажу, что дома не засталъ.« Губернаторъ послушался его и уѣхалъ. А гайдамаки переколотили бочки съ водкой, ограбили зажиточныхъ людѣи и убрались изъ Черкаєъ.

вѣли зъ горілкою бочкі, пограбили багатіихъ людей та и потягнули съ Черкасѣ.

Въ этомъ преданіи гайдамаки являются не защитниками единовѣрцевъ и метителями за претерѣнныя ими притѣсенія, а грабителями ихъ имуществъ. Но это неизбежное зло при всякомъ возстаніи черни. Сторону Запорожскихъ выходцевъ приняли прежде всего бѣдняки, приняли недовольные существующимъ порядкомъ вещей, обиженные своими хозяевами «наймыты», а такъ-же воры и разбойники. Для этого сброду гайдамачество было войною бѣдныхъ противъ богатыхъ, тѣмъ болѣе, что многіе изъ нихъ, служа прежде у зайточныхъ мѣщанъ и поселянъ, метили имъ потомъ за какія-нибудь дѣйствительныя или кажущіяся обиды и устремляли на нихъ жадную толпу гольшеей. Самовидецъ, описывая, въ своей лѣтописи, возстаніе черни подъ предводительствомъ Хмѣльницкаго, говоритъ, что въ то время всѣ люди «значныя», то есть, отличавшіеся достаткомъ и заслугами, терѣли «великую тѣгу и паруганія» отъ простыхъ людей, а особливо отъ гультайства, то есть, отъ броварниковъ, могильниковъ, будшиковъ, наймытовъ и пастуховъ, такъ что находили спасеніе отъ побоевъ и грабительства только въ томъ, что сами вступали въ козацкое войско. (1) Это говорится о 1648 годѣ. На другой годъ уже не нужно было такого возбужденія къ увеличенію козацкаго войска: тогда уже «уже, що живо, поднялося въ козацтво», такъ что едва можно было найти въ какомъ-нибудь селѣ такого человѣка, который бы не пошелъ самъ, или не сварядилъ сына въ войско; если же самъ былъ не въ-снлахъ, то посылалъ слугу-парубка. Многіе же шли со двора всѣ, оставивъ на хозяйствѣ одного только человѣка. Даже въ городахъ, пользовавшихся Магдебургскимъ правомъ, присяжные бургомистры и райцы оставляли свои должности, брили бороды и шли въ козаки. «А то уже дѣялось (говоритъ Самовидецъ) за-для того, же прошлаго року збогатилися

(1) «Лѣтопись Самовидца», стр. 11, ст. 1.

шарнаниною добрь шляхетскихъ и Жидовскихъ и *иныхъ людей, бывающихъ на прехоженствъ.*» (1)

Такъ всегда бываетъ въ народныхъ возстаніяхъ: люди, стремясь сознательно и бессознательно къ преобразованію гражданской жизни, управляются чаще всего эгоистическими и корыстными побужденіями.

Слѣдующій разсказъ Харка Цехмистера представляетъ одинъ изъ такихъ случаевъ, когда гайдамаки были направлены на грабежъ наймытомъ, озлобленнымъ противъ хозяина.

НОЧНОЙ НАѢЗДЪ ГАЙДАМАКЪ. (*)

Гайдамаки приходили въ Черкаси развѣ, мѣже, пять, — иноді въ-дѣнь, а иноді въ-ночі, иноді въ великій, а часомъ въ великій купі. Разъ іхавъ Тишкó Гарасіменко съ хлѣпцемъ изъ ярмарку; коли жъ глядь, ажъ по Медвѣдовському шляху ідутъ на коняхъ. Ажъ ось прибіга до воза козакъ: »Що за люде?»

»Изъ Черкасъ. Булі на ярмарку.«

Козакъ вернувьсь до отамана и одвістивъ. Тогда отаманъ приславъ двѣхъ ужé гайдамакъ.

Отъ — каже (Гарасіменко) — менé взяли та іі звязали поясомъ, а хлѣпцеві звелили поганять коней. Ідемъ за ними ажъ

(*) *Переводъ.* — Гайдамаки приходили въ Черкасы развѣ пять, — иногда днемъ, иногда ночью, иногда большою, иногда небольшою купою. Разъ ѣхавъ съ ярмарки Гришкó Гарасіменко съ мальчикомъ; смóтритъ — по Медвѣдовской дорогѣ ѣдутъ верховые. Только приѣзжаетъ къ возу козакъ. »Что за люди?« — »Изъ Черкасъ. Были на ярмаркѣ.« Козакъ воротился къ отаману и передалъ ему этотъ отвѣтъ. Тогда отаманъ прислалъ двоихъ уже гайдамакъ.

Взяли меня — говоритъ (Гарасіменко) — и связали поясомъ, а

---

(1) Тамъ же, стр. 14, ст. 2.

до гóрода. При́хавши близе́нько, ста́ли. Отама́нъ за́разъ: «Съ ко́ней!»

Усі́ її позла́зли съ ко́ней.

»Припа́дайте до землі!»

Попріпа́дали усі́ шиць. П хлóпець излі́зъ зъ во́за та її собі при́на́въ шиць. А я леж́у звязаний на во́зі та її дивлю́сь. А вінъ щось тамъ собі мі́мрить-мі́мрить [се вже, бачъ, вінъ ворожівъ, чи́ б́уде в́дача], а далі́: »Встава́йте!»

Уста́ли, посе́дали на ко́ней та її по́хали по-за го́родомъ. Ко́ней зоста́вили за ца́риною, а самі́ пішли въ го́родъ. П мене́ ве-зуть, у во́зі. А хлóпець, ще за го́родомъ, уста́въ зъ во́за, ніби про се́бе, та її пішо́въ собі. А вони́ її ба́йду́жэ за хлóщемъ.

Ідемъ — ка́же — пря́мо до Дри́ги. [А Дри́га живъ напрó-тивъ то́го двора́, де те́перъ городни́чий.] Візь оста́вили за воріть-мі́, а самі́ до бра́ми. Оди́нъ за́разъ переско́чивъ черезъ частокóль та її одчипі́въ бра́му. А я — ка́же — леж́у у во́зі, та все мши́ її ви́дно. Отъ — ка́же — гайдама́ки ви́кресали бага́ття. А оди́нъ злі́зъ на причло́къ, та перелі́зъ черезъ ха́ту та її одчипі́въ дві́ри. А я — ка́же — дава́й зе́бувать зъ се́бе по́ясы, та її розв'язавъ;

мальчику велѣли погонять лошадей. Їдемъ за ними къ самому городу. Подѣхавъ бли́зко, оста́новились. Отама́нъ то́тъ - ча́съ: »Съ лошадей!» Ве́сь слѣзли съ лошадей. »Ложитесь на землю!» Ве́сь пали ничкомъ. А я лежу на возу, звязаний, и смотрю. Онъ что-то долго бормотать про се́бя [это онъ, ви́дите ли, гада́ть, б́удеть ли уда́ча], а потомъ: »Вста-вайте!» Ве́сь встали, сѣли на лошадей и по́хали вокругъ города. Ло-шадей оста́вили за ца́риною (за полевыми воротами), а сами пошли въ городъ. П меня везут на возу. А мальчикъ, еще за городомъ встать съ воза и по́брель се́бѣ. А имъ и ну́жды нѣтъ, что онъ ушелъ.

Їдемъ — говоритъ — прямо къ Дри́гѣ. [А Дри́га жилъ противъ того двора, гдѣ те́перь городни́чий живеть]. Возъ оста́вили на улицѣ, а сами къ воротамъ. Оди́нъ то́тъ - ча́съ перескочилъ черезъ частокóль и отво-риль ворота. А я — говоритъ лежу на возу, и все ми́ѣ видать, что́ они дѣлають. Вотъ — говоритъ — гайдамаки вы́сѣкли огня. Оди́нъ взлѣзъ на

та вже побігнувши її копей зъ возомъ, добігъ до дзвіниці. та вдіривши разівъ зо три въ дзвопа, та зъ дзвіниці.

Біжѹ по-узъ дядьбівъ двірѣ. А дядько на той часъ згодівся на дворі: »Хтò то такий? Чи се ти, Тишкò?«

»Я«, кажѹ.

»Чогò се ти біжишъ?«

»Ховаїтєсь«, кажѹ: »гайдамаки Дрігу дерѹть!«

Отъ дядько порозбѹжувавъ своїхъ та, заперши ворòта, и хòдять по двору на варті. А до Дріги боїтця йти: такий бувъ страхъ!

А гайдамаки положили Дрігу долі та, насипавши ёму на голу спину пороху, запалили и дралн гребломъ, щòбъ призиавъ, де тїї червінці, що колїсь гавївъ у Шлєнське волі та заробівъ. А міжъ ними та бувъ наймитъ Дріги; такъ той усє й вїказавъ. И поти дралн, нòки старá не внесла въ хату горшкá зъ червінцями.

причілокъ ⁽¹⁾, перелѣзъ по чердаку въ сѣни и отворилъ наружнюю дверь. А я — говорить — началъ сдвигать съ себя поясъ, освободилъ руки, бросилъ лошадей въ возомъ и пустился бѣжать къ колокольнѣ; а ударивши раза три въ колоколъ, побѣжалъ далѣе. Пробѣгаю мимо дядина двора. А дяди на то время случился на дворѣ: »Кто это?« спрашиваетъ. »Это ты, Тишкò?« — »Я«, говорю. »Чего это ты бѣжишь?« — »Спрячьтєсь«, говорю: »гайдамаки Дрігу грабятъ!« Дядя разбудилъ своихъ домашнихъ и, заперши ворота, принялся съ ними караулить на дворѣ. А къ Дрігѣ боялись йти: такой былъ страхъ!

Межъ тѣмъ гайдамаки положили Дрігу на полу и, насыпавши ему на голую спину пороху, зажгли и царапали скребицею, щòбъ сказалъ, гдѣ червонцы, которые онъ когда-то взялъ въ Шлєнскѣ за воловъ. Съ ними былъ Дрігинъ наемникъ; онъ-то и объявилъ имъ объ этомъ. И до тѣхъ поръ мучили, пока старуха не принесла въ хату горшка съ червонцами.

⁽¹⁾ *Причілокъ* называется узкая сторона параллелограмма, составляющаго хату. Балки, поддерживающія крышу, на причілкѣ выдвигаются далеко впередъ.

Гайдамаки не займали замкових козаківъ, и козакі їх не займали. Тільки ото Роскóвський угнãвся бувъ за ними въ Рýську Поляну, то ёго и вóили. Се було ось якъ. Гайдамаки напали на двірть Олексіиця у Білазеръї, а самого ёго не заекóчили. А вінъ, притаившись підъ повіткою, и чýе, що ще хочуть итї въ Рýську Поляну до Шрама. То вінъ звідти та до пãна, та и розказавъ, що отакá и такá рíчъ. Оттогдї-то Роскóвський и вгнãвся за ними въ Рýську Поляну.

Случалось, что въ гайдамаки шель такой наймытъ, который жилъ въ добромъ согласіи съ своимъ хозяиномъ. Тогда онъ не только служилъ отводомъ хищничества товарищѣи для бывшаго хозяина, но еще выражалъ ему благодарность за его хлѣбъ-соль. Одинъ изъ такихъ случаевъ пересказалъ мнѣ Василь Суддѣнко; а именно:

НАЙМЫТЪ-ГАЙДАМАКА. (*)

Почувши, що гайдамаки ободрали Дрѣгу, та ще и на дрѣгихъ людей похваляютьця, утїкавъ черезъ Днѣпръ у дубї Сутула Гарасько, зъ жінкою и зъ дитиною [бувъ у ёго синокъ Андриіко]. То се вже

Гайдамаки не трогали замковыхъ козаковъ, и козаки ихъ не трогали. Только вотъ Роскóвскаго убили, что погнался за ними въ Русскую Поляну. Это вотъ какъ было. Гайдамаки напали на дворъ Олексіица, въ Білазеръї, да самого Олексіица не захватили. Онъ притаился подъ навѣсомъ и слышитъ, что собираются еще идти въ Русскую Поляну къ Шраму. Вотъ онъ оттуда къ пãну и разказалъ, въ чемъ дѣло. Тогда - то Роскóвскій и погнался за ними въ Русскую Поляну.

(*) *Переводъ.* — Когда ограбили гайдамаки Дрѣгу и начали зватьсѣя сдѣлать то же съ другими, Гарасько Сутула, услышавъ объ этомъ, уходилъ черезъ Днѣпръ на лодкѣ съ женой и съ мальчикомъ [былъ у не-

---

такъ что крыша образуетъ родъ навѣса, и если дыра подъ этимъ навѣсомъ не застлава, то и можно съ причалка взлѣзть на чердакъ.

той Андріій Сутуленко росказувавъ, що — каже — треба було намъ переїздитъ черезъ Дніпръ у човні; а батько її коня на поводі за човномъ вівъ. То я боявсь, щобъ кінь не перевернувъ човна, та її ставъ плакати. То батько її покінувъ менé на березі. »Пронадай же«, каже, »вража дитино!« [А знає, що дитя не де дінетця, бо гайдамаки дитіей не займали.] Отъ я — каже — переночовавъ у садкѣ, а потімъ пішовъ до баби. Баба менé нагодовала; я її гуляю собі. Коли жъ дивлюсь — идé наймитъ нашъ, що приставъ у гайдамаки. Ужé собі її жупанъ, добувъ.

»Здоровъ«, каже, »Андрію!«

»Здоровъ.«

»А батько дé?«

»Отамъ и тамъ«, кажу; »а я въ баби.«

[А баба вбѣга була, то її не ховалась одъ гайдамакъ.]

»На жъ«, каже, »тобі грóшей, та не давай нікому, а неси до баби.«

Та її почавъ мнѣ кидать у пазуху пятаки зъ обохъ кишенъ. Повну пазуху — каже — мнѣ насынавъ.

го сынокъ Андрійко]. Онь-то, этотъ Андрій Сутуленко, и разсказывалъ мнѣ объ этомъ. Надобно — говоритъ — было намъ переправиться черезъ Днѣпръ на лодкѣ; а отецъ и коня въ поводу за лодкой велъ. Я боялся, чтобъ конь не опрокинулъ лодки, и началъ плакать. Отецъ и бросилъ меня на берегу. »Пронадай же«, говоритъ, »вражье дитя!« [Зналъ онъ, что дитя никуда не дѣнется, потому что гайдамаки дѣтей не трогали.] Вотъ я — говоритъ — переночевалъ въ садкѣ, а потомъ и пошелъ къ бабушкѣ. Бабушка меня накормила. Я и играюсь себѣ. Только смотрю — идетъ нашъ батракъ, что присталъ къ гайдамакамъ. Ужъ и жупанъ себѣ добылъ. »Здорово, Андрей!« говоритъ. »Здорово!« — »А отецъ гдѣ?« — »Тамъ-то и тамъ-то«, говорю; »а я у бабушки.« [Бабушка была женщина убогая, то и не пряталась отъ гайдамакъ.] »Возьми же«, говоритъ, »себѣ эти деньги, да не давай никому, а снеси къ бабушкѣ.« И началъ бросать мнѣ въ пазуху пятаки изъ обоихъ кармановъ. Полную пазуху — говоритъ — мнѣ насыналъ.«

Между стариками, съ которыми случалось мнѣ бесѣдовать о гайдамакахъ, я встрѣтилъ только одного, видѣвшаго кого-нибудь изъ ихъ предводителей, и это былъ Харко Цехмистеръ. Онъ имѣлъ лѣтъ десять отъ роду въ 1768 году, когда Зализнякъ приходилъ съ своимъ войскомъ въ Черкасы, и память его сохранила все обстоятельство, сопровождавшія набѣдъ гайдамакъ, сколько было доступно ихъ для наблюденія мальчугана. Разсказъ его вводитъ насъ въ исторію мелочей событія, которыя даютъ возможность сдѣлать заключеніе объ общемъ характерѣ козацкихъ войнъ въ Польской Украинѣ.

ПРЕБЫВАНІЕ МАКСИМА ЗАЛИЗНЯКА ВЪ ЧЕРКАСАХЪ. (*)

... Саме въ Петрівку, у першій день, у понеділокъ, приіхали дванадцять затязцівъ на розвідни. Пострічали Андрійця та її роспитують :

»Дѣ тутъ оттакій-то війтъ?»

»Я«, каже Андрієць.

»Веді жъ насъ до себѣ на кватиру.«

Зазвавъ ихъ до себѣ на кватиру. Послали до пана Сельського въ замокъ, щобъ давъ напѣтківъ. Той імъ зразу п приславъ, бо всі боялись гайдамківъ. Отъ вони пють да її кажуть : »Нехайі вражій Ляхъ дає, а послі звяжемъ ёго та її повеземъ до кошя.«

А Андрієць, почувши сее, та въ замокъ : »Бережісь«, каже, »пане : отакя її така річь.«

(*) *Переводъ*... Въ самый Петровъ постъ, въ первый день, понедѣльникъ, приѣхало человекъ двѣнадцать гайдамакъ на развѣдки. Встрѣтили они Андрійця и спрашиваютъ : »Гдѣ живетъ такой-то войтъ?» — »Я«, говоритъ Андрієць. »Веди же насъ къ себѣ на квартиру.« Зазвалъ онъ ихъ къ себѣ на квартиру. Оттуда они послали къ пану Сельскому въ замокъ, за напѣтками. Тотъ и прислалъ имъ тотъ-часъ, потому что все боялись гайдамакъ. Пють они и говорятъ : »Пускай вражій Ляхъ даетъ, а потомъ свяжемъ его и увеземъ въ свой станъ.« Услышавъ это, Андрієць побѣжалъ въ замокъ : »Берегись, панъ«, говоритъ онъ : »вотъ что

То нашъ Сельскій и заперъ у замку. А гайдамаки повертілись по-підъ частокóломъ та й вернѹлись до коша. А кошемъ вони стояли тогді цілиі сѹтки у Великихъ Кѹрганівъ.

А такий бувъ народъ шалѣний, тїи затязці, що оцѣ іде по улиці та вбачить у дворі чоловіка, то віме пистолѣтъ та й кричѣтъ: »У хату, мурѣю! атó заналó!« То чоловікъ смілитця та підъ повітку.

... На другій день у Петрівку рознеслаєь по Черкасамъ чѹтка, що іде якесь військо. А ми тогді буліи ще хлопцями. То люде боятця, а намъ баїдѹже: сказано — діти.

»Побіжїмъ, побіжїмъ, щó тамъ за військо!«

Побігли за Білазерську царину, ажъ справді іде військо, такі настоїще. Попереду іде отаманъ на буланїмъ коні, у кармазині. Шапка на ємѹ сїва, чóботи сафьянци, пояєь шалѣний; за поясомъ пистолѣтъ; при боку шабля. Отó жъ бувъ самъ Макеїмъ Залїзнякъ. Не старій ніще чоловікъ, лїтъ, може, сорока, а може, й бїльшь; на видѹ повний, кругловідий, уродою хорóдний.

я слышал!» Тогда нашъ Сельскій и заперъ въ замкѣ. А гайдамаки повертѣлись подъ частокóломъ и воротились въ свой станъ. А станомъ они стояли тогда цѣлыя сутки у Великихъ Кѹргановъ.

Такой шальной народъ былъ эти гайдамаки, что когда ѣдетъ бывало по улицѣ и увидитъ на дворѣ мужика, то, вынувши пистолеть, и кричитъ: »Убирайся въ хату, сермяжникъ, ато выстрѣлю!« Наклонится человекъ да скорѣе и спрячется подъ навѣсъ.

..... На другой день Петрова поста разнесся по Черкасамъ слухъ, что идетъ какое-то войско. Мы тогда были еще мальчиками. Взрослые боятся, а намъ и нужды мало: извѣстно — дѣти. »Побѣгнемъ, побѣгнемъ, что тамъ за войско!« Побѣжали мы за Білазерскую царину — въ самомъ дѣлѣ идетъ войско, настоящее войско. Впереди ѣдетъ отаманъ, на буланомъ конѣ, въ красной одеждѣ. Шапка на немъ сѣрая, сапоги сафьянцы, пояєь шалевой; за поясомъ пистолеть; сбоку сабля. То и былъ самъ Макеимъ Залїзнякъ. Не старій еще человекъ былъ, лѣтъ, можетъ, и больше, полный, круглолицый, собой

па вэростъ невелічкій, та пласціетній; у сн русьїві невелічкі; за ўхомъ оселёдець. А за шмъ усё по два, усё по два, зъ ратицями, и у перэдніхъ паръ. мо́же, у трѣхъ, ратица зъ корогòвками двоичатыми, такъ що оцё полови́на бѹде бі́ла, а полови́на кра́сна, а зно́ву полови́на жо́вта, а полови́на чо́рна, абò черво́на, абò сї́ня. А по са́мому за́ду йде чоловікъ зъ де́сятокъ шішо безъ ратиць и безъ усёго, а тї́лько колкі́ позасмáлювали та й идѹть. То вже вї́шники, то́що, що поприставáли въ гáйдама́кн.

Отъ ми й стáли коло шля́ху, по пра́ву рѹку, и шапки позніма́ли. А вї́нь, порівнявшесь ізъ на́ми, та й ка́же: »Здорові, суча́кі!«

А ми ка́жемо: »Здорові, па́не!«

»А що́ ви? не оретё?«

»Ні, па́не.«

»А ми жъ оцё почáли ора́ти!«

Та й поїхавъ у го́родъ черезъ ту ўлицю, де те́перъ старі́й базáръ, та по-за Па́ціною, де те́перъ живё Ўщенко, що слѹжить у сѹді; и прї́ехали во́ни пра́мо до за́мку, черезъ мі́сть. Ба́шня бу́ді одчї́лена. Я вже не бачивъ, хто́ й одчї́нивъ. Уї́хали въ за́мокъ,

---

пригожій, росту небольшого, но широкоплечій; усы у него русые, небольшие, за ухомъ *оселёдець* (длинный чубъ). А за шмъ їдуть ве́й по два въ рядъ съ коньями, и у переднихъ паръ, можетъ, у трѣхъ конья съ двоичатыми значками: одна половина значка бѣлая, а другая красная, а тамъ о́пять половина желтая, а другая черная, или красная, или синяя. А въ самомъ хвостѣ идетъ человекъ де́сять пѣшихъ безъ коней и безъ всего, съ одними только обожженными на концахъ кольями. То ужъ были вишюкуры и тому подобные, что приста́ли къ гáйдамака́мъ.

Мы остано́вились подлѣ доро́ги, направо, и шапки сняли. А онъ, поравнявшесь съ нами, говоритъ: »Здорово, *суча́кі!*« А мы говоримъ: »Здравствуй, па́нь!« — »А что́ вы? не по́дете?« — »Нѣтъ, па́нь.« — »А мы ужъ нача́ли пахатъ!« И поѣхалъ въ го́родъ по той ўлицѣ, на которой те́перь старі́й базáръ, а потомъ позади Па́ціны, гдѣ те́перь живеть Ўщенко, что́ служитъ въ сѹдѣ; и прї́ехали они пра́мо въ за́мокъ, черезъ мостъ. Башня была отворена. Я ужъ не видѣлъ, кто ее отворилъ.

самі стали въ ряді, а ратиця въ козла поставили. А Залізникъ кригне: »Съ копей!«

Отъ вони позлізали и попривязували копей коло конюшни у коновязей. А отаманъ, зъ десятьма, може, чоловіками, пішовъ прямо до покбівъ. А назустрічъ ёму вишло съ покбівъ чоловіка те-жь изъ десять, зъ отаманомъ Бұзькомъ, изъ Цесарської Слободы. Познімали передъ нимъ шапки. И вінъ, прийшовши до нихъ бліяче, знявъ шапку та заразъ и надівъ; а вони усе передъ нимъ безъ шапокъ.

»А здорові«, каже, »козацтво!«

»Здоровъ, отамане батьку!«

»А де вашъ отаманъ?»

Отъ отаманъ до ёго и вискочивъ съ кұни, безъ шапки. А вінъ и собі шапку знявъ. Обнялісь, поціловались.

»Ну, просіть же на кватіру.«

Пішли въ покої.

А пані вже давно убралась на той бікъ Дніпра, — ніцё якъ почули одъ Андрийця, що гайдамаки похваляютьця їхъ перевязать.

Одбїли шпикліржъ сокірою. Шукать, чого їмъ треба.

Въехали въ замокъ, сами стали въ ряды, а конья поставили въ козлы. Залізникъ крикнулъ: »Съ лошадей!« Гайдамаки слзали съ лошадей и привязали ихъ возлѣ конюшни у коновязей; а самъ онъ, съ десятью, что ли, чоловіками, пошелъ прямо къ покоямъ. Навстрѣчу ему вышло оттуда тоже чоловікъ десять, съ отаманомъ Бұзькомъ, изъ Цесарской Слободы. Сняли передъ нимъ шапки. И онъ, подойдя бліже, снялъ шапку и тотъ-часъ оная надѣлъ; а они такъ и остались съ открытыми головами. »Здорово, козаки!« сказаль онъ имъ. — »Здравствуй, батько отаманъ!« — »А гдѣ вашъ отаманъ?« Отаманъ выскочилъ къ нему изъ кұны, безъ шапки. Онъ тоже снялъ шапку. Обнялись, поціловались. »Ну, просите же на постой,« сказаль онъ, и пошли веѣ въ покои. А пань давно ужъ убралась на ту сторону Днѣпра, — еще тогда, какъ слышали отъ Андрийця, что гайдамаки сбїраются перевязать ихъ. Тутъ гайдамаки отбїли въ подвалѣ дверь топоромъ и ищуть, чего имъ надо.

А чоловік із сім'ї затязців пішли до оренди.

А ми, хлопята: »Ходімъ, ходімъ за ними!«

Отъ одинъ понавъ десь собіру та по замку торохъ! Замокъ такъ и роспався. Тоді давші рубать у бочкахъ обручі. Горілка такъ и потекла съ комір'я по косогору.

А жінки згрібають пісокъ, та спинають ту горілку, та беруть пригорщами та въ горишки її збірають скрізь намітку.

А гайдамаки жінокъ не займають; и вбогихъ людей не займають; тільки багатихъ грабили, а Ляхівъ и Жидовъ різали. То всі Жиди повтікали зъ города и пані. А панівъ тоді у насъ було три: панъ Сельскій, губернаторъ; — Паціна, полковникъ, и Жуковський, лєнничій.

Отъ я, подивившись на се чудо, прийшовъ додому, ажъ панотєць поїхавъ у лісъ ізъ двома наймитами, а дома зосталась паніматка та парубокъ Сідоголовка. Прихожу въ хату, ажъ мати плаче.

»А дє батько?«

»И вкє, синку, поїхали!«

Колі жъ батько — не знаю вкє, чогò: чи роздұмавсь, чи щò —

А человекъ семь отравились въ *аренду* (штейшій домъ). »Поїдемте и мы за ними!« сказали мы, мальчишки, другъ другу, и пошли.

Тамъ одинъ гайдамака схватилъ топоръ и брякъ по замку! Замокъ такъ и развалился. Тогда онъ и принялся рубить обручи въ бочкахъ. Водка такъ и потекла по косогору. А женщины дѣлають изъ песку запруду, останавливають водку, черпають горстями и цѣдять сквозь сєрпянку. Гайдамаки не трогали женщинъ; и убогихъ людей не трогали; только богатыхъ людей грабили, а Ляховъ и Жидовъ рѣзали. Потому-то все Жиды и паны ушли изъ города. Пановъ же тогда было у насъ три: панъ Сельскій, губернаторъ, — Паціна, полковникъ, и Жуковскій, лєнничій.

Ну, посмотрѣлъ я на это чудо и пришелъ домой; пришелъ, а ужъ отецъ поїхалъ въ лѣсъ съ двумя батраками, а дома осталась только мать да работникъ Сѣдоголовка. Прихожу въ хату — мать плачетъ. »А гдѣ отецъ?« — »И, сынокъ! ужъ поїхали!« Какъ тутъ отецъ — не знаю ужъ, зачѣмъ: раздумалъ, что ли — воротился, доїхавъ до самой горы,

верну́вєя ажъ изъ-підъ горі, одъ цѣркви. Тільки що випрягають коней, ажъ ось иде лейстрівний городський козакъ Головко; веде у двірѣ двохъ гайдамакъ та й каже: »Кажуть, цехмістре, що въ васъ є чоботи-сапьянці, що ви робіли панамъ!«

»Ні«, каже, »нема: я робивъ та давно.«

Отъ ёго й повели у замокъ до само́го Залізняка.

Панотєць опісля вже розказувавъ, що — каже — скоро ввійшли въ будінонь, то я — каже — и вбачивъ, що Бұзько отаманъ заховавсь у кімнату. А Залізнякъ и каже: »Ті цехмістеръ шевський?«

А я кажú: »Я, пане.«

»У тебе єсть чоботи-сапьянці, що ти робивъ панамъ.«

»Робивъ, отамане, та давно, а теперъ нема.«

А Бұзько врізь щілину зъ кімнати й шєнче щось.

А Залізнякъ и ўхо приложивъ та й каже: Не знаю, хто брєше, чи тої, чи тої. Ну, ступай собі!«

Батько додому, та за коней, та скорііше зъ двора! Поїхали зъ двомá парубками въ лїс и тамъ драли лубъє, ажъ поки гайдамаки появилєсь изъ Черкасъ.

что у церкви. Только начали выпрягать лошадей, какъ идетъ реестровой городской козакъ Головко; ведетъ онъ съ собой двоихъ гайдамакъ и говорить: »Цехмістеръ, у васъ, говорятъ, єсть сапоги-сапьянцы, что вы шили для пановъ.« — »Нѣтъ«, говоритъ отецъ, »нѣту: я шилъ сапоги, но давно.« Вотъ и повели его въ замокъ къ самому Залізняку. Отець послѣ ужъ разказывалъ, что — говоритъ — какъ только вошли въ хоромы, то я — говоритъ — и увидѣлъ, что Бұзько отаманъ сирателея за перегородку. А Залізнякъ говоритъ: »Ты сапожницкой цехмістеръ?« А я говорю: »Я, пане.« — »У тебя єсть сапоги-сапьянцы, что шилъ ты для пановъ.« — »Шилъ я, отаманъ, да давно, а теперь сапогъ у меня нѣту.« А Бұзько и шєнчетъ что-то сквозъ щель изъ *комнаты*. Залізнякъ и ухо приложилъ, и говоритъ: »Не знаю, кто жлетъ, тотъ, или другой. Ну, ступай себѣ!« Тогда отецъ домой, забралъ лоша-

Якъ поїхавъ панотѣць, то я хожу по хаті, а п'ярубокъ, Сідоголовка 'Яковъ, шивъ чоботи протівъ окна, а пані-м'ятка тѣжъ поралася у хаті. Колі жъ гайдамаки, идучі мимо окна: »*Пугу!*«

А п'ярубокъ бувъ колісь на Запор'яжжі, то її одвітивъ їму:
»*Козакъ зъ Луру!*«

Ажъ ось п'йдуть у хату два затязці изъ Головкинъ Иваномъ, та одінь на порозі у хату зъ пистолета — бехъ!

Пані-м'ятка такъ п'затрусілася.

А другій гайдамака її каже: О, вражій сину! злякавъ молодіцу!«

»А ну«, кажуть, »одчиній, нене, комору, бо Б'узько казавъ, що іменно е сап'янци.«

Одчиніли.

»Одмикай скр'їню!«

Одмикнули.

Коп'ялись-коп'ялись, — нічого не взяли; не знайшли чобіть та її пішли собі.

Якъ пішли, то п'ярубокъ Сідоголовка зновъ сівъ та її ставъ кончатъ чоботи. Колі жъ приходить ще одінь, у йидівському кан-

дей п'скорфій со двора! Поїхавъ онъ съ двумя парями въ лѣсъ п'драли тамъ любья, пока гайдамаки убралсь изъ Черкасъ.

Какъ уїхавъ отецъ, то я хожу по хатѣ, а парень нашъ, Яковъ Сѣдоголовка, шьетъ сапоги у окна, а мать тоже чѣмъ-то занимается. Вдругъ гайдамака закричалъ, проходя мимо окна: »*Пугу!*« А батракъ нашъ былъ когда-то на Запорожжі, такъ п'ответилъ: »*Козакъ зъ Луру!*« Вотъ п'идуть въ хату двое гайдамакъ съ Иваномъ Головкинъ, п'одінь изъ нихъ бухъ изъ пистолета на порогъ! Мать такъ п'затренивала. А другой гайдамака говоритъ: »Эхъ ты, вражій сынъ, испугалъ молодіцу!« — »Нутка«, говорятъ, »отворяй, матушка, комору: Б'узько говорилъ, что именно есть у васъ сапоги-сап'янци.« Отворили. »Отпирай сундукъ!« Отперли. Они рылись, рылись, но ничего не взяли; не нашли сапоговъ п'ушли прочь.

Какъ ушли, то парень Сѣдоголовка опять усеяся п'принялся доканчивать сапоги. Какъ тутъ проходитъ еще одінь гайдамака, въ йидов-

танкѹ — на грѹдяхъ и не схѳдитця — и въ постѳликахъ саморѳб-
кахъ.

»Комѹ се ти чѳботи шнѳешь?»

»Собѳ.«

»Ну лишъ«, вѳже, »дошивѳи.«

Да и сѳвъ на лѳви и ждавъ, ажъ поки Сѳдоголѳвка дошивъ.

»А щѳ, дошивъ?»

«Дошивъ.»

»Ну, нѳ жъ тобѳ оцѳ постѳлики, а я надѳну твоѳ чѳботи. А
ти собѳ пошивъ.»

Надѳвъ и шнѳѳвъ собѳ.

Въ описанномъ здѳсъ походѳ Залпзняка есть черта, перенося-
щая насъ въ тотъ моментъ возстанѳя Богдана Хмѳльницкаго, ког-
да у него было больше войска, нежели оружѳя. Я говорю о гѳйда-
макахъ, вооруженныхъ, на первый разъ, только кольями. Въ думѳ
о Хмѳльницкомъ и Василѳ Молдавскомъ ⁽¹⁾ изображена та же са-
мая картина, чтѳ и въ разсказѳ Харва Цехмѳстера, а именно :

За имъ козакѳ идутъ,

'Яко ярая пчѳла гудѳтъ.

Кѳторѳй козѳкъ не мѳе въ себѳ шѳблѳ булатнѳи,

скомъ кафтанѳ — на грѳди и не схѳдится — и въ самодѳльныхъ *посто-*
лахъ ⁽¹⁾. »Для кого это ты сапоги шьешь?» — »Для себя.« — »Нут-
ка«, говоритъ, »доканчивай.« И сѳлъ на лавкѳ и ожидалъ, пока Сѳдо-
головка кончилъ. »А чтѳ, кончилъ?» — »Кончилъ.« — »Ну, возьми
же себѳ эти *постѳлики*, а я надѳну твоѳ сапоги. Ты сошьешь себѳ дру-
гѳе.« Надѳлъ и ушелъ изъ хаты.

---

(1) »Народныя Южнорусскѳ Пѳсни«, изд. Метлинскаго, стр. 391.

(2) Постолами называются и лапти, и черевыки, сдѳланные изъ одного куска
кожи. Эпитетъ *самодѳльныхъ* показываетъ, что дѳло идетъ не о лаптяхъ, кото-
рые каждый самъ для себя дѳлаетъ.

Пищали семинядної,
Той козакъ кий на плечи забирає,
За гетьманомъ Хмельницькимъ увъ охотне військо поспішає.

Вообще трагедія 1768 года была повтореніемъ незабытой еще борьбы козаковъ съ Польскимъ дворянствомъ въ XVII вѣкѣ, каковы бы ни были причины столь ужаснаго ожесточенія гайдамакъ. Вся разница въ томъ, что планъ главныхъ двигателей Коливицины не достигъ своего полного развитія и что они ошиблись въ своихъ надеждахъ на союзниковъ. Такая участь могла бы постигнуть и Хмельницкаго, и тогда онъ былъ бы причисленъ къ разряду разбойниковъ, какъ Зализнякъ и Гонта.

Слѣдующій рассказъ Харка Цехмистера показываетъ, что дѣйствія гайдамакъ не всегда управлялись корыстными видами и что они имѣли сношенія съ лицами разныхъ классовъ общества, въ разныхъ городахъ Украйны.

ВѢРСТВО ГАЙДАМАКЪ. (*)

Гайдамаки наробили багато шкоди въ 'Умані. А вже якъ ставъ писать король до Матушки: »Великъ світъ Матушко! що оцѣ робитця въ Польщі, що якісь бурлаки розбивають народъ?« то вона якъ послала повкъ легкоконний, а другій Донцівъ; то гайдамаки й порізнилися.

Стояли вони въ Розсѣшинцяхъ, а Дони туді прийшли та й кажутъ: »Приміте й насъ; ми до васъ пристанемо.« Тіи й при-

---

(*) *Переводъ.* — Гайдамаки надѣлали много бѣды въ Умані. Но, какъ началъ писать король къ Матушкѣ: »Великъ свѣтъ Матушка! что это дѣлается въ Польшѣ? какіе-то бурлаки разбойничаютъ въ народѣ!«; такъ она и послала одинъ полкъ легкоконный, а другой — Донцовъ. Тогда гайдамаки и разрознились.

Стояли они въ Розсѣшинцахъ, какъ пришли туда Донцы и говорятъ: »Примите и насъ къ себѣ; мы къ вамъ пристанемъ.« Тѣ и приняли. А

плялі. А Дони їх половили та й повязали. То Донецькій повбівникъ піше до Матушки: »Що зь ними робить?« А вона ёму одписала: »Кому шквду зробили, тому й у рўки oddайте.«

То вже якъ воиї утікали на Низь, то чоловікъ десаать їх плплó по Днїпру, та й пристали дўбомъ коло Черкасъ, и приїшли на базарь, та, взявши перехриста писаря, що бувъ при напахъ, повели черезъ рїчку Солоницу до Днїпра, та рўки ёму поясомъ звязали, очи завязали білою хўсткою и сказали ёму: »Стань навбóлишки.« Вінъ ставъ, а одинъ зайшовъ ззаду та бёхъ ёго зь рунїци въ спїну! вінъ такъ и впавъ навзнакъ. А самі сїли въ дўба та й поплили. А люде зїїшлися, заховали тогó перехриста и хрестъ поставили. И довго той хрестъ стоявъ, та вже водою вїмгло, бо Днїпръ розливаётця ажъ підъ самїй гóродъ.

Есть исторїи, приписываюцїе кровопролитїя 1768 года какой-то необьяснимой кровожадности Украинской черни, — какъ-будто человекъ можетъ сдѣлаться кровожаднымъ безъ виѣшнихъ причинъ, которыя доводятъ его до рѣшимости убить другого, или погнубить. Украинскїи простолюдинъ довазываетъ статистически, что въ его натурѣ всего менѣе склонности къ человеубїиству,

---

Донцы ихъ переловили и перевязали. Тогда Донецкой полковникъ пишетъ къ Матушкѣ: »Что съ ними дѣлать?« А она ему отвѣчала: »Кому сдѣлали вредъ, тому и отдайте ихъ въ руки.«

Вотъ, какъ ужъ уходили они на Низь, то человекъ ихъ десять плыло по Днѣпру и причалили лодкой подлѣ Черкасъ, и пришли на базарь, а тамъ взяли перекрещенца, что при напахъ былъ, повели черезъ рѣчку Солоницу къ Днѣпру, связали ему поясомъ руки, завязали бѣлымъ платкомъ глаза и сказали: »Стань на колѣни.« Онъ сталъ, а одинъ зашелъ сзади и выстрѣлилъ ему въ спину изъ ружья. Онъ такъ и упалъ навзничь. Тогда гайдамаки сѣли на лодку и поплыли. А люди сошлись, схоронили того перекрещенца и крестъ надъ нимъ поставили. И долго стоялъ тотъ крестъ; наконецъ вымыла его изъ земли вода, потому что Днѣпръ въ разливѣ подходитъ подъ самый городъ.

что желаніе овладѣть чужимъ имуществомъ весьма рѣдко искушаетъ его на этотъ грѣхъ и что только подъ вліяніемъ такихъ страстей, какъ гнѣвъ, мщеніе, ревность, онъ забываетъ о грѣхѣ и убиваетъ человѣка. Масса народа измѣняется медленно въ своемъ характерѣ, и нынѣшній Малороссіянинъ всё тотъ же человѣкъ, какимъ онъ былъ въ 1768 году. Если же въ то время легко было Занорожцамъ поднять его на кровавое дѣло, то это значитъ, что онъ былъ ужъ подготовленъ другими обстоятельствами къ Колинвицшѣ. Я ужъ отъ-части выставилъ дружны, которыми приведены были въ движеніе страсти толпы народной въ Украинѣ. Теперь представлю фактъ, показывающій съ одной стороны сильно возбужденные къ борьбѣ за вѣру умы простонародья, а съ другой неблагоприятныя мѣры мѣстныхъ властей къ утверженію въ Украинѣ униі, или, можетъ быть, личный фанатизмъ нѣкоторыхъ изъ нихъ. Разсказъ Харка Цехмстера о преслѣдованіи ревнителей *благочестія*, при всей узости его горизонта, вноситъ нѣкоторый свѣтъ въ исторію этого края, которую съ одной стороны затмили безусловные порицатели гайдамакъ, а съ другой люди, видѣвшіе въ Польскомъ дворянствѣ и духовенствѣ однихъ тирановъ и фанатиковъ. Хотя этотъ разсказъ относится, какъ видно, ко времени, послѣдовавшему за Колинвицшюю, но изъ него можно заключить и о временахъ, предшествовавшихъ ей.

ВОСПОМИНАНІЯ О РЕЛИГІОЗНЫХЪ СМУТАХЪ ВЪ УКРАИНѢ. (*)

У Миколіі бувъ священникъ, Остапъ Каряка. Поляки давали его підбивать, щобъ поїхавъ у Польщу да висвятися на Унію: »Поїдь, Остапче, *тобѣ льпий бѣндзл*.« Вінъ и поїхавъ, висвя-

---

(*) *Переводъ.* — Въ Никольской церкви былъ священникъ, Евстафій Каряка. Поляки стали подбивать его, чтобы поѣхалъ въ Польшу и *высвятится на унию*: »Поѣзжай, поѣзжай, Евстафій, тебѣ лучше будетъ.« Онъ и поѣхалъ, посвятился и воротился униітомъ. Вотъ въ Троицко

тивсь и вернувся вже ушіятомъ. Отъ у Трѳіиці благочестіе, а въ насъ Ушія, — ровівъ, мѳже, її скількі. То якъ піїдемъ булѳ у якій манастиръ говіть, то ченці насъ и наўчуютъ: »Взбунтуйітесь«, кійуть, »та до преосвященнаго добійітєся, то бѳде и въ васъ благочестіе.«

А ся епархія тягнула тогді до Переяслава. А въ Переяславі преосвященний бувъ Гервасій. Отъ батько мій и поїхавъ туді взъ парубкомъ Шпакѳмъ: »Ваше преосвященство! ми приїхали просіти, нехай и въ насъ бѳде благочестіе, якъ и въ людѳй; ато у насъ Ушія, що ми її її терпіти не мѳжемо.«

А преосвященний и кійе: »Дітки! просіте Каряку, нехай до менѳ приїде, то я ѳго поблагословлю на благочестіе.«

А панотѳць кійе: »Святій владіко! ми всѳєю громадою просіли, а вінъ не їме віри. «Тогді««, кійе, »у васъ бѳде благочестіе, якъ у менѳ поростѳ на долѳні волѳсея!«

То преосвященний и кійе: »Люде добрі! обождіть же; вінъ схаменѳтця, та не въ пѳру. Ідѳте«, кійе, »дітки додѳму, а священникъ вамъ бѳде.«

церкви *благочестіе*, а у насъ ушія, и тѳкъ прошло лѳтъ, можетъ бытъ, пѳсколько. Вотъ, какъ поїдемъ бывало въ какой-нїбѳду манастиръ говѳтъ, то монахи насъ и учать: »Взбунтуйітєся«, говорятъ, »да кѳ преосвященному добейтєся, такъ и у васъ бѳдетъ *благочестіе*.«

А эта епархія принадлежала тогда кѳ Переяславу. А преосвященнымъ въ Переяславі былъ Гервасій. Вотъ отецъ мой поїхалъ туда съ работникомъ Шпакѳмъ: »Ваше преосвященство! мы приїхали проситъ, чтобъ и у насъ было *благочестіе*, какъ у другихъ людей; ато у насъ ушія, которой мы и терпѳтъ не можемъ.« Преосвященный и говоритъ: »Дѳтки! просіте Каряку, пускай ко мнѳ приїдетъ; я благословлю его на *благочестіе*.« А отецъ говоритъ: »Святой владыка! мы просили его всѳмъ обществомъ, да онъ не вѳрїтъ. Онъ говоритъ: «Тогда у васъ бѳдетъ *благочестіе*, какъ у меня на ладони выростутъ волосы!«» Вотъ преосвященный и говоритъ: »Люди добрые! обождите же; онъ опом-

А въ Рѣвовці та бувъ тогді молодій піпъ, Максимъ Левіцькій. То Ляхи ёго мордовали, щобъ приставъ на Унію: жаръ за халави сипали и на колесо тягли; а вінъ утікъ та въ Переяславъ до преосвященного. Тамъ ёго панотѣць и бачпвъ.

Да тамъ же у Переяславѣ бувъ тогді у преосвященного и титаръ изъ Мліева. Узавъ Лядський антиминсь изъ цѣркви та и привізъ до преосвященного. То панотѣць и тогѣ тамъ бачивъ.

Отъ, якъ сказавъ преосвященній, що «їдьте», каже, «додому, а піпъ вамъ буде», то панотѣць и поїхавъ назадъ изъ Шпакѣмъ. А тогді перевѣзъ бувъ тілько въ Сокирній та въ Дѣминтахъ, атѣ скрізь по сеї бѣгъ стояла на бекѣтахъ стражъ Польска, а по той — Гетьманці на радутахъ. То оцѣ, булѣ, въ ночі и кричать — намъ у Черкасахъ и чути — оцѣ одинъ: «Славень гѣродъ Петербурхъ!» а другій: «Славень гѣродъ Переяславъ!» Усѣ гѣродѣ величали: такѣ-то, бачъ, булѣ гасло.

Такъ булѣ тогді тілько два перевѣзи. Заплатишь булѣ *индукту*, то и пропустятъ. Отѣ мій панотѣць у Дѣминтовъ, ажъ тутъ

нися, да не въ пору. Потъжайте», говоритъ, «дѣтки, домой; священникъ вамъ будетъ.»

А въ то время былъ въ Ревовкѣ молодой попъ, Максимъ Лѣвицкій. Ляхи его мучили, чтобъ сдѣлаля уніатомъ: сыпали за голенища раскаленные уголья и на колесо тянули; но онъ ушелъ и явился въ Переяславъ къ преосвященному. Тамъ мой отецъ и видѣлъ его. Былъ на ту пору въ Переяславѣ и ктиторъ изъ Мліева. Онъ взялъ Ляшкѣи антиминсь изъ цѣркви и привезъ къ преосвященному. Такъ отецъ и его видѣлъ тамъ.

Ну, вотъ, какъ сказалъ преосвященній: «Потъжайте домой, а попъ вамъ будетъ», то отецъ и поѣхалъ назадъ съ Шпакѣмъ. Переправа черезъ Днѣпръ была тогда только въ Сокирній да въ Дѣминтовѣ. По сю сторону стояла вездѣ на пикетахъ Польская стража, а по ту — Гетьманцы на редутахъ. Ночью бывало и кричатъ — намъ въ Черкасахъ и слышно — одинъ: «Славень гѣродъ Петербургъ!» а другой: «Славень гѣродъ Переяславъ!» Всѣ гѣрода славили: такой, видишь, сигналъ былъ. Такъ два перевоза только было тогда. Заплатишь бывало *индукту*

одь брата посланецъ. Братъ заплативъ чоловіку томú та и переказуе: »Нехай!«, каже, »не иде въ Черкаси, бо вже Ляхи провідали, то стережуть на дорозі, щобъ піймать.«

То батько съ Шпакóмъ у Богúшкову слобідку, та нанявъ рибалку, щобъ ёго перевізъ пóтайно на сей бiкъ, а коней изъ Шпакóмъ покiнувъ.

Прийшовъ додóму, ажъ тутъ лихо: шукáють ёго Ляхи, щобъ стрáтити. То вінъ до зiтя, та и живъ тамъ зъ мiсяць у загородi, пóки все втихомiрилось.

Якъ утихомiрилось, то и ставъ нанотéць жить дóма вже; тiлько всё ще опáсувався. Коли жъ прислáе разъ за нимъ панъ швагронiстий. А тогдi у насъ у Черкасахъ команда стояла, то нанотéць лядунки обшивáвъ. Отъ вінъ и пішовъ до того швагронiстого, сáме туди, де теперъ суда стоять.

Прихожу — каже — я туди, ажъ дивлюсь — привезли Млiевського тiтара, що у преосвященнаго я бачивъ. Рóки назадъ звiзанi, и самъ привязаний до полудрабка. Я — каже — якъ по-

такъ и проустать. Прiїзжаєть отецъ въ Домонтовъ, какъ тутъ отъ брата гонецъ. Братъ нанялъ гонца и передалъ черезъ него на словахъ: »Пускай!«, говорить, »не бiеть на Черкасы: уже Ляхи провiдали и каралять на дорогi, чтобъ поiмать.« Тогда отецъ со Шпакóмъ въ Богúшкову слободку; нанялъ тамъ рыбака, чтобъ переправить его тайно на сю сторону, а лошадей и Шпакá оставилъ за Днiпромъ. Пришелъ домой — бiда: ищуть его Ляхи, чтобъ извести. Онъ къ зiтю, и жилъ тамъ съ мiсяць въ загородi, пока все успокоилось.

Какъ успокоилось, то началъ отецъ жить уже дома; только всё еще опасался. Какъ присылаєть за нимъ однажды панъ эскадронный. Въ то время стояла у насъ въ Черкасахъ команда, и отецъ обшивалъ для ней лядушки. Пошелъ онъ къ эскадронному, на то самое мiсто, гдi теперъ приутовешня мiста стоять. Прихожу — говорить — туда, смотрю — привезли Млiевского китора, чтó видiль я у преосвященнаго. Рóки у него связаны назадъ, а самъ онъ привязанъ къ телегi. Я — говорить — какъ увидiль, такъ и замеръ: думалъ, что и меня затiмъ

бачивъ, то и вмёръ: думавъ, що її менё оцё за тимъ призвали. Коли жъ виходить швагроністній: »Ну, цехмістеръ, гляді, щобъ у сэреду були лядунки!«

»Будуть,« кажѹ, »вельможній пане!«

А вінъ: »Іді жъ«, каже, »та щобъ були!«

Отъ у менё її на душі — каже — трѳхи одягло. Скоріішъ звідти: нехайі вамъ бієть!

А тітара тогѳ повезлі въ Млієвъ, да отѳ, що ёсть тамъ коло Млієва грёбельва и вёрби, то тамъ ёгѳ на вербі повісли за рѹки и усякъ мордовали. Оцё коноплями обмотають, та смолою обмажуть, та її запалять. А потімъ, замордовавши, гѳлову ёмѹ одрубали та її виставили на вигопі, на висѳкій палі. А въ ночі цѳсь украло тѹю гѳлову та її одвезло ажъ у Переяславъ до преосвященного. То преосвященній ще лѹчче почавъ старатьця, щобъ бѹло благочестіе.

Ажъ ось разъ приходить чоловікъ до панотця: »Ідіть«, каже, »пане цехмістре, якийся піпъ пріхавъ та зовё васъ.«

Піпѳвъ напоцѳць, ажъ то тої самій Максимъ Левіцький, що бувъ у преосвященного!

призвали. Какъ тутъ виходить эскадронній: »Ну, цехмістеръ, смотри же, чтобъ у тебя были къ середѳ лядунки готовы!« — »Будуть«, говорю, »вельможній панъ!« А онъ: »Ступай же«, говоритъ, »да чтобъ были!« У меня — говоритъ отецъ — и на душѳ немного легче стало. Скорѳе оттуда: ну васъ къ чѳрту!

А того ктиторѳ повезли въ Млієвъ, и есть тамъ возлѳ Млієва плотинка и вербы; то на тѳхъ вербахъ повѳсли его за руки и всячески мучили. Обмотають ньёкою, обмажутъ пеньку смолой и зажгутъ. А замучивши, отѳкли ему голову и выставили на выгопѳ, на высокомѳ столбѳ. Но кто-то ночью укралъ ту голову и севезъ въ Переяславъ къ преосвященному. Тогда преосвященный началъ больше прежняго стараться, чтобъ у насъ было благочестіе.

Какъ вѳгѳ однажды приходитъ къ отцу одинъ человекъ. »Подите«, говоритъ, »сюда, панъ цехмістеръ: пріѳхалъ какой-то пощъ и зоветъ

»Люде добрі«, каже, »оце приславъ мене преосвященний, щобъ я бувъ у васъ попомъ.«

А наші кажуть: »Добре, батюшко! ми того бажаємъ.«

»Ходімъ же«, каже, »въ церкву.«

Пішли въ церкву. Вінъ одправивъ акафість; посвятивъ церкву; обійшли кругомъ церкви; а потімъ и каже: »Люде добрі, дайте жъ миші кватиру. Въ мене и жінка е, и діточокъ двоє.«

Отъ наші далі ёму обществомъ хату. А потімъ уже вінъ посилавъ у Рівівку підводу; то привезли ёму и попадю, и дітей двоє. Дочка була Явдоха, да синокъ Лесько.

То якъ поживъ той піпъ у насъ роківъ зо два, то ёго зробили протопою, а після такъ розжився, що було берліномъ іздить. Будка зъ вікнами, и коні въ-простяжъ. То оце одінь на коні сидить, а другий коло будки, а самъ у будці, та ще и за будкою одінь.

Къ стыду своему, я долженъ сознаться, что очень мало удѣлил времени на распросы Харка Цехмистера о старинѣ, торопясь

васъ къ себѣ.« Пошелъ отецъ, смотритъ — это тотъ самый Лѣвицкій, что былъ у преосвященнаго! »Люди добрые«, говоритъ, »прислалъ меня преосвященный, чтобъ я былъ у васъ попомъ.« А наши говорятъ: »Хорошо, батюшка! мы того и желаемъ.« — »Пойдемте же«, говоритъ, »въ церковь.« Пошли въ церковь. Онъ отслужилъ акафість; освятилъ церковь; обошли вокругъ церкви; а потомъ и говоритъ: »Люди добрые! дайте же мнѣ квартиру. У меня есть жена и двое дѣтокъ.« Наши дали ему отъ общества хату. А потомъ уже онъ посылалъ въ Рѣвовку подводу; привезли ему попадю и двое дѣтей. Дочка была у него Евлокія да сынъ Алексѣй. И какъ пожилъ у насъ тотъ попъ года два, то сдѣлала его протопономъ; а потомъ такъ разбогатѣлъ, что бывало ѣздитъ въ каретѣ. Будка съ окнами, и лошади въ-простяжъ. Одінь человекъ сидитъ на конѣ, другой возлѣ будки, самъ онъ въ будкѣ, а одінь человекъ еще и сзади будки.

поспѣтъ въ другія мѣста и воображая встрѣтить еще много подобныхъ стариковъ. Дѣло, однакожь, показало, что это была одна изъ счастливѣйшихъ моихъ находокъ и что никто изъ моихъ разсказчиковъ съ ясностью рѣчи, благодушнымъ тономъ и простымъ, истинно лѣтописнымъ краснорѣчіемъ Харка Цехмистера не соединялъ его глубокой старости и разнообразія дѣтскихъ впечатлѣній.

Вотъ еще живая картина Татарскаго набѣга, сохранившаяся въ его памяти, или лучше — намернувшаяся ему на память во время нашихъ дружескихъ бесѣдъ.

ТРЕВОГА ПО СЛУЧАЮ ТАТАРСКАГО НАБѢГА. (*)

Ще до Коливщини пішла разъ по Черкасамъ чѣтка, що Орда йде, и вже недалёко. А се було зимою. То народъ такъ и хряснувъ на той бѣгъ. А тамъ збіглось десятківъ пять Гетьманськихъ козаківъ на Кручину редуту [выше села Паныскаго]: »Стійте! нема указу!« Не пускають черезъ граніцію. А народъ спѣрся на лёду, то лідъ ажъ ревѣ. Крикъ, гвалть, діти плачуть. Біда така скіолась на лёдѣ, що, Боже, твоя воля! Те саночками самотужки, а въ когô волі, то на воляхъ; а хто коні має, то кінями. Тутъ и корови, тутъ и овечки, тутъ и збіжже всяке.

(*) *Переводъ.* — Еще до Коливщини разнесся разъ по Черкасамъ слухъ, что идетъ Орда, и ужъ недалеко. Было это зимою. Народъ такъ и ринулся на ту сторону Днѣпра. А тамъ сбѣжалось десятковъ пять Гетманскихъ козаковъ на Кручинѣ редутѣ [выше села Панскаго]: »Стойте! нѣтъ указа!« и не пускаютъ черезъ границу. Народъ стѣснился на льду до - того, что ледъ началъ трещать. Крикъ, шумъ, дѣти плачутъ. Бѣда такая сотворилась на льду, что, Боже, Твоя воля! Одинъ санки везетъ на себѣ; а у кого есть волю, тотъ ѣдетъ на волахъ: а у кого есть лошади, тотъ на лошадяхъ. Тутъ и коровы, тутъ и овцы, тутъ и всякое зерно.

Отó жъ, зупинивши нарóдь на лёдѣ, одинъ козаць побігъ до судá въ Золотоношу, чи мѣжна пуститъ; а наші люде сіли на коней та побігли ажъ до Смелянського мѣсту, чи иде орда. То прибѣгáе Гетьмáнець: »Мѣжна!« Ажъ тутъ и наші вернулись: »Немá Орды!«

А вона такі бѣла, да тилько розграбила Журавку да Бóвтышку — тамъ десь коло Камянки — та й вернулась.

Изъ Черкасъ я отправился въ Чигиринъ, ни сколько не сомнѣваясь, что по дорогѣ туда и въ самомъ городѣ соберу много преданій о козацкой старинѣ. Но поныни мои, уже по своему свойству, были подвержены случайностямъ охоты. Иногда въ теченіе многихъ дней и при всевозможныхъ съ моей стороны стараніяхъ, я не встрѣчалъ ни одного человѣка, который бы могъ, или захотѣлъ, разсказать мнѣ что-нибудь достойное стенографіи. Въ Чигиринѣ я не записалъ ни одного преданія, ни одной пѣсни. И въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго: городъ въ Малороссіи не имѣетъ никакихъ преимуществъ передъ селомъ относительно разсказовъ о старинѣ, и громкое имя Чигирина не связано въ умѣ его жителей (разумѣется, простолюдиновъ: до прочихъ мнѣ не было дѣла) ни съ какими историческими воспоминаніями.

Тѣмъ не менѣе мѣстность его заняла меня живѣйшимъ образомъ. Я обошелъ его разрушенныя земляныя укрѣпленія, его окрестности, гдѣ много разъ воздвигались шанцы и батареи, направленные противъ Чигиринской горы, на которой теперъ едва замѣтны

И вотъ, оставивъ народъ на льду, одинъ козаць поскакалъ въ Золотоношу узнать, можно ли пропустить черезъ границу; а наши люди сѣли на лошадей и поскакали къ Смелянскому мосту — идетъ ли Орда. Возвращается Гетьмáнець: »Можно!« А тутъ и наши воротились: »Нѣтъ Орды!«

А Орда точно приходила; но только разграбила Журавку да Бóвтышку — тамъ гдѣ-то около Камянки — и воротилась.

слѣды зámка; наконецъ отправился пѣшкомъ въ Сѹботову, родному селу Богдана Хмѣльницкаго.

Я шелъ вдоль камышчатой рѣчки Тясмина, по тропинкѣ, пролегающей у подошвы возвышенностей праваго берега. Эти возвышенности покрыты на своихъ скатахъ садами и левадами, непрерывающимися почти до самого Сѹботова. Переходя изъ одного сада въ другой, изъ одной левады въ другую, я видѣлъ на взгорьи бѣлыя хаты хуторянь и заходилъ въ нихъ подъ предлогомъ усталости; но вездѣ находилъ жизнь новую, съ заботами о ежедневныхъ потребностяхъ; старина не оставила въ нихъ для меня ни одного беззубаго старика, который бы, чавкая и покашливая, поразсказалъ мнѣ о томъ, что было интересно въ его молодья лѣта. Никто ничѣмъ не далъ мнѣ почувствовать, что я стою на Чигиринской почвѣ, вблизи мѣста рожденія и частной жизни самаго характернаго представителя стараго козацества.

Въ Сѹботово я пришелъ уже вечеромъ, переночевалъ въ домѣ діакона и только на другой день могъ осмотрѣть мѣсто, гдѣ стоялъ домъ Хмѣльницкаго (отъ него не осталось уже никакихъ слѣдовъ), построенную имъ церковь и самое село. Надобно сказать, что въ мѣстоположеніи Сѹботова, на взгорьяхъ и низкихъ берегахъ Тясмина, есть что-то переносящее въ старину. По крайней мѣрѣ я нигдѣ не могъ такъ живо вообразить Богдана Хмѣльницкаго, какъ здѣсь. Надобно же было еще случиться, что, проходя по улицѣ, я повстрѣчалъ косаря, чрезвычайно похожаго лицомъ на изображенія *козацкаго батька*! Онъ не слишкомъ торопился на косовицу и, кажется, обрадовался случаю промедлить въ селѣ. Опершись живописно одной рукой на плетень и держа косу въ другой, онъ началъ бесѣдовать со мной о Сѹботовской старинѣ. Съ одной стороны передъ нами развивалась перспектива Тясмина съ его камышами, съ другой — на горѣ видѣлась озаренная солнцемъ церковь Богдана Хмѣльницкаго и возвышенность, занятая пѣкогда его домомъ, а теперь покрытая скірдами, «экономическаго» хлѣба. Косарь имѣлъ ясное понятіе о личности Хмѣльницкаго и вспоминалъ о немъ, какъ о недавнемъ владѣтелѣ Сѹбо-

това. Я рѣдко встрѣчалъ между поселянами человѣка, который бы такъ живо сочувствовалъ козацкимъ войнамъ. Обыкновенно они не знаютъ, что дѣлалось въ отдаленную старину; если же и рассказываютъ сбивчивыя преданія о ней, если и поютъ пѣсни, то всё таки теряютъ связь между былымъ и нынѣшнимъ. Но чаще всего они равнодушны ко всему, что ни происходило прежде въ Малороссіи. Напротивъ, Сѹботовскій мой знакомецъ весь ожилъ, вспоминая времена козацкой славы, которая —

Самá себѣ на смѣхъ на давала,
Непріятеля підъ ноги топтала,

и до-того увлекся разговоромъ съ человѣкомъ не его сословія и не его лѣтъ, что позабылъ о своемъ намѣреніи идти косить. Я видалъ только пьяныхъ земляковъ своихъ въ такомъ восторженномъ настроеніи духа и могъ бы подумать, что онъ тоже пьянъ, но было еще очень рано.

Не помню, какимъ образомъ мы свели рѣчь на то, чтобы идти къ нему въ хату; но только, возвратясь туда, косарь мой уже не заботился о косовицѣ и принялся потчивать меня всѣмъ, что у него было лучшаго въ хозяйствѣ. Мѣстомъ моего завтрака избрана была пустая, прохладная хата, обращенная въ комору. Стуломъ служилъ мнѣ бочонокъ, столомъ — опрокинутая кадушка. Мой штофикъ оказался здѣсь никакъ не лишнею вещью, и скоро я увидѣлъ себя окруженнымъ довольно многочисленнымъ собраніемъ. Къ хозяину пришли его родные, или сосѣди; я, разумеется, предложилъ имъ выпить и съ разу попалъ къ нимъ въ самыя пріятельскія отношенія. Они усѣлись вокругъ меня—кто на мѣшкѣ муки, кто на занесенной дорожною пылью мазницѣ, кто на порожнемъ ульѣ, и пачались раздобары обо всемъ, кромѣ косовицы. Пропѣто было и нѣсколько пѣсень, между которыми замѣчательнѣйшая помѣщена въ сборникѣ г. Метлинскаго. Такъ какъ она напечатана тамъ не вполне, то прилагаю ее здѣсь въ томъ видѣ, какъ она была пропѣта мнѣ въ Сѹботовѣ.

ПІСНЯ О ВОЙНАХЪ ХМЕЛЬНИЦКАГО.

Ой почувайте и повідайте,
Що на Україні постало:
Що за Дашевимъ, підъ Сорогою
Множество Ляхівъ пропало!

Перебийнісь прѣснить немого —
Трохъ козаченьківъ зъ собою;
Рубає мечемъ голови съ плечей,
А рѣшту топить водою:

«Ой пийте, Ляхі, воді калюжи
Болотяніі,
А що пивали по тій Україні
Меді та вина ситніі!»

Та по чімъ козакъ славень?
Наївся риби и соломахи зъ водою;
Зъ мушкетомъ стане — а сѣрце вьне,
А Ляхъ одъ дѣху вмирає.

Ой чи бачъ, Ляше, що панъ Хмельницький
На Жовтімъ Піску підбився?
Семі козаківъ, добрихъ юнаківъ,
Ти ї за Віслою не скрився.

Ой чи бачъ, Ляше, що козакъ пляше
На воронімъ коню передъ тобою?
Ти, Ляше, злякнешъ и съ коня спаднешъ,
Самъ присіплесся землѣю.

Ой чи бачъ, Ляше, що по Случъ наше,
По Костянію Могилу?

Якъ не схотіли, забунтовали
Та й утерjali Вкраїну.

Ой нависли Ляхи, нависли,
А якъ ворони на вишні...
Не попустімо Ляхові Польщу
Поки нашої живності!

Я считаю не пустымъ обстоятельствомъ, что эта пѣсня записана отъ жителей Сѣботова. Больше нигдѣ не встрѣчалъ ее ни самъ я, ни другіе собиратели пѣсень. Въ ней отразились понятія современниковъ Хмѣльницкаго о козацкихъ войнахъ съ панами. Третій куплетъ:

Ой пийте, Ляхи, воді калієжи
Болотяниі,
А що швали по тій Вкраїні
Меді та вiна ситтiі!

выражаетъ, что была для пановъ Украина: мѣсто поноекъ и пресыщенія. Народъ долженъ былъ только поставлять для нихъ *меді та вiна ситтiі*, а объ его нуждахъ и потребностяхъ никто не заботился. Слѣдующій куплетъ:

Та по чимъ козакъ славетъ?
Наївся риби и соломahi зъ водою;
Зъ мункѣтомъ стiєе — а сѣрце вiєе,
А Ляхъ одъ дѣху вмирає...

представляетъ противоположность между роскошнымъ паномъ и неприхотливымъ козакомъ, который по-неволѣ долженъ былъ питаться только рыбою да соломahoю. Но не смотря на то, что у него отъ голоду *влянуло сѣрдце*, мужественный духъ его былъ смертоносенъ для избѣженнаго пана. Въ стихѣ:

Семі козаківъ, добрихъ юнаківъ,

заключається намець, що у Хмільницького було семь сподручничковъ, пріобрѣвшихъ такую популярность, какъ и Перебийнось, Нечай, Морозенко, и называвшихся *козаками* по-преимуществу. (1)

Далѣ стихи:

Якъ не смотіли, забутовали —
Та й утерјали Україну...

указываютъ на сопротивление пановъ политикѣ Владислава IV. Наконецъ въ послѣднихъ стихахъ:

Не попустимо Ляхові Польци,
Побѣи нашої живіости!

выражается взглядъ козаковъ и самого Хмільницького на Малоросію. Они считали ее такою же частью Польскаго государства, какъ Мазовія, Познань и пр., и возстаніе ихъ было сперва только успіемъ *не попуститъ Ляху* (а *Ляхъ* и *панъ* на ихъ языкѣ значило одно и то же, ибо *Ляхи* у нихъ были Острожскіе, Чарторыйскіе, Вишневецкіе, и другія Южно-Русскія семейства) *верховодитъ* въ Рѣчи Посполитой.

---

(1) Ой якъ оглянетця *козакъ* Перебийнось на лівее плече —
Ажъ изъ-підъ Дашева та до Волóхова кривавая рiчка тече.

Чи не той то хміль, хміль, що високо вѣдця?
Чи не той то *козакъ* Нечай, що зъ Ляшками бѣдця?
Чи не той то хміль, хміль, а що въ пиві грає?
Чи не той то *козакъ* Нечай, що Ляшківъ рубає?
Чи не той то хміль, хміль, що у пиві кісне?
Чи не той то *козакъ* Нечай, що Ляшеньківъ тісне?

Морозенко *козаченько* якъ макъ роспукався,
Морозенко *козаченько* въ неволю попався.

Прощай, прощай, Морозенку, ти, найславний *козаче!*
За тобою, Морозенку, вся Україна плаче.

Что касается до преданій о старинѣ, что Сѹботовскіе себе-сѣдники мои признавали себя народомъ молодымъ, который мало что помнить, и, въ отвѣтъ на мои распросы, безпрестанно толковали мнѣ о какомъ-то Омелькѣ Каплаухомъ, какъ о самомъ старомъ человѣкѣ въ Сѹботовѣ. Отъ него пошли у нихъ все старосвѣтскія пѣсни и все воспоминанія о прежнихъ временахъ. Мнѣ единогласно совѣтовали обратиться къ нему, и я тѣмъ охотиѣе виялъ этому совѣту, что гости мои (ибо штофникъ *меня* обратилъ въ хозяина) сдѣлались черезъ - чуръ шумны и мѣшали одинъ другому говорить. Еслибы я, съ опытною предусмотрительностью, не принялъ надлежащихъ мѣръ, они бы все шумно послѣдовали за мной къ Омельку Каплаухому. Но я устроилъ такъ, что, по моему уходѣ, центромъ ихъ соединенія оставалась *плѣшка горѣлки*, и отправился безъ помѣхи къ патриарху Сѹботова, въ сопровожденіи одного только хозяина гостепріимной хаты.

Мы застали Омелька Каплаухаго сидящимъ на порогѣ его сѣней, съ маленькимъ внучкомъ на рукахъ. Бѣлая борода его приятно смѣшивалась съ нѣжными бѣлокурыми волосами малютки. Морщинистый лобъ, украшенный лысиною, выражалъ миновавшія тяжкія заботы жизни и тихое успокоеніе, или, пожалуй, ошѣмненіе сердца въ старости. Онъ посмотрѣлъ на меня, по-видимому, безъ всякаго вниманія и, отвѣчая на мой привѣтъ слабымъ голосомъ, остался неподвиженъ на своемъ мѣстѣ. Но тутъ мой проводникъ подошелъ къ нему и сказалъ, съ таинственнымъ видомъ, нѣсколько словъ, которыя долетѣли до моего слуха и объяснили мнѣ настоящую причину, почему Сѹботовскіе мои пріятели такъ усердно помогались, чтобъ я повидался съ Омелькомъ Каплаухимъ. Меня приняли здѣсь за что-то въ родѣ переодѣтаго Гаруна-Альрашда; а какъ Омелько Каплаухій у нихъ слылъ умнѣйшею головою въ селѣ, то они надѣялись, что онъ лучше всехъ ихъ воспользуется моимъ появленіемъ. Это обстоятельство, неважное само по себѣ, обнаруживаетъ весьма замѣчательную черту Украинскаго характера. Простолюдинъ нашъ, при всемъ равнодушіи къ тому, что передъ нимъ происходитъ, чрезвычайно склоненъ къ мечтатель-

ности и часто изъ ничего извлекаеть великолѣпныя надежды: новое доказательство юности племени, предчувствующаго лучшую жизнь впереди.

Въ Омелькѣ Каплаухомъ произошла вдругъ рѣзкая перемѣна. Онъ суетился въ своей хатѣ (которая была наполнена только маленькими внучатами, такъ какъ все остальное семейство было въ полѣ) и заговорилъ со мною языкомъ еще свѣжаго человѣка. Отъ моего предложенія выпить онъ отказался, потому что съ молодыхъ лѣтъ пересталъ употреблять хмѣльное. Я тоже отказался отъ завтрака, который онъ предложилъ мнѣ. Мы отпустили моего проводника къ его веселой братинѣ и бесѣдовали мирно вдвоёмъ, усѣвшись подъ старой грушею. Дѣти играли вокругъ насъ. Неподвижный воздухъ въ тинниѣ нагрѣвался солнцемъ.

Къ сожалѣнію, Омелько Каплаухинъ не охотно углублялся въ старину и говорилъ всё о современныхъ интересахъ села Суботова, которые мало меня занимали. Въ записной моей книжкѣ сохранилось только четыре историческія его воспомнанія, а именно:

1.

ХМѢЛЬНИЦКІИ ВЪ ЗАПОРОЖСКОЙ СѢЧИ. (*)

...Та й поїхавъ у Січъ тимъ бѣкомъ Дніпрá. Приїхавъ до Січи, ажъ тамъ стоить жовнірство и берé одъ козаківъ десяту рѣбу. Отъ Хмельницький, показавши тайно Запорóзцямъ королевський листъ, усовітовавъ їмъ, якъ збути жовнірівъ: »Я«, кáже, »вийду на майдáнь та й зачну кричати: *У рáду! въ рáду! въ*

(*) *Переводъ.* — ...И поѣхалъ въ Сѣчь той стороною Днѣпра. Приѣхалъ въ Сѣчь, — тамъ стоятъ *жоліньри* и берутъ съ козаковъ десятую рыбу. Хмельницкій показалъ тайно Запорожцамъ королевскій листъ и присовѣтовалъ имъ, какъ избавиться отъ *жоліньрѣ*. »Я«, говоритъ, »выйду на площадь и начну кричать: *Въ рáду! въ рáду! въ рá-*

ра́ду! а ви візьміте підъ по́лу по дрючкú, и якъ жовніри прийдуть безъ шабелъ у ра́ду, то ви на їхъ зъ дрючкáми да веіхъ и перебийіте.»

Такъ и стáлось. Да по́тімъ якъ пішовъ воєвáти Хмельніцький, то розбівъ Ляхівъ и на Жóвтії Воді, и коло Корсуня, та загнáвъ ажъ за Слúчь, та й сказáвъ: *»Зна́й, Ляше, по Слúчь на́ше!«*

Извѣстіе о *десятой рыбѣ*, упоминаемой въ этомъ преданіи, находится въ одной только «Лѣтописи Самовидца» (стр. 7, ст. 1): «Которые зась на рыбу хожували козаки за порога, то на Кодаку на комисара рыбу десятую отбѣрали.»

2.

ПЛАТА ХМѢЛЬНИЦКАГО ЗА ПЛѢННЫХЪ. (*)

Якъ воєвáвъ Хмельніцький зъ Ляхáми, то вся́кому, хто шіймає Ляхá, обіщáвъ давáть за ко́жного по рублю, а за ксѣнза по три ко́пи. То, якъ шіймає було́ коза́къ Ляхá, то ви́голитъ ёму́ на голові́ лыснóу та й скáже: *Гляди́ жъ ти мнѣ, вражій Ляше!* тілько скáжешъ, що ти не ксѣнзь, то зàразъ духъ съ тебѣ вопъ!»

ду! (т. е. Собирайтесь на вѣче, на совѣтъ), а вы возьміте подъ по́лу по дуби́нкѣ и какъ придуть *жолитры* въ раду безъ сабелъ, вы бросьтесь на нихъ съ дуби́нками и перебийіте всѣхъ.» Такъ и сдѣлали. А потомъ, какъ пошелъ воевать Хмѣльницкій, то разбівъ Ляховъ и на Желтыхъ Водахъ, и подъ Корсунемъ; потомъ прогнавъ ихъ за самую Слúчь и сказалъ: *»Зна́й, Ляше, по Слúчь на́ше!«*

(*) *Переводъ.* — Какъ воевалъ Хмѣльницкій съ Ляхами, то всякому, кто поймаетъ Ляха, обещалъ давать по рублю за каждого, а за ксенза по три полтины. Вотъ бывало поймаетъ козакъ Ляха, пробрѣтетъ ему на головѣ лысину и скажетъ: «Смотри же, вражій Ляхъ! только ска-

Отъ и приведе до Хмельницького.

»Хто ти такий?«

»Ксензь.«

То Хмельницький вийме съ кишені три коши та її дасть.

3.

ПРЕСТУПЛЕНІЯ И КАЗНЬ ЮРІЯ ХМѢЛЬНИЦКАГО. (*)

Хмельниченко побусурманившись збивъ пушкою зъ горі Валка (1) вѣрхъ зъ бѣтківської церкви, хотячі довідатись бѣтківськихъ грѣшей, що, кажутъ, були замуровані на горіиці, на церкві. Вінъ би то прийшовъ за ними її до Сѹботова, та боявся, бо тутъ стояло військо; то вже зъ злѣсти хотівъ розбитъ церкву.

Хмельниченко живѣ ще її досі. Наші старіі чумаки розказували, що бачили ёго въ горахъ на свої очі, и самъ вінъ казавъ, що: »Я синъ Хмельницького.« Ёго ссе гадина, и вінъ бѹде мѹ-

---

жешь, что ты не ксензь, то тутъ и духъ съ тебя вонъ »И приводитъ его къ Хмѣльницкому. «Кто ты таковъ?« — »Ксензь.« Хмѣльницкій вынетъ бывало три полтины и дасть козаку.

(*) *Переводъ.* — Синъ Хмѣльницкаго, какъ обусурманился, то спибѣ куполь съ отцовской церкви, выстрѣливъ изъ пушки, съ горы Валка (1). Онъ хотѣлъ добратъся до отцовскихъ денегъ, что были, говорятъ, заложены кирпичомъ на церкви. Онъ бы пришелъ за ними и въ Сѹботовъ, да боялся: тутъ войско стояло; и потому съ досады хотѣлъ разбитъ отцовскую церковь.

Онъ до сихъ поръ живѣ. Наши старые чумаки рассказывали, что видѣли его въ горахъ своими глазами, и самъ онъ говорилъ имъ: »Я синъ Хмѣльницкаго.« Его сердце сосеть змія, и будетъ онъ мучиться и бро-

---

(1) Въ двухъ верстахъ отъ Сѹботова.

читись и блувати поміж горами ажъ до Страшного Сѹду; а тогді вже Господь ёго простить, що побуеурманивсь и хотівъ розбіть батьківську церкву.

4.

ПРОИСХОЖДЕНІЕ И КОНЕЦЬ ГАЙДАМАКИ НЕЖИВОГО. (*)

Неживій робивъ колієсь горшки у Артёма ганчарá, и всё було каже: »Я хочъ на оди́нь дeнь, а бѹду пáномъ.« Пóтимъ вінъ бѹвъ у Мотрeниньському лeсѹ, а звідти пішовъ на Каневъ, и вiрiзавши тамъ Ляхівъ и Жидівъ, поверну́въ на квартири до Чигринá. А въ Галаганівцi да живъ панъ Щeрба. Отто́й-то и запро́сивъ ёго до себе въ гóстi. Неживій зъ усіми козака́ми своїми пішовъ до Галаганівки; козаківъ же зостáвивъ по сeй бiгъ грeблi, а самъ зъ дванадцятма́ отамана́ми пішовъ пішо до Щeрби. Отъ Щeрба, побáчивши, що вінъ у двóрi безъ вiйськa, зáразъ якъ кривне своимъ: »Вeрiть ёго!« Тутъ ёго и злáпали. А вiйськo, почувши, що отаманівъ позабiрано, зáразъ усe порозбiгалось.

дить въ горахъ до Страшнаго Суда; а тогда ужъ ему Господь простить, что онъ обуеурманился и хотѣлъ разбить отцовскую церковь.

(*) *Переводъ.* — Неживый работалъ когда-то горшки у Артемія горшечника, и всё бывало твердитъ: »Я хоть на одинъ день. а бѹду на-помъ.« Потомъ онъ проживалъ въ Мотренинскомъ лeсѹ, а оттуда пошелъ въ Каневъ и, вырѣзавши тамъ Ляховъ и Жидовъ, воротился на квартиры въ Чигиринъ. Тамъ въ Галагановкѣ жилъ панъ Щeрба, и за-звалъ его къ себѣ въ гости. Неживый пошелъ къ Галагановкѣ со все́ми своими козаками; козакoвъ онъ оставилъ по сю сторону плотины, а самъ съ двѣнадцатю отаманами пошелъ пѣшкомъ къ Щeрбѣ. Щeрба видитъ, что онъ на дворѣ безъ войска, тотъ-часъ и кривнулъ своимъ: »Схва-титъ его!« Тутъ его и схватили. А войско, узнавъ, что отамановъ пе-рехватили, тотъ-часъ все разбѣжалось.

Омелько Каплаухіи заложилъ, по моей просьбѣ, пару воловъ въ длинный возъ, наполненный сѣномъ, и свезъ меня въ ближайшее село по направленію къ Мотренинскому монастырю, у котораго гайдамаки, во время Колівицины, заложили свой кошъ, или сборное мѣсто. Разставшись съ нимъ со всею нѣжностью, какую мы питали другъ къ другу, по совершенно различнымъ причинамъ, я прошелъ до монастыря пѣшкомъ и, не смотря на то, что явился въ смиренномъ видѣ странника, нашелъ у монаховъ самое радушное гостепрїимство. Случаю угодно было, чтобъ я толкнулся въ дверь именно къ такому человѣку, какового мнѣ было нужно. Меня встрѣтилъ старикъ самой ласковой, благосклонной наружности, и мнѣ довольно было сказать, что я путешественникъ, изучающій остатки старины, чтобъ поставить его въ самыя прямыя съ собой отношенія. Опъ понялъ желаніе молодого человѣка видѣть мѣста, столь извѣстныя въ исторіи Колівицины, и, кажется, былъ очень доволенъ, что нашелъ самага внимательнаго слушателя его собственныхъ воспоминаній о гайдамакахъ, по разсказамъ очевидцевъ. Рѣчь его отличалась комическимъ отгѣнкомъ, такъ какъ шутка вмѣшивалась, незамѣтно для него самого, во все его бесѣды. Это смягчало суровость общаго тона преданій о гайдамакахъ и придавало его повѣствованіямъ прїятную игривость. Передаю ихъ въ томъ порядкѣ, въ какомъ они были мною записаны.

1.

ГАЙДАМАКИ ВЪ МОТРЕНИНСКОМЪ МОНАСТЫРѢ. (*)

Якъ зібрались гайдамаки у Мотренинському лісу, то зробили собі Січъ. Вибрали такє місто, що зъ трѣхъ боківъ байраки, а съ четвѣртого поставили башту. Кругомъ обрубались лісомъ. По

(*) *Переводъ.* — Какъ собрались гайдамаки въ Мотренинскомъ лесу, то сдѣлали себѣ Січъ. Выбрали они такое мѣсто, что съ трехъ сторонъ буераки, и поставили съ четвертой стороны башню. Кругомъ сдѣ-

середині насипали грóшей и ниткою перекрестили, да її прибіли іі колóчками у чотирéх мiстахъ. И козаць кругомъ ходить. Оцé жъ у одному байраці *Сичъ*, а въ другому, на Бóйковiй Луці, *Скликъ*. А Скликомъ звáвся казáкъ, що висівъ на дубi, и коло ёго дóвбня. А то для тóго, що, скóро якá тревóга, абó-що, зáразъ прибiжить козаць та дóвбнею іі почáвъ валять; а казáнь на весь лiсь реvé. То вiже де бъ котóрий козаць не бóвъ, скорiйшъ збiгаютьця до-бiши. Да тутъ же зáразъ коло Склика бóвъ у дубрóвi *Значокъ*, — такé-то, бачъ, обзначене кругомъ мiсце, де ихъ конi пáслнсь. А одъ Значка, веретóвъ три пiкъ Жáботину, булó *Гульбище*, на висóбiй могiлi, такъ що якъ зiйдешъ туди, то весь Жáботинъ якъ на долонi. Посхóдять булó на ту могiлу, балакають, у кáрти грають, спiвають пiсень усякихъ. Рiдко булó якiй день виберетця, щобъ тамъ нiкого не булó.

Отó Ляхi якъ почóли, що въ лiсi зiбрались гáйдамаки, то іі приiшли, душъ ихъ сотня, на коняхъ и зъ ору́жьемъ, пiдъ браму въ монастирь. Чéнчики вiйшли до ихъ съ хлiбомъ и зъ сiллю.

лали засёку. Посреди Съчи насыпали кучу денегъ, перекрестили ее ниткою и прикрѣпили нитку въ четырехъ мѣстахъ колышками. И часовой кругомъ ходить. Вотъ въ одномъ буеракѣ *Сльчъ*, а въ другомъ, на Бóйковiй Лукѣ, *Скликъ*. Скликомъ (созывателемъ) назывался у нихъ котель, что висѣлъ на дубу, и подлѣ него долбешка. Это для того, что лишь только какая-нибудь тревога, что ли, тотъ-часъ прибѣжитъ козаць и давай валять въ котель долбешкой. Тогда ужъ, гдѣ бы кто ни былъ, все сбѣгаются въ одно мѣсто. Тутъ же, рядомъ со Скликомъ, былъ у нихъ *Значокъ*, — такое, видишь, обозначенное кругомъ мѣсто, гдѣ паслнсь лошади. А верстахъ въ трехъ отъ Значка, къ Жáботину, было *Гульбище*, на высокомъ курганѣ. Какъ взойдешъ на могилу, то весь Жáботинъ — какъ на ладоши. Взойдутъ бывало на тотъ курганъ, разговариваютъ, въ карты играютъ, поютъ разныя пѣсни. Рѣдко бывало случится день, въ котóрый бы тамъ кого-нибудь не было.

Вотъ, какъ услышали Ляхи, что въ лѣсу собрались гáйдамаки, то и пришли — человекъ сто, на коняхъ и съ ору́жьемъ — къ монастыр-

»А дѣ гайдамаки, *сизматѣрки* ви *пшеклѣвити*?«

Ченчики бѣдшіі трѹсятця: »Не знаемо, вельможніі паніі.«

»Не знаете, *дѣлдани!* охъ, ви, *дѣлдани*, не знаете! *пшеклѣвити хлѣпи!*«

И давѣи шукать по манастирѣві. Шукали всюди, заглядывали и за иконостасъ — нема! Такіі-то навижѣнніі Ляхіі! Отѣ бѣ дурнііі буліі Запорѣзціі, щѣбъ ховались за иконостасъ! Имъ у лісѹ найлѹчча схѣванка.

Шукають Ляхіі гайдамакъ, а отаманъ, скѣро почѹвъ про се, заразъ и пославъ двоухъ козакивъ у Замятницю. Тііі, прибігли тудіі, давѣи колѣть орандаря и всіихъ Жидѣвъ.

А мужикиі приішлиі до корчмиі, да іі питаютьця: »А щѣ, панѣве? чи паша віра?«

»Ажежъ бачъ, щѣ ваша: не колѣли бѣ Ляхіівъ да Жидѣвъ.«

То мужикиі іихъ и не займають, а ще до іихъ пристають.

А Ляхіі тимъ часѣомъ пораютця все ще въ манастирѣі. Якъ ось прибігъ и зъ Замятницѣі вѣстовійі: »Панѣве! гайдамаки Замятницю вірізали!«

скимъ воротамъ. Монахи вышли къ нимъ съ хлѣбомъ и солью. »А гдѣ гайдамаки, проклятые вы еритики?« Бѣдняжки чернецы трепещуть: »Не знаемъ, вельможные паны.« — »Не знаете, капальи? охъ, вы, капальи, не знаете! проклятые Хамы!« И давай искачь въ монастырѣ. И въ церкви искали вездѣ, заглядывали и за иконостасъ — нѣту! Такііе глушыіе Ляхи! Чтѣ за дураки были бы Запорѣжцы, чтобы имъ прятаться за иконостасъ! Имъ въ лѣсу самое лучшее уѣжище.

Ищуть Ляхи гайдамакъ; а отаманъ, какъ только услышалъ ѣбъ этомъ, тотъ-часъ и послалъ двоихъ козаковъ въ Замятницю. Тѣ прискакали туда, давай колѣть арендатора и всѣхъ Жидѣвъ. А мужикиі пришли къ корчмѣ и спрашиваютъ: »А чтѣ, господа? паша вѣра?« — »Сами видите, что ваша: иначе не колѣли бѣ мы Ляхѣвъ да Жидѣвъ.« Мужикиі ихъ и не трогаютъ, а еще къ нимъ пристають.

А Ляхи между тѣмъ суетятся въ монастырѣ. Вдругъ прискакалъ изъ Замятницѣі вѣстовой: »Господа! гайдамаки Замятницю вырѣзали!« Ля-

Ляхи драла! да до Жаботина. А отаманъ пішовъ за ними да її порозоставлявъ кругомъ Жаботина козаківъ. То оцѣ вискочить изъ лісу козакъ, повертїтця-повретїтця на коні передъ Жаботиномъ, да зиовъ и поїде въ лісѣ. То Ляхи думаютъ: »Оцѣ жъ кругомъ Жаботина вже стоять по лісу гайдамаки!«

Да покинувши Жаботинъ, да въ Смілу. Команда жъ рѣшила въ Смілу, а намісникъ, съ козакомъ Лопатою, що бувъ опісля чурою у Зализняка, такъ намісникъ изъ сімъ-го самімъ Лопатою — у Камянку; бо тамъ вінъ живъ, и була тамъ у ёго сотня лейстрівихъ козаківъ.

Отъ и питаетця намісникъ у отамана тихъ козаківъ: »А що, отамане? чи можна стать протївъ гайдамакъ?«

»Можна, батьку, тільки що їхъ кўля не берѣ.«

То намісникъ, якъ почувъ сѣе, то побілівъ якъ хўетка, да її каже: »Кўля не берѣ? кўля не берѣ?... Такъ їхъ — ти кажешъ — кўля не берѣ?«

Да вже боїтця и отамана, и одъ ёго одходить, да все тільки:

хи тогда драла! и поскакали въ Жаботинъ. А отаманъ пошелъ вездѣ за ними и разетавилъ вокругъ Жаботина козаковъ. Вотъ козакъ выскочить изъ лісу, проѣдемъ взадъ и впередъ на конѣ передъ Жаботиномъ да опять и скроется въ лісу. Ляхи и думаютъ: »Это значитъ, гайдамаки стоятъ уже въ лісу вокругъ Жаботина!« и, оставивши Жаботинъ, пустились въ Смілу.

Команда выступила въ Смілу, а намісникъ, съ козакомъ Лопатою, который потомъ былъ слугою у Зализняка, — въ Камянку: тамъ онъ, видите, жилъ, и была у него тамъ сотня реестровыхъ козаковъ. Прїѣхаль и спрашиваетъ у отамана тѣхъ козаковъ: »А что, отаманъ? можно ли намъ стать протївъ гайдамакъ?« — »Можно, батько; только то бѣда, что ихъ пуля не беретъ.« Какъ услышалъ это намісникъ, такъ и побѣлѣлъ, точно платокъ, и говоритъ: »Пуля не беретъ? пуля не беретъ?... Такъ ты говоришь — пуля не беретъ?« И боится ужъ самого отамана, нятится отъ него и всё только твердить: »Пуля не беретъ!

»Кўля не берé! кўля не берé!... Гмъ! кўля не берé!... Такъ ти кажешъ, отáмане, що їх кўля не берé?«

»А не берé, бáтьку.«

»Эгé! кўля не берé!... эгé! эгé!«

Да, сівши на коней зъ Лопáтою, да въ Сми́лу.

Лопáта жъ попéреду бiжить изъ спи́сомъ, а на́місникъ за нiмъ.

Ко́ли жъ, не доiждаючи корчми́ Сумеько́и, наганяе ихъ гонéць:

»Нáне на́міснику! гáйдамаки Ка́мянку рiжуть!«

На́місникъ кiнувьсь, якъ опáреший, въ Сми́лу; а Лопáта зъ тимъ гонцéмъ и зостáвьсь.

А гáйдамаки, сто́ячи коло Ка́мянки, послали до лейстрóвнихъ, визивáючи отáмана до пора́дн. Отáманъ лейстрóвий вiйшовъ до гáйдамацького отáмана; то сей и ка́же: »Що? ви бiдете зъ на́ми бiтьця, чи нi? Ми не по сво́й вóли приишли́. Гляди́ть, щобъ не бу́ло и ва́мъ тако́го ли́ха, якъ Ляха́мъ.«

И показáвъ лейстрóвому отáману бума́гу. Якъ показáвъ, то и Ка́менська́я со́тня приста́ла до гáйдамакъ.

пуля не беретъ!... Гмъ! пуля не беретъ!... Такъ ты говоришь, отáманъ, что ихъ пуля не беретъ?« — »Не беретъ, бáтько.« — »Да, да! пуля не беретъ!... да! да!« И сiвши на коней съ Лопáтою, пустился въ Сми́лу.

Лопáта скачетъ впереди съ копьeмъ, а на́мiстникъ за нимъ. Ка́къ догоняетъ ихъ, не до́зжая до Смилянской корчмы, гонéць: »На́нъ на́мiстникъ! гáйдамаки Ка́мянку рiжуть!« На́мiстникъ бросился, какъ бу́дто его обвари́ли кипяткомъ, въ Сми́лу, а Лопáта съ гонцомъ и оста́лсь.

Гáйдамаки же, стоя въ Ка́мянкѣ, послали къ реестровымъ козакамъ и просили къ себѣ ихъ отáмана на совѣтъ. Реестровой отáманъ вышелъ къ гáйдамацкому отáману. Тогда э́тотъ говоритъ: »Что? бiдете вы съ нами драться, или нѣтъ? Мы не по сво́ей волѣ пришли. Смотрите, чтобъ и ва́мъ не было тако́й бѣды, какъ Ляха́мъ.« И показáлъ реестровому отáману бума́гу. Ка́къ показáлъ, то и Ка́мянская со́тня приста́ла къ гáйдамакамъ.

МЕСТЬ ЗА ИМЯ ЖИДА. (*)

Якъ стояли гайдамаки у Мотренинському лісі, то одинъ отаманъ назвавъ за щось козака Жидомъ. »Эхъ ти«, каже, »Жидъ!«

А той козакъ: »Такъ я Жидъ? такъ я Жидъ?« да зъ пистолетомъ до ёго.

А отаманъ бувъ характерникъ. »А що?« каже, »ти менé будешъ стреляти?« да її груди розхріставъ. »Стреляй«, каже, коли хочешъ!»

»А то жъ не встрѣлю? Може, думаешъ — не візьме?« Да — бежъ! Той и вивернувъ.

Отъ козакі до ёго зъ дубінами, за те, що застрѣливъ отамана. А вінъ: »Постривайте«, каже, »панове; слухайте лишъ, що тутъ міжъ нами було за діло. Де жъ відаю, щобъ козакъ зъ Жидомъ рівняти? То и всі ви Жиді, коли я Жидъ!«

То козакі, роспитавши и вислухавши всю причіну, сказали: »Правда. Ледачому ледача її смѣрть.«

(*) *Переводъ.* — Какъ стояли гайдамаки въ Мотренинскомъ лѣсу, то одинъ отаманъ назвалъ за что-то козака Жидомъ. »Эхъ ты«, говоритъ, »Жидъ!« А тотъ къ нему съ пистолетомъ: »Такъ я Жидъ? такъ я Жидъ?« Но отаманъ былъ *характерникъ* (чародѣй). »Что?« говоритъ, »ты будешь стрѣлять въ меня?« и грудь передъ нимъ открылъ. »Стрѣлай«, говоритъ, »коли хочешь!« — »Ато не выстрѣлю? Можетъ быть, думаешь, не возьметъ?« и выстрѣлилъ. Тотъ и упалъ навзничъ. Вотъ козаки къ нему съ дубьемъ, за то, что застрѣлилъ отамана. А онъ: »Постойте«, говоритъ, »господа; выслушайте прежде, что между нами было. Слыханное ли дѣло, чтобъ козака съ Жидомъ равняли? Такъ и все вы Жиды, коли я Жидъ!« И козаки, распросивъ и выслушавъ все дѣло, сказали: »Правда, правда. Но дѣломъ ему, негодному.«

3.

ГАЙДАМАКИ ВЪ ЖАБОТИНЬ. (*)

Въ Жаботині Жидъ поналічувавъ на людѣй стілько довгу, що стало вже не въ моготу їй виплатитиця: мѳже, въ десятеро бїльшъ нїжъ вони були виноватї. То козакї Жаботїнські не хотїли платїть; кажутъ: »Присягни!« А вінъ, невіра, взявъ да їй присягнувъ. Отоді вже платї якъ хочъ! Отъ пять козакївъ поробїли собі малєнькї списї, щобъ підъ полу можна взяти, да їй прїшли до єго ввєчерї, якъ вінъ саме сївъ вечєрати. А Жидївка надїла дорогїї очїпокъ, що вони проклїтї носєть. Отъ одїнъ козакъ узїявъ да списомъ підъ той очїпокъ п сїне. А Жидъ: »Сцѳ ти, сцѳ ти, сєльма ти? Якъ ти смїєсь!« А вінъ єго якъ порнє списомъ! Тогдї ї Жидївку ї Жидєнять перекололи.

4.

ГАЙДАМАКИ ВЪ УМАНЬ. (**)

Якъ узїяли гайдамаки Умань, то сїли на стольцїяхъ середь гѳрода да ї звєли позвѳть напѳтцївъ. Отъ п прївели до їхъ Ба-

---

(*) *Переводъ.* — Въ Жаботинѣ Жидъ столько прїсчиталъ людямъ долгу, что не подъ сплу ужъ было п виплатити: можетъ, въ десять разъ больше противъ того, сколько они были должны. Жаботинскїе козакї не хотѣли платити, п говорятъ: »Присягни!« А онъ, неврѣный, взялъ да п присягнулъ. Тогда ужъ плати, какъ хочешъ! Вотъ пять козаковъ сѣлїли себѣ небольшія копїїца, чтобъ можно было взяти подъ полу п прїшли къ нему ввечеру, какъ только онъ сѣлъ за ужинъ. А Жидовка надѣла дорогой чепецъ, что онѣ, проклїтыя, носєть. Вотъ одїнъ козакъ взялъ да кошьемъ подъ тотъ чепецъ п подсовываетъ. А Жидъ: »Сто ты, сто ты, сєльма? Какъ ты смѣєсь?« Онъ єго какъ пырнетъ кошьемъ! Тогда п Жидовку, п Жиднїянь перекололи.

(**) *Переводъ.* — Какъ взяли гайдамаки Умань, то сѣли на стольцїяхъ посреди города п велѣли позвать къ себѣ духовныхъ. Прївели къ

злянів. То отаманъ и каже: »А щò, панотці? ми васъ завсегда слухаемъ? послухайте жъ ви насъ хочъ разъ, а ми васъ наградимò.«

Тії бідниі трусятця; кажутъ: »Щò звелитé, вельможниі пані?«

»Отъ що: візьміть ві хресті да пройдіть по ўлицямъ и одправте пòхоронь.«

Базиліане побрãли хресті, ходять по ўлицямъ, правлять пòхорони. А народъ плаче по всёму гòроду. И самі Базиліане правлять да й плачуть.

Якъ кòнчили, отаманъ наградивъ їхъ червінцями да й каже своїмъ: »А щò, хлопці? бачте, папі у якихъ хорошихъ жупанакъ ходять? А ви, бідакх, часомъ и сорòчки не маєте. А нуте лишень, берітєсь за дїло!«

Отъ тутъ ужé й пішла рїзня.

Б.

ИСКУСЪ ПРЕДЪ ВСТУПЛЕНІЕМЪ ВЪ ЗАПОРОЖСКОЕ БРАТСТВО. (*)

Запорòзці, якъ підмòвлять, булò до себé на Січъ явòго хлопця зъ Гетьманіцини, то пёрше прòбують, чи годітця быть Запо-

---

нимъ Базиліанъ. Отаманъ и говорить: »Ну, чтò, *пань-отцы*? ми васъ слушаема; послушайтєсь же ви насъ хоть одинъ разъ, а ми васъ наградимъ.« Тъ, бѣдные, дрожать и говорятъ: »Чтò прикажете, вельможные пань?« — »Вотъ чтò: возьмите вы кресты, пройдите по улицамъ и отправте похороны.« Базиліане взяли кресты, ходять по улицамъ, отправляютъ похороны. А народъ плачетъ по всему городу. И самі Базиліане, отправляя похороны, плачуть. Когда кончили, отаманъ наградивъ ихъ червонцами и говорить своимъ: »Ну, чтò, молодцы? видите, какіе хорошие жупаны на панакъ? А у васъ, бѣдныхъ, ппой разъ и рубашки нѣту! А нуте-ка, принимайтєсь за дѣло!« Тутъ ужъ и пошла рѣзня.

(*) *Переводъ.* — Какъ сманять бывало Запорожцы къ себѣ въ Січъ

рощемъ. Отто звелѣтъ ёму варити кашу: »Гляди жъ, вари такъ, щобъ и не сира була, щобъ и не перекипіла. А ми підемо коситъ. То ти, якъ уже буде готова, вийди на такий-то курганъ, да й зови насъ; а ми почуємо, да й приїдемо.«

Отъ поберуть кося да й пійдуть ніби-то коситъ. А дѣ въ чорта їмъ хочетця коситъ! Заберутця въ комишъ да й лежать. То оцѣ хлопець, зваривши кашу, вийде на могилу и зачне гукати. А вони й чують, да не озиваютьця. То винъ гукѣе-гукѣе, да давай плакати: »Отъ занесла мене нечїста сила міжъ сїї Запорозці! Лѣчче бъ було дома сидїти при батькові да при матері. Атó ще перекипить каша, то приїдуть да битимуть вражі синї! Ой бідна жъ моя голóвонько! чо́го мене понесло міжъ сїї Запорозці!«

То вони, лежачи въ траві, вислухають усѣ да й кажутъ: »Ні, се не нашъ! А далі вернутця до куреня, да дадуть тому хлопцеві коня и грóшей на доро́гу, да й скажутъ: »Ідь собі къ нечїстому! намъ такихъ не треба.«

А якъ-жѣ котóрий удастьця росторóнный и догадливый, то вийи-

какого-нибудь парня изъ Гетманщины, то сперва пробують, годится ли онъ въ Запорожцы. Прикажутъ ему, наприкладъ, варить кашу: »Смотри же ты: вари такъ, чтобъ не была и сыра, чтобъ и не перекипіла. А мы поїдемъ коситъ. Когда будетъ готова, такъ ты выходи на такой-то курганъ и зови насъ; мы услышимъ и придемъ.« Возьмутъ кося и пойдутъ какъ-будтобы коситъ. А кой чортъ хочется имъ коситъ! Загьзуть въ камышъ и лежать. Вотъ парень сварить кашу, выходитъ на курганъ и начинаеть звать. Они и слышатъ, но не откликаются. Зоветь онъ ихъ, зоветь, а потомъ въ слезы: »Вотъ занесла меня нечистая сила къ этимъ Запорожцамъ! Лучше было бы сидѣть дома при отцѣ, при матери. Еще перекипитъ каша; придутъ и поколотятъ вражьи дѣти! О, бѣдная моя головушка! кой чортъ занесъ меня къ этимъ Запорожцамъ!« А они лежа въ травѣ, вислушаютъ все это и говорятъ: »Нѣтъ, это не нашъ!« Потомъ воротятся въ курень, дадутъ тому парю коня и денегъ на доро́гу и скажутъ: »Ступай себѣ къ нечистому! намъ такихъ ненадо!«

Но котóрый молодець удасться росторóнный и смѣтливый, тотъ, взо-

шовши на могилу, влихнѣ разівъ зо два: »Гей, панове молодці! идіте ваши істи!« да якъ не озиваютьця, то вінъ: »Чортъ же васъ бері, коли мовчитѣ! бѣду я й самъ істи.« Да ще передь одходомъ ударить на могилі гонака: »Ой тутъ мині погуляти на просторі!« Да, затыгнувши на весь степъ козацьку пісню, и піде собі до куреня, и давай уплітати кашу.

То Запорозці, лѣжачи въ траві, й кажутъ: »Оце пашъ!« Да побравши коси, и йдуть до куреня. А вінъ: »Де васъ у біса носило, панове? Губавъ-губавъ, ажъ охрипъ; да щобъ каша не перекшила, то я почавъ самъ істи.«

То Запорозці споглянуть одінь на одногѣ да й скажутъ ёму: »Ну, чуро, вставай! годі тобі буть хлопцемъ: теперъ ти рівний намъ козакъ.«

И приймають у товариство.

Старшинные Малороссійскіе балагуры, для забавы гостей, сочиняли иногда смѣшныя небылицы, въ которыхъ сами играли роль трусовъ, или глупцовъ. Это — прямая противоположность любимымъ разсказамъ Польской шляхты о своей храбрости и умѣ. Изъ всѣхъ пороковъ, хвастовство личными достоинствами наименѣе распространено между Малороссіянами. Слѣдующій разсказъ мо-

---

шедши на курганъ, крикнетъ раза два: »Эй, паны молодцы! идите кашы їсть!« и какъ не откликнется, то онъ: »Ну, такъ чортъ съ вами, когда молчите! буду я и одиный їсть кашу.« Да еще передь отходомъ приударить на курганъ *гонакá* (танецъ): »Ой тутъ мнѣ погулять на просторѣ!« И, затынувши на всю степъ козацкую пѣсню, идетъ къ куреню и давай уплетать кашу. Тогда Запорожцы, лежа въ травѣ, и говорятъ: Это пашъ!« и, взявши косы, идутъ и себѣ къ куреню. А онъ: »Гдѣ васъ чортъ носилъ, господа? Звалъ я васъ, звалъ, и охрипъ, да потомъ, чтобъ не простыла каша, началъ самъ їсть.« Переглянутся между собой Запорожцы и скажутъ ему: »Ну, чюра (слуга), вставай! полно тебѣ быть *хлопцемъ* (мальчыкомъ, парнемъ): теперъ ты равный намъ козакъ.« И приймають его въ товарищество.

его незабвеннаго пріятеля въ Мотреннскомъ монастырѣ характеризуєть бєсѣды нашихъ старосвѣтскихъ военныхъ людей.

6.

ОЧАКОВСКАЯ БѢДА. (1)

Бувавъ тутъ колісь часто у насъ у монастирі полковникъ козацький съ того боку Дніпра; звався Перепелиця. То було якъ значе розказувати про давніи воїни, такъ умѡра да й тилько. Щѡ — каже — теперъ за воїни? То якъ колісь наші Задніпрянські козаки воєвали, такъ такъ! То — каже — народъ храбрій и до воїни тяжко способній. Якъ згадаю — каже — собі, що якъ бувъ я сотникомъ, то ходили ми съ свѣтліишимъ княземъ Потѣмкинимъ ажъ на край свѣта, підъ Очаківъ, де, казали намъ, що жінки якъ перуть, то праники на небо кладуть: такъ небо тамъ низенько. То нашому козацству и хотілось побачити такого дѣва, и страшно було такъ далеко одъ дому одбиватись. Да щѡ жъ мѣєшь робити, коли приказъ!

Отто, ще, може, тиждивъ за двѣ до походу, жінки давали усячиму готівити у дорѡгу: гринки сушитъ, сѣло въ возі укладувати. Нарештовали повніи мѣжи. Посходились усі рѡдичи. Плачь, жалъ такий по всѣму селу, що Господи! Дѣ жъ бакъ! не близькій свѣтъ до Очакова, де небо вже такъ низенько, що бабі праники кладуть, перучі на рѣчці. Процѣлись зъ нами більшъ якъ тиждень; провозѣли за цѣрину гурбѡю, съ чарками, съ пляшками. Плакали, якъ по мѣртвихъ, що й самъ я трѡхи сплакнувъ, а съ козаківъ дѣ-які й гѣть-то зарюмали.

Отъ же й пішли ми до того Очаковѣ, на край свѣта. Прішли, ажъ ні: небо ще не дѣже низько, а хибѣ трѡхи нижче, якъ у насъ. »Ну«, кажемо, »слава жъ тобі, Господи! ще, видно, не тутъ край свѣту.«

---

(1) Я не рѣшился передать по-Великорусски этотъ юмористическій разсказъ, опасаясь, чтобы мой переводъ не былъ передразниваемъ, какъ это часто случается съ переводами Малороссійскихъ комическихъ и патетическихъ пьесъ.

Стіли ми стояти підь тимъ Очаковомъ, да ажъ обрідло — такъ довго. Которому козакові півні сакви жінка тютюну напхала, або рігъ тобаки набіла, то все те повикѹрвали й повинюхували. Дуже довго щось стояли. Привияли й холоду й голоду, бо стояли въ шатрахъ, якъ Цигане, и не було тамъ ні борщѹ, ні варениківъ, а все тільки грінки зъ саломъ или. Отакè-то ліхо! Ажъ ось не стало вже ставать и сала, а тільки самі грінки позоставались. Щò тутъ чинити? Колибъ ще козакі зъ голоду не попропадали, то якъ тогді й додому вертатись? Бідá!... Повісили наші носі, зовсімъ змарніли; тільки що диханье въ тілі, бо сказано — щò зъ саміхъ грінокъ за смакъ?

Отъ я, взявши зъ собою писаря сòтенного да осаула, да й пішли до світліишого прохати, щобъ позволивъ послати підводи додому за саломъ. Приходимъ, ажъ світліиший стоить на рундуку и люльку кѹрить. Поклонились єму. А вінъ: »Штò ви, хахлі?...« да такъ и ляпнувъ по-Московськи.

Овва, якъ же погано злѣявъ! О, цѹрь же єму, якъ негарно!

»Ваша свѣтлость! бідá прийшла козакамъ!«

»Какая бідá?...« изновъ такъ и загнувъ намъ по-Московськи на всю гѹбу.

А, якъ же паскѹдно лѣтця! Да нічого робити.

»Бідá«, кажѹ, »ваша свѣтлость: козакі зъ голоду мруть!«

»Какъ зъ голоду, проклятіи хахлі?«

»Мрѹть, ваша свѣтлость: самі грінки зостались увъ обóзі, а сала вже забѹли, й якè вонó.«

Ще я й не доказавъ, а вінъ: »Вонъ, хахлі!... Ребята! вазміте їхъ!«

Тутъ Москва якъ вискочить да за насъ, а ми, підобравши по́ли, навіткача! А вражий Москáль, такъ якъ репьяхъ, и вчепитця, що геть єго проволочешъ, мóже, гóней зó двое. Утекли насіду.

»Эгè, панóве!« кажѹ опісля своїмъ, »оцè вамъ наўка, щобъ брали сала ще більшъ, ніжъ хлѣба, атó бачъ, якè ліхо!«

Отó вже стоїмò ми собі хірні, імò тіи грінки. Якъ ось

стала чутка, що Турки йдуть підь Очаївв. Послає мене світлійший зь собою поперед, а самъ мусить би то йти за нами. Поїхали ми да й думаємъ собі: »Отеперь же, мабуть, прийшла на насъ остатня година!«

Ідемъ, блукаємъ по полю, якъ неприкаянні. Коли жь де ші візьмісь у степу курява така, наче чия велика панцирна почала вїяти жїто на току вь сто лопатъ. Оце жь Турки йдуть! Що тутъ у Господа чинїти? Стрелять би то до нихъ, хочъ и далєко, щобъ почувъ світлійший да йшовъ скорїйшъ на підмогу. Такъ що жь? поки ще прийде, то Турки насъ пошаткуютъ на капусту. А хочъ и ші, то, якъ підоспїють наші, то все такъ намъ лиха концемъ не обїхати: треба бжде стояти спереду, то всі ші пропадемь ші за собаку. Що тутъ у Бога дїяти? Дивлюсь, ажъ мїстокъ надъ яркомъ... »Братця!« кажу, »сховаїмось підь сеї мїстоць! Нехай чєрти бьютця, а ми пересїднмъ тутъ лиху годину да ші живї додому вернемось.«

Козакї заразъ мене ші послухали. Збїлнсь у-кунку коло мене, такъ якъ бжолн коло мятки. Сїднмь; коли жь земля и звїден и звїдти гудє, такъ шїби двї хмарї наступаютъ — одна зь западу, а друга одь сходу сонця. Якъ зїшovesя жь Москаль пзъ Турками, якъ стали битнсь, то — Господи, твої воля! и родїлнсь, и христїлнсь, такого страху не бачили. А далї чємо, що Москаль перїшовъ черезъ мїстокъ да ші ногнавъ Турка.

Отъ ми тогдї сь-підь мостка. Дївнмся, ажъ конї такъ и грають кругомъ насъ по полю, а Турки, що трїски на дрївїтн, валяютьця купами, а дє-якї пораненї ходять помїжъ нїми и самї не знаютъ, кудї йти, бо ші сїли, ші смїлостї вже чортъ-має, а напужанї такъ, якъ овечки одь вовка: що якъ розженє стадо, то ще довго дуришї стоять, вїлупнвшн очн, по горахъ, а настухъ хочъ гукай, хочъ не гукай.

»Берїте їхъ!« крикнувъ я на своїхъ, »вякїть вражихъ Турківъ, поки їмъ дұхъ не одихнє! ловїть коней!«

Отъ мої козакї давай їхъ батовати! и набатовали сотень зь двї, и грощей повнї кишєнї понабїрали.

»Теперъ же«, кажучу, »хлопці, звернемъ у бікъ зъ дорóги да одпочинемъ трóхи де-небóдуть у байраці, бо, мóже, втомілись, ганняючись за кіньми; а на́дъ-вечіръ вóрнемося до світліішого.«

Такъ и зробіли. А якъ усé вгамовалося и самъ світліішій вернувся до ла́геря, то й ми на́дъ-вечіръ причвалали. Приходимо до га́нку, ажъ вінъ стоїть, зъ люлькою такій въ зуба́хъ. За́разъ, якъ побачивъ насъ, такъ и загну́въ намъ по-Моско́вськи: А што ви, хахлі?...«

О, цу́рть же ёму́, якъ нега́рно лаетця! Овва!

»Да ми о́це прийшли спитати́сь, ва́ша світлость, ко́му одати́ на ру́ки пліннихъ?«

»Кавихъ пліннихъ. пракля́тні чубі́?«

»Да отъ же, ба́чите, що ми ходіли увъ об́ыздь пзъ сво́єю со́тнею, то якъ напали на насъ Ту́рки, а ми якъ почали́ їхъ стреляти та рубати, то й самі́хъ розігна́ли, и двісті пліннихъ узяли, тільки шко́да, що веі поранені.«

»А людеі скóлька патеряна?«

»Ні одно́го, ва́ша світлость! ус́я со́тня, сла́ва Бо́гу, жи́ва й ціла.«

»Тьфу́, пракля́тні хахлі! двісті пліннихъ и са́ми цѣли! Забра́ть у нихъ пліннихъ! Пашлі . . . . . глупі́ чубі́!«

Такъ намъ загну́въ на проща́нне да й одпóстивъ, спасі́бі ёму́.

То вже то́гді моі козаки́ й ка́жуть: »Якій-то то́бі, па́не со́тнику, Бі́гъ ро́зумъ давъ! Якъ-би́ тебе́ не послóхали, то веі бѣ, мóже, ма́рне про́пали; а те́перъ, сла́ва Бо́гу, и до́бичи по́вні ру́ки, и са́мі зоста́лись жи́ві й здо́рові!«

Послѣ пріятнаго перебуванія въ Мотренинскомъ монастирѣ, наступили для меня опять безплодныя странствованія между Украинскими поселянами, чему впрочемъ были виною обстоятельства, не позволявшія мнѣ проживать долго на одномъ мѣстѣ и чрезъ то сближаться съ народомъ. Одинъ только разсказъ Ивана Бурдуна, стараго бондаря въ мѣстечкѣ Александровѣ, вознаградилъ меня за долгіе мои переѣзды по Чигиринщинѣ. Вотъ онъ.

ВЕРБОВКА ВЪ ГАЙДАМАКИ И РАЗВЯЗКА УМАНСКОЙ ТРАГЕДІИ 1768 РОДА. (*)

Росказуе бу́ло покойний нашъ Гладкій, що гайдамакъ зъ са́мого початку прийшло зъ Січи въ Мотренинъ монастиръ тілько трій, — пібн-то на поклоненіе. И такъ собі піби нігчёмний народъ, вахлаі такі... ходять бу́ло схилівшись. Одинъ же пішовъ у Лебедінській монастиръ, — звався Демянъ Гніда; а другій, на прізвище Лусконігъ, пішовъ у Мошенський монастиръ; а третій, Шелестъ, зоста́вся тутъ, у Мотрениному. Живе́ — ка́же — годівъ зо́ два и всё роби́ть ратища, скуповуе жупани, шаровари, шапки, чо́боти. То, якъ хто питае: »На́ що се, бра́те?« — »Се«, ка́же, »пода́мъ у Січь гости́нця, бо тамъ усé тее доро́ге, а наро́дъ знай прибувае, то тру́дно на оде́жу.«

Ми жъ тому́ й віримъ: думаемъ, що спра́вді то вінъ хо́че пода́ти у Січь гости́нця. Коли́ жъ іду́ — ка́же — я разъ до церкви у Мотренинъ монастиръ, ажъ вінъ, той Шелестъ, стои́ть на стезці, са́ме на Спасовімъ Яру́, и вже въ жу́гани. Бо перше, бу́-

(*) *Переводъ.* — Рассказываетъ бывало покойный нашъ Гладкій, что гайдамакъ съ самаго начала пришло изъ Сѣчи въ Мотренинскій монастырь только трое — какъ-бы на поклоненіе. И такъ себѣ какъ-будто ни къ чему годный народъ, такіе вахлаи ... ходятъ бывало согнувшись. Одинъ пошелъ въ Лебединскій монастырь, — звался онъ Демянъ Гніда; другой, по прозванію Лусконігъ, пошелъ въ Мошенскій монастырь; а третій, Шелестъ, остался тутъ, въ Мотренинскомъ. Живетъ онъ — говоритъ — года два и всё дѣлаетъ копыя, скупаютъ жуаны, шаровары, шапки, сапоги; и когда спроситъ кто-нибудь: »На что́ это, братъ, тебѣ?« — »Это«, говоритъ, »пошлю въ Сѣчь гостинець; тамъ все это дорого, а народъ всё прибываетъ, такъ трудно достать одежды.«

Мы тому́ и вѣримъ: думаемъ, что въ самомъ дѣлѣ это онъ хо́четъ послать въ Сѣчь гостинець. Какъ іду́ — говоритъ — я разъ въ церковь, въ Мотренинъ монастырь, смотрю — онъ, этотъ Шелестъ, стои́тъ на тропинкѣ, какъ разъ на Спасовомъ Яру, и ужъ въ жу́ганѣ. Преж-

ло, ходить у певірненькій світочці, а теперъ вже — каже — на ёму жупанѣ. сині штани, шапка добра, шабля принаєсана, за поясомъ пистолѣти, — геть все чисто.

»Здоровъ«, каже, »брате Анто́не!«

»Здоровъ!«

»Приставай!«, каже, »въ козаки!«

А я кажу: »Що жъ? у мене й ба́тько, й ма́ти, и брати есть, то бѣдутъ мене ляять.«

»Да приставай!«, каже: »у насъ бѣде добре, въ насъ такъ бѣде, въ насъ такъ бѣде. Ми, поки віку, козаки козаками бѣдемо.«

А мині страшно; я й кажу: »Намъ и такъ добре.«

»Да приставай!«

Я ще такі боюсь.

• А вінъ: »Іди лишень до воза.«

Іду, ажъ и візюкъ за дерево́мъ стоить. А коло возка Жидъ и Ляхъ лежать повязані. Я якъ подививсь на нихъ: »Э, се жъ уже щось не добре, коли віжуть!« да й страхъ мене ще більший узівъ.

А вінъ тягне зъ возка боклагу. »Пий!«, каже, »горілку!«

де бывало ходить въ дрянно́й світочкѣ, а теперъ ужъ — говорить — на немъ жупанъ, синіе штаны, хорошая шапка, сабля принаєсана, за поясомъ пистолеты — все, какъ слѣдуетъ. »Здорово«, говорить, »братъ Анто́н!« — »Здорово!« — »Приставай!«, говорить, »въ козаки!« А я говорю: »Что же? у меня и отецъ, и мать, и братья есть; будутъ меня бранить.« — »Приставай!«, говорить: у насъ хорошо тебѣ будетъ, у насъ будетъ такъ-то и такъ-то. Мы, пока живы, будемъ козаками.« А мнѣ страшно, я и говорю: »Намъ и такъ хорошо.« — »Да приставай!« Я все боюсь. А онъ: »Поді-ка сюда къ возу.« Іду, глядь — и тележка стоить за дерево́мъ. А подлѣ тележки лежать связаный Жидъ и Ляхъ. Я, какъ посмотрѣлъ на нихъ: »Э, плохо дѣло, когда ужъ віжуть!« и еще большій страхъ на меня нашель. А онъ тащить изъ тележки боклагу (плоскій бочонокъ). »Пей!«, говорить, »водку!« А я го-

А я кажѹ: »Що жъ, брѹте? ще рано, ще тїлько до церквѹв задзвонїли.«

»Да пий«, каже, »брѹте! *Одїиъ томѹ часъ, що бѹтько въ плѹхтї.*« (1)

Якъ узїявъ, якъ узїявъ коло мене впадѹть, — я, нічого робїть, напївсь трѹхи.

»Пий пщє!«

Я щє напївся.

»Приствай«, каже, »брѹте!«

А я все такї боїсь.

Тогдї вїнъ насїпавъ на долѹню пороу, да ростєрь-ростєрь зъ горїлкою, да помазавъ мене по видѹ, то така зѹразъ охѹта взяла, що тїлько дай спїсь у рѹки, здаєтця бѹ, нїшѹвъ да й дѹшївъ бї всякого.

Вїнъ зѹразъ мїнї жупанъ, шѹблю, пїстолєти припасавъ, убрѹвъ мене зовсїмъ по-козацьки, и рѹтїще давъ.

»Ходїмо жѹ«, каже, »за клєна, да тамъ и стїй, да хтѹ бѹ нї йшовъ, хтѹ бѹ нї їхавъ — бери й вяжї.

ворю: »Чтѹ же, братъ? еще рано, еще только что поблагѹвєстїли въ церквахъ.« — »Да цей, братъ!« говорить: »*одїиъ томѹ часъ, що бѹтько въ плѹхтї.*« (1) Какъ началъ онъ этакъ меня ублажать, я — нечего дѹлатъ — выпїлъ немного. »Цей еще!« Я еще выпїлъ. »Приставай, братъ!« говоритъ. А я все такї боїсь. Тогда онъ насыпалъ вѹ ладонь пороу, растєрь его съ водкой и какъ намазалъ мнѹ лицо, такъ мнѹ тотъ-часъ такая пришла охѹта, что только дай въ руки кошь, — кажется, пошелъ бѹ и дѹшилъ всякаго. Онъ далъ мнѹ тотъ-часъ жупанъ, саблю, привѹсилъ пїстолеты, нарядїлъ меня совсѹмъ по-козацьки и кошь далъ. »Теперь«, говоритъ, »пойдемъ за этотъ клєпъ, тамъ станъ и, кто бѹ ни шелъ, кто бѹ ни їхалъ, бери всякаго и вяжи. Пошелъ я — го-

---

(1) Пословица, относящаяся къ обычаю переодѹваться въ разныя платья на другой день свѹтѹбы. Отецъ новобрачной переодѹвается женщиною и надѹваетъ *плѹхту* (тканую юбку).

Пішовъ — каже — я за клéна; коли жъ дивлюсь, ажъ усіюди вже козакі й стоять по-за деревáми. [А вінъ-то хотівъ, щобъ ніхто не давъ звістки у Жáботинъ команді.]

Поставивъ мене: »Гляді жъ, добре пильнуї, щобъ ніхто не пройшовъ, ні проїхавъ.«

Отъ я постоявъ тамъ трóхи, поки той чáдъ пройшовъ, да потімъ якъ одумаюсь, якъ схоплюсь на рáтище, да якъ пушчусь додóму!

Прибігъ, а бáтько: »Дè се ти бувъ?«

»Біда«, кажу, »тáту! Шéлестъ козаківъ уже збїрає!«

Отъ бáтько полáявъ мене трóхи да й каже: »Ховáйся жъ, вражий сїну! ато б́уде тобі одъ ёго лихо!«

То я якъ пішовъ ховáтьця, то ховáвсь ажъ три гóди.

А Шéлестъ якъ почувъ, що вже команда про ёго знає и пішла на Ведмédівку, на Писáрську Гать, то зобрáвъ, сáме на Святу Неділю, двісті козаківъ, да прямо у монастиръ. Да чудно, що дè тїі козакі удругъ узялісь, дè вони й кóней набрали, и усёго! А народъ тїлько що зъ цérкви почáвъ виходить, ажъ сїі назу-

---

ворить (Гладкіі) — за клень; смотрю — уже вездѣ козакі стоять за деревьями. [А онъ, видите, хотѣлъ, чтобъ никто не передалъ вѣсти командѣ въ Жáботинъ.] Поставилъ онъ меня. »Смотри же, хорошенько сторожи, чтобъ никто не прошелъ и не проѣхалъ.« Вотъ я постоялъ немного, пока тотъ угаръ прошелъ, а потомъ какъ опомнюсь, какъ прыгну, опершись на коше, какъ прибѣгу домой! Прибѣжалъ, а отецъ: »Гдѣ это ты былъ?« — »Бѣда«, говорю, »тáто! Шéлестъ козакóвъ уже собираетъ!« Отецъ побранилъ меня немного и говоритъ: »Скройся же, вражий сынъ, ато будетъ тебѣ отъ него бѣда!« Я, какъ пошелъ скрываться, то цѣлыхъ три года прятался.

А Шéлестъ, какъ услышалъ, что уже команда про него знаетъ и пошла на Ведмédовку, на Писáрскую Гать, то собралъ, въ самую Святую Недѣлю, двѣсти козакóвъ и прямо въ монастырь. И дивно, оттуда тѣ козакі тотъ-часъ явились, гдѣ они добыли лошадей и всего! Народъ только что началъ выходить изъ церкви, а они навстрѣчу. Народъ такъ и

стрічь. То народъ такъ и шарáхнувъ зъ монастиря: »Э, се жъ Гайдамаки!« А Шелестъ и почавъ гулять съ козаками. Музики, пісні, танці!

А ченці нічого їмъ; сидять собі по келняхъ, бо давнó ще про тее знали. Ще, скóро Шелестъ приишовъ у Мотренинській лісь... а тамъ тогді були великіи трущоби, гущина непроходима, и живъ тамъ у лісу одинъ чернець — ще їй досі келійка стоить — то вінъ и сказавъ томú ченцеві: »Пди«, каже, »звідси, óтче; тутъ тобі не жить, бо тутъ козаки бóдутъ; тутъ бóде такє, тутъ бóде такє.« То чернець и зийшовъ съ того мѣста и вкопавъ собі у дрúгимъ мѣсті печеру, — такъ, мóже, якъ до того плетня по-підъ землею муръ стоить.

Отъ же, погулявши-то тамъ Шелестъ съ козаками, и повивъ ихъ у лісь на Січь. А тамъ есть такє мѣсто у Мотренинському лісу, що и звідси байракъ, и звідти байракъ, а по середині такъ якъ шиїль стоить. То вони на тімъ шиїлику обрубáлись и жили гóдівъ зó три. Оцє, булó поїде ихъ чоловікъ дєсять, пятна́дцять, да

бросился уходитъ изъ монастыря. »А, это гайдамаки!« А Шелестъ и ну гулять съ козаками. Музыка, пѣсни, танцы!

Чернецы же ничего имъ; сидятъ себѣ въ кельяхъ: они давно про то знали. Еще какъ только пришелъ Шелестъ въ Мотренинскій лѣсъ... а тамъ были тогда большія трущобы, густота непроходимая, и жилъ тамъ въ лѣсу одинъ чернецъ — и до сихъ поръ еще стоитъ келійка — такъ онъ и сказалъ тому чернецу: »Поди«, говоритъ, »отсюда, отче; тутъ не жить тебѣ, затѣмъ что здѣсь будутъ козаки, тутъ будетъ то и то.« Такъ чернецъ и сошелъ съ того мѣста и вырылъ себѣ въ другомъ мѣстѣ пещеру, — такъ, можетъ, какъ вонъ до этого плетня, стоятъ подъ землею стѣны.

Вотъ, погулявши тамъ Шелестъ съ козаками, и повелъ ихъ въ Сѣчь. А тамъ есть въ Мотренинскомъ монастырѣ такое мѣсто, что съ одной и съ другой стороны буеракъ, а посрединѣ — точно шиїль стоятъ. На томъ шиїлѣ они сдѣлали засѣку и жили года три. Бывало поѣдетъ человекъ десять, пятнадцать ихъ, схватятъ какого-нибудь человека

попадуть яко́го чоловіка, и давай мучить, щобъ казавъ, у когó е гроши, або хороша одѣжа; да прийдуть у ночі да й деруть; такъ що всяку нічъ бу́ло люде вибіраютьця спать у бурьянъ. Тільки часомъ и въ бурьяні знаходили. А команда до їхъ не приходила, бо й сама боялась. Да щò тамъ тиі й команди бу́ло!

Отто́ якъ зібралось їхъ у ко́жному монастирі по триста чоловікъ, то й Залізнякъ зъ Запоро́жжя приїхавъ, да зобравшись до-кўни, усіхъ девять-сотъ чоловікъ, и рўшили въ Пóльщу. Прийшли въ Тальнє, а тамъ ярмарокъ: то ярмарокъ такъ и сунўвъ! А Залізнякъ пославъ завертать: »Не бійтесь, люде добрі, не бійтесь: ми васъ не зачєнимъ; гуляйте собі й базарўйте!«

А зъ Тально́го пішли до Уманя. И тамъ тежъ ярмарокъ. Да якъ побачили, що йде Залізнякъ, то ярмарокъ у зámокъ и запєрсь. А вони зámокъ узали да й вирїзали усіхъ Ляхівъ и Жидівъ. То казавъ мнї Лопáта [а той Лопáта да бувъ три гóди чўрою при Залізнякў], то казавъ, що оттáкъ изъ зámку кровъ бїгла. ⁽¹⁾

и давай мучить, чтобъ говорилъ, у кого есть деньги, или хорошая одежда: а потомъ придутъ ночью и грабятъ; такъ что всякую ночь бывало люди уходятъ спать въ бурьянъ. Но иногда и въ бурьянѣ гайдамаки ихъ находили. Команда же къ нимъ не приходила: затѣмъ что и сама боялась. Да сколько было всего той команды!

Вотъ, какъ собрались въ каждомъ монастырѣ по триста человекъ козаковъ, то и Зализнякъ изъ Запорожья приѣхалъ; собрались они все, девять-сотъ человекъ, и двинулись въ Польшу. Пришли въ Тальнє, а тамъ ярмарка; ярмарка такъ и рынулась прочь! Зализнякъ послалъ козаковъ воротить ее назадъ: »Не бойтесь, люди добрые, не бойтесь: мы васъ не тронемъ; гуляйте себѣ и торгуйте!«

А изъ Тального пошли къ Уманю. И тамъ тоже ярмарка. Какъ увидѣли, что идетъ Зализнякъ, то ярмарка заперлась въ зámкѣ. А гайдамаки взяли зámокъ и вырѣзали всехъ Ляховъ и Жидовъ. Рассказывалъ мнѣ Лопата, [а тотъ Лопата былъ три года *чурой* (служгой) при Зализнякѣ], что вотъ какъ изъ зámка кровъ бѣжала. ⁽¹⁾ Завладѣвъ Уманемъ,

---

⁽¹⁾ Разсказчикъ показалъ на косточку ноги.

Отъ, якъ онаповали 'Умань, то й поставили усеюди свій карауль. Коли жъ и ідуть два Дони : одинъ ніби -то старший, а другий прѣстий. Залізнякъ прийявъ їхъ за гостей; угощає такъ, що куди! Ажъ ось, трѣхи згодомъ, іде зновъ три Дони. Вінъ и тихъ прийявъ. Коли жъ іде чоловіка вже пять гусарь. Тоді вінъ и постерігъ ужé, що біда б́уде, да й зовè Лопату, свого ч́уру. А се самъ Лопата й розказувавъ мнї.

«Иване!» ка́же.

А я — ка́же — каж́у: »Чого ба́тьку?»

«Пди лиш́ь», ка́же, »сюди!»

Я — ка́же — и пішо́въ, такъ изъ-за гру́би въ гра́нських до́махъ.

Вінъ узя́въ, розщепну́въ каптано́къ, розщепну́въ чéресъ ко́ло се́бе, такъ якъ кічка набі́тий черві́нцями. »На«, ка́же, »то́бі сей чéресъ; якъ вивезешъ, то б́удешъ менé зга́дувать.»

»А ви́ жъ, ба́тьку?»

»Э, мн«, ка́же, »ту́тъ пропадемо́!»

Ужé постерігъ серде́шний.

Каж́у: »Якъ же я зві́дсі ви́йду?»

поставили вездѣ свой карауль. Какъ вотъ — и ѣдутъ два Донца: одинъ какъ-бы старшина, а другой простой. Залізняка принялъ ихъ какъ гостей: такъ угощаетъ, что куды! Какъ вотъ, спустя немного времени, ѣдутъ опять трое Донцовъ. Онъ и тѣхъ принялъ. Какъ вотъ ѣдетъ чело́вѣкъ уже пять гусарь. Тогда онъ и догадался, что будетъ бѣда, и зоветъ къ себѣ Лопату, своего чуру. А это самъ Лопата и разсказывалъ мнѣ.

»Иванъ!» говоритъ. А я — говоритъ — говорю: »Что́, ба́тько?» — »Поди-ка«, говоритъ, »сюда!» Я — говоритъ — и пошелъ такъ, изъ-за печки въ графскихъ хоромъ. Онъ разстегнулъ полукафтанье, разстегнулъ на себѣ *чéресъ* (кожаный поясъ), такъ какъ на хомутѣ кічка, набитый червонцами. »Возьми«, говоритъ, »себѣ этотъ чересъ; коли вывезешь, то будешь вспоминая меня.« — »А вы, ба́тько?» — »Э что́! намъ«, говоритъ, »ту́тъ погибать!» Уже догадался сердечный. »Какъ же«, говорю, »мнѣ отсюда вы́йти?» — »Возьми«, говоритъ, »моего коня за по-

Каже: »Візьмі мого коня да веди до води. Якъ стануть тебе питать: Куди йдешъ? то ти скажи, що поведу батькового коня наповати, то вони й пустять.«

Колі жъ я вигляну съ хати, ажъ уже вяжуть гайдамакъ. П оцѣ звяжуть двохъ за руки, спінами одинъ до одного, да й мішокъ землі на рукахъ положать; то вони бідниі й стоять такъ по двѣ вкѹпі. А я взявъ коня да й веду. А вже всюди Московська сторожа стоить; и питають мене: »Куди йдешъ?«

»Поведу«, кажу, »батькового коня наповати.«

То вони й пустили.

Отъ я напоивъ коня, и вже бъ то треба мнѣ втікати; да такъ мнѣ стало ёго жаль! Дѹмаю собі: »Вернѹсь!«

Тільки що вибривъ зъ води, ажъ бѣжить зъ міста козакъ, уже на Жидівському коні: »Куди?«

»Поведу батькові коня.«

»Ужѣ«, каже, »батька чортъ узявъ, и тебе візьме.«

Да рвонѣ въ мене зъ рукъ того коня, а мнѣ кінувъ Жидівського. »Нѹмъ«, каже, »втікати!«

Кінулись ми втікати, а за нами два Дѹни. То гнались за на-

водья. Когда спросятъ тебя: Куда идешь? то ты скажи, что ведешь *батькина* коня къ водоюю; такъ они тебя и пропустятъ.«

Посмотрѣлъ я изъ хаты — уже вяжутъ гайдамакъ. Свяжутъ двоихъ руками и спинами одинъ къ другому да и земли мѣшокъ положать; такъ они бѣдные и стоятъ вмѣстѣ. А я взялъ коня и веду. А всюду уже Московская сторожа стоить; и спрашиваютъ меня: »Куда идешь?« — »Поведу«, говорю, »батькина коня къ водоюю.« Они меня и пропустили.

Вотъ я напоилъ коня, и ужъ нужно бы мнѣ уходить, но такъ стало мнѣ жаль *его?* и думаю себѣ: »Ворочусь!« Только что выбрелъ изъ воды, какъ скачетъ изъ города козакъ — уже на Жидовскомъ конѣ: »Куды?« — »Поведу батьку коня.« — »Ужѣ«, говоритъ, »батька чортъ взялъ, и тебя возьметъ!« и вырвалъ у меня изъ рукъ коня, а мнѣ бросилъ Жидовскаго. »Уходи«, говоритъ, »со мной!« Поскакали мы опроретью,

ми одъ півдня до самої пѣчи, да вже ажъ коло Тального згубили насъ у лісу. А ми іхали додому двоє сѣтокъ, блукали все по закуткахъ и пічогієйсько не іли. А всюди вже стоить сторожа: ловлять гайдамакъ. Приіхали пічку до Кальнихъ Болотъ, а козаць каже: »Ось потривай лишъ, я тутъ бродъ знаю.« (1)

Стали брістї, а конї въ воді якъ захлюпостали, то тутъ за нами: »Лови! лови!»

Ми по коняхъ! А козаць хотївъ ратище поправитъ, да якъ підперъ мене підъ чересь, — такъ и перерізавъ. Чересь у воду тільки брязъ!... пропали гроши!

А ми, якъ ускочили въ лісъ, то полягали на коней да тільки погами поганяємъ, — неси кудї хочъ! Да якъ приіхали додому, то ще довго я ховавсь, боки усовітовали батьку люде пійти до губернатора да сказати, що я на тимъ боці житю перевивавъ. То ще мусивъ батько іздити на той бікъ за свідѣтельствомъ одъ громади, да, напоивши громаду, її привізъ мині тее свідѣтельство. То вже тогді я міжъ люде показавсь.

а за нами велѣдъ два Донца. Игнались они за нами до самой пѣчи, да ужъ подлѣ самого Тального потеряли насъ въ лѣсу. Мы іхали домой двоє сѣтокъ, бродили все по скритнымъ мѣстамъ и ничего, ничего не ѣли. А велѣдъ ужъ стоить сторожа: ловятъ гайдамакъ. Приіхали ночью къ Кальни-Болотамъ; козаць и говорить: »Погоди-ка, я тутъ бродъ знаю.« (1) Начали мы брестъ, а лошади въ водѣ заполоскались, такъ тутъ за нами: »Лови! лови!» Мы по лошадямъ! А козаць хотѣлъ копые поправитъ, да какъ подсунулъ мнѣ подъ чересь — такъ и перерѣзалъ. Чересь въ воу — только брякъ!... пропали деньги! А мы, какъ вѣзжали въ лѣсъ, то прилегли на коняхъ и только погами поганяємъ — неси, куда хочешъ! И какъ приіхали домой, то еще долго я прятался, пока люди присовѣтовали отцу пойти къ губернатору и сказать, что я на той сторонѣ (Днѣпра) житю вѣзжалъ. Такъ отецъ принужденъ былъ ѣздитъ на ту сторону за свідѣтельствомъ отъ громады (общества) и, напоивши громаду, привезъ мнѣ свідѣтельство. Тогда только я появился между людьми.

---

(1) Черезъ рѣчку Гнилий Тікичъ.

Оттакè-то колісь діялось! Лопáта вже той давно вмеръ, и слухъ затіхъ объ гайдамакахъ. Да бувъ я разъ у Монастирці; а за Монастирцемъ есть ями глибокі; то я ставъ да її дивлюсь: що бъ се за ями були? Колі жъ підè старій чоловікъ. »Дідусю!« кажý, »що оцè за ями такі?«

»А ти«, каже, »хиба не тутèшній?«

»Ні«, кажý, »я здалека, ажъ изъ Чигиринського повіту.«

»Оцè жъ«, каже, »ваши Чигиринські гайдамаки лежать. Тутъ їхъ порубано ажъ дèвять-сòтъ; и якъ навалили землю, то кровь изъ ямъ свистала вгòру заввиши съ чоловіка. А чи бачишь три хресті гень-гень стоять? Отó лежать їхъ ватажкі. Тамъ порозстрèлювали Шèлеста, Лусконóга и Гнїду.

Тотъ же старикъ сообщилъ миѣ воспоминаніе о поединкахъ у Запорожцевъ, совершенно для насъ новое.

ПОЕДИНКИ У ЗАПОРОЖЦЕВЪ. (*)

Запорозці, скòро булò заспòрять, заразъ на поединокъ на пістолèти. Розетèлють бóрку; оди́нь на одному́ рїзку́ стàне,

---

Такія-то дèла когда-то творились! Лопата тотъ давно ужъ умеръ, и слухъ замолкъ о гайдамакахъ. Но однажды былъ я въ Монастирщè; а за Монастирщемъ есть глубокія ямы. Я сталъ и смотрю: что бы это были за ямы? Какъ вотъ идетъ старикъ. »Дèдушка«, говорю, »что это за ямы такія?« — »А ты«, говоритъ, »развѣ не здѣшній?« — »Нѣтъ«, говорю, »я издалека, изъ Чигиринскаго повѣта.« — »Это«, говоритъ, »ваши Чигиринскіе гайдамаки лежать. Тутъ девятистамъ имъ отсèкли головы, и какъ навалили землю, то кровь изъ ямы свистѣла къ-верху, вышиной въ чòловѣка. А видишь ты вонъ, вонъ три креста стоять? То лежать ихъ отаманы. Тамъ разстрèляли Шèлеста, Лусконóга и Гнїду.«

(*) *Переводъ.* — Запорожцы лишь только бывало повздорять, тотъ-часъ и выходятъ на поединокъ на пістолетахъ. Раскинуть бурку; одинъ

а другій на другому, да її стреляють. Отó вь їхъ тілько її судá.

Помѣщенныя вь этомъ томѣ думы и преданія дадутъ читателямъ понятіе о томъ, вь какомъ свѣтѣ представляется Малоросійскому простолюдину историческая старина его и вь какихъ формахъ онъ передаеть ее будущимъ поколѣніямъ. Но чисто фантастическій міръ Малоросіяннина-поселянина гораздо шире и роскошнѣ міра фактовъ. Чтобъ дать читателямъ понятіе о силѣ воображенія и живописности мечтаній моего родного племени, помѣщу, вь заключеніе перваго тома Записокъ моихъ, одинъ изъ фантастическихъ народныхъ разказовъ, не рѣшаясь однакъжъ переводить его, изъ опасенія впасть вь несоответственный подлиннику тонъ рѣчи, что было бы почти неизбѣжно.

СТРАНСТВОВАНІЕ ПО ТОМУ СВѢТУ. (1)

Мóже, не булó її на всёму свѣті кра́нчихъ-дітóбъ, якъ у на́шої панні. Булó вь її дві дочечки. Стáршеньку звáли Ганнуса, а мѣншеньку Катруся. И щó жъ то булі за дітки, колі́ бъ вп ихъ

станеть на одномъ углу, а другой на другомъ, и стрѣляютъ. Вотъ у нихъ и вся расправа.

---

(1) Желаніе народа проникнуть вь тайны загробной жизни удовлетворяется у насъ вь Малоросіи разказами стариковъ и старухъ, которые *обмирали*, т. е. лишались на время признаковъ жизни. На распросы окружающихъ, что съ ними было во время обмиранья, они не обинуясь отвѣчаютъ, что были на томъ свѣтѣ, и разказываютъ разныя видѣнія, сообразныя съ понятіями слушателей о наказаніяхъ за злыя и наградахъ за добрыя дѣла. Я полагаю, что эти разказники и разказницы не совсѣмъ ясно сознають свой обманъ, такъ какъ сами они ни мало не сомнѣваются вь возможности своихъ видѣній. Образы мукъ и радостей загробныхъ напечатлѣны у нихъ вь воображеніи съ дѣтства; они только приспособляютъ ихъ къ лицамъ, отшедшимъ вь вѣчность изъ ихъ околотка, подобно тому, какъ Данте, вь своей поэмѣ, сажалъ вь адъ и вь рай Флорентинцевъ и Итальянскихъ героев. Можно представить себѣ, какъ сильно дѣйствуетъ на

бачили! Якъ дві зірочки Божі на небі. Отъ же не довго її потіпшлася нимі бідна наша пані: забравъ їхъ обѣхъ Господь милосердний; бо се вже звісна річъ, що Господь краще собі берє, а плѣхше людянь оставляє. И що жъ то поплакала и по вбивалася за нимі наша пані! Правдиво скъзано, що якъ мати плаче, то мовъ річка ллетця.

Отѣ жъ разъ привелі до неі одну нашу такі бабу, стару престарєнезну, що недавно обмирала и на тимъ світі була, и все бачила, що тамъ дітця єь помєршиими дѣшами, — чи не потіпнить вона її якою звісткою. Привелі, то Явдоха наша приступила такі до пані та її каже: »Добродійко! ось прийшла старá Дубінна, що обмирала и на тимъ світі була, и все бачила, що тамъ рѣбитця єь помєршиими дѣшами. Спитали бѣ ви її, чи не потіпнить вона васъ якою звісткою.«

То пані підвелà трѣхи гѣлову та її дивитця на ту Дубінну... А Дубінна стоить передъ нею старà, престарєнезна, ажъ страшна: скъзано — єь тѣго світу повєрена.

»Такъ ти на тимъ світі була?«

»Була, моя добродійко.«

»Щѣ жъ ти тамъ бачила?«

»Усє бачила, добродійко, що дітця єь помєршиими дѣшами.«

»А бачила жъ ти тамъ мою Ганусю и Катрусю?«

простые умы свидѣтельство старика, или старухи, только что возвратившейся съ того свѣта. Ужасъ и удивленіе не даютъ мѣста недовѣрчивости; слушатели на всю жизнь сохраняютъ убѣжденіе въ справедливости фантастическаго разсказа; и, если съ кѣмъ-нибудь изъ нихъ случится обмрапанье, ояъ, въ болѣзненномъ состояніи мозга, легко можетъ выдавать то, что рисовало ему нѣкогда воображеніе, за видѣнное на томъ свѣтѣ. Повѣрья о *помєршихъ душахъ* слышалъ я въ разные времена, отъ разныхъ лицъ. Они обыкновенно сходны между собою въ общемъ и варьируются только въ частностяхъ. Я собралъ граціознѣйшія черты этихъ разсказѣвъ въ послѣдовательную повѣсть о загробной жизни, и такимъ образомъ предлагаемая статья получила нѣкоторую обработку, которой обыкновенно нѣтъ въ неріемованныхъ созданіяхъ народной фантазіи. Надѣюсь, однакожь, что моя компіляція сдѣлана въ духѣ народной поэзіи и не уменьшила цѣны игръ необразованнаго воображенія.

»Бачила,« каже, »ї Ганґусю, бачила й Катрґусю« . . .

Пані ажъ зъ лижка скочила: »Що жъ вони тамъ роблять?»

»Мати Божя панчішку плетє, а вони передъ нею золоті клубочки держать.«

Такъ такі й каже: »Мати«, каже, »Божя панчішку плетє, а вони передъ нею золоті клубочки держать.

Пані моя якъ почула се, то зъ радості й слова не вимовить; а далі якъ вийтця навкóлишки передъ образомъ. . . А въ неї въ опочивальні образъ стоявъ, великий да гарний: намалєвана Пречїста зъ дитиною: мовъ жива дївигця зъ малєвання. Якъ вийтця вона передъ той образъ, якъ зцїпить рґки, якъ заплаче! А ми всі стоючи й собі заплакали.

»Мати«, каже, »Божя, Царице небєсна! ой якъ же ти моє серце втїшила, що ти моїхъ дїтокъ, якъ свїтокъ, приголґбила!

Та плаче жъ то гїрко, та все дякує! А ми й собі стоя плачемо.

Далі отó вже вгамовалась, переплакала та й веселїша трóхи стала. Роспїтує въ тиї Дубїннихи: »Бабґусю«, каже, »голґбонько! скажи жъ мнї, що тамъ щє дїтця сь помєршимп дґшами?»

»Ой панї«, каже. »зозґде моя! чи можна жъ те язпкóмъ зговорїти, що тамъ на тїмъ свїтї дїтця? Хоча-бъ, здаєтця, не пївъ и не ївъ, а все росказувавъ, то й тоді бъ не переговорївъ усєго. . .

»Отó«, каже, якъ прїїшла вже мнї годїна вмирати, то смерть и стала сь косою въ менє въ ногахъ. Якъ стала, то нóги такъ и похолóли.«

А ми стоїмо, та слґхаючи морóзъ такъ и шїшовъ у насъ поза спїною.

»Далї«, каже, »и живїть, и рґки, и все такъ и похолóло. . . Дивлòсь, ажъ вона вже въ менє въ головàхъ. Якъ замахнє косою, то душà тїлько пґрхъ! такъ якъ пташка вилетїла та й полетїла, полетїла по хатї, и сїла въ куткґ на образї, нїдъ сáмою стєлею. А грїхї стали на порóзї та й не пускають душї сь

хати. Отъ, я«, каже, »бачу, що нікуди вийти; дивлюсь, ажъ вікно очинене. Я— пурхъ у вікно! и пішла, пішла полемъ. Легко та любо міні такъ, мовъ заразъ на світь народилась. Дивлюсь, ажъ не сама я йду, а веде мене явнійся дідъ, а куди вінъ мене веде, боюсь спитатись.

»Идемó, коли жъ гризутця два собáки надъ шляхомъ, такъ гризутця, такъ гризутця! А дідъ и каже: »Се не собáки, се два »браті, що погризлися та и побілися, идучи степомъ. То Богъ и »сказавъ: Коли вже и рідні браті бьютця, то де жъ буде те »добро міжъ людми? Нехай же«, каже, »стануть вони собáками и »гризутся, поки не буде їхати Мартириманъ.« Такъ и сталося по Бóжому. Ми вже и минули їхъ, а вони все вищять та гризутця.

»Идемó«, каже, »степомъ; коли жъ яма така глибочена, що и двá невидно. Дідъ каже: »Лизь!« А я боюсь. »Лизь!« каже. Муспла я полізти. Гляну, ажъ се вже другий світь. Скрізь сидять поміршні дүши, усé по статтямъ: молодіи въ молодій статті, в старіи въ старіи, и хто якъ на сімъ світі заслуживъ, те и на тімъ світі приймае. Хто старцямъ милостиню подававъ, то все те передъ імъ и лежить: чи шматокъ хліба, чи кільце ковбаси, чи о́ла кришеникъ, то все такъ на столахъ передъ ними и лежить; а хто не дававъ, то такъ сидять.

»Идемó«, каже, »ажъ ходять волі въ такому спашу, що и рігъ невидно съ траві, а самі худі, худі, якъ дошка. А біля їхъ ходять волі по самій землі—ні травинки підъ ногами нема, да жиръ ажъ по землі тиліпаєтця. Отъ дідъ и каже: »Оце«, каже, »що худіи волі, то то багаті люде, що жили самі въ рóскоші, а »біднимъ не помагали; а ситні волі, то то бідні люде, що одъ »свого рóта одиймали та старцямъ изъ посліднього давали. Отъ »же вони теперъ и ситі и наповні, а тіи по рóги въ спашу, та худі, »якъ дошка.« Такъ-то на сімъ світі и багатіи, и хорóшіи, и ща-

сливіні — усі помруть, усє минєтця. Сказано: *Сей світъ — якъ м'якївъ цвітъ, день цвітє, а вѣ-ночі опаде!*

»Идемó«, каже, »ажъ міжъ двомá дубáми горить у пóломѣ чоловікъ и кричить: » »Ой, прóбі! укрийте мене, бо замєрзну! ой укрийте мене, бо замєрзну!« Дідъ и каже: » »Оцє««, каже, » »той чоловікъ, що просївся до єгó зимою вѣ хату подорóжній, а на дворі була метєлщина та хуртовина, а вінъ не пуєтївъ, дакъ той и змєрзъ підъ тїномъ. Оцє жъ тепєрь вінъ горить у пóломѣ, »а ємý щє здаєтця, що хóлодно, и терпїть вінъ такý мўву, якъ »той подорóжній терпївъ одъ морóзу.««

»Идемó«, каже, »дальшъ, коли жъ лежить чоловікъ коло криниці; течє ємý рївчакъ черезъ ротъ, а вінъ кричить: » »Прóбі! дайте напїтьця! прóбі! даїте напїтьця!« Дідъ и каже: » »Сей««, каже, » »не давъ чоловікові вѣ живвã водї напїтьця. Жавъ вінъ на пїві, »ажъ пде старчикъ дорóгою, а жарã велика, Спасївелька. » »Ой««, каже, » »чоловіче дóбрїї! даї, радї Христã, водї напїтьця!« А вінъ ємý: » » Оцє жъ для тєбе вивїзъ! Вїллю на пїву, а не дамъ » »тагóму дармоїду, якъ ти!«« То отъ, тепєрь ємý рївчакъ черезъ »гóрло бїжить, а вінъ щє шть прóсить, и до вїку вїчного бўде »ємý такъ жарько да тяжко, якъ томý старцевї, що пшовъ до- »рóгою.««

»Идемó«, каже, »ажъ кипїть у смолї жїнка, а передъ нею цибулька лежить. Дідъ и каже: » »Се««, каже, » »мўчитця такъ мãти »вãшого старóго тїтаря Ошїсима, що бұлó все старцївъ годўє »та бїднимъ помагãє, а нїколи жóдної душі не обїдивъ и нї вѣ »одномý слóвї не збрехãвъ. Була вона багãта, та сквãра, що одъ »неї нїхтó ї хлїба кускã не бãчивъ. Отó разъ полóла вона цибулю, »ажъ пде поузь ворьє дїдъ-старєць. » »Подарї««, каже, » »пãпї- »мãтко, радї Христã!«« Вона вїрвала стрїлку: » »Приймї««, каже »старче Бóжїї.«« Тїлько жъ одъ неї ї бãчили. Отъ, якъ умєрла, »то вже звїсно — тутъ свой дорóга, а тамъ тєбє поведуть. Взялї

»її небóгу та її потягли въ пекло. А Онїсенъ и побачивъ зъ неба,
»що вона велику мѹку приймає, та її каже: »»Бóже мій милїй,
»»Спасе мій Христє! за всю мою щїрость, за всю мою правду,
»»зроби мнї такѹ ласку: пехай и моя мати бѹде въ раю зо мною.«
»»А Христóсь и речє їмѹ: »»Нї«, каже, »»Онїсенме! вельми
»»грїшна твоя мати. Візьми хїба отѹ цибульку, що лежить передь
»»нею, та коли витягнеш її съ тїї бєздни, то пехай и вона бѹде
»»въ раю съ тобою.« Узявъ вінъ тѹю стрілочку та її подавъ ма-
»»тері. Схопилась вона за неї... оть, оть витягне, оть, оть витягне
»»сь пекла! бо щò-то Бóжому святóму? Ажъ нї: якъ поначїплюва-
»»лись її и въ плáхту, и въ намітку грїшнї дѹши, що бѹ и собі єь
»»того пекла вїбратьця, то її не здєржала тая цибулька: перерва-
»»лась, а вона такъ и бóвнула въ гарячу смóлу!«

»Идемó«, каже, »щє дальшъ, ажъ стоїть по поясь у жарѹ,
такъ якъ горщóкъ на прїлїчку, нашъ покїйний Бабїнець, що ще якъ
пáрубкомъ бувъ, то обмиравъ. Я її пїзнала єго. »»Зá що се ти«
кажѹ, »»Семєне, такѹ мѹку приймаєшь?« — »»Щò жъ«, каже,
»»бáбѹсю? якъ обмиравъ я пáрубкомъ, то ходивъ усїюди по дру-
»»гóму свїту, усїякі мѹки бачивъ, а далї зайшовъ до якогось дїда.
»»Слїдїть и все до кѹпи ліка звязує. Оцє одрїже одъ жмѹтка два
»»шматóчки, та звяже до—кѹпи та її повїсить на кїлóчку, одрїже,
»»звяже та її повїсить на кїлóчку. »»Дидѹсю!« кажѹ, »»що оцє
»»вп рóбите?« — »»Се«, каже, »»я пáри парѹю.« — »»А
»»моя жъ пáра тутъ єсть?« — »»Єсть«, каже: »»ось де« та її,
»звязавъ и повїсївъ на кїлóчку. »»Якъ же мнї пїзнати свою
»»пáрѹ?« — »»А ось якъ: Якъ пїйдешъ ти на святкáхъ у корчмѹ
»»та заграють музїки, то вона пєрша пїїде въ танєць, бо вона
»»охóча до музїкъ: отó жъ твоя її пáра.« А я, грїшний, и по-
»»дѹмавъ: »»Колї жъ бѹде хорóша, то бѹду свáтатъ, а якъ-жє по-
»»гáна, то візьмѹ кáменя зъ собою та и вбѹю.« Узявъ кáме-
»»ня и пїшовъ до корчмї. Колї жъ, свóро заграли музїки, ажъ и
»»вїїшла, та такà жъ нечумáзна! Я якъ хрãпну її кáменемъ пó го-
»»вїло, а самъ навтїкача! Та якъ пїшовъ, то волочївсь рóкївъ,

«може зò два, и вже дè не свáтавсь? нiхтò не йдè та й не йдè за мéне. То я собi й дýмаю: »Пiйдiть ще вь iнше селò, та зачнiть »свáтатяця сь краiннi хáти, не минаючи жòдноi; може, чи не »оддáсть хто.« Пiдiть, ажь стоiть сельцé. Оть я вь краiнню хáту. Дивлюсь — дiвчiна гáрна, чи вже, може, такь мнi тогдi »здáлось. Ставь свáтатя — оддалi. Отò жь и стáвь я жiть пз »нéю. Та разь у свято зiбрáлись жiнки до-вiни пообiдавши, та »й сьгáютня собi пiд хáтою у холодкy. А однá сьгáе моiй жiнцi вь головi та й питає, а я й чýю: »Чогò се«, кáже, вь тебé »шрáмь у головi?« — »Се я«, кáже, »ще дiвкою гуляла »разь на святкáх у корчмi; а одiнь врáжнi снiг здурiвть, чи »внiвся, — ухопiвть камешòку та менé по головi; то трòхи не вмёрла; та вже якось одхáяли.« А я слýхаю та й догадáвсь, що се »та самá, що звязáвть мнi Богъ у пáру!... Оть за те-то я тенёръ »у жарy по поясь стою, що пiшовъ протiвъ Бóжоi вòли.«

»Идемò«, кáже, »ще дальшъ, ажь гáйдáмака, такiй старiнi та здоровéннiй, гáдъ руками зь ями до ями нòсить, а чéрти бiстями ёгò поганяють. Дiдъ и кáже: »Сей«, кáже, »багáцько натворiвть »грiхiвть на тiмъ свiтi, и покyту великy вiдержавъ, — и покyта ёгò не слобонiла. Тяжко великi грiхи ёгò! за те вiпъ и мyчитця гiршъ надъ усi грiшнi дyши. Дòвго розбивáвть вiнь на »рòдъ, рiзавъ старòго й малòго, дáли одyмавсь та й пiшовъ сно- »вiдáтьця. Приiшовъ до одного попá: »Вiсповiдай менé, па- »нòче, та пакiнь якy покyту« — »Якi жь твоi грiхи?« — »Оттакi й такi: багáцько я дyшъ пз свiта зогнáвть, и отця й мá- »тiръ убiвть.« — »Э, на такi грiхи немá вь менé покyти!« — »Вiнь узявъ та и вбiвъ того попá. Идé до дрyтого: »Вiсповi- »дай менé, папòче, та пакiнь покyту.« — »Якi жь твоi грi- »хи?« — »Оттакi й такi.« И тòй кáже: »Немá на iх »покyти.« Вiнь и того вбiвъ. Дáли бáчить, що нiхтò ёгò не »вiсповiдає, почyвъ, що есть десь такiй пiпъ, що ще малèнь- »кимъ бáтько продáвть ёгò печiстому, за те, що помiгъ у дорòзi »вiпрятovati вòза сь балюжи; такь вiнь и вь пèклi вже бyвть, та

»якось викрутивсь звідти и зробівсь попѡмъ. »Пійду жъ« , каже,
 »я шукать сѣго попá: сеї уже певне навине на мене покуту.«
 »Иде, ажъ той шпъ п иде ёму назустричь. Питаётця: »Чи ти бувъ
 »у пеклѣ?« — »Бувъ.« — »А чи бачивъ же ти тамъ мій па-
 »трётъ, мою дүшу?« — »Бачивъ.« — »Що́жъ вона тамъ
 »рѡбить?« — »Гадъ« , каже, »руками зъ ями до ями но-
 »сить, а чортї остаямї и поганяють.« (¹) — »Ну« , каже, »ко-
 »ли ти вже и съ того світу вернувсь, то ти на мене накинешъ
 »покуту.« — »Які жъ твої грїхі?« — »Оттакї и такі: ба-
 »гацько я дүшъ изъ світа зогнавъ и отця и матірѣ убивъ.«
 — »Э, тяжкіі« , каже, »твої грїхі!« Та повивъ ёго на го-
 »ру, на могилкї, та и каже: »Візьмі жъ« , каже, »ти оцю яблу-
 »неву пáлку; вона мнї ще одъ мого діда досталась; та по садї
 »и отгуть на могилкахъ, та чи бачишь гень-гень у полі кришї-
 »ця? Ходи ти рано и вѣчїръ до тїи криниці, носи воду рѡтомъ
 »и поливаї сю пáлку. Коли вона прийметця и виросте зъ неї
 »яблуня, и посиють яблука, и ти ихъ усі струсишь, тогдї спа-
 »дуть съ тебе и всі грїхі твої.« Сказавъ та и поїхавъ собі.
 »Отó жъ, рѡківъ, може, черезъ тридцять, иде зновъ той шпъ черезъ
 »той лїсъ, мїмо тихъ могилѡкъ, иде, та такъ ёму звідкись запахли
 »яблуга! Гляне, ажъ на могилкахъ така хороша та рясна яблуня
 »стоить! а на яблунї яблучка все срібні, тїлько двѡе золотїхъ; а
 »підъ яблунею сидїть дїдъ, сївний, сївний, якъ молоко. Побачивъ
 »понá, пізнавъ, да тїлько ругѡю на яблуню скїнувъ: вже и слѡва не
 »промѡвить. Тогдї шпъ: »Эгѣ! та се жъ« , каже, »той гай-
 »дамака, що я покуту накинувъ?... »Ну« , каже, »трусї.«

(¹) См. Дантовъ «Адъ», пѣснь XXXIII: «Какъ! сказалъ я: ты уже умеръ?—Онъ же въ отвѣтъ: Я не знаю, какимъ образомъ тѣло мое еще живетъ на землѣ. Эта Птолемяя отличается тѣмъ, что часто душа падаетъ въ нее, прежде нежели Атропосъ дастъ ей толчокъ. Чтобы ты охотнѣе освободилъ глаза мои отъ застывшихъ слезъ, знай, что лишь только душа согрѣшитъ предательствомъ, въ чемъ виновень и я, тѣло ея дѣлается немедленно добычею демона, который управляетъ имъ до послѣдняго дня жизни, а душа падаетъ въ этотъ ужасный ледникъ и, можетъ быть, тамъ на верху еще кажется въ живыхъ тѣло души, которая дрожитъ позади меня.»

»Струснѹвъ дідь яблуню, — усі серібні ябл҃ка обсіпались, а
»двоє золотіхъ висіть. Чого вже не робівъ вінъ? якъ не збивавъ?
»висіять та її висіять!... »Оце жъ« , каже, »твої два гріхі ви
»»сіть, що ти отця її матірѣ убивъ.« Та, набравши въ хусточку
»ябл҃гъ, и поїхавъ собі. А гаїдамака тамъ и сконавъ. И м҃у-
»читця отт҃уть вінъ гірше надъ усіхъ грішниківъ, и ніколи не
»б҃уде ём҃у пільги. Усімъ б҃уде колись пільга, а ём҃у не б҃уде.«

»Идемó« , каже, »дальшъ, ажъ лежіть черезъ провалле кладочка
дочка така хиства, що вся така и колишетця. А провалле такє
глибоченне, що її двá не видно, — тільки щось гудє, такъ якъ
у котлі кипіть. Якъ ступіла я на ту кладочку, якъ хитнѹсь, то
трóхи, трóхи не впала. И впала б҃ь така, колибъ дідь не вхопівъ
за рукавъ. »»Э, ні!« каже, »ще тобі не порá туди: ще ти вер-
»неся на той світь. Багато тамъ людєй погубля свої д҃уши то
»лаїкою, то бійкою, то скнаростю, то кражею, то душогуб-
»ствомъ безбóжнимъ. Отъ же, якъ вернесся,« каже, »то гляді
»мни, розкажі людямъ про все, щò тутъ бачила; нехай вони зна-
»ють, щò то за м҃вки некельні, нехай памятають на праведний
»судъ Бóжий; бо вже« , каже, »м҃ченикъ Іванъ у Києві, въ пе-
»чєрахъ, по шію въ землі стоїть; а якъ увійде зовсімъ у зємлю,
»тогді ніколи б҃уде каятця.«

И багато, багато розказувала про той світь стара Дубишиха.
Не можна всєго того жаднимъ рóзумомъ збагн҃ти. А наші сл҃хає-
сл҃хає, да зновъ: »Баб҃усю-гол҃убошько! а дітòкъ же моїхъ якъ ти
бачила?« А вона: »Да я жъ каж҃у тобі, моя добродійко, що бачила я їхъ
високо, високо въ раїю Бóжому. Мати Бóжа панчїшку плетє, а вони
передъ нею золотїї клубòчки держать.«

ПРИЛОЖЕНІЯ.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПѢСНИ О РАЗОРЕНІИ КІЕВА БАТЫЕМЪ.

Да не славнѣйшій гóродъ Медвѣдівка изъ своїми городáми,
 Якъ славнѣйшій Ппліщъ Орлївъ зъ двома козака́ми:
 Однївъ Грищкó, дрúгий Андрій, на віру гонїтель,
 Всімъ городáмъ Українськимъ вінъ бувъ розорїтель.

Въ неділю рáно-порапéньку у всі дзвони дзвóнять,
 І старїі, и малїі въ весь гóлосъ голóсять,
 На колїна упадáють и Бóга прóсять:
 »Поможї намъ, Бóже, Кїевъ гóродъ боронїти,
 Дождемо Пёршої Пречїстої, бúдемъ обїдъ становїти.«

Въ неділю рáно-порапéньку гóрода достáли,
 Всімъ церквámъ Українськимъ верхї позбивáли,
 Полотїяні образї підъ кульбаки клáли,
 Дзвóнами спїжóвими кóні наповáли,
 Въ святїхъ церквáхъ кóні становїли.

Примьчаніє. Пѣсня эта записана Э. О. Рулковскимъ въ Васильковскомъ уѣздѣ Кїевской губерніи и помѣщена въ его прекрасной книгѣ »Opis Powiatu Wasylkowskiego« (стр. 181).

Онъ объясняетъ ее такъ:

»Думу эту надобно отнести ко времени нашествія хана Батыя на Русь и Кїевъ. Хотя въ ея складѣ замѣтно недавнее происхож-

деніе (1), однакожь она выразительно проникнута этимъ воспомина-
ніемъ. — О разореніи Кіева, и именно церквей его, Спи-
ноненъ говоритъ такъ: «Крестъ съ главы церковныя золото-
»кованный сняна, а верхъ до полу-церкве по окна повелѣніемъ
»проклятого Батыя испровергоша, такожде и верхъ олтаря ве-
»ликого по переп иконы Пресвятой Богородицы избинна». Изъ
этого ясно, что вышѣшняя пѣсня согласна съ историческимъ пре-
даніемъ, ибо упоминаніе о Филиппѣ Орликѣ и его двоихъ товари-
щахъ ни сколько тому не протпворѣчитъ, такъ какъ извѣстно,
что народная пѣсня часто замѣняетъ старыя имена своихъ бога-
тырей новыми. Народъ не заботится о томъ, такъ, или иначе, на-
зывался богатырь пѣсни: для него важенъ характеръ, выражае-
мый воспѣтою личностью, важны мысль и слово, которыми за-
печатлѣна эта личность. Поэтому Филиппомъ Орликомъ (Филиппъ
Орликъ) можетъ быть у него здѣсь Батый, а два его товарища
суть Манкѹ и Пета.»

II.

СТИХИ НА КАРТИНѢ, ПРЕДСТАВЛЯЮЩЕЙ ЗАПОРОЖЦА-КОБЗАРЯ

Надъ бандурою:

Струни мої, струни золотїї! заграйте ми стїха,
Ачѣй (2) козакъ петяжище позабуде лиха!

Надъ кошемъ:

Въ насъ у Січі то и поровъ, хто *Отче наше* знає,
Якъ умівся, вставши вранці, то чарки шукає.

---

(1) Почтенный авторъ ошибается, думая, что народъ способенъ складывать пѣсни о временахъ давно прошедшихъ: это свойственно однимъ писателямъ. *Моведовка*, прославившаяся гайдамачествомъ, и *Филиппъ Орликъ* показываютъ только смѣсь пѣсенныхъ воспоминаній, происходящую отъ забвенія старины. Примѣръ нерѣдкии. — (2) *Ачѣй* — авось-либо.

Чи чарка то, чи ківшъ бѣде, не глядѣть перемѣни;
Гладко пьють, якъ зъ лѹга бьють до почної тѣни.

Визу картины:

Дивѣся та гадаї, та ба, не вгадаешъ,
Відкїль рѣдомъ и якъ зовѣть, нї чичїркъ не визнаешъ.
Кому трашилось хоть разъ у степѣ гуляти,
То мѣже той и прїзвище моє угадаѣти.
Въ менѣ имя не одно, а есть їхъ до кѣта:
Такъ зовѣть, якъ набїжїшь на якого свѣта.
Жидъ зъ бїдї за рїдного бѣтька почитае,
Милостївїмъ добродїемъ Ляхъ називае;
А ти якъ хочъ назовї, на все позволяю,
Абї тїлько не крамаремъ, бо за те ї полаю.

Відкїль я рѣдомъ взявся на свѣтї,
Всякїй зъ ваєь хоче знѣти примїти.

Жївѣкъ въ Сїчї немѣе,

Всяєъ те дѣбре знае.

Хибѣ скажешъ — пзъ рїби рѣдомъ,

Абѣ сь пѣгача дїдъ мїй плодомъ.

Но въ томъ себѣ мїлїшь

И на-крїво цїлїшь.

У насъ сугакѣ тїлько слїди,

А дїкї кѣнї намъ сусїдї;

А Днїрѣве стрѣмя —

Тѣ наше плѣмя.

Трѣхи Ляхвѣ угадаѣла,

Щѣ лошака даровѣла.

Глянь на гербѣ сей знаменїтїй, —

Вїнь висїть на дубѣ обвїтїй.

Правда, якъ кїнь въ степовїй вѣлї,

То такъ козаєъ на безъ дѣлї:

Кудї сѣоче, тудї скаєе,

За козаєѣмъ нїхтѣ не заплаєе.

Гай-гаї! якъ я бувъ мѣлодъ, щѣ въ мпнї булѣ за сїла!

Ляхівъ нещадно б'ючі, рука її р'азъ не зомліла.
А теперъ и в'ошь д'ужча відъ Ляха здається:
Плечи и в'ітки болять, якъ день попоб'єсея.
Такà-то, бачу, нед'овга літь нашихъ годіна:
Ск'оро цвітє, ск'оро и в'яне, якъ у полі биліна,
Хочà мнї її не страшно на степу вмирати,
Тільки жалко, що нікому б'уде поховати:
Татаринь цурàється, а Ляхъ не прист'упить,
Хибà якà звир'юка за погу у байракъ поц'упить.
Та вже жъ пристарівшись на Р'усь пийті муш'у,
Ач'ей такі одноминяють попі мою д'ушу.
Тільки жъ мнї нег'оже на лаві вмирати,
Бо щє менє берє ох'ота зъ Ляхами гуляти.
Хочà вже тр'охи її зледащивъ, да щє ч'ують плечи —
Кажетця, побор'овєя б'ь щє зъ Ляхами г'ь р'єчи,
Ач'ей би що-неб'удь перекинули для см'єрти...
Або Жиду, або Ляху м'ушу носа втерти.
Ищє б'ь прогнавъ Ляхви хор'уговъ за Віслу не тр'охи,
Розлетілись би вони всі, якъ одъ пожару бл'охи.
Лучалось мнї на степу варити п'иво:
Пивъ Т'урчинь, пивъ Татаринь, пивъ и Ляхъ на-д'иво.
Багато її теперъ лежить на степу єь похміля
М'єртвихъ голівъ и кістокъ одъ того весіля.
Надія в'ь менє п'евна — мушкет'ь-сіромàха,
Ищє не заржавіла и шàбля, мой свàха.
Хоть уже не р'азъ пàсокою вм'їлась,
Такіи воцà її теперъ якъ-би розозлілась,
То не одиць кателікъ л'обомъ догорі стàне,
Колі жъ покв'ашитця втікати, на спиеу застр'яне.
Та якъ и л'укъ натягнуу, бр'язну тятив'ою,
То м'усить утікати ханъ Кр'імський зъ ор'одою.

Эй ц'утє лишъ, стени, горіть пожарами,
Бо вже чàсь кожухъ м'иняти на жупань зъ Ляхами.
Та якъ ярмарокъ д'обрий удача покаже,
То в'ь бариші Жидъ зъ Ляхомъ не одиць поляже.

Нєкъ імь! якъ паможутця, то мўсншь уступїти:
За шкатулу червонихъ и за рѣндикъ (1), зѣлотою шїтїи,
Кожухъ скрупилий скїнешь імь до кѣта,
Абї якъ сцурѣтїся упрѣмого свѣта.
Да вже бїжї чимъ дужь до Сїчи могорїчї пїти...
Цўрь імь бодѣй! якъ звїкли насъ Ляхї дурїти!

III.

МѢСТА ИЗЪ ДУМЫ РИГОРѢНКА О ФЕСЬКѢ ДЕНДЕБѢРѢ, НЕВОШЕДШІЯ ВЪ ДОПОЛНЕНІЕ
ДУМЫ АНДРЕЯ ШУТА О ТОМЪ ЖЕ ГЕРОѢ.

»Гей Нѣсте Горовѣя,
Шипкѣрко молодѣя,
Кабѣшнице степовая!

Не велю я тобї сѣгѣ козака съ лѣти виганѣти,
Хочь я свїй осьмакъ на шїво викидаю,
А ти єгѣ съ лѣти не вибивѣй.»

Ись-шїдъ полі позлотїстїи недолїмоць (2) вишьмѣ,
По столу три рѣзи затїнає,
Козацьку пісню спїває:
»Оїї рїко козацькая!
Теперь мѣне абѣ зодягѣй,
Абѣ до себѣ пришьмаїї.»

Тодї де взялися три джўри малїаль-невелїбнїхъ:
Що первїи джўра идѣ,
Пѣру жупѣнївѣ їмў несє;
Дрўгїи джўра идѣ,
Жївѣтї сѣпѣнцї їмў несє,
А трѣтїи джўра идѣ,

Ширѣкнї, що її слїдъ замїтають червѣні шаровѣри несє,

(1) Конскїй уборъ.

(2) Келепѣць. *Пр. п.*

И оксамітну шапку на голову ёму несé.

Воні ёму приношáли

И до ёго промовляли :

»Гей Феськò Дендебéре ,

Бáтьку козáцькийй , славнийй лiцаре!

Дóки тобі тóта пуєтовáти?

Часъ-пора йти на Вкраiну бáтькувáти.«

Тодi Феськò Дендебéря полáгану, подрáту, узловáту одéжу скидáе ,

Пáру жунáнівъ-падiвáе :

Постолi бóбрóви,

Лiчанi, вязóви,

Зшiмáе,

Жóвти сапгьянцi обувáе,

И на своiхъ джуръ покликáе:

»Гей, джурi ви моi малi-невеликi!

Дóбре ви дóали,

Спхъ Ляхiвъ ,

Дукiвъ - срiбляникiвъ ,

По одiнцю сь хáти вивождáйте,

Та середь обóловни iхъ покладáйте,

Хорóшенъко вь три берéзи по дупáхъ затинáйте.«

Тодi тi Ляхi,

Дукi - срiбляникi,

Тéе зачувáли,

Дóбре дóали,

Зь шiнку утiкáли ;

А опiслá до ёго приходáли,

Соболёвими шубамп ёго дарувáли,

Словáми до ёго промовляли :

»Гей Феськò Дендебéря!

Колiбъ ми тебé булi знáли,

Садiли бъ булi тебé, не займáли.«

Тодi Феськò Дендебéря на шинкáрку покликáе :

»Гей, шинкáрко Горовáя,

Нáсте молодáя,

Кабáшнице степовáя!
Гей, каду́кї бѣ тобї въ м. ....!
Теперѣ менї цеберѣ мѣду, а другїй горїлки насипáй,
Велю тобї їх на скамї становїти;
А я, якъ не могу тобї заплатїти,
То стану до тебѣ на три годї груби топїти.«
Шницáрка Горовáя,
Нáстя молодáя,
Кабáшница степовáя,
Тее зачувáе,
Цеберѣ мѣду, другїй горїлки насипáе,
На скамї постановлáе,
До ёго словáми промовлáе:
»Гей, Феськó Дендебѣря,
Гетьмáнъ Запорóзькїй, Черкáськїй,
Товáришу нáськїй,
Якъ-бї я тебѣ булá знáла,
То я бѣ тебѣ съ хáти въ потїлицю не вибивáла
А теперѣ, коли хочѣ щѣ въ менѣ дóвше погулáти,
Я тобї могу щѣ въ мáсли каплунївъ зготувáти.«

Якъ погулáвъ Феськó Дендебѣря тамъ ще чотїри недїлі,
То оттáмъ усї ёго бїтї таларї засїли.

IV.

ПѢСНЯ О КОЗАКѢ ВАСЮРИНСКОМЪ.

Да встань, бáтьку съ того свѣту, велїкїй гетьмáне! (1)
Якъ поїдемъ до Царїцї — по прѣжнѣму стáне.
»Ой Царїце, нáша мáти! змїлуйся надѣ нáми,
Оддáй же намъ нáші зѣмлі съ тѣмнїми лугáми.«
»Не на тее, мїле брáтте, я Сїчѣ руйновáла,

---

(1) Не помню, гдѣ-то замѣчено, что этотъ стихъ относится къ Потемкину. Но Потемкинъ умеръ спустя много лѣтъ по разоренїи Сѣчи, которое, по свойству народнаго вдохновенїя, не могло быть воспѣто такъ поздно. Здѣсь разумѣется Богданъ Хмѣльницкїй.

Ой щобъ я вамъ ваши зѣмли, клейноди вертала.«
Течѣ рѣчка невеличка, підмиває крѹчи:
Заплакали Запорозці, одъ Царіці йдучи.
Васюринський козарлюга все пѣе та гуляе,
Отамана кошового батькомъ називає:
»Позволь, батьку отамане, памъ на башті стати:
Якъ не стїдно а Царіці та Січъ руйновати!
Не позволишь съ шабельками, позволъ съ кулаками:
Нехай паша слава не гине поміжъ козаками!«

V.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПѢСНИ, ПРОКЛИНАЮЩЕЙ БОГДАНА ХМѢЛЬНИЦКАГО ЗА ПРЕДАТЕЛЬСТВО ТАТАРАМЪ УКРАИНСКИХЪ ПОСЕЛЯНЪ ВЪ НЕВОЛЮ.

Кондрать Тарануха, разсказавъ легенду о Хмѣльницкомъ (см. выше, стр. 114), прибавилъ, что Хмѣльницкій продавалъ Татарамъ *на ясырь*, т. е. въ неволю, цѣлыя села, и, въ доказательство, припомнилъ слѣдующій замѣчательный отрывокъ пѣзъ забытой пѣсни:

Ой бодай Хмеля Хмельницького
Перва кўля не минула,
Що велївъ брати парубки й дївки
И молодїї молодїї.
Парубки йдуть спїваючи,
А дївчата ридяючи,
А молодїї молодїї
Старого Хмеля проклинаючи:
»Ой бодай Хмеля Хмельницького
Перва кўля не минула. . . . .

О П Е Ч А Т К И.

СТРАН.	СТРОКА:	НАПЕЧАТАНО:	СЛѢДУЕТЪ:
XII	9	<i>съ войнати</i>	<i>съ войнами</i>
XIII	27	<i>пѣснь.</i>	<i>пѣсень.</i>
XVII	8	Вовчка.	Вовчка,
XVIII	5	Шѣрба.	Щѣрба.
—	23	<i>Каливщины.</i>	<i>Колівщины.</i>
XXII	9	Стр.	Стр. 315
XXV	1	не <i>съ</i> зоззками,	не <i>съ</i> козаками,
—	19	Запорожцевъ	Запорожцевъ
—	23	къ покойному	къ покойному
65	22	не я втѣрплю	я не втѣрплю
68	2	сказавъ	сказавъ
75	5	тѣплятця	тѣплятця
88	4	Александръ и Казимиръ	Казимиръ Ягелмонъ и
		Ягелмонъ	Александръ.
95	7	напѣвшились	напѣвшись
116	9	іхаті	іхати
117	19	не давятъ	не давать
147	1	сѣме ро	сѣмеро
156	7	сказа въ, той	сказавъ, то ѱ
162	18	А вон якѱ	А вонѱ, якъ
163	22	Запорожцевъ	Запорожець.
164	30—31	продолжнѣе	продолженіе.
244	32—33	люди и убрались	людей и убрались
246	4	бесознательно	безосознательно
247	32	А я — говоритъ	А я — говоритъ —
250	9	и жупанъ, добувъ.	и жупанъ добувъ.
252	11	побѣжимъ,	побѣжимъ,
253	10	каже:	каже:
258	21—22	<i>постолахъ</i> (1).	<i>постолахъ</i> (2).
261	30	въ Троицко	въ Троицкой
265	1	думавъ,	думавъ.
—	25—26	плотника	плотника
268	26	Смилянскому	Смилянскому
272	17	поставлять	поставлять
—	29	козаківъ	козаківъ
278	6	гончарѱ	гончарѱ
280	4	казакъ,	казакъ,
—	8	зѱразъ	зѱразъ
281	17	и зѱ	изѱ
285	28	Жидиняты	Жиденяты
289	7	давнѱ	давнѱ
296	31	оттуда	откуда

СТРАН.	СТРОКА:	ЩАПЕЧАТАНО:	СЛІДУЄТЬ:
300	32	бросиць	бросиць
303	15	кращих- дітокъ .	кращих дітокъ,
306	14	Лизь!	Лизь!
307	17	вивізъ!	вивізъ!
—	28—29	папімátko ,	папімátko ,
308	32—33	по́ говіло, а самъ навті- кача!	по́ голові, а самъ нав- тікача́!
309	8	у холодкú ,	у холодкú .
—	29	на їх	на їх
—	33	йв« рятовати	»вірятовати
310	2	пакіне	пакіне
—	13	по саді	посаді
316	28	просходящую	происходящую
317	31	на безъ долі:	не безъ долі:
318	29	поквѣшитця	поквѣшитця

ЗАПИСКИ

О

ЮЖНОЙ РУСИ.

II.

ЗАПИСКИ
О
ЮЖНОЙ РУСИ.

ИЗДАЛЪ П. КУЛИШЪ.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1853.

ПЕЧАТАТЬ ДОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ
узакоенное число экземпляровъ. Москва, 25 февраля 1857 года.

Ценсоръ *Н. фонъ-Крузе.*

О Г Л А В Л Е Н І Е .

I. Сказки и сказочники	стр. 1
II. Разсказъ современника-Поляка о походахъ противъ гай- дамакъ	105
III. Ваймичка , поэма	143
IV. Записка члена Малороссійской коллегии, Г. Н. Теплова . .	169
V. Ориса, идиллія, П. А. Кулиша	197
VI. Малороссійскія пѣсни, положенныя на ноты для пѣнія и для фортепіано А. П. Маркевичемъ. Тетрадь первая . .	209
VII. О древности и самобытности Южно-Русскаго языка, статья Юанна Могилевскаго	257
VIII. Похороны, списанныя со словъ поселяннина, въ Харьков- ской губерніи, Лисовикомъ	281
IX. О причинахъ вражды между Поляками и Украинцами въ XVII вѣкѣ. (Двѣ статьи, М. А. Грабовскаго и П. А. Кулиша, по случаю недавно открытаго универсала гетмана Острияницы)	291

С О Д Е Р Ж А Н І Е .

1.

ИЗСЛѢДОВАНІА.

При записываньи произведеній народной словестности, необходимо принимать въ соображеніе обстоятельства самого разсказчика, или пѣвца, и всю его обстановку. Стр. 4 — 5.

Какъ сильно дѣйствуетъ на простолюдина родная пѣсня. Стр. 8 — 9.

Различіе между Сѣверно- и Южно-Русскими сказками. Стр. 12—13.

Сказка и пѣсня служатъ для народа истолкованіемъ его настоящаго положенія. Онъ разсказываетъ, въ своемъ кругу, тѣ сказки и поетъ тѣ пѣсни, которыя выражаютъ современный его взглядъ на вещи. Стр. 82 — 103.

Гайдамачество явилось, какъ противодѣйствіе нестерпимому злу въ Польскомъ гражданскомъ обществѣ. Стр. 107 — 108, 139 — 141.

Любовь къ родицѣ есть лучшее основаніе любви къ отечеству. Любовь къ родной словестности утверждаетъ въ обществѣ нравственныя понятія и вводитъ ихъ въ дѣло жизни. Стр. 145 — 146.

Гетманщина не стремилась къ общему благу Малороссійскаго народа, и по тому самому не могла быть долговѣчна. Стр. 171 — 174.

При отсутствіи правильнаго судопроизводства въ старинной Малороссіи, старшины козацкіе захватывали во владѣніе земли, безъ всякаго права, подъ видомъ *старого займа*. Стр. 176.

Множество козаковъ обращено въ *подданныхъ* (крестьянъ) козацкими старшинами и другими чиновными и денежными людьми. Стр. 178.

Выборъ всѣми голосами полковниковъ и сотниковъ существовалъ только на бумагѣ, а на самомъ дѣлѣ чиновная партія въ Малороссіи опредѣляла во всѣ должности — кто ей былъ нуженъ. Стр. 187.

Судопроизводство по Литовскому, Магдебургскому и Саксонскому праву давало просторъ произволу и изворотливости судей, во вредъ несвѣдущаго въ законахъ населенія Малороссіи. Стр. 188.

Члены богатыхъ фамилій, получивъ званіе бунчуковыхъ товарищей и войсковыхъ канцеляристовъ, дѣлались подсудимыми только генеральной

канцеляріи и гетману, а это давало имъ возможность безнаказанно угнетать мелкопомѣстную свою братію и простолюдиновъ. Стр. 191.

Названіе *Русскій* принадлежитъ Южно-Русскому, или Малороссійскому народу и языку пекони. Малороссійскій народъ и Малороссійскій языкъ суть Русскій народъ и Русскій языкъ по-преимуществу. Стр. 263.

Въ Русскихъ земляхъ, принадлежавшихъ къ Польскому королевству, Южно-Русскій языкъ не только былъ языкомъ народнымъ, но и правительственнымъ. Этимъ языкомъ говорили при дворѣ великихъ князей Литовскихъ и въ знатнѣйшихъ Южно-Русскихъ домахъ. Стр. 264.

Южно-Русскій языкъ всегда отличался отъ Церковно-Славянскаго, Польскаго и Великороссійскаго языковъ. Стр. 267.

Во всѣхъ Русскихъ земляхъ, извѣстныхъ подъ именемъ Малой и Червонной Руси, одинъ и тотъ же Южно-Русскій языкъ былъ во всеобщемъ употребленіи. Стр. 269.

Южно-Русскій языкъ отнюдь не образовался изъ Польскаго. Стр. 273.

Польскій языкъ вышшею своею чистотою, богатствомъ и самымъ даже слогомъ своимъ сбязанъ, большею частью, Южно-Русскому языку. Стр. 274.

Поводомъ къ войнѣ козаковъ съ Поляками подъ предводительствомъ Остряницы, какъ и въ другихъ козацкихъ войнахъ, были злодѣйства со стороны частныхъ лицъ. Стр. 309.

Озлобленіе Украинскаго народа противъ Поляковъ не вытекало изъ владѣльческаго права. Стр. 311.

Систематическаго угнетенія страны со стороны Польскаго правительства не было. Стр. 311.

Польскому правительству и Польскимъ дворянамъ Малороссія обязана была своимъ вещественнымъ благосостояніемъ. Стр. 132.

Самымъ тяжкимъ бременемъ для Малороссіи были постои Польскихъ войскъ. Стр. 313.

Городовые козаки до временъ Хмѣльницкаго противодѣйствовали Запорожскимъ. Стр. 314.

Запорожцы озлоблялись на Поляковъ за запрещеніе дѣлать морскіе набѣги на Крымъ и Турцію, что было со стороны Поляковъ политическою необходимостью. Стр. 315.

Вмѣшательство Поляковъ во внутреннее управление козачества было вынуждаемо козацкими возстаніями. Стр. 315.

Изгнаніе Поляковъ изъ Украины было вмѣстѣ и изгнаніемъ коренныхъ Южно-Русскихъ дворянъ, которые имѣли неопровержимое право на владѣніе землею. Стр. 317.

У Поляковъ, при всѣхъ злоупотребленіяхъ ихъ политическихъ представителей, не было посягательства на Малороссійскую національность. Стр. 318.

Высшее развитіе Украинской народной словесности совершилось во времена Польскаго владычества. Стр. 319.

Унія, въ своей идеѣ, была устройствомъ іерархіи, а не перемѣною вѣры. Стр. 319.

Всѣ эти, по видимому, счастливыя условія для обоихъ народовъ привели Рѣчь Посполитую къ несчастному концу потому, что въ ней господствовало право сильнаго, что собственно націю Польскую, по мнѣнію правительства, составляло дворянство, что это дворянство проникнуто было духомъ касты и не обращало вниманія на положеніе чернорабочаго класса въ государствѣ. Стр. 321.

Малороссіяне, по своей природѣ и по мѣстнымъ условіямъ, не могли иначе себя сознать, какъ людьми, безъ всякихъ гражданскихъ пред-

разсудковъ. Пренебреженіе со стороны Поляковъ, аристократовъ по племенному началу, чувствовали они слишкомъ глубоко. Стр. 324.

Война между ними была, въ корнѣ своемъ, изъ-за оскорбленнаго чувства человѣческаго достоинства. Другія оскорбленія со стороны Поляковъ только раздули готовое пламя. Стр. 325.

До какой степени Южно-Русскій народъ созрѣлъ уже и тогда для высшей формы гражданской жизни, видно изъ того внутренняго устроения Малороссіи, въ какомъ она явилась при Хмѣльницкомъ. Стр. 326.

Неумышленные и несознаваемые Польскимъ дворянствомъ угнетенія народа Малороссійскаго со стороны его человѣческаго достоинства принесли ту пользу, что Русскій человѣкъ, въ освобожденіи отъ нихъ Малороссіи, сдѣлалъ первый шагъ къ истинному самосознанію и самостоятельности. Стр. 328.

2.

СКАЗКИ, ЛЕГЕНДЫ И ПОВѢРЬЯ.

Сказка о красавицѣ и о злой бабѣ. (Царевичъ плѣняется красавицей. Царь не соглашается на женитьбу сына, но, увидѣвъ рушникъ, вышитый ею, согласился. Провожавшая молодыхъ баба подмѣнила красавицу своею дочкой. Дидъ припаялъ къ себѣ покинутую красавицу, съ выколотыми глазами. Она научила его, какъ добыть у злой бабы глаза и вышила рушникъ. Увидѣвъ этотъ рушникъ, царевичъ отыскалъ по немъ свою красавицу жену.) Стр. 10.

Сказка объ ужѣ и царевичѣ. (Царевна соглашается быть женою ужа за то, что онъ позволилъ ей почерпнуть воды для отца. Кума свела ее со свѣта и обрѣзала у ней руки, съ золотыми кольцами. Но кольца не снимались. Кума ночью нарила руки въ кипяткѣ, чтобы снять кольца, а царевна пришла къ ней за своими руками.) Стр. 14.

Сказка объ Ивасѣ и вѣдьмѣ. (Ивасѣ ѣздилъ на рыбную ловлю. Вѣдьма приманила его къ себѣ и унесла въ свою хату. Тамъ она велѣла своей дочкѣ зажарить его, а сама отправилаась звать гостей на пирь. Ивасѣ умудрился зажарить дочку вѣдьмы, а самъ взлѣзъ на высокій яворь. Вѣдьмы начали грызть яворь; но перелетныя гуси взяли на крылья Иваса и принесли къ родителямъ.) Стр. 17.

Сказка объ убитой сестрѣ и о калиновой дудкѣ. (Одна сестра изъ зависти убила другую. На могилѣ выросла калина. Чумаки сдѣлали изъ калины дудку. Забравши случайно къ отцу убитой, начали играть. Дудка обличила убійцу.) Стр. 20.

Сказка о гоненьяхъ мачихи. (Мачиха обременяетъ неродную дочку пряжею. Корова помогаетъ гонимой. Корову за это велѣла мачиха зарѣзать. Въ ея внутренностяхъ нашли два яблока. Отъ тѣхъ яблоковъ выросла яблонь, съ золотыми и серебряными яблоками, а подъ нею открылась кришица. Гонимая дочь подала изъ этой кришицы пану воды и парвала для него яблоковъ. Панъ за это на ней женился. У нихъ родился сынъ. Но мачиха подмѣнила пани свою дочкою, а пани превратила въ дикую козу. Коза приходила кормить сына и въ это время обращалась въ женщину. Панъ узналъ тайну отъ слуги, сжегъ ея козью шкуру, и она навсегда осталась женщиною.) Стр. 23.

Кирило Кожемяка, легенда. (Змѣй бралъ съ Кіева дань людьми. Дочка князя, очутясь у змѣя, выведала отъ него, что въ Кіевѣ есть силачъ Кирило Кожемяка, который побѣдитъ змѣя. Князь трижды посылаетъ пословъ къ Кирилу съ просьбою сразиться съ змѣемъ. Кирило наконецъ соглашается, выходитъ на бой и убиваетъ змѣя.) Стр. 27.

Свирідова могила, легенда. (Пахарь Свиридъ въ день Христова Воскресенія провалился сквозь землю. На томъ мѣстѣ выросла *могила* (т. е. курганъ), которую и прозвали Свиридовою.) Стр. 30.

Мышь о первомъ вѣкѣ творенія. (Мышь и воробей дѣлились просомъ и завели драку. Собрались звѣри противъ птицъ, но птицы звѣрей одолѣли. Человѣкъ помогъ птицѣ. За это получилъ яйцо, въ которомъ

заклучалось цѣлое царство. Послѣ этого наступилъ другой вѣкъ творенія — человѣческій.) Стр. 31.

Соколы и пчела, повѣрье. (Соколы и пчела мѣрились зрѣніемъ и чуткостью и потомъ подѣлились землею, кому гдѣ жить.) Стр. 32.

Разказы о превращеніяхъ. (А. Близнецы превращаются въ кукушку. — Б. Переселеніе души въ разныхъ тварей. — В. Превращеніе въ вовкулаку. — Г. Превращеніе въ »пригнѣжковатого« волака. — Д. Превращеніе въ кукушку и дятла. — Е. Превращеніе въ сирень. — Ж. Человѣческій языкъ у птицъ.) Стр. 33.

Разказы о вѣдьмахъ. (А. Вѣдьма помогаетъ синовьямъ-охотникамъ. — Б. Способы узнавать вѣдьмъ. — В. О томъ, какъ »прирожденныя« вѣдьмы »заправляютъ« своихъ дѣтей. — Г. О томъ, какъ вѣдьма призываетъ къ себѣ чарами человѣка. — Д. О томъ, какъ знахарь управляетъ бурей. — Е. О томъ, какъ »видьмачъ« управляетъ пчелами.) Стр. 36.

Разказы о мертвецахъ. (А. О томъ, какъ мертвецъ приносилъ ужинать ткачихѣ. — Б. О томъ, какъ мать видѣла мертвеца-сына. — В. О томъ, какъ дочь видѣла мертвую мать. — Г. О томъ, какъ снаряжаютъ умершихъ на тотъ свѣтъ.) Стр. 42.

Разказы о чертяхъ. (А. О томъ, какъ черти выманли у одного человѣка сало. — Б. О томъ, какъ черти съиграли роль мельниковъ. — В. О томъ, какъ одинъ панъ неосторожно вспомнулъ чорта.) Стр. 44.

Сказка о Соловьѣ-разбойникѣ и о слѣпомъ царевичѣ. (Царь посадилъ сына, за буйство, въ темницу. Царица бѣжитъ съ сыномъ. Царевичъ убиваетъ Соловья-разбойника. Царица оживляетъ его. Въ одномъ царствѣ, на мѣсто умершаго царя, избираютъ странствующаго съ матерью царевича. Соловей-разбойникъ летаетъ къ царицѣ и вооружаетъ ее противъ сына. Сынъ исполняетъ разные опасныя порученія; между прочимъ освобождаетъ отъ змѣевъ царевну и женится на ней. Когда возвратился онъ къ матери, она предала его Соловью-разбойнику; тотъ из-

рубилъ его въ куски, сложилъ тѣло въ мѣшокъ и привязалъ коню къ сѣдлу. Баба-Яга оживляетъ царевича; но онъ остался слѣпъ. Купцы, за пѣсни, взяли его съ собою и привезли въ городъ, въ которомъ жила его жена. Она узнала своего слѣпного мужа, и начали они жить вмѣстѣ счастливо) Стр. 48

Сказка объ Иванѣ Голикѣ и его братѣ. (Иванъ Голикъ, за буйный нравъ, брошенъ былъ княземъ, своимъ отцомъ, въ море. Китъ-рыба проглотила его, но онъ нашель средство видти изъ великанской рыбы. Братъ его, сдѣлавшись послѣ смерти отца княземъ, ѣдетъ жениться; онъ дѣлается его слугою. Встрѣча съ войсками мышей, потомъ комаровъ; Иванъ Голикъ оказываетъ имъ услуги; потомъ выкупають у рыбака двѣ щуки и пускають въ море. Пріѣзжаютъ къ змѣю, у котораго двѣнадцать дочерей-красавицъ. Змѣй заказываетъ молодому князю разныя трудныя работы; но Голикъ, при помощи одолженныхъ имъ мышей, комаровъ и рыбъ, выручаетъ его изъ бѣды. Змѣй отдаетъ дочку за князя. Молодые ѣдутъ домой. Княгиня озлилась на Голика и отрубилла ему ноги чародѣйскимъ рушникомъ. Голикъ, безъ ногъ, очутился въ лѣсу. Тамъ встрѣчаетъ его безрукій человекъ. Они вступаютъ въ дружбу и находятъ средство возстановить себя въ прежній видъ. Тогда Голикъ возвращается къ своему брату и находитъ его въ крайнемъ униженіи: онъ пасеть свиней. Голикъ усмиряетъ его жену, и они живутъ счастливо). Стр. 59.

3.

ПѢСНИ.

Нема въ світі правди	Стр. 401
Ой вийду я на шилѣчокъ	237
Ой помагай Бігъ, да ти, несуженній друже	238
Чи се тая да дівчинонька живѣ	239
Ой пийдѹ я, пийдѹ не бѣрегомъ, лѹгомъ	—
Ой місяцю, місяченьку, не світі нікому	240
И сѣ село, и тѣ село	241
А вже весна, а вже красна	242

Ой сівъ Христось та вечєрати	242
Чи я въ лўзі не калїпа була?	243
Ходить сорока коло потька	244
Ой Морозе да Морозенку	245
Ледáча невістка, ледáча	—
Ой изійди, зійди ти, зірнько та вечірная	246
Въ чїстїмъ полі кривичевька	247
Скажи, скажи, сєрце, правду	248
А въ ліщині да въ осїччині	249
Да вже трєтїй вєчїрь, якъ я дївчїну бáчивъ	—
Ой погубїла гóрляця дїтєй	250
Да не бѹде лѹчче, да не бѹде крáще	251
Ой вїїду я за ворòта	—
Не дивѹйтеся, дóбрії лѹде	252
По садóчку похожáю	253
Ой не гарáздъ, Запорóзці, не гарáздъ зробили	254
Да тумáнъ пóлемъ, да тумáнъ пóлемъ	255
Ой шлї нáши слáвнї Зупорóзці	256

I.

СРАЗКИ И СРАЗОЧНИКИ.

СКАЗКИ И СКАЗОЧНИКИ.

Уже нѣсколько лѣтъ знакомъ я въ Малороссіи съ молодымъ Русскимъ художникомъ Л. М. Жемчужниковымъ. Онъ проводитъ у насъ на югѣ сплошь лѣто и зиму, изучая нашу природу и нашу жизнь во всѣхъ ихъ проявленіяхъ. Не довольствуясь тѣмъ, что видитъ глазъ, онъ изучаетъ нравственный образъ Малороссійскаго народа въ произведеніяхъ его духа. Онъ убѣжденъ, что Малороссіянина не поймешь, не зная языка его и не ознакомясь на мѣстѣ съ его настоящимъ и прошедшимъ. Это убѣжденіе, погамѣсть мало примѣняемое къ дѣлу и между нами, людьми пишущими, тѣмъ замѣчательнѣе въ г. Жемчужниковѣ, что онъ родился въ глубинѣ Сѣверной Россіи, воспитывался въ С. Петербургѣ (въ пажескомъ корпусѣ) и до пріѣзда въ Малороссію не слышалъ Малороссійской рѣчи. Не знаю, въ какой мѣрѣ будутъ полезны для его искусства пріобрѣтенныя имъ между нами свѣдѣнія; но этнографія Южно-Русская имѣетъ въ немъ несравненнаго дѣятеля. Не говоря уже о множествѣ этюдовъ съ натуры, выражающихъ бытъ народа со всѣми его принадлежностями, у г. Жемчужникова набралось около пятьдесятъ напѣвовъ пѣсень, положенныхъ на ноты имъ самимъ, или, по его просябѣ, другими, съ голоса Малороссійскихъ пѣвцовъ и пѣвицъ; а недавно онъ привезъ мнѣ изъ Пыратинскаго уѣзда большой свертокъ сказокъ, записанныхъ имъ слово въ слово изъ устъ народа: подвигъ, истинно трудный, особенно для г. Жемчужникова, иноземца въ Малороссіи, который притомъ занять

постоянно техникою живописи и набираниемъ въ свои альбомы живописныхъ впечатлѣній для будущихъ своихъ работъ. Но онъ пользуется каждымъ удобнымъ случаемъ и составляетъ свои потные и рукописные сборники заурядъ съ коллекціями эскизовъ съ натуры, во время своихъ странствованій по обширнымъ равнинамъ Южной Руси и пребыванія въ мѣстахъ, гдѣ его знаютъ и любятъ... Какая противоположность съ большинствомъ нашихъ пановъ, которые живутъ посреди народа, пренебрегая его словесностью и не придавая никакой важности тому, что составляетъ цвѣтъ его жизни!

Прочитывая мнѣ свою толстую тетрадь, онъ дополнялъ ее изустными разсказами о разныхъ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ непривычную для художника работу перомъ, и эти разсказы много придавали жизни самимъ сказкамъ. Они показывали мнѣ, какъ сказки живутъ вмѣстѣ съ народомъ, падаютъ съ нимъ, или цвѣтутъ вѣчною прелестью съ несокрушимыми ничѣмъ нравственными его качествами. Тутъ же виденъ былъ и самъ собиратель: какъ онъ смотрѣлъ на личности, посредствомъ которыхъ передъ нимъ открывалась сокровищница духовной жизни народа; какъ его простая, чисто художническая любовь къ человѣку была угадываема тонкимъ чутьемъ сельскихъ *divčimъ*, парубковъ, стариковъ и старухъ, которые, при всей своей одичалости, скоро становились съ нимъ въ пріятельскія, свободныя отношенія и забывали различіе кастъ, которое всего больше препятствуетъ въ Малороссіи путешественнику видѣть народъ въ его искренней развязности. Разсказы г. Жемчужникова интересовали меня не меньше, какъ и записанныя имъ для меня сказки. Я думаю, что и въ глазахъ моихъ читателей они будутъ имѣть свое значеніе, и потому стану повторять слова его, сколько позволитъ мнѣ моя память, — точно какъ-бы это я самъ странствовалъ между народомъ и имѣлъ съ нимъ дѣло. Въ разсказѣ моемъ могутъ быть пропуски, или неточности въ послѣдовательности фактовъ, но не будетъ ошибокъ противъ натуры, потому что она была у меня передъ глазами въ то самое время, что и у моего художника-этнографа.

Я думаю (говорилъ г. Жемчужниковъ), что сказки, которыя я записалъ, могутъ быть волюнѣ для васъ понятны только въ связи съ моими тогдашними впечатлѣніями. Какъ это выразить яснѣе? Еслибы напримѣръ я нашелъ на дорогѣ рукопись, которую вамъ передаю, я бы и въ половину не видѣлъ въ ней того интереса, какой она имѣетъ въ моихъ глазахъ теперь, когда въ моемъ воображеніи рисуется вся обстановка записанныхъ мною рассказовъ. Мало того: вы должны знать кое-что и изъ того, что предшествовало моему труду, и въ какомъ я былъ настроеніи духа, бесѣдуя съ сказочниками и сказочницами.

Я провелъ за своей обычной работой нѣсколько прекрасныхъ лѣтнихъ мѣсяцевъ въ селѣ Л**** Пырятинскаго уѣзда. Я любилъ свою мастерскую во флигелѣ полубитаемаго господскаго дома, любилъ людей, которые меня окружали, и все, что представлялось глазамъ моимъ, до послѣдняго куста на дворѣ, передъ моими окнами. Каждая личность, каждый предметъ въ этомъ уединеніи сдѣлался мнѣ такъ пзвѣстенъ, какъ будто я здѣсь и родился. Я жилъ съ селомъ Л**** въ теченіе лѣта, и вдругъ принужденъ былъ оставить его осенью, въ самое то время, когда особенно пріятно оставаться въ обогрѣтомъ уголкѣ, посреди привычныхъ занятій и, размышляя, какъ скучно тащиться въ слякоть отъ станціи до станціи, — работать подъ завыванье осенняго вѣтра, или читать что-нибудь хорошее съ добрыми пріятелями. Все эти удовольствія скромной художнической жизни въ глубинѣ провинціи я долженъ былъ промѣнять на утомительную ѣзду по столбовой дорогѣ и скакать на перекладной въ Харьковскую губернію, для хлопотъ, вовсе не-артистическихъ.

Пробылъ я въ отсутствіи мѣсяца два и воротился въ Л**** уже зимою. Взвѣхалъ я на дворъ господскаго дома въ морозное утро 18-го ноября. *Дивчата* выбѣжали ко мнѣ навстрѣчу, кто въ чемъ былъ, съ радостными криками. Весь домъ какъ-бы проснулся отъ своего сна. Собаки, завидѣвъ меня, подняли веселый лай и едва отъ радости не откусили мнѣ носа. Вотъ я опять подъ мирнымъ кровомъ гордо глядящихъ палатъ въ селѣ Л****.

Наши отцы и дѣды были очень вѣтренны. Мнѣ часто случалось бывать въ большихъ домахъ по деревнямъ, и всегда я говорилъ самъ себѣ: »Стоило ль столько выдать денегъ и тратить столько труда на выкладку этихъ страшныхъ хоромъ?« Такъ и въ селѣ Л****. Строитель дома былъ человѣкъ богатый; но дѣтямъ его досталось состояніе раздробленное, и нынѣшнему хозяину Л**** едва достаетъ средствъ на поддержаніе отцовскаго дворца въ приличномъ видѣ. Большая часть комватъ не отапливается; снаружи карнизы опадаютъ; крыша гниетъ; штукатурка осыпается; дождевыхъ трубъ давно ужъ нѣтъ; въ домѣ сыро; вездѣ пронасть мышей; а въ подвалахъ живутъ побродяги—собаки и выводятъ щенковъ. Что будутъ дѣлать съ нимъ наследники, когда и нынѣшній достатокъ помѣщика уменьшится? Вся усадьба обнесена каменной оградой съ деревянной решеткой. Решетки уже нѣтъ: ее разрушило время и разнесли добрые люди. Ограда осыпалась и покрылась мхомъ. Все на дворѣ пришло въ ветхость и заросло желтой и бѣлой акаціей.

Возвратясь сюда пѣз своей поѣздки, я не засталъ хозяевъ: они уѣхали въ Кіевъ на зиму. Въ домѣ оставались только двѣ близкія родственницы, которыя живутъ здѣсь безвыѣздно. Всѣ мои художественныя снаряды увезли такъ-же въ Кіевъ, и потому я не имѣлъ теперь съ собою ни красокъ, ни кистей, ни карандашей, а между тѣмъ долженъ былъ, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, прожить съ недѣлю, или болѣе въ селѣ Л****. Что мнѣ было дѣлать? Отказавшись отъ живописи, я началъ жить праздною жизнью, какою живутъ, съ немногими исключеніями, всѣ помѣщичьи семейства въ Малороссіи. Утромъ мы пили чай, или кофе. Собаки и кошка дрались, или играли вокругъ насъ, а иногда, сытые и мирныя между собой, располагались грѣться у огня. Одна только ручная курица вѣчно надоѣдала намъ, векакивая на столъ, таская у насъ хлѣбъ и проливая чай. А послѣ завтрака я уходилъ въ дѣвичью, наполненную швеями по канвѣ, по вѣсѣ, по бархату и по чему угодно, швеями всѣхъ возрастовъ, отъ десяти до двадцати пяти лѣтъ, — и мнѣ пѣли пѣсню за пѣсней.

Я страстно люблю пѣсни, особенно Малороссійскія. Для меня что—нибудь одно слушать—или самыя высокія музыкальныя произведенія, или просто народную пѣсню. Народная пѣсня въ своихъ словахъ и музыкѣ, взятыхъ вмѣстѣ, полна чувства, мысли и притомъ необыкновенной простоты. Нѣтъ въ ней лишняго слова, нѣтъ лишней ноты. Это самородки, изъ которыхъ всегда можетъ черпаться самый высокій талантъ. Какъ часто случалось мнѣ слышать, въ музыкальныхъ композиціяхъ людей съ именемъ, какой—нибудь одинъ легкій и недурной мотивъ и въ—слѣдъ за нимъ ровно ничего новаго. Этотъ мотивъ вертятъ во все стороны; то освѣтять его такъ, то такъ, займутъ всехъ слушателей, а въ—сущности это бездѣлица и только повтореніе и размазыванье того же впечатлѣнія. Народная поэтическая рѣчь всегда скупа, сжата, всегда выскажетъ только необходимое, и ни слова болѣе. Здѣсь нѣтъ поддѣлки, нѣтъ обмана для вашихъ чувствъ. Умѣйте только наслаждаться какъ природою.

Пѣнье народное бываетъ двухъ родовъ: иногда пѣсня *напѣвается*, иногда она *поется*. Пѣвецъ сидитъ за работою; онъ задумался; мысли его Богъ вѣсть гдѣ, и онъ едва внятно напѣваетъ легкую для голоса пѣсню. Отъ одной онъ переходитъ къ другой незамѣтно. Онъ напѣваетъ часъ, два, три и не устаетъ, какъ мы не устаетъ мыслить; но прервите его, и онъ потомъ не скажетъ вамъ, о чемъ онъ пѣлъ. Тотъ же самый пѣвецъ, возбужденный извнѣ какими—нибудь обстоятельствами жизни, дружескою бесѣдою, или вліяніемъ оживляющей личности, споетъ вамъ ту же самую пѣсню такъ, что вы ее не узнаете. Его умъ, чувства, все тутъ запоетъ до послѣдней жилки, и часто случается, что онъ прерываетъ свою пѣсню плачемъ.

Я расскажу по этому предмету о весьма замѣчательномъ явленіи въ селѣ Л****. Двѣчата помѣщичьяго дома, въ которомъ я прожилъ нѣсколько мѣсяцевъ съ—рядомъ, любятъ меня; я съ ними въ дружбѣ и приучилъ ихъ къ себѣ до того, что уже пѣсня поется у нихъ при мнѣ непринужденно, уже при мнѣ говорятъ онѣ между собой деревенскія остроты и шутятъ со мною почти какъ

сь *пáрубкомъ*. Я уѣхалъ; хозяйва дома себѣ уѣхали; остались только старушка лѣтъ восьмидесяти да сестра хозяйки, которая смотрѣли за работою дивчáтъ, именно за шитьемъ въ пяльцахъ. Вотъ жизнь въ швейной сдѣлалась скучною. Сидятъ надъ узорами по большей части молча; шутки прекратились; каждая задумывается о себѣ. Сперва сдѣлается грустно одной, потомъ другой; а какъ душа душу чувствуетъ, то скоро грусть обнимаетъ все общество. И вотъ которая-нибудь одна запоетъ:

Мой матинко, мой голубонько!

Якъ мишѣ жити, якъ доживати?...

Къ ней присоединится другая, третья, и пѣсня мало-помалу превращается въ настоящій плачь. Всякая припоминаетъ въ душѣ свою потерю, свое горе, и всѣ поютъ и плачутъ до тѣхъ поръ, пока наконецъ общее рыданіе не прерываетъ пѣсни. Ихъ унылые голоса несутся безъ словъ по опустѣлому дому и наводятъ на двухъ его жилищъ такую тоску, что бѣдныя не знаютъ куда дѣваться. Когда я пріѣхалъ, дивчáта развеселились; пѣсни приняли другой характеръ; пошли жарты и хохоть, и уже *Мой матинко* напѣвалась мнѣ со смѣхомъ, и ничего изъ нея не выходило: импровизація была потеряна. Передъ моимъ отъѣздомъ въ Кіевъ, я старался навести на нихъ грусть, въ чемъ и успѣлъ отъ-части, потому что мнѣ самому было грустно покидать этотъ милый и поэтическій уголокъ. Сначала дѣвушки смѣялись; потомъ пѣло только двое, другія слушали въ задумчивости и начали одна за другой плавать. Но вдругъ пѣвицы прервали свою пѣсню и расхохотались: имъ не хотѣлось еще поддаться грусти. Когда я вздумалъ было записать пѣсню, никто не могъ ее продиктовать мнѣ: слова раждались и складывались у пѣвицъ въ порывѣ грусти!

Приведу другой примѣръ сочувствія слушателей къ пѣснѣ. У меня былъ на натурѣ *хлопчикъ* (мальчишка), а кобзарь по обыкновенію сидѣлъ въ моей рабочей комнатѣ и напѣвалъ всякую всячину подъ свою кобзу. Пришли ко мнѣ двое изъ хозяйскихъ гостей (это было не въ Л****, а въ другомъ селѣ), именно Н. А.

Ригельманъ и И. С. Аксаковъ, и заставили кобзаря спѣть какую-то думу. Мальчикъ слушалъ его внимательно; потомъ лицо его начало дергаться, и онъ при всѣхъ заплакалъ. А вѣдь извѣстно, что Малороссеяне очень неподатливы на слезы, особенно въ присутствіи пановъ, да еще чужихъ.

Кстати вспомню еще, какъ я былъ на ярмаркѣ въ селѣ Срибномъ, Прилуцкаго уѣзда. Я рисовалъ толпу, собравшуюся около лирника. Народу было множество, а въ томъ числѣ семейство Г. П. Г**** и другіе паны слушали думу. Лирникъ пѣлъ о побѣгѣ трехъ братьевъ изъ Азова, и всѣ мы видѣли, какъ одинъ парубокъ заплакалъ и утиралъ рукавомъ слезы.

Но возвратимся въ Л****. Итакъ я проводилъ свое время въ швейной. Миѣ поютъ; я записываю; я спрашиваю о томъ, о семъ, что относится къ пѣснямъ, или лучше сказать къ выражаемой пѣснями жизни народа; отвѣчаю на шутки и въ то же время обдумываю то, что вижу и слышу. Такъ проходитъ время до второго часу. Въ этотъ часъ приходитъ изъ деревни прислуга (въ господскомъ домѣ лакеи не живутъ) и подаетъ намъ обѣдать. Тутъ начинается кормленіе звѣрей: надобно накормить большую лягавую собаку, маленькую левретку, собаченку со щенятами, двухъ кошекъ и курицу. Курица взъерошивается, кричитъ, загоняетъ лягавую собаку подъ диванъ. Та грызетъ подъ диваномъ кость и рычитъ на всю комнату. Кошка подкрадывается къ тарелкѣ, курица хватается съ вилки кортофель, который только что хочешь положить себѣ въ ротъ. Визготня, лай, прыганье, ворчанье, мяуканье, все это для непривычнаго человѣка показалось бы Богъ знаетъ чѣмъ. Но намъ нравится такая суматоха; мы спокойно ведемъ свою простую бесѣду, смѣемся и миримъ животныхъ. Кончилась обѣда. Дивчата оставляютъ въ сумерки господскую работу; жартуютъ до свѣчей между собой; иногда поднимутъ пляску, отъ которой идетъ гулъ по всему дому; потомъ играютъ въ карты и бьютъ проигравшую жгутомъ по ладони. Наконецъ утихаютъ, шьютъ *на себя* разныя разности и поютъ пѣсню за пѣсню.

Я провель, слушая ихъ и записывая пѣсни, пѣсколько вече-

ровъ. Наконєць запасъ пѣсень въ швейной истощился, и мнѣ пришло на мысль прийнятися тѣмъ же порядкомъ за сказки. Любопытство мое на этотъ разъ смутило дивчаты: онѣ считали свои сказки недостойными моего вниманія. Я долго убѣждалъ ихъ въ противномъ. Наконєць, послѣ разныхъ отговорокъ, смѣху и жеманства, Химка, дѣвочка лѣтъ четырнадцати, начала такъ:

СКАЗКА О КРАСАВИЦѢ И О ЗЛОЙ БАВѢ.

У гаяхъ стояла хатка. Тамъ живъ чоловікъ и жінка, да въ ихъ не було дітей. Отъ вони їй пішли на богомілья просить Бога, щобъ давъ їмъ Богъ дитя. Такъ Богъ и давъ їмъ дочку. Отó вона їй ростє. А царевичъ у той часъ прихавъ на охоту, да їй посилає свого парубка: »Пійди, будь ласкавъ, у ту хату попроси води.«

Прийшовъ той парубокъ води просить, ажъ та дитина плаче, а жемчугъ такъ и сиплетця зъ очей. Мати забавила; засмієтця — такъ усякі квітки цвітуть. Той парубокъ виішовъ да їй каже: »Оттамъ, царевичу, я бачивъ дитину! якъ плаче — жемчугъ сиплетця, а якъ смієтця — такъ усякі квітки цвітуть.«

Той царевичъ пішовъ у хату, да знарошне їй дразнить тую дитину, щобъ плакала. Плаче, а жемчугъ такъ и сиплетця. Вінъ и прѣсить матері, щобъ забавила. Якъ же засмієтця, такъ и бачить царевичъ, що всякі квітки цвітуть.

Отó та дівчина ростє, а царевичъ усє заїжджає, якъ на охоту приде. Отъ вона їй віросла. Царевичъ и каже, що »оддай за мене, діду, дочку.« А вона вже вишиває рушничі орлами.

А царь каже: »Дє жъ такі тобі, сїну, да мужичку братъ!«

Тоді царевичъ якъ узявъ той рушничъ, що вона вишила, да повізъ до батьба, такъ царь ажъ ругами силесцувъ. Чи нічого жъ? »Женись«, каже, »сїнку, женись!«

Отъ вінъ и оженивъсь. Да везє додому, а зъ нимъ була баба, а въ бабї дочка. Отъ, ідучи царевичъ уставъ щось-то тамъ устрєлить, а баба познимала зъ еї все да їй повикóлювала її очи, да їй

уцхнула єї въ яму, а дочку въ єї одѣжу її прибрала; такъ царѣвичъ и повізь замісь єї, не пізнавъ.

А коло тні ямки да нѣхворощі багáто росло; такъ якійсь дідъ прийшовъ пѣхворощі рвать. Дівитця — дівка сидіть у ямці, и передъ цєю оттака кўпа жѣмчугу, що вона сидючи наплакала; а очей нема.

»Візьми«, каже, »менѣ, дідусю, и оцѣ намістечко забері.«

Отъ дідъ єї взявъ и намістечко забравъ да її привівъ додому. У діда дитєй не було, а баба є. Вона, та дівчина, каже: »Забері, дідусю, оцѣ намістечко въ торбінку да понеси у гóродь продай: да якъ зостріне тебѣ баба якáсь, то ти її не продавай, а скажи: »Оддай те, що въ тебѣ є.«

Отъ вінъ понісь и стрівъ ту бабу.

Баба каже: »Продай намісто!«

»Купі.«

»А щò за єго?«

»Дай те, що въ тебѣ є.«

Вона єму її дала одно óко.

Тоді та дівка її почала вишивать, изъ однимъ óкомъ, рушнікъ.

Пізновъ дідъ понісь намісто.

Баба зновъ: »Продай намісто, діду!«

»Купі.«

»Щò за єго?«

»Дай те, що въ тебѣ є.«

Вона її друге óко оддала.

Дівка тоді ще її враще почала вишивать.

Дідъ и каже: »Отъ у царя обідь.«

А дівка єму: »Піди, дідусю, на обідь, да візьми глѣчичокъ да її мнї попрóспишь юшки.«

Да її почепила свого шиття діду рушнікъ на шию.

Якъ побáчивъ царѣвичъ у діда на шії рушнікъ: »Відки ти, діду?«

»Я тамъ, царѣвичу, зъ хўтора; да въ менѣ тамъ и дівчина проживає, такъ дай, будь ласкавъ, и її чогó-нѣбудь у сеї глѣчичокъ.«

»А рушнікъ, діду, дѣ ти взявъ?»

»Да се я въ ямці дівку найшовъ, такъ оцѣ вона й вишиває.»

А царевичъ уже пізнавъ по вишиванню. Тоді сказавъ заразъ візь запрягті; поїхавъ да й пізнавъ її: »Се жъ вона, се жъ вона!» А тую бабину дочку вівпроводивъ свиней наповать.

Оцѣ жъ и вся. Живуть и хлїбъ жуіють, и постолómъ добрò вóзять.

Между Сѣверно-Русскими и Южно-Русскими сказками, въ которыя вводятся цари и царевичи, достойно замѣчанія то различіе, что первыя для изображенія царя и царевича ищутъ красокъ вѣт мужицкаго быта и избѣгають сходства между сказочнымъ богатыремъ и тѣми людьми, которыхъ рассказы видить вокругъ себя; напротивъ Южно-Русскія сказки смѣло представляютъ царя зажиточнымъ поселяниномъ, а царевича молодцоватымъ козакомъ. Иногда онѣ придаютъ царскому дворцу принадлежности помѣщичьей усадьбы; но такія сказки рассказываются только дворовыми людьми, которые не живутъ собственнымъ хозяйствомъ. Въ сказкѣ четырнадцатилѣтней Химки, которая провела дѣтство на селѣ, въ батьковской хатѣ, царь плѣняется рушнікомъ, который вышила живущая въ лѣсу дѣвушка, и изъ-за рушника позволяетъ сыну на ней жениться. У царевича въ услуженіи парубокъ, и царевичъ проситъ его сходить въ хату за водой тѣмъ тономъ, которымъ обращается хорошіи поселянинъ къ своему наймыту: между ними небольшое разстояніе, и наймытъ, обзаведясь женой и хатою, можетъ самъ сдѣлаться что называется хозяиномъ. Обѣдъ у царя — совершенно въ простонародномъ вкусѣ. Такіе обѣды по праздникамъ очень часто давали зажиточные поселяне, и это велось издревле. Въ пѣснѣ о разореніи Кіева Батыемъ говорится:

Поможі намъ, Бóже, гóродъ Кієвъ бороніти;

Дождемó Пѣршої Пречістої, бóдемъ обідъ становіти.

Это не »почетный пиръ« Сѣверно-Русскихъ сказокъ, на котормъ разыгриваетъ свою роль предъ князьями и боярами какой-

нибудь богатырь: это — угощеніе нищихъ, которые обыкновенно приходятъ съ кувшинами и запасаются пищею для другого дня. Дидь съ разшитымъ узоромъ рушникомъ — самое видное лицо на этомъ обѣдѣ, и царевичъ естественно обращаетъ на него вниманіе.

Кстати замѣтить еще одну особенность Южно-Русской сказки. Если въ нее вводится чудесное, то оно происходитъ скорѣе отъ таинственной силы, помогающей человѣку, или отъ колдовства, нежели отъ свойственнаго героямъ Сѣверно-Русской сказки богатырства. Богатырство имѣетъ здѣсь свой отличный характеръ: часто оно является не въ героѣ сказки, а въ его слугѣ, который довольствуется своимъ эмпирическимъ положеніемъ и дѣлаетъ дивныя дѣла изподтишка; и настоящій героизмъ Малороссійской сказки заключается не въ торжествѣ физической силы, или удалства — непремѣнномъ условіи сказки Великорусской, а въ перенесеніи постигающихъ человѣка бѣдствіи и въ выжиданіи счастливыхъ обстоятельствъ. Иногда сказка даже оканчивается горестнымъ положеніемъ главнаго дѣйствующаго лица, и мѣсто торжества заступаетъ тогда въ ней великодушное участіе къ судьбѣ несчастнаго со стороны другихъ дѣйствующихъ лицъ. Герой сказки, претерпѣвъ разныя несчастія и лишась напримѣръ такой драгоценности, какъ зрѣніе, или самой жизни, покоряетъ себѣ не государство, какъ въ сказкѣ Великорусской, а сердца людей, и слушатель успокоивается на его счетъ совершенно. Ясно, что сказочная фантазія основывается здѣсь на высшихъ понятіяхъ народа о человѣкѣ, какъ о существѣ по преимуществу моральномъ, и что отъ этихъ сказокъ одинъ только шагъ до художественнаго изображенія дѣйствительности.

На мой взглядъ, особенно замѣчательны сказки съ стихотворными вставками, которыя напѣваются во время разсказа и повторяются нѣсколько разъ. Эти напѣвы, и по содержанію, и по голосу, отзываются глубокою дрѣвностью, и нѣкоторыя слова въ нихъ утратили уже для народа свой смыслъ; но, по пословицѣ: *Изъ пісні слова не викидать*, народъ продолжаетъ повторять ихъ въ своихъ сказкахъ безъ перемѣны, если только не забываетъ вовсе.

Такихъ сказокъ рассказали г. Жемчужникову въ селѣ Л**** три, или четыре. Изъ нихъ слѣдующая представляетъ загадочный обломокъ народнаго воспоминанія о какомъ-то трагическомъ событіи отдаленной языческой старины.

СКАЗКА ОБЪ УЖЪ И ЦАРЕВНѢ.

Бувъ собі царь да царіця, и було въ ихъ три дочкѣ. Ось царь занедужавъ да ѣй пославъ свою старшу дочку по воду. Вона ѣй пішла набратъ, ажь ужъ: »А кукѹ?« говорить, »Чи пійдешъ за менѣ заміжъ?«

А царівна: »Ні, не пійдѹ.«

»Ну, не дамъ же«, говорить, »и водѣ.«

Ось друга говорить: »Пійдѹ я! вінъ минѣ дасть.« И пішла.

Ужъ їй: »А кукѹ! Чи пійдешъ за менѣ заміжъ?«

»Ніа, говорить, »не пійдѹ.«

»Не дамъ же ѣй водѣ.«

Вона вернѹлась и говорить: »Не давъ водѣ.« Каже: »Якъ пійдешъ за менѣ заміжъ, то дамъ.«

А менша говорить: »Я пійдѹ, вінъ минѣ дасть.«

Пішла, — ужъ и до сієй каже: »А кукѹ! Чи пійдешъ за менѣ заміжъ?«

»Пійдѹ«, говорить.

Отъ вінъ и набравъ їй водѣ изъ самаго дна, холодної, свіжої. Вона принесла додому, напоїла батька, — батько ѣй одужавъ.

Коли въ неділю поїздъ їде и говорить:

»Ой одчиняй ворітчка,

Кацарівно!

На що люба любовала,

Зъ брѹду воду вибрала,

Кацарівно!«

Вона злякалась, плаче да їде, одчиняе ворѹта.

Ось вони зновъ :

»Ой одчиняй сімечки,
Кацарівно!
На що люба любовала,
Зъ броду воду вибирала,
Кацарівно!«

Отъ ввійшли у хату, а ўжа на столі на тарільці їй поставили.
А вінъ лежить — такий, ажъ золотий! Виходять съ хати їй го-
ворять :

»Ой сідай же у ридвонець,
Кацарівно!
На що люба любовала,
Зъ броду воду вибирала,
Кацарівно!«

И поїхали зъ нею ажъ у въ ўживъ будинокъ. Тамъ ось жи-
вуть вони и дитину нажали. И взяли собі куму, тільки недобра во-
на була. Дитина та скоро вмёрла, и мати скоро вмёрла за нею.
А кумá пішла въ-ночі, де єї сховали, да рўки їй и пообрізовала.
А прийшовши додому, окропу нагріла; парить тїї рўки и золоті
пєрсні здіймає.

Ажъ тая царівна — такъ Богъ давъ — и прийшла до єї за
руками, и говорить :

»И кўри сплять, и гўси сплять,
Тільки моя кумá не спить:
Білі рўки въ окропі парить,
Золоті пєрсні здіймає.«

А кумá їй сховалась підъ пічъ.

А вона зновъ говорить :

»И кўри сплять, и гўси сплять,
Тільки моя кумá не спить :

Білі рѹки въ окрѹпі пáрить,
Золотіі пèрені здіймає.»

На дрѹгій день прійшли, ажъ кумá підъ пиччу и вмєрла. Такъ єі не запечатавши, такъ и вїйнули въ яму.

Послѣ этой, была розказана г. Жемчужникову извѣстная во всемъ Славянскомъ мїрѣ сказка о спящей царевнѣ и семи богатыряхъ. Въ ней нѣтъ никакихъ особенностей, характеризующихъ собственно Южно-Русскую композицію, или обработку. Одно только слово остановило на себѣ мое вниманіе. Царица, обращаясь къ зеркалу, говоритъ: *Свѣáдо, свѣáдо!* Въ Велико-русскомъ языкѣ нѣтъ этого слова; въ нашемъ оно то-же не употребляется; я не встрѣчалъ его и въ другихъ Славянскихъ языкахъ, точно такъ же, какъ и словъ *дáха, чáйма*, занесенныхъ къ намъ въ стихахъ народной думы пзъ временъ Владиміра Святославича; но оно — въ духѣ Южно-Русской рѣчи; оно понятно не только мнѣ, да и самой розказницѣ, которая употребляла его, какъ синонимъ слова *зеркало*. Чтò же это? неужели еще наши полудикіе аргонавты, старые Русичи, воюя съ образованною Грецією, назвали такъ вещь, которая поразила ихъ своимъ отвѣтомъ?...

Сказочный мїръ нашъ былъ для г. Жемчужникова совершенно новъ. До сихъ поръ онъ гонялся въ Малороссіи всего больше за пѣсями. Его интересовала живѣйшимъ образомъ болтовня сельскихъ дивчатъ въ Л****, которыя не всегда однакожь попадали на хорошо сохранившуюся сказку, не всегда помнили то, чтò въ ней есть лучшаго, и къ поэтическимъ фактамъ сказочной исторіи примѣшивали иногда множество безцвѣтныхъ и утомительныхъ небылицъ. Эти мѣста я выбрасываю, какъ мусоръ, засыпающій обломки нѣкогда полныхъ и гармоническихъ произведеній народной фантазіи. Но онъ записывалъ все въ-рядъ съ любовью антикварія, который не пренебрегаетъ ничѣмъ, и въ самомъ прахѣ, накопленномъ на развалинѣхъ временемъ, ищетъ слѣдовъ прошедшаго. Онъ былъ правъ; ибо, дѣлая выборку на самомъ ходу сказки, легко въ отброшенномъ сору потерять такое драгоцѣнное слово,

какъ *свічадо*, или какую-нибудь характеристическую мелочь. Изъ цілої тетради сказокъ, занесенихъ г. Жемчужниковымъ въ швейної, я помѣщу здѣсь еще только двѣ. Прочія могутъ быть напечатаны въ-послѣдствіи, по болѣе совершеннымъ вариантамъ.

СКАЗКА ОБЪ ИВАСѢ И ВѢДЬМѢ.

Бувъ собі чоловікъ да жінка, да въ їхъ сїнъ Івасъ. Отъ Івасъ той: »Тату, тату, зроби мнѣ човникъ; поїду я риби ловити да буду годувати васъ.«

Вінъ и зробивъ ёму. Отъ Івасъ поїде, рибки наловить да и годѹе батька зъ матірью. А якъ прийде обїдня годїна, такъ мати донесє ёму обїдять да прийде до бєрега да и кличе ёго :

»Івасъ спнѡкъ,
Золотїй човнѡкъ,
А срібнее весєлечко,
Пливї до мене,
Моє сєрдечко!«

Івасъ почѹе: »Блїжче, блїжче, човнику, до бережкѣ! се моя матїнка!«

Отъ припливє да и оддѣсть рибку, а самъ попоїсть да и попливє зновъ.

А вѣдьма и позавїдувала, що въ тогѡ чоловіка да жїнки така дитїна, да и даваїи їмъ усяке лїхо коїть. То оцє було забрутєи порѡблятьця въ їхъ на нївї, то двіръ переснѹє щось нїтками, то кїшевку гѡлову, костякъ, на порѡзі полѡжить, то мукѡю обсїпле, абѡ кровью рїжѡкъ хѣти помѣже. А вони мѡлятця Бѡгу да помипають мєртвихъ, такъ їмъ усє такъ и минаєтьця. Далї: »Постѡйте жь!« каже, да приїшла до бєрега да и кличе Івася: (1)

»Івасъ спнѡкъ,
Золотїй човнѡкъ,
А срібнее весєлечко,

(1) Тутъ розказица перемѣнила голосъ и запѣла басомъ.

Пливй до менé,
Моé сёрдечко!»

Чуе Пвась, що такійі товстїїй гóлосъ: »Дáльше, чóвнику,
дáльше одъ бережкá! се не моá мáтїнка!«

Отъ вїдьма й пїшла до коваля: »Ковáлю, ковалю! искуй мнї
такїй тонéнькїй гóлосóкъ, якъ у Пвасевої мáтерї.«

Вїнь и сковáвъ. Вонá тоді прїйшла до бéрега: (¹)

»Ивась синóкъ,
Золотїй човпóкъ,
А срібнее весéлечко,
Пливй до менé,
Моé сёрдечко!«

Вїнь и прїплївъ; а вонá ёго вхопїла да въ залїзний мїшóкъ
да й понесла ажъ до себе. Прїйшла пїдъ двéри: »Сучко-Олénко,
одчїнї!»

Сучка-Олénка одчїнїла. Вонá взяла, сорóчечку бїлénьку, штан-
цї на Пвася надїла, товкáчечку дала й орїшкївъ. Вїнь бѣе товкá-
чечкою й їсть. Да й гóвóрїть змїя потїху Сучцї-Олénцї: »На-
жáръ«, кáже, »пїчь, да въ пїчь ёго всадї, да й замáжъ, да попри-
бпрáї тутъ усé чїстéнько, а я пїйдú по гостéї.«

И пїшла. Сучка-Олénка нaжáрпвла пїчь и лопáту наготóвила.
»Сїдáй«, кáже, »Пвасїку, на лопáту.«

Вїнь и положївъ нїжку.

Вонá гóвóрїть: »Не такъ.«

Вїнь положївъ рúчку.

»Не такъ!« кáже.

»А сядь же«, кáже, »самá да навчї й менé, якъ сїдáть.«

Тїлько що вонá сїла, а Пвась за лопáту да въ пїчь; такъ во-
нá тамъ и заскварчáла. Вїнь узáвъ, заслонївъ зáслонкою да й

(¹) Опять поется натуральнымъ голосомъ.

замазавъ еї въ печі. Поприбиравъ у хаті, самъ виїшовъ, хату запёръ да її злізъ на превпечённого явора.

Коли відьма и йдє зъ гостьмі: »Сучко—Олєнко, одчині!«

Тїхо.

»Сучко—Олєнко, одчині! Оцє, немає Сучки—Олєнки! пішла, ма́буть, на побридки.«

Взяла, сама и одчиніла. Гєсті посідали за стіль. Вона виїняла зъ пєчи да її ідять. Попоїли дєбре, повиходили на двіръ да її качаютьця: »Покочўся, повалўся, Івасєвого мясця наївшиє!«

А Івась изъ явора: »Покотїтця, повалїтця, Олєнчиного мясця наївшиє!«

А вони: »Дє се?« Дивїлись, дивїлись да її углєділи: Кїнулись до явора да її почали грїзти тогє явора. Такъ ні, — и зўби поламаїли. Отъ вони до коваля: »Ковалю, ковалю! покўї намъ такі зўби, щобъ тогє явора підгрїзти!«

Вїнъ їмъ и поковавъ. Отъ вони пішли и давай грїзти. Коли летять гўси. Івась їх и прєспїть:

»Гўси, гўси, лебедя́та!
Вїзьміть менє на криля́та,
Понесїть менє до ба́тенька;
Бўде тамъ вамъ їсти и пїти,
Всєго дєброго да її не трєхи.«

А гўси и говорять: »Нехайї тебє серєдні вїзьмуть.«
Ось летять серєдні. Вїнъ прєспїть серєднїхъ:

»Гўси, гўси, лебедя́та!
Вїзьміть менє на криля́та,
Понесїть менє до ба́тенька;
А въ ба́тенька їсти и пїти,
Всєго дєброго да її не трєхи.«

А гўси говорять: »Нехайї тебє самє поганїйше за́дне вїзьме.«

Отъ вонó її летіть: зосталося сердéшне ззаду. А відьмі усе гризуть да гризуть. Отъ, отъ упаде затóго! Івась и прòсить ёго:

»Гуся, гуся, лебедятко!
Візьмі мене на крилатко,
Понесі мене до батенька;
Буде намъ тамъ їсти и піти,
Всёго добраго да її не трóхи.«

Отъ вонó її ухопило ёго на крила. Да втомілось сердéшне, то такъ нízько несé! А відьмі за нимъ, чи не схоплять ёго. Желнўтя, женўтя, да такі не наздогна́ли. Отъ вонó принесло да її посади́ло Івася на ко́мені, а само́ ходить по двору́, насéтця. А ма́ти повпіймала са́ме пиро́жки съ пéчи да її говоріть: »Се то́бі, чоловіче, пиро́жокъ, а се мнi.«

А Івась изъ ко́мена: »А мнi?«

Ма́ти ка́же: »Хто́ се тамъ?« Да зновъ: »Се то́бі, дiду, а се мнi.«

А вінъ зновъ: »А мнi, ма́мо?«

Чоловікъ изъ жіно́кою повпiга́ли, дiвлятьця и вглéдили Івася на ко́мені. Знялі ёго зъ ко́мена да въ хату и внеслі. Гусятко хóдить по двору́, а ма́ти її побачила: »Онъ гусятко хóдить! Пійдү я ёго візьмү да заріжу.«

А Івась ка́же: »Нi, ма́мо, не ріжте, а нагодүйте ёго. Коли́бъ не вонó, то я бъ у васъ и не бувъ.«

Отъ вона́ нагодувала ёго її напоiла и підъ крильця насiпала пшона́. Такъ вонó її полетiло.

Отъ вамъ ка́зочка и бiбликiвiв вiзочка!

СКАЗКА ОБЪ УБИТОЙ СЕСТРѢ И О КАЛИНОВОЙ ДУДКѢ.

Бувъ собі дiдъ да ба́ба. У дiда дочка́ и въ ба́би дочка́. Отъ и пішли вони́ въ га́й по ягоди. Такъ дiдова збира́ да її збира́, да її назбирала́ повпу мiску; а ба́бина, що візьме я́годку, то и зiсть. Отъ и ка́же дiдова: »Ходiмъ, сéстро, до́дому, подiлiмось.«

Отъ идуть да йдуть шляхомъ; а бабина говорить: »Ляжмо, сестро, одпочіймо.«

Полягали; дідова, втомівшись, заснула, а бабина взяла ніжъ да її устромила її у серце, да викопала ямку да її поховала єї. А сама пішла додому да її каже: »Двітця, скілько я ягідъ пазбирала.«

А дідъ и пита: »Де жъ ти мою дочку діла?«

»Иде ззяду.«

Колі жъ идуть чумаки да її кажуть: »Станьмо, братця, отутъ одпочінемъ.«

Да її стали. Глянуть — надъ шляхомъ могила, а на могилі така гърна калина віросла! Вони вірізали зъ тії калини сопілку, да її ставъ одінь чумакъ играти; а сопілка говорить:

»Ой помалу-малу, чумаченьку, грай,

Да не вразі мого серденька въ край.

Мене сестриця зъ світу згубіла —

Ніжъ у серденько да її устромила.«

А другі кажуть: »Щось воно, братця, значить, що калинова сопілка такъ промовляє!«

Отъ приішли вони въ село да її натрапили якъ разъ на того діда: »Пусті насъ, діду, переночувать; ми тобі скажемо пригόδу.«

Вінъ їхъ и пустивъ. Тільки вони увійшли у хату, заразъ одінь сівъ на лаві, а другий ставъ біля єго да її каже: »А ну, брате, вийми сопілку да зайграй!«

Тої вишавъ. Сопілка її говорить:

»Ой помалу-малу, чумаченьку, грай,

Да не вразі мого ти серденька въ край.

Мене сестриця зъ світу згубіла —

Ніжъ у серденько да її устромила.«

Тоді дідъ каже: »Що вона за сопілка, що вона такъ гърно грає, що ажъ мні плакати хочетця! А ке, я зайграю.

Вінъ єму її давъ. А та сопілка говорить:

»Ой помалу-малу, мій таточку, грай,
Да не вразі мого ти сёрденька въ край.
Менé сестриця зъ світу згубила —
Ніжъ у сёрденько да й устрoміла.«

А баба, сідя на печі: »А ке лишъ сюді, старій, и я зай-
граю.«

Винъ їй подавъ; вона стála гратъ, — сопілка й говорить:

»Ой помалу-малу, матусенько, грай,
Да не вразі мого ти сёрденька въ край.
Менé сестриця зъ світу згубила —
Ніжъ у сёрденько да й устрoміла.«

А бабина дочка сиділа на печі у самому кутóчку. Излякалась,
що дознаютьця. А дідъ и каже: »А подай їй, щобъ зайграла.«

Отъ вона взяла, ажъ сопілка й їй одказує:

»Ой помалу-малу, душоубоко, грай,
Да не вразі мого ти сёрденька въ край.
Ти жъ менé, сестро, зъ світу згубила —
Ніжъ у сёрденько да й устрoміла!«

Тоді-то вже всі дознались, щó вoно е. По дідовій же дочці
обидь постáвили, а бабину привязали до кінського хвостá да й
рознесли по полю.

Я провель нёсколько дней и вечеровъ, записывая сказки (го-
вориль г. Жемчужниковъ). Когда же наконецъ все было ичер-
пано, миѣ указали на мою куму Куліну и на ся мужа, какъ на
отличныхъ сказочниковъ. Они жили на селѣ. Иду къ нимъ въ ха-
ту. Нахожу въ хатѣ корову съ теленкомъ. Въ ночь отелилась ко-
рова; теленокъ едва не замерзъ, и потому его взяли въ хату ото-
грѣвать. Грицько, мой кумъ, качаетъ въ люлькѣ моего крестника;
а сама Куліна, красивая и живая молодица, возится съ топливомъ

въ *гру́бь*. Я тотъ-часъ за дѣло: »Ну, кумá, кажі́ міні казку. Ти, — ка́жуть дівчáта — знáєшь їх багáто.«

»Якú же міні сказáть вамъ казку?« говорить, безъ всякаго ломанья, Куліна и, оставивъ гру́бу, занялась люлькою, а мужъ тогда озаботился отопленіемъ хаты. »Иноді на думці бувае її багáто, а теперъ и не згадаю. Хибá вамъ сю сказáть?«

СКАЗКА О ГОНЕНЬЯХЪ МАЧИХИ.

Якъ бувъ собі дідъ да ба́ба, и бу́ло въ їх по дочці. У діда и корова есть. Отъ ма́чуха и говори́ть на дідову дочку: »Жені́ корóву па́сти.«

И далá їй кúжель прѣсти. Вона́ и погна́ла да и пла́че доро́гою. А корі́вка пита́е: »Чо́го ти, дівонько, пла́чешъ?«

»Якъ же міні не пла́кать? дали́ кúжелью прѣсти.«

»Не жу́рись«, ка́же: »сажа́й міні кúжель у пра́ве ўхо.«

Вона́ вса́дить, а зъ лѣвого ўха́ и ви́ймае, уже́ попря́дений. Да оцѣ́, якъ ста́не смерга́тьця, и поже́не е́й до́дому.

Отъ ма́чуха ба́чить, що́ вона́ такú га́рну прѣ́жу но́сить, да и ка́же на сво́ю дочку: »Гони́, до́ню, ти́ па́сти корі́вку, и кúжелью бері́.«

Та и поже́не да на́ полі́ и ка́же: »Соро́ки, воро́ни! леті́ть до мене́ кúжелью прѣ́сти!«

То соро́ки и воро́ни поназлі́туютьця и поросха́нують кúжель, да и порозно́сять на гні́зда. Увѣ́чері вона́ и поже́не ту́ю корі́вку до́дому. До́дому приже́не, то ма́ти и пита́е е́й: »А що́, до́ню? по-пря́ла кúжель?«

»Ні́, ма́мо, не попря́ла: соро́ки да воро́ни поросха́нували.«

То ма́чуха на ді́да: »Зари́жь да и зари́жь, ді́ду, корóву: вона́ зъ е́й багáтіе.«

Отъ ді́дова дочка́ погна́ла корі́вку па́сти. Же́не да и пла́че. Такъ корі́вка и пита́е: »Чо́го се ти пла́чешъ, дівонько?«

»Якъ же міні не пла́кать, що́ тебе́ хо́чуть зарі́зать?«

Отъ и говори́ть та́я корі́вка: »Слу́хай же, дівочко: якъ бу́дуть

менé рíзать, такъ ти просіея хляки мить, да якъ бѹдешь мить, то тамъ звáйдешь двѹе яблучокъ. Ти їх посаді, такъ повпрос-тають яблуньки.»

Отъ ту корівку її зарізали. Дідова дочка її прѹситця хляківъ мить. Отъ пішла на річку да її міе; ажъ тамъ двѹе яблучокъ: од-но золотеньке, а друге срібненьке. А бабина дочка вглѹдила да її женѹтця за нею, — хоче однять. Такъ та въ крапіву їх п кн-нула. Коли жъ п вѹросла яблунька: срібненьке яблучко, золо-теньке яблучко; а підъ нею криничка.

Ажъ іде панъ да її говорпть: »Хто мнѹ тѹе яблучко вѹрве, томѹ я половіну панства оддámъ.»

Отъ бабина прескѹчила—хотіла вѹрвать яблучко, такъ яблунь-ка вгѹру; хотіла водички зъ кринички набратъ, а криничка внізъ. Дідова жъ прійшла, водіці набрала, яблучко вѹрвала да її дала панові. Отъ вінъ її п говорпть: »Я тебе візмѹ за себе заміжъ.« П взявъ еі зъ собою.

Отъ вони собі її дитину нажилі. Послали до бáтька узваръ п прѹсять тогѹ бáтька у гѹсті до дѹтѹей. А мáчухи її не прѹсять. Такъ вона її говорпть: »Якъ такі мѹжна, щобъ я не поїхала до своіхъ дѹтѹей?« П поїхала зъ дідомъ, п взяла свою дочкѹ на візъ, п вкрі-ла шкѹрою да її прійхала туді. А вона була відьма. Отъ п зро-бїла дідові дощї такъ, щобъ вона козѹю побїгла, а свою дочкѹ її положила на місто тнї. Отъ тáя дитїна всѹ плаче. А въ тогѹ па-на бувъ парубокъ, да її говорпть: »Пáне мій мїлїї, пáне мій лѹ-бий! дáйте мнѹ дитїну, понесѹ я еі гулять.«

А панъ кáже: »Несї.»

Вінъ п поісѹ дитїну до болѹта да її кліче:

»Ой рись-коза! твій синъ плаче,
Твій синъ плаче, їсти хоче.«

А вона її одгáзуе:

»Бїжѹ, лечѹ, мій синючку!
Пісѹкъ ѹчи забивáе,

Очерётъ ніжки підкошує,
Бпстрá водá не пускає.»

Отъ прибiгла да зъ себѣ кóжу скiнула, а самá за дитiну; сi-
ла, годiе, да гiрко, гiрко плаче! Погодувала, оддалá парубкови
дитiнку да зновъ и побiгла.

На другiй день пзновъ дитiна плаче. Винъ пзновъ прóситця:
»Пáне мii милiй, пáне мii любiй! дáйте мии дитiну, понесу я
ei гулять.»

Понiсь да ii клiче:

»Ой рись-козá! твii снiть плаче,
Твii снiть плаче, iсти хóче.»

То вона ii бiжить:

»Бiжу, лечу, мii сiночку!
Пiсокъ óчи забпває,
Очерётъ ніжки підкошує,
Бпстрá водá не пускає.»

Отъ прибiгла да зъ себѣ шóбу скiнула и нагодувала дитiнку.

Пáрубокъ однiсь дитiнку; вона до сiтокъ пзновъ и снiть.
Тодi панъ ёго ii пптáе: »Що се знáчить«, кáже, »що ти оцѣ по-
несешъ дитiну гулять да ii не плаче?«

Такъ винъ давái ёму признавáтьця: »Що жъ?« говорить,
»твоя, пáне, жонá побiгла козю.»

Отъ вони ii пiшли у-двохъ. Пáрубокъ и клiче ei:

»Ой рись-козá! твii снiть плаче,
Твii снiть плаче, iсти хóче.»

Вона ii бiжить:

»Бiжу, лечу, мii сiночку!
Пiсокъ óчи забпває,

Очерётъ но́ги підко́люе,
Бистра́ вода́ не пуска́е.»

Прибігла, скинула зъ себе́ шубу, взяла дитинку да та́къ плаче!
»Тепе́рь«, ка́же, »мо́я дити́нонько, у оста́нній ра́зъ побáчимось;
а́то далёко́ вже поже́ну́ть мене́; не почю́ю, якъ бу́дуть звать.«

А панъ узя́въ да її укину́въ е́й шубу́ въ о́гонь. Якъ затре́щитъ шерсть! а вона́ її почу́ла да въ ку́щъ: нема́е шуби́! Тоді́ панъ плаще́мъ е́й накривъ́, и пішли́ до́дому, да її живу́ть изъ не́ю. А тихъ́ рознеслі́ кіньми́.

Лишь только кончила Куліна сказку, какъ пришла знахарка осмотри́ть е́два неоколѣвшаго на морозѣ теленка. Тутъ они принялись за него гуртомъ и составили вокругъ коровы интересную для художника сцену. Одна держала ее за морду, дру́гая гладила приговаривая: »Телу́шечка, телу́шечка!« самъ хозяинъ поднялъ лежавшаго неподвижно теленка и подносилъ его вѣжную мордочку къ соскамъ; и всѣ обращались такъ дружелюбно съ матерью и ея дѣтищемъ, какъ-будто это были ихъ семьяне. Я видѣлъ, что имъ теперъ не до сказокъ, да къ тому еще я почувствовалъ, что въ хатѣ угарно, — по крайней мѣрѣ для меня, и ушелъ съ головою болью, которая потомъ усилилась и мучила меня долго. Не смотря однакожь на то, я получилъ такую жажду къ сказкамъ, что къ вечеру напыталъ себѣ новаго сказочника, челове́ка пожилыхъ лѣтъ, и призвалъ его изъ села къ себѣ въ комнату. Сказать правду, я гонялся не за поэтическими достоинствами этого рода произведеній фантазіи народной. Въ рассказанныхъ мнѣ сказкахъ поэтическихъ красотъ было мало, сравнительно съ массою утомительной болтовни. Но въ соединеніи разныхъ понятій и представлений; составляющихъ Малоросійскую сказку, я вижу, чѣмъ бываетъ занятъ въ праздное время умъ Малоросіянина, вижу, чему онъ сочувствуетъ, чего желаетъ, чему дивится, надъ чѣмъ смѣется; а это сто́итъ того, чтобъ записывать все, что мнѣ баяли.

Когда пришелъ ко мнѣ изъ села старикъ сказочникъ, я усадилъ его въ Вольтеровскія кресла противъ камня, попотчивалъ

сорокалѣтней водкой изъ старинной серебряной чарки, и онъ, помѣшивая въ каминѣ своей палкой огонь, началъ мнѣ баять всякую всячину. вмѣсто пролога къ своимъ разсказамъ, онъ проговорилъ нѣчто въ родѣ параболы изъ земледѣльческаго быта.

Ой купитиця, купитиця,
Ажъ коржикъ бѣтитця.
Куди ти, братіку коржику, кѣтисся?
А до млиниця на весілля.
Що жъ тамъ за весілля?
Млинѣць да ладку посвѣтавъ.
Що жъ тамъ за свѣшка?
Путря да квѣшка.
Що жъ тамъ за боѣре?
А куликѣ въ макѣ.
Що жъ тамъ за дружки?
Въ оліі пампушкѣ.

И послѣ этого онъ разсказалъ мнѣ нѣсколько легендъ и повѣрій, принадлежащихъ къ тѣмъ созданіямъ народной фантазіи, посредствомъ которыхъ народъ распространяетъ между собою нравственныя убѣжденія. Нѣкоторыя изъ нихъ, какъ напримѣръ преданія о змѣяхъ, занесены изъ глубокой древности, другія напоминають Греческіе мѣвы; всѣ же они — или почти всѣ — исполнены необыкновенной граціи вымысла и живописности выраженія, какъ въ этомъ убѣдитесь каждый знатокъ Южно-Русской рѣчи.

1.

КИРИЛО КОЖЕМЯКА.

Колісь бувъ у Кіеві якийсь князь, лицарь, и бувъ коло Кіева змій, и кожного году посилали ёму дань: давали абѣ молодого парубка, абѣ дівчину. Отѣ пришла чѣрга вже и до дочкѣ

самого князя. Нічого робіть, коли давали горожане, треба її йому давати. Послав князь свою дочку в дань змієві. А дочка була така хороша, що її сказати не можна. То змії її полюбили. От вона до його прилестилась та її питається раз у його: «Чи есть», каже, «на світі такий чоловік, щоб тебе подужав?»

«Есть», каже, «такий у Києві надь Дніпромъ. Якъ затопить хату, то димъ ажъ підъ небесами стелеця; а якъ вийде на Дніпръ мочить божп (бо вінъ кожем'яка), то не одну песе, а дванадцять разомъ, и якъ набрякнуть вони водою вь Дніпрі, то я візьму да її учеплюсь за їхъ, чи витягне-то вінъ їхъ? А йому її байдуже: якъ поцінить, то її мене зъ ними тріхи на берег не витягне. Оттого чоловіка тільки мнї її страшно.»

Княжна и взяла собі тее на думку, и думае: якъ би їй вісточку додому подати и на волю до отця достатись? А при їй не було ні душі, — тільки одинъ голубокъ. Вона згодавала його за щасливої години, ще якъ у Києві була. Думала-думала, а далі хрпъ, и написала до панотця: «Оттакъ и такъ», каже: «у васъ», каже, «паноче, есть у Києві чоловікъ, на імення Киріло, на прізвище Кожем'яка. Благайте ви його черезъ старіхъ людей, чи не захоче вінъ пзъ зміемъ побитця, чи не візволить мене бідну зъ неволі! Благайте його, панотченьку, її словами, її подарунками, щобъ не обідивсь вінъ за яке незвичайне слово. Я за його и за васъ буду до віку Богу молитця.»

Написала такъ, привязала підъ крильцемъ голубові та її вінустила вь вікно. Голубокъ звівся підъ небо да її прилетівъ додому, на подвір'є до князя. А діти саме бігали по надвір'ю да її побачили голубка. «Татусю, татусю!» кажуть, «чи бачишь — голубокъ одъ сестриці прилетівъ?»

Князь перше зрадивъ, а далі подумавъ-подумавъ да її засумовавъ: «Се жъ уже проклятий Продъ згубивъ, видно, мою дитину!»

А далі приманивъ до себе голубка: глядь, ажъ підъ крильцемъ карточка. Вінъ за карточку. Читає, ажъ дочка піше: такъ

и такъ. Отó заразъ призвѣвъ до себе всю старшіну: »Чи є такий чоловікъ, що прозивається Кириломъ Кожемякою?«

»Есть, князю. Живе надъ Дніпрómъ.«

»Якъ же бъ до ёго приступити, щобъ не обидеся та послухавъ?«

Отó сякъ-такъ порадились да й послали до ёго саміхъ старіхъ людей. Приходять вони до ёго хати, одчинили по малу двѣри, зо страхомъ, да й злякались. Дивляця, якъ сидить самъ кожемяка долі, до їхъ спіною, и мнє рукама дванадцять кожъ; тільки видно, якъ колыває оттакю білою бородою! Отъ одінь зъ тпхъ посланцівъ — »кахі!«

Кожемяка жахнувся, а дванадцять кожъ тільки трісь, трісь! Обернувся до їхъ, а вони ёму въ поясъ: »Оттакъ и такъ: приєлавъ до тебе князь пзъ прозьбою...«

А вінъ и не дивитця, и не слухає: розсёрдився, що черезъ їхъ та дванадцять кожъ порвавъ.

Вони зновъ давай ёго проситъ, давай ёго благать. Стали на коліна... Шгодя! Просили-просили да й пішли, понуривши голову.

Що тутъ робитимешъ? Сумує князь, сумує и вся старшіна.

»Чи не послать памъ іще молодшихъ?«

Послали молодшихъ — нічого не вдіють и тіи. Мовчить та сопє, наче не ёму й кажутъ. Такъ розобрало ёго за тіи вѣжи.

Далі схаменувся князь и пославъ до ёго маліхъ дітей. Тіи якъ пришли, якъ почали проситъ, якъ стали навкѣлишки та якъ заплакали, то й самъ Кожемяка не витерпівъ, заплакавъ да й каже: »Ну, се жъ уже для васъ я роблю.«

Пішовъ до князя. »Давайте жъ«, каже, »мніи дванадцять бѣчокъ смоли и дванадцять візъ конопель.«

Обмотавъ коноплями, обсмолився смолою добре, взявъ булаву таку, що, може, въ її нудовъ дєсять, да й пішовъ до змія.

А зміи ёму й каже: А що, Кирило? пришовъ битця, чи миритьця?«

»Дє вже миритьця? битця зъ тобою, зъ іродомъ проклятимъ!«

Отъ и почали вони битця — ажъ земля гудє. Що розбіжитця

змії да вхопить зубами Кирила, то такъ кусоць смоли її вірве; що розбіжйтця да вхопить, то такъ жмүтокъ конопель и вірве. А вінъ ёго здоровенною булавою якъ удүпить, то такъ и вжене въ зёмлю. А змії якъ огонь горить, — такъ ёму жарко; и поки збігае до Дніпра, щобъ напїтьця, да вскочить у воду, щобъ прохолодїтьця трόхи, то Кожемяка вже її обмотавсь коноплями и смолю обсмоливсь. Отто вискакуе зъ водї проклятїй іродь, и що рожженєтця протївъ Кожемяки, то вінъ ёго булавою тїлько лупь! що рожженєтця, то вінъ знай ёго булавою тїлько лупь та лупь! ажъ луна іде. Білись-білись, — ажъ курить, ажъ іскри скáčуть. Розогрївъ Кирило змія ще лүчче, якъ коваль лемїшь у гóрні: ажъ пїрхае, ажъ захлипаєтця проклятїй, а підъ нимъ зёмля тїлько стóгне.

А тутъ у дзвони дзвонять, молєбні правлять, а по гóрахъ народь, стоїть якъ неживий, зціпївши рүки; жде, щó то бúde! Коли жъ зміюка бубүхъ! ажъ зёмля затряслась. Народь, стóючи на гóрахъ, такъ и сплеснүвъ рукамі: »Слава тобі, Господи!«

Отъ Кирило, вбївши змія, визволивъ князівну и оддавъ князю. Князь ужé не знавъ, якъ ёму її дяковать, чимъ ёго її награждать. Та вже зъ того-то часу и почало зватьця те урóчище, де вінъ живъ, Кожемяками.

Отъ же Кирило зробївъ трόхи її нерозүмно: взявъ ёго, спаливъ да її пустивъ по вітру пóпель; то зъ того пóпелу завелась вся тая пóгань — мóшки, комарі, мұхи. А якъ-би вінъ узївъ да закопавъ той пóпель у зёмлю, то нічóго бь сётó не було на світі.

2.

СВИРИДОВА МОГИЛА,

Бувъ, кажутъ, колись, чоловікъ Свиридъ. То якъ дождався Великодня, то и дүмае собі: »Кажуть люде *Великъ-день*; а побачу я, чи справді великий день? чи багáто я віору? И отъ на сáмий первий дешъ Світлого Прáзника запрїгъ до плүга волїв да

зъ наймитомъ и пішовъ ора́ть. Лю́де жъ у церкві́ Бо́гу мо́лятьця, а вінъ оре́. Тільки, що почали́, мо́же, скі́бу десяту одкида́ть, ажъ підъ землію щось загуло́ стра́шно, стра́шно, такъ якъ ча́сомъ да- ле́ко грі́мъ загуркоті́ть, и Свири́дъ ра́зомъ такъ и провали́вся скрі́зь зе́млю. А на ті́мъ мі́сті ста́ла моги́ла. Во́на ї́ до́сі зовѣ́тця Свири́дова Моги́ла. То, ка́жуть, якъ інко́ли при́йдешъ на ту моги́лу да прило́жши́ть ўхо́ до землі́, то все неначе́ хто воли́въ поганя́е; такъ и чу́тно: »Гей! гей!«

3.

МИСЬ О ПЕРВОМЪ ВѢКѢ ТВОРЕНІЯ.

Коли́сь-то ще за пер́вого ві́ка, за старі́хъ лю́дєй, мі́ша да горобѣ́ць да засія́ли прѣсо́. Якъ пожа́ли во́ні прѣсо́, то почали́ ділі́тьця да ї́ не помири́лись. Осъ ста́ли бі́тьця, и ста́ла збиратьця́ уся́ка пті́ця и всякі́ зві́рі. Якъ ста́ли бі́тьця, якъ ста́ли бі́тьця, то пті́ця и поду́жала зві́рівъ. Да хочъ и поду́жала, а такі́ ї́ сама́ побі́лася. Тільки́ одна́ пті́ця ві́нялася́, що доби́ла усі́хъ зві́рівъ. Ужé ї́ та пті́ця вмори́лася да ї́ сі́ла на тако́му висо́кому де́реві! (1) Коли́ жъ і́де чоло́вікъ бовгу́номъ. Такъ во́на то́го чоло́віка ї́ про́сить: »Дай ми́ні бика́«, ка́же, »я ё́го ззі́мъ. Я въ тебѣ́ дурно́ не схочу́, я заплачу́.«

Отъ вінъ и одда́въ. Во́на то́го бика́ и ззі́ла, да тепѣ́рь про́сить то́го чоло́віка: »Донеси́ мене́, будь-ла́ско', до мо́го до́му!«

Отъ вінъ якъ узя́въ нести́, якъ узя́въ нести́ да ї́ доні́сь у та́кі пúци́ страши́й! А во́на ї́ гово́рить: »Погу́ляй же ту́тчка, а я то́бі пла́ту ві́несу.« И ві́несла́ ё́му ца́рствечко́ въ золо́тому я́чку: »Ти жъ якъ уві́йдешъ у село́, то не розчи́няй ё́го, а хиба́ на яко́му по́лі розчи́ни́шъ, абó-що.«

А вінъ и розчи́ни́въ посередь́ шля́ху: ажъ ту́ть відти́ль я́р-маро́къ та́кий, що Бо́же храни́! А вінъ уже́ ходи́ть помі́жъ лю́дь-

---

(1) Далѣе начинается, очевидно, вставка изъ сказки.

мі да плаче. Пзякавсья, що не зберє не ягь. Ажъ па ёго щасте якійсь чоловікъ нагодівсья, дагь вінъ и просєть ёго: »Зділай мїлость, чи не мѡжєшь ти зобрать да зачишїть!« Такъ у-двохъ зачиили. Отъ вінъ и пішовъ зъ тимъ царствечкомъ додому: покаявсья ужє.

»Де жъ изновъ сї звїрі пошабрїлись, коли птїця усіхъ стрєбїла?« (1)

Се жъ уже на дрўтїй вїкъ повернуло; то Богъ тогдї и людєй и всячину нампоживъ.

4.

СОКОЛЬ И ПЧЕЛА (2).

Сокїль побратавсь пзъ бжолою; говорить: »Ходїмъ угору. Ты далєко чўєшь, а я далєко бачу: я за сїмъ миль бачу, а ти за сїмъ миль чўєшь.«

Узялі, пзялі чоловічу волосїнку и пошєлі вгору. И сказавъ сокїль: »Летї за мною, бжоло!«

Идє сокїль угору, и бжолá иде. »Ну«, говорить, »двїсь, бжоло, ушїзь, чи велїка землѧ?«

Кáже: »Вже такъ ягь дїжá, що бабї хлїбъ мїєсья.«

Потому изновъ идуть, идуть. Изнову кáже: »А гнянь«, кáже, »бжоло, чи велїка землѧ?«

»Ужє«, кáже, »такъ якъ жїнка вїбере пзъ дїжї тїсто та малєцькїй засадчичокъ посадїть.«

»Ну, пускáйєсья жъ ушїзь, бжоло, и пускáйї ту волосїну уперєдъ. . . . А чўєшь?« кáже.

---

(1) Вопросъ слушателя.

(2) Это — безобразный обломокъ какого-то сказанїя, замѣняющаго для народа естественную исторїю животныхъ. Подобныя нескладїцы надобно записывать со всею точностью, не обращая вниманїя на ихъ искаженный видъ: въ-послѣдствїи изъ множества подобныхъ обломковъ можно возсоздать полную систему народныхъ знанїй и вѣрованїй по изустнымъ преданїямъ, перешедшимъ черезъ длинный рядъ столѣтїй.

»Чую, ажъ ревè.«

»Ну, я«, каже, »не чую. Ну, леті жъ«, каже, »да до землі припаді, якъ та волосіна ударитця.... А що, бжоло, чи чұла?«

»Чую: ажъ гұнула, а вгору піднялась на дванадцять сажнівъ.«

»Зоставійся жъ ти, бжоло, у сімь краї, доставій за сімь миль собі пропитанне: а я піду у такі краї, де тебе не бұде. То я за сімь миль бұду птїцю вибивать и діти годовать...«

Бжолá просила у Бóга, щобъ брать пзъ цвїту пропитанне. Такъ Богъ давъ їй усї цвїтї до мýра, до востáка: »Ходї по свїту, пзъ усїхъ рїкъ, пзъ усїхъ берегївъ избїраїї Бóгу хвїру; и людямъ дбаї, и собі дбаї.«

Б.

РАЗСКАЗЫ О ПРЕВРАЩЕНИЯХЪ.

А. Близнецы превращаются въ соловья и кукушку.

Одна дівка полюби́лась ўжеві и сама́ люби́ла ёго́. Вінъ и по-вїзъ її въ госпóду. А въ ёго́ бұдїногъ бувъ сампїй чїстнїй свля-нїїї, увèсь пзъ криштáлю. Либóнь будїногъ той стоявъ нїдъ землєю, въ якїїсь могїлі, чи-щò. Ну, звїсно, старá мати зпёр-шу убїв́алась за нею. Якъ-то вже не вбїв́атьця? А та чи зля-глась, чи не зляглась зъ ўжакою, вже її завагошїла, а якъ при-шло врѣмья, то розсїналась близнїятками: хлòпец и дївчинка; оббóйко — якъ зъ вòску вїлцлсь у матїрѣ. А вона собі бу́ла така хорóша, якъ квїтка. Отъ, якъ давъ Богъ дїтòкъ, то її ка́же вона: »Отъ же, ужé коли вони въ людєї породїлсь, хай їхъ у людєї и перехрїстимо.« Сїла въ золоту́ карѣту, по-вля́ла дїтòкъ на колїнки да її поїхала въ селó до венá. Не докотїлась карѣта до цáрини, а вже матєрї її свáзано. Старá за-

репетовала на все село, ухопила косу да до царини. Бачить дочка видіощу смерть, якъ заголосить до дітокъ, а дали: »Полинай-те жъ, дітки, пташками по світу: ти, синку, соловейкомъ, а ти, доню, зозулею.« Віпурхнувъ соловейко въ праве, а зозуля въ ліве віконце зъ карети. А карета, її коні, и все незпять де ділось. Не стало її паніі; тільки надъ шляхомъ уроділась глуха крошва.

В. [немає тексту]

Зъ одноєю жінкою було ось яке приведенне. Що піїде въ поле жать, або братъ коноплі, да поставить у печі страву, дакъ хтось повиймає зъ печи горшкі да її повидіає все чисто. Думала-думала, що бъ воно такé значило? ні якъ не збагнула. Приїде — двєри позамікани, а вхати тільки її зоставалась що малá дитівка, може въ пів-года, у колісці. Отъ вона ударилась до знахорки; сякъ такъ упросіла її, ублагала; та її приходить. Подивілась, почміхала... свазано — знахорка: заразъ почула щось непевне. »Цді жъ«, каже, »ти въ поле, а я тутъ заховуюсь да її побачимо, що воно такé е?«

Пішла жінка въ поле, а знахорка притаїлась у куточку да її дивитця. Коли жъ дитівка скігъ изъ коліски! Гляне, ажъ то вже не дитівка, а дідъ. Самъ низенький, а борода оттавелезна! Заразъ за віли, цушить изъ нечи горшкі, ажъ крєгче, и почавъ уплітати страву. Якъ усє впоравъ, тоді зновъ ставъ дитівною; да вже не влізе въ коліску, а тільки лежить долі да репетує на всю хату. Тоді знахорка за ёго; поставила на дервачъ и почала обрубувать дервачъ підъ ногами. Воно кричить, а вона рубає: воно кричить, а вона рубає. Далі бачить, що попавєсь у добрі рўки, зробівєсь изповъ дідомъ да її каже: »Вже я, бабўсю, перекидавєсь не разъ да її не двá: бувъ я спєршу рїбою, потімъ изробівєсь птахомъ, мурашкою, звірукою, а се ще попробувавъ бутъ чоло-

вікомъ. Такъ нема́ лучче, якъ жити міжъ мурашками; а міжъ людьми — нема́ гірше!»

В. Превращеніе въ вовулаку.

Одинъ найміть підгледівъ разъ, що хазяїнъ перекинувся черезъ пенєкъ, за гумно́мъ, изробивъ вовулакою и побігъ у лісь. »Посто́й же!» думає, »перекинусь п я; що зъ того́ б́уде?» Взявъ да й перекинувся. Ставъ и вінъ вовулакою, и побігъ у лісь. Довго блукавъ вінъ по лісу зъ вовками и івъ усяку падалъ; далі стало ёму скучно безъ людєй; да вже не знає, якъ перекинутця въ чоловіка. Отъ вінъ приде до гумна́, побачить хазяїна и хоче сказати ёму по-людєськи, да й завіє по-вовчи. А собака такъ и обступлять ёго. Вінъ бідолаха и бежить у лісь. Да вже насїлу хазяїнъ догадаєсь, що се не вовкъ, да взявъ и перекинувъ ёго навпакі черезъ пенєкъ. Найміть ёму въ погн. А хазяїнъ подививсь, да ажъ жалъ ёму стало: худій, якъ скінка, а видъ увесь подріпаний: то такъ собака ёго погризли. »Ото жъ, небоже», каже, »не роби, чо́го не знаєшь.»

Г. Превращеніе въ »прижижковатого» водка.

Іхали два чоловіки да й заночовали на полі, у чагарникахъ. Лягли спать, ажъ чують — за возомъ ваче що здихає. Спершу їмъ було страшно, а потімъ байдуже да й заснули. Проснулись на другий день: коли жъ то вовкъ, худій якъ дошка; тільки кожа да кісті. Сили й поїхали. И вовкъ за їми їде; далі положивъ и голову на візь, да такъ жалібно дивитця, що й руки не піднялись ударити ёго. Кинули ёму шматокъ мяса — не їсть; кинули хліба — ухопивъ и помчавъ у чагарнякы. Отъ приїхали въ село да й стали розказувать про се чудо. Такъ одинъ дідъ и каже: »То ви не вовка бачили; а то колись у насъ цезна́ть куди дивався парубокъ да й ходить теперъ прижижковатимъ вов-

комъ. Не займає нічого и живє тільки хлібомъ, що хто-небудь дасть.

Д. Превращеніє въ кукушку и дятла.

Зозуля її дятель були перше людьми, а послі Богъ такъ давъ, що поробились птицями. Прислухайсь інколи до дятлового гнізда — наче чоловікъ. То стогне дятель: у ёго голова болить, що знай стубає въ дерево.

В. Превращеніє въ скрень.

Пісні не народъ складає, а морські люде. Въ суботу грає море; на море випливають морські люде, що половіна чоловіка, а половіна риби, випливають и співають усякихъ пісень; а чумаки стоять на березі да її ўчатця.

Ж. Человѣческой языкъ у птицъ.

Колись було такє времья, що усі звіри и птиці говорили чоловічимъ языкѣмъ. Ключі одъ вірея були тогді у ворони: да вона прогнівила якось Бога, дакъ теперъ ключі одъ вірея вже въ соі. Соя летить туді наперёдъ усіхъ птицъ, одчинить вірею и вертаєтця назадь.

6.

РАЗСКАЗЫ О ВѢДЬМАХЪ.

А. Вѣдьма помогаєть сыновьямъ-охотникамъ.

Було собі три брати и жили полѣваннемъ да риболовствомъ, и такъ же то имъ щастило, що тільки націлитця — зяецъ и ё; закине неводъ — риба такъ и лізе. Спершу були и раді, а по-

тімъ узялі їх думки да гадки. А про їх матюрь говорено, що вона відьма. Отъ вони и кажутъ: »Попробуемъ же, чи правда сѣмъ.« Збираютьця разъ на охоту, а вона ї питає: »Куді ви, сшкї, йдете?«

»Пїйдемъ, мамо, риби ловить.«

Да забравши вкрадькома ривницї, тенета, собакъ, и пішли за зайцями. Роскїнули тенета, загавкали собаки, волї жъ и летять у тенета карасї, окушї, щўки, — такъ изъ дубняка ї сиплють. Вони годї, покидавши все, додому: »Мамо голубко, не помагай намъ! нехай тобі все добре.«

Такъ мати вже ї перестала їмъ наворожувать.

В. Способы узнавать вѣдьмъ.

Якъ доить відьма корову, то ї побачишь тїлько скрїзь таку борону, щобъ почавъ уранці робить да до заходъ сонця и зробивъ. (1)

Ще можна пізнать відьму потому, що якъ топить ї, то не тоне. Разъ у якимсь-то селї, за Дніпромъ, недїль зо три не було дощу. Отъ и почали топить бабъ, про которихъ говорено, що відьми. Такъ трое не потонуло, хочъ и рўки ї ноги були позвязувани. Стали їх допрощувать, такъ одна ї призналась: »Що жъ«, каже, »понове громадо! лазила я догорї ногами на фигуру да на скїлько забачила свїту, стїлько и вкїнула голоду.« А друга тожъ призналась, що лазила такъ якъ и ся, да скїлько забачила свїту, стїлько одїбрала молока. А трейтя призналась, що спїла въ болотї на ча плїнихъ яйцяхъ, да вже що вона черезъ те заподїяла мпру, того не впало мнї въ памятву.

Відьма не ходить тудї, де есть домовникъ; вінъ ї заразъ

---

(1) Для Малороссійскаго *тєсли* это — дѣло невозможное, и потому напрасно кто-нибудь сталъ бы искать такой бороны въ Малороссїи. А Русская, разумѣется, не годится.

укладѣ. Ще вона боїтця собакъ-ярчуківъ; тимъ-то якъ пародятця ярчукі цуценята, такъ вона їх знайде да її позадавлює волосомъ. Хибѣ накрієннѣ осірковою борондою, або осіркковими трісками; то бѣдуть живі, бо вона того дѣрева боїтця.

Ще коли хочешъ познать вѣдму, то стережї купального попелу. Вони купальнїї попель вѣрять у воді, якъ трѣба їмъ летїть на Лісу Гору, да якъ побрїзькає себѣ тѣю водою, то її полетить у коменъ.

Одїнь чоловікъ побачивъ скрізь бѣрону, що вѣдма доить ворѣву да до її зъ дубїною. А вона: »Сядь, Гордію!«

Вїнь и сївъ.

»Сидїшь, Гордію?«

»Сняжѣ.«

»Ну, и сидї жъ.«

Сидїть тої Гордії до півночи; сидїть и за півночъ. Ужѣ и свїтъ, а вїнь сидїть; ужѣ її опївдїї, а вїнь сидїть. Пѣти сидївъ на одному мїстї поки не пришлѣ вѣдма да не звелїла їмъ вѣтати.

В. О томъ, какъ »прирожденныя« вѣдмы заправляютъ своихъ дѣтей.

Одїнь чоловікъ женївсь и взявъ собі жїнку изъ дрѣгого селѣ. А въ ѣго въ хатї живъ ищѣ бѣтько, матї и мѣншї братї. Отъ якъ ѣго жїнка завагонїла, такъ тѣща її каже їмъ: »Привезї жъ її до менѣ рожатъ, бо я самѣ собї живѣ въ хатї.« Вїнь и зробївъ такъ. Отъ якъ настѣло вже жїночѣ дїло, вїнь вїшовъ изъ хатї да тїлько дївїтця въ вїкїо. Що жъ би ви дѣмали? Тѣща взяла да її пересновѣла мотѣзочкою навхрѣсть хату, пзъ куткѣ въ кутѣкъ. А дїтїна вже лежїть у зѣпечку да кувакає. Вона якъ свїсне, дїтїна якъ вїскочить изъ зѣпечка! да по тїї мотѣзоцї побїгло сюдї-тудї да зновъ у зѣпечѣкъ. Чоловїкъ бѣчить, що тутъ чортїчї якїсь хморѣди, увїшовъ у хату розсѣрдившїсь: »А ну, жїнку, одягаїсь да поїдемъ додѣму!«

Тёща вже тутъ и те, и се. Ні, поїдемо да и поїдемо.
Поїхали.

А на дорозі їмъ річка. Вінъ зупинивсь: »Уставай, жінко зъ вѣза!«

Жінка встала.

»Росповійи да положи дитину!«

Вона не слухає. Вінъ и нагайкою. Мусила вона положити на зѣмлю росповіту дитину.

Вінъ тоді переїхавъ вѣзомъ изъ жінкою черезъ річку.

»Теперъ свищій!«

Вона якъ свісне! дитина схонилась да черезъ воду! такъ и вродилась коло вѣза.

Чоловікъ тоді и рѣки попустивъ.

»Що жъ се такѣ е?« почавъ роспитувати у жінки.

»А що жъ?« каже; »оце те, що я зъ матірью *прирождѣн-ми* відьми; такъ у насъ усѣ такъ заправляють дітѣй. Тільки не бійся: *прирождѣнна* відьма не така злоща, якъ *учѣна*. Вона тілько одбороняйтця одъ нечистої сили, а сама нікому зла не діє.«

Г. О томъ, какъ вѣдьма призываетъ къ себѣ чарами челоуька.

Якъ захоче відьма когѣ привликать до себѣ, то вѣрить кѣрень изъ зѣлля *тѣрличъ* (1). Отъ якъ почне вппити той кѣрень, то все наче булькотити: »Грицю! Грицю!« чи якъ тамъ зовуть того чолоуька. А той зніметця да и полетити якъ птахъ, и все тилько: »Пить! пить!« Якъ трапитця дѣбрий чолоуькъ, то розстѣле на землі хустку. Вінъ спуститця, папѣтця да и зновъ летити. Що дѣжче кппити, зѣлля, то швидче вінъ летити. Дѣбре жъ якъ ні що не зачѣнитця; а инаколи вдѣритця обѣ дѣрево, абѣ-що да и капуть.

---

(1) *Volantia minor*.

Д. О томъ, какъ знахоръ управляеть бурею.

Бувъ тутъ колись у нашому селі одінь Австріяць, и тавій бувъ знахоръ, що було направить, абб одведе дощъ абб градъ, якъ хоче. Було оце жнемъ у полі хлібъ; отъ и находитъ хмара. Ми давай сворій износить снопи, а ёму и байдуже, жне да жне собі, потягуе люльку да и каже: »Не біітєсь, дощү не буде! То гляді — и нема дощү. Разъ — се вже я своїми очіма бачивъ — жнемо ми жито; якъ ось небо почорніло; піднявся вітеръ; загуло спёршу одалегі, а потімъ надъ самою у насъ головою. Грімъ, блискавиця, віхоръ... така піднялась хуртовіна, що Боже твоія воля! Ми за снопи, а вінъ: »Не біітєсь, не буде дощү!« Де вже тобі не буде? Не слухаємъ ёго. А вінъ закурівъ люльку да и жне собі помалу.

Ажъ ось, де взявся чоловікъ на чорному коні и самъ увесь чорний; летить и прямо до Австріята: »Эй, пусті!« каже.

А Австріяць: »Ні, не пуцү.«

»Пусті, еділай мілость!«

»Не пуцү: було такъ багато не набирать.«

Чорний іздець припавъ до гриви и помчавсь, помчався по полю.

Тимъ часомъ чорна хмара посизіла и побіліла. Старіи наши полявались, що буде градъ. А Австріяць байдуже. Жне собі да кұрить люльку.

Ажъ ось изновъ де ні візмісь іздець; мчітця по полю ще ивидишь одъ першого. Тільки сей уже весь у білому и на білому коні.

»Пусті!« кричить до Австріята.

»Не пуцү!«

»Пусті, Бога радн!«

»Не пуцү: було не набирать такъ багато.«

»Эй, пусті, не відержу!«

Тоді тільки Австріяць розогнувь да и каже: »Ну, вже ступай, да тільки отъ у той байракъ, що за пивою.«

Тільки що вімовивъ, ужé издця нема, а градъ такъ и сипувъ якъ изъ кошика. Черезъ малу годінку, байракъ увесь засіпало, якъ есть тобі, рівно зъ краями.

Е. О томъ, какъ видмачъ управляеть пчелами.

Бувъ собі пасічникъ, и була въ ёго пасіка пополамъ изъ небожемъ. Тільки небожь дивитця, що на дядьковій половині ўльні завсегда понабівани мѣдомъ, а въ ёго такъ собі. Отъ дядько, помирковавши, що небожь зздритця на ёго пчѳли, да й каже: »Слѳхай, небоже: може ти дѳмаешъ, що я одобравъ собі лѳччи ўльні; то коли хочъ, бері на ту весну мою половіну, а я візьму твою.«

»Дѳобре!« каже небожь.

Отъ и помінялись. »Ну«, дѳмае собі, »теперъ же й я наберу мѣду!« Тільки якъ Спасу тамъ, чи що довідуетця до мѣду, ажъ ёму пчѳли наносіли ще мѣнше, ніжъ у томѳ годі. Що за бідá такая? Якъ ось разъ вінъ прохѳдить увѳчері поузь дядькову пасіку; слѳхае, ажъ у одному ўльні щось наче розмовляє. Вінъ приложивъ ўхо, ажъ то мѳтка гѳвѳрить изъ пчѳлами.

»Де ви«, каже, »попали сю кобілу?«

»Да тамъ«, кажуть, »лежала за байракомъ, да вже собѳки половіну зліли, а намъ зостѳвили тілько задъ.«

»Що жъ, ви увесь ужé сюді втягли?«

»Ні, хвѳсть не помістивъ, такъ висить изъ-надвѳру.«

Небѳжа наче хто снігомъ по спині потѳръ. Гляне, ажъ изъ очѳа такъ п течѳ густá пѳтока, такъ наче кінський хвѳсть. Вінъ тоді й догадавъ, що ёго дядько відмачъ да й годі вже ёму завидувать.

РАЗГОВОРЪ МЕРТВЕЦІХЪ.

А. О томъ, какъ мертвецѣ динимъ укринать грѣшихъ.

Разъ отó ми дóвто седѣли зъ жéтора, да й забўвѣ, чо́го: чи гарбуза дождѣлась, по́куль спечётца, чи, мóже, лишень, чи не капўсту шаткували на сѣмимъ дни. У насъ, б́ачте, така́я заведѣнція, що коли хто хóче, щобъ удалась капўста, то трѣба зачинать шатковать на сѣмимъ дни, якъ молодігъ настане. Седимó ми да й седимó, що ажъ спать ужé захотілось, а далі и стáли бала́гать то про се, то про те. Толковáли тутъ и про капўсту, и про бурякі, и хто якъ пряде, и щó на т́имъ світі б́уде, хто празниківъ не гляд́ить, и яв́и приведѣння кому́ булі. Да якъ стáли про се вже розсáзувать, такъ хто попереду вже спать хотівъ лягáть, то вже боявся изъ м́ісця з́йти, щобъ перейті туди, де хто послáвсѣя. А н́кóму, здаётца, не бу́ло страшн́йшъ, якъ мн́и, бо я такі и зъ-рóду боюсь с́ихъ відѣмъ да ма́нягъ... Духъ Свят́ий при насъ и при д́ушахъ нáшихъ! М́арта нáша, погляд́ивши у в́ікно́, да й кáже: »Чи не принесé й намъ веч́еряти мертвецъ, такъ якъ Одáрчин́ий м́атері?

А ми й стáли питáть, коли и якъ? М́арта ажъ розс́ердилась, що ми не з́идѣмъ, да й кáже: « Чи вамъ по три годќи, чи щó, що ви и с́его не ч́ули?... Сед́ить, кáже, вона́ поќийна да й тче плáхту. А вона́, б́ачте, на вс́ей околóтици п́ерва бу́ла тв́аля: ужé чи спн́ятку, чи семпрóгу, чи колéщату, або й закладáну шовкóву, такъ та́къ, якъ на бомáзі в́ивыше. Отъ, якъ бу́ла вона́ така́я тв́аля, дакъ оду́соди нес́уть їй т́ий плахти, що й роб́ить не ввертáлась. День и н́чь, бу́ло, сид́ить да все тче, да все тче.

Оттáкъ вона́ разъ сед́ить дóвго, що вже вс́і лю́де давнó й спать полягáли. Коли жъ хтосъ у дв́ери сту́въ-сту́въ да, питáе: »Чи ти, кумá, щ́е не веч́еряла?»

А вона́ кáже: »Н́и«, да чо́гось и стáло їй такъ стра́шно! и д́умае соб́и: »Хто жъ би се та́кий?»

»А далі, устáвши зъ-за верстáти, п дава́й христítiть вікна її двéри. Ажъ тутъ якъ загудé щось на двóрі, ніби вихоръ ! а далі п ходить коло хáти да її рóхає якъ свия; а далі вже одчипяє її двéри. Двéри бу́лі зáмкнути, а вонó такъ п очипило. Уви́шло въ сiни да, причинивши хáтні двéри, якъ пирхнó! а далі погляділо по хáті да її ка́же: »Ну, щасли́ва жъ ти! А я то́бі припесла́ вечéрять.« Да якъ покáже, дакъ зовсiмъ її покiйний чоловiк. А Одарчина мáти якъ глянóла, дакъ изъ рáзу такъ п бóхнула на зéмлю, да на трéтiй, чи на четвéртий день п Бóгу дóхъ оддала.«!

В. О томъ, какъ мать видѣла мертвеца сына.

Однá жiнка довго плакала по своїмó сiну. »Колiбъ мнi ёго побáчить хочъ мёртвимъ!« Отъ лóде її порáяли її пiйти въ ночi у цёрку, якъ изiйдутця усi мерцви, да взятъ, про случáйi, п пiвня. Пiшла вона п стáла коло цёркви. Якъ опiвночи дiвнiця — идé зъ кладовища гурбá мерцвiвъ; а мiжъ ними п її снiв. Пдé п несé вiдрó слiзъ: отó, що мáти наплакала. Якъ побáчила ёго мiжъ мерцвiями, да зъ лягу якъ кiшетця втiвáть до дóму. А вiшь почóвъ мáтеринъ дóхъ да за нею! Отъ вона дáвай скидáть зъ себé одéжу. Що скiне, то вiнь ухóпить п розiрве; що свiне, то вiнь ухóпить п розiрве. Да вже якъ добiгла до порóга, тодi пiвень кабарiку! Мертвёць упáвъ, а вона черезъ день п вмёрла. Сiновi тяжко, якъ мáти по ёмó тóжитъ; а мáтерi вёсело лежáть, якъ дiти плачуть по нiй.

В. О томъ, какъ дочь видѣла мертвую мать.

Однá дiвка пришла до ўтрени; тiлько дiвнiця — усé незнакóмi її лóде. Колi жъ пiдóшла до неi її хрищёна мáти покiйниця, взяла за рóку да її ка́же: »Утiкáй, якъ мóга утiкáй звiдеi! атó якъ побáчить тебé рiдна мáти, то розiрве на шматóчки.« Дiвка чимъ-дужъ додóму. Прибiгае вже до хáти, ажъ щось гудé

и в'їе ззаду. Оглянетця — ажъ за нею женѣтця рідна мати. Дівка скінула зъ себѣ свѣтку — мати вхопіла її розорвала; скінула зъ головї хустку — мати розорвала її хустку. Убігла дівка въ хату да її упала безъ пам'ятї. А мати зупинїлась на порозї, завїла страшно, повелá по всїї хатї очїма та її зникла.

Г. О томъ, какъ снаряжають умершихъ на тотъ свѣтъ.

Якъ умрѣ, то вже звїсно, зав'яжуть єму у сорóчку шагъ, щобъ кушївъ собі мїсто на тїмъ свѣтї. А бабї сповитусї кладуть у домовїну палицю, а до пояса прив'яжуть хусточку зъ макомъ. Пáлицею вона б́уде одбивáтця одъ своїхъ вн́учківъ, бо тїї нападуть на її, нá що вона їхъ на свѣтъ вїпустила! Якъ же вже придѣтця її кру́то, тоді кїне їмъ жмѣню маку; по́ки позбпрáють, а вона и втечѣ.

8.

РАЗСКАЗЫ О ЧЕРТЯХЪ.

А. О томъ, какъ черти выманили у одного человека сало.

У одного чоловіка висїло у сїняхъ на колесї сало. Отъ чортяка її провідавъ, — а її чортї, ма́буть, знають у єму смáкъ. Провїдавъ да до чоловіка: »Спустї да її спустї мнї колесо: я тобі насїплю пóвну пашѣнну яму грóшей.«

»Ну, коли насїплешъ«, ка́же чоловікъ, »то спущу«.

Отъ и спустївъ. Тодї чортї якъ почали возїть єму грóши, то пїдвода за пїдводою тагъ и їде, да все сїплють у яму. Насїпали пóвну яму да її питають: »Кудї ще сїпать?«

»Да сїпте«, ка́же, »хоть у засїки, вїбравши мукý.«

Чортї вїбрали мукý и насїпали єму грóшей пóвнї засїки. »Тенеръ процаїї!« и поїхали собі.

Якъ поїхали чортї, то чоловікъ ужé її не спить да все радуєтця, що разомъ забагатївъ. Коли якъ оглѣдитця на дрýгий день уран-

ці, ажъ и сѣла нема, и въ ямі, и въ засікахъ по́вно угóлля, то-що попола́мъ пзъ мукóю.

В. О томъ, какъ черти сѣиграли роль мельниковъ.

Одінъ чоловікъ повізъ у млинъ молóть жїто. Іде по́лемъ, коли жъ стоять млини. То, бу́ло, й водї тутъ невідно ні якої, а то млини стоять. »Що за чортъ?« думає собі. Ажъ ось виска́кують пзъ усіхъ млинівъ мїро́шники... а то не мїро́шники, а вуцаки. Той до себе тягне. »Ідь до мене! ідь до мене!«

»Чортъ пзъ ва́ми!« ка́же чоловікъ, да скорішъ и приверну́въ до ко́торого бу́ло блі́жче.

»Ну, чоловіче« , ка́жуть ё́му, » ми зъ тебе розміру не візьмемъ, тільки возьми за по́ясъ оці саковкі да одвези о́це письмо́ у Краси́ловку до М****.«

»Добре« , ка́же чоловікъ, и радъ; бо до Краси́ловки бу́ло не далёко. Далі ё́му й коня. Не вспівъ є́сти, гляне — уже и въ Краси́ловці. Подавъ письмо́ М****. А М**** якъ прочита́въ, то такъ ё́му й на́сіпавъ по́вні саковкі червінцівъ. »Вези жъ« , ка́же, »єі гро́ши туди, звідкі привізъ письмо́.«

Пзнóвъ, тільки що є́въ на коня, уже й ко́ло млинівъ: »Э, да тутъ же, мабу́ть, пе своя́ сїла замі́шалась!«

Привозить гро́ши и одда́є мїро́шникамъ.

»Візьми їхъ собі, до́брый чоловіче« , ка́жуть вуцаки.

»Не хóчу« , ка́же той чоловікъ.

»Возьми, дурню; б́удешъ насъ споминать.«

»Не хóчу« да й тільки.

Забра́въ свою́ мукóу да й по́хавъ. Ажъ ось на дорóзі наганяють ё́го зновъ тіи мїро́шники: »Да возьми, земля́къ, а́то б́удешъ по́слі жалковать.«

»Не треба ми́ні ва́шихъ гро́шей, лю́де до́бри!«

И не взявъ. Отъ якъ при́хавъ до́дому, то й роека́зує жінці. Жінка такъ и папуста́лась; трóхи не бїла.

»Да якъ же було мнѣ брать, коли я боявсь, щобъ посѣли пагнѣвни и самого не задушїли?«

»Дурню ти ходишь!« каже ёмѹ жінка: »хто жъ би ставъ тебе душить, давши тобі грóшей?«

Подумавъ-подумавъ той чоловікъ. Разъ же, що жінка лає, а друге — и грóшей жаль. »Поїду!« каже: »що буде, то буде!« И поїхавъ.

Прихавъ на те саме мїсто — хочъ би тобі слїдъ який, що були млинї!

В. О томъ, какъ одинъ панъ неосторожно вспомнѣлъ чорта.

Одинъ такі нашъ чоловікъ поїхавъ до млинѣ. А млинъ бувъ недалѣко. Приїздить, глѣне, ажъ сѣдїть чоловікъ на полі.

»Чóго ти сѣдишь на полі?«

»Такъ мнѣ Богъ давъ.«

»А де мїроншикъ?«

»Я самїй старшїй надъ мїроншикѣми. Я змелю тобі жїто дурно, тїлько возьми оцѣй кáмень, що лежить передъ тобою, да однесї до пана Янковського. Пóки донесѣнїз до пана Янковського мука твоя буде и готóва.«

»Да я ёго изъ мїста не зворухнѹ!« каже той чоловікъ.

А въ кáменї, здавалося, такъ, буде пудóвъ десятокъ.

»А ну жъ, попрóбуй.«

Попрóбовавъ — не буде и пѹда.

»Дóбре«, каже, »понесѹ.«

И поїсѣ. Подає пáну. Панъ хрїститця и не берє. А то не кáмень, а тóрба грóшей.

»Одъ когó се?«

»Одъ тогó, що сѣдїть на полі.«

»Несї якъ ти ёмѹ назадь да скажї, що мнѣ не трѣба.«

Прихóдить чоловікъ якъ томѹ, що сѣдїть на полі, да и переказує пáновнї слова.

А той ёму: »Иди жъ ти до Янковеського ще разъ, да спитаи ёго: коли вінъ менé згадувавъ?«

Чоловікъ пішовъ да ии питае: »А коли ви, пане, згадували того, що на полі седи́ть?«

А се було скоро після великоднихъ святъ.

»Що жъ?« каже, »згадавъ я ёго, грішній, на трейтій день праздника. Сівши зъ семьею істи паєки, я за щось розсердивсь да ии не вдержавсь, щобъ не назва́ть лукавого.«

Верну́вь чоловікъ: »Отта́къ и такъ неказавъ пань.«

»Отто́-то!« каже тоді куца́къ. »Сімъ лю́дямъ ни яки́и гаспедь не вго́диль! Зга́дуе менé за па́скою: вже жъ, видно, ёму менé треба; а пославъ грішнй, такъ и наза́дь!... Бери́ жъ, чоловіче, свою́ мукú да иди собі до́дому.«

Чоловікъ забравъ и поїхавъ. Ажъ ось наганяе ёго, вёрхи на коні, пань такий у́брапий, що ажъ сяе; а зза́ду кішки вися́тъ: »Ти въ насъ щось укравъ!

»Бо́же менé сохрани!« каже чоловікъ: »я зъ ро́ду ни въ ко́го не вкравъ и тютюну́ на лю́льку.«

»Ни, вкравъ, да ии го́ди. А ну, хло́пці, пошука́йте!«

Тутъ де взялись и хло́пці, да якъ приня́лись шукать у ми́шкяхъ, то всю мукú перемішали зъ піско́мъ такъ, що чоловікъ по́кинувь на доро́зі; а самі на ко́ней да ии поїхали.

Долго разсказывалъ ми́ѣ старикъ, сидя въ Вольтеровскихъ креслахъ и помѣшивая уголья въ каминѣ; наконецъ его уметвенный запасъ истощился, и мы разстались, довольные другъ другомъ. Между тѣмъ у меня былъ на примѣтѣ другой старикъ, который считался первымъ сказочникомъ во всемъ околоткѣ. Утромъ на другой день я посылаю звать его къ себѣ; но ми́ѣ объявляютъ, что этотъ *didz* ужъ очень дряхлъ и только лѣтомъ выходитъ изъ своей хаты, а всю зиму проводитъ на печи. По-этому я отправился къ нему самъ.

Меня повель хлопецъ. Шли мы глубокой тропинкой, точно оврагомъ. Съ обѣихъ сторонъ его края заросли лиціей, которая

висѣла, въ инѣ и снѣгу, какъ бѣлые волосы. Крыши сосѣднихъ хатъ были покрыты свѣжимъ снѣгомъ, изъ-подъ котораго чернѣли только низенькія, лѣтомъ вовсе не черныя стѣны съ маленькими оконцами. Пушистая, вся побѣлѣвшая земля рѣзко отдѣлялась отъ неба, особенно при горизонтѣ, гдѣ на небѣ темнѣли опустившіеся внизъ пары.

Хата *дѣда*, не слѣзающаго съ печи, стояла поотдаль отъ другихъ хатъ, какъ-будто въ полѣ. Кругомъ ни кола, ни двора. Я насплу добрался за снѣжными сугробами ко входу и не безъ усилій отворилъ низенькую, обросшую мохнатымъ инеемъ дверь. Въ хатѣ не было никого, кромѣ сѣдого *дѣда* на печи, въ сорочкѣ и полотняныхъ, дыравыхъ шароварахъ, да его внучка въ грязной и оборванной кругомъ люлькѣ. Отъ люльки протянута была къ старику веревка, посредствомъ которой онъ колыхалъ своего внучка. На *прѣпечкѣ*, у самаго жару, покрытаго пенломъ, сидитъ худой, пѣгій котенокъ. На лавкахъ мѣстами разсыпана крупа и разный сѣбетной соръ, мѣстами валяется нигуда негодное тряпье. Бѣдность безъ малѣйшаго покрова бросилась мнѣ въ глаза.

Я поздоровался съ дѣдомъ, перекинулся съ нимъ двумя, тремя словами и за дѣло. Онъ былъ высокога мнѣнія о своемъ талантѣ.

»Де вамъ хто ні казавъ, да такіхъ не казавъ, якъ я знаю (такъ началъ онъ). Постойте, надумаюся, которую бѣ сказати вамъ. Ну, вже жъ слова изъ пісень да зъ казокъ не викладають. Я буду вамъ казати, да й не мѣшать мнѣ, не перебивати.

СКАЗКА О СОЛОВЬѢ РАЗВОЙНИКѢ И О СЛѢПОМЪ ЦАРЕВИЧѢ.

Десь-недесь, у якійсь-то землі, бувъ собі царь, и мавъ вінъ собі жінку царіцю, и прижилі вони собі сина, якъ собола. И не такъ-то хутко дієтця, якъ швидко въ казні кажетця, дойшовъ вінъ собі розуму совершенного. И бувъ у царя первий совітникъ, и вінъ съ царемъ покумався. И въ першого совітника то-

жъ спнъ совершеного ума. И вѣхали вони въ чисте поле вдвохъ на погулянье, и въ ихъ увесѣ припасть: шабля при ихъ, и рушница при ихъ. Почали вони собі цуетовать, и треба їмъ посередитця міжъ себѣ, и той царенко томъ першого совѣтника сїнові изъ пустоти одтявъ рѣку по плечѣ.

И приходитъ первий совѣтникъ до царя: »Ваше царскѣ величество, мнѣ шкѣда зроблена.«

»Якѣ тобі шкѣда?

»Такъ и такъ«, каже: »вашъ спнъ моему сїнові рѣку одрубавъ.«

Царъ же бо на свого сїна велико сѣрдився и велѣвъ єго въ темну темницю засадитъ, и не велѣвъ єму їсти и пити дати. И сидѣть вінъ може якѣхъ днѣвъ пять, шість, не пивши, не ївши. И мати єго почувла сѣе да, щобъ ніхто не знавъ, послала єму їсти зъ служѣбною. И сама зъ своєї туги пішла по саду проходжуватьця. Ну, идуть вони поузъ темницю и гомонять удвохъ изъ служѣбною. Почувъ вінъ сї гласъ да и каже: »Ой моя матинко! будьте милосѣрна, уградыте въ бѣтка ключі да и випустіте мене зъ темної темниці.«

Отъ мати вкрала въ-ночі ключі да и пішла випускати. »Ну, що жъ ти, мій сїну любий, що я тебе випустила? и мнѣ на свѣті не будь.«

»Не бійсь, моя мати рідна, сїдай на коня зо мною; де я бѣду, тамъ и ти.« [Вінъ такий лицаръ вчпнївся, що наславъ на конюхивъ єднѣ, и вони поснѣли смертельно.]

Якъ поїхали вони на їншую зѣмлю, на тридѣяте царство, въ їнше государство. Доїжджають вони до зеленого здоровѣнного гаю веретовъ за пять. И въ томъ гаю жывъ Соловей, великий розбѣйникъ, сїльний, могучий багатирь. И убивае вінъ своїмъ свѣстомъ за пять веретовъ. Якъ свѣснувъ, то вінъ и впавъ на передні ноги. Отъ сей царевичъ схопївъсь. »Що ти«, каже, »кѣно мій, спотїгаєся?»

»Пане мій милий, пане мій любий! якъ мнѣ не спотїгать-

ця, що я несучу двох вась сильнихъ, могучихъ багатирівъ, ще й третій свѣснувъ?»

Уїжджає вінъ у ту дуброву да й шукає собі міста тако́го, щобъ спочить. Отъ и бачить, що три дуби у-күпі стоить. Мати каже: Одпочиньмо у тихъ дубівъ.»

И приїжджають вони до тихъ трохъ дубівъ, ажъ посередини колодязь, а тамъ вода ажъ ворона. Срібне да золотé цямринне. На версі дубівъ Соловѣне гніздó.

Царевичъ и каже? »Такъ се ти, Соловѣй, великий розбóйникъ, зачавъ зо мною гратьця?» да якъ ударить ёго зъ оружжінци, такъ вінъ такъ и впавъ на цямрину. Тоді за лучóкъ. »Чи не вбью я«, каже, »птиці якої?» и пішовъ по пущі.

Лежить на цямрині той Соловѣй розбóйникъ, а мати пожалкувала ёго да й зачала воду братъ, зачала поливать ёго, по́кци вінъ и оживъ.

И рече їй Соловѣй: »Ой, душа ти моя любая! якъ ти менé пожалкувала да й одъ смёрті оборони́ла! Я тебе не забуду, а ти менé не забудь. Дастъ Богъ, ми зійдемось до-күпи.»

Верну́всь царевичъ, дівитця: »Де жъ«, каже, »мати моя, Соловѣй розбóйникъ?»

»Щó жъ«, каже, »сїну любий? поливала я ёго водою, а вінъ зявсь да й полетівъ.»

Спочили вони зъ матірью, осїдлали коня-винохода и поїхали собі. И зновъ поїхали на іншю землю, на тридесяте царство, въ інше государство. И тамъ у томү царстві царь умеръ. Уїздять вони въ городъ, уїздять у сүдь, ажъ у сүді сумүють, що »въ насъ царя нема, нікому охраняти нашого царства.»

Вінъ и підлицяетця. »Я«, каже, »бу́ду въ васъ царёмъ и охранителемъ ва́шого царства.»

Отъ вони далі ёму будинокъ, — вінъ собі и живé — не такъ-то хутко діетця, якъ у казці кажетця — годъ, абó два. И сїдлає вінъ собі коня-винохода да й іде по всёмү царству; іде, зъ яко́го краю, якáя земля на ёго царство встає. Мо́же, вінъ тамъ

який день, або другий їздить да вже зь такими кралами да царями зазнається.

Отъ Соловѣй, великий розбійникъ, навідався до ёго матері и радятця вдвохъ, що якъ би ёго зь світа згубіть. И мати рече: »Соловѣю! вінъ такий въ мене сильний и могучий багатірь, що намъ ёго ні якъ не можна зь світу згубіть.«

А Соловѣй, великий розбійникъ, каже: »Можна! Якъ приде вінъ додому, такъ ти занедужай. Стане вінъ тебе питать: »Чого вч, мамо, занедужали!« — »Що жъ, синку? десь-недесъ, »въ іншому царстві є Баба-Яга, що держить вишні-черешні, и колибъ ти мні тихъ вишень доставъ, такъ я бъ попоіла да й »здорова була.«

И приїздить єй синъ додому, и вона у недужихъ зробилась. »Що ви, мамо? чимъ занедали?«

»Оттімъ и тімъ, сину. Десь-недесъ, въ іншому царстві є Баба-Яга, що держить вишні-черешні, и колибъ ти мні тихъ вишень доставъ, такъ я бъ попоіла да й одужала.« [А то, бачте, така Баба-Яга, костяная нога, що на мідному току молотить, москалівъ робить.]

Вінъ сівъ на коня-винохода и поїхавъ. Якъ поїхавъ вінъ на іншю зємлю, на тридесяте царство, у інше государство, ажъ стоить гóродъ, такъ обнесѣнный, якъ жаромъ. Уїжджає вінъ у той гóродъ, а тамъ будинки стоять такі, що й сказати не можна. И вїжджає вінъ до тїї баби въ двіръ, коли стовбъ, а до стовбá кінъ привязаний и жаръ ість. Вінъ устáвъ зь свого коня, дивитця, ажъ три кльця: одно мідне, друге срібне, трете золотé. Вінъ стоить да й думає: »Привяжу я за мідне, скажуть, що який-небудь пустякъ: привяжу до срібного — скажуть: »Да се що-небудь тутѣшне.« Ні, лóчче привяжу до золотого; нехай знають, що приїхавъ не свій братъ, Руський царевичъ!«

Приходить вінъ до будинокъ, ажъ вїйде три дочкы тїєї баби на рундукъ: »А, здоровъ, здоровъ, Руський царевичъ, сильний, могучий багатірь! Що тебе сюді занесло? чи чóвникъ, чи весло?«

»Ні«, каже, »менé ні що не занесло; я самъ, добрий молодéць, заіхавъ.«

»Якїї ти«, кажуть, »дружба, хорóший, да убъé тебе наша мати!«

Вінъ и питає їхъ: »Де жъ ва́ша ма́ти?«

»У сад́у, на мідному току́ москалі рóбити.«

И беруть ёго за білі рúки, ведуть ёго у будінокъ и цілуютъ въ уста. Заразъ посадили ёго за стіть, далі ёму попоісти, добре нагодували ёго и напоили да и кажуть! »Ну, иди́ жъ теперъ, нашъ любий гóстю, у садъ до ма́тери.«

Провели ёго до ма́тери, а самі поверта́лись, не дали́сь у ви́чи ма́тері. Отъ вінъ и приходіть: »Здорóва, Ба́бо-Яга́, ко́стяная нога́! Що́ ти рóбишь?«

»Здорóвъ«, каже, »Рúський царéвичу,, сільний, могучий багатірю! Що́ тебе сюди занесло, чи чо́вень, чи весло?«

»Ні«, каже, »менé ні що́ не занесло; я самъ, добрий молодéць, заіхавъ.«

»Що́ жъ?« каже, »чи бóдемъ б́итьця, чи бóдемъ мирітьця?«

»Ні«, каже, »бабóсю, не того́ я заіхавъ, щобъ мирітьця!«

Вона́ заразъ крикнула на своїхъ служéбокъ: »Піднесіте залі́зного бóбу рéшето!«

Піднесли́ їй, вона́ и ви́ла тée рéшето.

»Теперъ же, Рúський царéвичу, сільний, могучий багатірю, коли́ такъ, такъ дава́и б́итьця!«

Отъ, якъ ухóпить Ба́ба-Яга́ Рúського царéвича да въ мідний т́къ, такъ по колі́на и вті́ела. Вінъ ба́бу якъ згрібъ, якъ ударить, такъ вона́ такъ підъ рúки и вб́гла въ т́къ. Ну, вона́ тоді́ дава́и просіть Рúського царéвича: »Сі́не мій́ любéзний, Рúський царéвичу! положи́ змíлованне такé, не дай́ мни́ пропа́сти!«

Отъ вінъ узя́въ е́й, ви́тягъ. »Ну«, каже, »вра́жа ба́бо, я думавъ тебе́ тутъ и вб́ить, да живі́ ще на сві́ті.«

Отъ ба́ба берé ёго за білі рúки, ці́лує ёго въ уста́ и приво́дить

до дочокъ: »Дочки мої любні! якийсь-то приятель до насъ наїхавъ.«

И гуляли вони собі день якъ золото, другій якъ сріблò, третій якъ мідь, хочъ и додому їдъ. И нарвала ёму вишень-черешень ягодъ хустку цілу, — отто матері на гостинець. Винъ подякувавъ бабі и дочкамъ да и їде собі зъ Богомъ.

А Соловѣй, великній розбóйникъ живє зъ матірью. Винъ, мóже, неділь зó дві проїздивъ, а Соловѣй прилїтає да и живє зъ матірью. И думавъ винъ ёго тамъ баба вбъє. Подівитця въ прозорную трубу, ажъ винъ їде відтиля. »Ой, душа моя лóба!« каже, »п ягодъ везе. Теперъ ми́ні не житъ съ тобою!«

И не такъ-то хутко дієтця, якъ швидко въ казці кажетця. Приїжджає винъ до матері да и кланяєтця винъ матері гостинцемъ. Отъ вона якъ наїлася тихъ ягодъ, такъ то була хороша, а то щє краса стáла.

Одпочивъ винъ тамъ дèнь, абò другій, велівъ сїдлать коня и поїхавъ зновъ по грانیці. Прилїтає Соловѣй, великній розбóйникъ, до ёго матері знову да и радятця: якъ би то ёго зъ світу згубить, щобъ на ёго мїсті здіятця царемъ? Отъ и каже Соловѣй, великній розбóйникъ: »Десь-недєсь є на чїстому полі, на роздóллі кривниця водї, а коло тї кривницї лежить дванадцять змїївъ, и тїлько одїнь одїймъ колодязъ во всїмъ царствї. Такъ забажай тї водї, щобъ доставъ. Якъ не вбьють ёго тї дванадцять, такъ нїгдє въ свїті вже не вбьють.«

Отъ винъ вернувсь додому, а вона и квóлитця важе, — нездужає, знаєшь.

»Щò ви, ма́мо? чїмъ занедужали?«

»Оттїмъ и тїмъ, сїну. Дєсь-недєсь є на чїстому полі, на роздóллі колодязъ водї, и тїлько одїнь колодязъ у всїмъ царствї. Ко́либъ ти мши привїзъ тї водї, такъ я нащлєсь би да и здорова була.«

»Дòбре«, важе, ма́мо.«

Осїдлали ёму коня, винъ и поїхавъ. И якъ поїхавъ винъ на їншую зємлю, на тридєсїє царство, у їнше государство; коли жь

іде навпроти ёго громада така велика людѣй до тїи криниці. Отто зо всёго общества збираютьця люде да її везу́ть тимъ зміямъ двана́дцять чоловікъ изісти. П попереду іде карета: царь своєю дочкю везе. Одина́дцять душъ такихъ, мужицького полу, а двана́дцяту царівну везу́ть. Отъ вінъ порівнявся зъ ними. Грають музики; де-яке плаче, де-яке ска́че. Тїи, знаєшь плачуть, которні везу́ть істи́ — якъ у насъ у некрути — а дрўгі скачуть. Отъ той царь да царівця ёго побачили; зара́зь оболону одчинили п зачали здрастуватьця: »Здрастуй, здрастуй, Рўський царевичу! куди́ Богъ несє? куди́ путь-доріженьку держи́шь?«

»А, любезни́! а васъ куди́ Богъ несє?«

»А ми веземо́ двана́дцять душъ на зїдень, щобъ води́ набра́ть.«

Отъ царевичъ: »Постойте́ жъ«, ка́же, »я поїду до зміївъ, а ви подождіть.«

Царь п звелівъ зупини́тьця всёму́ обществу́—громаді середь шляху.

Прїїздіть той царевичъ, ажъ такїи́ дїкїи́ степъ, роздо́ль! п стоїть тамъ крини́ця, п їхъ двана́дцять лежи́ть. Вінъ якъ узявъ зъ ними́ бїтьця, якъ узявъ бїтьця, — побївъ усіхъ. Отъ оддїхавъ тамъ трóхи, набравъ води́ да її поїхавъ собі. Прїїжджає до тїи громади: »Ідіть«, ка́же, »до води́, набира́йте: тепе́рь нема́ нічо́го; побївъ усіхъ.«

Громада подякувала ёму́; а царівна берє ёго за білні рўки, цілує ёго въ уста, сажає въ карету. Отъ прїїжджають вони́ до до́му п гуляють вони́ неділю, чи дрўгу. П вони́ ёго совіщають: »Не їдь вже ти, Рўський царевичу, до ма́тери.« А царівна ка́же: »Не їдь, б́уду тобі жїшкою, а ти ми́ні чоловікомъ. А якъ ба́тько помре́, такъ б́удемъ ми усімъ ца́рствомъ голдува́ть.«

А вінъ такї не соглашаєтця, п хо́че такї до своєї ма́тери доїхати п води́ повезти́. П попрощались вони́, п на проща́нне дала ёму́ царівна срібни́й перстень.

Отъ Соловѣй, вели́кий розбо́йникъ, дївитця въ прозо́рну трубу́ да її говорить: »Іде!... Ну, тепе́рь ти не моя́, а я не твій!«

И не такъ-то хутко діло робитця, якъ швідко въ казці скажетця. Приздіть вінъ, воді привозить: »Нате, матінко!«

Такъ вона то хороша була, ато ще краща стала.

Отъ вінъ зновъ поживъ неділь зо дві, чи зо три, да знову поїхавъ по гряниці. А Соловѣй, великий розбійникъ прилітає: »Теперъ не будемо вже ми жить у-купі, бо ёго ніхто не подужає. Коли хочешъ«, каже, »такъ отъ ще спробуемъ ёго конатами вмотати.«

Отъ вертаєтця царевичъ додому, а вона зновъ занедужала.

»Що оце ви, матінко, такъ часто болієте?«

»Я ще, сїну мій любий, такъ часто болю одъ того, що боюсь, якъ ти поїдешъ по чужихъ земляхъ. Колибъ мнї узнать, що ти за сїльний, могучий багатиръ.«

»Якъ же ти менє, матінко, визнаєшь?«

»Дай, мій сїну любий, я тебє обматію тими конатами.«

И вінъ їй удовольствие дає. Звеліла вона слугамъ принесті конати да їй обматати ёго. И вматали ёго одъ шиї до саміхъ нігъ конатомъ. А вінъ здвигнувся, такъ на малєсенькі шматочки конатъ п попадався.

Ну, добре, сїну мій любий! Дай же ще дротомъ уматію.«

И вінъ положивъ на Бóга одного, піддався: »Що хочешъ, матінко, те їй роби.«

Отъ вона заразъ обматала. Здвигнувся, да їй шкуру опустивъ коло себе до саміхъ нігъ.

»Отеперъ«, каже, »мамо, я знаю ваше вбранне!«

Виходить Соловѣй, великий розбійникъ, до ёго зъ мечемъ, и вінъ рече: »Соловѣю, великий розбійнику! сїчі менє да рубай на дрібні шматкі, да вложи менє въ торбїнку, да навязкі єї конєві да їй вижени въ гаї.«

Вінъ ёго зсїгъ, изрубавъ на шматкі, поскладавъ у торокі да їй вигнавъ. Той вінъ пішовъ собі въ гаї да їй ходить на волі. Коли де ні взялась Баба-Яга, костяная нога; заразъ припала коня до кривниць [у гаю дві кривниці въ єї на прикметі було: у одній сцілюща, а въ другій живуща вода]; узяла торбїнку, виспала кость

тїю, набрала водї сцїлющої, попореьбала, — такъ лежїть зовсїмъ такъ, якъ чоловікъ, тїлько неживїї. Набрала вона живущої водї, дала їмѹ въ ротъ — вінъ п оживъ. П каже: »Оцѣ, бабѹсю, якъ-то я довго спавъ!«

Такъ отъ же преврѣжїї снїть Соловїї! усѣ кїдавъ, усѣ кїдавъ у торокї, да тїлько очѣї не вїїнувъ, очѣї нема, слїпїї.

Отъ п привелá ёго Баба-Ягá до великої рїчки, якъ отъ у Кременчуцї, абó тамъ дѣ, де судїї проходять, да її посадила ёго на бѣрезї. А тутъ очерѣть стоїть. Отъ вінъ зломївъ собї очерѣтнїку да її зробївъ дѹдочку, п якъ зайграє у ту дѹдочку, такъ луна такъ п їдѣ по всїї рїчцї.

Колї жъ идѣ купѣць пзъ дорогїмъ товáромъ суднóмъ, п почѣ, що вінъ такъ гáрно вигравáє п велївъ робóтнїку сїєти на дѹба да подвїтьця, щó вонó є. Приздїть робóтнїкъ до ёго: »Здрáстуй!«

»Здрáстуй!«

Хтò ти такїї є?»

»Я«, каже, »такїї п такїї калїка.«

»Прóсьть«, говорїть, »нашъ хазяїнь-купѣць, щобъ ти до насъ на судїну їшовъ.«

»Дóбре, возьмїть.«

Отъ вони ёго взяли; а вінъ — скáзано сїльнїї, могѹщїї багатїрь — якъ устає, такъ така фїля п встає. Отъ вони її рáди їмѹ. А вінъ п птá: »А кудї ви, господа купѣць, приставлѣтїмете товáрь?«

»До царя Дзензѣя приставлѣтїмемъ товáрь.«

П тогó сáмого царя Дзензѣя дочкá за ёго зарѹчена, якъ по воду їздївъ. Тепѣрь, мóже, гóдь ужѣ чи її бїльшь, якъ вінъ блуває; такъ вона на ёго надїю не кладѣ: дѹма, що ёго на свїтї немає. П зробїла обїдъ хорóшїї — понахїди звестї по їмѹ. Отъ п приїжджáє купѣць пкъ томѹ гóроду. Пристанъ собї взяли. А вінъ п сидїть на ўлицї. Пдѹть Христїяне на обїдъ до царївни да її гомонять мїжъ собою. Отъ вони собї її байдѹже, бо вінъ у поганєнькїї одѣжї; вони її не знáють, що вінъ такїї сїльнїї, могѹщїї ба-

гатірь. Отъ вінъ и прѣсентъ тихъ людѣй: »Возьміть и менѣ зъ собою; я хочъ лѣжку страви візьму на обѣді.«

Такъ вони ёго взяли, привели и посадили поміжъ людми. Хлѣба доволі, страви доволі, горілки тѣ жъ. Отъ після того поспіає, знаєшь, царівна одну служѣбку зъ горілкою, а друга по гривні грѣшей дає. Отъ дойшли до ёго, дають ему чарку горілки. Вінъ віпивъ да її узиявъ перетень зарученній да въ чарку, да її питає: »Чи ти служѣбка?«

»Служѣбка.«

»На жъ оцю чарку да пєсї до царівни, да не дивісь. Бачъ, якъ у менѣ очі повилізли? такъ и въ тебѣ повилізять, тільки подівнеся.«

Отъ принесла вона царівні чарку; та зприула да такъ объ полі и вдарилаєь. Заразъ веліла ёго служѣбкамъ узять и вєстї у будїнокъ. Увели ёго въ будїнокъ, а царівна Дружнївна брала ёго за білі рѹки, сажала и цілувала въ уста. Батько и мати во-зрѣдовались, що вінъ прийшовъ, хоть каліка; бо вінъ сїльній, могучій багатірь, охранїтель. Ну, теперъ ужѣ зробїли собі заручини и весїлля одгуляли, дармо що вінъ каліка. Живуть и хлѣбъ жують, поєголѣмъ добрѣ вѣзять и діти мішкѣмъ поєсять. Поїхали въ лїсь, вірубали на ківшъ и одтяли на корєць, отъ и кѣзці ко-нець. А якъ-бі вони зробїли ківшъ, то щѣ бъ кѣзки булѣ бїльшъ.

Занєсавъ сказку (продолжалъ г. Жемчужниковъ), я спросилъ у *дїда*: гдѣ же матъ этого ребенка, котораго онъ качаєть:

»Ать, хѣдть по селу. Дѣма сїдїть не любїть. Якъ заставла страву въ пїчъ, то хїбѣ въ обїдню годїну вѣрнетця.

»Се твоя дочка?«

»Да дочка жъ.«

»А чоловікъ єї дѣ?«

»Ать!... чортъ знає де!«

Дїдъ єь неудовольствїємъ кивнулъ головою. Я перемѣнилъ разговоръ.

»Якъ тебѣ, діду, зовуть?«

»По отѣчеству я прозиваюсь Левченко, а на имя Онопрій.«

»Ну, спасібі жъ тобі за казку; пійдү теперъ я обідать.«

»А хибá її вѣ ще не обідали?«

»Ні.«

»Отъ бачъ! такъ якъ п я. 'Инколи передъ вѣчоромъ попоісі, ждучі тії гүльвіси.«

»А пообідавши я зновъ до тебѣ прийдү.«

»Да її прихóдьте жъ. Ми дóброго чоловіка не цураємось.«

Когда я послѣ обѣда шель опять къ діду, уже вечерѣло. Небо было свѣтло и окрасилось желтовато-краснымъ цвѣтомъ. Картина была вполне зимняя и великолѣпная. Прихожу и въ сѣняхъ еще слышу оханье и тяжелые вздохи. Дідъ по-прежнему сидѣлъ на печи, по-прежнему колыхалъ внучка, который какъ-будто на то и существовалъ, чтобы спать въ своей оборванной люлькѣ. Посмотрѣлъ я на діда: глаза у него выпучились; онъ тяжело дышалъ и на мое привѣтствіе кивнулъ мнѣ только головою. Однакъ замѣтилъ, что мой тулупъ былъ весь въ снѣгу и спросилъ прерывистымъ голосомъ: Хибá якъ на двóрі хуртовіна?«

»Ні, діду«, отвѣчалъ я; »се, якъ я одчинявъ двѣри, такъ замазавъ собі плѣчи въ снѣгъ. А щó се ти, діду, такъ вáжко дішешъ? нездүжаешъ, чи щó?«

»Я, добродію, бұвъ колись крѣмень, а теперъ п гүбки не стою... Слава Бóгу, добродію... óтъ провлятній кáшель!... дожпваю трѣте поколінне... (и закашлялся). Я й бáбці служівъ, п мáтері пáновіи служівъ... кахі! кахі?... а теперъ п імъ довелось... бгу! бгу!... служити. Я усюди бұвавъ, усюди менѣ посылано. Я и у Ніженці (1) бұвъ, и у Пóльци бұвъ, и у Кременчуці бұвъ...«

Я зналъ, что онъ исправлялъ прежде должность прикащика и — надо прибавить — пользовался господскою довѣренностью

---

(1) Въ Пѣжинѣ.

не совсѣмъ честно : но объ этомъ онъ умалчиваль и, къ чести его сказать, не обвиняль господъ ни въ чемъ, какъ обыкновенно водится у сверженныхъ за злоупотребленія прикащиковъ. Жаль мнѣ однакожь было смотрѣть на его безпомощную старость, на которую онъ вовсе не разсчитываль, округляя свои доходы. Но это дѣло постороннее моему разсказу.

Дідь снова началъ охать и тяжело стонать. Глаза его налились кровью. У него было удушье.

Внучекъ впервые при мнѣ повернулся въ люлькѣ и пробормоталь сквозь зубы : »Чи мати прийшла?... дідусь... дідусь!«

Дідь началъ колыхать его усердиѣе прежняго и сказалъ только : »Спи жъ, спи!«

Ребенокъ снова заснулъ, а дідь кряхтѣль потихоньку на печи. Я ожидаль минутъ пять, пока онъ заговоритъ со мною. Но онъ молчалъ.

»Діду!« сказалъ я наконецъ, »чи не прийтіи мині дрѹгимъ разомъ, дѹчимъ часомъ? Тобі теперъ не въ могуту розказувать.«

»Тó-то и є, добродію. А тутъ заразь и тѣмно бѹде.«

Да по томѹ ще не бідá.«

»Хибá въ васъ свѣтло є?«

»Е.«

Дідь молчалъ.

»Такъ ти діду нездѹжаєшь теперъ розказувать?»

»Чомѹ?« отвѣчаль дідь съ нѣкоторымъ удивленіємъ. »Чомѹ не розказувать? абі слѹхали.«

Видно, ему сдѣлалось легче, и онъ позабыль о томъ, какъ онъ себя чувствовалъ, назадъ минуту. Я зажегъ принесенную съ собою свѣчку, и онъ началъ новую сказку, возвысивши голосъ, такъ какъ-будто я былъ глухъ, или какъ-будто онъ обращался къ многолюдному собранію.

СКАЗКА ОБЪ ИВАНѢ ГОЛИКѢ И ЕГО БРАТѢ.

Десь-недєсь въ тридєсятѹ царствѣ, въ и́ншѹмѹ госудáрствѣ живѣ царь зъ царіцею, чи князь изъ бнягíнею и булѹ въ ихъ два

сний. Отъ князь и каже своїмъ синамъ; що «ходімо зо мною до моря, послухаємъ, якъ морські люде пісні співатимуть.» Отъ вони и пішли. Ідуть гаємъ. Князь и захотівъ вівідать у своїхъ свнівъ правди: котрій зъ нихъ на одшибі буде, а котрій на ёго царстві хозяйіствоватиме. Ідуть гаємъ, коли жъ стоить три дуби у-вуні. Князь глянувъ да її питає свого старшого сина: Сіну мій любий, що бъ изъ сіхъ трохъ дубівъ було?»

«А що жъ», каже, «батьюшко? була бъ изъ їхъ добра комора; а якъ-бі попилять, то гарні дошки були бъ.»

«Ну», каже, «сінку, ти будешъ хорощий хазяїнъ.»

Тоді питає її меншого: «Ну, а ти, сінку, що бъ изъ сіхъ дубівъ зробіть?»

Вінъ и каже: «Батько мій любий! коли бъ мні була воля да сіла, я бъ третєго дуба зрубавъ да переложивъ на тії два, да скілько є князівъ и панівъ, я бъ їхъ усіхъ вівішавъ.»

Князь почухавъ голову и замовкъ.

Отъ прийшли до моря, стали усі глядїть, якъ рїба грає; а князь узївъ да меншого сина її пхнївъ у море: «Пропадай же», каже, «лїчче самъ, ледящю!»

Тїлько що батько сина у море пхнївъ, ёго кптъ-рїба заразъ и вхопила. Вінъ у її и ходить. Давай та рїба хватать вози зъ волами и кіньми. Ходить вінъ у рїбі, перещїкує, що есть у возахъ, тїмъ и харчуетця; да ябось и знайшовъ у одному вазі люльку, тютюнъ и кресало. Узївъ, у люльку тютюну наклавъ, вїкресавъ огню и давай бурить. Одну люльку вїкуривъ; наклавъ другу, вїкуривъ; наклавъ и третю, вїкуривъ. Отъ та рїба одъ дїму и впилась, приплила до бєрега и заснула. А по бєрезі ходїли охотники. Ходїли охотники, а одїнь побачивъ да її каже. «Отъ же, братця, по гаяхъ скілько ходїли, да нічого не знайшли. Чи ви бачите, онъ, яка рїба коло бєрега лежить? Давайте єї стрелять!»

Отъ стреляли єї, стреляли; потїмъ познаходили тупорі и давай єї рубать. Рубали, рубали, коли жъ чують — кричїть у її у середїні: «Її, братця! рубайте рїбу, да не зарубайте Христїанської крові.»

Вони зъ ляку якъ зінутця! и повтікали. Отъ вінъ у дірку вилізъ, що охотники прорубали, ввійшовъ на берегъ да її сидить. Сидить собі голій — бо на ёму що було убрання, погнило уже: може, вінъ цілий годъ бувъ у рібі — и думає собі: »Якъ мни теперъ у світі жить?«

А той старший братъ зробивъ уже самъ великимъ паномъ. Батьго вмёръ, тагъ вінъ и зоставъ хазяїномъ на всій дѣржаві. Не казавъ би то и поміжъ нашимъ братамъ, якъ умрѣ хто, збираютьця люде да її судятця: такъ и поміжъ князямъ. Позбиралисе судді, сенаторі, присудили ёму женитьця, тому молодому князеві, и іде вінъ шукать собі дрѹжби, а за імъ великий поїздъ. Іде, коли жъ сидить голій чоловікъ. Отъ и посилає вінъ слугу: »Пійди спитаї, що то за чоловікъ?«

Той приходить: »Здоровъ!«

»Здрастуй!«

»Що«, каже, »ти таке?«

»Я«, каже, »Іванъ Голікъ. А ви хто такіі?«

»Ми зъ такої й такої землі, ідемо шукати своєму князеві дрѹжби.«

»Пійди жъ ти своєму князеві скажи, що іде вінъ свѣтатця, да безъ менѣ не посвѣтаетця.«

Той вернувся до князя — такъ и такъ. Князь приказавъ сразу слугамъ одікнути чпмайданъ, ввійнять ёму сорочку, понтолони, увесь струментъ. Той у воду вскочивъ, обполоскався, убравъ. Привели ёго до князя; вінъ и речѣ князеві: »Ужѣ жъ коли менѣ взяли зъ собою, такъ усі менѣ й слѹхайте. Будете слѹхати, то будемъ на Русі, а не будете — пропадемъ всі.«

Князь сказавъ, що »дѣбре«, и звелівъ усімъ ёго слѹхати.

Ідуть собі, коли сѣ — мішачѣ військо. Князь хотівъ такъ по мішамъ и йти; а Іванъ Голікъ: »Ні«, каже, »підождіть, дайте мішамъ дорѣгу, щобъ не заняли ні одніи міши й шерстіною.«

Тутъ усі на бікъ извернули. Задня міша обернулася да й каже: »Ну, спасибі тобі, Іване Голіку, не давъ ти моєму війську пропастц, не дамъ я й твоєму.«

Ідуть даліше, коли сє — іде комаръ изъ своїмъ військомъ, що не можна її очіма глянуть. Налітає комарський девизєнний генераль: »Әй Іванє Гольку, дай моєму війську, крові напїтьця! Якъ дасї, то ми тобі у великій пригодї станемо; а не дасї, такъ не бѹдешъ на Русї.«

Вїнь заразъ сорочку зъ себе спустивъ п велївъ себе звязать, щобъ не вбитъ ці одного комаря. Комарї нассались п полетїли.

Ідуть по-надъ бєрегомъ, коли чоловікъ пїймавъ двї щѹки въ морї. Іванъ Голькъ п каже князєві: »Купїмъ отї двї щѹки въ чоловіка да пѹстимъ у морє назадъ.«

»На що?«

»Не питаї, на що, а купїмъ.«

Купїли тїї щѹки п назадъ у морє пустили. Вони обернѹлись п кажутъ: »Спасїбі тобі, Іванє Гольку, що не давъ намъ пропасти. Ми тобі у великій пригодї станемо.«

П не такъ-то хѹтко дїетця, якъ швидко въ бязці кажетця. Ідуть вони тамъ, мѹже, тїждень, чи щѹ; приїжджають на їншу зємлю, на тридєсїте царство, въ їнше государство. А въ томѹ царствї царювавъ змїї. Будїнки видно великі, а двїрь кругѹмъ обставленїї залїзнимп палямп, п на кѹнїїї палї усє понастрѹмлюванї рязного війська голѹп, а коло самїхъ ворїтъ на дванадцятп паляхъ немá голївъ. Стали вони дохѹдїть, стала князєві тѹга до сєрця приступать, п речє князь: »А на сїхъ паляхъ, Іванє Гольку, чи не доведєтця наші голови настрѹмлювать!« ...

Дїдъ началъ вечернюю свою сказку очень храбро, вскрикивая сь какимъ-то свирѹпымъ вираженїємъ на такїхъ мѣстахъ, какъ »налітає комарський девизєнний генераль«; но удушє часто заставляло его прерывать своїй разсказъ, п наконецъ онъ выбїлся пзъ силъ. »Нї, вже сєгѹднї не доважѹ!« сказаль онъ наконецъ. »Нехайї завтра.«

Я собрался пдти домой п только теперь разсмотрѹль дїдову дочъ, которая вошла потихоньку въ хату въ то время, когда дїдъ былъ въ полномъ разгарѹ своего сказочнаго жару п, бросая во

всѣ стороны страшные взгляды, какъ-будто говорилъ, чтобъ ему не мѣшали. Это была молодая, очень красивая, но весьма убого одѣтая женщина, съ быстрыми черными глазами, которые не смущались, встрѣчаясь съ моими, какъ у другихъ Малороссійскихъ поселянокъ. Она молча грѣлась около печи и теперь заговорила со мною.

»Хибá жъ ви не боїтєсь самі йти у-ночі?«

»Ні, не боюсь.«

»Тёмно; собáки.«

»Вайдужє мині!«

И я вышелъ. А на дворѣ была уже ночь. На западѣ едва замѣтенъ былъ вечерній отсвѣтъ солнца. Молодой мѣсяць стоялъ высоко на небѣ. Небо было чисто; но землю покрывалъ густой мракъ. Только въ хатахъ сіяли огоньки. Кой-гдѣ уже собрались на вечерницы. Слышны были вдали пѣсни и говоръ, особенно, когда кто отворялъ дверь въ хату.

Утромъ 2-го декабря я опять отправился къ дѣду. Онъ уже не былъ такъ страшенъ, какъ наканунѣ вечеромъ.

»Щò, дѣду, дòбре спавъ?«

»Якій мій сонъ! Бáчте, якъ є — на колінахъ; дакъ колі трóхи задрімаю оттáкъ, то й дòбре.«

Дѣдъ почти не слѣзаетъ съ печи и все его развлеченіе состоитъ въ томъ, что онъ угачиваетъ своего внучка и ухаживаетъ за нимъ, какъ нянька. Такъ проходитъ у него вся зима. Лѣтомъ его всякой разъ зовутъ въ ту хату, въ которой случится покойникъ. Надъ покойникомъ обыкновенно сидятъ всю ночь и стараются всѣми мѣрами не уснуть. Для этого сходятся въ хату сосѣди, и дѣдъ нашъ всю ночь баеетъ имъ сказки. Я распрашивалъ у него объ этихъ ночныхъ бдѣніяхъ. Они не имѣютъ въ себѣ ничего мрачнаго и унылаго. Покойникъ лежитъ на столѣ, а народъ, набившись въ хату, попиваетъ водочку, закусываетъ и болтаетъ всякую всячину. Когда пестошата толки о повседневныхъ случаяхъ сельской жизни, о смѣшныхъ, ужасныхъ, или соблазнительныхъ приключеніяхъ, о панахъ, о вѣдьмахъ, о становомъ,

о чортѣ, о Япцахъ и Цыганахъ, — бодрствующее надъ покойникомъ общество обращается къ дѣду; дѣдъ грозно требуетъ, чтобъ ему никто не перебивалъ, и уноситъ воображеніе слушателей въ сказочный міръ, захватывая туда и ихъ обычаи, ихъ хаты и хозяйство, ихъ чумацкіи и земледѣльческіи бытъ. Иногда дѣдъ заѣдетъ съ своими слушателями и въ Великорусскую сказку, къ Бовѣ Королевичу, но, благодаря родной обстановкѣ, они и тамъ чувствуютъ себя какъ дома; таютъ Московскіе снѣга отъ ихъ переселенія, и Южно-Русская рѣчь звучитъ во дворцѣ королевы Дружневны, какъ будто посреди чумацкаго табора... Дѣдъ съ удовольствіемъ разсказывалъ мнѣ о посидѣлкахъ надъ покойникомъ; но потомъ призадумался и сказалъ:

»Иноді я лежѹ самъ собі въ хаті да її гадаю: що чи нема́ у томѹ грѣха, що я оце казкі розказую? Усячнину приходитця перебирать у казці, — на те вже вопа́ казка. Такъ мнѣ отъ и тепѣрь прийшло на дѹмку, що, може, я грѣшѹ передъ Бѳгомъ милосѣрднимъ, що такі рѣчи кажѹ. Мнѣ треба бѣ уже тѣлько Бѳгу молітьця, а не такѣ розказувать.«

Я началъ убѣждать его, что въ этомъ ничего дурного нѣтъ, а въ самомъ дѣлѣ я чувствовалъ, что дѣдъ былъ правъ!

Онъ однакожь успокоился моими увѣреніями и заговорилъ веселѣе:

»Разъ я хожѹ коло хлѣба сторожемъ у-ночі, ажъ идѹть згѳнщнки, табѹнщнки. Огонь на полі запалили: сидѣть: и я до ихъ прийшовъ да її балабаемъ. Посидѣвъ да її идѹ до хлѣба, а вони кажуть: »Повечѣраіи, дѣду, зъ нами.« — »Добре.« Гріємось собі коло огню. А вони: »Ти, може, казѳкъ знаєшь? а ми любимъ дѹже казкі. Коли бѣ ти дѣду сказавъ намъ казку, ми бѣ залюбки послѣхали.« — »Знаю« кажѹ, »трѳхи« да її почавъ імъ казѣть, и казавъ усю нічь — ніхтѳ и не спавъ. Такъ вони мнѣ іі грѳшей дали...«

Я принялъ къ свѣдѣнію этотъ намекъ и напомнилъ дѣду, что пора продолжать вчерашнюю сказку. Дѣдъ возвысилъ голосъ и началъ:

... »А на сіхъ паляхъ, Іване Гóлику, чи не стриміть«, ка́же, »нашимъ голова́мъ!«

»Побáчимо!« ка́же.

Прі́хали туди, коли жъ змій зустрівъ їхъ, náче й добрий; прі́нявъ за гостей; звелівъ увесь по́їздъ нагодува́ть, а кня́зя узявъ изъ собою и повівъ у будіно́гъ. Ну, тамъ собі пьють-гуляють, хоро́ші мислі ма́ють. И въ тогó змیا двана́дцять дочокъ, якъ одна. И вівівъ їхъ змій до кня́зя и росказа́въ, котóра старша, а котóра підстарша, и до послідней. Такъ самá мѣнша б́льше всѣхъ кня́зеві підъ нарову́ пішла. Гуляли вони до вѣчора. У-вѣчері дава́и проща́тьця, йти спáть. Отъ змій кня́зеві й ка́же: »Ну, котóра дочка́ кра́ща?«

Кня́зь и ка́же: »Мѣнша ми́ні найкра́ща; мѣншу б́ду свáтать.«

Змій ка́же: »Дóбре, т́лько я дочкы́ не одáмъ, по́ки не зрóбишь усѣго тогò, щò я тоб́і б́ду прика́зувать. Порóбишь усѣ, такъ одáмъ за тебѣ дочкú; а не порóбишь, такъ загубишь сво́ю гòлову, и по́їздъ тв́й тутъ увесь поля́же.«

И прика́зуе ёму́: »У менé есть на гумні́ тр́ста скирдъ уся́кого хл́ба. Щòбъ вінъ до св́та бувъ увесь перемолòчений и щòбъ бу́ло такъ: солóма къ солóмі, полóва къ полóві, зерно́ къ зерну́.«

Отъ кня́зь идѣ до свогò по́їзду ночувáть да й пла́че. А Іванъ Гóликъ побáчивъ, щò вінъ пла́че, да и пита́: »Чогò ти, кня́зю, пла́чешъ!«

»Якъ же ми́ні не пла́вать? оттѣ и тѣ загада́въ ми́ні змій.«

»Не пла́чь«, ка́же, »кня́зю, ляга́й спáть; до св́ту все́ б́де зрòблене.«

Якъ вийде Іванъ Гóликъ на двіръ, якъ св́сне на мишòй! де ті мш́и понабира́лись и ка́жуть: »На щò ти насъ, Іване Гóлику, клі́чешъ?«

»Якъ ми́ні не клі́кать васъ? Загада́въ змій, щòбъ усѣ ски́рти, щò въ ёгò на гумні́, до св́ту перемолотіть и щòбъ солóма къ солóмі, полóва къ полóві, зерно́ къ зерну́ бу́ло.«

Якъ заляццять тії міши, якъ шатнѹлись на гумно! зобралось їх стілько, що й ступити нігде. Якъ узялі робити — щцѣ й на свѣтъ не поблагословилося, а вони вже й кѡнчили. Пішли, Івана Гѡлика збуділи. Той прийшовъ — скірти якъ стояли, такъ и стоять; полова особо лежить, а зерно то-жъ особо. Іванъ Гѡликъ и прѡсить їх, щобъ подивілись, чи нема щцѣ въ якому колоску зерна. Вони якъ шатнѹлись, такъ ні однієї міши и не побачишь у солѡмі. Повилазили й кажутъ: »Ні, нема нігдѣ; не бійсь, ніхто не знайде ні зерини. Ну, тепѣрь же ми тобі, Іване Гѡлику, одслужили. Прощай!«

Вінъ ставъ и стережѣ, щобъ щцѣ хто й кабіжѹ не паробівъ. Коли сѣ — князь цѣ шукать ёго. Найшовъ; дивѹетця, що такъ изрѡблено усѣ, якъ зміи казавъ; дякуе Івану Гѡлику и пішовъ до змія. И приходять у-двохъ изъ зміемъ. И дивѹетця самъ зміи. И покликавъ дѡчокъ, щобъ пошукали у солѡмі зерна и чи не одірваний де колосѡкъ. Отъ дѡчки шукали-шукали — нема. И рече зміи: »Ну дѡбре, ходімъ; до вѣчора бѹдемъ пить и гулять, а въ вѣчері уяць роботу загадаю на зѡвтра.«

Отъ догуляли до вѣчора; вінъ и загадуе: »Сѣгѡдни въ-ранці мѣнша дѡчка моя у морі гуналась...«

Но тутъ ребенокъ проснулся и началъ плакать. Видно, ему было холодно. Дѣдъ приказалъ дочери, которая всё только грѣлась у печи, укрыть его теплѣе и опять принялся колыхать люльку. Ребенокъ успокоился и уснул. Онъ чувствовалъ, что сонъ — лучшее благо въ его насмурно начпнающейей жизни.

»Да, у васъ сѣгѡдни хѡлодно!« сказалъ я, ходя по хатѣ.

»А на що жъ ви свіснули кожѹхъ?« отвѣчала дѣдова дѡчь.

Котенокъ жался очень печально около теплої зѡлы на пріпечкѣ.

»Якѣ въ васъ кошени худѣ!« сказалъ я.

»А чѡгѡ ёму быть гладѡку, коли у насъ у саміхъ нічого їсти?« сказала молодица.

Дідь молча ворочался на печи и потомъ обратился ко мнѣ:
»Ну, якé ви мнѣ дасть награждѣнне, добродію?«

»А якé жъ! грóшей дамъ.«

»Отъ за те скажү спасебі!... грóшей... я бѣду дякувать за се... Мнѣ отъ що трéба: коли бъ ви дали мнѣ грóшей на хату, я бъ вамъ дякувавъ да и на тѣмъ бш свѣті молився Бóгу, щобъ не оставивъ васъ.«

»А багáто трéба на хату?« спросилъ я.

»Чотіри дóшки!« отвѣчалъ дідь, а его дочь прибавила: »Се вони говорять на трунѣ, значить.«

»Хвóа жъ у васъ немае грóшей и на трунѣ?«

»Немае, па́пе!«

Я молчалъ. Дідь то-же молчалъ.

»Ми сёгóдні вітопили для васъ дóбре«, начала опять молодпца: »атó, бáчте, ажъ черезъ два дні вари́ли. Имó самій хлѣбъ; немае й со́ли; нічого й вари́ть; а купи́ть ні за що.«

Я всё молчу. Дідь потихоньку вздыхаетъ на печи.

»Нічъ не спишъ«, продолжала молодпца, »а тутъ инцѣ й вонó малé нездѣжае, да такъ, що не дасть и одпочіть. Колибъ хоть бáтько...«

»А бáтько жъ дѣ?«

»У москалі оддали.«

»Якъ заробивъ, такъ нехай и одвѣчá«, сказалъ вздохнувши дідь. »Я ёму говоривъ: *Не руйиъ чужóго!*... Отъ теперъ черезъ ёго да й ми опобивáемось.«

И опять замолчалъ вздохнувши. Теперь я понялъ всю исторію семейства, въ которомъ отъ бѣдности рождалось безпутство, а отъ безпутства бѣдность. И надобно сказать, что такихъ семействъ слишкомъ, слишкомъ много встрѣчалъ я въ такъ называемой *блаженной* Малороссіи!

Дідь, какъ видно, въ старости покаялся и старался быть правственнымъ, какъ только его научили въ молодости.

»Сёгóдні святá пятниця«, сказалъ онъ, »а я вірую въ Бóга милосёрдного (тутъ онъ началъ смотрѣть на образа и крестить-

ся), пість держу, по́стую. Сё́годні до самісінького вѣчора нічо́го не їмъ.»

»Діду!« сказали я, »скоро порá мині пті обіда́ть; такъ коли́бъ ти вже конча́въ ка́зку!«

»Эгè, добродію! не скóнчимо до обідь!«

»А ти жъ учóра думавъ за вѣчиръ скóнчить!«

»Думавъ, а мóже й ні. У менé такі казкі є, що одні́ за нічъ не переслу́хаешъ.»

»А все такі кажі́; я б́уду писа́ть.»

»Да й пишіть же... Щó бакъ ми тамъ казали?... Эгè, эгè? зна́ю.»

ПРОДОЛЖЕНІЕ.

...»Сё́годні вь-ранці мѣнша дочка́ моя́ у мóрі купала́сь и впу-стїла пѣрстень у во́ду; шукала́-шукала́ — не знайшла́. Якъ знай-дешъ за́втра да принесешъ, по́ки сїда́ть обіда́ть, такъ б́удешъ живъ, а не знайде́шь, такъ тутъ вамъ и кап'у́ть.»

Князь іде́ до своїхъ да й пла́че. Іва́нь Го́ликъ побачивъ ёго́ да й пита́е: »А чо́го, князю, плачешъ?«

»Оттака́ й така́«, ка́же, »напа́сть.»

Іва́нь Го́ликъ и гово́рить: »Брѣше змїй: вінъ са́мъ у дочкї́ пѣрстень узя́въ и сё́годні ра́но по-надъ мóремъ літа́въ и пѣрстень укїну́въ. Ляга́й спа́ть. Я за́втра пі́йдú до мóря, чи не доста́ну.»

Наза́втра вь-ранці прихóдить Іва́нь Го́ликъ до мóря, якъ кри́к-не багати́рськимъ го́лосомъ, молодѣцькимъ по́свистомъ, да́къ та́къ усé мóре й забушова́ло. Тї́ дві щу́ки припли́ли до бе́рега, що вінъ укїну́въ, и ка́жуть: »На́ що ти насъ, Іва́не Го́лику, клі-чешъ?«

»Якъ ми́ні васъ не кліка́ть? Змї́й сё́годні ра́но по-надъ мóремъ літа́въ и вкїну́въ пѣрстень. Шука́йте всю́ди. Якъ знайде́те, такъ б́уду я живъ; а не знайде́те, такъ змї́й изгуби́ть менé зъ світу.»

Вони́ й попли́ли и дè вже не ви́плавали по́ морю, дè вже не шука́ли? нема́! Попли́ли до сво́єї ма́тері и ка́жуть, що оттаке́ и

такè гóре. Мати її ка́же імь: »Пéрстень той у менè. Жаль мнi ёго, а вась щè жальнiйше.« Да її вигинула зь себе пéрстень. Вони приплили до Пв́ана Гóлика и ка́жуть: »Отъ же тоби її наша оделуга. Насiлу знайшли.«

Пв́анъ Гóликъ тимъ двомъ щу́камъ подякувавъ и пішовъ. Приходить, ажъ князь изновъ плаче, бо змii ажъ двiйчи приславъ за нимъ, а пéреня нема. Якъ побачивъ Пв́ана Гóлика, дакъ такъ и підєкочивъ: »Ащò, пéрстень є?»

»Есть«, ка́же. »Отъ же змii и самъ идé.«

»Нехай теперъ идé!«

Змii на поригъ, а князь и собі, и вдáрились лобами. Змii сердитий. »А щò, пéрстень є?»

»Отъ вінъ! тiлько не оддамъ тоби, а оддамъ томú, у когò ти взявъ.«

Змii осмихну́всь и ка́же: »Дóбре! ходимъ же обiдать, бо вь менé есть гòсті и давнò тебе дожидáемось.«

Пшли. Князь уходить у будiнокъ, коли змiiвъ сидiть одинадцать. Вінъ давай изъ шми здоровгатьця. Тодi підiйшовъ до дочокъ, винявъ пéрстень и ка́же: »Котóроi пéрстень?»

Менша покрасiла її ка́же: »Мii.«

»Колi твоiй, такъ возьми, бо я все мòре вiбродивъ, ёго шукаючи.«

Всi засмiялись, а менша подякувала.

И пшли усi обiдать. За обiдомъ, при гостяхъ, змii и ка́же: »Ну, князь, пообiдавши спочинемъ, а тодi приходъ. У менé есть лукъ у сто пудъ. Якъ вiстрелишь при всiхъ оцiхъ гостяхъ, такъ оддамъ дочкú.«

Пообiдавши пшли усi оддыхáть; а князь скорiй до Пв́ана Гóлика и говорить ёму: »Оттеперъ пропáли: така її така рiчъ!«

»Дурнiця!« ка́же Пв́анъ Гóликъ. »Якъ принесúть тоiй лукъ, такъ ти подвiсь на ёго и скажи змii, що »я сiмъ лúкомъ не хочóу срамiтьця и що вь менé всякий слуга изъ ёго вiстрелишь!«

да звелі менé поклігати. Я вістрелю такъ, що вже більшь нікому не загадають стрелять.»

Князь, поговорівши зъ нимъ, пішовъ до змія. У будінкахъ изъ дочками її гуляе. Коли сè — нескóро змії виходить изъ гостьмі, и за нимъ несуть лукъ и стрілу у пятьдесятъ пудъ. Князь, якъ глянувъ, изъ разу злягався. Вінесли той лукъ на двіръ, и всі повиходили. Князь кругомъ луба обійшовъ да її каже: »Я сімъ лубкомъ не хочу її срамитьця, а позову кого-небудь изъ своїхъ слугъ, то ко́жний зъ ёго вістрелить.»

Тутъ змії одінь на одного зглянулись и кажутъ: »А ну, ну, нехай попрóбуе.»

Князь и закрячавъ: »Пошлить ми́ні Івана Гóлика!»

Той приходить. Князь и каже: »Візьмі оцєй лукъ да вістрели.»

Іванъ Гóликъ лукъ піднявъ, стрілу заложивъ; якъ вістреливъ, такъ шматокъ у двадцять пудъ и одломився одъ луба. Князь тоді сто́я її каже: »Отъ бачите? якъ-би́ оцє я вістреливъ, такъ ви бъ менé її остраміли.»

Іванъ Гóликъ тоді пішовъ до своїхъ, застромівши шматокъ луба за голянищю; а князь изъ зміївнами у будінокъ. Змії жъ зостались на дворі и все радились, щó бъ ёму щé загадять зробить. Порáдившись и пішли у будінокъ. Змії увійшовши щось шепчуть мєншій дочці на ўхо. Вона пішла, а вінъ за нею. Тамъ довго говоріли; потімъ виходять; змії и каже: »Сє́годні вже перано; нехайі́ завтра въ-ранці. У менé есть кінъ за дванадцятьма́ дверіма; то якъ поїздншь на ёму, такъ оддамъ дочку.»

Отъ погуляли до вєчора, поросхóдились спать; князь приходить и росказуе Гóлику. Той віслухавши її каже князєві: »А ти думаешъ, на що я взявъ той шматокъ луба? я вже знавъ, що се б́уде. Якъ же підведуть тобі коня, то ти подивись на ёго да її скажи: »Не хочу я на сєму коню їздить, щобъ не острамітьця такъ якъ лубкомъ, а нехайі́ поїде мій слуга.« А то не кінъ б́уде, а ёго мєнша дочка. Ти на єї и не сядешъ, а я єї дóбре провчу.»

Отъ устали въ-ранці. Приходить князь у будінокъ, поздо-

рówкався зо всіми, дівитця — одинадцятєро дóчокъ, а дваад-
пятої нема. Змії устáвъ и говорить : »Ну, князю, ходімо на двірть,
бо скóро віведуть коня; бóдезь двівитьця, якъ вестінуть.«

Повихóдпли усі, дівлятця, ажъ ведуть коня двóе зміївъ, и
то зъ великою сілою дєржать, — такъ їхъ обóхъ на голові її
пóсєть. Привелі передъ рундóкъ; князь обійшовъ кругóмъ, по-
дивівсь да її каже : »Щó жъ ви говоріли, що коня приведетє?
а тепєрь привелі кобиліцю. На сій кобиліці я їздить не хóчу,
щобъ не острамівтьця, такъ якъ учóра лóкомъ; а позвў свого слугу,
нехай вінъ поїде.«

Змії каже : »Дóбре! нехай поїде.«

Князь позвáвъ Івана Гóлка и приказує їмý : »Сідáй на сю
кобиліцю да прогуляйся.«

Іванъ Гóлкъ якъ сівъ; змії кобиліцю її пустили. Якъ понє-
слá жъ вона їго, то ажъ підъ хмáру; а відти спустилась и вдáри-
лась объ зємлю, такъ що ажъ земля застогнала. А Іванъ Гóлкъ
тоді якъ віньме зъ-за халяви двадцятипудóвнїй бусóкъ лóка и да-
вáйї єї чїстить. Вона схонїлась и понєслá їго всюдї, а вінъ єї
все бѣе проміжъ ўши. Отъ поєїла їго, поєїла, далі бачить, що
нічóго не зробить, давáйї просїтьця : »Іване Гóлку, не биї мє-
пє; загадуї мнї, що хóчєшь; усє для тебє зроблю.«

»Мнї«, каже, »нічóго робить не трєба, а тилько якъ приїду
я до князя, то щобъ ти колó їго впáла и нóги проєстягла.«

Вона думала-думала. »Ну, нічого«, каже, »сє тобóю робить.«

И понєслá їго по-надъ дєревомъ, колó князя спустилась, на
зємлю впáла и нóгї одкїдала.

Князь и говорить : »Бáчте, якїї сóромъ! А ви хотіли, щобъ
я на сій кобиліці їхавъ.«

Змію стїдно стáло передъ їмъ, да робить булó нічого. По-
ходїли пó саду и пішли обідать. Колї її мєнна дочкá їхъ зо-
стрїла, давáйї здорóвкатьця. Князь дівитця на єї, такъ тò хо-
рóша булá, а тепєрь ницє лóчча стáла. Посїдали обідать, змії
и каже : »Ну, князю, ужє жъ пієля обїдъ віведу я своїхъ дó-

чокъ на двірѣ. Якъ пізнаєшь, де мѣнша, такъ тоді и весілля будемо гулять.»

Після обідь змії повівъ своїхъ дочокъ одягати, а князь пішовъ до Івана Голуба на пораду, що йому робити.

»А отъ що«, каже. Заразъ заєвнетавъ — комаръ и прилетівъ. Вінъ йому розказавъ усю пригону. Комаръ и каже: »Ти намъ ставъ у пригону, и я тобі стапу. Якъ виведе змії їх на двірѣ, то нехай князь дивитця — я буду літати надъ еї головою. Нехай обійде їх кругомъ одинъ разъ — я буду літати, и другий разъ обійде — я літатиму, а третій разъ якъ буде обіходити, то я сяду у еї на носі и вона не втерпить мого кусання, махне правою рукою.«

Се сказавши, комаръ полетівъ у будинокъ. Коли присплавъ змії за княземъ. Князь приходить, коли тамъ стоять усі дванадцять дочокъ, и на їх усє однакове, якъ лице, якъ коси, якъ плаття. Вінъ на їх дививсь-дививсь — ніякъ не пізнає: зовсімъ не ті панночки стали, що були. Отъ вінъ у первий разъ обійшовъ — не побачивъ комара; другий разъ почавъ обіходить, коли сє — літа надъ головою. Вінъ уже її очей не спуска зъ того комара. Якъ почавъ третій разъ обіходить, той комаръ на носі у еї сівъ и давай кусати. Вона рукою махъ! а князь за еї: »Оце моя!« и привівъ еї до змія.

Змії — нікуди дитця: »Колі пізнавъ«, каже, »свою молоду, такъ сєгодні зачемо и весілля гулять.«

Почалося весілля. Повінчали їх у-вечері. Тутъ гуляли, пзъ пшонокъ стреляли и чоґо не робили? Уже отъ скоро спать весті. Тоді Іванъ Голубъ одозвавъ князя да и каже: »Ну, князю, гляді жъ, щобъ за́втра намъ и додому їхати, бо тутъ намъ добра не мислять. Да ще слухай: прошу я тебе, не доймай жінці віри до семі годъ; хоть якъ вона буде до тебе лєститця, а ти їй усї правди не кажи; а то якъ розкажешъ, то и ти, и я пропадемо.« . . .

Дідъ говоривъ въ этотъ разъ слишкомъ долго и съ большимъ увлечєніємъ. Я то-же усталъ псєать, да ужъ пора была и обѣ-

дать. Мы разетались до слѣдующаго утра, потому что вечеръ былъ опредѣленъ у меня для другаго дѣла.

Идучи къ дѣду утромъ по узкой тропинкѣ, между пушистыхъ рядовъ лицій, я встрѣтился съ человѣкомъ, который несъ деревянный крестъ, завернутый въ черную ризу. Я вообразилъ себѣ сцену убогихъ похоронъ на холодѣ. Грустно! зимою какъ-то особенно грустны похороны... Прихожу къ своему пріятелю, несльзающему съ печи: »Ну, щѣ, дѣду? якъ тобі? лѣгше?«

»Ужѣ мині, добродію, не полѣгшае, ні погіршае. А ви, спасібі Бѣгу, якъ спочивали?«

Во время нашего размѣна учтивостями, маленькой внучекъ, лежа подлѣ дѣда на печи, шалилъ и кликалъ безпрестанно: »Дѣду! дѣду!«

»Чого?.. Мовчі!« говорилъ съ нѣкоторымъ петерпѣніемъ дѣдъ. »Да сѣгодні, здаѣтця, и на двѣрѣ теплїйше, благодарїть ласки небѣсної. Я, добродію, казавъ дочці, щѣбъ дѣбре вітопила, щѣбъ, якъ панъ прїде, то щѣбъ тѣпло булѣ писать. И хлѣба напеклі сѣгодні.«

»Дѣду!« лепеталъ внучекъ, »о дѣду! дѣду! щѣ дѣдя?«

»Дѣдя?.. да цить!«

Угомонить однакожь ребенка было мудропо. Онъ чувствовалъ себя сегодня, какъ видно, лучше, или радовался, что дѣдъ взялъ его къ себѣ на печь, и потому безпрестанно проказничалъ и падобдалъ старнику. Не обращая на него вниманія, мы снова прииялись за сказку объ Иванѣ Гѣлигѣ.

ПРОДОЛЖЕНІЕ.

...»Не доймай!«, каже, »жїнци віри до семї гѣдъ; хѣть якъ вона бѣде до тебе лѣститця, а ти їй усїї правди не кажи; а якъ роскажешъ, то ї сѣмъ пропадешъ и я пропаду съ тобою.«

Той каже: »Дѣбре, не бѣду доймають жїнци віри.«

Отъ на другїй день поодїгались молодї и повихѣдили до змі-

івъ. Тутъ князь даваѣи просить бѣтька, щобъ їхать додому. Зміїи и каже: »Якъ можна такъ свѣро їхать!«

»Ужѣ жъ якъ собѣ хочете, а я поїду сѣгодня додому.«

Отъ пообѣдавши узали молодѣ, сіли ѣи поїхали. Ну, приїхали у своѣ царство. Тодѣ вже князь дякувавъ Ивану Голпну за все разомъ и настановивъ ѣго першимъ своѣмъ совѣтникомъ. Якъ Иванъ Голпкъ скаже, такъ по всѣму царству ѣи дѣтця. А царь сидѣть собѣ да ѣи гадки не маѣ ни про що.

Отъ живѣ молодѣи князь пзъ своѣю жѣнкою годъ и другѣи. На трѣтѣи годъ прижилѣ вони собѣ сѣна. Молодѣи князь утѣшаѣтця. Отъ одѣи разъ узавъ сѣна на рѣки да ѣи каже. »Що естѣ лѣчче на свѣтѣ, якъ мѣи оцѣ дѣтѣ?«

А княгѣи, бѣчивши, що князь такъ рознѣживсь, даваѣи ѣго цѣлуватѣ, да роснѣтуватѣ; згадавши, якъ винъ свѣтався, що якъ винъ усѣ еѣ бѣтька прикѣзи исполнявъ.

Князь и каже: »Неполнявъ би я ѣи досѣ твого бѣтька прикѣзи на залѣзѣи палѣ, якъ-би не Иванъ Голпкъ. Се винъ усѣ робивъ, а не я.«

Тутъ вона не показала вѣду, що розсѣрдилась и зѣразъ кудѣсь вѣишла.

А Иванъ Голпкъ сидѣть собѣ дома да ѣи про що ѣи не дбаѣ; колѣи ѣи летѣть до ѣго княгѣи. Зѣразъ вѣняла зѣ-пѣдъ полѣи рушникъ зѣ золотѣи кѣнцѣи да якъ махнѣ тимъ змѣивськимъ рушникомъ, такъ ѣго на-двое ѣи розрубала: ногѣи остѣлись тутъ, а тѣловище зѣ головою изнесло крѣшу вѣ будѣнку и впало за сѣмъ вѣреть одѣ будѣнка. Тодѣ упавши и каже: »Ахъ, ти проклятѣи сѣпъ! не надѣявсь я на тебе, щобъ ти признавсь! А щѣ просивъ, щобъ не доймавъ жѣнцѣи вѣри до семѣ годъ! Ну, тепѣрь пропавъ я, пропавъ и ти!«

Пѣднявъ голову и сидѣть у лѣсу. Колѣи сѣ — дѣвѣтця: женѣ безрѣвѣи чоловікъ зѣйця...

»А що, добродѣю?« вдругъ прервалъ свою сказку дѣдъ, »може бѣ погрѣтѣця трѣхи!«

»Якъ погрїтьця?«

»Бачте, сєгóдні святá субòта...«

»Дòбре, нехайї збїгає за горїлкою.«

Дїдова дочка не заставила просити себя обь этой услугѣ и въ одну минуту исчезла съ бутылкой подь мышкой.

»Охъ, коли-бъ то я бувъ письмєнний!« говоривъ дїдъ вздыхая. »А щò, пане? отъ ви письмєнні: чи ви можете такъ розказать на пам'ять?«

»Нї, не розказавъ би.«

»Эге!... Я, добродїю, двадцять-пять лїть проживъ на худобї. Тїлько гледїв да приказувавъ, тó-що. Такъ я булò щò ні почую, щò ні побачу, усє на пам'ять роблю. Э, тутъ булá колись *золóвущка!*« прибавивъ онъ, хлопнувъ себя ладонью по лбу.

»А щò, дїду? мòже, зновъ казавъ би казку?«

»Да її казавъ би, коли-бъ не оцє пискля! Бачъ, якъ за мáтїрю росплáкалось! наче паньска дитїна. Хтò съ тобою бúde тутъ нянчитьця?«

И дїдъ уложивъ внучка въ колыску и началъ его укачивать. Но ребенокъ продолжалъ свою докучливую пїсню.

»Цить же! цить! кажú«, говорилъ сердито дїдъ. »Онъ вòвгь идє! Вòвче, вòвче, идї зїжъ хлопця!«

Ребенокъ вдругъ замолчалъ, и въ хатѣ раздавался только скрипъ колыски да моего пера по бумагѣ.

»Ну, дїду!«

»Да її ну жъ! пишїть.«

ПРОДОЛЖЕНІЕ.

.... Женє безрúкий чоловікъ зайця. Отъ, отъ, тїлько що не наженє! и женє якъ разъ на Івана Гóлика. Той зáецъ добїгає — Іванъ Гóликъ и вхопивъ. Отъ и завелись бїтьця. Той каже: »Мїй зáецъ!« а той каже: »Мїй!« Бились-бились, такъ ні той томú, ні той томú нічого не зробить. Безрúкий и каже: Гóді намъ бїтьця, а вївернімъ дуба, и хто дальшь вїне, тогò бúde зáецъ.«

Безногий каже: »Добре!«

Отъ безрукий підкотівъ безногого до дуба; той вивернувъ п давъ безрукому. Безрукий лігъ да якъ кинувъ ногами, такъ за три версті дубъ упавъ. А безногий якъ кинувъ, такъ за сімь верстъ упавъ. Тоді безрукий и каже: »Бері заіця и будь миши старшимъ братомъ.«

Отъ побраталсь, зробили возокъ, причепили віровку и, якъ куді треба, то безрукий запряжетьця да безногого и везить. Отъ разъ и поїхали у якийсь городъ, де царь живе, до церкви, и поставивъ безрукий коло старцівъ безногого на возку. Стоять и дождіають. Коли сє — кажутъ, що царівна іде. Доїжджає до їх и каже своїи хрєлівни: »Подіи оцїмъ калїкамъ оці гроби.«

Вона хотїла виходитъ подати, а безногий и каже: Ягъ би то, ваше добродїїство, ви намъ своїми руками милостиню подалї.«

Отъ вона узяла у хрєлівни гроби и дає безногому. А вінъ єї и питає: »Скажіть миши«, каже, »чогó ви, не во гнівъ вамъ, на виду такі жóвті?«

Вона каже: »Такъ миши Богъ давъ!« да и здихнула.

»Нї«, каже, »я знаю, чогó ви такі жóвті. Я«, каже, »мógъ би зробити, щобъ ви були такі, якъ вамъ Богъ давъ.«

Колї на єю розмову надїжджає царь. Заразъ и вхопивсь за те слово. Отъ того безногого да безрукого изъ возкомъ у будїнокъ: »Робї, що знаєшъ!«

А вінъ каже: »Щò жъ, царю! нехай царівна признаетьця по правді, чогó вона така погана стала.«

Тоді батько до дочкї. Вона и призналась. »Такъ и такъ«, каже: »до мене літає зміи и зъ мене кровъ тягне изъ грудєї.«

Братї и питають: »А колї вінъ літає?«

»Саме перєдъ світомъ, якъ усі сторожі поснуть, такъ вінъ до мене черезъ кóминъ пвлєтїть. А якъ хто ввійде да не вєпє вїлетїть, то підъ подушками и лежить.«

»Постой же«, каже безногий, »ми вь сїнєчкахъ притаїмось, а ти, царівно, кахїкни, якъ вінъ прилетїть.«

Отъ притаїлсь вони вь сїнєчкахъ. Колї жъ, тїлько, що сторожъ переставъ стукать у стукачку, щось наче йскрами підъ стрї-

хою засвітіло. Царівна тоді *кахи!* Вони до еї; а зміяка її заховавсь підь подушкі. Оть царівна схопілась изь постелі, а безру́кий лігъ на землі да безно́гого її кінувъ ногами на подушкі. Безно́гий якъ піймавъ у ру́ки того змія, даваіи у-дво́хъ душіть. Той зміїи п прѣсѣнця: »Пустіть мене! не б́уду піволи літати п де-сятому закажу.«

Безно́гий п ка́же: »Ні, се́го ма́ло, а понеси насъ туди, де есть цілюща вода, щобъ у мене булі по́ги, а у брата ру́ки.«

Зміїи п ка́же: »Берітьца за мене, понесу́, тільки не мучте мене.«

Оть п вхопілись за ёго безру́кий ногами, а безно́гий руками. Той зміїи якъ полетівъ изь ними; прилітае до криниці п ка́же: »Оце цілюща вода!«

Безру́кий такъ п хотівъ туди вско́чить; а безно́гий кричіть на ёго: »Посто́й, б́рате. Ось подѣржъ ногами змія, а я встромлю въ криницю суху́ паличку; тоді побачимо, чи цілюща вода.«

Устромівъ, такъ по́ки було въ воді, по́ти її одгоріло. Якъ узялись же тоді за того змія! даваіи ёго душіть. Біли ёго, біли! Вінъ п даваіи просітьца, що »не бійте: тутъ е недалѣко п цілюща вода.« Повівъ до дру́гої криниці. Вони тамъ устромили суху́ паличку, такъ з́аразъ п росп́укуватьца ста́ла. Тоді безру́кий ускочивъ, п віскочивъ відти зъ руками. П безно́гий ускочивъ, п віскочивъ зъ ногами. Тоді змія пусти́ли п звелили, щобъ б́ільшь не літавъ до царівни; а саміи подякували оди́нь одному́ за те, що дру́жно жили, п роспро́щались.

Ива́нъ Го́ликъ пішовъ изно́въ до свого б́рата, до князя: що́ зъ нимъ зробила княгіня? Прихо́дить підь те ца́рство, коли ба́чить — недалѣко одъ до́роги пасе́ свина́ръ сви́ні; сви́ні пасе́; а самъ сидіть на моги́лі. Вінъ п подума́въ: »А пійд́у оттого́ свина́ря роспитаю, якъ тутъ у іхъ діетца?«

Прихо́дить до свина́ря, дивитця ёму́ въ вічи пізнае́ свого б́рата. А той дивитця, п пізна́въ Ива́на Го́лика. До́вго дивілись оди́нь одному́ въ вічи; ні той, ні дру́гий нічо́го не ка́жуть. Ива́нъ Го́ликъ опамятова́вся да її ка́же: »Се ти, князю, сви́ні пасе́шь!... П сто́ишь то-го!... А я жъ тобі ка́завъ, що не дойма́й жи́нци віри до семи́ годъ!«

Князь упавъ ёму въ ноги да й каже: »Івана Гóлику! прости мене и помилуй!«

Отъ Іванъ Гóликъ піднявъ ёго підъ руки да й каже: »Дóбре, що ти ще живий на світі остáвся. Тепéрь щé поцáрствуешь трóхи.«

Князь ставъ питáть ві Івана Гóлика, якъ вінъ добúвъ собі ноги, бо жінка ёму показувала, якъ перерубáла.

Отъ Іванъ Гóликъ тоді вже й признавъсь ёму, що вінъ ёго мéнший братъ и розказавъ ёму усю свою жизнь. Ну, обнялись, поцілувались. Князь тоді й каже: »Порá жъ, брáте, свíні гнать додóму, бо княгíня скóро ча́й пítиме.«

Іванъ Гóликъ и каже: »Такъ поженімъ же въ-дво́хъ.«

А князь каже: »Да тутъ, брáте, бідá! Оттá проклáта свпня, що передъ ведé, якъ тілько дійде до воріть, — на ворóтяхъ стáне, якъ укóпана, и ноги трічи . . . не поцілуешь, то не пі́де зъ мiсця.« . . .

Трогательное повѣствованіе діда прервано было возвращеніемъ его дочери съ горілкою.

»Отъ мині у шинку щáстя случíлось!« сказала она памъ.

»Якé?« спросилъ равнодушно дідъ.

»Якíньсá кúчеръ чорнявий даé мині бумáжку. . . .«

»Нá що? якú?«

»Хто ёго знаé, нá що! Да въ шинку бу́ло людéй багáто, такъ я не схотíла.«

Дідъ налилъ чарку: »Вамъ на здоровья! Спасíбі вамъ и Бóгу милосéрдному! Ха́й вамъ Богъ помагá! ха́й васъ Богъ не остáвить и пресвятá Богорóдица на томú світі!«

Тутъ ударили въ колоколь, и отъ церкви понесся глухой звонъ.

»Оттáкъ-то Марíнчина сестра!« сказала молодпца.

»А щó?« спросилъ дідъ.

»Умёрла!«

»Гóсподи спаси е́й!« сказаль дідъ и перекрестился, глядя на образа.

»Такъ принісели до Домáхи дитину; казали, щобъ годувала.«

»До якої се Домáхи?«

»А до Спдорéнкової. Трóе дітòкъ у мáтери на рука́хъ зоста́лось; мéншеньому вісімъ неді́ль. Не знають, куди ё́го й дивáть. А въ ту зи́му, ось якъ разъ рікъ, умéрла еї сестра́ Маринка.«

Дідъ посмотрѣлъ на дочь и припоминалъ, какая это Маринка. Колокола печально гудѣли.

»Да та, що жила недалéко одъ понá, що була у дворі... Ну, що у цѣркві печіста сїла ззіла!«

»Э, э, э!... знаю!«

»Ну, то-то жъ.«

»Якъ же се еї печіста сїла ззіла?« вмѣшалея я въ разговоръ.

»Да отъ бáчте, добродію«, отвѣчаль дідъ: »якъ положи́ли її въ домові́ну, да такъ гарнѣнько и одягли́; а управляющій, Німець, приішо́въ... бáчте, вінъ изъ нею живъ... да й ка́же: »На що еї одягли́ у мужи́цьке платте?« да й звелі́въ еї зно́ву роздягті́; и почали́ еї зно́въ одяга́ть уже́ въ те́е... у па́нське; да ніякъ не мо́жна: ру́ки якъ дѣрево; вже захо́лоли, якъ по́ліно. Такъ вони́ одѣжу поросні́бували да сякъ-такъ и одягли́. Однесли́ въ цѣркву и поста́вили. У-ра́нці приходáють у цѣркву лю́де, а въ еї нема́ ні но́са, ні губъ, и но́ги по́ли мѣши. Отъ лю́де и загомоні́ли на по́пá. А пі́нь и ка́же: »Я сѣму́ не причі́на, бо се і́й такъ »Богъ давъ за те́, що вона́ да изъ недо́віркомъ зна́лась.« Такъ отта́къ-то!... На чо́му жъ ми тамъ застрѣли?... Э́ге! пи́шіть.«

ПРОДОЛЖЕНІЕ.

....»Тутъ«, ка́же, »б́ра́те, бѣда́! Отта́ прокля́та свиня́, що пе́редъ веде́, якъ тѣ́лько дійде до ворі́тъ, — на ворóтяхъ ста́ла якъ угóпана, и по́би трі́чи .... не поці́луешъ, то не пі́йде зъ мѣ́ця. А княгі́ня изъ змі́ями ча́й на рунду́ці пѣе, на се дівитця и смі́ється.«

Ива́нь Го́лигъ и ка́же: »Такъ то́бі й трѣ́ба! Ну, вже жъ сѣ-го́дни ці́луй, а за́втра не б́удешъ.«

Пригна́ли сви́ні до воріть. Іва́нь Го́ликъ дивитця, ажъ та́къ: пше княгі́ня ча́й на рунду́ці и зъ не́ю сидіть шість зми́въ. Та прокля́та сви́ня на ворóтяхъ ста́ла, но́ги розста́вила и не і́де въ дві́рть. А княгі́ня дивитця да і́ ка́же: »Онъ, у́же мій дуре́нь сви́ні пригна́въ и бу́де сви́ню..... цілува́ть.«

То́й бі́дний пахили́вся, трі́чи поцілува́въ ....., то́ді сви́ня и пішла въ дві́рть ро́хкаючи. А княгі́ня ка́же: »Ось подиві́тця, пше́ десь и підпа́спча собі́ взя́въ.«

Отъ кня́зь зъ Ива́номъ Го́ликомъ сви́ні у хлі́въ загна́ли. То́ді І́ванъ Го́ликъ ка́же: »Ві́зьмі́ жъ, бра́те, у кльо́шника конопель двадцять пудъ и смо́лі двадцять пудъ да і́ принесешъ до ме́не въ садъ.«

А кня́зь ка́же: »Та́къ не донесу́.«

А І́ванъ Го́ликъ: »Да і́ди просі́; мо́же, ще і́ не да́сть.«

Отъ кня́зь пішо́въ до кльо́шника, ста́въ просі́ть. То́й до́вго на ёго́ диві́вся, а да́лі і́ ка́же: »Да робі́ть нічо́го зъ ва́ми, тре́ба да́ть.«

Одима́ну́въ ви́нба́ръ. Ива́нь Го́ликъ одва́живъ двадцять пудо́въ конопель и двадцять пудо́въ смо́лі, въ одну́ ру́ку взя́въ коно́плі, а въ дру́гу смо́лу и пішли́. А кльо́шнику сказа́ли, щобъ ні́кому не ка́завъ.

Якъ узя́въ Ива́нь Го́ликъ плесті́ пугу́: оди́нъ пудъ ви́плете конопель, а пудо́мъ смо́лі усмо́літь, и ви́плі́въ до пів-но́чи у со́рокъ пудъ пугу́. То́ді і́ лігъ спатъ. А кня́зь да́вно вже спить на со́ломі, ко́ло хлі́ва.

У-ра́нці́ ра́но повста́вали и дава́й ёму́ Ива́нь Го́ликъ ка́зати: »Ну, до се́годняшнёго́ дня бу́въ ти свинаре́мъ, а се́годні́ ти бу́дешъ изно́въ кня́земъ. А ході́мъ пожене́мо сви́ні въ по́ле.«

Кня́зь: »Ні, ще, ма́бутъ, княгі́ня не ви́йшла на рунду́къ ча́ю питъ; а ми́ні́ тре́ба гнати́ то́ді, якъ ви́йде на рунду́къ да се́де изъ змі́ями ча́й питъ, щобъ вона́ ба́чила, якъ я бу́ду сви́ню..... цілува́ть.«.....

Тутъ ді́дъ нача́въ ё́рзатися и кряхтѣ́ть на печі́. Я испугале́ся: не подѣ́йствовале́ ли на него́ вредно́ वो́дка. Мнѣ́ оче́нь хотѣ́лось

допсезать свазку, котарая видимо склонаясь къ концу. Но крях-тѣнье діда выражало только его нежеланіе слѣзать съ печи. Это былъ для него подвигъ слишкомъ трудный. Скоро однакожь онъ собрался съ силами, спустился съ печи, какъ-будто съ какого ужаснаго утеса, надѣлъ черевыки и вышелъ изъ хаты.

Дочь его угачивала ребенка, который стопаль въ колыскѣхъ всё тише и тише, пакоонецъ смолкнулъ.

»Чи въ дворі нема въ вась нігòго зь гостей?« спросила меня она.

»Ні, нема.«

»Мні якийсь кучерь, чи Богъ ёго зна, каже: »Щò ти за молодіца? де твій чоловікъ?« Хи, хп, хп! А я кажю: »Нема въ менé чоловіка: я москòвка.«

Прошло съ минуту молчанія.

»Дідь пішовъ люльгу тягнутъ«, продолжала она.

Я всё молчу.

Черезъ нѣсколько минутъ дідь воротился: »Отъ не багáто її доказать, да не довазавъ. Ну, ипшіть же; заразъ скòнчу.«

ПРОДОЛЖЕНІЕ.

»...щобъ вона«, каже, »бáчила, якъ я бóду свиню..... цілувать.«

Іванъ Гóликъ и каже ёму: »Ужé жъ, якъ бóдемъ гнать, то ти не цілуй, а поцілуй я.«

А князь каже: »Дóбре!«

Отъ приишла порá гнать. Княгиня вийшла, чай пѣе. Вони повиганяли изъ хлівá свиней и женуть у-двохъ. Тилько що догна-ли до воріть, — свиня на ворóтахъ стала и стоить. Княгиня изъ зміями дивитця, а Іванъ Гóликъ якъ роспѣетить пугу, якъ удá-рить тую свиню, такъ и кiетви розейпались. Тіи зміи тоді куді хто втрáпивъ. А вона, клята, и не злякалась, да ёго за чуба. Такъ вінъ тоді еі за вòси, да якъ узавъ стібать, да поти, пòки вона не здужала и по світу ходить. Оттоді вже вона покiнула свої змі-

говища. Это скопище состояло изъ однихъ отъявленныхъ негодяевъ. Оно пополнялось разными бѣглецами изъ сосѣднихъ земель, но всего больше Украинскими мужиками, между которыми гайдамаки имѣли много доброжелателей и которые указывали имъ, куда безопаснѣе и вѣрнѣе пройти за добычею. Украинския воеводства Кіевское и Брацлавское всего больше терпѣли отъ этихъ хищниковъ; но иногда они проникали на Подолье, на Волынь и даже къ Мозырю, потому что пограничнаго войска было очень мало, магнаты держали надворныя хоругви при себѣ, а городовые козаки были въ-тайнѣ расположены къ гайдамакамъ. Гайдамаки эти совершали свои походы иногда пѣшіе, но большею частью верхомъ, и увозили добычу на вьючныхъ лошадяхъ, что у нихъ называлось *батовиёю*. Каждая шайка имѣла своего предводителя, котораго они называли *ватажкѣмъ*. Ватажка выбирали обыкновенно изъ самыхъ опытныхъ, которые сдѣлали уже нѣсколько разбойничьихъ походовъ и знали всѣ переходы и дорожки. Чтобы внушить своимъ къ нему увѣренность, а суевѣрному народу страхъ, рассказывали о немъ, что онъ *характёрникъ*, то есть чародѣй, что онъ умѣетъ заговаривать пули, такъ что его можно убить только серебрянною пулею ⁽¹⁾, а въ случаѣ надобности — можетъ сдѣлаться и невидимымъ. Сколько они увозили изъ края богатой добычи! и сколько проливали невинной крови, когда ими управляло мщеніе! Ужасъ, овладѣвавшій жителями при извѣстїи, что идутъ гайдамаки, превосходить всякое описаніе: каждый прятался съ чѣмъ только могъ куда ни попало. Но очень часто вѣсть объ ихъ вторженїи приходила слишкомъ поздно, потому что они пробирались какъ волки и дѣлали свои отдыхи по уединеннымъ хуторамъ и наснкамъ.

Однажды гостили мы съ княземъ въ Полонномъ у его дяди, князя Антошя Любомирскаго, старосты Казимірскаго. Сидимъ мы за столомъ, какъ приказалъ гонецъ отъ генеральнаго регимента-

---

(1) Смотр. т. I, стр. 284, «Местъ за имя Жида».

ря *Украинской и Подольской партіи*, Яна Тарлы, воеводы Любельскаго, съ приказомъ, чтобы гетманскій regimentъ *иноземнаго автораменнта*, въ которомъ начальствовалъ князь Антоніи, поспѣшили къ Ялтушкову на Подолье. Вмѣстѣ съ тѣмъ Тарло просилъ его въ особомъ письмѣ выслать часть собственнаго гарнизона изъ Полонской крѣпости съ десятию пушками, — и все это для того, чтобы переловить нѣсколько десятковъ гайдамакъ, которые скрылись съ своею добычею въ Ялтушовскихъ лѣсахъ, когда имъ преградили путь къ границѣ, и обрубилась тамъ за-сѣками.

Князь отвѣчалъ, что завтра же выступитъ съ войскомъ лично. Я попросилъ у него позволенія идти съ нимъ въ качествѣ волонтера, на что онъ съ удовольствіемъ согласился. И вотъ на третью сутки около полудня подошли мы на четверть мили къ лѣсу, въ которомъ укрѣпились гайдамаки; ибо для большей поспѣшности, пѣхоту и пушкарей привезли на подводахъ. Войско наше построилось въ боевомъ порядкѣ, поставивъ пушки по крыльямъ. Региментаръ сдѣлалъ намъ смотры; потомъ сломали шеренги, и отданъ былъ приказъ, чтобы *жолитры* (вопны) подкрѣпились и выспались, потому что всю ночь будутъ бодрствовать.

Отдохнувъ немного, просилъ я у князя Антонія Любомирскаго позволенія объѣхать и осмотрѣть позиціи. Опъ далъ мнѣ для безопасности одного офицера и нѣсколько человекъ собственныхъ рейтаръ, и я пустился съ ними вокругъ лѣса. Мы ѣхали добрую рысью, а иногда и въ-скачь, однакожъ пробѣзали нѣсколько часовъ. Лѣсъ былъ огромный. Кругомъ него, подъ самой опушкой, разставили въ разныхъ мѣстахъ мужиковъ, которыхъ сочтали сюда тысячи три. Нѣкоторые изъ нихъ были вооружены ружьями, но большая часть копьями, косами, или просто цѣпами. Имъ было приказано крѣпко стеречь, а ночью жечь огни и часто кричать: *Wer da?* Позади мужиковъ, шагахъ во стѣ-пятидесяти, стояло войско, какъ то, которое прибыло изъ Полоннаго, такъ и то, которое региментаръ привелъ еще прежде съ собою.

всего тысячи двѣ человѣкъ, между которыми были компутовые гусары и *панцирные* въ полномъ вооруженіи, въ леопардовыхъ и волчьихъ шкурахъ, а такъ-же и пѣхота. Сверхъ того собрано было здѣсь безъ числа городовыхъ козаковъ. Все это разставлено было какимъ-то Нѣмцемъ-полковникомъ, который служилъ у региментаря адъютантомъ.

Увидѣвъ почтенные панцирные знаки, я присоедишлся къ нимъ, во-первыхъ, какъ старій товарищъ, а во-вторыхъ потому, что мнѣ эта Нѣмецкая команда въ Польскомъ войскѣ иностраннаго авторамента терзала нестерпимо уши. Какъ-будто у насъ нѣтъ своего языка. Къ чему намъ кричать: *Halt! Raus! Wer da? Feuer!* когда мы такъ же хорошо могли бы говорить по своему: *Стои! Выходи! Кто идетъ? Пали?...* Ужъ истинно справедлива пословица: Чтò Нѣмецъ выдумаетъ, то Полякъ купишь. Какъ бы то ни было, но я на эту ночь примкнулъ къ панцирнымъ. Начальствовалъ ими намѣстникъ князя подстоля Литовскаго, титуловавшийся чѣсникомъ Нурскимъ. Мы тотъ-часъ съ нимъ познакомились, потому что оба принадлежали къ партіи Любомирскихъ, и какъ онъ былъ человѣкъ откровенный и общительный, то я легко къ нему привязался. Приказано было наблюдать осторожность и тишину, и потому мы, усѣвшись съ нимъ въ-сторонѣ на разостланной буркѣ, прошептали цѣлую ночь, изрѣдка только, въ противодѣйствіе ночной росѣ, подкрѣпляясь умѣренно напиткомъ изъ дорожной фляжки. Недостатка въ предметахъ для бесѣды у насъ не было. Когда я выразилъ ему удивленіе, что столько войска соединилось противъ какихъ-нибудь полторы сотни бродягъ, онъ отвѣчалъ, что для поимки гайдамакъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть слишкомъ много рукъ, потому что эти злодѣи защищаются отчаянно и гибнуть до послѣдняго. зная, что имъ пощады не будетъ. »Ихъ ожидаетъ (прододжалъ онъ) собачья смерть на вѣтви дерева, или страшное сидѣнье на колу, и потому они брасаются какъ бѣшеные одинъ на десятерыхъ, и часто пробиваются сквозь засаду не только сами, но и съ добычею. Вотъ увидите завтра, въ какихъ они богатыхъ нарядахъ. Это они у насъ такъ пріодѣлись,

потому что изъ Сѣчи выходятъ только въ напоенныхъ саломъ рубашкахъ и *кажанкахъ* изъ телячьей кожи» (1).

Тутъ онъ мнѣ разсказаль, что ватажко, котораго мы теперь окружили, былъ знаменитый между гайдамаками Запорожець Иванъ Чуприна, который уже пятнадцать разъ вторгался въ Польшу и возвращался съ богатою добычею безнаказанно, потому что всегда удачно раздѣлывался съ высланными противъ него отрядами войска. Три года тому назадъ, онъ напаль съ шестидесятью «молодцами» на Шаргородъ, замучилъ отца чѣсника Нурскаго, ограбилъ домъ и захватилъ въ немъ 40,000 злотыхъ паличныхъ денегъ. Когда же проникнулъ въ самую Волюнь и его съ навьюченною *батовиёю* окружило въ этомъ самомъ мѣстѣ триста драгунъ изъ регимента королевы, Чуприна ударилъ на нихъ ночью, убилъ полковника, увелъ нѣсколько драгунскихъ лошадей и ушелъ безъ всякой потери. И потому панъ чѣсникъ Нурскій жаждалъ отметить ему теперь за пролитую имъ кровь отца.

«Грѣшно [говорилъ онъ] роптать на опредѣленія Всевышняго: да будетъ Его святая воля! но человѣческія погрѣшности осуждать надобно. До чего дошелъ теперь прекрасный край нашъ, имѣя столько источниковъ могущества! Нѣтъ намъ ни уваженія у сосѣдей, ни безопасности внутри государства. И всему этому причиною гордость нашихъ магнатовъ. Они не хотѣли повиноваться королямъ своимъ и всячески старались ослабить въ народѣ уваженіе къ престолу. Отравилъ жизнь Вѣнскаго героя; Августу Второму поднесли горькую чашу, хотя, можетъ быть, и по заслугамъ; а что всего хуже — на сеймѣ, который прозванъ нѣмымъ, отняли у отечества послѣднія силы, распустивъ народное войско и уменьшивъ его до нѣсколькихъ тысячъ. Самъ нынѣшній король нашъ не былъ бы такъ намъ постылъ, еслибъ они не связали ему рукъ. Пожалуй у нихъ довольно на жалованьи надворнаго войска, но они его держать только для собственныхъ надобно-

---

(1) См. т. I, стр. 132 — 133, «Похожденія Гайдамакъ въ Смилой».

стей. Жалкую жизнь ведутъ наши пограничные обыватели, находясь въ безпрестанной тревогѣ и опасеніяхъ. Года три назадъ гайдамаки замучили моего отца, въ прошломъ году ограбили мой домъ и едва не захватили жены и дѣтей. Я владѣю за долгъ селомъ Забоклицкихъ, Сельницю, но по службѣ долженъ находиться при хоругви, потому что безъ меня некому ея командовать. Мой ротмистръ, князь подстолій Литовскій, живетъ въ своихъ имѣніяхъ, или въ столицѣ; мой поручикъ, Вороничъ, хозяйничаетъ въ своихъ селахъ, въ Кіевскомъ воеводствѣ; мой хорунжий, Бѣлшескій, уже старикъ преклонныхъ лѣтъ, живетъ, ради спасенія души, во Львовѣ въ Бернардинскомъ монастырѣ. Вотъ почему все и обрушилось на голову бѣднаго намѣстника. Такъ вотъ бродяги напали, какъ я сказала, на мой домъ въ Сельницѣ и забрали все, что могли. Къ счастью, жена моя предчувствовала ихъ посѣщеніе, а предчувствовала потому, что одинъ изъ нашихъ парубковъ, негодяй и пьяница, ушелъ было къ гайдамакамъ. Она нѣсколько недѣль не ночевала съ дѣтми подъ собственнымъ кровомъ, а ночевала въ оврагахъ, въ коноплѣ и въ лозѣ, перемѣняя мѣсто почлега каждую ночь, и только на день возвращаясь домой. Эта осторожность спасла ее. Разбойники, вломаясь въ мой домъ, застали только при мамкѣ самую меньшую дочь мою и хотѣли разбить ее о стѣну; но мамка пала имъ къ ногамъ и слезами своими и просьбами обезоружила злодѣевъ. Вскорѣ потомъ шайка разбойниковъ напала на мѣстечко Красное, гдѣ мой семилѣтній сынокъ воспитывался въ парафіяльной школѣ у *директора*. Школьники спрятались въ небольшомъ острожкѣ, но наставникъ ихъ попалъ въ руки гайдамакъ. Разграбивъ мѣстечко, они приступили къ острожку и требовали сдачи. Но управляющій имѣніемъ (*gubernator kluczowy*) не отворилъ имъ воротъ своего Гибралтара. Тогда они рѣшились поджечь дубовый частоколъ, который составлялъ главную защиту этого жалкаго укрѣпленія, и начали подкладывать подъ него соломѣ; а чтобы не изнурять перевозкой лошадей своихъ, запрягали въ возъ школьнаго директора вмѣстѣ съ *Жидомъ*. Этимъ

способомъ подвезено было уже нѣсколько возовъ соломы, за что досталось обонмъ не мало жестокихъ ударовъ. Но вдругъ раздался выстрѣлъ изъ пистолета за мѣтечкомъ, гдѣ разбойники поставили свою сторожу. Узнавъ по этому сигналу, что приближаются драгуны, они собрали торопливо свой багажъ и поскакали во весь духъ къ Кичманю [такъ называется большой лѣсъ въ окрестностяхъ Краснаго]. Драгуны правда перерѣзали имъ дорогу, но разбойники ударили напроломъ, застрѣлили изъ ружей двухъ драгунъ и одного коня и ушли съ добычею. Этотъ наѣздъ доставилъ большое удовольствіе моему маленькому Марцію, тѣмъ, что гайдамаки возвратили сторицею бѣдному Шинкѣ (такъ назывался директоръ) удары, которые онъ имѣлъ обычай разсыпать своимъ школьникамъ.»

Въ такихъ и тому подобныхъ бесѣдахъ провели мы цѣлую ночь. Начинало ужъ свѣтать. Вдругъ по ту сторону лѣса, гдѣ стояла наша пѣхота, раздались выстрѣлы изъ ружей, сперва рѣдкіе, потомъ чаще, чаще, наконецъ загремѣли и пушки. Гулъ, крикъ, громъ стрѣльбы и трескъ валящихся деревьевъ широкого разлегались по лѣсу въ утреннемъ росистомъ воздухѣ. Мы ужъ были на лошадяхъ. Испуганные мужики начали бѣжать; панцирные бросились ихъ останавливать. Въ это время сорокъ человѣкъ гайдамакъ, съ двумя десятками выучныхъ лошадей, выскочили неожиданно изъ лѣсу и дружно ударили на три Волошскія хоругви, стоявшія напередѣ. Волохи не устояли противъ удара и, не сдѣлавъ даже выстрѣла, опрокинулись въ безпорядкѣ на *колутовыхъ* и, вмѣстѣ съ бѣгущею чернью, произвели такое замѣшательство въ нашихъ рядахъ, что мы не могли придти въ себя и построиться. Пользуясь этимъ, разбойники выстрѣлили изъ ружей и, убивши нѣсколько рядовыхъ, повернули въ скачъ къ селу. Намѣстникъ и я настигали ихъ близко; онъ положилъ даже одного негодя изъ пистолета; но оглянувшись и видя, что мы гонимся за ними только вдвоемъ, мы остановились. Гайдамаки между тѣмъ, пройдя черезъ село и зажегши его за собой, достигли сосѣдняго лѣса. Правда, за ними послана была по-

гоня, которую regimentарь, занятый въ другомъ пунктѣ, едва черезъ часъ могъ нарядить, но безъ всякаго успѣха; ибо эти бродяги, сидя на быстрыхъ лошадяхъ, не дали себя настичуть и ушли въ Сѣчь, оставляя вездѣ за собою пожары.

Не такъ удачно подвизались тѣ гайдамаки, на которыхъ наступила въ лѣсу наша пѣхота. Защищались правда отчаянно эти разбойники, убили нашего подполковника, двухъ, или трехъ офицеровъ и около пятидесяти рядовыхъ; нѣсколькихъ такъ-же ранили, и въ томъ числѣ майора; но трудно было имъ стоять противъ нашихъ ружей и пушекъ, которыя ломали деревья и пришибали ихъ стволами и сучьями; къ тому жъ они лишились своего ватажка и, смущенные этимъ событіемъ, почти все были перебиты; остальные недобитки и раненые захвачены въ плѣнъ. Погибло ихъ около восьмидесяти, а изувѣченныхъ и здоровыхъ схвачено около сорока. Ватажко ихъ, Иванъ Чуприна, палецъ отъ руки молодого князя Мартина Любомпрскаго, который при самомъ вступленіи въ лѣсъ, на челѣ своихъ grenадеровъ, замѣтилъ его и убилъ его изъ ружья въ ту самую минуту, когда онъ, стоя на колѣняхъ подъ дубомъ, прицѣливался въ него. Найдено было при Чупринѣ богатое Турецкое вооруженіе въ серебрѣ, нѣсколько брильянтовыхъ перстней на пальцахъ, пять золотыхъ часовъ и полторы тысячи червонцевъ въ поясѣ. У другихъ гайдамакъ такъ-же нашли множество денегъ въ поясахъ и сѣдельныхъ подушкахъ, часовъ и дорогого оружія, а въ батовнѣ ихъ — безчисленное количество серебра, дорогихъ матерій, золотыхъ поясовъ, женскихъ нарядовъ и мѣховъ, церковныхъ *орнатъ*, *канъ*, рясъ, чашъ и другихъ принадлежностей богослуженія (католическаго), а такъ-же и Жидовскихъ одеждъ, жемчугу, серегъ и тому подобныхъ вещей. Все это было награблено ими въ этомъ несчастномъ пограничномъ краю. Взято такъ-же нѣсколько десятковъ лошадей, между которыми много было отличной породы. Прочія валялись въ лѣсу убитыя, или тяжело раненныя.

Послѣ этого мы расположились обозомъ на возвышеніи и отдыхали трое сутокъ. Въ теченіе этого времени составлена опись

добычѣ и едѣланѣ дѣлежѣ между офицерами и рядовыми. Не забыли и вдовъ, оставшихся послѣ павшихъ въ бою. Каждому капитану досталось, кажется, по 50, поручику по 30, унтеръ-офицеру по 10, а рядовому по 4 дуката. Церковныя же вещи и украшенія потомъ разослано по костеламъ и церквамъ (уніатскимъ).

Въ это время прибылъ такъ-же изъ Каменца-Подольскаго войсковой судья съ инстигаторомъ и палачъ съ своими прислужниками. Начался допросъ пойманныхъ гайдамакъ; ихъ пытали, и изъ ихъ показаній оказалось, что ихъ было 160 «молодцовъ» и что ватажко ихъ Иванъ Чуприна остановился и обрубился въ этомъ лѣсу, поджидая своего отряда изъ пятнадцати «молодцовъ», который онъ выслалъ на грабежъ въ другую сторону, съ своимъ братомъ; что при батовнѣ ихъ находилось двѣнадцать городовыхъ козаковъ, которыхъ они поименовали, но объявили, что они невинны, ибо служили у нихъ по принужденію; и что въ эту ночь ватажко ихъ, который былъ большой характерникъ, усомнился въ своемъ счастьи, замѣтивши зловѣщій признакъ, а именно: когда онъ грѣлся у огня, вея *нѣжа* сползлась у него къ воротнику. Тогда онъ и сказалъ: *Оттеперѣ намъ буде лихо зъ вражими Ляхами!* Раздѣлившись на четыре отряда, гайдамаки намѣрены были ударить на разсвѣтѣ все вдругъ, по данному знаку, на проломъ въ разныя стороны. Знакомъ этимъ долженъ былъ служить выстрѣлъ ватажка изъ пистолета, на который каждый отрядъ отвѣтилъ бы двумя ружейными выстрѣлами. Но этотъ планъ былъ разстроены непредвидѣннымъ случаемъ. Когда пачало разсвѣтать, ватажко поползъ на четверенькахъ къ опушкѣ лѣса, чтобъ высмотрѣть, что дѣлаютъ Ляхи. За нимъ поползло нѣсколько «молодцовъ», и вдругъ у одного изъ нихъ ружье, зацѣпясь за вѣтку, выстрѣлило. На этотъ фальшивый сигналъ отвѣтили другіе выстрѣлы, и прежде нежели гайдамаки сѣли на коней и построились въ боевой порядокъ, Польская пѣхота двинулась въ лѣсъ и произвела между ними замѣшательство, тѣмъ болѣе что ватажко ихъ палъ отъ первой пули. Судья записалъ все эти показанія, и вмѣстѣ съ тѣмъ составилъ длинный списокъ убитыхъ и живыхъ

гайдамакъ и произнесъ послѣднимъ приговоръ. Однихъ осудилъ онъ на висѣлицу, другихъ на колъ, третьихъ на четвертованье. Живыхъ отослалъ подъ сильной стражей въ Каменецъ-Подольскую крѣпость для исполненія этого приговора; а мертвыхъ четвертовали на мѣстѣ и разослали головы, руки и ноги по городамъ и мѣстечкамъ для всенародной выставки на кольяхъ. Остальныхъ зарыли въ Ялтушовскомъ лѣсу надъ большой дорогой и насыпали надъ ними, для вѣчной памяти, курганъ.

Что касается до пятнадцати разбойниковъ, которыхъ поджидала здѣсь главная шайка, то они то же не ушли отъ бѣды. Двое изъ нихъ, высланные *на чѣты* (на развѣдыванье), были схвачены. Старый гайдамака не высказалъ ничего и вытерпѣлъ до конца всѣ муки, которыми пытали; но молодой, вовсе не разбойничьей наружности парень, допрошенный особо, объявилъ, что товарищи его заѣли уже нѣсколько дней тому назадъ въ оврагѣ посреди стеней между скурдъ, миляхъ въ десяти отъ того мѣста по направлению къ Константинову. Его поколебали увѣренія, что ему не только будетъ дарована жизнь, но что будетъ онъ даже принять въ особенную панскую милость и поступитъ въ число надворныхъ козаковъ, потому что онъ понравился молодому князю Любомирскому. Онъ объявилъ такъ-же, что число хщипковъ увеличилось до тридцати новобранцами изъ поселянъ; что они высылаютъ на *Черный шляхъ* сторожу для поимки прохожихъ, которыхъ она уводитъ въ свой притонъ, и что у нихъ ужъ множество лошадей, добычи и плѣнныхъ. Въ заключеніе, онъ обѣщаль проводить къ тому мѣсту Поляковъ.

Рейментаръ тотъ-часъ выслалъ противъ нихъ триста человекъ пѣхоты, посадивъ ихъ на коней, взятыхъ въ Волошскихъ хоругвахъ, и столько же городовыхъ козаковъ, съ двумя пушками, подъ начальствомъ молодого князя Мартина Любомирскаго, который за успѣшное дѣло въ лѣсу произведенъ былъ въ полковника. При немъ находился еще гувернеръ Французъ, какой-то баронъ, старый, какъ видно, служака, который потихоньку давалъ ему со-

вѣты. Старый маіоръ такъ-же отправился въ этомъ отрядѣ. Они двинулись быстрымъ маршемъ, а предводители съ остальнымъ войскомъ выступили въ-слѣдъ за ними. Молодой Любомирскій и здѣсь извернулся молодцомъ. Онъ такъ искусно подступилъ къ гайдакамаъ, и такъ хорошо воспользовался указаніями помилованнаго разбойника, что окружилъ ихъ со всѣхъ сторонъ, а высланныхъ на Черный шляхъ козаки нашли спящими за курганомъ. Но тѣ, что сидѣли въ оврагѣ, не хотѣли сдаться, хотя, для устрашенія, по нимъ выстрѣлили изъ пушекъ; напротивъ, принялись рѣзать своихъ плѣнниковъ, запертыхъ въ одной хаткѣ [потому что потомъ нашли тамъ зарѣзанныхъ восемнадцать Жидовъ, нѣсколькихъ Жидовокъ, одного уніята и одного ксенза; остальные были спасены приспѣвшею пѣхотою]. Гренадеры приняли гайдамака въ штыки и кололи, какъ дичихъ кабановъ. Трое были убиты, остальные перевязаны; но всѣ были такъ изранены, что большая часть ихъ перемерла до трехъ дней. Съ нашей стороны убитъ былъ только одинъ барабанщикъ и ранено ножами нѣсколько рядовыхъ. Выручено было изъ плѣна шестеро уніятовъ съ женами, пятеро ксензовъ, два Іезуита, болѣе двадцати женщинъ и дѣвицъ шляхтянокъ и болѣе дюжины шляхтичей. Всѣ они были набиты какъ сельди въ этой лачужкѣ и раздѣты почти до-нага. Но потомъ было открыто еще въ соседнихъ оврагахъ человекъ пятнадцать замученныхъ шляхтичей. Найдено около полутора ста лошадей, какъ въ батовиѣ, такъ подъ сѣдлами и безъ сѣделъ. Между скирдъ нагромождено было великое множество колясокъ, брикъ, повозокъ, дорожныхъ возковъ, разнаго рода сундуковъ, чемодановъ, шкатулокъ и погребцовъ, награбленныхъ на большой дорогѣ. Региментаръ и князь Антоній Любомирскій только на третій день прибыли съ войскомъ на то мѣсто. Освобожденные изъ разбойничьихъ рукъ плѣнники вышли имъ навстрѣчу съ непритворною радостью и благодарностью. Добыча, найденная при самихъ гайдамакахъ и въ повозкахъ, была очень значительна. Всему сдѣлана обстоятельная опись, и оставшіеся въ живыхъ владѣльцы показывали, что у нихъ заграблено, обозначая разныя вещи, платья и мѣшки; потомъ ихъ отвели подъ особен-

ный навѣсъ, гдѣ разложено было все это имущество, и каждый получилъ то, что было признано ему принадлежащимъ.

И здѣсь войско отдыхало трое сутокъ. По распоряженію начальствующихъ, отслужена была печальная панихида въ долинѣ смерти, и тѣла замученныхъ Христіанъ погребены были приличнымъ образомъ на кладбищѣ сосѣдняго села, а Жидамъ позволено было забрать трупы своихъ единовѣрцевъ для погребенія ихъ по своимъ обрядамъ. Остальная добыча опять была раздѣлена между войскомъ, а молодой князь Мартинъ Любомирскій наименованъ генераломъ, и тотъ-часъ отправленъ былъ гонецъ къ королю съ просьбою объ утвержденіи его въ этомъ чинѣ. Для войскового судьи и палача открылось новое поприще допросовъ и пытокъ. Нѣсколькихъ оставшихся въ живыхъ гайдамакъ четвертовали они на мѣстѣ, или посадили на колъ, а одному переломали руки и голени и потомъ повѣсили, зацѣпивъ желѣзнымъ крюкомъ за ребро, такъ какъ онъ признался въ самыхъ ужасныхъ преступленіяхъ. То былъ какой-то плутъ поповичъ изъ Волиши; приглянувшись какой-то уже немолодой госпожѣ, отравилъ ея мужа и на ней женился. Она записала ему свое имѣніе, и онъ началъ было уже называться дворяниномъ и даже паномъ мечничкомъ. Потомъ, когда баба ему надоѣла, онъ такъ-же отравилъ и ее, а имущество ея присвоилъ себѣ. Наконецъ началъ дѣлать сосѣдямъ насилія, наѣзжая на ихъ дома. Его судили и приговорили къ смерти; но онъ ушелъ изъ Волиши и присталъ къ гайдамакамъ, которыхъ изумилъ изысканною жестокостью, съ какою онъ забавлялся муками несчастныхъ жертвъ, допрашивая ихъ, гдѣ у нихъ спрятаны деньги, и заслужилъ отъ разбойниковъ имя *Исповѣдника*. Трупы падшихъ злодѣевъ погребены тѣмъ же самымъ порядкомъ, что и первыхъ; руки и ноги казненныхъ развезены по городамъ и большимъ дорогамъ. Войско разошлось по старымъ становищамъ, а рейментаръ и воевода Тарло отправился съ княземъ Антоніемъ Любомирскимъ въ Полонное. Въѣздъ нашъ въ этотъ городъ былъ триумфальный. Насъ встрѣтили пушечною и ружейною пальбою съ крѣпостныхъ валовъ; а у самаго въѣзда въ Полонное комендантъ крѣ-

пости, старый Французъ Шамбонъ, поднесъ князю на бархатной подушкѣ ключи отъ воротъ, а тотъ передалъ ихъ генеральному региментарю. Мѣщанскіе цѣхи и Жидовскіе кагалы ожидали насъ у Кривыхъ воротъ, а у замковыхъ ректоръ Іезуитовъ на челѣ своего духовенства встрѣтилъ вождей и привѣтствовалъ ихъ рѣчью, въ которой сравнивалъ ихъ съ какимъ-то Римскимъ великимъ Помпеемъ, который такъ-же нѣкогда воевалъ съ разбойниками, а молодого князя Мартина Любомирскаго, за его смѣлое вступленіе въ лѣсъ, угодилъ какому-то рыцарю Курцію, который бросился въ открытую бездну. Во дворцѣ княгини Любомирская, окруженная многочисленными гостями, привѣтствовала на крыльцѣ побѣдителей. Между пріѣзжими находилась супруга короаннаго подстоля, княгиня Гонората, и семейство князя Яблоновскаго, воеводы Познанскаго. Великолѣпный обѣдъ, частые бокалы, пальба съ валовъ, а вечеромъ фейерверкъ и танцы завершили этотъ веселый день. И надобно сказать, что никто не былъ лѣнивъ въ этой работѣ и не заставлялъ себя упрашивать къ очереднымъ бокаламъ, или тянуть за ухо къ танцамъ. Молодой князь Любомирскій и его дядя, князь Францискъ Любомирскій, только что прибывшій изъ-за границы, и нѣсколько другихъ, одѣтыхъ въ короткіе Французскіе кафтаны, танцовали менуэтъ, экосесъ, страсбургскій и штрайеръ; мы, въ кунтушахъ, отплясывали съ почетными паннами княгини (1) мазурку, краковякъ и польскій; а всѣ вмѣстѣ окончили балъ быстрымъ драбантомъ.

Но этимъ днемъ не кончились пиршества и танцы въ Полонскомъ замкѣ; ибо въ-старину съѣзжались рѣдко, но за-то надолго. На третью сутки устроенъ былъ для дамъ спектакль, представляющій поражение гайдамакъ въ долинѣ скирдъ. Не вдалекѣ отъ одного изъ предмѣстій прииска была мѣстность, напоминающая отъ-части тотъ оврагъ. Были тамъ и скирды, сложили и хатку въ

---

(1) Respectowe pannu — родъ горничныхъ изъ шляхетскихъ фамилій. *Прим. издат.*

оврагѣ. Нѣсколько рядовыхъ было одѣто въ гайдамацкіе костюмы; другіе переодѣлись схваченными на дорогѣ проѣзжими; не было недостатка и въ переодѣтыхъ женщинахъ. Навели туда множество лошадей, навезли повозокъ, сундуковъ, словомъ — всего, что было нужно для подражанія дѣйствительному происшествію. Все общество двинулось изъ замка къ этому мѣсту — дамы и пожилые мужчины въ многочисленныхъ и блестящихъ экипажахъ, а молодежь вся верхами. Когда зрители усѣлись на приготовленныхъ для того лавкахъ, расположенныхъ уступами и покрытыхъ коврами, раздался сигнальный пушечный выстрѣлъ, и спектакль начался тѣмъ самымъ порядкомъ, въ какомъ происходилъ онъ на самомъ дѣлѣ. Пѣхота и городовые козаки, разставленные въ отдаленіи, начали приближаться и окружать разбойничій притонъ. Молодой Любомирскій взобрался на стогъ сѣна и наблюдалъ все въ зрительную трубу, а Французъ-губернеръ, какъ свидѣтель происшествія, объяснялъ княгинѣ и другимъ дамамъ разныя обстоятельства этой стычки съ гайдамаками. Молодой Любомирскій выслалъ одного изъ пойманныхъ шпионовъ къ разбойникамъ, требуя сдачи, потому что они уже окружены со всѣхъ сторонъ. Въмѣсто отвѣта, двѣнадцать разбойниковъ выѣхали верхомъ на возвышенность и принялись ругать и раззадоривать Ляховъ. Выстрѣлили по нимъ изъ двухъ пушекъ; двое повалилось съ лошадей; остальные поскакали къ хаткѣ и бросились терзать плѣнныхъ. Тутъ гренадеры прибѣжали и выломали дверь, съ крикомъ: »Бей ихъ! руби ихъ! въ штыки!« Началась схватка на штыкахъ и ножахъ; начали таскать раненныхъ и убитыхъ гайдамакъ и плѣнныхъ. Искусственная кровь лилась потоками, обагряя побѣдителей и побѣжденныхъ. Княгиня мать и присутствовавшія дамы осыпали ласками молодого Любомирскаго, который былъ героемъ дня. Жаль только, что полдень и закатъ его жизни не оправдали надеждъ, которыя подавало утро....

На другой день играли на театрѣ, недавно устроенномъ въ замкѣ, французскую комедію. Мнѣ кой-какъ объясняли ее; но я всего только и помню, что въ ней много шуму дѣлала какая-то

Турчанка, любовница султана, очень похожая названіемъ на нашу попадью изъ Рогатина, на эту Роксолану, которая, говорятъ, то же была женой какого-то Турецкаго султана (1). Я сидѣлъ, какъ на Нѣмецкой проновѣди. Ролл мужчины играли молодой Любомирскій, его гувенеръ и полковой лѣварь, такъ-же Французъ: а женскія — сестра княгини Любомирской, Француженка, гувернантка маленькой княжны, и дочь старика коменданта, Шамбона; и такъ какъ между паннами-прислужницами не было ни одной, которая бы умѣла parler français [въ тѣ времена не всё, такъ какъ теперь, говорили на этомъ *бонжурномъ* языкѣ], то танцору Итальянцу дана была четвертая женская роль, и молодой, тщедушный Итальянчикъ довольно искусно представлялъ бусурманку. Должно было быть въ той комедіи что-то очень трогательное, потому что супруга пана старосты и другія дамы часто отирали глаза платками и кричали: Bravo! charmant! sublime! А меня, такъ больше всего забавляло то, что Турки говорили по-Французски и что актеры въ чалмахъ подъѣзжали къ женщинамъ съ такими ужимками, какъ наши пряничные франты, воротившіеся изъ Парижа.

За два часа скуки, которые провелъ я, глазѣя на сцену и ничего не понимая, я вознаградилъ себя на другой день на большой охотѣ, которою угостилъ насъ князь: убилъ я двухъ козловъ и одного вепря. Но какимъ образомъ воротился я съ охоты — не помню, потому что за охотничьимъ обѣдомъ, который данъ былъ подъ навѣсомъ въ лѣсу, князь всёхъ насъ такъ употчивалъ, а особливо, когда къ концу обѣда начали пить, вмѣсто кубковъ, изъ охотничьихъ роговъ, что всё мы повалились тамъ же безъ памяти, и ужъ потомъ гайдуки уложили насъ въ экипажи и перевезли въ замокъ.

Такъ проводили мы въ Полонномъ нѣсколько дней въ пирахъ и танцахъ, а потомъ князь Яблоновскій пригласилъ все общество къ себѣ въ Лабунь. Остался въ Полонномъ только молодой

---

(1) Это, какъ видно, была трагедія Расина «Bajazet». *Пр. Изд.*

Любомирскій, которому отецъ поручилъ охраненіе крѣпости въ его отсутствіе.....

Расскажу теперь о другомъ походѣ противъ гайдамакъ, въ которомъ я то-же участвовалъ. Не прошло и двухъ лѣтъ послѣ Ялушовскаго дѣла, какъ начали ходить по нашей сторонѣ слухи, что сильная гайдамацкая шайка вышла изъ-за рѣки Синюхи, ограбила разныя помѣстья панскія въ Кіевскомъ воеводствѣ, углубилась далеко въ Полѣсье и будетъ возвращаться черезъ Вольты; но гдѣ она появится изъ лѣсовъ и зарослей на поляхъ и какимъ именно путемъ будетъ идти, никто не зналъ. Всеобщій ужасъ распотранился между жителями отъ этихъ слуховъ; съ каждой милей они становились страшнѣе и страшнѣе. Только и рѣчей было всюду, что о гайдамакахъ. Тамъ видѣли какихъ-то подозрительныхъ людей, то нищихъ, то бродягъ, вѣроятно, шпионовъ гайдамацкихъ; въ другомъ мѣстѣ рассказывали, какъ разбойники сожгли домъ съ хозяиномъ и всѣмъ его семействомъ. Въ Овручскомъ повѣтѣ они, по словамъ разскащиковъ, обратили въ пепель цѣлое мѣстечко, а Жидовъ вырѣзали до одного; въ Мозырскомъ якобы ограбили костѣль и нѣсколько (уніятскихъ) церквей; а еще гдѣ-нибудь вторгнувшись въ монастырь, жгли монаховъ на огнѣ и поролли имъ жилы; и съ каждымъ днемъ силы гайдамакъ, въ этихъ разсказахъ, увеличивались, такъ что ужъ ихъ насчитали, можетъ быть, въ десять разъ больше, нежели сколько ихъ было въ самомъ дѣлѣ. На дорогахъ безпрестанно встрѣчались шляхта и Жиды, перевозившіе женъ, дѣтей и лучшее изъ движимости въ города и небольшія укрѣпленія въ магнатскихъ имѣніяхъ, гдѣ они надѣялись найти какую-нибудь защиту.

Княгиня Любомирская въ то время была беременна. Въ Ровномъ довольно было надворнаго войска; но какъ этотъ городъ не былъ укрѣпленъ, то мужъ, для большей безопасности и спокойствія, рѣшился перевезть ее въ Полонскій замокъ, гдѣ бы она разрѣшилась отъ бремени. Антоній Любомирскій находился въ то время съ женой въ своихъ Сандомирскихъ имѣніяхъ, откуда намѣренъ былъ переѣхать, по судебнымъ дѣламъ, въ Люблинъ, и

сынъ ихъ, молодой князь Мартинъ, оставившійся для охраненія крѣпости, предложилъ къ услугамъ своего дяди весь свой дворецъ. Итакъ мы двинулись изъ Ровнаго, въ сопровожденіи многочисленнаго конвоя рейтаръ и козаковъ, а пѣхота послана была вперѣдь. Въ Славутекскихъ лѣсахъ встрѣтилъ князя и княгиню молодой Любомирскій, съ сильнымъ отрядомъ войска и четырьмя пушками, изъ которыхъ, во время отдыха въ лѣсу, приказалъ, для забавы княгини, раздробить нѣсколько осеней. Достигши благополучно Полоннаго, застали мы все постоялыя и мѣщанскіе дома наполненными шляхтою, которая собралась сюда изъ близкихъ и далекихъ окрестностей, ища убѣжища подъ защитой крѣпости. До сихъ поръ не было навѣрное извѣстно, куда повернули гайдамаки. Посылали развѣдывать Жидовъ, но они возвращались ни съ чѣмъ, потому что, хоть ихъ и соблазняла богатая награда, которую имъ обѣщали, но опасеніе попасться въ руки гайдамакъ подавляло въ нихъ и самую жадность къ деньгамъ.

Наконецъ князь Мартинъ Любомирскій выслалъ восемь вѣрныхъ и раторонныхъ козаковъ, давши каждому по десяти червонцевъ на дорогу и обѣщавъ дать въ десять разъ больше тому изъ нихъ, кто привезетъ вѣрныя вѣсти о направленіи пути и силѣ гайдамакъ. Козаки отправились каждый въ свою сторону, и долго не было о нихъ никакого слуху; наконецъ четверо воротились ни съ чѣмъ. Собравшаяся въ Полонномъ шляхта, будучи принуждена дорогою цѣною платить за неудобное помѣщеніе и негодные съѣстные припасы, начала ужъ роптать, что ихъ обманываютъ баенями, что, если гайдамаки и были гдѣ-нибудь, то ужъ должны воротиться въ свои притоны, и стала развѣзжаться по домамъ. Въ это время двое изъ высланныхъ козаковъ, Гладкій и Лободá [я помню очень хорошо имена каждаго изъ нихъ] воротились изъ соглядатайства. Тотъ-часъ представили ихъ князю Мартину. Оба они пришли пѣшкомъ, въ мужичьей одеждѣ, и принесли такое допесеніе:

»Милостивый князь и батько! долго мы съ трудомъ пробирались въ-одиночку по лѣсамъ и непроходимымъ мѣстамъ; нако-

нець случайно встрѣтились у одного хутора въ глухомъ бору надъ ручьемъ и только тамъ получили вѣрныя извѣстія о гайдамацкомъ стаповициѣ, отъ стараго пасичника. Бородачь этотъ знается съ ними, а мы прикинулись, что тоже хотимъ пристать къ «молодцамъ». Онъ и наставилъ насъ, какъ къ нимъ обратиться; и какъ онъ намъ сказалъ, что они покупаютъ лошадей, то мы воротились въ мѣстечко Звяхло и, промѣнявъ тамъ свою козацкую одежду на мужичью, купили за деньги, пожалованныя намъ отъ васъ, милостивый князь, по другой еще лошади и уже знакомыми *маиовцями* (дорогами напрямикъ) пустились къ гайдамацкому притону, подъ видомъ парубковъ, которые привели лошадей на продажу. Они стоятъ, отсюда въ добрыхъ десяти миляхъ, посреди дремучихъ лѣсовъ, въ урочищѣ *Обозовище*. Мы ужъ застали тамъ двоихъ нашихъ товарищей-козаковъ, Кирила Ласуна и Ивана Ворону. Тѣ прикинулись, какъ-будто пристали къ гайдамакамъ и показываютъ видъ, что другъ съ другомъ незнакомы. Особенно Ласунъ имъ полюбился и живетъ съ старшиною за панибрата. Теперь онъ ходитъ въ золотѣ и серебрѣ, точно какой вельможа. Да и все они носятъ золотые пояса, красные суконные кунтуши, шелковые жупаны и собольи шапки, а оружіе у нихъ такое дорогое, что и Турецкій паша не постыдился бы носить при боку. Продали мы имъ своихъ купленныхъ лошадей съ сѣдлами; заплатили они намъ щедро, и вотъ мы принесли вамъ, милостивый князь, въ калиткахъ червонцы. Ворона старался держаться отъ насъ подале, чтобъ не дать подозрѣнія, поематривалъ только сбоку, поглаживая усъ, и изрѣдка подмигивалъ намъ, нахмуривши брови. Но Ласунъ былъ при продажѣ лошадей, помогаль торговаться, *могоричъ* шилъ и просилъ насъ привести еще лошадей съ сѣдлами, а между тѣмъ украдкою шепнулъ намъ, что ватажко, Семень Чортоусъ, до сихъ поръ не собралъ еще всѣхъ молодцовъ, разосланныхъ за добычею, которыхъ всего у него человекъ триста слишкомъ; что до сихъ поръ соединилось только два отряда, а другихъ двухъ поджидаютъ; что они послѣ завтра выступятъ оттуда, двѣ мили далѣе, въ урочище *Мазѣшна Могила*, гдѣ на-

значень сборъ всѣмъ шайкамъ: а оттуда пустятся дальше негати счастья. Онъ велѣлъ намъ летѣть птицею и увѣдомить васъ, милостивый князь, по секрету, чтобы вы были готовы и держали ногу въ стремяхъ, а съ другими не пускаться въ раздобары, потому что у гайдамакъ вездѣ есть свои шпионы. Когда же перейдутъ къ Мазепиной Могилѣ, то они останутся, чтобъ ихъ морочить, а Ворона дастъ драгу и приведетъ васъ, милостивый князь, прямо хонько къ гайдамакамъ.»

Князь далъ этимъ козакамъ по пятидесяти рублей, обѣщавъ выдать остальные, когда донесеніе ихъ оправдается, и велѣлъ имъ до времени гдѣ-нибудь скрыться. Начали готовиться къ походу, никому не объявляя цѣли своихъ приготовленій и дожидаясь прибытія Вороны. Какъ вотъ на третью сутки въ полночь явился у воротъ, называвшихся Кіевскими, гонецъ на усталомъ и задыхающемся конѣ и требовалъ, чтобъ его тотъ-часъ впустили въ замокъ. То былъ Ворона. Но его никто бы не узналъ: онъ былъ въ богатомъ кунтушѣ съ рубиновыми пуговицами и въ гайдамацкомъ вооруженіи. Сторожевой офицеръ, по сдѣланному напередъ распоряженію, тотъ-часъ отвелъ его въ караульную, куда вскорѣ пришелъ и князь Мартинъ Любомирскій. Поклонившись князю въ колѣни, Ворона началъ рассказывать, что, когда, на другой день по прибытіи къ Мазепиной Могилѣ, пришла въ таборъ другая шайка, онъ, воспользовавшись общимъ говоромъ и суматохою, ушелъ отъ гайдамакъ, не будучи никѣмъ замѣченъ и преслѣдуемъ. »Надобно намъ спѣшить, милостивый князь«, продолжалъ онъ, »потому что завтра и остальные гайдамаки соединятся съ ватажкою, а черезъ нѣсколько дней они выступятъ въ степи, къ Константинову, на который намѣрены напасть среди бѣла дня, разграбить и зажечь, потому что чувствуютъ себя довольно для того сильными. Теперешнее ихъ становище заросло молодымъ боромъ и довольно просторное; но окружить ихъ можно, потому что оно расположено на острову, окруженномъ рѣкою и топкимъ болотомъ, черезъ которое не пройдетъ ни человекъ, ни конь, ни собака. Только три плотины ведутъ на островъ. Надобно намъ взять

съ собой хлѣба и кушаньевъ дня на четыре, потому что я васъ, милостивый князь, буду вести лѣсами и зарослями, и только одно село будемъ переходить, чтобъ пересправиться тамъ черезъ Случь; а пѣхоту и пушкарей надобно бы везти на подводахъ. Гайдамаки ободрились своею удачею и не очень усторожливы, потому что до сихъ поръ никто и въ глаза имъ не заглянулъ; а шпионы ихъ, которые были здѣсь въ Полонномъ, донесли имъ, что укрѣпляютъ замокъ, что ихъ боятся, и потому имъ не приходится и въ голову, чтобы кто вздумалъ искать ихъ. Безпечныхъ легко можно застать въ-расплохъ, лишь бы не терять времени.»

Встрепенулся молодой полководецъ. Уже пришли къ нему, два дня тому назадъ, изъ Бара одинъ козацкій и одинъ пѣшій полкъ, которые вмѣстѣ заключали въ себѣ до шести-сотъ человекъ. Прибавивъ сюда первый regimentъ старосты Казимірскаго, Антонія Любомирскаго, отрядъ пѣхоты изъ Ровнаго, часть гарнизона, надворныхъ рейтаръ, да козаковъ Полонскихъ и Ровенскихъ, насчитали 600 человекъ конницы, 750 пѣхоты и 18 пушекъ. Надобно замѣтить, что въ Полонномъ уменьшилось войска по случаю отъѣзда въ Польшу князя Антонія, котораго сопровождали 24 рейтара и 50 козаковъ; да сверхъ того 50 человекъ пѣхоты съ тремя офицерами отправлено въ Варшаву при обозѣ съ поташемъ, саломъ и масломъ для продажи.

Я просилъ позволенія участвовать и въ этомъ походѣ, потому что княгиня Гонората и князь подстолій коронный поручили мнѣ ѣхать и беречь жизнь князя Мартина. Въ полъ-день мы выступили изъ Кіевскихъ воротъ. За городомъ, около Дертки, стояло на-готовѣ нѣсколько сотъ подводъ. На каждой изъ нихъ помѣстилось по три пѣхотинца, и войско двинулось въ путь; а впереди козакъ Ворона указывалъ дорогу. Это была охота на крупнаго звѣря, у котораго и зрѣніе, и слухъ, и обоняніе очень остры, а когти еще острѣе, и потому, подъ строжайшею карою, запрещено было не только разговаривать, кашлять, но даже высѣкать огонь и курить табакъ. Ворона повернулъ съ большой дороги на тропинку вправо. Мы ѣхали лѣсомъ молча, тихо, такъ что только

развѣ пзрѣдка пушечное колесо стучало, наскочивъ на древесный корень, или трещали сухіе сучья на дорогѣ. Останавливались на самое короткое время для отдыха, а потомъ опять шли день и ночь. До Случи переправы были еще сносны, но потомъ забрались мы въ такія трущобы, зѣросли, вертены и выбои, что съ трудомъ вытаскивали возы и пушки изъ этого истинно Полѣскаго колтуна. Къ счастью нашему, эту часть пути случилось намъ проходить при дневномъ свѣтѣ. Когда мы выбрались изъ этой щуи и достигли болѣе жидкаго бора, Ворона соскочилъ съ коня и отъ радости поцѣловалъ землю, благодаря Бога, что помогъ намъ выйти безъ всякаго несчастья изъ этой трущобы: ночью намъ удалось бы это развѣ какимъ-нибудь чудомъ. Рѣдкіе люди эти козаки Русины! чтѣ за проворство, чтѣ за смѣтливость! а проводниковъ не найдете вы нигдѣ подобныхъ; въ бѣдѣ всегда придумаютъ, какъ извернуться, и если который изъ нихъ привяжется душною къ пану, то и Швейцарца не нужно.

Невдалекѣ отъ этихъ зарослей находился хуторъ того насичника, о которомъ говорили первые вѣстники. Мы тотъ-часъ его окружили и схватили стараго негодяя. Нѣсколько рядовыхъ было оставлено въ его хатѣ для стражи, чтобы кто-нибудь изъ его семьи не увѣдомилъ о насъ гайдамакъ, а самого его взяли мы съ собою и велѣли ему вести себя къ притону разбойниковъ. Ворона предупредилъ насъ, что версты черезъ двѣ по нашей дорогѣ стоитъ небольшая лѣсная деревушка, состоящая изъ нѣсколькихъ хижинъ, и совѣтовалъ такъ-же окружить ее неожиданно, чтобы и оттуда гайдамакамъ не передалъ никто вѣсти, а между тѣмъ, можетъ быть, удастся — говорилъ онъ — схватить кого-нибудь изъ ихъ шайки. Для этого отравленъ впередъ полковникъ Мурзенко съ его козаками и Вороною, а мы слѣдовали за ними поотдалъ, по указаніямъ насичника и Лободы. Мурзенку посчастливилось не только окружить деревушку, но поймать и двоихъ гайдамакъ, которые пріѣхали туда покупать сала и хлѣба. И здѣсь красавый и ловкій молодець оказался менѣе закоренѣлымъ злодѣемъ, нежели его пожилой товариць. На особомъ допросѣ, онъ признался кня-

зю Мартину со слезами, что его гайдамаки похитили еще ребенком на Подольи изъ шляхетскаго дома, что онъ взросъ на Сѣчи, какъ воспитанникъ и слуга реестрового козака, что теперь вышелъ впервые въ походъ подъ надзоромъ этого старшаго гайдамаки, котораго приказано ему называть *дядькомъ*, и что на него еще не полагаются и ни на шагъ отъ себя не отпускають. Когда же князь обѣщалъ не только простить его, но еще принять въ число надворныхъ козаковъ, если искренно во всемъ сознается и проводить къ табору ватажка, тогда онъ обѣщалъ и повлялся не только провести, но указать мѣста, по которымъ всего удобнѣе обложить находящійся среди болотъ островъ, и заградить на трехъ плотинахъ изъ него выходъ. Онъ сообщилъ, что уже всѣ шайки соединились вчера у Мазепиной Могилы, а послѣ завтра намѣрены двинуться въ степи, къ Константинову. Что касается до описанья мѣстности гайдамацкаго притона, то показанья его согласовались съ рассказомъ Вороны. Но старшій разбойникъ не сознался ни въ чемъ. Ни обѣщанія и увѣщанія войскового судьи, ни пытка, въ которой палачъ работалъ отъ всего сердца, не въ силахъ были прервать упornaго молчанія закаленного въ терпѣливости разбойника. Мы провели ночь въ этой деревушкѣ, а между тѣмъ пришли толпы мужиковъ, согнанныхъ изъ ближайшихъ селъ, съ заступами и топорами, — всего человекъ тысяча. Рано утромъ пустились мы въ дальнѣйшій путь. Мурзенко съ козаками служилъ намъ авангардомъ. Послѣ дневного похода, достигли мы одного урочища, гдѣ въ старину должно было существовать какое-то поселеніе; потому что въ лѣсу замѣтны были на большомъ пространствѣ слѣды садовъ и загоновъ; остатки хатъ и колодези такъ же указывали на пребываніе жителей въ этомъ мѣстѣ. Здѣсь новообращенный гайдамака сказалъ намъ, что до Мазепиной Могилы остается только полъ-мили, и совѣтовалъ, чтобы обождать здѣсь до двухъ часовъ по полуночи, или, какъ выразился онъ, указавъ на искрящееся звѣздами небо, *поки не зійдуть Козаре*. А когда молодой князь Любомирскій высказалъ опасеніе, чтобы гайдамаки не замѣтили насъ въ этихъ

мѣстахъ, онъ отвѣчалъ: »Не бойтесь, ни одинъ изъ нихъ почью не осмѣлится заглянуть сюда, потому что урочище считается заклятымъ, то есть такимъ, на которомъ упыри и вѣдьмы дѣлаютъ разныя пакости и пугаютъ прохожихъ: поэтому-то и называютъ его *Кучого Чорта Слободы*. Но, видно, та ночь была не по вкусу чертямъ, потому что ни одно страшилище не пришло пригласить на танецъ вѣдму, которую мы привезли съ собой въ особѣ обозной маркитантки, жены одного капрала, очень способной летать на кочергѣ.

По мѣрѣ того, какъ потухали звѣзды, на небѣ становилось замѣтнѣе зарево отъ разбойничьихъ огней. Основываясь на показаніяхъ Вороны и молодого гайдамаки, составленъ былъ планъ обложенія разбойниковъ. При началѣ каждой изъ трехъ плотинъ рѣшено было поставить по шести пушекъ, обезопасивъ ихъ отрядами пѣхоты и рвомъ; мужиковъ же разставить вокругъ острова, въ пятнадцать шагахъ одинъ отъ другого, съ тѣмъ чтобы они, лишь только начнется пушечная пальба, рубили деревья и кустарники для устройства засѣки; Мурзенко и Берпелавскій съ козаками и рейтарами должны были присматривать за древесѣками и понуждать ихъ къ работѣ; остальную пѣхоту предположено было разставить, въ качествѣ стрѣльцовъ, надъ болотомъ вокругъ острова.

Послѣ этого, въ порядкѣ и молчаніи, двинулись мы изъ Кучаго Чорта Слободы, въ два часа по полуночи, оставивъ тамъ брики, подводы и мужичьихъ лошадей. Все пошло у насъ какъ по маслу. Слабый свѣтъ только что начинающагося утра позволялъ намъ расположить какъ слѣдовало пушки, войско, мужиковъ надъ болотомъ, и спящимъ послѣ попойки гайдамакамъ даже и не грезилось, что ужъ попали въ западню, тѣмъ болѣе, что они полагались на недоступность зарослей и топей и не считали даже нужнымъ поставить на плотинахъ сторожу.

Князь Мартинъ, объѣхавши всѣ пункты и удостовѣрившись, что уже всѣ на своихъ мѣстахъ, подаль условный знакъ. Первые шесть пушекъ, поставленныхъ противъ самой большей плотины, грянули, раздробляя въ щепя деревья. Имъ отвѣчали другія двѣ

батареи, и тысяча събирь вдругъ застучали объ сосны. Не весело было проснуться разбойникамъ среди подобнаго гула и треска. Сдѣлавъ по два выстрѣла, пушки умолкнули, остановились и топоры; Воропа закричалъ разбойникамъ въ жестяную корабельную трубу, чтобы сдались, потому что окружены со всѣхъ сторонъ. Нѣсколько минутъ не было слышно никакого отвѣта. Вдругъ на главной плотинѣ раздался топотъ десяти или пятнадцати лошадей и крики: *Гоні! лові! Постбі, Кирило!* и прежде нежели пѣхота выстрѣлила изъ ружей, прискакалъ, на распущенномъ, какъ вихорь, конѣ, ѣздокъ и бросился между пушекъ. Тогда только узнали въ немъ Кирила Ласуна. Преслѣдовавшіе его гайдамаки отбиты были густой пальбой изъ карабиновъ, и нѣсколько человѣкъ повалилось съ лошадей. Между тѣмъ разсвѣло. На троекратно, повторенное воззваніе сдаться, гайдамаки наконецъ отвѣчали грубіанскимъ и оскорбительнымъ крикомъ, въ которомъ они не щадили ни насъ, ни нашихъ матерей; и потому опять загремѣли пушки и застучали по лѣсу топоры. Въ нѣсколько часовъ крѣпкая засѣлка окружила притонъ разбойниковъ, а пушечные ядра навалили на острову множество сосенъ, которыя давили людей и лошадей. Гайдамаки пробовали отстрѣливаться изъ ружей, взобравшись на деревья, и наша пѣхота по нимъ стрѣляла; но болото было слишкомъ широко для ручной перестрѣлки. Съ нашей стороны было убито только нѣсколько человѣкъ, да человѣкъ пятнадцать ранено.

Такъ прошелъ цѣлый день. Кирило Ласунъ присовѣтовалъ подѣлать на плотинахъ высокіе завалы изъ сучьевъ, пней, стволъ древесныхъ и хворосту, на которыхъ бы лошади спотыкались и падали, ибо ватажко непременно рѣшится идти на проломъ. Хорошо мы сдѣлали, что его послушались, потому что, какъ потомъ оказалось, Чортоусъ, раздѣливъ своихъ молодцовъ на три отряда, предпринялъ въ эту ночь ударить разомъ въ три стороны на пушки и проложить себѣ дорогу. Мы сторожили его въ полномъ вооруженіи, прислушиваясь къ малѣйшему шуму. На плотны наведены были пушки, заряженные картечью. И вотъ, въ глу-

бокую ночь, вдруг послышался тихій лошадиный топотъ, который, по мѣрѣ приближенія къ плотинамъ, становился яснѣе; наконецъ загудѣли плотины отъ стуку копытъ: гайдамаки громко закричали: *Идите, братья, абó добѣйти, абó дѣла не бѣти!* и поскакали во весь духъ. Мы дали имъ приблизиться, чтобъ они все взвѣхали на плотину, такъ какъ мы разчитывали, что они увязнутъ на переднихъ завалахъ. Наконецъ грянули пушки. Наступилъ Страшный Судъ! Черезъ каждыя двѣ-три минуты батгарен отвѣчали одна другой, стоны умирающихъ и раненныхъ, топотъ лошадей, трескъ раздробленныхъ картечью деревъ раздавались по лѣсу, и все это пропеходило въ ночной темнотѣ, которая только отъ времени до времени озарялась пушечными выстрѣлами и увеличивала еще болѣе ужасъ этой сцены. До самого разсвѣта продолжался громъ пушекъ. Это былъ новый родъ игры въ кровавыя жмурки, въ которой пушкарн, съ завязанными чернымъ платкомъ ночи глазами, поражали всякаго, кто подвернется подъ выстрѣлъ. Только при утреннемъ свѣтѣ увидѣли мы, какое бѣдствіе постигло гайдамакъ. На каждой изъ трехъ плотинъ лежало по нѣсколь-ку десятковъ убитыхъ людей и лошадей, а въ болотѣ видно было нѣсколько утопшихъ. На большой плотинѣ, посреди вѣтвей и кольевъ, которыми она была загромождена, лежалъ завязнувшій и уже мертвый ватажка Семень Чортоусъ; подлѣ него издыхалъ конь чудной красоты. Узнали ватажка Ворона и Ласунъ. Богатая сбруя и рѣдкаго достоинства сабля, которую нашли при немъ, сдѣ-лались добычею князя Мартина Любомпрскаго. Должно быть, опасно носить оружіе, добытое отъ чародѣя! [а Чортоуса называли *характѣриникомъ*.] Можетъ быть, въ этой саблѣ заключена была тайная сила, тянувшая владѣтеля къ насиліямъ и грабежу, которыми, къ несчастью, заняталъ себя въ-послѣдствіи побѣдитель гайдамакъ у Мазепиной Могилы!

По приказанію князя, Ласунъ закричалъ въ жестяную трубу, чтобы оставшіеся въ живыхъ сдались, если не хотятъ погибнуть. Черезъ нѣсколько времени показалось на плотинѣ 36 разбойни-ковъ здоровыхъ и 8 раненныхъ; только всего и уцѣлѣло ихъ изъ

трехъ-сотъ отборныхъ «молодцовъ», да еще вытащено нѣсколько человѣкъ изъ болотныхъ зарослей. Къ нимъ приставили караулъ и велѣли ихъ переодѣть въ мужичье платье, а изъ каждаго ихъ жупана выпоролн по нѣскольку сотъ червонцевъ. Потомъ приступлено къ вытаскиванью изъ болота труповъ и перебитыхъ лошадей; съ однихъ снимали одежду и вооруженіе, а съ другихъ сѣдла и чепраки; потому что у гайдамакъ вездѣ были защиты золото, серебро и драгоценности, награбленныя въ нѣсколькихъ десяткахъ домовъ, (католическихъ и уніятскихъ) церквей и мѣстечекъ. Наконецъ гренадеры вступили въ гайдамацкій станъ, чтобъ разорить его. Тамъ нашли въ батовнѣ 80 лошадей живыхъ и около 15 убитыхъ; вытащили изъ лѣсу трупы; оружіе и сбрую снесли къ мѣсту дѣлежа, и тотъ-часъ приступлено къ описи добычи. Между тѣмъ прибылъ войсковой судья съ слѣдователями и палачъ съ своими прислужниками, — одни для изреченія приговора трупамъ, другіе для глумленія надъ ними; ибо живыхъ плѣнниковъ, для подробнѣйшаго вопроса, тотъ-часъ отправлено, въ оковахъ и подъ сильною стражею, въ подземелья Полонскаго замка, которыя назывались *Индією*. Войско оставалось здѣсь до слѣдующаго дня, и въ это время раздѣлена добыча между офицерами и рядовыми; даже и мужикамъ дали по нѣскольку мѣдныхъ монетъ. Не забыли такъ-же ни блюстителя правосудія, ни исполнителей его приговора. Последніе увеличили свою награду, найдя въ желудкѣ одного четвертованнаго гайдамаки сто червонцевъ, которые онъ проглотилъ, свернувши въ трубочки. Наконецъ наступила обычная въ такихъ случаяхъ разсылка по мѣстечкамъ и большимъ дорогамъ головъ, рукъ и ногъ разбойничьихъ, что, правду сказать, производило больше отвращенія въ прохожихъ, нежели спасительнаго страха въ продавшихъ себя чорту злодѣяхъ.

Войско выступило въ обратный путь, пробираясь мѣстами, ближайшими къ большой дорогѣ. Жолнѣры шли весело, бесѣдуя о недавнихъ приключеніяхъ и радуясь добычѣ, которую получили, неокровавивъ рукъ, ибо все сдѣлали однѣ пушки. Проѣзжая

мимо пѣхоты, я улышалъ пѣсню, которой одинъ куплетъ до сихъ поръ помню :

Cóż będziemy robili,
Gdyśmy wartę odbyli?
Weźmiem flintę, patronas,
Pójdziem na wieś kury kraść. (1)

»О-го!« подумалъ я, »не даромъ зовутъ васъ курохватами!
А отъ лычка и до ремешка. При удобномъ для грабежа случаѣ,
вы бывали не лучше этихъ гайдамакъ.« (2)

ЭПИЛОГЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Послѣднія слова престарѣлаго Польскаго пана приводятъ насъ къ причинѣ происхожденія и развитія гайдамачества въ Польскомъ королевствѣ. Первоначальными гайдамаками были въ немъ его собственные *жюльеры* (военные люди), отъ которыхъ страдали всѣ провинціи и которые, состоя почти изъ одной шляхты, вкоренили въ ея духѣ всеподавляющій деспотизмъ личнаго произвола. Общественный порядокъ въ этомъ несчастномъ государствѣ основанъ былъ на правѣ сильнаго, которое отъ Рад-

---

(1) Чтò же намъ дѣлать, отбывъ свою службу? Возьмемъ ружье и патрон-ташъ и пойдемъ на деревню красть куръ.

(2) Слѣдуетъ замѣтить, что оба похода на гайдамакъ, описанные паномъ За-кревскимъ, происходили за нѣсколько лѣтъ до 1768 года, то есть до Коліновщи-ны. Онъ говоритъ въ своихъ запискахъ, или лучше — воспоминаніяхъ, что, еще до этихъ походовъ, онъ видѣлъ однажды Гонту, «который натворилъ столько бѣдъ въ-послѣдствіи». Далѣе, онъ рассказываетъ, въ числѣ воспоминаній о позднѣйшемъ періодѣ своей жизни, интересныя подробности о казни Гонты, которая будутъ приведены мною въ другомъ мѣстѣ. *Издан.*

живилловъ, Потоцкихъ и имъ подобныхъ магнатовъ спешило до послѣдняго человѣка въ королевствѣ, носившаго оружіе, и чѣмъ ниже спускалось, тѣмъ было нестерпимѣе для народа, который рѣзко былъ отличенъ въ «правахъ и вольностяхъ» отъ шляхетства. Поляки не шутя вѣрили, что мужики произошли отъ Хама и созданы именно для того, чтобы работать на пановъ (1), и ни одному государственному человѣку не приходило у нихъ въ голову позаботиться объ улучшеніи участи этой отверженной касты, которая составляетъ плодотворную почву каждаго государства. Во внутреннихъ областяхъ все молчало и творило панскую волю отъ поколѣнія къ поколѣнію; но на пограничьи духъ личной независимости былъ развитъ въ высшей степени, и несправедливаго вѣдѣнія шляхетныхъ деспотовъ не могли быть долго терпимы Украинскимъ простонародьемъ. Сосѣдство съ хищными Татарами создало здѣсь въ народѣ потребность противодѣйствія ихъ набѣгамъ. Человѣкъ на Украинѣ завнѣлъ отъ личной храбрости болѣе, нежели гдѣ-либо, и только смѣлый, только рѣшившійся на все могъ пользоваться правомъ займа пастбищъ и рыбныхъ ловель въ виду степей, по которымъ рыскали, какъ голодные волки, Татары. Не земляной валъ, которымъ окружала себя въ тѣ времена самая ничтожная усадьба въ Украинѣ, защищала здѣсь человѣка, а такой же лукъ, такое же ружье и сабля, какими вооружены были хищники; и если Украинцы умѣли отсиживаться отъ Орды въ своихъ редутахъ, то мало-помалу должны были научиться и нападать на нее. Можетъ быть, они начали учиться этому искусству съ такихъ естественныхъ попытокъ, какую, послѣ *руины* и *сѣну*, сдѣлалъ одинъ изъ ея поселянъ, Кѣзубъ съ товарищами (2), но мало-помалу выдвинулись въ степи смѣлые и начали мѣряться съ Татарами наѣздничествомъ не на шутку; наконецъ составили изъ своихъ смѣльчаковъ безженное общество среди недоступныхъ камышей въ низовьяхъ Днѣпра и въ свою очередь сдѣла-

(1) См. т. I, стр. 101, «Базиліанс».

(2) Тамъ-же, стр. 102 — 103, «Преслѣдованіе Татаръ послѣ набѣга».

лись ужасомъ Крыма и Турціи. Сами Поляки способствовали устройству этого полурыцарскаго, полу-разбойничьяго братства; но какъ оно составлялось большею частію изъ Украинцевъ, недовольныхъ притѣсненіями жолнѣровъ, пановъ и Жидовъ—арендаторей, то, постепенно развивая въ себѣ къ нимъ ненависть, произошло наконецъ такую же враждою ко всему католическому и жидовскому, какъ и ко всему мусульманскому. Отсюда—то пошли войны Косинскаго, Наливайка и т. д. до Чортоуса и Зализняка. Запорожцы выступали изъ Сѣчи на Украину, дѣлали воззванія къ народу, собирали въ большемъ, или меньшемъ объемѣ ватаги, подобныя ватагамъ Чуприны, Чортоуса и Зализняка, и истребляли все не-Русское и не-»благочестивое«, сопровождая, разумѣется, свою рѣзню грабежемъ и пожарами.

III.

НАЙМИЧВА,

ПОЭМА.

ПРЕДИСЛОВІЕ ИЗДАТЕЛЯ.

Одинъ изъ моихъ пріятелей, въ числѣ бумагъ, доставшихся ему отъ кого-то по наслѣдству, передалъ мнѣ тетрадь разныхъ пѣсень и стиховъ, писанную женскимъ почеркомъ, и всё на Малороссійскомъ языкѣ. Это былъ одинъ изъ альбомовъ, которыхъ множество ходитъ по рукамъ между нашими Малороссійскими барышнями, и въ особенности между тѣми изъ нихъ, которыя не были въ пансіонахъ и не учились по-Французски. Я люблю эти альбомы и не пропускаю ни одного изъ нихъ не перелиставши. Въ нихъ обыкновенно бываютъ набраны стихи безъ особенной разборчивости, но всегда по внушенію сильнаго чувства. Прочитывая пѣсню за пѣсней, стихи за стихами, въ нихъ читаешь тайную исторію свѣжей души, любящей, или готової любить съ самоотверженіемъ. Какъ бы эти альбомы, или тетради ни были плохо написаны, затасканы и иногда изчерчены дѣтскими перьями и карандашами, — они всегда для меня интересны; и особенно пріятно мнѣ встрѣчать въ нихъ проявленіе вкуса къ мѣстнымъ красотамъ природы и человѣка. Здѣсь самопознаніе важно въ томъ смыслѣ, что оно примиряетъ молодыхъ души съ окружающими ихъ предметами, заставляетъ ихъ цѣнить и любить то, что представляется глазамъ ежедневно, и удерживаетъ отъ безплоднаго стремленія къ какимъ-то лучшимъ странамъ и лучшимъ людямъ, — тогда какъ для души, согрѣтой истинной поэзіей, нѣтъ страны лучше той, въ которой мы почувствовали впервые наслаж-

деніе смотрѣть на лица человѣческія. Любовь къ роднѣ и ея поэзіи ведетъ человѣка къ тому высокому разуму сердца, который дѣлаетъ все племена земныя намъ родственными, но обращаетъ наши силы на пользу тѣхъ, кто по-преимуществу называется нашими ближними. Не полюбивъ матери, отца, или по крайней мѣрѣ кормилицы, няньки и товарищей дѣтства, мы не любимъ, въ позднѣйшемъ возрастѣ, людей, намъ постороннихъ: и если наше сердце не будетъ трепетать отъ звуковъ той поэзіи, которая создала наши колыбельныя пѣсни, — пѣснѣ будутъ для него все высокіе звуки, устремляющіе насъ къ благому и великому. Поэтому я всего больше радуюсь пробудившейся въ нашихъ грамотныхъ Малороссіянахъ любви къ роднымъ пѣснямъ и родной словесности. Это вѣрный залогъ распространенія нравственныхъ понятій въ нашемъ обществѣ и примѣненія ихъ къ жизни; ибо, какъ я сказалъ, нельзя любить и чужого, не любя своего; а безъ любви ничто живое, плодотворное не можетъ быть привито человѣку; и дѣти, воспитывающіяся безъ высокихъ нравственныхъ вліяній, не принесутъ истинной пользы ни своему родному, ни другому племени. Національная поэзія, поднимая въ молодой душѣ будущей матери все чисто человѣческое надъ матеріальнымъ, готовитъ въ ней апостола добродѣтели не на одно, а на нѣсколько грядущихъ поколѣній. Женщина, проникнутая поэзіею своего народа, проникается его нравственными убѣжденіями, выраженными въ гармоническихъ формахъ; а народъ, въ своей совокупности, есть самое нравственное существо, у котораго лучше всего учиться дѣятельному благочестію. И за добро, принятое отъ него въ душу, каждый возвратитъ ему добромъ, внушаемымъ благодарною любовію: въ чемъ собственно и состоитъ цѣль воспитанія.

Итакъ альбомы нашихъ уѣздныхъ и хуторскихъ барышень, особенно въ последнее десятилѣтіе, получили опредѣленный характеръ — начали наполняться, если не сплошь, то большею частью, произведеніями Малороссійской простонародной и образованной музы. Высказанныя выше причины, а не насмѣшливое любопытство

человѣка, знакомаго съ литературами иноплеменными — какъ во-
дилось во времена Пушкина (1) — заставляетъ меня прочитывать
ихъ, и часто я бывалъ награжденъ за свой трудъ находками красоты
поразительной. Не говоря уже о томъ, что ихъ владѣтельница,
слушая ежедневно народныя пѣсни, имѣють больше нашего
случаевъ записать особенно счастливыя пѣсы, къ нимъ — Богъ
знаеть, какими путями — заходятъ произведенія литературныя на
Малороссійскомъ языкѣ, о которыхъ иной любитель только слы-
шалъ и изъ которыхъ едва нѣсколько стиховъ содержитъ въ на-
мяти. Но никогда мои поиски не были такъ удачны, какъ на этотъ
разъ. Въ затасканномъ и весьма неправильно писанномъ аль-
бомѣ какой-то уединенной мечтательницы, а можетъ быть и весе-
лой подружки цѣлаго общества сельскихъ красавицъ, я нашелъ по-
эму, о которой до сихъ поръ не слышалъ ни отъ кого ни слова.
Имя автора на ней не означено, и я даже не знаю, кто бы могъ
быть ея авторомъ. Содержаніе ея очень просто и не похоже на
вымыселъ: но изящество формы обнаруживаетъ въ ней творче-
ство высшаго разряда. Живопись природы и нравовъ Малороссій-
скихъ возведена здѣсь до изумительной точности и вмѣстѣ съ
тѣмъ свободы, въ которой искусство замѣтно только для опытнаго

(1) «Евгеній Онѣгинъ», гл. IV:

Конечно вы не разъ видали
Уѣздной барышни альбомъ,
Что все подружки измарали
Съ конца, съ начала и кругомъ.
Сюда, на зло правописанью,
Стихи, безъ мѣры, по преданью,
Въ знакъ дружбы вѣчной, внесены,
Уменьшены, продолжены.

. . . . .
Тутъ непременно вы найдете
Два сердца, факель и цвѣтки,
Тутъ, вѣрно, клятвы вы прочтете
Въ любви до гробовой доски.
Какойнибудь пѣть армейской
Тутъ подмахнулъ стишокъ злодѣйской, и проч.

глаза. Наивное и трогательное положено авторомъ въ основу поемы, и въ этомъ отношеніи я не знаю ничего совершеннѣе ни въ одной Европейской литературѣ. Что касается до языка, то призываю въ свидѣтели людей, изучавшихъ народныя Украинскія пѣсни: здѣсь онъ блещетъ всею свѣжестью и горитъ всеми красками, какія только мы встрѣчаемъ въ нашихъ лучшихъ пѣсняхъ, изображающихъ семейный бытъ, материнскія чувства и умилятельное благочестіе народа. И такое произведеніе скрывается, можетъ быть, въ единственномъ спискѣ, въ тетради какой-то хуторской барышни! и самъ его авторъ, можетъ быть, уже не существуетъ; можетъ быть, мы уже не услышимъ другихъ его звуковъ, другихъ его задуманныхъ мотивовъ! Помѣщая въ своемъ сборникѣ его поэму, я далекъ отъ посягательства на чужую собственность; напротивъ, думаю, что оказываю услугу, какъ ему самому, такъ и его землякамъ, для которыхъ писалъ онъ и которыхъ сердца, созвучнушіяся между собой, волшебной силою его стиха, будутъ для него лучшей наградою.

НАЙМИЧКА.

ПРОЛОГЪ.

У неділю въ-ранці рано
Поле крилося туманомъ ;
У тумані, на могилі,
Якъ тополя, похлилася
Молодїця молодая.
Щось до лоня пригортає
Та съ туманомъ розмовляє :

»Ой тумане, тумане —
Мій латаній талане !
Чому менé не сховаєнть
Отгуть середь лану ?
Чому менé не задавишь,
У зёмлю не вдавишь ?
Чому мині злої долі,
Чомъ вібу не збавишь ?

Ні, не даві, туманочку!
Сховай тільки въ полі,
Щобъ ніхто не знавъ, не бачивъ
Моєї недолі!...
Я не одна, — есть у мене
И батько, и мати...
Есть у мене... туманочку,
Туманочку, брате!...
Дитя моє, мій сіночку,
Нехрищений сїну!
Не я тебе христїтиму
На лиху годїну;
Чужі люде христїтимуть,
Я не буду знати,
Якъ и зовуть.... Дитя моє!
Я була багата....
Не лай мене; молїтимусь,
Щзь самого неба
Доблю виплачу слезами
И пїшлю до тебе.»

Пїшла полемъ ридючи,
Въ тумані ховалась
Та крізь слези тихесенько
Про вдову співала,
Якъ удова въ Дуняєві
Спївѣ поховала:

»Ой у полі могила;
Тамъ удова ходїла,
Тамъ ходїла-гуляла,
Трути-зілля шувала.
Трути-зілля не пайшла,
Та спївѣ двохъ привела,

Въ китаечку повилà
И на Дунаї однесла :
»Тїхнїї, тїхнїї Дунаїї!
»Моїхъ дітòвъ забавляїї.
»Ти, жовтєнькїї пісòвъ!
»Нагодуй моїхъ дітòвъ,
»Пекунàїї, пєновїїї,
»И собòю укрий!»

I.

Бувъ собі дідъ та баба.
Зъ давнiєго давна у гаї надъ стáвомъ
У-дво́хъ собі на ху́торі жили,
Якъ діточо́къ дво́е, —
Усюди обо́е.
Ще зъ-малéчку у-дво́хъ ягнiята пасли,
А потiмъ побрáлися,
Худобнi дiждáлися, —
Придбáли ху́тиръ, стáвъ и мли́нъ,
Садо́къ у гаї розвели
И пасiку чимáлу, —
Всёго надбáли.
Та діточо́къ у iхъ Бiгъ-ма,
А смерть съ косо́ю за плечiма.

Хто жъ iхъ старiсть привiтае,
За дитiну стáне?
Хто заплаче, поховàе?
Хто дiшу спомiне?
Хто поживé добро́ чéстно,

Въ добрую годіну,
И згадає дякуючи,
Якъ своя дитіва?....
Тяжко дітєй годувати
У безвєрхіі хаті,
А щє гірше старітєся
У білихъ палатахъ, —
Старітєся, умірати,
Добро покидати
Чужімъ людіямъ, чужімъ дітямъ
На сміхъ, на рострату!

II.

И дідъ, и баба у неділю
На приспї въ-двохъ собі сиділи
Гарнєнько, въ білихъ сорочкахъ.
Сіяло сѣнце въ небесахъ;
А ні хмаріночки, та тіхо,
Та лѣбо якъ у раї.
Сховалося у сєрці ліхо,
Якъ звірь у тємнімъ гаї.

Въ такімъ раї чоґо бѣ, бачця,
Старімъ сумовати?
Чи то давнє якє ліхо
Прокїнулось въ хаті?
Чи вчорашнє, задавленє
Зновъ заворушилось,
Чи ще тїлько заклїоцунлось —
И раї запалїло?

Не знаю, щѣ и після чоґо
Старі сумують. Мѣже, вже

Отсе збіраютьця до Бога,
Та хто въ далёкую доро́гу
Імъ до́бре ко́ней запряже́?

»А хто насъ, На́сте, похова́е,
Якъ помремó?«

— »Бо́гъ зна́е!

Я все отсе́ міркува́ла,
Та ажъ сѹмно ста́ло:
Одино́кі зостари́лись....

Ко́му понадба́ли
Добра́ се́го?...«

— »Стрива́й лише́нь!

Чи чѹєшь? щось пла́че
За ворітьми... мовъ дити́на!
Побіжи́мъ лишъ!... Ба́чишь?
Я вга́дувавъ, що щось бу́де!«

І́ разо́мъ схопи́лись
Та до воріть... Прибіга́ють —
Мо́вчки зупини́лись.
Передъ са́мимъ перелазо́мъ
Дити́на спові́та —
Та її не ту́го, її нове́нькою
Свити́ною вкри́та;
Бо то ма́ти сповива́ла
І́ літо́мъ укри́ла
Оста́ннюю свети́ною!....
Диви́лись, моли́лись
Старі́ моі. А серде́шне
Нена́че блага́е:
Ви́пручало руче́нята
І́ до їхъ просяга́е
Ма́шюсінькі... п замóвкло,

Несі́че не пла́че,
Ті́лько пхика.
»А що́, На́сте?
Я й ка́завъ! Отъ, ба́чншь?
Отъ и талáнь, отъ и до́ля,
И не оди́нокі!
Бері́ жъ лишéнь та сповивáй...
’Ачъ яké, не врóку!
Несі́ жъ вѣ хáту, а я вéрхи
Кі́нує за кума́ми
Вѣ́ Городі́ще.«

Чу́дно я́гось
Ді́етця міжъ на́ми!
Оди́нь сина прокли́нає,
Съ хáти виганя́є,
Дру́гий сві́чечку серде́нний
По́томъ заробля́є
Та ридáючи ста́новить
Передъ обра́зами —
Нема́ ді́тєй!... Чу́дно я́гось
Ді́етця міжъ на́ми!

III.

Ая́къ три па́ри на ра́дошахъ
Кумівъ на́збіра́ли,
Та вѣ́-вечері́ й охри́стїли
И Ма́рко́мъ назва́ли.
Ростè Ма́рко. Ста́рі моі́
Не зна́ють, де ді́ти,
Де поса́дїть, де поло́жїть
И що́ зъ нимъ робі́ти.
Ми́шає рі́вкъ. Ростè Ма́рко —

И дійна корова
У роєкоші купається.
Ажъ ось черноброва
Та молодá, білолиця
Прийшла молодиця
На той хутіръ благодатний
У найми проситьця.

»А щò жъ?« каже, »визьмимъ, Насте.«

— »Визьмімо, Трохіме,
Бо ми старі, нездужаемъ,
Та такі й дитина,
Хочá вонó вже й підросло,
Та веє жъ такі треба
Коло ёго піклуватись.«

— »Та вонó-то треба,
Бо й я свою вже часточку
Проживъ, слава Бóгу, —
Підтоптався. Такъ щò жъ, теперъ,
Щò визьмешъ, небóго?
За рікъ, чи якъ?«

— »А щò дастè.«

— »Э, ні! треба знати,
Треба, дочко, лічить плату,
Зарóблену плату;
Бо скáзано: хто не лічпть,
То той и не має.
Такъ оттакъ хибá, небóго?
Ні ти насъ не знаєшъ,
Ні ми тебе. А поживєньъ,
Роздівнєся въ хаті,
Та й ми тебе побáчимо, —
Оттоді й за плату.
Чи такъ, дочко?«

— »Добре, дядьку.«
— »Пробіємо жъ у хату.«

Поєднались. Молодіця
Рáда та весéла,
Ніби съ паномъ повіщáлась,
Закупіла сéла.
И у хаті, и на двóрі,
И коло скотіни,
У-вéчері и въ-дóсвіта;
А коло дитіни
Такъ и пада, ніби мáти;
Въ б́удень и въ неділю
Головоцьку ёму змиé,
И сорóчечку білу
Що дéнь Бóжій надіваé,
Граéтця, співаé,
Рóбить вóзики, а въ свáто,
То й зъ рýкъ не спускаé.
Двју́ютця старі моі
Та мо́лятця Бòгу.
А наймичка невспи́ўца
Що вéчиръ, небóга,
Свою дóлю проклинаé,
Тя́жко-ва́жко пла́че;
И ніхтó тогó не чу́е,
Не знаé її не ба́чить,
Опрічь Ма́рка малéнького.
Такъ воно́ не знаé,
Чогó наймичка слéзáми
Ёго умиваé.
Не зна́ Ма́рко, чогó вона́
Такъ ёго цілу́е, —
Сама́ не ззість и не допъé,

Їго нагодѹе.
Не зна́ Марко, якъ въ колісці
Часомъ середь но́чи
Прокі́нетця, вору́хнѣтця, —
То вона́ вже свѣ́чить
И укْرِіе, іі перехрѣстить,
Ті́хо заколіше:
Вона́ чѹе зъ тні хати,
Якъ дитина́ дїше.
Въ-ра́нці Марко до на́ймички
Рѹчки прости́гае
И ма́мою невсипну́щу
Га́нну велича́е....
Не зна́ Марко, ростѣ собі,
Ростѣ, вироста́е.

IV.

Чимало́ лігъ переверну́лось,
Воді́ чимало́ утекло́;
И въ ху́тірѣ ли́хо заверну́ло,
И слі́зъ чимало́ принесло́.
Бабу́сю На́стю поховали́
И ле́двє, ле́двє одво́лили
Трохи́ма ді́да. Прогуло́
Прокля́те ли́хо та іі засну́ло.
На ху́тірѣ зио́ву благода́ть
Зъ-за га́ю те́много верну́лась
До ді́да въ хату́ спочива́ть.

Уже́ Марко чу́макуе
И въ-осені́ не ночѹе
Ні́ підъ хато́ю, ні́ въ хати́....
Кого́-не́будь тре́ба свѣ́тати.

»Когò жъ би тутъ?« старій дýма
И прòбєть порáди
У наймички. А наймичка
До царівни бъ рáда
Слатъ старості: »Трѣба Мáрка
Самòго спитати.«
— »Дòбре, дòчка, спитаємо,
Та и́ бýдемо свáтать.«

Роспитали, порáдилиєь,
Та и́ за старостáми
Пишòвъ Мáрко. Вернýлися
Люде зъ рушникáми,
Зъ святимъ хлѣбомъ обміненимъ.
Пáппу у жуиáні,
Такý крáлю вѣсватали,
Щò хоть за гетмáна,
То нє сòромъ. Оттакè-то
Дíво запонали!

»Спасібі вамъ!« старій кáже.
»Тепérъ, щòбъ ви знáли,
Трѣба крáю доводити,
Колі и́ де вичáти,
Та и́ весілля. Та ще óсь щò:
Хто въ насъ бýде мáти?
Не дожплà моя Нáстя!...«
Та и́ залівєь слѣзáми.
А наймичка, у порóгу,
Вхопилаєь рукáми
За одвірокъ та и́ зомліла.
Тíхо стáло въ хáті;
Тíлько наймичка шептáла:
»Мáти .. мáти... мáти!«

V.

Черезъ тїждень молодїці
Коровай мїсїлп
На хўторї. Старїй батько
За усїєї сїлп
Зъ молодїцямп танцюе
Та двіръ вимїтае,
Та проходжпхъ, проїжжачпхъ
У двіръ закпвае,
Та вареною частуе,
На весїлля проспть;
Зпаї бїгае, а самого
Лїдвї ндгп носять.
Скрїзь гармїдеръ та реготнїя
Въ хати п на дворї.
П жолобї вїкотплп
Зъ нової коморп.
Скрїзь пораннїя: печуть, вартяь,
Вимїтають, мїють....
Та все чужї. Де жъ наймичка?
На прощу у Кїївъ
Пшлї Ганна. Благавъ старїй,
А Мърко ажъ плакавъ,
Щобъ була вона за матїрь.
»Нї, Мърку, нї яко
Мнї матїрью сїдїтї:
То багатї люде,
А я наймичка.... ще її съ тебе
Смїятся бўдуть.
Нехай Бдгъ вамъ помагак!
Пїїдў помолўся
Усїмъ святїмъ у Кїївї
Та її зпдву вернўся

Въ вашу хату, якъ приймете.

Поки маю сили,

Трудітимусь...»

Чістимъ сѣрцемъ

Поблагословила

Свого Мάρка... заплакала

Ї пішла за ворота.

Розвернулося весілля.

Музикамъ робота

Ї підковамъ. Вареною

Столи й лавки мінють.

А наймичка шкандибає,

Поспішає въ Київъ.

Прийшла въ Київъ — не спочила,

У міщанки стала,

Нанялася носить воду,

Бо грошей не стало

На агафистъ у Варварі.

Носила-носила,

Кіпъ изъ вісімъ заробила

Ї Мάρкові купила

Святую шапочку въ печерахъ

У Івана святого,

Щобъ голова не боліла

Въ Мάρка молодого;

Ї перстеникъ у Варварі

Невістці достала,

Ї всімъ святимъ поклонившись,

Додому верталась.

Вернула ся Катеріна

Ї Мάρко зостріли

За ворітьми, ввели въ хату

Ї за стіль посадили;
Наповали й годували,
Про Київ питали,
И в кімнаті Катеріна
Одпочить послала.

»За що вони менé любяць?
За що поважають?
О Боже мій милосердний!
Мóже, вони знають...
Мóже, вони догадались...
Ні, не догадались;
Вони добрі...«

И паймичка
Тяжко зарцдала.

VI.

Трічи кріга замерзала,
Трічи роставала,
Трічи паймичку у Київъ
Катра провозжала,
Такъ якъ матіръ; и в четвѣртий
Провелá небóгу
Ажъ у поле, до могили,
И молила Бóга,
Щобъ швиденько верталася,
Бо безъ неї в хаті
'Якось сѹмно, ніби мати
Повинула хату.

Після Пречистої в неділю,
Та після Пѣршої, Трохімъ
Старій сидівъ в сорóчці білій,

Въ брилі на пріспі. Передъ імъ
Зъ собакою унучокъ грався,
А внучка въ юнку одяглась
У Катрину и ніби йшла
До діда въ гості. Засміявъ
Старійи и внучку привітавъ,
Неначе справді молодіцю.
»А де жъ ти діла паляніцю?
Чи, може, въ лісі хто однявъ?
Чи по-просту — забула взяти?...
Чи, може, ще її не напекла?
Э, соромъ, соромъ, ленеька мати!«
Ажъ зиреть, — и наймичка ввійшла
На двіръ. Побігъ старійи стрічати
Зъ онуками своію Ганну.
»А Марко въ дорозі?«
Ганна діда питалася.
— »Въ дорозі ще її досі.«
— »А я ледве доплелась
До вашої хати.
Не хотілось па чужійи
Одній умирати!
Колибъ Марка диждатися...
Такъ щось тяжко стало!«
И унучатамъ изъ клунка
Гостинці виімала:
И хрестики, и дубачки,
И наміста разбочокъ
Оріючці. и червоний
Зъ фільги образочокъ.
А Карпові соловейка
Та вониківъ пару,
И четвёртий уже перестень
Святої Варварі

Катеріні, а дідові
Ізъ вóску свято́го
Три свічечки; а Ма́ркові
І собі нічо́го
Не припесла́. Не купи́ла,
Бо гро́шей не ста́ло,
А заробіть пездужала.
»А ось ще оста́лось
Пивъ-бу́бличка!«
І по шма́точку
Дітямъ розділи́ла.

VII.

Ввійшла въ ха́ту. Катері́на
Ії по́ги умі́ла
Ії полудновать посади́ла.
Не пи́ла їй не ї́ла
Моя́ Га́нна.
»Катері́но!
Коли́ въ пасъ неді́ля?«
— »Після́ за́втра.«
— »Треба́ бу́де
Ава́фистъ на́яти
Микола́єві свято́му
Ії на ча́сточку да́ти;
Бо щось Ма́рко забари́вся...
Мо́же, де въ до́розі
Занедужавъ, сохрани́ть Бо́же!«
Ії покапали́ слези́
Зъ стари́хъ оче́й замучени́хъ.
Ледве́, ледве́ встала́
Ізъ-за сто́ла.

»Катеріно!

Не та вже я стала:
Зледащила, нездужаю
И на ноги встати.
Тяжко, Катре, умирати
Въ чужій теплій хаті!»

Занедужала небога.
Ужé її причащали,
Її маслосвятне служили, —
Ні, не помагало.
Старій Трохімъ по надвірью
Мовъ убитий ходить.
Катеріна зъ болящої
И очей не зводить;
Катеріна коло неї
И дніве, й ночіе.
А тимъ часомъ спчі въ-почі
Не добре віщують
На коморі. Болящая
Що день, що годіна,
Ледві чути, питається:
»Доню Катеріно!
Чи ще Марко не прихавъ?
Охъ, якъ-бій я звала,
Що діждуся, що побачу,
То ще бь подождала!»

VIII.

Іде Марко съ чумаками,
Ідучі співає,
Не посніша до господи —

Воли понасає.
Везе Мάρко Катеріні
Сукна дорогóго,
А бáтькові шитий поясъ
Шóвку червонóго,
А наймичці на очінокъ
Парчі золоті
И червóну дóбру хўстку
Зъ білою габóю,
А дiточкáмъ черевiчки,
Фiгъ та винограду,
А всiмъ вь-купi червóного
Вина зъ Царiграду
Вiдеръ съ трóе у барiлі
И кавяру зъ Дóну, —
Всёгò везе, та не знає,
Щò дiетця дóма!

Иде Мάρко, не журитця.
Прийшовъ — слава Бóгу!
И ворóта одчиняє,
И мóлитця Бóгу.
«Чи чўешъ ти, Катерiно?
Бiжii зустрiчати!
Ужé прийшовъ! бiжii швидче!
Швидче ведi вь хáту!...
Слава тобі, Спасiтелю!
Насiлу дiждáла!»
И *Отче нашъ* тiхо, тiхо
Мовъ крiзь сонъ читáла.

Старiй воли вниряє.
Занóзи ховає
Мерéжанi, а Катруся

Марка оглядає.

»А де жъ Ганна, Катеріно?

Я пакъ и байдуже!

Чи не вмёрла?»

— »Ні, не вмёрла,

А дуже нездужа.

Ходімъ лишень въ малу хату,

Поки випрягає

Батько волі: вона тебе,

Марку, дожидає.»

Ввійшовъ Марко въ малу хату

И ставъ у порогу...

Ажъ злякався. Ганна шепче:

»Слава... слава Бóгу!

Ходи сюди, не лякайся...

Вийди, Катре, съ хати:

Я щось маю роепштати.

Де-що розказати.»

Війшла съ хати Катеріна,

А Марко схилився

До наймички у голови.

»Марку! подивіся,

Подивіся ти на мене:

Бачъ, якъ я змаріла?

Я не Ганна, не наймичка,

Я...»

Та її заніміла.

Марко плакавъ, дивувався.

Зновъ очи відкрила,

Пійло, пійло подивілась —

Слѣзи покотілись.

»Прости мене! Я варалась

Весь вікъ въ чужій хаті....
Прости мене, мій сїночку!

Я... я твої маїти.»

Та й замóвкла...

Зомлівъ Мáрко,

Її земля задригáла.

Прокїнувся... до маїтери —

А маїти вже спáла!

IV.

ЗАЩИСКА

члена Малороссійской Коллегіи, Григорія Николаевича
Теплова,

составленная въ царствованіе Императрицы Елисаветы Петровны:

»О не порядкахъ, которые происходятъ отъ злоупотребленія правъ и обыкновеній, грамотами подтвержденныхъ Малороссіи.«

ПРЕДИСЛОВІЕ ИЗДАТЕЛЯ.

Знаменитый Георгій Копиcкій, а вельдъ за нимъ и нѣкоторые другіе писатели Малороссійскіе обвинили Теплова въ злобномъ расположеніи къ Малороссіи. Но въ предлагаемой запискѣ его не видно никакой злобы. Тепловъ, напротивъ, любилъ Малороссію: иначе — онъ не старался бы выставить передъ Государыней Елисаветой Петровной злоупотребленій Малороссійскихъ старшинъ и вообще пановъ, отъ которыхъ страдало большинство населенія края. Записка его дышетъ желаніемъ общей пользы, въ томъ смыслѣ, какъ онъ, по своему времени, понималъ общую пользу. Но для насъ она гораздо интереснѣе въ другомъ отношеніи. Намъ дороги замѣчанія современника объ общественномъ устройствѣ Малороссіи въ гетманство Разумовскаго, о взаимныхъ отношеніяхъ ея сословіій, о неограниченномъ господствѣ права сильного между ея жителями, о хищности старшинъ и пановъ и о причинахъ матеріальнаго упадка низшихъ сословіій.

Записка Теплова обнаруживаетъ передъ нами внутреннюю испорченность административныхъ формъ, извѣстныхъ намъ подъ именемъ *Гетманщины*, и естественную необходимость ихъ измѣненія. Еслибъ Гетманщина держалась на общемъ благѣ Малороссійскаго населенія, она была бы гораздо долговѣчнѣе; ибо

крѣпко стоитъ гражданское общество, котораго все представители живутъ равно сознанными, равно дорогими для каждого интересами. Тутъ, напротивъ, стремленія старшинъ совершенно расходились съ пользами народа, и какъ каждый изъ высшихъ дѣйствовалъ для себя и никто для общества, то Малороссіяне естественно угнетали другъ друга, угнетали кто кого могъ, и довели наконецъ край до совершенной безурядицы. Блюстители старыхъ формъ гражданственности сами на каждомъ шагѣ разрушали ихъ своими неправдами и потеряли наконецъ самую идею общихъ интересовъ. Все интересы ихъ ограничивались личными выгодами и преимуществами; идея націи исчезла; образовались только дома и связи. Пользуясь знатымъ родствомъ и опираясь на богатство, паны Малороссійскіе сдѣлались, въ отношеніи къ мелкимъ владѣльцамъ и простолюдицамъ, чѣмъ-то въ родѣ феодальныхъ бароновъ; и не только знатный чловѣкъ съ простымъ поселяниномъ, но даже панъ съ паномъ позволялъ себѣ и имѣлъ возможность сдѣлать самое вопіющее насиліе.

Эти слова могутъ показаться преувеличенными, но Малороссійскіе архивы XVIII вѣка подтверждаютъ ихъ самыми грустными примѣрами. Напримѣръ, сохранилась *ревокація* пана Коржевскаго, въ которой онъ смиренно рассказываетъ, что онъ, бывши на пиру въ *поважномъ домѣ* Андрея Горленка, осмѣлился напомнить хозяйкѣ о старомъ долгѣ, что панъ Горленко подалъ на него въ полковой судъ жалобу и что судъ заставилъ его отречься отъ своего требованія и сознаться, что онъ въ домѣ Горленка *якъ несть своєю губою брехавъ*. Этого мало: изъ дѣла видно, какъ эта ревокація вынуждена была у подсудимаго: ибо панъ Коржевскій «за опороченіе чести такъ поважной персоны, былъ наказанъ публично на рынку.»

Такихъ случаевъ было множество, и приведенный мною представляетъ явленіе, въ тотъ вѣкъ весьма обыкновенное. Что касается до злоупотребленій старшинъ въ отношеніи къ козакамъ, мѣщанамъ и поселянамъ, то вотъ одно изъ множества архивныхъ свидѣтельствъ. Новгородъ-Сѣверскій сотникъ Лисовскій до та-

кой степени всёх ихъ угнеталь, что гетманъ Скоропадскіи призывалъ его къ себѣ и взялъ съ него письменную *ассекुरацію* прекратить угнетенія. Но едва сотникъ вступилъ снова въ должность, какъ началъ опять «людей своей сотни ганити (позорить), озлобляти и утѣснати, грунтá (земли) ихъ власные (собственныя) отнимати, боемъ грозити, а іншихъ и окрывать (колотить), урядниковъ городовыхъ, цеховыхъ и сельскихъ по своей хóти перемѣнати, міськими (городскими) людьми и подводами отбувати въ себе роботизну» и пр.

Разсказъ Теплова о томъ, какъ Малороссійскіе паны, занимая разныя правительственныя мѣста въ Гетманщинѣ, присвоивали себѣ обманомъ и насиліемъ козацьи земли, ни мало не преувеличенъ. Изъ «Матеріаловъ для Отечественной Исторіи», изданныхъ въ Кіевѣ г. Судіенкомъ, видно, какъ, гетманы наши, пользуясь своею властью и безмолвіемъ хищниковъ-старшинъ, набрали себѣ «на булаву» земель по всей Малороссіи. Въ такомъ-то полку гетману принадлежать цѣлыя села, въ такой-то сотнѣ владѣть онъ многочисленными хуторами, въ такихъ-то городахъ, мѣстечкахъ и селахъ есть у него доходныя мельницы, рыбныя ловли, пасеки, «верхолазныя бортни», лѣса и сѣнокосы; и всего этого такъ много, что цѣлыя книги наполнялись описаніями гетманскаго имущества. Не упускали гетманы и старшины Малороссійскіе никакого случая къ обогащенію на счетъ смиренныхъ земляковъ своихъ. Часто между ихъ владѣніями упоминаются даже небольшіе, далеко отброшенные лоскутки земли и мельницы объ одномъ поставѣ, которыми гетманъ владѣть пополамъ съ простымъ козакомъ. Этотъ мелкій наборъ по всей Гетманщинѣ самъ за себя говоритъ, изъ какихъ рукъ и какими путями перешла недвижимая собственность во владѣніе всемогущихъ пановъ XVIII вѣка (1). Въ тѣ времена понятіе о честности въ пріобрѣтеніяхъ до такой степени утратилось, что

---

(1) Жаловаться было некому, потому что гетманы хлопотали въ столицахъ, чтобы доносителей считали «неспокойными и ненавидящими добра людьми». («Матеріалы для От. Ист.», т. I, стр. 24.)

гетманша Скоропадская, по смерти своего мужа, присвоила себѣ даже войсковую казну и тѣ пожитки, которыми гетманы пользовались другъ послѣ друга преемственно (1). Гетманщина съ одной стороны представляла безпрепятственное поприще для всякаго рода злоупотребленій власти и силы, съ другой — была школою ябедниковъ и сутягъ, которыхъ расплодилось въ ней множество. Записка Теплова доказываетъ это фактами, которымъ нельзя не вѣрить, потому что они не разногласяютъ ни съ документальными преданіями, ни съ воспоминаніями Малороссійскихъ старожиловъ. О народѣ, о его благосостояніи и о его человѣческихъ правахъ не было никакого помышленія у самыхъ образованныхъ людей того вѣка. Все, что стояло выше простолюдиновъ, смотрѣло на нихъ, какъ на петочникъ своего обогащенія, и что только допускалось хитроизвитыми юридическими формами, или могло пройти безнаказанно, все считалось законнымъ во мнѣніи тогдашняго общества. Въ нашъ вѣкъ, когда понятія о честности поступковъ проявились и когда каждый членъ гражданскаго общества получилъ равное право на вниманіе и участіе къ судьбѣ своей, взглядъ на тогдашнее состояніе Малороссіи приводитъ наблюдателя въ горестное изумленіе. Видишь повсемѣтное отсутствіе идеи добра и справедливости въ высшемъ классѣ ея населенія; видишь какое-то добродушное, совершенно спокойное и какъ бы узаконенное обычаемъ грабительство надъ беззащитною массою простолюдиновъ; народъ бѣднѣетъ, подпадаетъ матеріальной зависимости отъ доходовъ и богачей, падаетъ въ своемъ безнадежномъ положеніи, и никто о немъ не жалѣетъ. Только одинъ человѣкъ возвысилъ свой голосъ въ пользу большинства Малороссійскаго населенія и старался, по мѣрѣ своего разумѣнія, раскрыть причины его матеріальнаго упадка, но и того слѣпая исторія нашего края записала въ число враговъ его.

---

(1) «Матеріалы для Отечественной Исторіи», т. I, стр. 23.

О НЕПОРЯДКАХЪ,

которые происходятъ нынѣ отъ злоупотребленія правъ и обыкновеніи, грамотами подтвержденныхъ Малороссіи.

1.

Долговременное сего народа отъ самодержавія Всероссійскаго отдѣленіе, а притомъ приобыкновеніе къ Польскимъ правамъ, которыя королями Казимиромъ, Сигизмундомъ I и Стефаномъ Баторіемъ для лучшаго приведенія въ единство своей области въ нихъ вкоренсны, вкоренили въ сей Малороссійскій народъ и особливия вольности и обыкновенія. А притомъ заключеніе статей, Богдану Хмѣльницкому въ 1654 году, по неизвѣстнымъ нынѣ тогдашнихъ военныхъ подвиговъ обстоятельствамъ, послѣдовало въ подтвержденіе тѣхъ Польскихъ, т. е. Литовскихъ законовъ, которыми, какъ по исторіи видно, тогдашній народъ, яко по большей части безграмотный, управлялся паче по натуральному праву: два третьяго судили. То справедливо и безпристрастно, по довольномъ примѣчаніи Малороссійскихъ дѣлъ, можно сказать, что право Польское осталось у нихъ тицаніемъ только однихъ грамотныхъ старшинъ, о которомъ простой народъ никакого тогда попеченія, ниже свѣдѣнія не имѣлъ. Сіе доказывается явственно и тѣмъ, что прежде 1720 года почти во всей Малороссіи никакихъ канцелярій не было: ибо и самую Гетманскую канцелярію, слу-

чайвымъ образомъ гетману Скоропадскому, въ 1720 году, ноября 19 дня [по причинѣ нѣкоторыхъ при гетманѣ канцеляристовъ, подписывавшихся подъ руку гетманскую, а именно: Григорія Михайлова и Василя Дорошенка] особливою грамотою велено учредить: въ протчихъ же мѣстахъ, яко то: въ сотняхъ и полкахъ, ни сотенныхъ, ниже полковыхъ канцелярій и суда генеральнаго [хотя судьи и были] съ такими прерогативами, каковыя онъ на себя теперь изъ правъ Литовскихъ наводитъ, отнюдь не было, хотя при томъ нѣкоторыя дѣла и письменно производилися; а все тогда въ самоволіе превращенное, не правомъ и законами управлялось, но сплюю и кредитомъ старшинъ, въ простомъ народѣ дѣйствующихъ, или лучше сказать — обманомъ грамотныхъ людей. Почему и все тамошніе владѣльцы, какъ духовные, такъ и мірскіе, на купленные свои земли и грунты и на разныя поселенія никакихъ урядовыхъ купчихъ старѣе тридцати, или сорока лѣтъ не имѣютъ: ибо прежде тридцати лѣтъ, ежели кто безъ крѣпости владѣеть, то они *старымъ займомъ* то называютъ, потому что ни лѣтъ, ни примѣтъ его владѣнію, и почему онъ помѣщикъ, нѣтъ; а которые владѣютъ правильно, у тѣхъ должны быть не токмо гетманскіе универсалы, но и государевы изъ Посольскаго приказа грамоты: ибо съ 1656 года уже все по статьямъ Хмѣльницкаго и Государя было, и *старые займы* тѣ только назывался дикихъ полей, которыми кто завладѣлъ до поступленія подъ державу Россійскую, но и то во время продолжающейся войны съ Поляками, то есть: чрезъ 1653, 1654, 1655 и 1656 годы, а не тѣ, кто отъ времени Хмѣльницкаго безъ грамоты чѣмъ владѣеть. Сіе самое причиною, что множественное число деревень, собственно принадлежащихъ въ казну Ея Императорскаго Величества, разобрано самовольно партикулярными, а въ утвержденіе своего владѣнія почти все прежде бывшее время передъ 1720 годомъ, яко никакихъ урядовъ неимѣющее, служить имъ въ очистку, изъ чего же поводъ берутъ называть свое самовольное владѣніе *стариннымъ займомъ*. Но все сіе есть противно статьямъ

Хмѣльницкаго и указамъ Государевымъ, въ тѣхъ же статьяхъ изображеннымъ.

2.

Изъ многихъ обстоятельствъ доказать можно, что Малороссія во время приступленія ея подъ державу Всероссийскую ни въ половину столько многолюдна не была, какъ въ нынѣшнее время; но и тогда видѣть можно по статьямъ, Богдану Хмѣльницкому даннымъ, что крестьянскихъ дворовъ, которые нынѣ въ Малороссіи называются посполитыми, то есть Государевыми, гораздо большее число было, нежели нынѣ по ревизіямъ находится на лицо. Что народа въ Малороссіи было тогда гораздо меньше, а земли больше, то доказывается, кромѣ подлинныхъ справокъ, которыми легко дойти до познанія можно, — и тѣмъ, что прежде поля тамъ, на десять работныхъ дней, можно было купить за десять копѣ, или за пять полтинъ на двѣ версты, какъ изъ многихъ урядовыхъ недавняго времени купчихъ видно; потому что у владѣльцевъ, за немнѣишемъ крестьянъ рабочихъ, земля, яко излишняя, ввустѣ лежала; нынѣ же того и за двѣстѣ рублей купить не можно, а въ Стародубскомъ, Черниговскомъ и большей части Нѣженскаго полку и Гадячскаго и того дороже; понеже жителямъ довольно уже земли къ поселенію недостаетъ. Однакожь, ежели справиться, сколько нынѣ на лицо находится дворовъ свободныхъ посполитыхъ, то есть крестьянскихъ, подлежащихъ въ казну Вашего Императорскаго Величества, и сколько козаковъ спешковыхъ, то есть служащихъ и вооруженныхъ; то не уповательно, чтобъ и десятая доля дворовъ посполитыхъ была, да и козаковъ великаго числа недостаетъ, а людей нынѣ гораздо больше; слѣдовательно, какъ козаковъ въ службу Вашего Императорскаго Величества, такъ и дворовъ посполитыхъ въ казну весьма прибыло бы; но по ревизіямъ явственно, что число обонхъ весьма противу прежняго умалилось.

3.

Неоспоримо тотъ доказать можетъ, кто Малороссіи внутренность знаетъ, что козаки старшинами и другими чиновными, также и денежными людьми къ себѣ въ подданство обращены; по вольности же перехода, ревизіи повсегодно бывають, которыя ежели одну съ другою свести, то такъ великое несходство всегда въ числѣ дворовъ являлося, что вѣрить невозможно ни тому, ни другому. Все же сіе всегда происходитъ отъ того, что въ одинъ годъ ревизоры больше, а въ другой меньше утаятъ; а старшины строгости въ томъ не дѣлають, яко въ дѣлѣ собственному своему интересу непротивномъ. Хотя же при нынѣшнемъ гетманѣ не больше какъ три раза дѣлана ревизія: одна въ 1751, когда еще онъ въ Малороссію не пріѣхалъ, а другая и третья въ 1753 и 1756 году по всей Малороссіи, какъ козачихъ, такъ бездворныхъ хатъ и ихъ подпомощниковъ, а притомъ посполитыхъ и ихъ подусѣдниковъ; но и тутъ въ такомъ маломъ времени разность превеликая нашлася, потому только, что вторая немного построже учтена; а именно: въ первой явлося по всей Малороссіи 152,157, а во второй 202,146 дворовъ; итакъ прибыло 49,989 дворовъ; въ третьей же опять убыло, потому что въ прежнемъ безстрашіи дѣло производилось.

4.

Сіе примѣчается только къ тому, что ревизіямъ Малороссійскимъ, которыя Малороссійскими людьми чинятся, съ какою бы строгою инструкціею они ни отиравлялися, вѣрить не надобно; ибо ревизоры интересъ въ томъ имѣють, чтобы число дворовъ утаивать; а какъ утаить, на то способы весьма нагле и нетрудные употребляють. Въ сихъ случаяхъ они не много пекутся о томъ, чтобы дѣлать закрыто, но все то отиравляють явственно, потому наипаче, что дальнее разстояніе и надежда на судные порядки ихъ укрываютъ; не мало же и взаимная другъ ко другу

помощь чрезъ то между ими наблюдается. При блаженныя памяти Государь Императоръ Петръ Великомъ, когда, послѣ смерти гетмана Скоропадскаго, Коллегія Малороссійская учреждалась, и при гетманѣ Апостолѣ, тогда было учреждено, что офицеры Великороссійскіе во все полки Малороссійскіе были отправлены, для учиненія ревизіи. Хотя еще тогда народу гораздо было меньше нынѣшняго, однакоже число по ихъ ревизіи состоитъ весьма больше, нежели когда-либо въ Малороссіи оказалось. Сію ревизію они и понынѣ *офицерскою* называютъ, съ удивленіемъ сказывая сами, что никогда де въ Малороссіи чела двороваго столько не бывало, какъ тогда; но сіе только то было, что въ тотъ годъ меньше утаено, нежели во все другіе годы.

5.

Что же касается до посполитыхъ дворовъ, слывущихъ такъ называемыми войсковыми маестями, которыя принадлежать въ казну Государеву по силѣ 13 статьи, данной гетману Богдану Хмѣльницкому, то колкое число было прежде гетмана Скоропадскаго, о томъ не по чему справиться; но послѣ смерти Скоропадскаго, то есть по ревизіи офицерскою, на лицо состояло 44,961 дворъ. Изъ онаго числа по 1750 годъ роздано не больше трехъ тысячъ дворовъ, что, уловательно, малую самую разность дѣлаетъ. Сверхъ того, какъ выше объявлено, число народу противу прежняго весьма прибыло. За всемъ тѣмъ нынѣшній гетманъ, графъ Разумовскій, и четырехъ тысячъ дворовъ Государевыхъ не засталъ, а о прочихъ ему донесено, яко бы все въ Польшу побѣжали разными годами, гдѣ однакоже по достовернымъ извѣстіямъ мужикамъ весьма труднѣе Малороссійскаго жить въ подданствѣ у господъ Польскихъ, потому что помѣщики все имѣніе крестьянъ своихъ собственнымъ своимъ почитаютъ и берутъ подати не окладомъ съ нихъ годовымъ, но кому когда и сколько вздумается. Въ самомъ же дѣлѣ нашлося, что все Государевы дворы и съ землями раскупила старшина и другіе достаточные

промышленныя у самихъ мужиковъ, называя ихъ собственными войсковыми, которые будтобы по сему имени свободныя и могутъ сами себя и съ землями продавать. Сіе ихъ истолкованіе хотя вымышлено, однакожь они по сему вымыслу не меньше, какъ по закону поступаютъ, и никто имъ въ томъ не воспящаль до 1739 года, доколѣ указъ блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Государыни Императрицы Анны Іоанновны, подъ брѣвнымъ запрещеніемъ и штрафомъ послѣдовалъ — того не чинитъ. Но они, не взирая на тотъ строгій указъ, скупили войсковыя Государевы деревни, даже до 1750 года, то есть до пріѣзду нынѣшняго гетмана въ Малороссію, и писали купчія иногда задними годами. А понеже то необходимо, чтобъ купчая всякая ствержена была на урядѣ, и сотникъ, по силѣ права, тотъ, гдѣ продаваемая земля положеніе свое имѣеть, долженъ подписать; то многія фальшивыя купчія и тѣмъ обличаются, что сотникъ въ сотники пожалованъ, на примѣръ, въ 1745 году, а купчая его сотничею рукою на урядѣ скрѣплена въ 1737 году. Сіе всегда старшины видѣли, но потому что стараются всеми образами, дабы все Государевы земли переходили въ партикулярныя владѣльческія руки, какимъ бы то образомъ ни было, то никакого воспященія въ томъ не чинили. Свободныя же войсковыя деревни потому называются, что никакому помѣщику за службу не отданы, а состоятъ Государевыми, такъ какъ въ 13 статьѣ именно Богдану Хмѣльницкому изображено: »И кто будетъ крестьянинъ, тотъ будетъ обыкшую крестьянскую повинность тебѣ, Государю, отдавать«. Таковымъ же образомъ и козаковъ чело весьма умалилось; ибо о семъ заподлинно можно удостовѣрить, что нынѣ Малороссія прямо вооруженныхъ епископовъ едва ли пятнадцать, а по крайней мѣрѣ двадцать тысячъ выставить можетъ, а выборныхъ и николи толкаго числа не выставить; по статьямъ же должно епископовъ имъ имѣть 60,000 козаковъ, кромѣ отшедшихъ въ Заднѣпровскую сторону, а всехъ козаковъ около 150,000 имѣть бы должно. Все Молороссійскіе козаки правомъ шляхетскимъ судятся; но потому что они служатъ съ своихъ грунтовъ, то сіе кажется право натуральное,

что козаць не долженъ своего грунта продать, дабы чрезъ то служба Государева не умалилася; а когда и продать нужду имѣеть, то не иначе, какъ козаку, а не старшинѣ и не посполитому, о чемъ и указъ есть. Но они истолковали козакамъ право: *якобы козаць*, по силѣ Статута, разд. 3, арт. 47, *все продать можетъ, кому хочетъ*; то потому и все почти грунты козацкіе скунили. Къ сему снособствоваль имянной указъ блаженный и вѣчнодостойныя памяти Государыни Императрицы Анны Иоанновны на докладъ, въ которомъ въ 40 пунктѣ изображено: »Въ войсковыхъ свободныхъ селахъ и во владѣльческихъ мастиностяхъ, ежели козаць »грунтъ свой кому продасть и самъ на немъ будетъ жить, тотъ »всякія, по пропорціи имѣній своихъ, посполитыя [т. е. крестьянскія] повинности отдавать и чинить долженъ; а которые подданные [т. е. крестьяне], продавъ свои грунты, съ нихъ сойдуть, »а другіе на ихъ мѣстахъ жить стацуть и тѣми грунтами владѣть, »тѣ такожде отдаютъ, по пропорціи своихъ имѣній, повинности, »какъ и другіе владѣльческіе подданные.«

Сей имянной безъ исправки изданный указъ есть наилучшая привилегія къ искорененію всехъ козаковъ и поверстанію ихъ помѣщикамъ въ крестьяне; ибо достаточный козаць всегда отъ службы откупался, а недостаточный, бѣгая отъ оной, лучше желаетъ подымянемъ крестьянина жить, нежели выдти въ походъ, и сверхъ того, бывши козакомъ по имѣнію своему, долженъ, яко грунтовыи, платить иногда на коменсентовъ цѣлую рацію и порцію, что ему учинить рубль, или и больше; а взявши на себя имя мужика безгрунтоваго, службы не дѣлаеть и, вмѣсто платы на Государя рублевой, платитъ, яко безгрунтовой, въ годъ алтынъ, или иногда двѣ копейки по раскладкѣ, наравнѣ съ другими подсуеѣдками или нищетыми. Но о сихъ сборахъ, разорительныхъ народу, а казиѣ третьей доли неприносящихъ, особенное примѣчаніе сдѣлать надлежитъ, по которому окажется великое воровство народныхъ сборовъ, чрезъ многія лѣта уже продолжающееся. Такое указомъ вышенамянутымъ вспоможеніе почти всехъ козаковъ истребило и перевело ихъ старшинамъ, яко по-

мѣщикамъ, въ крестьяне; а въ военное время, или во время какой-либо службы, сами козаки плачивали помѣщикамъ, чтобы помѣщики купчія отъ нихъ на ихъ земли приняли, дабы тѣмъ избавиться отъ походовъ. Но понеже, по тому же Статуту, разд. 9-го, арт. 27, опредѣлено точно: чужого человека никто земли закупить безъ воли господина его не имѣеть, ниже нанять на лѣто, подъ лишеніемъ данныхъ денегъ и всего того, что на ней посягалъ; тоже опредѣлено и о самихъ людяхъ владѣльческихъ, дабы ихъ не покупать и не нанимать безъ дозволенія помѣщика, или его управителя: то изъ сихъ положеній ясно видно, что все Малороссійскія вотчины Государевы, которыхъ около пятидесяти тысячъ дворовъ, по худой ревзій, быть должно на лицо, старшинами и чиновниками, не въ силу ихъ же правъ скупленныхъ [о чемъ показано будетъ ниже сего въ своемъ мѣстѣ], и большая часть почти службы козацкой, которая бы по умноженію нынѣшнему народа должна умножиться, исчезла.

7.

Хотя же были о семь отъ многихъ временъ козацки на чиновниковъ допросы, при блаженные и вѣчно достойныя памяти Государь Императоръ Петръ Великомъ, и строгія слѣдствія; но то всегда было долговременными многими ябедами заплетено и никогда добраго конца не воспринимало; почему, какъ по причинѣ другихъ самовольствъ, такъ и въ пресѣченіе сихъ непорядковъ и народныхъ разореній, все почти главнѣйшіе старшины въ 1724 году въ С. Петербургскую крѣпость были забраты, по мпловнымъ указомъ, послѣ кончины сего Государя, Императрицею Екатериною Алексѣевною Первою, въ 1725 году, были отпущены, въ ожиданіи отъ нихъ исправленія. Были также и въ нынѣшнія времена многіе допросы о расхищеніи козаковъ, свободныхъ деревень и многихъ въ уплату данныхъ суммъ народу старшинами, но тѣ допросы не проходили отъ таковыхъ

людей, которые бы то изъ усердія къ сохраненію интереса Государева доносили; а доносили по злобѣ, въ отмщеніе своихъ партикулярныхъ обидъ, и потому заплетали доносы свои справедливые многими клеветами на своихъ соперниковъ, а соперники чрезъ то сыскивали способы ябедническихъ доносителей опровергать долготѣною волокитою и напоследокъ всекопечнымъ разорешемъ жизни ихъ.

8.

Причислить надобно къ симъ непорядкамъ, яко главный непорядокъ въ нынѣшнихъ временахъ, право ихъ Малороссійское, которое есть Статутъ Литовскій, данный вновь Литовскому княжеству отъ короля Стефана, бывшаго прежде князя Трансильванскаго, изъ фамиліи Батори, въ 1576 году, какъ то видно въ томъ же правѣ изъ разд. 4, арт. 1, пункт. 1, и Сигизмундомъ Третьимъ, въ 1588 году, подтвержденный. Оное состоитъ въ 14 раздѣлахъ. Права и законы въ народахъ учреждаются на двойственномъ основаніи: первое состоитъ на натурѣ, врожденной роду человѣческому вообще и всякому безъ изъятія, которое называется *право натуральное*; другое на свойствѣ всякаго народа, особливо его правленія, и оное есть *право гражданское*. Что касается до права натурального, то законы Статута Литовскаго, введенные въ Малороссійскій народъ, суть тѣ же самыя, что и Великороссійскіе, только инымъ порядкомъ и иными словами изображенныя, и потому отмѣны и исправленія никакого почти не требуютъ. Но права гражданскія, касающіяся до свойства народа, управляемаго самодержавнымъ Государемъ, яко въ Статутѣ Литовскомъ для республиканскаго правленія учрежденныя, весьма несвойственны уже стали и неприличны Малороссійскому народу, въ самодержавномъ владѣніи пребывающему. Ежели сіе разнообразіе законовъ отъ республиканскаго Государя и того же Самодержавца пропсходить должно, то какимъ образомъ можно согласить многіе указы

съ Литовскимъ Закономъ, который приличенъ только Рѣчи Посполитой? Хотя въ грамотахъ Государскихъ, и особливо въ Высочайшей 1750 года, на урядъ нынѣшнему гетману, и изображено, чтобъ гетману поступать *по правамъ Малороссійскимъ и по указамъ Государевымъ, присланнымъ и впредъ присылаемымъ*; но тутъ же приполнено, чтобъ чинено сіе было по указамъ и безъ нарушенія правъ и вольностей Малороссійскихъ. Сей темности, ежели оставить въ своей силѣ право Малороссійское, ни по какой мѣрѣ правительству Малороссійскому согласить не возможно, взявъ въ примѣръ нѣкоторые только артикулы права Литовскаго, то есть Малороссійскаго. Указы Вашего Императорскаго Величества осуждаютъ преступниковъ имянныхъ указовъ къ смерти, а право Малороссійское, разд. 1, арт. 11, опредѣляетъ ему только сидѣніе въ тюрьмѣ на шесть недѣль. Первое осужденіе уравнено преступленію противу самодержавной власти, а послѣднее противу короля въ республикѣ. Указы Вашего Императорскаго Величества о рудныхъ и горныхъ мѣстахъ повелѣваютъ отдавать всякаго минерала десятину въ казну и уступать первую продажу Государю; а право Малороссійское, разд. 9, арт. 30, пункт. 3, опредѣляетъ и послѣднему козаку, ежели онъ на своей земли орющейся руду золотую найдетъ, или какое-либо иное сокровище, или окна соляныя и проч., тѣмъ всеѣмъ одному ему и пользоваться, а Государь обѣщаетъ клятвою ему въ томъ имѣніи отнюдь не препятствовать. Напослѣдокъ, то же право Малороссійское, въ разд. 1, арт. 1, пункт. 2, опредѣляетъ всеѣмъ иностранцамъ [изъ которыхъ числа Малороссійцевъ и Великороссійскихъ не исключаетъ] судимымъ быть тѣмъ же Литовскимъ правомъ и на тѣхъ урядахъ, гдѣ кто преступитъ; почему, ежелибы случилось Великороссійскому, знатному и по имени и по чину, человѣку быть обижену въ Лубенскомъ, или какомъ-либо полку, въ сотнѣ Пыратинской, отъ какого-либо козака, то по силѣ сего права, яко подтвержденнаго грамотами, надлежитъ по порядку у сотника Пыратинскаго быть обоимъ судимымъ, и по силѣ Статута, разд. 3, арт. 27, имѣть за того

безчестіе , какого знатнаго бы чина и достоинства ни былъ козакъ — шесть педѣль въ тюремѣ высидѣть и 25 рублей, а не больше заплатить; и сіе уроченіе Рѣчи Посполитой только прилично. А того же разд., арт. 27, пункт. 4, заочно бранить, кого бы кто ни захотѣлъ, дозволяется, и просить о томъ суду не велѣно, какое бы кто ни могъ показать свидѣтельство. Въ разд. 3-мъ, арт. 12-мъ, Государь себя обязываетъ присягну, что въ великомъ княженіи Литовскомъ и во всѣхъ оному подлежащихъ, достоинствъ духовныхъ и мірскихъ, городовъ, дворовъ, грунтовъ, староствъ, владѣній чиновъ земскихъ и придворныхъ владѣній въ употребленіе, содержаніе и въ вѣчность никакимъ иноземцамъ и заграничнымъ людямъ, ниже сосѣдямъ сего государства давать не будетъ, а давать самъ и послѣдники обѣщаетъ тутечнымъ уроженцамъ. Сіе право есть совѣтъ республиканское; но примѣчено довольно, что Малороссійскіе судьи, гдѣ случай есть, оное навести въ свою пользу противу Великороссійскихъ тамо владѣльцевъ, яко, по ихъ мнѣнію, иноземцевъ и граничныхъ Малороссиі, тутъ не оставляютъ объ ономъ представленія свои дѣлать, а у безсильныхъ, по силѣ сего права, и отнимаютъ. Такъ равномѣрно правы Россійскимъ несогласныя и многія находятся, а именно: разд. 1, арт. 33, пункт. 1: Ежели кому какую мастьность Государь пожаловалъ, а онъ за какою-либо отлучкою тѣмъ не владѣлъ десять лѣтъ; то хотябы и грамоту Государеву на то владѣніе имѣлъ, тогда онъ владѣть не можетъ, и грамота силы ни какой не имѣетъ; или, когда сильный у безсильнаго деревни отнялъ и обиженный случая, за отсутствіемъ, болѣзнію, или другимъ какимъ, хотя и законнымъ, пренятствіемъ, на судѣ того искать не могъ, чрезъ десять лѣтъ; тогда молчать вѣчно имѣетъ, по разд. 4, арт. 91, пункт. 1, и сіе право въ Малороссиі сильно наблюдается, понеже изстаря сильные безсильныхъ нападеніями грабятъ и обижаютъ, а обиженные десятилѣтнему промолчанію подвержены бывають и тѣмъ имѣній отеческихъ и дѣдовскихъ лишаются. Таковыхъ опредѣленій великое множество въ Малороссійскихъ судахъ находится; но изъ права выступить невозможно. Разд. 1-го

арт. 24-й опредѣляетъ: Ежели кто посланнаго отъ лица Государева, хотя съ именнымъ указомъ, побилъ, указы отнялъ и издралъ, тому не болѣе штрафа, какъ тюрьма на полгода; такожде: ежели шляхтичь убьетъ въ смерть простолюдина, и указнаго чпела, то есть семи челоувѣкъ шляхтичевъ свидѣтелей пестецъ не представитъ, тогда шляхтичь, хотя и разбойникъ, отприсягнуться можетъ; буде же отъ присяги отказываться будетъ, тогда, по разд. 12, арт. 1, платитъ только малья деньги за голову. Такожде, по разд. 11, арт. 16, пункт. 1: Ежели шляхтичь шляхтича съ сердца ножемъ зарѣжетъ — четвертовать, ежели простой шляхтича — тоже, а ежели шляхтичь зарѣжетъ по злосердію простаго, пли какимъ-либо оружіемъ съ гнѣва убьетъ, тогда шляхтичу только руку отсѣчь. Таковыхъ примѣровъ въ Статутъ Литовскомъ великое множество можно бы показать, изъ коихъ одни противны самодержавному государству, другіе, яко по угожденію вольному республиканскому народу постановлены, натуральному праву противны; но для показанія неудобствъ довольно и сего. Въ заключеніе самой только важности сего дѣла, надлежитъ взять еще въ разсужденіе разд. 4, арт. 1, пункт. 1, гдѣ опредѣляется и устанавливается, что естлибы который изъ чиновниковъ земскихъ, то есть: судья, подеудій и писарь умеръ, тогда другіе чиновники оставшіеся извѣстить имѣютъ короля, а въ отсутствіи короля высшему правительству, и тогда указано будетъ на срокъ съѣхаться для избранія новыхъ изъ природныхъ Литовскихъ четырехъ кандидатовъ, которыхъ на письмѣ представить за печатьми своимъ королю, а король того, кто угоденъ ему явится, на мѣсто умершаго поставитъ. Изъ сего права Малороссіянцы въ обыкновенный ввели законъ, что не токмо гетманъ и старшины генеральныя, то есть: обозный, два судьи, подскарбій, писарь, два асаула, хорунжіи и бунчужный, избираются вольными голосами, но и полковникъ и полковые обозный, судья, писарь, хорунжіи и атаманъ выборомъ поставляются; и таковыя избранныя не токмо многимъ безпорядкамъ причиною бывають, но и приводятъ иногда злыя намѣренія въ единомысліе; ибо стар-

шина генеральная имѣеть способъ полковниковъ опредѣлять, а полковники и старшины сотниковъ, потому что выборъ въ сотники славятъ только выборомъ, а въ самомъ дѣлѣ есть точное опредѣленіе персоны отъ старшинъ. Пропсходящее по сіе время избраніе въ сотники слѣдующимъ образомъ просходитъ. Когда только репортъ изъ сотни въ полкъ, а изъ полку въ войсковую канцелярію придетъ, что сотникъ въ сотиѣ умеръ; то старшины поспѣшають, прежде нежели о томъ увѣдано гетманомъ будетъ, отправить изъ полковой канцеляріи извѣстную и надобную имъ персоцу на правленіе, до опредѣленія новаго, и сіе, яко маловажное дѣло, просходитъ безъ вѣдома ихъ шефа, но именемъ только командующаго въ полку полковника. То извѣстная персона уже не сомнѣвается, что ему сотничество предано, и для того, пріѣхавъ на правленіе, нѣсколько бочекъ вина горячаго безграмоннымъ козакамъ выставить, священника и дячка церковнаго подкупить и уговорить къ подписанію рукъ ихъ, и такимъ образомъ отъ пьяныхъ отобравъ голосъ, выборъ самъ себѣ лишеть, прежде нежели о томъ изъ войсковой канцеляріи приказано; а къ тому приишетъ, въ силѣ мнимаго права, два или три человекъ негодныхъ, которые сами о томъ сотничествѣ не думаютъ. И такимъ образомъ, по полученіи ордера изъ войсковой канцеляріи о выборѣ новаго сотника, онъ уже съ готовымъ выборомъ поспѣшаетъ, опредѣливъ на то червоныхъ нѣсколько для подарку; почему въ чинѣ и конфирмуется. Сіе есть обыкновенное по правамъ производство въ выборахъ, а въ самомъ дѣлѣ старшины опредѣляютъ во всеѣ чины тѣхъ, кто имъ надобешъ. Такимъ образомъ почти во всей Малороссіи сотники и старшины полковые опредѣляются одолженные своимъ протекторомъ; и хотя право Малороссійское гласитъ о выборахъ только на главныя судейскія генеральныя мѣста, да и то разумѣется изъ таковыхъ, которые близко подъ тѣмъ чиномъ стоятъ своимъ достоинствомъ, на которое дѣлается избраніе новаго чиновника; однакожъ нѣкоторые интересъ свой въ томъ находятъ, чтобъ отъ малаго до великаго выборомъ начальства всеѣ чины просходили,

вѣдая, что таковымъ порядкомъ милость къ народу изъ ихъ собственно рукъ истекаетъ; и то самое обыкновеніе утверждаютъ они правомъ, чего въ правѣ отнюдь не находится; ибо разд. 4, арт. 1, пункт. 4-й гласитъ дѣйствительно только о судьи, подеудин и инсарѣ генеральныхъ, которые чины въ воеводства Литовскомъ суть главнѣйшіе и уравниются развѣ только старшинамъ генеральнымъ, которыхъ девять персонъ въ цѣломъ народѣ Малороссійскомъ, а не о всѣхъ малочинныхъ, которыхъ около тысячи во всѣхъ полкахъ находится, ежели взять въ число всѣ полковые и сотенные чины.

9.

Права Малороссійскаго разд. 4, арт. 54, пункт. 4-й: »А буде бы »чего въ семь Статутѣ не доставало, то судъ, склоняся къ бли- »жайшей справедливости по совѣсти своей и по примѣру другихъ »правъ Христіанскихъ, отправлять и судить имѣеть.« Малорос- сійскій народъ, по нынѣшнему состоянію, раздѣляется на три клас- сы людей: на шляхту, козаковъ и посполитыхъ. Сіе раздѣле- ніе точно то же, что и въ республикѣ Польской; но потому что въ княжествѣ Литовскомъ и Жмудскомъ отъ короля Сигизмунда магистратамъ многихъ городовъ съ мѣщанами особливое право Магдебургское дано, то, по примѣру тому, и городамъ Києву, Нѣжин- ну, Остру, Погару и другимъ, пребывавшимъ тогда подъ вла- дѣніемъ Польскимъ, по ихъ исканіямъ, для уравненія тѣже, Маг- дебургскія права отъ Сигизмунда и другихъ его наслѣдниковъ опредѣлены; и повсѣе вышенамянутый Статута Литовскаго разд. 4, арт. 54, пункт. 4-й, въ случаѣ какому-либо дѣлу недостатка въ правѣ Статута, повелѣваетъ примѣняться къ другимъ Христіан- скимъ сосѣднимъ правамъ; то Литовцы занимаютъ, въ помощь къ Статуту своему, Саксонское, которое называется *Порядокъ*; слѣ- довательно Малороссія управляется уже не двумя, но тремя пра- вами, а именно: Литовскимъ, Магдебургскимъ и Саксонскимъ: и

почему Малороссія, будучи подъ державою Россійскою, дополняетъ свои законы Саксонскими, въ томъ, кажется, она никакого основанія не имѣетъ; ибо кто изъ сосѣднихъ Христіанскихъ народовъ имъ ближе [какъ выше сего показано уже] и въ родѣ и въ законѣ Христіанскомъ, какъ не Россія? Но изъ сего явственно оказывается, что то по единому только развѣ тогдашнихъ старшинъ неусердію къ Россіи въ обыкновеніе введено, а закона къ тому ни въ какихъ ихъ правахъ не находится; польза же ихъ собственная есть та, что они, имѣя многоразличные и намъ мало вѣдомые законы, многоразличные способы имѣютъ пристрастіямъ своимъ угождать и чрезъ то сохранять, яко грамотные надъ неграмотными простыми людьми, власть полномочную; ибо простой народъ только льститъ себя многими мнимыми вольностями, которыхъ онъ отъ времени Богдана Хмѣльницкаго дѣйствительно не имѣетъ; а старшины, напротивъ того, опредѣляя имъ командировъ, яко-бы выборомъ ихъ собственнымъ, а въ самомъ дѣлѣ единственнымъ своимъ самовольствіемъ, законы многоразличные обращаютъ во вредъ, а пользу ищущихъ правосудія въ прихоти, содержа ихъ въ подобоострастіи тѣми чиновниками, которыхъ они опредѣляютъ и низвергаютъ. Я здѣсь разумѣю не тѣхъ только старшинами, которые у нихъ называются генеральные, но, по ихъ же нарѣчію, всѣхъ тѣхъ, которые во всей Малороссіи въ судахъ высшихъ и нижнихъ правосудіе отправляютъ, которыхъ власть, какъаго по своему мѣсту, почти неограничена, а взаимное соединеніе мыслей неразрывное. Чрезъ сіе бываетъ, что и изъ права Россійскаго судьи иногда берутъ, по то въ крайности, когда вредъ кому умножить хотять. Итакъ судьи Малороссійскіе, вмѣсто точнаго и опредѣленнаго права, имѣютъ удовольствія обременять или уменьшать казни и штрафы многоразличными законами, а именно: когда судья видитъ, что Статутъ петцу, или отвѣтчику строгое рѣшеніе, а не полезное, опредѣляетъ, тогда онъ ищетъ въ *Порядкѣ Саксонскомъ*, тогда прибѣгаетъ и къ Магдебургскому праву, ежели мѣщанину съ шляхтичемъ дѣло, и до тѣхъ поръ мечется изъ права въ право, доколѣ сыщеть намѣре-

нію своему полезное; а простой, или иначе неграмотной, человекъ, будучи въ томъ несвѣдуць, пріємлетъ все за несумптельный законъ. Временемъ для облегченія пріятелю казни, или для умноженія ненавистному вреда, мечутся и въ законы Великороссійскіе, какъ то по дѣламъ примѣчено; но то случается рѣдко. Сіе есть поводомъ, что все тѣ, которые слывуть въ Малороссіи приказными и знающими людьми, суть великіе ябедники, и про нихъ говорятъ, что они *съ оборотомъ*; да и подлинно, что таковая юрпепруденція требуетъ не того знанія, чтобы право натуральное и гражданское было судіи извѣстно, но чтобы была только память острая, которая, бывъ соединена съ практикою, дѣлаетъ у нихъ человекъ съ оборотомъ, то есть судію проищательнаго и скоропоспѣшнаго на все ухватки ябедническія. Отъ того у нихъ петцы никогда недовольны первымъ судомъ, и ни одного дѣла нѣтъ, которое бы не чрезъ все апелляціи прошло: изъ сотенной въ полковую, изъ полковой въ судъ генеральный, а изъ суда въ войсковую канцелярію къ гетману, оттуда въ коллегію, въ правительствующій сенатъ, а напоследокъ трудятъ Высочайшую Особу Государеву; почему и въ маловажныхъ искахъ процессы у нихъ ведутся чрезъ многіе годы. Такъ какъ козака у козака плеть или кнутовище отнял, процессъ продолжался болѣе восьми лѣтъ; бунчуковой товарищъ одинъ у другого восемь гусей отогналъ, съ шестнадцать лѣтъ процессъ былъ; и много тому подобнаго въ архивахъ суда генеральнаго сыскать можно.

10.

Сія ябеда въ такомъ у нихъ кредитѣ и почтеніи, что по большей части лучшихъ фамиліи отцы слѣдующее воспитаніе дѣтямъ даютъ: научивъ его чтать и писать по-Русски, посылають въ Кіевъ, Переяславъ, или Черниговъ для обученія Латинскаго языка, котораго не успѣють только нѣсколько обучить, спѣшатъ возвратити и записываютъ въ канцеляристы, гдѣ, по дол-

говременномъ обращеніи, происходятъ они въ сотники, хотя козаки, которые его выберутъ, прежде и о имени его не слышали. Но съ чиномъ канцеляриста есть еще другіе авантажи соединены. Надобно знать, что чины бунчуковыхъ товарищей и войсковыхъ канцеляристовъ великую салвогвардію [преимущество] имѣютъ; они, гдѣ бы кому въ отдаленіи какую обиду ни сдѣлали и въ какомъ бы то полку не было, полковая канцелярія до нихъ дѣла не имѣетъ; а искатъ суда на нихъ надобно въ войсковой канцеляріи и у гетмана. Итакъ бѣдной козака всегда ими обижень и за отдаленіемъ рѣдко управы ищеть, что при нынѣшнемъ гетманѣ нѣсколько уже и отмѣнено. При гетманѣ Скоропадскомъ, бунчуковыхъ товарищей и войсковыхъ во всей Малороссіи шестидесяти человекъ не было, и тѣ были самыя знатнѣйшхъ отцовъ дѣти, которыхъ гетманъ въ товарищи подъ свой бунчукъ принималъ; но въ междугетманство больше двухъ сотъ ихъ прибыло, и изъ подлыхъ людей, которые только сей чинъ за деньги получать могли, ибо имъ не столько чинъ, сколько та привиллегія надобна, что они нигдѣ кромѣ гетмана не судимы. Такъ и канцеляристы войсковые, которыхъ въ одной войсковой канцеляріи гораздо болѣе трехъ сотъ числятся, а въ канцеляріи сидящихъ не бывало никогда на лицо болѣе сорока, прочіе же все грабятъ и иногда разбиваютъ во всехъ отдаленныхъ концахъ Малороссіи, о чемъ многія и жалобы были. Итакъ право Малороссійское почитать надлежитъ, яко главный неурядокъ въ Малороссіи; оно имъ влпваеть мнимую вольность и отличіе отъ другихъ вѣрныхъ подданныхъ Вашему Императорскому Величеству; оно судію дѣлаетъ лихоимцемъ безпримѣрнымъ и повелителемъ народу, а суды продажными; оно бѣдныхъ простыхъ Малороссіянъ въ утѣсеніе приводитъ; оно, напоследокъ, и командующему шефу дѣлаетъ темноту и препинаніе правду снабдитъ полезною резолюціею.

Значительное помѣшательство и неурядокъ въ народѣ и отъ

того происходить, что казаки, которые особья привилегіи имѣютъ отъ мужиковъ и особливоі трудъ несутъ, а пменно: отправляютъ Государеву службу съ своихъ грунтовъ въ походахъ, а поселеніе свое имѣютъ по всей Малороссіи въ посполитыхъ деревняхъ, какъ духовныхъ, такъ и мірскихъ, помѣщикамъ принадлежащихъ. Всѣ Малороссійскіе города, мѣстечка, села, деревни, слободы и хуторы съ пахатыми и сѣнокосными землями, какъ въ лѣсныхъ, такъ и въ степныхъ полкахъ, не имѣютъ никакого обмежеванія; а понеже живутъ старинными будто займами и фальшивыми по большей части крѣпостями, а иные ни займомъ стариннымъ, ни крѣпостью, но грабежомъ и пабздомъ сильный на безсильнаго; къ тому же казаки во всѣхъ деревняхъ, селахъ, мѣстечкахъ и городахъ перемѣшаны съ мужиками: то изъ того послѣдовалъ различный вредъ, какъ собственно самому народу, такъ и въ интересъ Вашего Императорскаго Величества превеликій ущербъ: 1.) Помѣщики Малороссійскіе, живущіе по большей части ни у какихъ дѣлъ, по своимъ хуторамъ, или деревнямъ, праздно, въ томъ главное упражненіе имѣютъ, что, за лѣса, за тростники, за степи, за мельницы, за подтопы плотинъ, другъ на друга наѣзды дѣлаютъ вооруженною рукою, и изъ того рождаются многія смертоубійства. 2.) Вступивши въ процессы, волочатся лѣтъ по десяти и двадцати въ разореніе дому своему, судьямъ въ несказанную корысть, а главному суду по апелляціямъ въ безконечное обремененіе ябедническими процессами, и сіе есть собственное ихъ разореніе. 3.) Ущербъ Вашего Императорскаго Величества интереса есть главный тотъ, что казаки живутъ въ великомъ непорядкѣ, яко разбросанные по разнымъ мѣстамъ отъ своего сотника, и находящіеся въ рукахъ у разныхъ помѣщиковъ, яко крестьяне; почему сотникъ, имѣя ихъ поселеніе на великомъ разстояніи, и въ порядкѣ содержать ихъ не можетъ; ибо, хотя всякому помѣщику въ универсалахъ гетманскихъ, при надачѣ деревни, писывалось прежде и нынѣ пишется, что помѣщикамъ до казаковъ и ихъ грунтовъ въ деревнѣ, селѣ и мѣстечкѣ томъ, которое помѣщику принадлежитъ, дѣла никакого нѣтъ; однакоже, какъ воз-

можно, чтобъ козаць бѣдный и безпомощный воспротивился сотнику въ сотнѣ, а сильному помѣщику въ томъ селѣ, или деревнѣ, гдѣ онъ козачествуеть? Всякой сотникъ не успѣетъ только на сотню свою прѣхать, то козаки первые стронтели дому бывають, первые сѣнокосцы для его скота и первые подводчики, не упоминая о прочихъ разореніяхъ. 4.) Первый промысль козацій, которымъ они себѣ малые деньги въ годъ промышляютъ, есть тотъ, что козаки, по снятіи съ поля хлѣба, перецѣживаютъ его на горячее вино, и то продають у себя по домамъ, чего ради всякой козацій домъ не что иное, какъ шинокъ. Послѣдовательно то самое причиною и бѣдности ихъ; ибо козаць, занувшиися, не много уже помышляетъ о хозяйствѣ, и сѣетъ, и жнетъ хлѣба не болѣе, какъ лишь бы стало ему на зиму съ дѣтьми; а хотябы земля плодородная и принесла свыше трудовъ его что излишнее, но онъ, пріобывши къ плодородію земли, не чувствуетъ, и хлѣба съ поля не больше снимаетъ, какъ сколько ему про всю его хату надобно до поваго, а временемъ за лѣнностію и того не умѣряетъ; и гетманъ временемъ принужденнымъ себя находить особливые ордера о снятіи хлѣба, безъ успѣха въ томъ, посылать; чего ради иногда малый народъ, или саранча, то есть мужики, остаются безъ пропитанія и мрутъ съ голоду, или отдаются въ работу и подданство тѣмъ, которые на таковыя случаи, не рѣдко бывающіе, съ запасомъ живутъ; а это наибольше дѣлають старшины и ихъ свойственники. 5.) Живущіе козаки въ деревняхъ, мѣстечкахъ и селахъ помѣщичьихъ и землю свои имѣющіе въ одной границѣ, исчезаютъ и перерождаются на мужиковъ, слѣдующимъ образомъ. Помѣщикъ столько у себя выцѣживаетъ вина, что всегда вышпиговать въ своихъ маетностяхъ не можетъ, чего ради большую часть раздаетъ пзъ известной части вышпиговать козаку въ своей деревнѣ, а щетъ къ таковому дѣлу изъ такихъ козаковъ, которые бы удобнѣе у него забратъся и замотаться могли; напоследокъ, когда столько козаку задасть, что уже козаць не въ состояніи все вино прошпигованное выплатить помѣщику того же села, то помѣщикъ, вымучивъ у него обликъ, то есть правнымъ обязатель-

ствомъ удостовѣреніе, бьетъ челомъ на козака о уплатѣ долгу. Козакъ, будучи не въ состояніи уплатить по облику, то есть по обязательству, судимъ бываетъ разд. 4, арт. 28, пун. 1, въ которомъ опредѣлено *«награждать имъиіемъ недвижимымъ по оцѣнкѣ»*; а обыкновенно дворъ съ пашенною землею, которая въ Статутѣ *«волокою осаженою»* названа, предписано отдавать за десять рублей и по пронорціи, ежели меньше, то оную дѣлить, а *моргъ земли*, то есть двадцать сажень въ ширину и шестьдесятъ сажень въ длину, ежели унавоженъ, оцѣненъ въ полтину, а безъ павозу въ пятьдесятъ шаговъ, или грошей ⁽¹⁾ Польской монеты. Въ томъ же мѣстѣ цѣна предписывается сѣнокоснымъ землямъ, лѣснымъ удобнымъ къ сѣву, озерамъ, рѣкамъ и проч.; и такимъ образомъ козакъ, грунтá свои потерявъ процессомъ за горячее помѣщичье вино, которое шинковалъ, коли земли не достаетъ въ уплату, отдается и самъ тому же помѣщичку въ отелугу, по силѣ права. Сіе есть слѣдствіе того неудобства, что козаки съ помѣщичьими мужиками въ однихъ селахъ, деревняхъ и мѣстечкахъ живутъ, и отъ сего-то большая часть козаковъ претворался уже въ мужики помѣщичьямъ, а государственнй интересъ чрезъ многіе годы терпитъ чувствительный отъ того урокъ, къ пресѣченію котораго хотя мѣры и принимаемы были, а особливо по челобитью козаковъ еще въ 1723 году, по указамъ, которые тогда послѣдовали, довольно не предусмотрѣно.

12.

Къ внутреннему и собственному разоренію, есть вредъ наиблизайшій Малороссійскому народу *вольный переходъ* съ мѣста на мѣсто, который причиною, что бѣдные помѣщички часъ отъ часу въ большую бѣдность приходятъ, а богатые наче усиливаются; а мужики, не чувствуя своей погибели, дѣлаюся пьянцами,

---

⁽¹⁾ Т. е. правную копу, что равнялось 1 руб. 20 коп., когда рубль серебра ходилъ въ рубль, а теперь, по указу 1724 года, взыскивается 4 руб. 80 коп. грошей; значить, полтина болѣе чѣмъ 50 шаговъ.

лѣнниками и нищими, умирая съ голоду въ благословенной плодородіемъ странѣ. Ничто столько не вредительно крестьянину, какъ праздность. Она не только его нищимъ, но и впередъ къ работѣ по отвычкѣ неспособнымъ дѣлаетъ. Мужикъ, имѣя власть перемѣнять свое селеніе, всеконечно пойдетъ прежде всего какъ бы ему найти удобства свой хлѣбъ жевать безъ труда; се-го ради не допускаетъ обременять себя никакою излишнею работою. Между тѣмъ изобилующіе помѣщичьи землями, или грабленными Государевыми, или за долгъ шиковой себѣ приговоренными, или по сходѣ лѣнниковъ ввустѣ лежанцами, обыкновеніе имѣютъ поселять слѣдующимъ образомъ: сперва опредѣлить слугу, наряженнаго у бѣдныхъ помѣщиковъ подговаривать, прельщая многими льготами, что весьма легко имъ и удается, потому что бѣдный больше заставляеть мужика своего работать, нежели богатые, ежели кредита много къ тому въ націю не имѣеть; потомъ выставитъ на пустой своей землѣ большой деревянной крестъ, на которомъ для грамотныхъ надписать, а для неграмотныхъ скважинами проверченными означитъ, на сколько онъ лѣтъ новопоселеннымъ обѣщаетъ льготы отъ всѣхъ чиншозъ, то есть оброковъ и господскихъ работъ. Между тѣмъ мужики праздничные и лѣнтяи о томъ не оставляютъ навѣдываться, гдѣ и сколько временными свободами крестъ выставленъ на поселеніе слободы, и провѣдавъ выбираютъ мѣсто, которое имъ льготы покажется. Такимъ образомъ вылеживаютъ мужикъ урочные годы въ крайнемъ лѣнствѣ, а къ концу срока провѣдываетъ о новой клычкѣ на слободку и новаго креста ищетъ, и симъ образомъ весь свой вѣкъ нигдѣ не заводитъ никакого хозяйства, а такается отъ одного къ другому кресту, перевозя свою семью и перемѣняя свое селеніе. Для сихъ причинъ они по большей части и никакого у себя не заводятъ домоводства, дабы удобнѣе было съ мѣста на мѣсто подняться, тѣмъ больше, что онъ тотъ переходъ тайкомъ отъ помѣщика учинить долженъ; ибо помѣщикъ подъ претекстомъ тѣмъ, яко-бы мужикъ все, что ни имѣеть, нажилъ на его помѣщичьихъ грунтахъ, какъ скоро провѣдаетъ о его предпріятіи, грабнтъ все его имѣніе,

на которое онъ, по силѣ Статута, право имѣеть. Такъ поступаютъ помѣщики, безкредитные въ паціи; а сильные кредитомъ, заманивши единожды на свою землю мужика, много и пныхъ способовъ имѣютъ не выпустить отъ себя переселиться къ другому. Такимъ образомъ въ изобиліи и плодородіи земли Малороссійской, земледѣлецъ претерпѣваетъ гладъ, убогій помѣщикъ въ большую бѣдность впадаетъ, а богатый усиливается числомъ подданныхъ; между тѣмъ государственная польза изъ Малороссійскаго народа не только изобиліемъ земли не возрастаетъ, но еще часъ отъ часу въ упадокъ приходитъ.

Сии суть токмо генерально показанные неурядки въ Малороссійскомъ народѣ; но ежелибы нужда востребовала все сіе яснѣ показать, то надлежитъ только заглянуть въ теченіе ихъ судовыхъ дѣлъ, въ произведеніе государевыхъ повелѣній и во внутреннюю ихъ собственную экономію; тогда множайшіе еще показаться могутъ. Много о томъ, какъ видно, помышлялъ блаженный и вѣчно достойный, памяти Государь Императоръ Петръ Великій, но понеже край Малороссійскій до познанія Его въ самое жесточайшее время пришелъ, а поправленіе его требовало немалаго времени, то, хотя изъ многихъ учрежденій и видны были ко всему сему начатки премудраго Государя, да времени не доставало то привести въ порядокъ, что исподоволь дѣлать надлежало; а между тѣмъ смерть сего великаго Монарха застигла, и больше никто о томъ не мыслить.

У.

О Р И С Я,

пддллія.

О Р І С Я .

I.

Співajúть у пісні, що нема найкращого на вроду, якъ ясна зоря въ погоду. Отъ же, хто бачивъ дочку покійного сѣтника Таволги, той би сказавъ, може, що вона краща її надъ ясною зорю въ погоду, краща її надъ півний місяць середъ ночі, краща її надъ самé сонце, що звеселяє її рибу въ морі, и звіря въ дуброві, и макъ у городі.

Може її гріхъ такé казати: дє такі відано, щобъ дівчá було краще одъ свято́го сонця и місяця? Да вже, ма́буть, такъ наєь грішнихъ ма́ти на світь породіла, що якъ споглянешъ на дівочку вроду, то здається тобі, що вже ні на землі, ні на небі нема нічо́го кращого.

Гарна, дуже бу́ла гарна сѣтниківна! знали її по всій Україні; бо въ насъ на Вкраїні, се́оро бу́ло въ ко́го віросте дочка хороша, то вже її знають усюди. Бу́ло чи треба ко́му зъ молодого коза́цтва, чи не треба чо́го у Війтовці, іде за сто версть, абіи тільки побачить, що тамъ за дочка въ сѣтника Таволги, що тамъ за Орися, що всюди про не́ї мовъ у тру́би тру́блять! Да не ба́гато єь то́го виходило користи. 'Якоєь не бу́ло коза́цтву прієсту-пу до не́ї зъ залицінемъ. Чи ба́тько бу́въ дуже го́рдний, чи дочка дуже пи́шва, то́го не знаю; а знаю, що бу́ло вернетця и́ншій кру-

тіусь изъ Війтовець да її хѳдить, мовъ неприкаянный. Спитаетъ ёго про Орїсю товаришъ...

»Шкодá«, каже, »брате, нашого повабу її залицяння! Не для насъ зацвіла ся квітка! Може, хто її застрѳмить її собі за високу шапку, тїлько той бѳде не зъ нашого десятка.«

А товаришъ похитаетъ мѳвчки головою, да її подѳмае: »Отъ же занастїла козака!«

II.

А Орїся була вже не дитина, вирївнялась и вирїкохалась, якъ біла тополя въ левадї. Подївитця було на її старїй сѳтникъ, подївитця на її пїшній зрѳсть и хорѳшу врѳду, порадуетця бáтьківевквмъ сѳрцемъ, що дождáвъ на старїсть собі такої дочкї, а часомъ и посумѳе: »Доспіла еси, моя ясочко, якъ пѳвний кѳлоєъ на шїві! Да чи знáтпме жѳнчикъ, яку благодáть берѳе собі одъ Гѳспода милосѳрдного? Есть багáто людѳй, и статѳчнихъ, и знáчнихъ, що залицяютьця на тебе, да не хотїлось би мнї отдаватъ тебѳ въ рѳки сївому дїдовї: звялїть тебѳ ревнїючи, якъ вїтеръ билїну въ пѳлі. Оїї, не хотїлось би отдаватъ тебѳ її за молодѳго шпбáїї-гѳлову, що не поживѳ дѳвго безъ стѳпу да коня, поляже въ пѳлі буйною головою, а тебѳ зостáвить горюватъ зъ дїтонькáми!«

Такъ собі дѳмаючи да гадáючи, старїй Тáволга часомъ тяжко, тяжко засумѳе, ажъ слѳзá покѳтитця ѳмѳ зъ ѳка.

А Орїся росла собі якъ та квітка въ горѳдї. Пѳвна да хорѳша на видѳ, мáяла то сямъ, то тамъ по госпѳдї въ старѳго сѳтника, похѳжала якъ по медѳ бѳжїлка и всю госпѳду звеселяла.

III.

Пришївся разъ Орїсі предївний сѳнъ. Здалѳсь, пришла до неї сь тогѳ свїту покѳїйна панїмáтка, стáла, надъ нею въ голо-

вахъ, да її каже: »Дитино моя, Орисю! не довго вже тобі дівувати: що день благію Госнода милосердного, щобъ пославъ тобі вірну дружину.«

Ветіла Орися ні смутна, ні весіла, идє до панотця въ світлицю, зачервонілає, якъ та квіточка, да її каже: »Паноченьку! позолили мої дівчата платте. Нехайі запряжуть намъ коней; поїдемо ми до Трубайла, підъ Тұрову Крұчу: тамъ вода, чїста, якъ склò, ріше по каміннямъ.«

А панотєць речє: »Чогò жъ тобі, Орисю, такъ далєко їздити?«

»Хибá жъ то вже, паноченьку, її далєко?... на півъ-годїни ходї; да тудї жъ усє їхати лўгомъ да лєвадами, що її не счўсеє, якъ вода заблищїть и зашумїть підъ горюю.

А панотєць: »О, я вже знаю, що абї чогò забажала, то вмієш вїпросити. Поклічъ же мнї старòго Грїву!«

Поскòчила Орися до дверїй, не довго шукала Грїви, зàразъ привелá ёго передъ панотця.

А той Грїва бувъ старїй, дїдїзний чоловікъ. Знавъ вінъ пана сòтника ще змáлечку; вїпестивъ ёго на рукахъ; вївчивъ и на конї їздити. Потїмъ вїходивъ зъ сòтникомъ у походахъ лєдвѣ не всю Польщу, бувъ зъ нимъ и въ Крїмѹ, бувъ и на Чòрному мòрї; да вже на старїєть не схотївъ би її панєства, абї тїлько при ёмѹ дожїти вїку. Старїй ужє бувъ дўже дїдуганъ той Грїва; брови на очї ёмѹ понасòвувалєсь, и борода сїва, до пояса.

Увїйшовъ у світлицю, вклонївєся пану сòтнику, да її каже: »Добрїдень, добрòдію!«

А сòтникъ ёмѹ: »Здорòвь, добрòдію!« Бо вони одїнь одного звїкп добрòдіями величати.

»Запряжї!«, каже, »добрòдію, нару коней, вїзьмї хочъ той вїзь, що булò сұхари въ походї вòзимъ, да повезї нашихъ працòкъ до Трубайла.«

А той ёмѹ: »Дòбре, добрòдію, запряжємò. Чомѹ не запрягтї?«

И отò зàразъ идє, берє двохъ хлòпцїв, викòчує зъ-підъ повіткѣ вїзь, довгий и шпрòкїй, дòбре ёмѹ знакòмїй, що не разъ

у лихій годині. засівши за ёго, одбивавсь одъ Ляхівъ. або одъ Татарві, не разъ привівъ черезъ ёго й нүжди не мало, часомъ якъ трапитця було утїкати изъ нимъ по корчяхъ, по болотяхъ, по багнахъ, щобъ вихопитця мановцємъ изъ залогн. Вибочує старій Грїва той візъ теперъ на іншюю потребу; запрягає пару коней, що вже літа погасили давнò въ нихъ той огонь, що кинить у сєрці, наше зъ очей и зъ нїздеръ, и кїдає коня сюдї й тудї, на страхъ жінкамъ и дітямъ, а доброму козакові на втїху. Смирні теперъ тїи два білі коники ходїли підъ ружою сївого Грїви, що вже давнò одвікъ одъ козацького гєрця.

Отъ же дівчата Орїсиши несуть сорочкї, шитї рушпкї, настїлники и всяке добрò; наклали повенъ візъ, и самї посїдали: усі въ стїнякахъ да въ квіткахъ, — Орїся поміжъ ними, — и якъ макъ у горòдї веі квіткї закрашає, такъ вона сїдїла поміжъ своїми дівчатами. Сївий Грїва сївъ спереду; хлопьята кїнулись одчинїть ворòта. Вїглянувъ у вікно панъ сòтникъ:

»Не барїся жъ тамъ, Орїсю!«

А вона: »Нї, папòчєпьку!«

Лїснувъ погоничъ нүгою: конї зарядли, почувши лугову пашу; потїпали и зникли зъ очей и зъ возомъ, и зъ погоничемъ, и зъ дівчатами.

IV.

Отъ ужє й лүгъ передъ ними. И сюдї зєлено, и тудї зєлено. Було бо се самє на весні, якъ ще трава, свїжа да молодї, тїлько що вкрїє зємлю. Скїлько въ-горї сїнєго нєба, стїлько въ-низї зєленого лүгу. И такъ якъ яснї зоря въ-почї покòтитця, палаючи по нєбу, такъ тая Орїся проїзжала шпрòкимъ лүгомъ зъ своїми дівчатами.

Ажъ ось — шумїть, ревє Трубайло за лєвадами. Якъ розстїпнтя дєрево, а сòнце якъ заблщїть самє въ тїмъ мїсці, де

водá рíше черезъ камíння, то ти бѣ сказавъ, що то не водá, а самé чисте склò, самíй дорогíй криштáль рíше зъ горí и бѣтця на дрíбнíй склянкí обѣ камíння.

Надъ рíчкою Труба́йломъ стоíть впе́рка в́р҃ча. Вея обросла кучерявимъ в́зомъ, а корі́ння пові́сло надъ самі́ю рíчкою. Ді́кий хмі́ль почі́плявѣ за те корі́ння и волі́шетця кудлатими жмúтками. А в́-низú водá рíше, да рíше! Оце́ жъ т́я и́ Туро́ва Крúча.

Ді́влятця на не́ї дівча́та, да и́ пита́ютця в́ старо́го Гр́ви, чо́го вона́ прозв́лася Туро́вою?

»На́ що вамъ знáть?« ка́же Гр́ва.

»Ажéжъ ти на́ щось знáєшь? Такъ и́ намъ скажи!«

»Ой, мо́ї голубъя́та! Сказа́въ би́ вамъ, да т́лько б́льшь не по́дете сю́ди на рíчку.«

»Щò жъ тамъ таке́? Скажи́ бо та́кі намъ, дідúсю!«

Я́къ узя́ли просі́ть, не відержавъ старі́й, сівъ на ка́мені надъ рíчкою, да и́ почавъ глаго́лати:

»Ко́лись-то давнò, и́ще до Тата́рського лихолі́ття, прáвивъ Не́реяславо́мъ я́кийсь кн́язь. Да и́ бувъ собі́ то́й кн́язь стрі́лець та́кий, що абі́ зúздривъ на óво, то вже́ и́ ёго́; и́ кохавъ в́нь у полёва́ннi. Ото́ жъ разъ по́хавъ то́й кн́язь на полёва́нне, да и́ одб́ивъ у пúнци одъ сво́ей челя́ді. І́де да і́де пúнцю, ко́ли жъ д́вля́тця, ажъ на лóнцнi пасéтця ста́до ту́ривъ.«

»А́ що́ жъ то, дідúсю, за ту́ри?« спита́лася О́ріся.

»То, мо́я кр́шкò, бу́ли ді́кі бн́кі зъ золоті́ми ро́гами; те́перъ уже́ і́хъ ні́где не зúздри́шь. Ба́чить кн́язь тихъ ту́ривъ; т́лько не дивúетця на і́хъ золоті́ ро́ги, а дивúетця, що́ при нихъ сто́ить дівчи́на, та́ка, що́ усю́ пúнцю красо́ю осві́тила. Поскòчивъ в́нь до не́ї; а одъ не́ї такъ са́е, що́ и́ присту́пíть не мо́жна. Забу́въ кн́язь и́ про сво́ю челя́дь, и́ про те, що́ заблуді́въ у пúнци: вхо́пила ёго́ за се́рце т́я чудовна́я краса́.

»Дівчи́но!« рече́; »будь мо́єю жо́ндю!« А вона́ рече́: »Тоді́ я б́ду то́бі жо́ндю, я́къ Труба́йло наза́дъ вёрнетця.« А кн́язь и́и зпóву: »Я́къ не зго́днися на мо́є проха́нше, то я тво́ї ту́ри по́стреля́ю.« — »Я́къ по́стреля́єшь мо́ї ту́ри, то вже́ б́льшь ні́чо́го

не стрелятимешъ.» Розсёрдився князь, взявъ лукъ съ плечá и почавъ стрілять золоторогні тўри. Сунўдсь тїі тўри въ пўщу, такъ и виваляли дєрево; а князь за ними знай пускáє стрілку за стрілкою. Прибїгли надъ Трубаїло... а Трубаїло тоді бувъ не такий узєнкій якъ тепєрь, — прибїгли надъ високў крўчу и всї шубўвьсть у вѳду! да й нї одїнъ не переплївъ, усї кáменемъ лягли по дну, ажъ рїчку загатїли. Сплеснўла тоді дївчина рукамі: »Потопївъ еєї моїхъ золоторогїхъ тўрївъ, блукáй же тепєрь по пўщі по всї вїчніі рѳки!«... Отъ же й блукáє, кáжуть, той князь до сєгѳ часу по пўщі, и нїякъ не знайде свѳгѳ Переяслава. А Переяславъ бувъ ужє и въ Татарськихъ рукахъ, бувъ и въ Лядськихъ, — чѳгѳ вже не було зъ тимъ Переяславомъ? а вїнъ не знайде єгѳ, та й не знайде. А дївчинїнї тўри лежáть и дѳєі камїнями въ водї, и отъ прислўхайсь: то не вода ревє, а ревўть тўри глўхо зъ-пїдъ водї. Отъ же, кáжуть, бўде такє врємя, що князь прїде на Тўрову Крўчу, повстають тўри и пїйдуть шукáти собї дївкихъ пўщъ по Врáїні.

V.

Слўхають дївчáта, да ажъ сўмно їмъ стáло; слўхáє Орїєя, да вже боїгця й глãнцуть на камїння, що простяглѳсь кўпою черезъ рїчку. Вже її здаєтця, що то справдї не камїння; и вода шумїть якъсь не такъ, якъ вода...

Засмутївъ зовсїмъ дївчáтъ старїй Грїва. Не знають ужє, чи прать бп то їмъ, чи додѳму вбїрáтсь; сѳромъ тїлько старѳго Грїви; поглядáє бо на нїхъ, да тїлько вемїхáєтця. То було лўблять прать на самїї бистринї, положївши кладку съ кáмня на кáмїнь; а тепєрь одїйшли дáльше одъ крўчи, де вода ще не дїйшла до камїння и плївє тїха да чїста, хочъ вїгляньсь якъ у зєркало. И, справдї мѳвъ у зєркалі, вїдно въ водї и нєбо, и крўчу съ тїми кудлáтими корїннями, що переплўтались пзъ хмєлемъ, и кучеря-

вні вязі, що повбігали на самій край і простягали зелєні лапи надь річкою.

Дівитця Орїся въ воду, ажъ у воді на кручі щось зачервонило; хтось ніби виїхавъ изъ цўщи на сівому коні и стоїть поміжъ вязами. Воїтця глянуть у-гору, щобъ справді не було тамъ когось; боїтця глянуть и на каміння: вже їй здаётця, що ось, ось заревуть и сунутьця зъ річки зачаровані тўри. Смикнула за рукавъ одну дівчину и показала въ воду: дівлятця дівчата, ажъ на Тўровійі Кручі князь на сівому коні. Тагъ и обомліли. Бо хтò жъ би сказавъ, що то їй не князь? Увесь у кармазні, а зъ пояса золóто ажъ капає.

Не máло жъ, відно, здивовавсь и козакъ: стоїть на коні нерухомій. Бо хто жъ би їй не здивовавсь, опинівшись надь такою кручею? У-низу ріне вода черезъ камінне, а надь водою спдіть нерухомо сівий дідь на камені, а тамъ стоїять перухомі дівчата, зъ працями, зъ мокрици полотнищами въ рукахъ. Чи дівчата, чи, може, русалки повиходили прать сорочки підводному царєві, що живе въ кристалєвому будінку підь водою. Оцє жъ, мабуть, и самъ вінъ виїшовъ зъ воді погрїть старій кòсті на сонці. Ще разъ погляне козакъ на сівого діда, ще разъ погляне на дівчаты: позасўкували по лоботь рукава, поїдтївали плахті їй мерєжани заплоччу подóли... Золóто не сїє тагъ на дорогїхъ пєрстняхъ, якъ сїють у воді їй надь водою їхъ бїлні пòги. Задивівсь козакъ, и собі стоїть нерухомо; коли жъ гукне на єго старій Грїва: «Гей, гей! козаче! Чогò се тебе занесло на кручу? Хибá хочешъ понолоскаты свої кармазники въ Трубаїїлі?»

П скóро промовивъ, — заразъ наче розбївъ якї чарі. Засоромились дівчата и давай бóвтаты полотнищами.

А козакъ одвітє дїдові: «Да їй за тє слава Бóгу, що хоть на кручу вибрався. Скажи, будь ласкавъ, дїдусю, якъ мпні виїхаты пкъ Вїїтовцямъ?»

«А чогò тобі трєба въ Вїїтовцяхъ?»

«Черезъ Вїїтовці», каже, «лежить моя дорога»

«А куди жъ лежить твоя дорога?»

»Моя доро́га — до чи́ьогоь поро́га, моя ете́жечка — до чи́ьогоь се́рдечка.«

»Эге«, ка́же старі́й Грѣва: — »неха́й же то́бі Госпо́дь у до́брому ділі помага́е! Отъ же куди́ то́бі ви́хати. Бері́сь у-пізъ, пона́дь бе́регомъ; то тамъ трóхи пізче́ бу́де то́бі дорі́жка; тпе́ю дорі́жкою ви́дешъ ти на рі́чку. Естъ черезъ рі́чку її кладочкі; во́зомъ не проїдешъ, а коне́мъ до́брої коза́къ перехо́питця.

Подя́кувавъ коза́къ за пора́ду, поверну́въ ко́ня п схова́всь по-за де́ревомъ.

Якъ схова́всь, тоді-то вже розгу́лялись на́ші дівча́та: роспи́сали коза́ка якъ на напе́рі: які її очі, які її брови, якъ и гово́рить, якъ и вемі́хаетця. Та ка́же: »Се твій суже́ний!« а та: »Се твій.« А одна́ додала́: »Не змага́йтесь дурно, дівча́та: чи рівня́ жъ такі́ вамъ пі́шній князь! Се на́шої па́ночки суже́ний!

Почерво́ніла Орі́ся. »Збожево́ліла«, ка́же, »ти, Параско! Хиба́ не чу́ла, що́ вінъ сказа́въ дідові?«

И жа́ль її бу́ло, сама́ не зна́е чо́мъ, що́ вінъ іде́ свѣтатця. Мѣвше одъ во́сгу дівоче́ се́рце. Та́не воно́ одъ коза́цькихъ очей, якъ одъ со́нця....

»Що́ жъ«, ка́же Параска, »що́ іде́ свѣтатця! Суже́ної її ко́не́мъ не обѣ́дешъ!«

VI.

Попра́ли дівча́та сорочкі, зложі́ли на ві́зъ, зеле́ною пахучо́ю траво́ю прикрі́ли, посі́дали її поїхали до́дому, свѣ́кі да весѣ́лі; щебе́чуть якъ ла́стівки. Щі́е далѣ́ко не доїхавъ ві́зъ до со́тницького двора́, а въ дво́рі вже чу́тио́ бу́ло, що́ верта́ютця.

»Орі́сю, на́ша па́ночко!« кри́кнули дівча́та, скóро росчині́лись ворóта. »Чи́й же то́ сівий кінь у дво́рі стої́ть? Се́ жъ того́ коза́ка, що́ ми ба́чили, се́ жъ тво́го князя, се́ жъ тво́го суже́ного!«

Гляне Орися, а въ сёрці ніче жаромъ запекло. Чи вона злякалась, чи вона зрадила, сама того не знала.

Віглянувъ у вікно изъ світлиці молодій козакъ: іде въ двіръ изъ старими кіншми, изъ старимъ сівимъ погоничемъ; зелена трава волочѣтця по бокахъ и бѣтця по колѣсахъ; а изъ-за сѣвої бородині старого Гриви, изъ-за білої зими, червоніє літо — повецъ изъ дівчатъ у квіткахъ да въ памісті, — Орися якъ сонце поміжъ ними! Віглянувъ, да ажъ руками силеспувъ: »Се жъ вона, се жъ вона!« И ото вже тоді почавъ на прямоту викладувать свою мову пану сѣтничові, и хтѣ вінъ такий, и чого прихавъ. Хто жъ вінъ такий, то се вже панъ сѣтникъ знавъ давно: Миргородський осауленко, отаманъ у своій сѣтні, хорошого и багатого роду дитина. А чого прихавъ? прихавъ подивитця, що тамъ за Орися така, що тамъ за дочка въ сѣтника Таволги на всю Гетьманщину; а побачивши та и себѣ показавши, довідатця, чи вже надбала шитихъ рушниківъ у скриню... Про що журивсь, чого бажавъ панъ сѣтникъ, те ёму якъ изъ пѣба знало. Не довго думавши, позвавъ Орися. Ввійшла въ світлицю, червона, якъ калина.

»Отъ, Орися, тобі жешіхъ! Чи любъ вінъ тобі, чи може підждешъ бращого?«

Хоть-би тобі слово промовила, хоть-би тобі очима зглянула. Стоить, сердешненька, и голівку схилила.

Бачить панотецъ, що не дождѣтця одъ неї одвіту, — бо дѣ жъ такий, щобъ дівчина сказала, що въ иї на мислі. Очидці хибѣ скажуть, а сама ні. Пораховавъ се панотецъ, да и каже: »Де вже такий козакъ да любъ не буде! Обнімѣтця жъ да поцілуйтєсь, да и Бже васъ благослові!«

Обнявъ козакъ Орися, поцілувавъ у тїи губошки, що ніче зъ самого мѣду зліплєні, и вклонилсь обѣмъ низько, до самого долу, панотцѣві.

Чи багато жъ наїхало дружини на весілля, чи бучно одбулі гостей, чи довго гуляли, се вже не наше діло розказувати.

Бачивъ я Орися саме передъ весіллямъ; хоробна була, якъ вїточка. Бачивъ я зновъ иї черезъ рікъ у Миргороді, — ще ста-

ла краща замужемъ, и дитина въ неї. якъ Бóжа зірочка. Вже я не разъ думавъ собі, на неї дівлячись: »Се Бóжа слава, а не молодіця! Щò, якъ-би́ хто дотéпний змалёвавъ її такъ, якъ вона єсть, изъ малёнькою дитинкою на рукахъ! Щобъ то за картина була!«

П. Кулішъ.

Пісано 1844, сентябрѣ 7,
у Ходоркóві, въ Свідзінського,
прочитавши шесту пісню Одиссеї.

VI.

МАЛОРОССІЙСКІЯ НАРОДНЫЯ ПѢСНИ,

положенныя на ноты для пѣнія и фортепьяно

Андреемъ Маревичемъ.

Тетрадь первая.

ПРИМЪЧАНІЕ.

Издавая нѣсколько голосовъ Малороссійскихъ народныхъ пѣсень, я старался выразить ихъ возможно точнѣе, безъ всякихъ прикрасъ и измѣненій. Акомпаниментъ прибранъ мною соответственно тому, какъ я понималъ своеобразный характеръ Украинской мелодіи, а не на основаніи общихъ правилъ ученой музыки. Изъ этихъ немногихъ голосовъ увидитъ каждый, что Малороссійская пѣсня представляетъ нѣчто самостоятельное въ области музыки, что она часто противорѣчитъ общепринятымъ законамъ гармоніи, но, нарушая ихъ, даетъ намъ какіе-то новые законы, которые будутъ опредѣлены искусствомъ, когда приведется въ извѣстность богатый запасъ народныхъ мотивовъ.

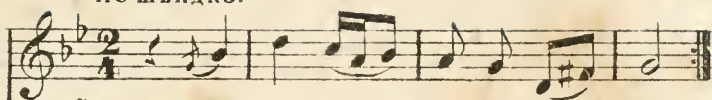
При исполненіи Малороссійскихъ пѣсень, должно помнить, что въ пѣняхъ, оканчивающихся двумя одинакими нотами (какъ, напримѣръ, въ пѣснѣ: *И се село, и то село*), послѣдняя нота выговаривается почти шопотомъ и коротко, а предпослѣдняя тянется долѣе. То же самое встрѣчается иногда и въ среднихъ пѣсняхъ (напримѣръ, въ пѣснѣ: *А въ літніи та въ осіччині*).

Андрей Маркевичъ.

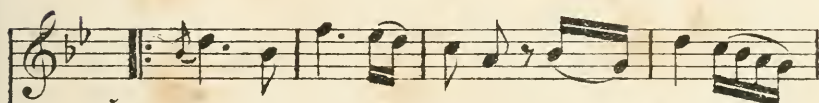
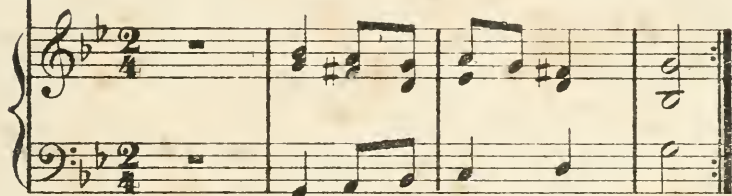
Не швидко.

№ 1.

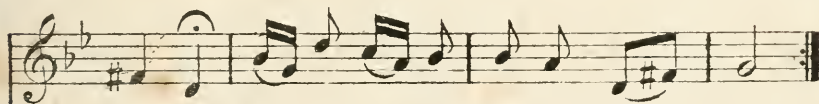
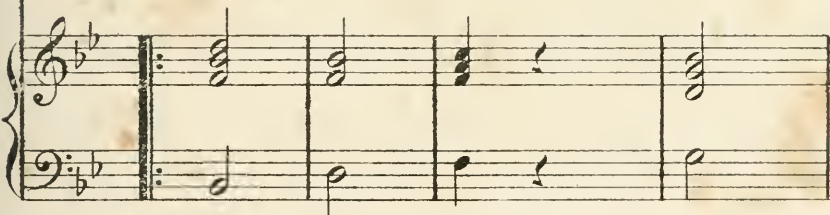
1^й разъ: Ой вийду я на шпиле - - чокъ

2^й разъ: Да гляну я на доли - - ну:

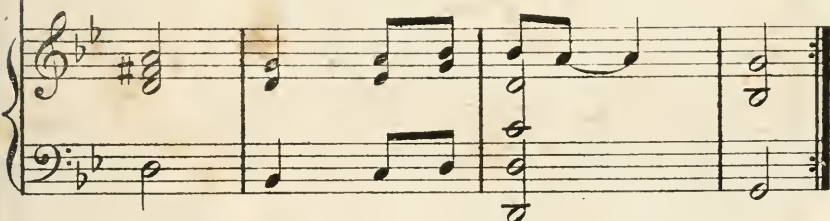
1^й р. До - ли - на гли - бо - ка, ка - - ли - на ви -

2^й р. А вѣ ти - і дів - чи - ни, а вѣ ти - і мо - ло -

со - ка, Аж до до - лу ві - ти гнут - - ця.

до - і Аж на зем - лю слё - зи лют - - ця.

Не швидко.

№ 2.

Ой по-ма-гай Бі-гь, Да ти, не-су-

The first system of the musical score consists of a vocal line and a piano accompaniment. The vocal line is written in a treble clef with a key signature of two flats (B-flat and E-flat) and a 3/4 time signature. It begins with a half note G4, followed by a quarter note A4, a quarter note B4, and a quarter note C5. The piano accompaniment is written in a grand staff (treble and bass clefs) with the same key signature and time signature. It features a simple harmonic accompaniment with chords in the right hand and single notes in the left hand.

же-ний дру-же! Да здо-ро-ва, сер-

The second system continues the musical score. The vocal line starts with a quarter note D5, followed by a quarter note E5, a quarter note F5, and a quarter note G5. The piano accompaniment continues with chords and single notes, maintaining the harmonic structure of the first system.

день-ко! То-жъ лю-би-ли-ся ду-же!

The third system concludes the musical score. The vocal line begins with a quarter note G4, followed by a quarter note A4, a quarter note B4, and a quarter note C5. The piano accompaniment continues with chords and single notes, ending with a final chord in the right hand and a single note in the left hand.

Не швидко.

№ 3.

Чи се жь та - я да ді - вчи -

нонь-ка жи - - ве, Що хо - - - ро - ші

да ши - ри - - - воч-ки ші - - - е?

№ 4. Не швидко.

Ой пій - - ду я, пі - - й - ду не бе -

The first system of the musical score consists of a vocal line and piano accompaniment. The vocal line is written in a single treble clef with a key signature of two flats (B-flat and E-flat) and a 2/4 time signature. The lyrics are "Ой пій - - ду я, пі - - й - ду не бе -". The piano accompaniment is written in grand staff notation (treble and bass clefs) with the same key signature and time signature. The piano part features a steady bass line and chords in the right hand.

ре - го - мь, лу - гомь, Чи не зо стрі -

The second system continues the musical score. The vocal line has the lyrics "ре - го - мь, лу - гомь, Чи не зо стрі -". The piano accompaniment continues with similar harmonic support, including some chords with accidentals (sharps) in the right hand.

ну - - - ся зьне - су - же - - ни - мь другомь.

The third system concludes the musical score. The vocal line has the lyrics "ну - - - ся зьне - су - же - - ни - мь другомь.". The piano accompaniment provides harmonic support, ending with a final chord in the right hand.

Не швидко.

№ 5.

Ой мі - ся - цю, мі - ся - чень - ку!

The first system of the musical score consists of a vocal line and a piano accompaniment. The vocal line is written in a single treble clef with a 2/4 time signature. It begins with a quarter rest, followed by a quarter note G4, a quarter note A4, a quarter note B4, a quarter note C5, a quarter note B4, a quarter note A4, a quarter note G4, and a quarter note F4. The piano accompaniment is written in grand staff (treble and bass clefs) with a 2/4 time signature. It features a simple harmonic accompaniment with chords and moving lines in both hands.

Не сві - ти ві - ко - му, Тіль - ко мой - му

The second system continues the musical score. The vocal line starts with a quarter note G4, followed by a quarter note A4, a quarter note B4, a quarter note C5, a quarter note B4, a quarter note A4, a quarter note G4, and a quarter note F4. The piano accompaniment continues with similar harmonic support.

ми - лень - ко - му, Якъ и - де до - до - му.

The third system concludes the musical score. The vocal line begins with a quarter note G4, followed by a quarter note A4, a quarter note B4, a quarter note C5, a quarter note B4, a quarter note A4, a quarter note G4, and a quarter note F4. The piano accompaniment provides the final harmonic accompaniment for the piece.

№ 6.

Не дуже швидко.

И се се_ло, и то се_ло:

The first system of the musical score consists of a vocal line and a piano accompaniment. The vocal line is written in a single treble clef with a 2/4 time signature. It begins with a whole note rest, followed by a series of eighth and quarter notes: G4, A4, B4, C5, B4, A4, G4. The piano accompaniment is written in grand staff (treble and bass clefs) with a 2/4 time signature. It features a steady eighth-note bass line and chords in the right hand.

Трохи швидко.

Чо_ мусь ми_ні не ве_ _ се_ ло! Ой тамъ

The second system continues the musical score. The vocal line starts with a quarter note G4, followed by eighth notes A4, B4, C5, B4, A4, G4, and ends with a quarter note G4. The piano accompaniment continues with similar rhythmic patterns and chordal accompaniment.

ми_ні ве_се_лень_ко, Де мо_ _ е сер_день_ко.

The third system concludes the musical score. The vocal line begins with a quarter note G4, followed by eighth notes A4, B4, C5, B4, A4, G4, and ends with a quarter note G4. The piano accompaniment provides a consistent harmonic and rhythmic foundation throughout.

Швидко.

№ 7.

А вже ве - сна, а вже

кра - сна, Изъ стріхъ во - да кап - ле,

А изъ стріхъ во - да кап - - ле.

Щедрівка. Не дуже швидко.

№ 8.

Ой сівь Хри-стоєь та ве-че - - ря-ти,

Щед - рий ве - чірь, Доб - рий ве - чірь!

Тихенько.

№ 9.

Чи я вьлу - зі не ка - ми - на бу - ла?

Голоснійше.

Чи я вь му - зі не чер - во - - на бу - ла?

Взяли ме - не, по - ла - ма - ли И вь пу - чеч - ки

по - вя - за - ли: Та - ка до - - ля мо - я!

№ 10. Не дуже швидко.

Хо- дить со- ро- ка ко- ло по- то- ка Тай

кря - че, тай кря - че, Тай кря-че, сер-денько, Тай

кря-че, ри-бонько, Тай кря - че, тай кря - че.

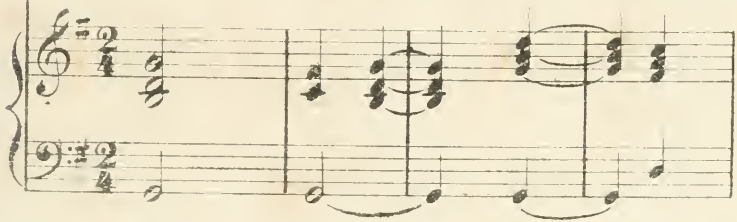

Не дуже швидко.

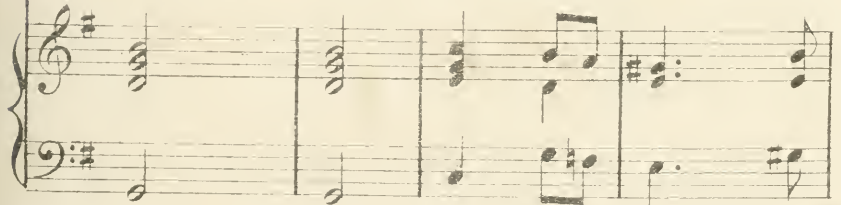
№ 11.

Ой Морозе та Морозенко, Ой ти славний ко-

за - - че! О - ой за то - бо - - - ю, та Мо-

ро - - зенко, У - ся У - кра - і - на пла - че.

Швиденько.

№ 12.

Ле - да - ча не - віст - ка, ле - да - - ча,

Тай до ро - бо - - ти не вда - ча.

Не швидко.

№ 13.

Ой и - зій - ди, зій - - ди, Ти, зі - ро нько

та ве-чір - ня - я! О-й ви-йди, ви - - йди,

The first system of the musical score consists of a vocal line on a single staff and a piano accompaniment on two staves. The vocal line begins with a treble clef, a key signature of two flats (B-flat and E-flat), and a 2/4 time signature. The lyrics are written below the notes. The piano accompaniment features a bass line with a 5-finger pattern and a treble line with chords and moving lines.

Дівчи-нонько мо-я вір- - на - я! О-й ви-йди,

The second system continues the musical score. The vocal line and piano accompaniment maintain the same key signature and time signature. The lyrics are written below the notes. The piano accompaniment continues with similar harmonic and rhythmic patterns.

ви - - йди, Дівчи-нонько мо-я вір- - на - я!

The third system concludes the musical score. The vocal line and piano accompaniment maintain the same key signature and time signature. The lyrics are written below the notes. The piano accompaniment ends with a final chord and a double bar line.

№ 14. Не швидко.

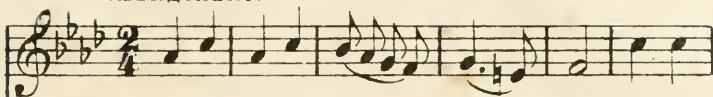
Въ чи_стімъ по_лі кри_ни_че - - нь_ка

На чо_ти_ри зво_ - - ди; Лю_биемъ козакъ дівчи_

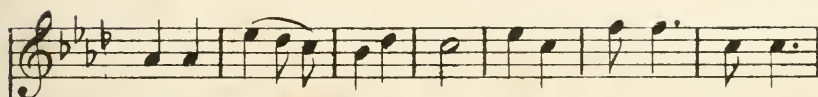
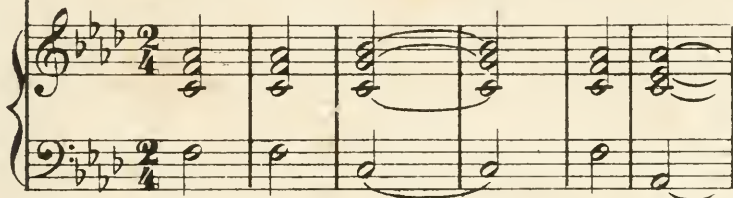
но_ - нь_ку Не чо_ти_ри го - . . ди.

Швиденько.

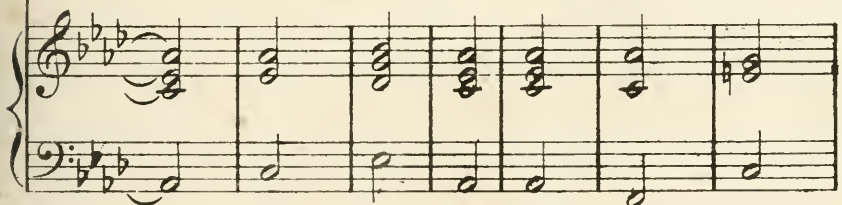
№ 15.

Скажи, скажи, сер - це, прав - - ду, Не хай

же я бу - ду зна - ти, Чи зь ве - ли - ко - ю

ми - ні ра - - до - стю А до те - бе при - бу - ва - ти!

Не швидко.

№ 16.

А влі-ли - ні та вь о - сі - чи -

The first system of music consists of a vocal line and a piano accompaniment. The vocal line is in a treble clef with a key signature of one sharp (F#) and a 3/4 time signature. It begins with a quarter note G4, followed by quarter notes A4, B4, and C5, then a dotted quarter note B4, and finally a half note G4. The piano accompaniment is in a grand staff (treble and bass clefs) with the same key signature and time signature. The right hand starts with a whole note chord of G4, B4, and D5, which is sustained through the first two measures. The left hand plays a simple bass line: a quarter note G3, a quarter note A3, and a half note G3.

ні, а влі - пи - ні та вь о - си - - чи -

The second system continues the vocal line and piano accompaniment. The vocal line starts with a quarter note G4, followed by quarter notes A4, B4, and C5, then a dotted quarter note B4, and finally a half note G4. The piano accompaniment continues with the same chords and bass line as the first system.

ні, Тамь ста - ро - ста да тра - ву ко - сить.

The third system concludes the vocal line and piano accompaniment. The vocal line starts with a quarter note G4, followed by quarter notes A4, B4, and C5, then a dotted quarter note B4, and finally a half note G4. The piano accompaniment continues with the same chords and bass line as the previous systems.

Не дуже швидко.

№ 17.

1^й р. Да вжє третій вечір, якъ я ді - вчи - ну
2^й р. Хо - жу ко - ло ха - ти, і - і не ви -

ба - чивъ. 1^й р. Ви - йди, ви - йди, дів - чи - но!
да - ти. 2^й р. Ви - йди, ви - йди, сер - де - ця!

По - радъ мо - е се - р - це, риб - чи - но!
Дів - чи - нонь - ко ми - ла ти мо - я!

Швиденько.

№ 18.

Ой по-гу-би - - ла гор-ли-ця ді-

тей, Объ до-рі жень-ку бьет - - ця:

Зна-ти ко-за-ка, пре-вра-жо-го си-па,

Що зьдів - чи - ни смі - - - ет - ця.

The first system consists of a vocal line on a single staff and a piano accompaniment on two staves. The key signature has three flats (B-flat, E-flat, A-flat), and the time signature is common time (C). The vocal line begins with a half note G4, followed by quarter notes A4, B4, and C5, then a dotted quarter note B4, and finally a half note A4. The piano accompaniment features chords in the right hand and a simple bass line in the left hand.

№ 19. Не швидко.

Да не бу - де луч - че, Да не бу - де

The second system begins with the number '19' and the tempo marking 'Не швидко.' (Not too fast). It features a vocal line and piano accompaniment. The key signature remains three flats, and the time signature is common time. The vocal line starts with a half note G4, followed by quarter notes A4, B4, and C5, then a dotted quarter note B4, and finally a half note A4. The piano accompaniment consists of chords in the right hand and a simple bass line in the left hand.

кра - ще, Якъ у насъ да на У - кра - і - ні!

The third system continues the vocal line and piano accompaniment. The vocal line starts with a half note G4, followed by quarter notes A4, B4, and C5, then a dotted quarter note B4, and finally a half note A4. The piano accompaniment continues with chords in the right hand and a simple bass line in the left hand.

Не швидко.

№ 20.

Ой ви-йду я за во-ро-та, Не бе-ре ме-

не о-хо- - та: Десь у мо - - го ми-лен-

ко - - го Да не- гай - на ро-бо - - та.

Не швидко.

№ 21.

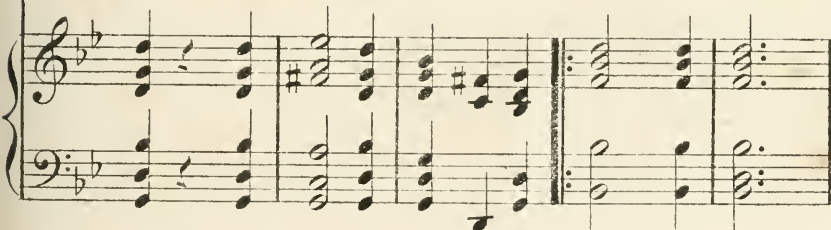
Не ди-вуй - те - - ся, доб-ри - і лю-де,

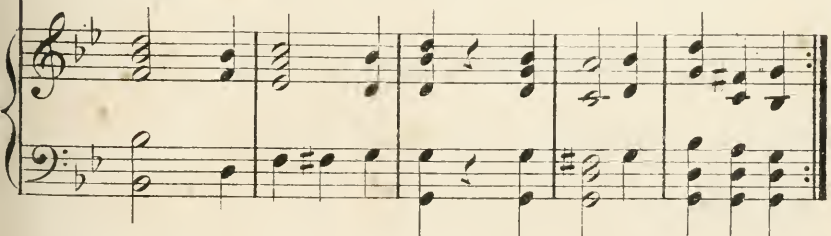
Усі акорди треба брать якь на банду́рі або на гита́рі.

Що на Вкра - і - ні пове-та-ло: Ой за Да - ше-вомъ

підъ Со-ро-ко - - ю Множе-ство Ля-хівъ про-па-ло.

Не швидко.

№ 22.

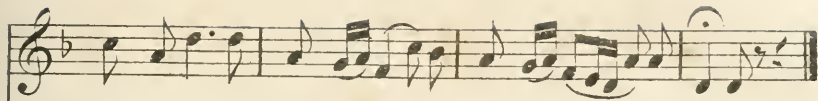
По са_доч_ку по - хо - жа - ю, Са - ма

се - бе роз - ва - жа - ю: Ко - го люб - лю та й не - ма - є!

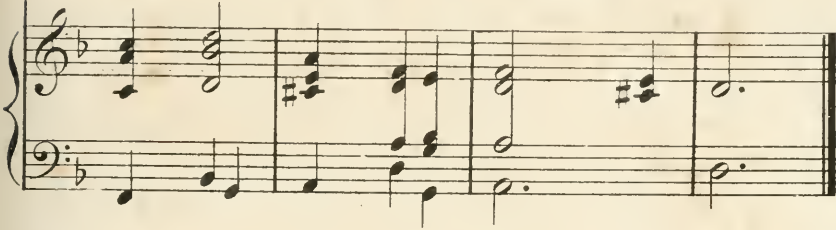
Не швидко.

№ 23.

Ой не гараздъ, Запорозці, Не гараздъ вчи - ни - ли,

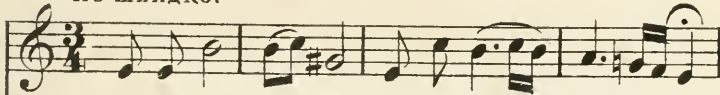

Степь широкий, край ве-се-лий Тай за-на - - па-сти-ли.

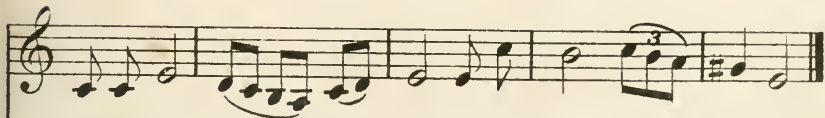
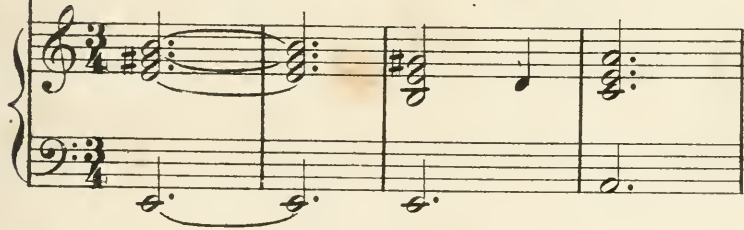

Не швидко.

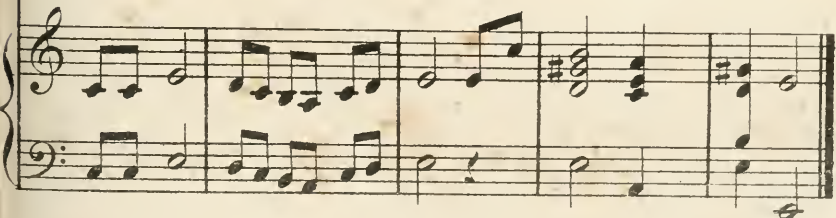
№ 24.

Да ту-мань по-лемь, да ту-мань по - - лемь,

Да ту-мань ту - ма-нит - ця, Да ту - мань ту- ма - нит-ця.

№ 25. Не дуже швидко.

Ой ишли наши славні Запо - ро - з - ці

The first system of the musical score consists of a vocal line and a piano accompaniment. The vocal line is written on a single treble clef staff with a key signature of one sharp (F#) and a common time signature (C). It begins with a half note G4, followed by quarter notes A4, B4, C5, D5, E5, F#5, G5, and A5. The piano accompaniment is written on grand staff notation (treble and bass clefs) with a key signature of one sharp and a common time signature. It features a steady bass line of quarter notes (G2, F#2, E2, D2) and a treble line with chords and single notes.

Та понадь Бу - гомь рі - - ко - ю, Ой ши - ро - ко - ю

The second system continues the musical score. The vocal line starts with a half note G4, followed by quarter notes A4, B4, C5, D5, E5, F#5, G5, and A5. The piano accompaniment continues with similar harmonic support, featuring chords and a steady bass line.

та гли - бо - ко - ю, Ге - й та понадь ли - ма - - на - ми.

The third system concludes the musical score. The vocal line starts with a half note G4, followed by quarter notes A4, B4, C5, D5, E5, F#5, G5, and A5. The piano accompaniment provides harmonic support throughout, ending with a final chord.

4.

Ой вийду я на шпилечокъ,
 Да гляну я на долину :
 Долина глибока, калина висока,
 Ажъ додолу віття гнѣтця.
 А въ тві дівчини. а въ тні молодїї
 Ажъ на зѣмлю слѣзи лютця.

Підъ тією калиною
 Стоїть козакъ зъ дівчиною ;
 Дівчинька плаче, сильненько ридѣе,
 Свою долю проклинає :

«Колибъ же я да все звѣла
 Щъ съ тобою не стояла...
 Гуляла бъ у батька, гуляла бъ до віку
 Дівчиною молодю!»

Ой зійду я на шпилечокъ,
 Да гляну я на світочокъ :
 Ой світе мій ясний, світе мій прекрасний !
 Якій мій таланъ нещасний !

Охъ и жáлю ти мій, жáлю,
Охъ и жáлю не по-мáлу!
Упусти́ла до́лю, упусти́ла щáсте
Да у́же її не шіймаю.

2.

Ой помага́й Бігъ,
Да ти, несúженийі дру́же! —
»Да здо́рова, се́рденько!
То жъ люби́лися дуже!«

Люби́лися, коха́лися,
А мату́ся и не зна́ла,
А тепе́ра розіи́шлися,
Якъ чо́рненька́ хма́ра.

Я жъ тебе́ люби́ла,
Въ вишне́вій са́дъ води́ла,
Ягідо́ньки прва́ла,
Я жъ тебе́ годува́ла.

Я жъ тебе́ люби́ла,
Білу постіло́ньку сла́ла,
Одну́ рúчку въ голо́воньку,
А друго́ю обійма́ла.

Лу́чче бу́ло коло́дяземъ,
Аніжъ тепе́рь крини́цею:
Лу́чче бу́ло дівчи́ною,
Аніжъ тепе́рь молоді́цею.

Пийте, лю́де, горі́лочку,
А я бу́ду пи́ти во́ду:

Тяжко жити на чужині
А безь мого рѣду!

3.

Чи се тая да дівчинонька живѣ,
Що хорóшi да шпріночки шіе?

Шіе да шіе, да все шовгомъ вишпвае,
Для козака, що вірненько кохае.

Пшла вона да до брѣду по воду,
Забачила да козака на врѣду:

»Бліжче да бліжче ти, козаче, до мене,
Візьмі мене да й у човенъ до себе.»

Тільки дівчина да й у човенъ уступила,
Деся взялася да изъ моря чорна філя.

Вѣрне да вѣрне всяку рибу изо дна,
Вівернула да дівчиноньку съ човна.

»Рятуй, рятуй ти, козаченьку, мене,
Буде велика тобі плата одъ мене.»—

»Ой не хочю я одъ тебе плати брати,
Міслю я й хочю за себе тебе взяти.»

4.

Ой пійдю я, пійдю не берегомъ, лугомъ,
Чи не зостринуся зъ несуженимъ другомъ.

Здоровъ, здоровъ, друже, несужений друже!
»Здорова, дівчино! любилеся друже!»

Ой любілися жъ ми чотири годѣчки,
А не бачилися чотири неділі,

А не бачилися чотири неділі;
Якъ побачилися, разомъ заболіли.

Лежить козаченько въ зеленій дуброві,
Молода дівчина въ матусі въ коморі.

Ой по дівчиновці дзвони задзвоніли,
А по козакові вѣвченьки завіли.

Ой по дівчиновці отець-мати плаче,
А по козакові чорний вѣронъ кряче

Ой виконай, мати, глибокую яму,
Та поховай, мати, сю славную пару.

Та її положи, мати, поручъ головами,
Щобъ була розмова тихая міжъ нами!

5.

Ой місяцю, місяченьку!
Не світі нікому,
Тільки мойму миленькому,
Якъ іде додому.

Світі йому въ дѣнь и въ ночі
И розганяй мари,
А якъ прийде мій миленький,
То зайді за хмари.

Ой місяцю, місяченьку!
Зайді за комору, —

Нехай же я зь своїмъ мілимъ
Трощки поговорю.

Ой місяцю, місяченьку
И ти, зоре ясна!
Ой світить тамъ по подвір'ю,
Де дівчина красна!

Співajúть и тавъ!

Стала слава, стала слава,
Стали й поговори
Да на тую дівчиноньку,
Що чорниі брови.

Вийди, вийди, дівчинонько,
Підь вербу густую.
Нехай же я надвлюся,
На плахту дрібною!

Ой зацвіла маківочка,
Почала бриніти, —
Иде козакъ одь дівчини,
Починає дніти.

Ой плахотка-дрібниченька.
По тросточці червцю, —
Біда жь мині молодому —
Прийшла туга въ серцю!

Два лебеді да на воді
И диює й ночує.
Ой будемо, серце, въ парі —
Душа моя чує.

Нехай тая туга-печаль
Пливє за водою;
Вийди, вийди, поговоримъ,
У-двохъ изь тобою!

6.

Весілянка.

И сє село, и то село:
Чомусь мині не вєсело!
Ой тамъ мині веселєнько,
Де моє сердєнько.

Я жь думала — чужий иде,
Та вже ма́ла заховатьця,

Ажъ то моє серденьтко
Иде ціловатьця.

Я жъ думала — чужий иде,
Та вже мала утівати,
Ажъ то моє серденьтко
Мене ціловати.

7.

А вже весна, а вже красна,
Изъ стріхъ вода капле, 3

Молодому козаченьку
Мандрівочка пахне. 3

Помандровавъ козаченько
Зъ Лубень до Прилўки, 3

Ой плакала дівчинонька,
Здіймаючи рўки. 3

8.

Щедрівка.

Ой сівъ Христось та вечєрати,
Щєдрий вєчїрь!
Добрий вєчїрь!

Приїшла до Ёго та Божая Мати:
Щєдрий вєчїрь!
Добрий вєчїрь!

»Оддай, Сіну, раіієвкі ключі —

Щедрій вєчірзь!

Добрий вєчірзь!

»Одимкнѹти рай и пєкло,

Щедрій вєчірзь!

Добрий вєчірзь!

»Віпустити грїшніі дѹши;

Щедрій вєчірзь!

Добрий вєчірзь!

»Тільки не віпустить однієі дѹшї:

Щедрій вєчірзь!

Добрий вєчірзь!

»Що отця й мятірзь та налаяла, —

Щедрій вєчірзь!

Добрий вєчірзь!

»Не налаяла, а подѹмала.»

Щедрій вєчірзь!

Добрий вєчірзь!

9.

Чи я въ лѹзі не калина була?

Чи я въ лѹзі не червона була?

Взялі менє, поламали

И въ пучєчки повязали:

Така дѹля моя!

Чи я въ батька не дитїна була?

Чи я въ батька не кохана була?

Взялі мене, повінчали
Щ світъ мнѣ завязали:
Така доля моя!

Чи не було річеньки утопитись мнѣ?
Чи не було кращого полюбитись мнѣ?
Буді річки — позсхали;
Буді краї — повмірали:
Така доля моя!

10.

Ходить сорока коло потока
Та й кряче, та й кряче, —
Та й кряче, сёрденько,
Та й кряче, рибонько,
Та й кряче.

Ходить Андрійко коло вікнця
Та й плаче, та й плаче, —
Та й плаче, сёрденько,
Та й плаче, рибонько,
Та й плаче.

»Війди, Марусю, війди, сёрденько,
Та й війди, та й війди, —
Та й війди, сёрденько,
Та й війди, рибонько,
Та й війди!« —

»Свічечка горить, батенько не спить,
Не війду, не війду, —
Не війду, сёрденько,
Не війду, рибонько,
Не війду.

»Свічечка згасне. батенько засне,
То й вийду, то й вийду, —
То й вийду. сёрденько,
То й вийду, рибонько,
То й вийду.«

11.

Ой Морозе да Морозенку,
Ой ти, славний возаче!
Ой за тобою, да Морозенку,
Уся Україна плаче.

Не такъ тая та й Україна,
А якъ тее горде військо...
Ой заплакала да Морозиха,
Пдучі вранці на місто.

»Не плачь, не плачь, да Морозихо,
Объ сирү зёмлю не бійся;
Ой ходімъ зъ нами, зъ нами, козаками,
Да меду-вина нанійся!« —

»Чомусь мині. да міле братте,
Да п медь-вино не пьётця:
Охъ п десь же мій синъ Морозенко
Да изъ Турчиномъ бьётця!«

12.

Ледача невістка. ледача
Та й до роботи не вдача!

Якъ прихавъ миленький съ поля,
Стоить миленька въ порога.

»Ой щò жъ ти, миленька, такая,
Якъ водиченка мутная?« —

»Підожди, миленький, розкажѹ:
Я твоїї матусі не вгожѹ:

»Помію ніженьки у лѹзі —
Вона помаже въ калюжі;

»Помію ніженьки у мїлі —
Вона помаже у глині.

»Помажу чобіткї — не вбѹе:
Вона до мене гордѹе.

»Постелю постільку — не ляже,
Ще моймѹ сѣрденьку докаже:

»Ледача невістка, ледача,
»Та її до роботи не вдача,

»Не вмє дїлечка робїти,
»Минї старенькій годїти!«

13.

Ой изїйдї, зїйдї,
Ти, зіронько та вечїрняя!
Ої вїйди, вїйди,
Дівчїпонько моя вїрняя!

Рада бѹ зірка зїйти, —
Чорна хмара та її наступає:
Рада бѹ дївка вїйти,
Такъ матуся ої не пускає.

Ой зірочка зійшла —
Усе поле та її освітіла :
А дівчина вийшла —
Козаченька та її звеселіла

»Ой ти, козаче,
Ти, хрещатий та барвіночку!
Хто жь тобі постеле
У дорозі постілоньку?« —

»Ой стелетця мині
Широкій листь да бурковица,
А підь голови
Голубая та жупанина.«

Ой що через мѣжу,
Зелений горошокъ слався :
Козакъ до дівчини
Через люде та її поклонявся :

»Охъ и поклонітця,
Ой ви, добрі люде,
Нехай мої млії
Тамъ легесенько буде!«

14.

Въ чістїмъ полі криниченька
На чотїри зводи;
Любївъ козакъ дівчиньку
Не чотїри годи.

Любїлися, кохалися,
Та її не побралися,

Тільки наші вороженьки
Та й навтіпалися.

Рўту сію, рўту сажу,
Рўту поливаю:
Ой я тебе, козаченьку,
Що-дня спомінаю.

Будь щасливий изь тією,
Котору кохашъ!
А надь мене вірнійшої
До віку не знаїдешъ.

15.

»Скажі, скажі, сэрце, правду,
Нехай же я бўду знати,
Чи зь великою мнї радостью
А до тебе прибувати?» —

»Прибўдь, прибўдь, мій миленький,
Ой я тобі рада бўду:
Я жь безь тебе усю ніченьку
Якъ сїва голўбка гўду.« —

»Ой десь же ти, моя мїла,
Да изь шовку извіта.
Що ти мене да додержала
А до білого свїта.« —

»Ой извіта, мій миленький, звіта
А изь білого біліла;
Тїмь я тебе да додержала,
Що я вірно полюбіла.

»Ой десь же ти, мій миленький,
У барвінку купався:
Булі луччі, булі кращії,
А ти мнї сподобався.

16.

Весільня.

А въ ліпниі да въ осїчинї,
Тамъ староста да траву косить,
А косючи да коню поєить:
»Ой їжъ, коню, да сюю траву,
Да поїдемъ у доріженьку,
Въ доріженьку да далєкую
По Варочку молодєнькую,
Въ доріженьку да ще й щасную
По Варочку да й прекрасную.«

17.

Да вже третій вечіръ, якъ я дівчину бачивъ;
Хожу коло хати, — її не видати.

»Вийди, вийди, дівчино,
Порадь моє сєрце, рибчино!
Вийди, вийди, серденя,
Дівчинонько мїла, ти моя!« —

»Не вийду, козаче, не вийду, соболю,
Не буду стояти сей вечіръ съ тобою.

Ой рада бъ я стояти —

Не пускає мати изъ хати.

»Коло вїгна стою, дрібні слєзи роно,
Дрібні слєзи роно, слова не промовлю.

Промовъ, сєрце, словєчко,

Якъ ми любїлися двоєчко!

»Якъ ми любился, якъ ми кохался,
Слави-поговору понабірался.

Була слава-поговоръ:

Ти жъ не мой, сэрце, я не твої!

»Да поможи, Бóже, на рушничку стáти,
Тоді не розлúчить ні бáтько, ні ма́ти,
Ні чужа́я чужина,
Коли суділася дружина!«

18.

Ої погубила гóрлиця дїтєй,
Объ доріженьку бѣтця:
Знати козака, превра́жого сїна,
Що зъ дівчи́ни смієтця!

»Чи ти багáтїй, чи гордовáтїй,
Чи вїсо́ко несє́ся?
Ої чи ти жъ менє́ та вїрнє́нько лóбишъ,
Чи ти зъ мє́не сміє́ся?« —

»Я не багáтїй, не гордовáтїй,
И вїсо́ко не несє́ся;
Я жъ тебє́ люблю́ и любїть б́ду.
Я сь те́бе не смію́ся.«

Ої скрипля́ть-рипля́ть нові ворі́тчка,
Не можó їх заперти:
Когó вїрно люблю́, и любїть б́ду,
Не заб́ду и до смє́рти.

Ти, васїлечку, ширóвпїї лїсточку,
Ча́сь тебє́ соривáти:

Ти, козаченьку, моє сёрденько,
Чаєь тебе забувати!

Ой попливѣ, попливѣ сёрденько Дніпромѣ,
Тїхою водою:
Шапочки не знявѣ, рўченьки не давѣ,
Не прощаєься зо мною.

Ой пливѣ шўба пзѣ Кременчўка,
Да пливѣ вона стїха:
Ой хто не знає жениханьчка,
Тої не знає лїха.

19.

Да не бўде лўчче,
Да не бўде краще,
Якѣ у насѣ да на Україні:
Що немає Жїда,
Що немає Лїха,
Не бўде унї!

. . . . .

20.

Ой вїйду я за ворота,
Не берє мене охота:
Десь у мого млєнького
Да негаїна робота.

Ой хоть гаїна, негаїна,
А таї не гуляє:
Крїї тїхого Дунаєчку
Вїнѣ коня наповає.

Ой кінь прже, воді не шє,
Вінъ доріженьку чѹє;
Ой Бігъ знає, Бігъ відає,
Де мії милій почѹє.

Ой почѹє мії миленьквій
Да у стєнѹ край дорѹги.
Прихилівши голівоньку
Икъ зелєному облѹзі

21.

Не дивуйтєся, дѹбрні лѹде,
Що на Вкраїні повєтало:
Ой за Дашевомъ підъ Сорѹкою
Множєство Ляхівъ пропало.

Перебііінісь прѹсить немнѹго
Сімъ-сотъ козаківъ зъ собѹю;
Рубає мечємъ гѹлови съ плечєї.
А рєшту тѹшить водѹю:

«Ой шїйте, Ляхї, водї калѹжи,
Водї калѹжи болотянїї:
А що пивали по тїї Вкраїні
Медї да вїпа ситїї.»

Завїсли Лянкї, завїсли,
Якъ чѹрна хмѹра на Вієлі...
Лїдєську слѹву загнѹвѹвъ підъ лѹву,
Самъ брѹвий козакъ гулѹє.

Нѹте, козакї, у свѹки,
Заберїмося вѹ бѹки:

Заженімъ Ляшкѣ, вѣржого сїна,
Ажъ за той Дунай глїбѣкїй!

Дивїють Ляхї, вѣржї снїї,
Щѣ ті козакї вживають:
Вживають вони щѣбу-рибѣху,
Ще ї соломаху зъ водою.

Ої чи бѣчъ, Ляше, якъ козагъ пляше
На сївїмъ коню горюю?
Мушкетомъ берѣ, ажъ сѣрце вїне,
А Ляхъ одъ страху вмираѣ.

Ої чи бѣчъ, Ляше, що по Слѣчъ наше,
По Костявїю могїлу?
Якъ не схотїли, забунтовали
Да ї утерали Вкраїну.

Ої чи бѣчъ, Ляше, якъ панъ Хмельницькїй
На Жѣвгїмъ Пїску підбївся?
Одъ насъ, козакї, одъ насъ, юнакї,
Нї одїнъ Ляшокъ не скрївся!

Нїте жъ, козакї, у скѣпї!
Заберїмося вѣ бѣкї:
Загнали Ляхївъ за рїчку Вїслу,
Щѣ не вѣрнутця ї вѣ три рѣкї! (1)

22.

По садѣчку похожѣю,
Самѣ себѣ розважѣю, —
Когѣ люблѣю, та ї немаѣ!

---

(1) Этотъ драгоценный вариантъ извѣстной уже намъ пѣсни о Хмельницкомъ (см. т. I, стр. 271) записанъ А. В. Марковичемъ, въ Немировѣ, Подольской губерніи.

И немає, и не буде:
Розра́яли лихі лю́де,

Розра́яли, розсуділи,
Щобъ ми въ па́ри не ходіли.

Ой зійду́ я на горбо́чокъ,
Да гляну́ я на ставо́чокъ,

Да гляну́ я на ставо́чокъ —
Пливé утя́ть табуно́чокъ.

Одно́ 'дногó доганя́е —
Кóжне собі па́ру ма́е.

А я живу́ въ Бо́жій во́лі —
Не да́въ ми́ні Господь до́лі!

А я живу́ въ Бо́жій ка́рі —
Не да́въ ми́ні Господь па́ри.

23.

Ой не гара́здъ Запоро́зці,
Не гара́здъ вчиніли:
Степъ ширóкїй, край весéлий
Та її занасті́ли!

Наступа́е чо́рна хма́ра
И до́щикъ изъ не́ба:
Зруйновàли Запоро́жже —
Бúде ко́лісь трéба!

Ой чи гара́здъ, чи не гара́здъ,
Нічого робі́ти!
Бúде до́бре Запоро́зцямъ
И підъ Ту́ркомъ жи́ти!

Да туманъ по́лемъ, да туманъ по́лемъ,
Да туманъ тумані́тця;

А въ дівчіни да чорніі брѳви,
А лю́бо й подиві́тьця.

Ой на тімъ бо́ці да на толо́ці,
Тамъ Цигáne сто́яли.

Охъ и міжъ тіми да Цигáнами
Да Цигáнка Во́лошка.

Ой туди́ жъ бі́гла да дівчино́вка
До Цигáночки бо́са.

»Ой Цигáночко да ворі́женько,
Уво́лі мою́ во́лю:

»Ой причару́й да коза́ченька,
Що сто́явъ изо мно́ю!«

Ой Цигáночка да ворі́женька
Іі во́лю во́лила —

Ой одрі́зала да рúсоі ко́си,
Козакá підку́ри́ла.

Ой бі́жить, бі́жить да дівчино́вка,
А якъ ри́бонька вѳ́ецця;

Ой огля́нетця да дівка паза́дь —
Уся че́лядь смі́етця. . . .

Ой ишли наші славні Запорозці
Та по-надъ Бугомъ-ривою
Ой широбою та глибобою.
Гей та по-надъ лиманами.

Ой уже жъ наші славні Запорозці
Та її невесели стали:
Ой облягли їхъ, облягли Москалі
Та всіма сторонами.

Ой кругомъ церкви, церкви Січові
Ой караули стали,
Ой священнику, отцю Владімеру
А служити не дали.

Ой летить бомба зъ Московського поля
Та посередъ Січи впала;
Ой хоть пропали славні Запорозці,
Такъ не пропала їхъ слава!

VII.

О древности и самобытности

ЮЖНО-РУССКАГО ЯЗЫКА.

ПРИМѢЧАНІЕ ИЗДАТЕЛЯ.

Часто случается, что въ воспитаніи юношей забываютъ приводить на память и связывать въ общую систему познаній то, что было узнано юношами прежде. Мудрое изреченіе старыхъ педагоговъ: *Repetitio est mater studiorum* не всегда примѣняется къ дѣлу, потому что и учителю и ученику хочется идти впередъ. Между тѣмъ забвеніе доказанныхъ и усвоенныхъ положеній рано или поздно оказываетъ свое дѣйствіе и производитъ замѣнательство и остановку тамъ, гдѣ, повидимому, слѣдовало бы дѣлать только новыя завоеванія. То же самое бываетъ и въ литературѣ, которая служитъ школою для каждаго. Въ наше время не рѣдко случается читать самыя произвольныя толкованія о предметахъ, изслѣдованныхъ со всею основательностію задолго до насъ, — потому что мы не всегда хранимъ преданія нашихъ предшественниковъ и охотнѣе внимаемъ разсужденіямъ свѣжимъ.

Предлагаемая здѣсь статья напечатана, двадцать лѣтъ тому назадъ, въ »Журналѣ Министертва Народнаго Просвѣщенія«, который издавался тогда какъ-будто для однѣхъ библіотекъ и очень мало имѣлъ ходу въ читающей публикѣ. Да и публика, двадцать лѣтъ назадъ, была не то, что теперь. Наука и жизнь шли въ ней какъ-то порознь, мало принадлежа одна другой. Теперь вопросы науки сдѣлались вопросами жизни; теперь убѣжденія историческія и этнографическія уже замѣтно даютъ направленіе общественной дѣятельности большихъ массъ населенія, ибо оказываютъ вліяніе даже на воспитаніе дѣтей, какъ будущихъ гражданъ разноплеменнаго Русскаго царства. Слѣовательно истина и заблужденіе въ наукѣ переходятъ непосредственно въ самую жизнь и сѣютъ

сѣмена будущихъ великихъ общественныхъ и гражданскихъ событій. Этимъ-то объясняется успѣхъ учено-литературныхъ сочиненій, которыя рѣшительно перевѣшиваютъ беллетристическую часть Русской словесности. Счастливъ тотъ, кто своими трудами способствуетъ къ распространенію убѣжденій, имѣющихъ оправдаться самою жизнью и силою вещей! Онъ подобенъ садовнику, который улучшаетъ дикую почву и способствуетъ къ плодотворности деревьевъ и растеній. Природа вещей сдѣлаетъ свое дѣло и безъ предусмотрительныхъ успій человѣка; но хвала уму, который вступилъ въ дружественное соревнованіе съ природою! Истины останутся истинами, и ни одна іота изъ нихъ не прейдетъ, пока существуетъ человѣчество; но воплощеніе истины въ самую жизнь есть прямое призваніе всякой дѣятельной души человѣческой. Это-то движеніе заставляетъ молодыхъ людей читать старыя книги, отрывать затерянное, повторять забытое, истолковывать невѣрно понятое, или понимаемое. Оно внушаетъ намъ признательность къ дѣятелямъ, сошедшимъ со сцены дѣйствія, и связываетъ все мыслящее общество въ единую семью, работающую для будущихъ поколѣній.

Упомянутое мною сочиненіе было погребено въ складѣ книгъ и какъ-бы предано забвенію. Но умъ, который произвелъ его, одушевленъ былъ горячею любовью къ петивѣ, и не напрасно же онъ сознавалъ то, что проповѣдывалъ! Современники мало обратили вниманія на его доводы, ибо не видно у насъ ни основательныхъ опроверженій, ни ученаго развитія ихъ. Но вопросъ былъ поднятъ; мнѣніе о немъ занесено въ печатную книгу. Повторяя его новою печатью, я повторяю полузабытое преданіе. Пускай же кто-нибудь изъ людей, обнявшихъ науку народоописанія всецѣло, по живымъ источникамъ, скрѣпитъ это мнѣніе своимъ авторитетомъ, или представитъ, на его мѣсто, мнѣніе новое, которое было бы очевидно вѣрнѣе. Дѣло стѣнитъ возобновленія: отъ рѣшенія его зависитъ многое въ будущемъ.

О ДРЕВНОСТИ И САМОБЫТНОСТИ

ЮЖНО-РУССКАГО ЯЗЫКА.

1.

О значеніи словъ: Русскій языкъ и Русское нарѣчіе.

Первоначальный Славянскій языкъ раздѣляется на разныя вѣтви. Между ними всѣхъ менѣе извѣстно Южно-Русское нарѣчіе, различно именуемое. Такимъ образомъ весьма трудно дать собственное значеніе словамъ: *народъ* и *языкъ Русскій*. Богумиль Линде, въ предисловіи къ своему Словарю ⁽¹⁾, и Юсефъ Добровскій, въ Грамматикѣ Языка Славянскаго ⁽²⁾, совершенно позабыли считать отдѣльною его вѣтвию Южный Русскій языкъ. Одни сливаютъ его съ Церковно-Славянскимъ ⁽³⁾, либо съ простонароднымъ Русскимъ языкомъ ⁽⁴⁾; другіе же считаютъ его смѣсью языковъ: Славянскаго, Русскаго и Польскаго ⁽⁵⁾ и, какъ дикой и необработанный, исключаютъ его изъ числа образован-

⁽¹⁾ «Słownik Języka Polsk.» S. B. Linde. Т. I, ч. 1, Предислов., стр. XIV.

⁽²⁾ «Institutiones Linguae Slavicae», etc. Jos. Dobrowski. 17 стр. IV.

⁽³⁾ «O prawach Lit. i Polsk.» Т. I, стр. 53. Versuch über die slavischen Bewohner der Oesterreichischen Monarchie, von Rohrer. Ч. II, стр. 16.

⁽⁴⁾ «Lehrgebäude der böhmischen Sprache.» Юс. Добровскій. Предислов., стр. XIII.

⁽⁵⁾ «O Statucie Litewskim», С. Б. Линде, стр. III. «Pamiętnik Warszawski», 1815, № 9, стр. 29. Lehrgebäude etc. «Опытъ Исторіи Литер. Русск.», Н. Греча:

ныхъ языковъ (1). Многіе писатели утверждаютъ, что нарѣчіе Великороссійское и Южное Русское, равно какъ и Бѣлорусское, происходятъ отъ одной вѣтви — Русской (2). А есть и такіе, которые признають его просто областнымъ Польскимъ нарѣчіемъ (provincialismus) (3), или называютъ Малороссійскимъ (4); и рѣдко случается, чтобы этотъ Русскій языкъ назывался Русскимъ, такъ какъ его называли въ-старину, безъ всякаго измѣненія и прибавки (5).

Нѣкоторые Нѣмецкіе писатели стали было присвоивать Южному Русскому народу и языку совершенно дотолѣ неизвѣстныя и отнюдь имъ несвойственныя имена, напр. Rusniaken, rusniakische Nation, rusniakische Sprache, вмѣсто: Ruthener, ruthenische Nation, ruthenische Sprache и т. п. (6).

Передѣлывать самовольно названія народовъ ихъ языковъ есть конечно важное заблужденіе и всегда рождаетъ новыя. Соглашаясь съ мнѣніемъ ученаго Копитара, что прямое знаніе языка должно быть слѣдствіемъ постепеннаго раскрытія его исторіи (7), гдѣ одни разсужденія ни къ чему не ведутъ, мы то же скажемъ и о самомъ названіи языка, допуская только такое, которое сообразно съ исторіею и на ней основываю. Русь, эта главная отрасль Славянскаго племени, искони составляла одинъ народъ и говорила однимъ языкомъ, которому и не можетъ приличествовать другое названіе, кромѣ *Русскаго*, по-Латыни *lingua ruthenica*, по-Нѣмцыи *ruthenische Sprache*. Раздѣленіе его на *Бѣлорусскій* и *Малороссійскій* языкъ ошибочно и не согласно съ существомъ дѣла: что поста-

(1) «Исторія Госуд. Россійск.», Н. Карамзина. Т. IX, прим. 561.

(2) «Prawda Ruska», Раковецаго, Т. II.

(3) «Опытъ краткой Исторіи Русской Литературы», Н. Греча. Предисловіе Польскаго переводчика Ливде.

(4) «Pamiętnik Warsz.», 1815. Кн. 1, стр. 124. «Dzieje Król. Polsk.» Bandtkie. Т. I, стр. 24.

(5) «Опытъ краткой Исторіи Русск. Литер.», Н. Греча. Стр. XX и 56 — 60 «O Statucie Lit.», Ливде.

(6) Сюда принадлежатъ: Крамеръ, Рореръ, Чаповничъ, Гоппенъ и другіе.

(7) «Grammatik der slavischen Sprache, in Krain.» Пред., стр. XLVI.

раемя ясно доказать. Имя *Россіи* создано только въ XVIII вѣкѣ, названіе же *Россійскаго* языка должно быть, безъ сомнѣнія, еще новѣе, и ему собственно отвѣчаетъ Латинское слово *russicus* и Нѣмецкое *russisch*; тѣмъ же прилагательнымъ и Французы означаютъ Русскій и Россійскій языкъ: *la langue russe*.

Какъ Русскій языкъ, такъ и Русскій народъ есть главный представитель всѣхъ Славянскихъ.

Народъ можетъ потерять свою самостоятельность, но характеръ и языкъ его всегда остаются его достояніемъ. Слава и совершенство языка не завѣсятъ отъ судьбы народа. Нынѣ уже нѣтъ ни малѣйшаго слѣда древняго (политическаго) могущества Римлянъ и Грековъ, а знаменитые ихъ языки до сихъ поръ существуютъ. Между тѣмъ возникло много новыхъ государствъ, коихъ языки только теперь достигаютъ извѣстности, по мѣрѣ своего усовершенствованія. Равнымъ образомъ перѣдко и скипетръ не измѣняетъ народности подвластныхъ ему племенъ. Чехи, Кроаты, Венгерцы и т. п., хотя и подлежатъ Австрійской имперіи, но при всемъ томъ не перестаютъ быть и называться Чехами, Кроатами и Венгерцами. Та же судьба и Южной Руси. Протекло уже много вѣковъ съ тѣхъ поръ, какъ Русское княжество, основанное Владиміромъ Великимъ, пало (1). Но Южно-Русскій языкъ отъ того не истребился и не перестанетъ существовать въ устахъ (туземнаго) Русскаго народа, при прочихъ языкахъ Славянскаго происхожденія!

Русскій народъ составлялъ нѣкогда значительную часть бывшаго королевства Польскаго, которое вмѣщало въ себѣ четыре главные народа: Польскій, Литовскій, Русскій и Прусскій. Страна, лежащая по Днѣпру и имѣвшая столицею своею Кіевъ, была древнѣйшею страной *Руси*; она неизмѣримо простиралась къ сѣверу, гдѣ возникла держава, которая получила названіе *Великой Руси*, а потомъ, гораздо поздиѣе, *Россіи*. Оставшаяся въ пре-

---

(1) Т. е. на Западѣ, въ областяхъ, отошедшихъ сперва къ Польшѣ и Литвѣ, а по раздѣлѣ Польскаго королевства, къ Австрійской имперіи, подъ названіемъ Галиціи и Лодомирін, не считая возвращенныхъ Россіи. *Примѣч. Пер.*

дѣлахъ Польши Русь стала называться *Малою*; часть ея, занимающая подошву Карпатскихъ горъ, именовалась Русью *Червоною* (красною); а та, которая была однажды приобрѣтена Литовскимъ оружіемъ, названа *Бѣлою* и *Черною* Русью. Три части Польской Руси отличались особыми именами: *Подоліи*, *Волыни* и *Украины*.

Что Югозападная Русь соединена была съ Польскимъ королевствомъ *не силою оружія, но правами равенства*, доказательствомъ тому служитъ грамота короля Сигизмунда Августа, 1569 года. Въ ней сказано: «Русская земля съ давнихъ временъ предками нашими, королями Польскими, присоединена къ коронѣ Польской, въ числѣ прочихъ главнѣйшихъ ея частей; и мы всѣхъ ея жителей вообще и каждаго порознь, *какъ равныхъ къ равнымъ, свободныхъ къ свободнымъ*, какъ собственные и дѣйствительные члены къ собственному тѣлу и главѣ, къ королевству Польскому, въ общеніе, честь и собственность обращаемъ и присоединяемъ, вмѣстѣ съ прочими коронными жителями равняемъ и ихъ дѣлаемъ и признаемъ участниками во всѣхъ правахъ, преимуществвахъ и судьбѣ Польской короны», и проч.

II.

Въ Русскихъ земляхъ, принадлежавшихъ къ Польскому королевству, Южно-Русскій языкъ не только былъ языкомъ народнымъ, но и правительственнымъ, которымъ говорили и при дворѣ великихъ князей Литовскихъ, и въ знатнѣйшихъ Русскихъ домахъ.

1. Доказательствомъ тому служитъ, во-первыхъ, «Литовскій Статутъ», первоначально писанный на Южно-Русскомъ языкѣ (') и служившій закономъ не только для Литвы, но и для Русскихъ

(') Онъ напечатанъ былъ въ Вильнѣ, особыми, подходящими къ скорописи буквами, въ типографіи Мамоничей, въ 1588 году, и потомъ перекоженъ на Польскій языкъ. *Прим. пер.*

земель, какъ-то: для Волынской, Подольской и Украинской. По сему закону, все судебныя дѣла производились и были писаны не иначе, какъ только на Южно-Русскомъ языкѣ. Левъ Сапѣга, канцлеръ великаго княжества Литовскаго, въ предисловіи своемъ къ упомянутому Статуту, говоритъ: «Если какому народу стыдно не знать своихъ законовъ, то тѣмъ болѣе намъ, имѣющимъ законы, писанные не на чужомъ какомъ-либо языкѣ, но на своемъ собственномъ, т. е. на Южно-Русскомъ», и т. д.

То же утверждаетъ и Чацкій, говоря, что, какъ большая часть народа въ Литвѣ (1) признавала свою духовную зависимость отъ Цареградской Церкви и слушала Славянскую литургію, то Южно-Русскій языкъ, по обращеніи Литвы въ Христіанство, былъ въ ней всеобщимъ. На немъ языкъ подавались просьбы въ судебныя мѣста и къ прочимъ властямъ; на немъ же отвѣчали и давали свои рѣшенія король, судьи и другіе чиновники. Въ царствованіе сыновей Казимира Ягайлы, воспитанныхъ и жившихъ чаще всего въ Польшѣ, языкъ Польскій вошелъ въ употребленіе при дворѣ и заступилъ мѣсто Южно-Русскаго.

2. Судопроизводство въ Южно-Русскихъ земляхъ всегда происходило на Южно-Русскомъ языкѣ; на немъ излагались позывы, или требованія къ суду, приговоры и все оффиціальныя бумаги въ *городскихъ* (уголовныхъ), *земскихъ* и *трибунальныхъ* (верховныхъ) судахъ (2).

3. Сигизмундъ III, въ 1589 г., учреждая верховный судъ (трибуналъ) для Русскихъ воеводствъ, обязалъ оный употреблять (Южно-) Русскій языкъ и (Южно-) Русское письмо, постановивъ, чтобы при производствѣ дѣлъ непременно присутствовали и за-

---

(1) Здѣсь должно разумѣть Кіевскую митрополию, существовавшую нѣкоторое время отдѣльно отъ Московской, но сохранявшую постоянно Грековосточное исповѣданіе, до отпаденія нѣсколькихъ епископовъ къ униі. См. «Исторію Росс. Иерарх.», Т. 1. *Прим. перв.*

(2) Судебные и правительственные акты изъ архивовъ Русскихъ земель, составляющихъ нынѣ королевство Галицкое, собранные вмѣстѣ и хранящіеся нынѣ въ Львовскомъ Бернардинскомъ монастырѣ, все писаны на Русскомъ языкѣ и Русскими буквами, и составляютъ болѣе ста томовъ.

сѣдали Русскіе писаря (секретари), которые вносили бы дѣла въ книги на (Южно-) Русскомъ языкѣ и на немъ же выдавали копіи съ судебныхъ приговоровъ.

4. Привиллегіи, приговоры, постановленія, которыя выдаваемы были Польскими королями для Русскихъ земель и для жителей, какъ въ духовныхъ, такъ и въ гражданскихъ дѣлахъ, писаны были обыкновенно на Южно-Русскомъ языкѣ (1).

Знатнѣйшія, наконецъ, фамиліи Южно-Русскаго и Литовскаго происхожденія, имѣвшія своими родственниками Южно-Русскихъ и Литовскихъ князей, исповѣдуя вѣру Грековосточную, говорили и писали по-Южно-Русски до тѣхъ поръ, пока Латинскій обрядъ и языкъ Польскій не получили перевѣса (2).

(1) Таковы: привиллегія Сигизмунда Августа, 1558 г.; приостановленіе дѣйствій короннаго суда Стефаномъ Баторіемъ, 1585 г.; привиллегія Сигизмунда III, 1589 г.; его же, 1592 г. и т. д.

(2) Сюда принадлежать фамиліи: князей Вишневецкихъ, Чарторыйскихъ, Сангушковыхъ, Острожскихъ, Збаражскихъ, Прувскихъ, Друцкихъ, Соломерецкихъ, Горскихъ, Массальскихъ, Глинскихъ, Рожинскихъ, Слуцкихъ, Копыльскихъ, Радзивилловъ, и знатныя дома: Огнискскихъ, Пузыновъ, Давиловичей, Сапѣговъ, Воловичей, Хлѣбовичей, Ходкевичей, Тишкевичей, Хребтовичей, Пацовъ, Балабановъ, Струсей, Киселей, Тризновъ, Музыловъ, Кирдеевъ, Жолкъвскихъ, Дрогоевскихъ, Баворовскихъ, Шумлянскихъ, Шенцицкихъ, Винницкихъ, Комарницкихъ, Желиборскихъ, Дѣдошицкихъ, Броневскихъ, Дуняковскихъ, Дверницкихъ, Лытинскихъ, Бугацкихъ, и тысяча иныхъ, которыхъ, если строго считать въ одной части Галицкаго королевства, нѣкогда называвшейся Русскимъ и Подольскимъ воеводствомъ, то и въ ней число Русскаго дворянства Греческаго обряда значительно превосходитъ число дворянства обряда Римскаго. Сколько же ихъ находится въ Березницѣ, Чайловцахъ, Городницѣ, Яворѣ, Кульчицахъ, Созонѣ, Ступницѣ, Сѣлѣ, Винникахъ, Добрѣ, и т. п. ! Когда же исповѣданіе ни мало не измѣняетъ рода и первобытнаго происхожденія, то *всѣ поимянованныя фамиліи, хотя и исповѣдуютъ нинѣ Римскую Вѣру, но отнюдь чрезъ то не перестали быть Русскими*. Правда, мы привыкли обыкновенно называть Русскими только тѣхъ, кто принадлежитъ къ Греческому обряду, а тѣхъ, кто исповѣдуетъ Латинскій, именовать Поляками; но этотъ обычай несправедливъ. Развѣ Англичанинъ, Французъ, Нѣмецъ, потому что исповѣдуетъ ученіе Лютера, Кальвина, или другихъ, перестаетъ по этому быть Англичаниномъ, Французомъ, Нѣмцемъ? Венгерецъ, Далмать, Кроать дѣлается ли Русиномъ отъ того, что славить Бога по Греческому обряду? Откуда же могло произойти, чтобы природный Русинъ, перемѣнивъ обрядъ своихъ предковъ на Латинскій (не на Польскій, ибо такого и нѣтъ, и не было), пересталъ быть, относительно проис-

До XVII вѣка не имѣла Польша иныхъ князей, кромѣ князей Русскаго неповѣданія, употреблявшихъ Южно-Русскій языкъ; всѣ они происходили изъ владѣтельныхъ домовъ въ Литвѣ и на Русн.

Почему же столь древній и прекрасный языкъ вышелъ изъ употребленія? Почему никто теперь не говоритъ имъ, кромѣ лишь простаго народа Южно-Русскаго, мелкопомѣстнаго дворянства и духовенства Греческаго обряда? Почему въ такомъ пренебреженіи у насъ Южно-Русская письменность, тогда какъ она открыла бы для отечественной исторіи множество важнѣйшихъ памятниковъ? На это можетъ намъ дать удовлетворительный отвѣтъ исторія Польши, особенно же въ концѣ XVI и въ началѣ XVII вѣка. Угнетеніе Русн дошло до такой степени, что, дабы избѣгнуть онаго, жители стали отрегаться отъ своего происхожденія и стыдиться языка своихъ предковъ.

III.

Южный Русскій языкъ всегда различествовалъ отъ прочихъ вѣтвей Славянскаго языка, въ особенности же отъ Церковно-Славянскаго, отъ Польскаго и Великороссійскаго.

Выраженіе (Южный) *Русскій* языкъ то же самое значить, что языкъ *Малороссійскій*, или *Бѣлорусскій*. Въ грамотахъ Польскихъ королей, или самими издаваемыхъ, или по ихъ повелѣнію переведенныхъ съ Южно-Русскаго на Польскій языкъ, гдѣ языкъ и письмо Южно-Русское именуется: *idioma ruthenicum, character, etc., lingua ruthenica*: что ихъ совершенно отличаетъ отъ Славянскаго, Польскаго и Великороссійскаго языковъ. Въ подтвер-

---

жденія, Русскимъ. Никто не можетъ рода и племяни ни дать, ни отнять, ни измѣнить. Слѣдовательно, хотя численныя фамиліи и перемѣнили свое исповѣданіе, но при всемъ томъ они не измѣнили своего Русскаго происхожденія, и измѣнить его не могли:

•Fortuna non mutat naturam!«

жденіи привиллегіи Сташка (Станислава) изъ Давидова, Старосты Самборскаго, дарованной, въ 1549 году, королемъ Сигизмундомъ Августомъ Перемышльскому владыкѣ Антонію Радилевскому, сказано, что она отъ слова до слова переведена съ (Южно-) Русскаго языка на Польскій. Другое, того же короля и въ томъ же году, содержитъ въ себѣ всю грамоту князя Льва, сына короля Данила, на Южно-Русскомъ языкѣ. Въ третьемъ, 1555 года, прописана другая Русская грамота князя Льва. Надобно ли, впрочемъ, приводить еще доводы, что Русскій языкъ всегда отличался отъ Польскаго? Въ этомъ никто не можетъ сомнѣваться. Но онъ отличался и отъ Великороссійскаго: Екатерина I, какъ пишетъ Шереръ (1), повелѣла въ 1729 году все писанныя на Южномъ Русскомъ языкѣ постановленія переложить на Великороссійскій. Известно же, что все они были писаны по-Русски въ воеводствахъ: Кіевскомъ, Черниговскомъ и Брацлавскомъ.

Не менѣе того различіе Южный Русскій языкъ и отъ Церковнаго; ибо, какъ въ древнихъ, такъ и повѣйшихъ, церковныхъ книгахъ, какъ-то: въ Евхологіяхъ, Требникахъ, Трїодяхъ и т. п., заключающихъ въ себѣ правила совершенія церковныхъ обрядовъ, всегда Славянское нарѣчіе отличалось отъ народнаго Русскаго.

То же самое подтверждаютъ и ученые писатели. Гваньини (2) говоритъ: «Москвитяне не многимъ чѣмъ (это было около 1560) отличаются отъ Русинновъ; но Русины отъ Поляковъ, Чеховъ (Богемцевъ), Кроатовъ и др. столько различествуютъ, что съ трудомъ могутъ другъ друга понимать.» Копитаръ, въ Грамматикѣ Краинскаго языка, описывая словарь, находящійся въ бібліотекѣ Лубянскаго алумната (родъ учебнаго заведенія), явственно отдѣляетъ языки Славянскій, Русскій, Россійскій и Польскій. Смотрицкій, первый Славянскій грамматикъ, въ написанной имъ для Южно-

(1) «Annales de la Petite Russie». Т. II, стр. 375: «Elle ordonne pour le salut des peuples de la Petite Russie, de traduire ces loix en langue de la Grande Russie.»

(2) «Moscovitae a Ruthenis aliquantulum, Rutheni quoque a Polonis ac Moscovitis, sic etiam Bohemi, Croatae ab invicem differunt, ita ut sese intelligere difficile possunt, etc. См. «Sarmatiae Europaeae Descriptio». Т. I, стр. 24.

Русскаго народа учебной книгѣ, помѣстилъ предисловіе на Южно-Русскомъ языкѣ; въ переводахъ же своихъ со Славянскаго языка на Южно-Русскій, оставилъ настоящіе образцы собственно-Русскаго языка, который справедливо Добровскій называетъ природнымъ языкомъ Русиновъ. Авторъ книги »Sowita Wina«, изданной въ 1621 году, отвѣчая на возраженія иновѣрцевъ, такъ говоритъ: »Что касается до Славянскаго языка, то мы никогда его не презирали; напротивъ того, мы изъ книгъ же Славянскихъ вамъ доказываемъ и тщательно ихъ бережемъ. Южно-Русскій языкъ употребляемъ и въ проповѣдяхъ, всенародно, и между собою говоримъ на немъ.« То же самое свидѣтельствуетъ и Скарга, въ книгѣ своей: »O Jedności Koscioza Bożego« (о единствѣ Церкви Божіей) изд. въ Вильнѣ 1577 года. Ст. Клечевскій, въ сочиненіи о началѣ и древности Польскаго языка (O Początkach i Dawności Języka Polskiego. Lwów, 1767), опредѣлительнѣе объясняетъ разность упоминаемыхъ нами языковъ. То же подтверждаютъ Линде, Раковецкій, Ломоносовъ, Гречь и др., и было бы совершенно излишне доказывать столь несомнѣнную истину!

IV.

Во всѣхъ Русскихъ земляхъ, извѣстныхъ никогда подъ именемъ Малой и Червоной Руси, одинъ и тотъ же Южно-Русскій языкъ находился въ общемъ употребленіи.

Ежели и нарѣчія какого-нибудь языка такъ между собою согласны, что ихъ легко можно подвести подъ правла одной и той же грамматики, то, хотябы нѣкоторыя слова и произносились различно, имѣли разныя значенія и проч., отнюдь не слѣдуетъ почитать ихъ за отдѣльныя нарѣчія. Всѣ древнія вѣтви Славянскаго языка, въ XI, XII и XIII вѣкахъ, сходствовали между собою гораздо болѣе, нежели теперь. Можно даже полагать, что, чѣмъ болѣе мы станемъ углубляться въ древность, тѣмъ меньшую должны

встрѣчать между ними разность. Впрочемъ, необходимо должно отличать такъ называемый *книжный*, или, собственно, *церковный* языкъ; ибо на немъ излагались съ самаго начала одни только церковныя творенія; въ обыкновенномъ же разговорѣ и въ письменныхъ сношеніяхъ употребляемъ языкъ *народный*; да и вообще языкъ, всегда бываетъ иной въ употребленіи у простаго сельскаго народа, составляя собственно отечественный языкъ, нежели тотъ, которымъ говорятъ люди образованные въ высшемъ свѣтскомъ кругу; ибо сей послѣдній имѣетъ по большей части всѣ свойства книжнаго языка.

И у насъ, Русиновъ, нарѣчіе раздѣлять можно на устное и книжное. *Книжное* въ Малой, Бѣлой и Червонной Руси, ни сколько, съ XIII вѣка до сихъ поръ, собственно не измѣнилось. Въ обыкновенномъ же разговорномъ языкѣ происходятъ нѣкоторыя небольшія измѣненія, но они такъ малозначительны и такъ рѣдки, что смѣло и утвердительно можно признать и Бѣлорусское, и Малороссійское нарѣчіе за одно и то же. Кто только хорошо вслушался въ разговоръ Кіевлянина, Черниговца, Брацлавца, Львовца, Перемышльца, Брестъ-Литовца, Смольянина и Полочанина, тотъ конечно согласится съ нами въ несомнѣнной истинѣ сего показанія. Небольшія измѣненія въ выговорѣ гласныхъ *е* и *ь*, нѣкоторыя выраженія, занятія у одноименныхъ сосѣдей, не преобразовали конечно языка Южно-Русскаго и не могутъ родить отдельныхъ нарѣчій. Когда изъ Поляковъ одинъ говоритъ *slusys* (слышь), а другой *sluszysz* (слышишь); одинъ *tsyma* (тема), а другой *trzyma* (трыма); одинъ *rop*, другой *rup*, а третій *rap*, и т. п., слѣдуетъ ли изъ этого необходимость дѣлать нарѣчіе Польское на *Мазовское*, *Краковское* и *Горское*? Въ томъ же убѣждаютъ насъ и самыя сочиненія Русскія, въ разныхъ мѣстахъ печатанныя, какъ-то: въ Вильнѣ, Острогѣ, Львовѣ, Заблудовѣ, Стратинѣ, Почаевѣ, Уніовѣ, Супраслѣ, и т. д. Тамъ, кромѣ молитвенныхъ книгъ на церковномъ языкѣ, напечатано было много и другихъ духовныхъ и свѣтскихъ книгъ на языкѣ народномъ, который писанъ безъ всякой примѣси, чистымъ Южно-Русскимъ нарѣчіемъ. Если срав-

вить эти книги между собою, то, не смотря на разность мѣста и времени, языкъ ихъ вездѣ почти одинъ и тотъ же. Итакъ въ Русскихъ земляхъ, Малой, Червоной, Бѣлой и Черной Руси, одно и то же нарѣчіе было всегда въ употребленіи; а посему, даже до XVIII столѣтія, называлось оно, безъ всякаго прибавленія, просто *Русскимъ языкомъ*, *lingua ruthena*, *idioma ruthenum*, а о Бѣлорусскомъ, или Малороссійскомъ и не упоминалось (1).

V.

Если рѣчь идетъ о нарѣчій книжномъ, то Малороссійское и Бѣлорусское нарѣчія должны означать не что иное, какъ просто Русское.

Я показалъ уже тожество раздѣляемыхъ безъ пужды Русскихъ нарѣчій. Съ того только времени, какъ значительная часть Малой и Бѣлой Руси соединилась съ Великою Россією, Россійскіе писатели, въ царствованіе Императора Петра Великаго, стали отдѣлять Малороссійскій и Бѣлорусскій языкъ, замѣчая нѣкоторую разность между нарѣчіями Славянскимъ, Россійскимъ, или такъ называемымъ прежде *Московскимъ*, и тѣмъ, которымъ говорятъ въ Бѣлоруссіи и Малороссіи.

Первый разъ упоминается о семъ въ Грамматикѣ, изданной 1721 года въ Москвѣ. Она была, повидимому, списана съ Грамматики Смотрицкаго, хотя переписчикъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ Смотрицкій упоминаетъ о Южно-Русскомъ нарѣчій, не сохранилъ въ точности этого имени, а называетъ его *Малороссійскимъ*.

---

(1) По вступленіи на престолъ нынѣ царствующаго рода Романовыхъ и по возвращеніи къ Россіи отторгнутыхъ нѣкогда отъ нея областей, въ царскомъ титулѣ начали писать: *всѣя Великія и Бѣлыя и Малыя Руси*; а въ слѣдъ за тѣмъ измѣнена буква *у* на *о* въ словѣ *Россія*. Но иностранцы и теперь по большей части сохраняютъ прежній звукъ, называя наше государство *Russia*, *Russland*, *Russie* и т. д., въ древности Норманами называемое *Gardarick* и *Riseland*.
Прим. пер.

Но Смотрицкій не зналъ такого имени, хотя безъ сомнѣнія лучше многихъ позднѣйшихъ писателей зналъ Русскій языкъ. Примѣру этому послѣдовали и Польскіе, и иноземные писатели; и нарѣчіе, просто называвшееся *Русскимъ*, измѣнили въ *Малороссійское*. То же самое произошло и съ именемъ Бѣлорусскаго. Линде простой Южно-Русскій языкъ, которымъ былъ написанъ Литовскій Статутъ, потому только именуется *Бѣлорусскимъ*, что такъ называлъ его *Сопиковъ* (въ своемъ »Опытѣ Россійской Библиографіи«). Авторитетъ Сопикова показался г-ну Линде достаточнымъ для наименованія языка, которымъ писанъ Статутъ, языкомъ *Бѣлорусскимъ*, тогда какъ этотъ языкъ былъ просто *Южный Русскій языкъ*.

Языкъ Литовскаго Статута есть тотъ самый, на которомъ Смотрицкій написалъ къ своей грамматикѣ предисловіе. Смотрицкій же называетъ этотъ языкъ не иначе, какъ просто *Русскимъ*, ибо тогда вовсе не слышно было о Бѣлорусскомъ.

Такимъ образомъ, держась его авторитета, и я именую языкъ Литовскаго Статута не *Бѣлорусскимъ*, а просто *Южнымъ Русскимъ*. Г. Гречъ называетъ языкъ книги, подъ заглавіемъ »Вѣнецъ Христовъ«, языкомъ собственно Русскимъ; но это тотъ же языкъ, что и въ Литовскомъ Статутѣ: почему же называться ему Бѣлорусскимъ? и почему отличать разнымъ названіемъ языки, тогда какъ они въ самой сущности ни въ чемъ между собою не разнятся (1)?

---

(1) Однакожь старинный дипломатическій языкъ Западной Руси отличенъ отъ Южнаго, на коемъ писаны были акты Запорожскаго Войска и пр., и нынѣ Бѣлорусское нарѣчіе есть одно и то же съ Малороссійскимъ. Это можетъ замѣтить всякъ, переѣзжая изъ губерніи Могилевской въ Черниговскую, или изъ Минской въ Волынскую. Ежели авторъ сей статьи не допускаетъ названій *Бѣлорусское*, *Малороссійское*, какъ позднѣйшихъ, то можно дать симъ нарѣчіямъ болѣе естественныя названія: *Западное Русское*, *Южное Русское*, а Великороссійское назвать *Восточнымъ Русскимъ*, или *Сѣверовосточнымъ Русскимъ*, но все же должно какими-нибудь именами означить такія нарѣчія, между которыми существуетъ разница дѣйствительная и которая между тѣмъ всѣ имѣютъ неоспоримое право именоваться *Русскими*.

VI.

Южный Русскій языкъ отнюдь не образовался изъ Польскаго.

Нѣкоторые Россіяне, Чешскіе и Польскіе писатели утверждаютъ, будто Южный Русскій языкъ, какъ разговорный, такъ и книжный, обязанъ своимъ образованіемъ вліянію языка и словесности Польской, или, другими словами, что Русскій языкъ есть смѣшеніе Польскаго языка съ какимъ-то грубымъ нарѣчіемъ, т. е. первобытнымъ Русскимъ. Мнѣніе это самое несправедливое и ведетъ къ униженію и пренебреженію Русскаго языка. Мы ничего иного не желаемъ отъ безпристрастнаго читателя, какъ только, чтобы онъ насъ выслушалъ и разсудилъ послѣ, правы ли мы, или нѣтъ.

Южный-Русскій языкъ подвергался одной участи съ Южнымъ Русскимъ народомъ. Но, подобно народу, и языкъ Южный Русскій отнюдь не произошелъ отъ Польскаго, а напротивъ того, несравненно ранѣе Польскаго цвѣлъ и развивался, по образцу Славянскаго и Греческаго (1). Хотя же народъ Южно-Русскій, по стеченію обстоятельствъ, и зависѣлъ отъ короны Польской, онъ не менѣе того былъ самими королями Польскими признаваемъ за равный народу Польскому во всѣхъ правахъ и преимуществахъ. Конечно Польскій языкъ могъ имѣть нѣкоторое вліяніе на Южно-Русскій но и Латинскій языкъ ничего не потерялъ отъ того, что даже усовершенствовался по образцу Греческаго! Впрочемъ и на Руси заботились объ усовершенствіи отечественнаго языка учрежденіемъ училищъ, сочиненіемъ грамматикъ, не только Славянской, но и Русской. Неотрицаемъ, что Южно-Русскій языкъ могъ образоваться, обогащаться, и совершенствоваться на-подобіе Греческаго, Сла-

---

(1) Извѣстный ученый Грекъ *Экономосъ* издалъ 1828 г. въ С. Петербургѣ большое сочиненіе въ 3 част. для доказательства почти тождества Славянскаго языка съ Греческимъ, и особенно съ однимъ изъ древнѣйшихъ его діалектовъ, Эолійскимъ. См. его «Опытъ о ближайшемъ Средствѣ Языка Славяно-Россійскаго съ Греческимъ». Ч. I, Предисловіе. *Примѣч. Перев.*

вянскаго, а въ-послѣдствіи и Латинскаго; но никакъ изъ исторіи нельзя доказать, чтобы Русскій языкъ получилъ свое начало и образованіе единственно отъ Польскаго. Отдѣльныя слова, хотябы даже и въ большомъ количествѣ, находящіяся въ томъ и другомъ Славянскомъ нарѣчій, ничего болѣе не доказываютъ, какъ только, что все Славянскія нарѣчія происходятъ отъ одного корня, что они соединены между собою родствомъ и должны были быть нѣкогда еще ближе одно къ другому.

VII.

Польскій языкъ нынѣшнюю своею чистотою и богатствомъ, и самымъ даже слогомъ своимъ обязанъ, болѣею частію, Южно-Русскому языку.

Древнѣй Польскій языкъ, сохранившійся въ старинныхъ памятникахъ, значительно разнится отъ нынѣшняго (1).

(1) Вотъ образецъ древнѣйшаго Польскаго языка, взятый изъ Лелевелева изданія Польскихъ и Мазовскихъ Законовъ и принадлежащій къ 1449 году:

Zapis vmowi myedzi dvehownymi a swyeczskymu o czlonki w nyem pop'sane. Mi Jaroslaw Bozym przerzenym swanthey Gneznenskey cirekwe arcibiskvb w Krakowskem byskvbstwye na urzandze pogesdzania bandancz wszystkim ad kthorich nyneszze lysti przyda chezem bycz yawno kako gdysz myedzy nayaszneyszym ksandzem panem Kaszymyrem Polskym z bozey myloszczy Krolem etc., patronem naszym s yeneu a myedzy ksandzem Bodzanthą brathem naszym namyleyszym byskupem Crakowskym stroni z drvghey nyekthore wyanthpyeny o dzie szanczynach i o gynsych czlonkoch nyszey popyszanych bilo są sthant y sowanth porvszylo pothem etc. См. Księgi Ustaw Polskich i Mazowieckich. Wilno, 1824, стр. 10. Statuta Wiślickie.

Переводъ:

«Договорная запись между духовною и свѣтскою властію о нижепоименованныхъ статьяхъ. Мы, Ярославъ, Божиимъ промысломъ архіепископъ святой Гнѣзненской Церкви, имѣя смотрѣніе надъ Краковскимъ епископствомъ и объѣздомъ, даемъ симъ знать всемъ вообще, что между найяснѣйшимъ ксендзомъ паномъ Казиміромъ, Божіею милостію королемъ и пр., покровителемъ нашимъ, съ одной стороны, а съ другой между ксендзомъ Бодзантою, любезнѣйшимъ братомъ нашимъ, епископомъ Краковскимъ, встрѣтились нѣкоторыя недоразумѣнія касательно десятины и нѣкоторыхъ другихъ статей, ниже сего прописанныхъ», и проч.

Замѣтимъ въ этомъ древнемъ Польскомъ языкѣ Русскій характеръ нѣкоторыхъ словъ и самыя слова Русскія: *Swanthey*, а не *Swiętey* (Святой), *Cirekwe*, а не *Kościola* (церкви), *kako*, а не *jako* (какъ). Такихъ найдется и еще очень много.

Возьмемъ, для примѣра, изъ позднѣйшихъ временъ (1565 г.) письмо Станислава Оржеховскаго къ Плазу: »Pisałem then list ku W. M., radując szie dozbemu z dorowiu, zem poszłał do Lazarza ku druku Politią Królestwa pol. na trzy *knih*i rozdzieloną. Proszę ehezicé yą W. M. widzié i poprawié, iesli żeby w czym pobłudziło. Zaprawdę użyłem prace wielkiey i wielkiego nieszpania«, и т. д. т. е. »Я писалъ это письмо къ вашей милости, радуясь, что вы здоровы, и увѣдомляя, что я послалъ къ Лазарю (типографщику) для изданія »Политику Королевства Польскаго«, раздѣленную на три книги. Прошу васъ разсмотрѣть и исправить, еслибы нашлись въ ней какія погрѣшности. По истинѣ мнѣ стоила она много труда и бессонныхъ ночей«, и проч.

Мартинъ Бѣльскій, дерзнувъ писать исторію на Польскомъ языкѣ, едва находилъ возможнымъ свое предпріятіе (1).

Еслибы я захотѣлъ распространяться въ изображеніи той постепенности, съ какою Польскій языкъ очищался, то нѣтъ сомнѣнія, что я успѣлъ бы убѣдить всякаго въ истинѣ словъ моихъ. Но, сравнивъ и эти примѣры, пусть каждый разсудитъ: Южно-Русскій ли языкъ усовершенался по образцу Польскаго, или Польскій по образцу Южно-Русскаго? Слѣдовательно Южный Русскій языкъ отнюдь не былъ *провинціализмомъ* Польскаго языка, какъ угодно было полагать г-ну Линде на стр. 2 предисловія къ »Опыту Краткой Исторіи Русской Литературы«, г. Греча.

Южно-Русскія земли, принадлежащія къ Польскому Королевству, никогда не были Польскою областью, или провинціею.

---

(1) А за пять вѣковъ до того Русскій языкъ былъ уже образованъ и приспособленъ къ письменности. Еще въ XI вѣкѣ, Несторъ, инокъ Кіевопечерскій, велъ на немъ Русскую лѣтопись, и Русь XIX вѣка не находитъ его столько непонятнымъ или столько отличнымъ отъ употребляемаго ею нынѣ, сколько Поляки свой нынѣшній языкъ отъ языка XV вѣка. — Въ XV вѣкѣ Русь имѣла уже переложенную на свой языкъ Библию, тогда какъ Поляки перевели ее на свой гораздо позднѣе. Французскій авторъ книги о Евреяхъ, изд. 1818 г., упоминаетъ, что въ списокъ Библии, хранящихся въ Ватиканѣ, подъ № 300, на стр. 288 находится славянское сочиненіе Alf. Hallogy, заключающее въ себѣ истолкованіе Моисеевыхъ книгъ, 1094 года, на *Русскомъ* языкѣ.

Южно-Русскій народъ составлялъ часть королевства Польскаго, точно такъ, какъ и теперь Венгрія, Богемія суть части имперіи Австрійской. Если же и положимъ, что Южно-Русскій языкъ обязанъ сколько-нибудь Польскому, то уже этотъ долгъ съ лихвою заплаченъ ему доставленіемъ множества словъ и выраженій, что доказываютъ Ключевскій, Копчинскій и другіе, и подтверждаетъ самъ Линде въ твореніи своемъ о Литовскомъ Статутѣ, говоря: »Сей-то чистотѣ Русскаго нарѣчія должно приписать то, что Польскій слогъ Литовскаго Статута почитался образцовымъ.« Почему же послѣ всего этого выпустилъ онъ Южный Русскій языкъ въ своемъ Словарѣ изъ числа Славянскихъ нарѣчій?

Впрочемъ и теперь даже, при недостаточности правилъ Польской грамматики и правописанія, до тѣхъ поръ нельзя будетъ ничего опредѣлить въ нихъ точнаго, постоянного, пока не выйдемъ въ духъ и построеніе Южно-Русскаго и Славянскаго языка и, въ случаяхъ нужды, не прибѣгнемъ къ ихъ помощи.

VIII.

Нынѣшнее отношеніе Южнаго Русскаго языка къ Великороссійскому.

Линде, въ предисловіи къ упоминаемому нами сочиненію: »Опытъ Исторіи Русской Литературы«, послѣдую мнѣнію г. Греча, раздѣляетъ Россійскій языкъ и литературу на три періода. Первый называетъ онъ Греческимъ, второй Татарскимъ, третій Польскимъ. Не оспариваемъ вліянія Греческаго языка на языкъ Русскій, обенно книжный, потому что Священное Писаніе и всѣ почти церковныя книги были переводимы съ Греческаго, и что въ этихъ переводахъ слогъ и правописаніе совершенствовались по образцу Греческаго: почему первый періодъ справедливо можетъ быть названъ Греческимъ. Но что касается періода Татарскаго, то я не согласенъ съ г. Линде. Владычество Татаръ въ Россіи не имѣло такого вліянія ни на языкъ, ни на народныя обычаи Рус-

скіе , чтобы могло составить періодъ въ измѣненіяхъ языка и письменности. Ссылаюсь на авторитетъ Карамзина , который явственно доказалъ (1) , что владычество Татаръ въ Россіи не оставило важныхъ слѣдовъ ни въ обычаяхъ народныхъ , ни въ законодательствѣ , ни въ домашнемъ быту , ни въ языкѣ . Едва какихъ-нибудь сорокъ или пятьдесятъ Татарскихъ словъ находится во всемъ Россійскомъ словарѣ ; а хотябы даже ихъ находилось и вдвое противъ того : все же это не даетъ еще настоящаго повода допускать Татарскій періодъ въ Русскомъ языкѣ и литературѣ . Что касается Польскаго періода , т. е. вліянія Польскаго языка на Русскій , то и это равно бездоказательное мнѣніе не можетъ насъ убѣдить . Могущество Россіи возрасло безъ помощи Польскаго ; то же самое должно сказать и о языкѣ и литературѣ Россійской . Нигдѣ не находимъ слѣдовъ , ни въ старинныхъ , ни въ новѣйшихъ книгахъ Великой Руси , чтобы Русскій языкъ созидался по образцу Польскаго . Кто утверждаетъ это , долженъ бы привести намъ примѣры . Мы не допускаемъ даже , чтобы Польскій языкъ произвелъ вліяніе на Южный-Русскій : какимъ же образомъ онъ могъ бы дѣйствовать на Великоросійскій ? Иное дѣло языкъ Южный Русскій . Онъ содѣйствовалъ конечно , нѣкоторымъ образомъ , успѣхамъ , красотѣ и богатству Російскаго языка , чего сами Великороссіяне не оспариваютъ и оспорить не могутъ ; но изъ этого еще не слѣдуетъ выводить существованіе *періода Польскаго* .

Когда рѣчь идетъ о языкѣ Россійскомъ , необходимо нужно отличать древній церковный языкъ отъ древняго Россійскаго разговорнаго , или такъ называемаго *гражданскаго* языка , что видѣть можно изъ сравненія ихъ между собою . Но то не подлежитъ уже никакому сомнѣнію , что разговорный и книжный Россійскій языкъ не былъ уже тотъ самый при Петрѣ Великомъ , какой встрѣчается въ древнихъ Россійскихъ сочиненіяхъ . Доказываютъ это Каченовскій въ »Картинѣ Россійской Литературы« и Карамзинъ въ »Исторіи Государства Россійскаго« . Когда въ новѣй-

---

(1) »Исторія Госуд. Росс.«, т. V, стр. 854.

шія времена нѣкоторые Россійскіе писатели, подражая Французскому языку, начали портить свой народный, тогда возсталъ противъ нихъ Шишковъ въ разсужденіи о *старомъ и новомъ слоgѣ*, указалъ прямые источники Русскаго языка и ревностно совѣтовалъ держаться ихъ, какъ въ разговоромъ, такъ и въ письменномъ слоgѣ.

IX.

Языкъ Южно-Русскій составляетъ въ нынѣшнемъ Галицкомъ королевствѣ народный языкъ тамошней Руси, которую нынѣшніе Нѣмецкіе писатели ошибочно и несправедливо называютъ Русняками.

Что Русь составляетъ совершенно отдѣльный народъ отъ Поляковъ, такъ что ни пріобщеніе ея къ правамъ, преимуществамъ и составу Польскаго государства не могло отнять у нея собственной ея народности, ни поселеніе въ ея краѣ иноземцевъ не могло ее измѣнить — на то не требуется доказательствъ. Слѣдовательно языкъ, какой она нѣкогда употребляла и какой понынѣ употребляетъ, есть ея народный языкъ. Посему справедливо Бандтке сказалъ (1): »Нѣтъ и не было языка Галицкаго, какъ нѣтъ и не было языка Австрійскаго, Бранденбургскаго и т. д.«

Нѣкоторые изъ новѣйшихъ Нѣмецкихъ писателѣи стали называть Галицкую Русь *Русняками* (Rusniaken), а языкъ ея *Русняцкимъ* (Rusniakische Sprache). Такого названія, вовсе неизвѣстнаго въ-старину, ни Польскіе, ни Латинскіе, ни Россійскіе, ни даже лучшіе Нѣмецкіе писатели никогда не употребляли: ибо собственное и единственное ея названіе есть *Русь* или *Русскій народъ*, по-Латыни *patio Ruthena*, по-Нѣмецки *Ruthener*, а Русскій языкъ *Ruthenische Sprache*. Кто зналъ бы этотъ народъ только изъ подобныхъ книгъ, тотъ могъ бы подумать, что

---

(1) «Hist. Król. Pols». Т. I, стр. 26.

кромѣ *Руси* есть особое племя Русняковъ въ Галиціи. Такимъ образомъ, находя въ сочиненіяхъ Рорера названіе *Мазуриковъ*, можно бы заключить, что въ Мазовіи существуетъ какая-то особая отрасль тамошняго народа. Но во время Польскаго господствованія не было никакихъ Русняковъ: слѣдовательно и теперь ихъ нѣтъ. Если же кто когда-либо употребилъ это выраженіе въ смыслѣ презрѣнія къ какому-нибудь частному лицу, то благоразуміе и достоинство писателя не должно бы позволять ему употреблять то же имя въ отношеніи къ цѣлому народу. Первый, какъ намъ кажется, ввелъ это выраженіе г. Краттеръ въ своемъ сочиненіи: «Письма о Галиціи» (1); ему послѣдовали Рореръ, Крибель, Чапловичъ и другіе, тогда какъ ни на одномъ другомъ языкѣ не встрѣчаемъ мы этого названія; да и прочіе Нѣмецкіе писатели, какъ-то: Шледеръ, Гебгардъ, Гоппе, Энгель и др., упоминающая о Галицкой Руси, никогда ея такъ не называли. Долгъ и обязанность каждаго писателя именовать каждую вещь настоящимъ ея именемъ и не искажать собственныхъ именъ лицъ и народовъ, но передавать ихъ съ точностью, а смѣшныхъ или презрительныхъ прозвищъ не изобрѣтать. Прозваніе же Руси Русняками погрѣшаетъ противъ всѣхъ этихъ условій! Кажется всѣ сии писатели могли изъ официальныхъ актовъ и постановленій узнать достаточно, какое собственно имя приличествуетъ Южно-Русскому народу.

---

(1) «Briefe über Galizien», стр. 147.

Примѣчаніе издателя. Статья эта написана была первоначально на Русскомъ языкѣ, потомъ переведена на Польскій и напечатана въ Львовскомъ журналѣ: «Czasopism Naukowy» 1829 года, съ Польскаго же переведена опять на Русскій В. Р. и напечатана въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія» 1837 года.

VIII.

ПОХОРОНЫ,

СПИСАННЫЯ СО СЛОВЪ ПОСЕЛЯНИНА, ВЪ ХАРЬКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ.

— Розкажіте миші, будьте ласкові, Пріхоровичу, якъ у васъ діетця при похоронахъ старіхъ и маліхъ, и які у васъ вóдятця прімхи? бо я чүвъ, що е, та ні відъ ко́го правди не добьюсь.

— А щò жъ я вамъ скажү? про дрүгихъ, дáleбі, нічо́го не знаю, та й діло памъ до то́го не дохóдить. А у насъ óсь якъ було:

Ще гóдівъ за дeсять до смeрти, покійний панотець [цáрство їхъ душі] зробіли собі домовину; горбáтої не схотіли, а такү — зъ дóшкою, зъ ліскóвими колкáми, та й лáтку вáйнуки на рiжкү, [щобъ душі полeгкiсть булá вихóдити на страшній сүдь], дубóву, та простóру, та й лягли вь ню, та й поцрóбовали, чи не бóде корóтка, абó узькá. »Гáрна«, кáжуть, »намъ хáта бóде вiчня.« Пóтімъ поставили її у комóрі, та її насипали пóвну сáмої крáщої пшениці, та ту пшени́ню жóдень годъ старцáмъ и роздавáли; а новóю насипали упáть. Такъ те діло велòсь, ажъ пóки живі булі.

Ось коло дрүгої Причiстої и занедужай; та все не подаютьця, та ходять, то до клүні, то до обжilòбъ навідоватьця, а далі — »Ні, вже«, кáжуть, »хлóпці: мáбутъ, гóді ряєть топтáти«, та й звалились на пiль. Оце ми зáразъ до отцá Пвàна [и вони вже на тiмъ свiтi, цáрство iмъ небeсне], пособóровали, посповiдали и запричaстiли; усe стáло-буть, якъ довгъ Християнський слiдуєть, зробiли. А iмъ гiрна та й гiрна. Якъ тепeръ знаю, вь п'ятницю нáдъ вечiръ, мáти [легeнько iмъ згадáйся] и кликнули насъ, та якъ заплачуть! та сiї рeчи и промóвили: »Идiть, дiти, клáняйтесь бáтьковi, бо недалeко ёго кончiйна! Усe на долiвку прoсiтця, відъ сeбе вáжко дiше, и дүхъ холóдний, нóги якъ лiдъ, вiгтi посiнiли, óчи мутний, усe повертáєтця, рукáми коло

себе, наче чого шука, все оббіраєтця; а якъ задріма, усє ёму ёго батько покійний убачаєтця, що кліче до себе; та й батьюшка, посповідавши, сказыали: »Доглядайте!« Ужє жь вони щось помітили. Може, по тій свічці, що недуже ясно горіла. Пдіть, діти-голлубята, просіте благословєння.« Ми зібрались усї; мати взяла їх під плєчи и підвелà, вони й сїли, и на дзїгликь нòги поставили, а ми імъ у нòги. Вони стàли благословляти: насъ, братівъ, образами, а молодїць и унўківъ христїли, а ми всї їх рўки ціловàли; та тїлько й вїмовили: »Бóже, васъ благослові усїхъ, усїхъ! Глядїть же, Бóга не забувайте, до цєрєви ходїть, празникї почитайте, мàтери доглядайте, повїнности не тїкайте, вь-кўпці живїть, одїнь другого поражайте. Ти, старшїй, [мнї кажутъ] на мїсть батька будь усїмъ. Менє сховайте и відпоминайте, якъ мàтері велївъ. А щò попереду вамъ казàвъ, памятуйте, колї кїстокъ моїхъ не хочете ворущїти.« Та сь тимъ и злягли.

Жїнòта та дїтворà кой-кудї розїйшлись, а я зь мàтерью бїля їх зостàвся. Про те вже я вамъ и не балакаю, що рòдичи и сусїди всї приходили щò-дня прощàтьця на сїмъ свїті. Отъ ми зь мàтерью воскову свїчку засвїтили, вь черепьянці ладанцю розсцустїли, водїці для душі поставили стаканєць на вїгнї, та й доглядàємъ смєрти. Сàме такъ, якъ пєрвї пївнї заспївали, вїкòнця якъ грякне! ми ажъ жажнулись, та до нихъ, ажъ вони вже кончаютьця. Тутъ, якъ на те, и молодїци вбїгли. А мати: »Цїтьте, мовчїть! не плачте! дайте мерщїй свїчку ёму вь руки: янгєли прилетїли за душею! Молїтця Бóгу!« Ми й стàли повлòни бїти. А вони разївъ трїчи тїльки зїхнули, легєнько-легєнько, та й дўшечка вїйшла. Мàти тїлько-тїлько щò весїла їх перехристїти та проказати: »Прощай, дружино, и менє дождай!«

Я мерщїй до цєрєви. Ударили трїчи вь старшїй звїнь на схїдъ душі; узявъ ставнїкь, молїтву и вїнець; пòби вернўвся, а їх зрядїли: обмїли, причесàли, сорòчку бїлу надїли, нòги полотнòмъ новїмъ обгорнули, положїли на свїті, на лàві, підь образами, а вь-голови сїна гàрного, стеновòго підь ряднò підмостїли, обїклàли васильками, дали хрєстъ у рўки, мати вїнець на гòлову

положила, парчею накрили; а я въ головахъ поставивъ у глечику ставникъ и засвітивъ. Отъ прийшовъ псалтирщикъ, удіривъ три поклони, начавъ : »Молитвами святіихъ«, и ставъ читати та приказувати : »Упокой, Господи дѹшу раба твоего Прѹхора«.

У субѹту, такъ саме якъ въ сніданія, стали по душі дзвонити во всі дзвони, та повагомъ, та жалібно; перше бовкне въ свляканчикъ, а далі въ другий, потімъ у підстарший, та въ старший, та й во всі разомъ. Я дзвонареві кивкѹни давъ, щобъ поти дзвонивъ, поки трічи *Вірюю* прокаже, бо на *Помілуй мя* и бідний дає. Усякий хрещеній, якъ почує такий дзвнъ, стане на східъ сѹнця, перехреститця трічи и проговѹре : »Царство небесне, вичний покій переставшиися душі!«

Отъ почули и въ слободі, и стали збиратьця и сваті, и свахи, всі родичи, и всякі люде. Бо, бачите, батька всі знали по тїмъ: позичали людямъ грѹни, и рѹсту не брали, роздавали пшеницю на насїня, съ тимъ — віддасть, спасїбі, а шї, Богъ зъ нимъ! на Спаса мѹдомъ годували, волївъ спосужали перевозити біднимъ пашню, та й такъ тихенько дѹ-кому роздавали веячнну; а ми хоть и бачили, то й відвертали, инначе не бачимо. Вдовїцямъ и сїротамъ на своїхъ плечахъ ночної добї по мішкѹ мукї носїли, клали на прїсї, щобъ вони й не чули, хто положивъ [мати тїльки тимъ підмїчали, що мішківъ не ставало]; сказано, всякого зарядували, чимъ хто побїдаецця. У церкву було накуплять ставниківъ, та нїшкомъ на Великдень, абѹ на Рїздво у цвїнтарї й покладуть біля вїтваря, и сторожї не вшолопають, дѹ взялось; абѹ корогвѹ справлять, та й віднесуть... такъ робїли, щобъ нїхтѹ й не підмїчавъ. Тимъ—то цїлий день у субѹту мїра-мїра все до їхъ приходило прощатьця та тілові кланятьця. А такъ, якъ пізній полудень, ударили на збірѹ въ одїнъ; стало бутъ, тіло до церкви винѹсли. Отгуть-то було плачѹ, якъ ѹхристи та мари принесли! Паньматка хотїли самї ѹхристи рушниками перевязувати, та слїзи такъ и вдарили. Ужѹ тітка Одарка помогла. А мати плакали, поки батишка прїхавъ, а тоді вже годї. Просївали *сѹ души*; а на *вїчню* якъ заголѹсить увесь миръ, такъ ажъ

отець Іванъ [царство їх душі] не втерпіли, та мерції за кропйло, покропйли святою водою грїбъ, та й съ хати. Приятелі тіло въ грїбъ положили; грїбъ же мати серпанкомъ віслали, и вайльбївъ, и клечальної травї, и стружечобъ у голови підмостили. Та й понесли до храму Божого. Шість разъ Евангелію становїлись читати, а въ нашії и въ Слободєській, и въ Українській церквахъ усє дзвонять. Після вечерні ставнїкъ у головахъ засвітїли на всю ніченьку, а ми поклонїлись, та й додому, робочихъ годувати. Въ неділю, після служби, похоронъ відправили и понесли на кладовище. Хотїли въ садύ біля дїдуся поховати, такъ не можна. Мати [легенько їмъ згадаїся] самого лянного полотна два сувїї дали, дубовїну спускати. И теперъ ото видїєтця хрестъ чорний та високїй : тамъ лежать панотєць и бабўся, и дядькї—усї вмістї.

Съ кладовища панотєць и весь миръ приїли до отцівського куреня поминати. А найбільше ніщу братїю покїйний панотєць велїв годувати. Спасїбі жїночкамъ, на городї розиклали огнище, и всякої страви понаготовляли. Ми яловицю вбїли, ягнать съ пятаеро зарїзали, а про друге — мати то знали. Якъ проспївали *сò души и вїчно*, стали за стїль сїдати : панотєць на покуті, старї жїнкї на лавї, а чоловіки на ослонї. Оцє заразъ кутї зь мєдомъ за царство покуштовали, та все приговорюють : »Царство небєсєне Прόхору Семєновичу! перомъ земля надъ нимъ! нехай єо святїми почиває, та й насъ дожидає!« Я ставъ підносити, комў по чарці, комў ситї; а тїтка Олена поставила пампушки, кнпшї, паляницї; а пироги, то зь сїромъ, то зь начинкою, передъ жоднимъ на столї раскладєні булі; сметани поставили въ мисочкахъ скрїзь-скрїзь по столовї. Бабўся Мовчанка стояла на полў, та все съ пєчи подає, комў чогó трєба; а пїчъ, сказано, вся пирогами та паляницями була закладєна. И на другїї стїль, которїї біля порога, [посїдали ті люде, що конали яму, и грїбъ несли, — їмъ и полотно роздали, на которому упуєкали дубовїну]... такъ и на той стїль після сєго пироги и страву все такї тїтка [дай Божє їмъ здоровья] почали давати галушки, пєрцемъ присїпанї,

бóриць, кўрятину, а на пёршій передь панотцёмъ — гўску печёну, а до порога — барáншну свинїну усé такі тїтка подають, та кла́няютьця, та просять: »Годуйтесь такі, кормітесь такі, поминайте братака« [а ма́ти зь журбї у хїжцї вже звалились]. Після сёго кашу молóшну съ пёрцемъ, усїмъ однў, така вже, що ма́сло звёрху такъ и плава, я́блокъ пзъ свогó садка и мёду сцїльни́ківъ зь десятокъ, покійного ба́тька — трудовóго, білого та хоро́шого, зь самїхъ роївъ. При кончанні я поставивъ на стїлъ ко́ливо, поклонивъ низенько и мовивъ: »Не погнївайтесь на бїльше, звинїте ра́ди Христа, не посудїть; чимъ багáті, тимъ и ра́ді.« Отъ щé разь проснївали *сó духи и вїчно*, ко́ливомъ помянўли та її стáли роехóдитися.

На сей случáй и панімáтка, якъ хвóрі ні бу́ли, а вїйшли и стáли обділяти ко́жньому, ко́му кнїшь, ко́му пала́нїцю; а я старцїмъ сїмъ кїпъ самїми конїї́ками розда́въ [бо її вони́, пообїдавши на-дворї на прїмїсткахъ, рахувáлись роехóдитьця]; а грóши тїї придба́въ покійний панотéць. Вїнпровадивши, спёршу стáли ла́годити столї и сажáти, якї не обїдали, та до самїсїнького смеркў дóбрихъ людéй годува́ли; а самї почита́й о півночи попоїли, та сўмно, сўмно въ хáті стáло! Усїю нїченьку ні на во́лосъ не заснўли, — такий óстрахъ узя́въ.

На дрўгїй день сорокоу́сть нацялі, десяти́ни справи́ли. На сороковїнахъ та́къ бу́ло, якъ и на пóхоронахъ, тїльки панахїду ще її на гробў пра́вили. Псалтїрщїкъ шість неді́ль псалтїръ у хáті чита́въ; за те ё́му покійного ба́тька свїту відмінїли, и хўстку, и малаха́й, що колїсь, якъ молодї бу́ли ба́тько, та все ё́го по сїно іхавши накла́дали. Ма́ти на зорї що-днвї ходїли на кладови́ще навідува́тьця та голосе́ити, а відтїля въ цєркву; а після сороковїнъ го́ді се робїти. »Тепє́рь«, ка́жуть, »не підў вже до го́ду, бо грїхъ«; та такі не втєрпїли: у Дмї́трову субóту шцé ходїли.

— Та бїльше її нїчо́го?

— Тїльки жь. Бачь, чувъ я ще її сè: якъ дїдуея́ ховáли, та́къ лю́де не несли́ домовїни, а везлі́ волáми на сáняхъ, хоть то и въ лїтку бу́ло. Волї́ самї добрїші́ запряга́ли підь те діло, и вїдава́ли

іхъ ужé на поминки панотціамъ: такъ прѣмо съ кладовища и відганяли съ саньмі до іхъ у двірѣ. А після обіда [казавъ такі покійний батько] вони такі самі достали кашчугъ карбіванцівъ изъ скрині дідусевої, та й виспали на піднісѣ, на столі, та скілько хто хотівъ, стілько за похоронне й бравъ; бо то гроши були на те обречені; а всіхъ не було забрано, осталося доволі ще й на підносі.

— Скажіть же, спасібі вамъ, Прóхоровичу, на що той стаканчикъ зъ водою на вікні стоявъ?

— Того вже до-ладу не доважү. Кажуть старі люде, що душа покійника до шести неділя на сімъ світі ще побивається и приліта водичі піти до старóго куріня, бо їй дуже трүдно и тяжко по мптарствахъ; та Богъ ёго зна, чи такъ воно! Люде, бачъ, ищэ ї сё рóблять: ворóта зачиняють, якъ вінесуть труну зъ двора, щобъ смёрть не вертáлася; у хати и лавкй житомъ посипають, щобъ ужé веі живі та здорові були; постелю съ-підъ покійника у хлівъ вигидають до трохъ день, щобъ усé лихё відстало. Та се вже, мабуть, не зовсімъ по-Бóжому, а люде самі вітіяли. Ще й тэ гомонять: есть такі временьщикй, котрі: піддались лукавому; після смёрти встають и ходять на свій двірѣ, угаму не дають живімъ; такъ іхъ наче бъ то осіковою колякою грібъ прибивають, та мині сёго не лучалося бачити. А оцэ й теперъ водичця: е поховані надъ дорóгами, то чумакй, то такъ дэ-які прохожали; такъ на іхъ могіли жадець, хто йде або іде, полінце, скінку, траву, або грүдку землі кидають; а на що воно, Богъ ёго зна, — буцімъ би то й самі помагали ховати.

— Чомъ же ви мині про малихъ дитóвъ нічого не розказали?

— Про іхъ ось що: не підперезаного не треба ховати; бо на тімъ світі хтось-то дасть ёму яблучко червоне грацьця, а воно має въ пазуху сховати; а яблучко до-дóлу, а воно випять дастае, та все въ пазушку; а воно випять до-дóлу; та такъ бідненьке й бúde мучитця зъ яблучкомъ. А якъ підперезане пояскóмъ, то схова, а воно й не випаде съ пазушки. Ще й ногтівъ не зрізують малóму, атó на якусь-то гóру не здерётця, — чи на святү, чи щó:

бачишь, нічимъ би то буде ухопітьця. Мати за першою дитиною малюю, котра умре, на кладовище не ходить, бо гріхъ відь Бѳга заразъ за первимъ та її жалкувати и єго провожати. Оттїмъ-то и прїказка е така:

»Якъ умре малá дитїна,
То дѳбра годїна;
А якъ умре дружїна,
Лїхая годїна!«

Вонѳ янгеля за бáтька та за мáтїрѳ вїдмѳловатїме.

А оцѳ своїми очїма бáчивѳ, и сáмѳ бувѳ при сѳму. У Назáрѳвїча Недогѳна, якъ дочкѳ єго ховали, — молодѳ та хорѳшу, та чепурнѳ, та звчáйну... тїлькї шїстѳнáдцять годївѳ її булѳ... що то за дївчїна булá лѳба та мїла, та до людѳї прївїтнá! та її смерть її Богѳ послáвѳ швїдѳнько. Захворáла, Бѳ' зна що балáкала и жахáлась. Кáжуть, зѳ рїчки прївїшлá, сорочкї прáла, та щѳсь її и подїялѳсь: абѳ пїдвїяло, абѳ на ополѳнцї стрїло, а мѳже и зѳ очѳї, бо всякї лїхї лѳде есть. Ужѳ її молѳбїшѳ прáвили, и лáданѳмѳ херувїмськїмѳ пїдвѳрювали, и васїлькї брáли сѳ-пїдѳ хрестá, вчїрїсѳю водѳю умивáли; ти-мовѳ и полѳчча, та впїять; отѳ и до бáби возїли, и Солѳдвїї прїхѳдивѳ, — чогѳ не робїли! та вже колї нарѳчено впрáти, и знахурї не вїдшѳпчуть. Та пїдѳ самѳї Варвáри, якъ удáрили до вечѳрнї, Бѳгу її дѳшу вїддалá. Отѳ тамѳ я надвївся, що тамѳ робїлѳсь! Мати та побївáлась, насїлу пїдѳ плѳчї вїдвелї геть; а бáтько такѳ и вхѳпїтьця за гѳлову: »Де жѳ моá Парáся, де жѳ моá дитїна? хто жѳ менѳ розувáтїме? хто на вѳлицї стрїчáтїме? хто менѳ роздягнѳ? Де бѳ я не бувѳ, хотѳ о пївнѳчї прїїдѳ, а вонá, моá голѳбка, сїни вїдсѳне, шáнку вїзьме, пѳясѳ повїсе и лїжко перетрѳсе... лѳчче бѳ я її на свїть не родївѳ!...« Позбїрáлись усї сусїде та розважáють, щѳбѳ взылїсь за тѳвкѳ та що слїдує робїли. Ось, якъ прїбїгла Тѳдѳровнá-бáбѳся, та якъ загомѳнїть: »Щѳ ви рѳбїте, дурнї дїти? гѳдї вамѳ голосїти, Бѳга прогнївляти!« та її ну порáдки давáти; тодї всї

тільки дівлятця. Отъ и стали знаряжати наче заміжъ: сорочку лянну наділи, картату плахту, червоною окравкою підперезали, кипарісовий хрестъ, що дідусь изъ Києва принісъ, на чорній бърхатці почепіли на шию, коси розпустили, стрічку синю на голову повязали, вінки съ червонихъ свіндячокъ пришпилили, сапьянові черевички на ноги обули, та й на стіль, — уже на лавку не клали, — серпанкомъ руби прикрили, квітками сухими то съ крокосу, то зъ рожі обквічали; такъ уже зраділи, що хоть неживе, то заплаче. Тутъ и дружкы почали збиратьця. А якъ прийшла порá ховати, стали дружокъ стѣжками повязувати, усімъ хустки давати, — крий-Боже, якъ-то жалібно! Самі дружкы въ домовину клали и до ями несли. А мати побивалась, побивались... потімъ уже тільки стогне; якъ-би не кумъ Панько, десь би такъ и ввірвалась у яму, ато той, спасібі, державъ підъ плечи та все розважавъ. А якъ опустили та стали землею закидати, такъ у-трехъ на еилу вдержали; такъ и лізе сама, не баче куди. Не дай, Господи, такé у-друге бачити!...

Лісовикъ.

IX.

О ПРИЧИНАХЪ

ВЗАИМНАГО ОЖЕСТОЧЕНІЯ ПОЛЯКОВЪ и МАЛОРОССІЯНЪ

ВЪ XVII ВѢКѢ.

ДВѢ СТАТЬИ, М. ГРАБОВСКАГО и П. КУЛИША, ПО ПОВОДУ НЕДАВНО ОТКРЫТАГО
УНИВЕРСАЛА ГЕТМАНА ОСТРЯНИЦЫ.

О ПРИЧИНАХЪ

ВЗАИМНАГО ОЖЕСТОЧЕНІЯ ПОЛЯКОВЪ И МАЛОРОССІЯНЪ ВЪ XVII ВѢКѢ.

УНИВЕРСАЛЬ ГЕТМАНА ОСТРЯНИЦЫ.

Переводъ.

Стефанъ-Христофоръ изъ Острога и Остра Острианинъ,
Божією милостию новоизбранный гетманъ, со всеѣмъ вой-
скомъ Запорожскимъ.

Объявляемъ симъ нашимъ универсаломъ всеѣмъ вамъ, благо-
родно рожденнымъ козакамъ, нашей братіи, прославившимся съ
давнихъ лѣтъ во всей подолежной многими рыцарскими дѣлами

Подлинникъ.

Стефанъ Криштофъ зъ Острога и Остра Острианинъ, по лас-
ці Божой новоучиненный гетманъ, со всеѣмъ Войскомъ Запо-
рожскимъ (1).

Ознаймѣемъ симъ универсаломъ нашимъ вамъ, всеѣмъ шляхѣтне уро-
жонимъ, браттіи нашій, отъ многихъ лѣтъ премногими рыцарскими дѣлами

---

(1) Открытіемъ этого драгоценнаго документа обязаны мы М. О. Судіенку, который помѣстилъ его въ третьемъ томѣ изданной имъ Лѣтописи Величка. Правописаніе универсала Острианицы принадлежитъ началу XVIII столѣтія, ибо онъ открытъ не въ подлинникѣ. Такъ какъ нѣкоторыя гласныя буквы произно-
сились грамотными Малороссіянами того времени иначе, псжели стали бы ихъ

и подвигами, и живущимъ, съ отдаленныхъ временъ предковъ своихъ, по обѣимъ сторонамъ рѣки Днѣпра въ Малой Россіи, отчизнѣ своей, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всему простому народу Малороссійскому: что, какъ въ прежнія времена, такъ и въ этомъ году, не могли мы, съ сердечною горестью и болью, переслушать и перечислить приносимыхъ вами жалобъ и слезныхъ просьбъ намъ, войску Низовому Запорожскому, касательно чинимыхъ вамъ притѣсненій, разореній и неспосныхъ налоговъ отъ Ляховъ, квартирующихъ во всей Малой Россіи, по обѣимъ сторонамъ Днѣпра.

и отвагами во всей подсолнечной прославившимся, по обоихъ сторонахъ рѣки Днѣпра, въ Малой Россіи, отчизнѣ своей, зъ предковъ своихъ, отъ давнихъ временъ мешкающимъ, тутъ же и всему посполитому народу Малороссійскому: пжъ яко прошлыхъ временъ, такъ и сего літа, зъ великимъ сердечнымъ жалемъ и болізню не моглисьмо переслѣхати и изреестровати безпрестанно доносѣчихся намъ, войску Низовому Запорожскому, отъ васъ скаргъ и плачливыхъ супликацій о дѣючихся вамъ обидахъ, утѣскахъ, разореніяхъ и неспосныхъ налогахъ отъ Ляховъ, во всей Малой Россіи, по обоихъ сторонахъ Днѣпра, консиствующихъ. Не специфікуемъ

читать теперь въ Сѣверной и въ Южной Россіи, да притомъ въ спискѣ, напечатанномъ г-мъ Судіенкомъ, не вездѣ соблюдено однообразное употребленіе извѣстныхъ буквъ для выраженія извѣстныхъ звуковъ; то языкъ универсала для самихъ Малороссіянъ нашего времени кажется какъ-бы чужимъ. Чтобы сообщить ему тотъ видъ, въ какомъ онъ представлялся слуху, а не глазамъ, старинныхъ людей, позволяю себѣ приноровить его правописаніе къ произношенію, принявъ для выраженія мягкаго и остраго звука *и* двѣ буквы — *и* и *і* — и отвергнувъ Великорусскій звукъ *ы*, Малороссійскому произношенію несвойственный. Замѣчу впрочемъ, что универсалъ Острицы писанъ оффиціальнымъ языкомъ своего времени, и потому въ немъ много словъ и оборотовъ Польскіихъ. Видно, козацкій гетманъ нашелъ необходимымъ подражать обычному языку судейскихъ актовъ и правительственныхъ распоряженій въ Украинѣ, чтобы явиться въ глазахъ народа мужемъ государственнымъ. Но рѣчь его не была отъ того темна для слушателей, ибо Польскій языкъ въ то время распространенъ былъ въ Малороссіи, какъ рѣчь людей образованныхъ, какъ рѣчь утонченная и усвоенная высшимъ сословіемъ Южно-Русскимъ, не говоря уже о множествѣ природныхъ Поляковъ, находившихся въ Малороссіи и заставлявшихъ народъ понимать свой языкъ волею и неволею.

Не исчисляемъ подробно здѣсь того, что они, Ляхи, начавъ съ недавняго времени, лѣтъ пять, или шесть назадъ [ибо давнишнія ихъ злодѣйства предали мы забвенію], какъ не-Христіане, вамъ, православнымъ Христіанамъ, сдѣлали, а именно въ городахъ и повѣтахъ: Козельскомъ, Баршпольскомъ, Басанскомъ, Березанскомъ, Гоголевскомъ, Яготинскомъ, Остерскомъ, въ Нѣжинскомъ, Борзенскомъ, Прилѣцкомъ, Варвинскомъ, Сребрянскомъ, Красноколядинскомъ, Конотопскомъ, Любецкомъ, Березинскомъ, Менскомъ, Сосницкомъ, Коронскомъ и Кролевецкомъ, въ Лубенскомъ, Лохвицкомъ, Пыратинскомъ, Чигринъ-Дубровскомъ и Роменскомъ, Переяславскомъ, въ Гадячскомъ, Миргородскомъ и во всѣхъ иныхъ, гдѣ только были и есть ихъ безразсудные и безжалостные въ Христіанскому народу посты.

Вы сами, наша братія, живущіе въ нечисленныхъ городахъ и

ретельне тутъ того, что они, Ляхи, сіхъ недавніхъ временъ почавши, отъ лѣтъ пяти, или шести [давнишні бо ихъ всі збродні и зліи учинки занехавши], аки не-Христіане вамъ, православнымъ Христіанамъ, виброили и учинили, а именно въ городахъ и повѣтахъ: Козельскомъ, Баршпольскомъ, Басанскомъ, Березанскомъ, Гоголевскомъ, Яготинскомъ, Острицкомъ, въ Ніжинскомъ, Борзенскомъ, Прилѣцкомъ, Варвинскомъ, Сребрянскомъ, Красноколядинскомъ, Конотопскомъ, Любецкомъ, Березинскомъ, Менскомъ, Сосницкомъ, Коронскомъ и Кролевецкомъ, въ Лубенскомъ, Лукомскомъ, Лохвицкомъ, Пыратинскомъ, Чигринъ-Дубровскомъ и Роменскомъ, Переясловскомъ, въ Гадяцкомъ, Миргородскомъ и во всѣхъ иныхъ (1), где только ихъ небачная и милости (на) народъ Христіанскій неумушая оставала и зостаеъ консистенція.

Сами ви, въ преречонихъ городахъ мешкаючи, браття наше, доносили

---

(1) Величко говоритъ, что Остриница разослалъ шесть списковъ своего универсала въ Украину Малороссійскую, лежащую по обѣимъ сторонамъ Днѣпра, именно въ повѣты Черкаскій, Бѣлоцерковскій и Уманскій, а на другую сторону Днѣпра — въ Переяславскій, Нѣжинскій и Лубенскій. Такъ какъ въ этомъ спискѣ не упомянуто ни одного города за-Днѣпровскаго, то надобно думать, что въ спискахъ, назначенныхъ для Заднѣпрія, тамошніе повѣты исчислены такъ точно, какъ здѣсь повѣты Восточной Малороссіи.

повѣтахъ. доносили о томъ, вы сами о томъ знаете, яко самовидцы и жалобливые намъ доносители. Но мы съ своей стороны вамъ это представляемъ и къ вашимъ горестямъ присовокупляемъ нашу горестъ, которую причинила намъ вѣсть, дошедшая до насъ изъ Остра, изъ дома отца нашего. А принесъ ее намъ родной братъ нашъ, который прибылъ сюда, въ Запорожскую Сѣчь, съ вышибеннымъ тиранеки отъ Ляховъ глазомъ. Онъ, съ горячими и неизсякаемыми слезами, объявилъ намъ и всему войску Низовому Запорожскому, на радѣ, о своемъ и всего дома нашего отъ Ляховъ бѣдствіи и разореніи, и именно: что нѣкоторый Геродовскій, квартирующий въ Острѣ, въ настоящую истекающую зиму, предъ радостными святками Рождества Господня, не довольствуясь тѣмъ, что ему и другимъ постояльцамъ козаки и мѣщане Остерскіе [сверхъ правъ и законности] доставляютъ, возымѣлъ какую-то особенную ненависть и злобу къ отцу моему, гордящемуся со временемъ предковъ своихъ благороднымъ (шляхетскимъ) козацкимъ правомъ, и грозно приказалъ ему, отцу моему, доставлять еже-

---

о томъ, знаете, яко самовидці и намъ о всемъ томъ жалобливѣи доносители. Виждаемъ еднѣкъ и ко болѣзнямъ вашимъ печаль и болѣзнь нашу прилагаемъ, которая дойшла намъ ⁽¹⁾ на сіхъ часехъ відати зъ Остра, зъ дома отца нашего черезъ родного брата нашего, зъ вибитимъ тиранеко отъ Ляхохъ обомъ тутъ до Січи Запорожской къ намъ прибилого, который, зъ рѣвнимъ и неутолимими слезами, таке намъ и всему войску Низовому Запорожскому, въ раді, учинилъ допесенне о своемъ и всего дому нашего бѣдствіи отъ Ляховъ и разореніи, сказавши виразне тое: ижъ ніякийсь Геродовскій, консиетуючий въ Острі, сеі сходячої зими, предъ радостними святками Рождества Господня, при иишихъ всякихъ довольствахъ ему зъ иишимъ товариствомъ отъ козаковъ [надъ права и слушность] и отъ мѣщанъ Острицкихъ вистатчаемихъ, яковуею особною къ отцу моему, шляхетскимъ козацкимъ правомъ зъ прѣдковъ своихъ

---

(1) Въ изданіи г-на Судіенка это слово напечатано : *насъ*. Я поправилъ потому, что это выраженіе часто встрѣчается въ старинныхъ бумагахъ. См. ниже, стр. 341, *универсалъ Мазены*.

мѣсячно — не для себя, но для собакъ, своихъ братьевъ, по три ведра творогу и по ведру масла. Когда же мой отецъ не исполнилъ этого — и не по чему иному, какъ по домашнимъ недостаткамъ; то Геродовскій, озлясь на это, — въ самый тотъ день радостнаго праздника Рождества Господня, горемъ и плачемъ наполнилъ домъ нашъ; ибо приказалъ палачамъ, своимъ слугамъ и братьямъ, взять отца моего, семидесятилѣтняго, совершенно сѣдого старца, и ущемить его шею въ частоколь церковной ограды, — а былъ въ то время сильный холодъ съ мatelyю, — и не велѣлъ выпустить его изъ этого нестерпимаго и позорнаго заключенія, пока весь народъ не вышелъ изъ Божіей службы (отъ обѣдни) и пока всѣ люди, бывшіе въ церкви, тому [при всемъ ихъ сожалѣніи] не посмѣялись.

Послѣ этого тяжкаго и нестерпимаго безчестія, сдѣланнаго престарѣлому отцу моему, тотъ же Геродовскій, или лучше Христоненавистный Продъ, спустя дня два, или три, вторгнулся, въ пѣя-

---

щитающемуся, завзявши ненависть и ранбѣръ, приказалъ сурово ему, отцу моему, на каждый мѣсяць, не для себе, но для хортѣвъ, своихъ братьевъ, вистачати по три ведра сирю, а по четвертому масла; чого гди отецъ мой не исполнилъ, не для чого иного, тилько для власнихъ недостатковъ домашнихъ, теи онъ за тое узлившись, жалостію и плачемъ наполнилъ домъ нашъ, гди отца моего, семдесятное время въ совершеннихъ сідинахъ жизнь свою провождающою, приказалъ катамъ, слугамъ и братамъ своимъ, вложити въ тинъ шією на цвинтарі церковномъ, въ самую морозную и сніжную тогда заверуху, и потѣль зъ того незноснаго и ругательнаго вязенія не повелѣлъ отпустити, покѣль зъ служби Божой не вишли и покѣль всі люди, въ церкви бившіе, тому [хочай то било зъ ихъ жалемъ] не посміялися.

Послѣ того такъ тяжкаго и нестерпимаго безчестія, отцу моему престарѣлому учиненаго, тотъ же Геродовскій, альбо власній Христоненавистный Продъ ⁽¹⁾, третого, чпли четвертого дня, набігши цыяний и без-

---

⁽¹⁾ *Продъ* по-Польски *Геродъ*; слѣдовательно *Геродовскій* звучало въ слухъ тогдашняго Малороссіянина такъ, какъ бы сказать *Продовскій*. *Пр. изд.*

номъ и безумномъ видѣ, въ домъ отца моего и требоваль, чтобъ его потчевали венгерскимъ виномъ. Когда же отецъ мой не могъ исполнить этого требованія такъ какъ въ Острѣ венгерскаго вина не было, то онъ, на зло, началъ потчевать моего отца оковитою (вышей крѣпости) водкою и, наливъ серебрянную чарку, почти въ кварту мѣрою, велѣлъ выпить ее престарѣлому отцу моему за здоровье короля и Рѣчи Посполитой. Но, какъ отецъ мой не въ силахъ былъ этого сдѣлать, то онъ, будучи пьянъ, озлился и, для окончательнаго поруганія отца моего, отрѣзалъ ему цвѣтущую сѣдннами бороду, захвативъ и тѣла, а потомъ тяжелымъ и смертоноснымъ чекапомъ своимъ, безъ всякаго уваженія и жалости, далъ ему по плечамъ и по груди болѣе десяти ударовъ, отъ которыхъ отецъ мой, проживъ только шесть дней, переселился отъ сей жизни въ жизнь вѣчную, оставивъ насъ, дѣтей своихъ, въ горести и слезахъ, на всегдашнее сиротство.

Но Геродовскій, этотъ проклятый потомокъ Продова Христо-

розумий зъ подобною собі компанією въ домъ отца моего, потребоваль, аби его частовано виномъ венгерскимъ; а гди того отецъ мой не могъ исполнити за небытностью въ Острі вина венгерскаго, тѣди онъ на пеню началъ частовати отца моего горілкою своею оковитою (1) и, наливши оной чарку срібную, мало не въ кварту будучую, велѣлъ выпити всю старушкови отцу моему за здоровье королевское и Річи Посполитой. Того, гди отецъ мой не могъ учинити, тѣди онъ, пьянпій, за тое uzлившиєь, не тільки, на всеконечное поруганіє, отцу моему сідннами цвітушую, займаючи и тіла, урізалъ браду, мало къ тому зачепивши и горла, аlé и тяжкимъ нáдто и смертоноснимъ своїмъ обухомъ, безъ жáдного респекту и літости, по плéчахъ и грудяхъ кільконáдєсять сотворилъ ударовъ, отъ которыхъ отецъ мой большъ надъ шесть дней не поживши, мусилъ прєселитися во вѣчную жизнь отъ жизни сея, насъ, дїтей своїхъ, печальнихъ и плачевнихъ, всегдашєму а непрєстаємому вручивши сиротству.

Но и тимъ отца нашего убийствомъ онъ, Геродовскій, Продового

(2) Высшей крѣпости водка.

ненавистнаго племени, не удовлетворился такимъ злодѣйствомъ. На четвертый или на пятый день по погребеніи отца нашего, онъ взялъ изъ нашего дому насильно брата нашего на порошу, въ трескучіе и веспосные морозы, и, посадивъ его безъ сѣдла на свою водовозную клячу, далъ ему пару собакъ на сворѣ. Когда же выѣхали въ поле и началась охота, и когда поднято было нѣсколько зайцевъ, — подскочилъ къ моему брату одинъ служка и велѣлъ ему спустить со своры собакъ, которыхъ онъ держалъ, что, очевидно, сдѣлалъ по приказу своего господина. Геродовскій же, этотъ тиранъ и мучитель человѣческой, увидя моего брата безъ собакъ, наскочилъ на него и, спросивъ: гдѣ собаки? ударилъ безъ милосердія арапникомъ брата моего по головѣ, и въ это время арапникъ концомъ своимъ вышибъ ему глазъ.

Отъ этого тиранскаго и безчеловѣчнаго удара братъ мой, полумертвый, упалъ съ клячи Геродовскаго, который приказалъ еще служкамъ своимъ избить его немилосердно арапниками по всему тѣлу. Наконецъ, видя его мертвымъ и бездыханнымъ, взвалили

Христоненавистнаго племени проклятій потомокъ, не вконтентовавши-ся, — по погребеніи отца нашего, четвертого, или пятого дня взялъ гвалтомъ зъ дому брата моего на порошу, въ часъ тріскучихъ и неспо-сныхъ тогда морозовъ, и, всадивши его охляпъ на свою водовозную беробігу, далъ ему на смичі хортовъ пару. Выѣхавши зашь въ поле, гди роспу-стивъ мислѣвство и гди спужено несколько зайцовъ, въ тотъ часъ едепъ служка его, Геродовскаго, прибѣгши велѣлъ пустити брату моему зъ смича хортовъ, якіи били въ него: знатно, учинилъ тое по приказу пана своего. А Геродовскій, тиранъ и мордѣрца людскій, не увидѣвши хортовъ на смичі въ брата моего, наскочилъ на него конемъ и испитавши: где хорты? ударилъ, тиранскимъ замахомъ, канчукомъ по головѣ того брата моего, въ який часъ канчукъ концемъ своимъ и око вилушилъ оному.

Отъ котораго тиранскаго и безчеловѣчнаго удара гди братъ мой полумертвый зъ беробіги Геродовскаго упалъ на землю, тѣди онъ, Геродовскій, еще довольно служкамъ своимъ велѣлъ его канчуками по всімъ тілі немилостивне зранити, а наконецъ вмѣсто мертвого и бездушнота чело-

его брюхомъ на ту же клячу, какъ-будто мѣшокъ съ какой-нибудь пашнею, и Геродовскій велѣлъ одному изъ своихъ служекъ отвезти его къ нашему дому и бросить у воротъ, какъ негодный мертвый трупъ.

Увидѣла это многопечальная моя мать-старушка и, объята невыразимою болью сердечною, велѣла другимъ братьямъ и сестрамъ моимъ внести въ хату нашего брата, тирански избитаго, изуродованнаго и почти бездыханнаго, и съ трудомъ могли оттереть и привести въ прежнее состояніе замороженные руки и лицо его.

Послѣ этой тиранской чашы, изуродованный братъ мой едва черезъ нѣсколько недѣль началъ выздоравливать; но тутъ опять услышалъ отъ того жъ мучителя Геродовскаго разныя на себя похвалбы. Спасаясь отъ новыхъ бѣдствій и унося послѣднія свои силы, онъ прибылъ сюда, въ Запорожскую Сѣчь, еще больной, съ тиранскими знаками на своемъ тѣлѣ [кромѣ вышибеннаго глаза], и обо всемъ, что съ нимъ самимъ и съ покойнымъ отцомъ моимъ произошло и что тутъ описано, принесъ всему войску Запорожскому

віка, яко мѣхъ съ пашнею якою, зрѣнувши чѣревомъ на тую жъ бербігу свою, велѣлъ одному служкѣ своему отправадити до дому нашего и предъ воротами яко непотребнога и мертвого изринути трупа.

Що многопечальная и несказанною болізнюю объята старушка матка моя увидѣвши, другимъ братамъ и сестрамъ моимъ велѣла внести до хати того тиранско убитого и скаліченого и мало въ собѣ духа иміючого брата нашего и залѣдво отмороженние руки и тварь возмогли ему отвѣжити и до першої приспособити бѣтноети. По якої тиранской честі, залѣдво въ кѣлько недель тотъ окалічений братъ мой гди почалъ прихѣдити до здоровья, знову почувъ на себе отъ того жъ мордѣрці Геродовскаго проиходячие похвалки, которихъ уходячи и остатнюю частку здоровья своего уносючи, прибылъ тутъ до Січи Запорожской, еще хорій и знаки тиранские [кромѣ вибитого ока] на тілі своемъ иміющій, и о всемъ томъ, що ся зъ нимъ и пеобѣжникомъ отцемъ моимъ діяло и тутъ виражено, словесною, жалости и неутомимихъ слезъ полную, всему Войску Запорож-

словестную, жалости и неутолнимых слезъ полную реляцію. Узпавъ обо всемъ этомъ, не только мы, новопозбранный гетманъ, но и все войско Запорожское, подвинулись великою горестью и рѣшили единодушнымъ совѣтомъ выступить изъ коша (стану) Запорожскаго съ войскомъ на Украину Малороссійскую, для освобожденія, при помощи Божіей, васъ, народа нашего православнаго, отъ ярма, порабощенія и тиранскаго Ляшскаго мучительства и для отмщенія нанесенныхъ обидъ, разореній и мучительскихъ поруганій вамъ, нашей благородно рожденной братіи и всему простому народу Русскаго племени, живущему въ Малой Россіи, по обѣимъ сторонамъ Днѣпра.

Поэтому вы, братія наши, прочитавъ этотъ открытый листъ нашъ, взгляните на дѣло глазами вашего разума и разсудите: не законно ли мы съ войскомъ Запорожскимъ затѣваемъ войну противъ Ляховъ, непріятелей и враговъ нашихъ, и еще ли не вывели васъ изъ терѣвнїа ихъ непомѣрныя на постояяхъ у васъ выдумки, «окормы и напитки»? И неужели вамъ пріятно видѣть, какъ вашихъ отцовъ и матерей постоянно предають поруганію и безче-

---

скому учинилъ реляцію, которую не тѣлько ми, новообравшій гетманъ, лечь и все Войско Запорожское жалостію великою взрүшені будучи, постановилисмо згодною порадою и совітомъ рүшити зъ коша Запорожскаго зъ войскомъ на Украину Малороссійскую для видвигнення, при помощи Божой, васъ, народа нашего православнаго, отъ ярма, порабощенія и мучительства тиранскаго Ляховскаго и для отмщенія починенныхъ обидъ, разореній и мучительскихъ ругательствъ вамъ, браттї нашей шляхетне урожодой, и всему поспільству рода Русскаго, въ Малой Россіи, по обоіхъ сторонахъ Днѣпра, мешкаючому.

Ви прѣго, браття наше, вичитавши сеї отвѣрстїи листъ нашъ, обачте разума своего очима и уважте: если ми зъ войскомъ Запорожскимъ не слүшите затѣваемъ діло военное противъ Ляховъ, непріятелей и враговъ вашихъ, и если еще вамъ не допекли ихъ збїточнїи на консістенціяхъ вашихъ вимесли, окормы и напитки, и если вамъ мило видїти отцовъ и матерей своіхъ, всегда ругаемыхъ и безчестимыхъ, такъ-же бра-

стію, какъ вашихъ братьевъ, сестеръ и женъ тирански убиваютъ, окровавливаютъ и мучать, какъ ихъ на лдяныхъ ломкахъ, въ трескучіе морозы, погоняютъ и обливаютъ водою, какъ ихъ [чего не слыхано подь солнцемъ] запрягаютъ въ плугъ, будто воловъ, и какъ ихъ Христоненавистные Жиды, по Ляшскому приказанію, бичуютъ и погоняютъ, чтобъ они хорошо тащили плугъ п голый ледъ, безъ всякой пользы, для одного смѣха и ругательства, орали п чертили! Все это и многое другое [что п псьмомъ выразить стыдно и неприлично] происходило и нынѣ происходитъ въ городахъ и повѣтахъ вашихъ, кратко исчисленныхъ въ началѣ этого нашего универсала.

А что всего важнѣе, такъ это то, что эти непріатели наши, отступники п еретики Ляхи, стараются перемѣнить, привести къ Римскому заблужденію, обратитъ п насильно преклонитъ къ Уніи п самую хвалу Божию, которая совершается отъ начала крещенія Руси п, какъ солнце, сіяетъ въ Европѣ незыблемымъ благочестіемъ; п уже въ нѣкоторыхъ Украинскихъ городахъ есть знаки п свидѣтельства этого ихъ посягательства.

товъ, сестеръ п женъ, тиранско забиваемыхъ, роскривляемыхъ п мордуемыхъ, по ломкахъ ледовыхъ въ трескучій морози понуряемыхъ п обливаемыхъ, въ плугъ, аки воловъ [чего подь солнцемъ не слыхано] запрягаемыхъ, а чрезъ Жидовъ Христоненавистныхъ, по приказу ихъ Ляховскомъ, бичуемыхъ п поганяемыхъ, аби добре тягли п голый ледъ безпотребне, на едно посмівіско п ругание, орали п рисовали. Що все п множайшее [чего п выразити псьмомъ встидно п неприлично] діялося п теперь діється въ городахъ п повѣтахъ вашихъ, въ початку сего листа нашего коротко намененныхъ.

А що найбільша, же п хвала Божия, въ церквахъ православныхъ нашихъ Греко-Рускихъ отъ начала крещенія Руского отирауемая п, аки солнце, непозыблемимъ въ часті світа Европійского благочестіемъ сияющая, отъ тихъ же непріателей нашихъ, отщепенцовъ п черетиковъ Ляховъ, хоцетъ п условується премінити п до заблужденія Римского на унію обернути п гвалтовне преклонити; чого уже п нѣвнне по нѣкоторихъ городахъ Украинскихъ суть знаки п документа.

Итакъ вы, братія наши, благородно рожденные козаки, живущіе въ Малороссійской Украинѣ, по обѣимъ сторонамъ Днѣпра, со всѣмъ мѣщанскимъ и сельскимъ простымъ народомъ, уразумѣвъ и обсудивъ все то, что здѣсь кратко изображено, склонитесь вашими сердцами къ нашимъ сердцамъ и желаніями вашими къ нашимъ желаніямъ и, соединясь съ нами [когда мы прибудемъ въ Украину съ войскомъ Запорожскимъ], извольте начинать, въ полномъ вооруженіи, при всемогущей помощи Божіей, со всѣмъ усердіемъ, военное дѣло противъ Ляховъ, своихъ непріятелей. И для того, покажемъ мы прибудемъ въ Украину, извольте готовить и кормить коней своихъ, такъ-же добывать и устропвать доброе, исправное оружіе съ надлежащимъ къ нему запасомъ, то есть порохомъ и пулями, а такъ-же заготовляйте себѣ и съѣстные походные запасы. Ляшскихъ же льстивыхъ и лживыхъ писемъ и универсаловъ никакихъ не слушайте и имъ не вѣрьте, на ложные распускаемые ими въ народѣ слухи не обращайтесь вниманія, и плутовства ихъ не бойтесь. И пускай васъ не устрашаетъ Кумейская война войска Запорожскаго съ Ляхами въ прошломъ году;

А такъ вы, братія наша, шляхетніе урожонні козаки, по обоимъ сторонахъ ріки Днѣпра, на Украинѣ Малороссійской жиюччі, со всѣмъ мѣщанскимъ и сѣльскимъ посоловчимъ народомъ, все тое, що тутъ вкратці написалося, зрозумівши и уваживши, преклоніте сердца ваша до сердець нашихъ и желанія ваша до желаній нашихъ и, совокуинивши зъ нами [гди зъ Войскомъ Запорожскимъ на Украину прибудемъ], съ полнымъ оруженемъ, при всемогущей помощи Божой, извольте усердно противъ Ляховъ, непріятелей своїхъ, военное зачинати діло и промисль. Для чого, нѣмъ ми зъ войскомъ прибудемъ на Украину, извольте готовати и кормити коні свої, такъ-же пміти и припособляти доброе, исправное оружіе зъ належитимъ до него припасомъ, то есть порохомъ и кўлями, и харчъ собі походную потребную приспособляйте жъ. Жаднихъ тежъ Леховскихъ прелестнихъ и омѣнчливихъ писемъ и универсаловъ не слушайте и імъ не вірте, и відомостемъ їхъ лживимъ, въ народъ на устрашеніе его розсїваемимъ, ні мало не вірте, и плутовства їхъ не бойтесь. А ні Кумейская тогорочная войска Запорожскаго зъ Ляхами война нехай васъ не устра-

ибо они ложно и несправедливо разглашаютъ, что [дѣло невозможное] будто бы они подъ Кумейками поразили на голову войско Запорожское и устлали козацкими тѣлами дорогу на поль-мили. Еслибы это было такъ въ самомъ дѣлѣ, то съ кѣмъ бы послѣ этого Ляхи дѣлали договоръ и заключали миръ? развѣ съ мертвыми козацкими трупами? Или они то называютъ поражениемъ войска Запорожскаго, что [да и то произошло отъ несправности тогдашняго обознаго] отрѣзали часть козацкаго обоза съ тремя пушками? но въ людяхъ, благодаря Бога, мало нанесли вреда войску Запорожскому, ибо, по повѣркѣ того войска, оказалось убитыхъ товарищей семь-сотъ-девяносто-пять, а раненныхъ восемь-сотъ-пятнадцать. А что Ляхи говорятъ о дорогѣ, устланной на поль-мили козацкими тѣлами, то, видно, они — или хорошо не досмотрѣлись, будучи въ воинскомъ запалѣ, чьими тѣлами покрыта наиболѣе та дорога, или лгутъ умышленно и ту свою ложь повторяютъ и разсѣваютъ въ городахъ и селахъ, для устрашения всего народа. А мы вамъ истинно объявляемъ, что ихъ,

---

шаеть; бо они фальшиве и неправедно розголошаютъ тоє [щѣ рiчъ єсть неподобна], щѣ бѣдѣ тамъ, подъ Кумейками, на голову войска Запорожскаго поразили и на поль-мили шляхъ трупомъ козацкимъ устлали. Гди жъ еслиби такъ било, то съ кимъ би они, Ляхи, тогдi трактъ чинили и покой завирали? развi зъ мертвыми козацкими трупами? И хибѣ они, Ляхи, тоє описують за поражку на голову войска Запорожскаго, же [и то сталося за несправностю обознаго тогдашняго] часть обозу козацкаго зъ трома штуками армать урвали? а въ людехъ войска Запорожскаго мало зашкѣдили, благодаренiє Богу; бо, по ревизiи того войска Запорожскаго, явилосѣ забитихъ товариства сiмъ-сотъ-девѣять-десять-пѣять, а раннихъ осѣмъ-сотъ-пятнадцать. Щѣ тежъ трупомъ козацкимъ Ляхи на поль-мили устланiй именуують шляхъ, то, подобно, альбо не досмотрѣлисе добре, будучи въ военномъ тогда опалi, чимъ наибольшей тотъ шляхъ устланъ билъ трупомъ, альбо нарочно лгутъ и тую ложь свою въ городахъ и селахъ, для всенароднаго устрашенiя, произносятъ и розсiвають. А ми вамъ истѣтне оспаймѣемъ, же ихъ, Лаховъ, въ-десятеро больше отъ

Ляховъ, на томъ Кумейскомъ побойщѣ пало въ десять разъ больше противъ нашего, — какъ знатныхъ родовыхъ товарищей, такъ и ихъ служекъ. Ибо, черезъ пять, или черезъ шесть недѣль послѣ той войны, два знатныхъ товарища, а третій близкій служка гетманскаго писаря, Снѣжинскій, спасаясь отъ должнаго наказанія за нѣкоторое преступленіе, прибыли въ Сѣчь Запорожскую и не только принесли всему войску словесное извѣстіе, но и на бумагѣ подали перечисленіе павшаго Ляшскаго товарищества и служекъ. Тутъ-то и обнаружилось, что съ ихъ стороны было убито двѣнадцать-тысячь-двадцать человекъ, кромѣ немалого числа раненыхъ.

Поэтому, какъ выше сказано, не вѣрьте, ваша милость, братія наши, никакимъ таковымъ Ляшскимъ плевеламъ и стращаньямъ, и безъ всякаго сомнѣнія готовьтесь и снаряжайтесь къ соединенію съ нами, войскомъ Запорожскимъ, на войну противъ нихъ. Однакожь дѣлайте свои приготовленія тайно и невѣдомо, и читайте эти наши листы между собою подъ присягою, втайнѣ, среди людей добрыхъ, надежныхъ и желающихъ всякаго блага сво-

---

нашихъ на той Кумейской войнѣ пало трупомъ, значнаго рядового товариства и служекъ ихъ; поубавъ въ пять, чили въ шесть недѣль по войнѣ оной два товарищи значныхъ, а третій близкій служка писаря гетманскаго, Снѣжинскій, уходячи за свое певное преступство належитого каранья, прибыли до Сѣчи Запорожской и не тільки словесною всему войску учинили реляцію, але и на письмі подали взычисленіе побитого Ляховскаго товариства зъ служками, где показалося число палихъ труповъ дванадцать тысячъ и двадцать человекъ, кромѣ раннихъ, тожь числа немалого.

Прѣто, яко выше паченилося, не вѣрте ваша милость, браття наша, жаднимъ таковымъ Ляховскимъ плевелемъ и пострахамъ и безъ жадной востпливости готуйтеся и прибирайтеся въ совокупленіе зъ нами, войскомъ Запорожскимъ, на войну противъ ихъ. Однакъ тотъ приборъ свой чиніте скрито и невѣдомо, и сїі листи наші между собою вичитуйте подъ присягою, тайно, межъ людьми своїми добрими, поуфалими и всего до-

ему упадающему Малороссійскому отечеству. Козаковъ же реестровыхъ, выродковъ и отетунниковъ нашихъ, незаботящихся, ради собственной прибыли и частныхъ выгодъ, объ упадкѣ отечества, берегитесь и опасайтесь, какъ ядовитой ехидны; ибо, какъ только они объ этихъ листахъ и о намѣреніи войска Запорожскаго провѣдаютъ и извѣстятъ о томъ Ляховъ, лживыхъ пановъ своихъ, то наши военные интересы тотъ-часъ пострадаютъ въ своихъ успѣхахъ и придутъ [чего не дай Боже] къ вредному концу, а васъ постигнуть жестокія мученія отъ Ляховъ, на вопросахъ объ этихъ листахъ. Ибо и Кумейская война съ Ляхами, не по чему иному, какъ только по простотѣ и неосторожности братья нашей, живущей въ своихъ домахъ, навлекла, хотя и не великое, безчестіе и безславіе войску Запорожскому; такъ какъ подобные смѣли нашимъ листы тогдашняго гетмана Запорожскаго, пущенные въ Малороссійскій народъ, вскорѣ попали, мимо своего назначенія, въ руки реестровымъ козакамъ, а отъ нихъ Ляхамъ, и они, узнавъ ихъ содержаніе, постигли вполне, какъ предупредить угрожаю-

бра упадающей отчизні своей Малороссійской желающими. А козаковъ реестровыхъ, отродковъ и отщепенцовъ нашихъ, для власныхъ ихъ корнетей и приватъ своихъ, о упадкѣ отчизни недбающихъ, якъ ядовитой ехиды стережітєся и крийтеся; бо, скоро би тѣлько они о сіхъ листахъ и о намѣреніи Войска Запорожскаго провідали и Лехамъ, обманчивымъ панамъ своимъ, о томъ извѣстли, то заразъ би интереса наши военные мусили въ своихъ прогресахъ шванковати и до непомельнихъ [чего не дай Боже] скѣтковъ приходити; а вамъ би окрѣтние занеслися мордѣрства отъ Ляховъ, о сіхъ листахъ нашихъ допитуючихся. Гди жъ и Кумейская война зъ ними, Ляхами, отправленная не для чого иного, только для простоты и неосторожності братті нашей, въ домахъ своихъ жиючої, наволокла, хочай не великое, войску Запорожскому безчестіе и неславу, же листы тогдашняго гетмана Запорожскаго, въ народъ Малороссійскій посланіи, сімъ листамъ нашимъ подобіи, вскорі непазѣжне досталися рукамъ козаковъ реестровыхъ, а отъ ихъ Ляхамъ, которыхъ они силу зрозумѣвши, научилися совершенно, якъ запобігти наступаючому злу свое-

щю имъ бѣду и какъ сдѣлать отпоръ предпріятію войска Запорожскаго. И потому мы убѣдительно и горячо просимъ и совѣтуемъ вамъ приготовляться къ наступающей войнѣ, а отъ козаковъ реестровыхъ, враговъ своихъ и истинныхъ губителей нашего отечества, все то, что тутъ изложено, какъ отъ злой некры, беречься. Уповайте на милость Божию, покаравшую и помиловать насъ, грѣшныхъ, готовую. Чего всеусердно желая, надѣемся васъ, братіи нашихъ, вскорѣ видѣть и привѣтствовать на Украинѣ, здоровыхъ и радостныхъ.

Данъ изъ стана войска Низового Запорожскаго отъ Базавлука, отъ Рождества Господня 1638 года, марта 20.

Острянинъ, гетманъ войска Запорожскаго, рукою.

му и який учинити втрентъ импрезі войска Запорожскаго. И повторе тѣди шильно и горячо жадаемъ и совѣтуемъ до войны наступающей прибіратися, а козаковъ реестровихъ, недруговъ своихъ и згубцовъ отчизни нашої власнихъ, зъ тимъ всімъ, що ся тутъ виразило, яко некри злой, стерегтися. И уповайте несумінно на милость Божию, покаравшую и помиловати насъ, грѣшнихъ, готовую; чого всеусердно жичачи, желаемъ васъ, братью нашу, здоровихъ и радостныхъ, въ совокупленні зъ собою вскорі на Украині оглядати и витати.

Данъ зъ табору войска Низового Запорожскаго, отъ Базувлука, року отъ Рождества Христового 1638, марта 20.

Острянинъ, гетманъ войска Запорожскаго, рукою. (М. В. З.)

ЗАМѢЧАНІЯ М. А. ГРАБОВСКАГО.

НѢСКОЛЬКО ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫХЪ СЛОВЪ ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Представляя эти замѣчанія на судъ Русской публики, считаю нужнымъ сказать, что они были высказаны мнѣ г-мъ Грабовскимъ сперва изустно, послѣ совмѣстнаго нашего чтенія приложеннаго здѣсь универсала гетмана Остряницы. Взглядъ на него Поляка и католика заинтересовалъ живѣйшимъ образомъ потомка козацкаго. Между понятіями XVII и XIX вѣка большая разница; тѣмъ не менѣе, однакожь, каждый изъ насъ ведетъ преемство мысли и чувства отъ своихъ предшественниковъ. Вражда между двумя племенами кончилась; самыя причины вражды, въ глазахъ истинно просвѣщенныхъ людей, давно не существуютъ. Мы бесѣдуемъ теперь мирно о кровавыхъ дѣлахъ нашихъ предковъ, и единственное побужденіе нашихъ споровъ (если они иногда возникаютъ), есть желаніе уразумѣть истину. Чтобъ уразумѣть ее, мы должны терпѣливо и съ глубокимъ вниманіемъ выслушивать чужія мнѣнія, какъ бы они ни были противоположны нашимъ. Съ этой цѣлью помѣщаю, безъ всякихъ исключеній, сужденія Польскаго критика нашей старины, изложенныя имъ, по моей просьбѣ, на бумагахъ и переведенныя мною для Русскихъ читателей. Въ чемъ я съ нимъ не согласенъ, о томъ сказано ниже, въ особой статьѣ; а судить, кто изъ насъ ближе къ истинѣ, предоставляется просвѣщеннымъ людямъ обѣихъ пацій.

Документъ этотъ (говорить г. Грабовскій объ универсалѣ гетмана Острияницы) до сихъ поръ оставался вовсе неизвѣстнымъ. Онъ написанъ за десять лѣтъ до знаменитаго универсала Хмѣльницкаго, которому послужилъ образцомъ, будучи, въ свою очередь, составленъ по образцу прежнихъ прокламацій. Изъ него мы видимъ, что причиною народнаго возстанія въ Украинѣ, подъ предводительствомъ Острияницы, или лучше сказать — искрою вспышки козацкаго возмущенія, послужила частная обида, такъ точно какъ и въ великомъ возстаніи, которое поднялъ потомъ Хмѣльницкій. Тиранство, претерпѣнное отцомъ и братомъ гетмана Острияницы, изложено въ этомъ универсалѣ очень подробно и характеризуетъ тогдашнихъ Поляковъ и Малороссіянь. Дѣйствительно ли было поступлено съ Острияницами такъ безчеловѣчно? въ этомъ удостовѣряютъ насъ языкъ и подробности изложенія: все въ нихъ показываетъ, что лица и происшествія списаны съ натуры; не возможно подозрѣвать здѣсь какой-нибудь позднѣйшей поддѣлки. Но еслибы мы и усомнились въ его подлинности, то самый порядокъ вещей во времена Острияницы, извѣстный намъ изъ разнородныхъ источниковъ, заставилъ бы насъ признать его несомнѣннымъ. Буйство и безурядица военнаго сословія въ старой Польшѣ, къ несчастію, слишкомъ хорошо намъ памяты. Постои Польскихъ *жолнѣровъ* въ городахъ и селахъ сопровождался всегда величайшимъ самоуправствомъ, драками и угнетеніемъ жителей. Доказательства тому мы находимъ въ исторіи, въ судебныхъ актахъ и въ памятникахъ литературныхъ, а всего болѣе въ постоянныхъ званіяхъ войсковыхъ и гражданскихъ проповѣдниковъ, которые гремѣли противъ преступленій, увѣщевали жолнѣровъ образумиться, грозили Божескою карою, которая именно за то можетъ порази́ть все королевство, и изображали ее съ такой опредѣленностью, въ такихъ вѣрныхъ послѣдовавшихъ событіяхъ чертахъ, какъ будто исполнены были пророческаго духа. Подобныя обиды и притѣвленія военные люди дѣлали мирнымъ жителямъ по всей Польшѣ, а потому ничего нѣтъ удивительнаго, что на Украинѣ они распорядились точно такъ же, а можетъ быть, еще и хуже того.

Въ провинціи отдаленной, богатой и нѣсколько пустынной, населенной народомъ индлеменнымъ и индѣрнымъ, Польскій жолнѣръ, безъ сомнѣнія, становился еще наглѣе, нежели въ глубокой Польшѣ, а его насилія здѣсь тѣмъ сильнѣе ожесточали жителей, что сравнительно богатый, вольный и почетный въ своемъ обществѣ Украпонецъ переносилъ ихъ съ меньшимъ терпѣніемъ, нежели совершенно подавленный *пахлокъ* Польскій. Русинъ, поселившійся на *крулевщинѣ* (землѣ королевской, казенной), или живущій въ собственномъ хуторѣ, имѣвшій сына, или брата въ реестровомъ козацкомъ, или Запорожскомъ войскѣ и потому самому считавшій себя уже не простымъ человекомъ, но родовымъ козакомъ, *шляхетно* (благородно) *урожденнымъ*, или *хорошого роду*, какъ до сихъ поръ величаютъ себя пные изъ Малороссійскихъ простолюдиновъ, — смотрѣлъ на все оскорбленія, претерпѣнныя имъ отъ жолнѣра, или даже отъ начальника жолнѣровъ, какъ на оскорбленія отъ равнаго равному, какъ на вопіющую несправедливость, и сопротивлялся всякому наслію до тѣхъ поръ, пока видѣлъ какую-нибудь къ тому возможность. Съ своей стороны Польскій жолнѣръ, не признавая въ самомъ почетномъ и заслуженномъ козацѣ шляхетскаго достоинства, которымъ самъ онъ гордился, упорно стоялъ на томъ, что всякой козацъ есть *хлонъ* (мужикъ), называлъ предьявленіе съ его стороны правъ своихъ наглостью, оскорблялся, сердился и, если былъ въ душѣ негодаяй, или, какъ случалось чаще всего, пьяница и буняць, то позволялъ себѣ съ нимъ самыя низкія жестокости. Такъ именно поступилъ Геродовскій съ семействомъ Острианицы, и я тѣмъ менѣе расположенъ оспаривать возможность подобныхъ насилій и сумасбродствъ жолнѣрскихъ, что они всего болѣе объясняютъ мнѣ роковую вспышку вражды между Украйной и Польшей при Хмѣльницкомъ.

Въ универсалѣ своемъ, Острианица всего больше распространился о тяжести *консистенціи* Ляховъ, то есть постоевъ коронныхъ войскъ въ Украйнѣ. То же самое выражается въ оригинальныхъ современныхъ лѣтописяхъ, въ разныхъ другихъ памятни-

кахъ тогдашняго времени и въ народныхъ преданіяхъ. Но позднѣйшія, такъ называемыя ученые исторіи Польско-козацкихъ войнъ, не только Великорусскія и Малороссійскія, но и Польскія [которыя въ цѣлѣностяхъ и поверхностности не уступаютъ никакимъ другимъ], изображаютъ этотъ фактъ въ неясныхъ, сбивчивыхъ чертахъ и, рассказывая даже дѣйствительныя событія, придаютъ имъ иное значеніе. Говоря въ общихъ выраженіяхъ о Польскомъ угнѣ, о гнетущемъ господствѣ Поляковъ на Украинѣ, они наводятъ на мысль, что будто-бы Украину угнетало Польское правительство, или по крайней мѣрѣ владѣльцы Украинскихъ имѣній. Что касается до правительства, то смѣло можно сказать, что преднамѣренной идеи угнетенія Украины оно никогда не имѣло и имѣть не могло. Оставляя въ сторонѣ вопросъ: какъ надобно понимать самыя слова *Польское правительство*, когда говорится о политическомъ гнѣ, называвшемся Рѣчью Посполитою Польскою? скажу только, что — чѣмъ бы его ни воображали — оно смотрѣло на Украину, какъ на другія свои провинціи, и, не дѣлая никакой между ними разницы, поступало, относительно ея, на основаніи общаго всему королевству законоположенія. Что же касается до угнетенія народа отъ владѣльцевъ имѣній, то этого никакъ не слѣдуетъ представлять себѣ по современнымъ нашимъ понятіямъ объ угнетеніи. Все въ тѣ времена было иначе, нежели теперь въ Малороссіи. Украинскія деревушки находились тогда совершенно въ иныхъ гражданскихъ и экономическихъ отношеніяхъ къ своимъ владѣльцамъ, нежели нынѣшнія села къ помѣщикамъ. Сельское хозяйство, въ смыслѣ извлеченія разнообразныхъ доходовъ, далеко не достигло еще тогда современнаго намъ развитія; да и не для чего было тогда панамъ принуждать народъ къ тяжкимъ трудамъ, такъ какъ потребности ихъ — говоря вообще — ограничивались домашнимъ избыткомъ, а вкусъ въ одеждѣ и въ устройствѣ домовъ былъ очень постояненъ. Если кому угодно удостовѣриться въ этомъ изъ документовъ, то достаточно указать на инвентари XV и XVI столѣтій. Не утверждаю, чтобы и въ тѣ времена не было поводовъ къ жалобамъ, и къ жалобамъ справедли-

вымъ. Попадался конечно въ одномъ и въ другомъ мѣстѣ строгіи *дѣдичъ*; попадался любитель пноземной роскоши, обременявшій своихъ »подданныхъ« непомѣрными налогами за предоставленную имъ землю (1); попадался управитель, обиравшій и притѣсняявшій поселянъ; въ-слѣдъ за шляхтой, вторгались въ Украину Жиды, обманывавшіе мужика, указывавшіе шляхтичу источникъ доходовъ неправый, или для народа обременительный. Но все это не составляло еще того, что можно было бы назвать систематическимъ повсемѣстнымъ *угнетеніемъ*. Смѣю сказать утвердительно, что ни административнаго гнета, ни гнета, протекающаго изъ права владѣльческаго, при тогдашнемъ положеніи дѣлъ, быть не могло. Напротивъ, не слѣдовало бы забывать добра, которое сдѣлали Украинѣ Поляки. Литвины прогнали изъ этой страны Татаръ; Поляки эти безлюдныя пустыни почти вновь населили. Изъ несомнѣнныхъ мѣстныхъ документовъ можно удостовѣриться каждому, до какой степени онѣ были безлюдны въ близкое къ Гедимину время. Король Александръ, король Казимиръ Ягеллонъ жаловали иногда какому-нибудь князю, или рыцарю, здѣшнія земли въ границахъ отъ Синюхи до Тѣвпча и отъ Роси до устья Тѣсмина, и на нихъ всего только двоихъ, троихъ подданныхъ. Прошло сто, или полтора ста лѣтъ, и Украина дѣлается страной многолюдною. Самыя войны Хмѣльницкаго свидѣтельствуютъ о чрезвычайной ея населенности. Очевидно, что эти войны могли вспыхивать только въ то время, когда край находился въ цвѣтущемъ состояніи, когда онъ былъ богатъ, можно даже сказать свободенъ, и раздраженъ только такими единичными, или мѣстными обидами, о какихъ мы только-что говорили.

---

(1) Къ этому факту относится воспоминаніе козацкаго проповѣдника XVII вѣка, который говоритъ: »... що рокъ, що йнші (подати) змисляли и видирали, не пораховавшися зъ сумніиємъ: если его посадилъ на такомувмъ грунті и жеби мілз чимъ виплачовати таковие податки? А хочай-би грунть бувъ и найліпшии, хто паспорітъ на фѣхъ его Влоские? которий бързій приправляєтъ по-трави, ніжѣли князь Гданскій; которий ліпше хочеть цорку (дочь) свою устрійти (извести) и устроіти (нарядити), ніжѣли видівъ ве Влошекъ!« См. *Южнорусскія Лѣтописи*, изд. П. Бѣлозерскимъ, стр. 154.

Обиды эти всего больше происходили отъ жолнѣрскаго сумасбродства и самоуправства. Современные письменные памятники указываютъ на это самымъ выразительнымъ образомъ, и я ужъ сказалъ, что, въ моихъ глазахъ, ничто тому не противорѣчить. Необузданность жолнѣровъ, буйство шляхты и всеобщая страсть къ попойкамъ должны были дѣлать постои войскъ на Украинѣ очень тягостными; но, кромѣ наглости и грабительства, важную роль должно было играть здѣсь еще распутство постояльцевъ. Вспомнимъ думу о Бѣлоцерковскомъ мирѣ (1), въ которой *Ляхъ, мостівий панъ*, овладѣваетъ козацкою женою. Это вѣрная живопись съ натуры; и такихъ продѣлокъ, такихъ соблазновъ и насилій въ этомъ смыслѣ было, безъ сомнѣнія, слишкомъ много; а что могло больше этого раздражать Украинцевъ? Въ другихъ частяхъ королевства подобныя оскорбленія со стороны военныхъ людей, наносимыя безоружному обывателю, сносились терпѣливо, или по крайней мѣрѣ оставались безъ кровавыхъ послѣдствій. Но Украина не была страной безоружною, и виновные неизбежно подвергались здѣсь скорому и вѣрному мщенію. Украинскій народъ имѣлъ свое родное войско — на Запорожьи. Каждая претерпѣнная имъ обида отзывалась въ сердцахъ Запорожскихъ *брѣтчиковъ*; каждая справедливая, или преувеличенная жалоба, достигнувъ Низовыхъ степей и луговъ, принималась тамъ съ вѣрою и возбуждала негодованіе. Все мы давно ужъ знаемъ, что Запорожье поднялось по случаю частныхъ обидъ, нанесенныхъ Хмѣльницкому Польскими урядниками. Теперь универсалъ Остряницы представляетъ намъ новый и убѣдительный примѣръ, какъ частное тиранство какого-то буяна Геродовека навлекло мщеніе стѣнныхъ рыцарей на всю Рѣчь Посполитую. Умы были раздражены жолнѣрами и другими буйными лицами. Украинцамъ казалось, что и подъ солнцемъ не было другой страны, въ которой бы совершались подобныя жестокости. Не доставало только отважныхъ предводителей для возстанія, и лишь только являлся

(1) См. т. I, стр. 51, «Записокъ о Южн. Руси».

между ними человекъ надежный и рѣшительный, возстаніе вспыхивало, какъ порохъ отъ искры.

Но перейдемъ къ дальнѣйшимъ изысканіямъ дѣйствительныхъ поводовъ къ разрыву между Южною Русью и Рѣчью Посполитою. Кромѣ Запорожцевъ, въ Украинѣ существовало другое народное, почти регулярное войско: *козаки реестровые*, или иначе — *городовые козаки*. Вспомнимъ, что Остряница говоритъ о нихъ, какъ объ отступникахъ родины, которые, ради частныхъ корыстныхъ видовъ своихъ, потакаютъ Ляхамъ въ притѣсненіи соотечественниковъ. Возбуждая Украину къ возстанію, онъ не дѣлаетъ и попытки къ возмущенію реестровыхъ козаковъ. Они стояли еще крѣпко за Поляковъ. Хмѣльницкій сумѣлъ поколебать ихъ убѣжденія, и этимъ объясняется неудача одного и торжество другого; но изъ этого такъ-же видно, что реестровые козаки не могли долго оставаться на сторонѣ Поляковъ: поворотъ ихъ противъ Поляковъ былъ, можно сказать, неизбѣженъ. Стефанъ Баторій создалъ, или по крайней мѣрѣ организовалъ козацкое войско. Все его за то хвалили, и справедливо; ибо велика была мысль — защитить боевымъ народомъ восточныя границы государства: но исполненіе этой мысли, вмѣстѣ съ пользою, вело и къ великой опасности. Въ наше время гражданскаго порядка и спокойствія можно устронять, не опасаясь вредныхъ послѣдствій, военныя поселенія, какъ въ Россіи, и пограничныя полки, какъ въ Австріи; но въ тѣ времена порядокъ вещей былъ иной. Всюду, и особливо у козаковъ, духъ былъ еще неукрощенъ и бурливъ. Козаки образовались изъ самовольныхъ наѣздивовъ на бусурманскія земли и, будучи призваны правительствомъ къ отраженію невѣрныхъ отъ Польскихъ границъ, считали себя посвященными на вѣчную войну съ Татарами и Турками, на войну вездѣ и во всякое время. Поэтому, въ случаѣ войны, ничего не было для Поляковъ полезнѣе этого ополченія; но оно было для нихъ крайне неудобно и тягостно во время мира съ сосѣдями, и именно съ Турціею. А надобно помнить, что тогдашняя Турція была не то, что она теперь, и великимъ было безразсудствомъ задѣвать ее

Польшѣ безъ причины, или въ неблагопріятную пору. Вспомнимъ, что все Христіанство трепетало тогда предъ полумѣсяцемъ и что оны держалъ въ постоянномъ страхѣ не только Вѣну, но едва ли и не всю Италію. Польша, передовое укрѣпленіе Христіанства, должна была стоять на своемъ постѣ съ сердцемъ безстрашнымъ, но и съ напряженнымъ вниманіемъ; и потому козацкое *лицѣрство* не одинъ разъ приводило Рѣчь Посполитую въ большое затрудненіе. Отважное *отамѣнье* и беззаботное *товарѣство* помышляло только о томъ, чтобы разгуливать въ степи и разносить по всему свѣту козацкую славу, а весь Польскій народъ долженъ былъ отвѣчать за это. Козацкіе набѣги сухимъ путемъ, или водою доставлявшіе козакамъ добычу и потѣху, а бандурпестамъ новые предметы для думъ, вызывали взаимное вторженіе въ Польскія земли Татарскихъ ордъ, или влекли за собою настоящую войну съ Оттоманскою Портою. Правительство принуждено было, поэтому, умѣрять военный жаръ козаковъ и принимать мѣры, чтобы корпорація, созданная Баторіемъ для обороны государства, не обратилась на его нагубу; а эти мѣры казались козакамъ произвольнымъ гоненіемъ. Степные рыцари не вдавались въ политическія разсужденія и не понимали, или не хотѣли понимать, поступковъ Польскаго правительства. Они не обвиняясь называли эти поступки нарушеніемъ своихъ правъ, обидами и угнетеніемъ. Весьма естественно, что назначаемые Поляками гетманы и полковники изъ шляхты обращались съ козаками черезъ-чуръ строго, самовластно, надменно [на это есть жалобы въ современныхъ пѣмятникахъ]; но то были уже случайности, отъ правительства независѣвшія. Люди во всякое, самое святое дѣло вносятъ свои страсти и недостатки. Лишь только начались столкновенія между собою противоположныхъ стремленій и намѣреній, лишь только дошло до необходимости обуздывать и ограничивать свободу козаковъ, что они объявляли себѣ только правомъ сильного; то и взаимныя между обѣими сторонами отношенія естественно дѣлались всё болѣе и болѣе непріязненными; а дѣйствующія лица съ обѣихъ сторонъ, пустивъ въ ходъ свои личныя по-

бужденія и чувства, довели ту и другую сторону до послѣдняго ожесточенія.

Итакъ, во времена Острияницы, козацкое войско было недовольно правительствомъ, а народъ сносилъ съ величайшимъ негодованіемъ постои Польскихъ хоругвей въ городахъ и селахъ Украинскихъ. Вообразивъ себя въ положеніи тогдашняго козачества и народа, мы вполнѣ поймемъ, что они легко могли возстать противъ Польши; но мы обязаны имѣть такое же сочувствіе и къ другой сторонѣ, мы обязаны уразумѣть побужденія Польскаго правительства и не взводить на него преступленій, которыхъ оно не дѣлало. Обратимъ здѣсь вниманіе на одно весьма важное обстоятельство, которое наши историки упускаютъ изъ виду : почему знаменитые Южно-Русскіе патріоты, какъ Острожскій, Вишневецкій, Кисель, и вообще все дворянство Южной Руси, дворянство большею частью родовое Русское и православное, или «благочестивое», держали сторону Поляковъ? Что ни говори, а Украинскія смуты были не что иное, какъ войсковые бунты, мятежи черни, домашняя война. Неужели между Украиной и Польшей не было никакой разумной внутренней связи? Провидѣніе не отдѣлило родовъ другъ отъ друга опредѣленными границами, и гдѣ та земля, на которую кто-нибудь предъявить въ наше время *право перваго займа*? Видно, для самого счастья людей, необходимо имъ существовать въ связяхъ политическихъ и въ связяхъ одного рода съ другимъ; и, такъ какъ мы признаемъ за другими политическими системами право держать въ соединеніи разноплеменные части государства, то надобно признать и право господства Польши надъ Украиной. Это господство не было ни у кого похищено, ни отнято силою — развѣ только у Татаръ. Обладаніе Южною Русью было со стороны Польши не завоеваніемъ, не порабощеніемъ, а, напротивъ, *освобожденіемъ* этой земли. Отнятыя у Азіятскихъ дикарей и очищенныя отъ нихъ пустыни Поляки мало-помалу населили, упрочивъ безопасность Руспей, оставшихся на своихъ пепелищахъ, въ лѣсахъ, болотахъ и байракахъ, и заохотивъ разбѣжавшихся въ другія земли возвратиться на родину. Да-

же первоначальный раздѣлъ поземельной собственности, сопровождаемый въ другихъ странахъ (напримѣръ въ Англіи) вопіющею несправедливостію, здѣсь не былъ запечатлѣнъ ничьей потерей; ибо кто владѣлъ имѣніями въ Украйнѣ? князя *Южно-Русскіе*, дворянство *Южно-Русское*, возвратившіеся изъ скранныхъ и отдаленныхъ мѣстъ, куда загнали ихъ Татары. Если же владѣли Поляки, то имъ доставалась отъ Литовскихъ князей и Польскихъ королей, естественныхъ господъ безлюдныхъ пустынь, земли *незаселенныя*, и доставалась не иначе, какъ съ опредѣлительно выраженной [и въ-послѣдствіи выполненною] обязанностію *заселить* ихъ. Противъ этого сказать нечего, ибо доказательства на лицо, хотя Великорусскіе, Малороссійскіе и вѣчно паравнѣ съ ними Польскіе историки, въ своихъ сочиненіяхъ, представляютъ Польскую шляхту какими-то бродягами. Все они описываютъ съ какимъ-то восхищеніемъ изгнаніе Ляховъ изъ Украйны, какъ-будто Украйны въ самомъ дѣлѣ прогнали прочь чужеземцевъ и отняли у нихъ то, что еще вчера принадлежало имъ самимъ, тогда какъ на дѣлѣ выходитъ, что поднятая козаками въ возстанію чернь, въ-слѣдъ за ненавидимыми ей жолібрами, прогнала и своихъ родовыхъ пановъ, и что она грабила и отнимала у нихъ ихъ несомнѣнную собственность. Въ ея глазахъ, *Ляхами*, *Недолжками* и *ополчившимися панами* были не только военные люди Рѣчи Посполитой, не только необузданные своевольники и буяны, но и все тѣ, кто желалъ порядка и спокойствія и у кого было что заграбить. Естественно послѣ этого, что вся Польская шляхта воспламенилась мщеніемъ за своихъ обратій изъ Южно-Русскихъ провинцій и что Вишневецкіе и Кнѣзли называли войско Хмѣльницкаго взбунтовавшимися мужиками. Я не вступаю ни сколько за лица, надъ которыми разразилась буря народнаго возстанія, но, изъ уваженія къ исторической истинѣ, желалъ бы установить какія-нибудь общія оправданія и обвиненія, какъ одной, такъ и другой стороны. При тогдашнемъ порядкѣ вещей, разрывъ между Польшею и Южной Русію былъ неизбѣженъ; понесенныя, или, лучше сказать, почувствованныя козаками обиды, вмѣстѣ съ дру-

гимн, возбужденными въ нихъ до энтузіазма, страстями, должны были произвести возстаніе; но какъ козаки не обличили Поляковъ въ посягательствѣ на дѣйствительныя права свои, такъ точно не признавали за ними никакихъ правъ и заслугъ относительно своей родины. Мы должны стоять выше козацкой логики и видѣть въ представителяхъ Польско-Русскаго дворянства людей, по крайней мѣрѣ съ такою же долею врожденной правдивости и здраваго смысла, какую приписывали себѣ козаки.

Къ сожалѣнію, Польско-Украинская исторія до сихъ поръ не отличается ни безпристрастіемъ, ни точнымъ знаніемъ трактуемаго предмета. Я ужъ сказалъ, что господство Польши надъ Україной было справедливымъ; теперь прибавлю — чего никто до меня не пропозносилъ — что оно было *благотворнымъ*. Это новое мнѣніе не требуетъ новыхъ доказательствъ. Состояніе Украины до Хмѣльницкаго, ея населенность и богатство говорятъ о томъ слишкомъ убѣдительно. Политическое господство всегда чѣмъ-нибудь оправдывается, но чего ничто и никогда не оправдываетъ, такъ это посягательство на какую бы то ни было народность, на какія бы то ни было обычаи, языкъ и внутреннюю жизнь народа. Смѣло можно сказать, что Поляки не дали никакого повода обвинять себя въ такомъ посягательствѣ. Польскіе законы извѣстны и доступны каждому: никто не найдетъ въ нихъ никакого, даже и отдаленнаго намѣренія подавить Южно-Русскую народность. Духъ подавленія другой народности былъ чуждъ Полякамъ; напротивъ, единственную силу политической системы соединенія разноплеменныхъ провинцій составлялъ у нихъ духъ терпимости и какой-то великодушной гордости, которая не только не позволяла имъ отнимать у кого-нибудь что-нибудь, но заставляла еще придавать что-нибудь отъ себя, и это всего яснѣе выражается въ добровольномъ соединеніи Литвы съ Польшею. Вліяніе Поляковъ на первоначальное образованіе Запорожскаго братства [на что есть много указаній] и устройство потомъ козацкаго ополченія [фактъ, давно ужъ признанный исторіею] доказываютъ, что Поляки даже слишкомъ неблагоприятно были спокойны на счетъ развитія самостоя-

тельной Украинской народности. А Малороссійскіе этнографы могли бы представить и другія доказательства. Они безпрестанно открываютъ прекраснѣйшія проявленія Южно-Русскаго духа въ народныхъ понятіяхъ, въ пѣсняхъ и обычаяхъ, хотя и смѣшанныя съ *Польщизною*, но такъ мирно, такъ гармонически, что эти проявленія почти столь же дороги для Поляка, какъ и для Малороссіянина. Такое развитіе духовной жизни въ Южной Руси не иначе могло совершиться, какъ подъ вліяніемъ любви и свободы.

Итакъ не правительство Польское виновато въ ожесточеніи Украинцевъ противъ Поляковъ и въ разрывѣ между двумя народами. Первымъ поводомъ къ тому было безчинство жоліѣровъ; но уничтожить этого безчинства не было въ то время никакой возможности: оно было такимъ же бѣдствіемъ во внутреннихъ провинціяхъ королевства, какъ и на пограничьяхъ. Вторымъ — были строгія мѣры къ обузданію козаковъ; но правительство было вынуждено къ нимъ политическою необходимостью. Раздраженный тѣмъ и другимъ, Украинскій народъ видѣлъ со стороны правительства притѣненіе и насиліе во всемъ, что отъ него ни исходило. Такое именно значеніе придавъ онъ и его желанію соединить Южно-Русскую Церковь съ Римскою. Эту несчастную *uniю* предали проклятію и Малороссіяне, и большая часть писателей Польскихъ; но она требуетъ еще внимательнаго и безпристрастнаго и разсмотрѣнія. Я не могу здѣсь о ней распространиться, ради одной важности и обширности предмета; скажу только одно: что задачею униі было *устройство іерархіи*, а не *перелыпа въроисповѣданія*. Но, принятая въ послѣднемъ смыслѣ, она сдѣлалась оскорбительна и ненавистна для народа, и какъ она появилась въ самую пору несогласія убѣжденій и раздраженія страстей, то естественно доставила новое, сильное побужденіе къ разрыву между Поляками и Русинами. Она служила знаменемъ, которое каждый козацкій предводитель выставлялъ передъ народомъ, чтобы освятить въ его понятіяхъ предприняемое возстаніе. Самъ Остряница, въ возмутительномъ своемъ универсалѣ, упоминаетъ о ней въ общихъ выраженіяхъ, не приводя никакихъ фактовъ, ко-

торые бы, въ глазахъ народа, были такими вопіющими событіями, какъ тиранство Городовскаго, или ему подобныхъ пьяницъ и негодяевъ надъ козацкимъ семействомъ; а между тѣмъ говорить, что это самое нестерпимое притѣсненіе со стороны отступниковъ, еретиковъ и непріятелей народныхъ, Ляховъ. (1)

Вотъ нѣсколько мыслей о Польско-Украинской старинѣ нашей, возникнувшихъ у меня по прочтеніи универсала Острианицы. Онѣ давно уже образовались въ умѣ моемъ изъ другихъ историческихъ источниковъ; открытіе этого новаго для всѣхъ насъ документа только ихъ подтвердило.

---

(1) «А щò *найбольша* (а что всего важнѣе), же и хвала Божія въ церквахъ православныхъ нашихъ.... отъ сіхъ же непріятелей нашихъ, отщепенцовъ и еретиковъ Ляховъ, хочеть и усиловуется премінити и до заблужденія Римского на унію обернути и гвалтовне преклонити; чого уже и певние по нѣкоторыхъ городахъ Украинскихъ суть знаки и документа.»

ЗАМѢЧАНІЯ ИЗДАТЕЛЯ.

Польскій критикъ нашего прошедшаго имѣеть, въ моихъ глазахъ, особенный интересъ въ томъ отношеніи, что онъ стоитъ виѣ нашего круга понятій и дошелъ до уразумѣнія исторической истины путемъ, противоположнымъ нашему. Все, что онъ говоритъ о Польско-Украинской старшѣ, освѣщаетъ для насъ — или по крайней мѣрѣ для пишущаго эти строки — давно исчезнувшую жизнь съ новой стороны и чрезъ то даетъ намъ возможность взглянуть на нее съ свѣжимъ, оживленнымъ вниманіемъ. Но, взглядывшись въ совокупность явленій Польско-Украинской исторіи, мы увидимъ, что, излагая свои мысли, почтенный авторъ содержалъ въ умѣ своемъ не все условія общественной жизни Рѣчи Посполитой въ XVII вѣкѣ. Отъ-того раздраженіе умовъ Украинскаго простоародья противъ всего шляхетскаго, при богатствѣ края, при сравнительной незначительности работъ на помѣщика, не вполнѣ еще для насъ понятно. Отъ-того и самъ г. Грабовскій впадаетъ въ односторонность и преувеличеніе, говоря, что «для Убранцевъ *Ляхами, Недолѣшками* и *ополячившимися панами* были все тѣ, кто желалъ порядка и спокойствія и у кого было что заграбить.»

Въ концѣ второй статьи этого тома «Записокъ о Южной Руси» (стр. 139—141) я высказалъ мысль о правѣ сильнаго, господствовавшего въ Польнѣ повсемѣстно, принятомъ и какъ-бы законнымъ повсемѣстно, и о равнодушномъ презрѣніи, съ которымъ смотрѣли Поляки на положеніе чернорабочаго сословія въ государствѣ и на его будущность. Норпячая жолитѣрское самоуправ-

ство и безнаказанность шляхетскаго буйства, г. Грабовскій этимъ самымъ соглашается съ мнѣмъ мнѣніемъ о внутреннемъ порядкѣ дѣлъ въ старой Польшѣ. Онъ можетъ возразить, что шляхта была слишкомъ горда въ своей массѣ и не позволяла проявляться въ отношеніи къ себѣ праву сильного. Такъ, оно было сдерживаемо общественнымъ мнѣніемъ и готовностью каждаго обнажить саблю за нарушеніе шляхетскихъ правъ; но сама же шляхта, служба, по заведенному некогда обычаю, при дворахъ богатыхъ и знатныхъ собратій своихъ, помогала имъ приводить въ исполненіе самыя волюнція посягательства на имущество сосѣдей, на мѣста, заслуженныя другими, и на самыя опредѣленія сеймовъ и сеймовъ. Гордясь своимъ, шляхетскимъ равенствомъ съ могущественнѣйшими магнатами въ государствѣ, она допускала ихъ захватывать въ свои руки обширнѣйшія помѣстья, на правахъ наследственныхъ староствъ и потомственныхъ пожалованій со стороны управляемаго ими короля. Духъ магнатской гордости сообщался тѣмъ, которые, будучи сами важными сановниками, служили у нихъ *при дворахъ* маршалками, кравчимъ и т. п. Каждый въ своемъ домѣ и въ своемъ кругу былъ тотъ же магнатъ въ отношеніи къ своимъ клиентамъ, презрительно-вельмодушный и повелительно-благосклонный; каждый держалъ открытый столъ для званныхъ и незванныхъ гостей, давалъ средства къ обогащенію болѣе мелкой шляхтѣ и готовъ былъ поднять домашнюю войну съ сосѣдомъ пзъ-за малѣйшей неуступчивости въ дѣлѣ, или словѣ. Такая іерархія слугъ, которые преклонялись передъ надменными своими покровителями, льстили имъ и объѣдали ихъ, іерархія враговъ каждаго, кто осмѣлился посмотреть косо на *папа*, не имѣя на то іерархическаго права, исходила до послѣдняго прислужника, носившаго при боку шляхетскую саблю (¹), и наконецъ ушпалась въ пародъ, чуждый шляхетскихъ предразсудковъ, но тѣмъ не менѣе

(¹) Въ «Pamiętnikach Domowych», изданныхъ М. Грабовскимъ, старосвѣтскій шляхтичъ Борейко говоритъ: «Надобно отдать справедливость папамъ, что они окружали себя только шляхтою, отъ самой высшей до самой низшей комнатной прислуги.» (Стр. 50.)

Хмѣльницкаго, изъ рабскаго общественнаго состоянія, отдѣлясь отъ собственнаго дворянства, то есть лишась сословія просвѣщеннаго, знакомаго съ администраціей и политикой, въ тотъ же самый моментъ образовалъ у себя своеобразное правительство, съ судопроизводствомъ и расправою на всѣхъ пунктахъ земли Южно-Русской, съ почтовымъ сообщеніемъ для разсылки административныхъ распоряженій, съ *громадскими мужами* въ каждомъ самомъ малолюдномъ селѣ, съ представителями сословіи для рѣшенія важныхъ общественныхъ дѣлъ и съ верховнымъ трибуналомъ, котораго президентомъ былъ избирательный гетманъ, ограниченный голосами генеральныхъ старшинъ. Какъ бы мы ни объясняли себѣ это необыкновенное перерожденіе бунтливыхъ рабовъ въ единомысленное гражданское общество, но оно показываетъ присутствіе въ Малороссійскомъ народѣ высшихъ гражданскихъ понятій. И такой народъ отдѣленъ былъ въ Рѣчи Посполитой отъ шляхетской касты непреодолимою преградой общественного убѣжденія, названъ мужиками, обреченъ на услуги праздному, пьяному и драчливому сословію! Конечно, въ тотъ вѣкъ мудрено было понимать вещи, объяснившіяся для насъ многими событіями вѣковъ послѣдовавшихъ; тѣмъ не менѣе, однакожь, причина великаго историческаго явленія существовала, и наконецъ обнаруживается для нашего разумѣнія. Итакъ, соглашаясь во многомъ съ почтеннымъ авторомъ замѣчаній на универсалъ Острияницы, прибавляю къ нимъ отъ себя: что въ Украинскомъ простонародьи, откуда бы ни воротилось оно въ опустошенную Татарами Южную Русь, изъ какихъ бы остатковъ стараго населенія и при какихъ бы благопріятныхъ вліяніяхъ оно ни размножилось, — въ необыкновенной степени было развито сознаніе своей человѣчности, — что шляхетное устройство Рѣчи Посполитой діаметрально противорѣчило этому сознанію, и что тѣ причины возстанія, которыя такъ осязательно выставлены г. Грабовскимъ въ его статьѣ, были только случайными побужденіями къ проявленію этого сознанія. Двѣ совершенно противоположныя національности столкнулись на почвѣ, занятой Польскою полити-

ческою спетеюю, и, исполнивъ предназначенное имъ свыше обоюдное дѣло на пользу челоуѣчества, доказали наконецъ другъ другу, кажется, слишкомъ ясно свою несомѣстность. И потому да будетъ миръ костямъ Острожскихъ, Вишневецкихъ и Клебелей, которые у Поляковъ прослыли *Русскими патриотами* и о которыхъ современныя лѣтописи наши говорятъ, что они *плакали по своимъ имльнямъ на Украйну!* Они принесли свою пользу въ общей дѣятельности Рѣчи Посполитой Польской, а ихъ заблужденія, вмѣстѣ съ заблужденіями цѣлаго сословія, къ которому они принадлежали, способствовали первому послѣ Татарщины и — какъ мы вѣруемъ — не напрасному шагу Русскаго племени къ истинному самосознанію и самодѣятельности.

П Р И Л О Ж Е Н І Я .

КЪ СТАТЬЕ : »О ВЗАИМНОМЪ ОЖЕСТОЧЕНІИ ПОЛЯКОВЪ И
МАЛОРОССІЯНЪ ВЪ ХVН ВѢКѢ«.

Примѣчаніе. За составленіе этихъ оправдательныхъ статей обязанъ я благодарностью извѣстному Польскому археологу Э. О. Рушковскому.

Къ стр. 309. *Доказательства тому мы находимъ въ исторіи, въ судебныхъ актахъ, и проч.*

Дѣйствительно въ судебныхъ жалобахъ, въ современныхъ литературныхъ памятникѣхъ и въ рѣчахъ войсковыхъ проповѣдниковъ встрѣчается безконечное множество случаевъ, изъ которыхъ видно, какія притѣсенія, наслія и самоуправства терпѣли Украинцы отъ своихъ военныхъ постояльцевъ. Приведемъ нѣсколько фактовъ изъ юридическихъ документовъ. Передъ возстаніемъ Хмѣльницкаго, послѣ только-что подавленныхъ возмущеній Павлюка, Скидана и Острияницы, кварцяное войско расположилось квартирами по Украинѣ, съ цѣлью обуздывать своевольство козаковъ. Въ судебныхъ актахъ сохранились слѣды неоднократныхъ буйствъ и обременительныхъ для народа требованій, которыя позволяли себѣ эти постояльцы въ окрестностяхъ Черкасъ и Звенигородки. Но кромѣ кварцянаго войска, въ Кіевскомъ воеводствѣ квартировали наемныя роты (*zaciężne roty*) Самуила Лаща, стражника короннаго, которыя дѣлали еще несравненно больше самоуправствъ и наслій. Роты эти составлялись изъ разнообразнаго сброду Нѣмцевъ, Волоховъ, Татаръ и даже Волошскихъ Цыганъ и извѣстны были подъ общимъ названіемъ *Лащовчиковъ*. Они такъ-же производили неслыханныя безчинства и драки по

всему краю. Отряды этого нестройнаго войска безпрестанно разѣзжали по Украйнѣ, и каждый порознь грабилъ вездѣ, гдѣ могъ. Села, въ которыя являлись эти разбойники, дѣлались жертвою самыхъ возмутительныхъ притѣсненій, и судебные акты того времени наполнены жалобами на ихъ самовластіе. Что касается до самого Самуила Лаща, то онъ не только не обуздывалъ этихъ злодѣевъ, напротивъ, явно потакалъ имъ и подавалъ примѣръ собою. Это былъ извѣстный бандитъ своего времени, который кутилъ и разбойничалъ на-пропалую, пренебрегши всѣ гражданскія права и подавивъ въ себѣ всякій стыдъ передъ людьми. Онъ набѣзжалъ съ своей толпою на помѣщичьи села, прогонялъ владѣльцевъ и присваивалъ себѣ ихъ имущество. Такимъ образомъ онъ овладѣлъ большою частью мелкихъ имѣній въ Кіевскомъ повѣтѣ, а съ управителями людей сильныхъ, какъ-то: князей Вишневецкихъ, Корецкаго и Кіевского воеводы Тишкевича, велъ постоянную войну, насылая набѣзды на ихъ имѣнія, граба и разоряя все, что попадало подъ руку его шайкамъ. Мало того: онъ не щадилъ даже личности своихъ жертвъ: кто ему противился, того онъ всячески мучилъ, обрѣзывалъ уши и носы, а женъ и дочерей шляхетскихъ похищалъ насильно и выдавалъ замужъ за своихъ подручниковъ. 236 разъ былъ онъ провозглашенъ бандитомъ и 37 разъ осужденъ на лишеніе правъ состоянія; но, не смотря на то, титудовался стражникомъ короннымъ и удерживалъ за собою болѣе десяти лѣтъ старѣства Капневское и Звенигородское, единственно потому, что его любилъ и покровительствовалъ гетманъ коронный Конецпольскій. Можно послѣ этого судить, какъ беззащитны были поселяне противъ насилій Лащовчиковъ. Современникъ Ерличъ, въ своей лѣтописи (*Latopisiec, albo Kroniczka, str. 50*), говоритъ, что народъ пересталъ ѣздить по дорогѣ въ Кіевъ, изъ страха нападений и грабежа со стороны этихъ злодѣевъ и что она заросла травою и исчезла въ пустыхъ поляхъ. Изъ судебныхъ документовъ того времени мы видимъ такъ-же, что Самуилъ Лащъ въ 1644 году высылалъ наемныя роты изъ своего Звенигородскаго старѣства въ Бѣлоцерковщину, на грабежъ тамошнихъ мѣщанъ. Въ 1646 году какой-то Шиндеравскій, ротмистръ Самуила Лаща, идучи съ его хоругвью въ Звенигородское старѣство и останавливаясь ночевать въ Бѣлоцерковскомъ селѣ Шкаравкѣ, ограбилъ тамошняго попа и велѣлъ обрить ему бороду. Одно это злодѣйство частнаго лица, совершенное, безъ сомнѣнія, въ пьяномъ видѣ, недостойнѣйшимъ представителемъ правительственной власти

въ Украинѣ, за годъ до возстанія Хмѣльницкаго, способно было возмутить противъ Поляковъ цѣлый околотокъ, который видѣлъ въ немъ посягательство на вѣру благочестивую и непростительное святотатство со стороны католиковъ, тогда какъ обиды, претерпѣнныя католическою шляхтою отъ Лаща, оставались незамѣченными пародомъ, да и самими лѣтописцами Малороссійскими. Возьмемъ бумаги нѣсколько старѣе. Въ 1633 году мѣщане Сквирскіе жаловались на хоругвь Лаща, которая выбрала рыбу изъ ихъ прудовъ. Въ 1630 году панъ Немиричъ жаловался на пана Лаща, что его хоругвь брала съ мужиковъ въ Ивницѣ, безъ всякаго права, поборъ хлѣбомъ и фуражемъ. До какой степени раздраженъ былъ народъ Украинскій подобными насильями, можно видѣть изъ одного того уже, что Хмѣльницкій не могъ забыть Лаща и въ 1649 году, послѣ своихъ блистательныхъ побѣдъ надъ коронными войсками. Онъ выговаривалъ съ запальчивостью Польскимъ посламъ въ Переяславѣ за то, что Конецпольскій отдалъ Украину во власть Лащовчикамъ; »которые военныхъ людей обращали въ мужиковъ, грабили, вырывали имъ бороды и запрягали въ плуги.«

Но своеволие жолтировъ терзало не одну Украину, а цѣлое королевство Польское. Въ современныхъ брошюрахъ и въ проповѣдяхъ войсковыхъ священниковъ католическихъ выражается такъ же, какъ и въ судебныхъ актахъ, безсліе правительства надъ необузданностью военнаго сословія Рѣчи Посполитої. Въ старой брошюркѣ подъ заглавіемъ: »Zwócenie Matyasza z Podola« (передъ 1620 годомъ) живыми красками изображены солдаты того времени, а именно:

Bardzieli my tam patrzyli, gdzie zawarte wrota,
Choćby to w mili było, to my przecież po nie.
Nie masz li w polu co wziąć, to my przecie do chałupy,
Wezmie się mięso, masło, grosz, kapusta, krupy,
Gęsi — to nasza własność, i kaczki, i kury,
Tylko co jedno chłopa nie odrzemy z skóry.
Nie ciężko pobanłować po chałupce wszędzie.
Najdą li się pieniążki — nasze szczęście będzie,
Jesli gdzie dziewczka gładka, ta się nie wyscidzi..... (1)

(1) Приложенія эти напечатаны для специалистовъ въ изученіи Польско-Украинской исторіи, которые безъ знанія Польскаго языка не могли бы сдѣ-
З. о Ю. Р., II.

Славный войсковой проповѣдникъ Бирковскій, въ одной изъ своихъ проповѣдей, упрекая виновъ въ развратъ и необузданности страстей, и грозя гнѣвомъ Божиимъ, который долженъ поразить за то всю Рѣчь Посполитую, представляетъ намъ такое изображеніе тогдашняго жоліѣра: »Dziś służy żołnierz wojnę: idzie na wojnę — drze, lupi ubogie ludzie; z wojny wraca — pieniądze bierze, ani wie, jak mu one talary z garsei wylicialy; ledwie przyszły, a już ich niemasz. Idzie tedy jako zmyty ad pisarstwu skarbowych, i że niema nie w trzosie, patrzy kędyby szablą znowu chleba dostawał. Nie śmie do Tatar, ani do Turek, więc się puści do swoich; ci u niego się miasto pogańskich synów; miasto Tatar, nad tymy się pastwi, te zabija, gwalcі, zdziera, plondruje«, etc.

Надобно здѣсь замѣтить, что войско такъ называемое *чужеземное* было самое необузданное въ Польшѣ. Эти наемные солдаты, эти *мохнатые кнехты* (knechty kudłate), какъ называетъ ихъ Старовольскій, эти драгуны на краденныхъ кобылахъ, были самыми страшными притѣснителями народа; а они-то всего больше и квартировали въ Украинѣ.

Жалобы на самоуправства жоліѣровъ слышались отовсюду, такъ что на сеймѣ 1685 года постановленъ законъ, въ силу котораго учреждена была коммисія для удовлетворенія просьбъ Волынскаго воеводства и Кіевского Полѣсья, гдѣ жоліѣры надѣлали множество грабежей, наѣздовъ и разнаго рода уголовныхъ преступленій. (Vol. Leg. 5-tum.)

Но эта необузданность Польскаго войска представляетъ слишкомъ близкое сходство съ безчинствами войскъ въ среднихъ вѣкахъ, на Западѣ. Во Франціи и въ Нѣмецкихъ земляхъ происходило то же самое. Такъ намъ извѣстно, что во Франціи въ 1356 — 1360 годахъ образовались было изъ иноземныхъ войскъ славныя Grandes Compagnes, которыя долго терзали Французскія провинціи своими наѣздами и грабежами. Вспомнимъ также о страшныхъ Routiers, Brabançons, Coutereaux, Tardvenus, которые прославились не менѣе первыхъ своими грабежами, зажигательствами и разбоями, и о знаменитыхъ своими злодѣйствами Нѣмецкихъ солдатахъ, извѣстныхъ подъ именемъ Vogelfreye Menschen.

Къ стр. 312. *Но все это не составляло еще того, что мож-*

дать ни шагу въ своей наукѣ; и потому переводить Польскія выписки изъ старинныхъ книгъ и бумагъ считаю дѣломъ излишнимъ. *Изд.*

но было бы назвать систематическимъ, повсемѣстнымъ угнетеніемъ.

Систематическаго угнетенія подданныхъ въ Рѣчи Посполитой Польской не было, и, если Гродскій, въ своей исторіи войнъ козацкихъ, писалъ о нихъ, то на его слова не слѣдуетъ внишиъ полагаться. Извѣстна жизнь этого человѣка. Сперва онъ передался на сторону Шведовъ, потомъ присталъ къ Рабочію, и когда Рабочій пошелъ въ своемъ походѣ противъ Поляковъ, онъ, какъ изчѣпникъ, бѣжалъ въ Сѣмипрадію и тамъ написалъ исторію войнъ козацкихъ, наполнивъ ее множествомъ выдумокъ. Что не было въ тѣ времена угнетенія, пропеходящаго изъ владѣльческаго права, доказательствомъ тому служатъ хозяйственные инвентари, изъ которыхъ видно, что подданные платили всего только небольшой чиншиъ землевладѣльцу. Приведемъ здѣсь извлеченіе изъ *люстраціи* города Гуляникъ (нышъ село Мотовиловка, въ Кіевскомъ уѣздѣ) и другихъ владѣній, 1616 года: она дастъ намъ точное понятіе о повинностяхъ крестьянскихъ того времени на Украйнѣ.

»To miasto nowoosadzone na pustym gruncie i nowym korzeniu... W tym miescie jest osiadlych domów więcej niż 300; było i dobrze więcej, ale na swawolę się rozeszło... Nie wysiedzieli jeszcze slobody wedle listu, ale do lat 7 siedzieć i wolności zażywać mają. A powinność ich będzie taka: możniejsi kōmo wsiadać z dobrym orężem pko nieprzyjacielowi przy swym dzierżawcy або jego namiestniku, a ubożsi do parkanu z orężem. Czynszu po stalemu na on czas, gdy wysiedzą slobodę i będą bogatsi, powinni dawać. Puszkarze tylko do posługi i strzelby, a jeszcze im kossuły dawać. Do folwarku niemasz roboty żadnej, tylko co swemi plugami i swym kosztem zrobi się. Summa prowentu całego 160 zp.«

Вотъ еще люстрація мѣстечка Ромаиовки, того же 1616 года:

»Miasteczko to roku przeszlego przez Tatory spustoszone. Jest w niem osiadlych ludzi numero 52. Czynsze przed spustoszeniem Tatarskim różne płacili. Tych, co dawali po groszy 10, jest 30; tych, co po groszy sześć, a niektórzy po groszy 4, ostatek. Ale teraz, dla spustoszenia przez Tatory, nie dają. Innych podatków nie dawali. Summa prowentu 150 zp.«

»Wіeś Czarnawka, do tegoż stwa należąca. W tej wsi osiadlych jest 30. Robią dzień jeden zimie, a lecіe два w tydzień. Czynszu dają po groszy sześć — czynи złotych sześć. Owsa po cwierei valoris grossos quatuor czyli zł. 4. Summa prowentu wsi tej zp. 10.«

Къ стр. 312. *Поляки эти безлюдныя пустыни почти вновь населили.*

Послѣ того, какъ Татары вышли изъ Украйны, она представляла страшное безлюдье. Жители частію были истреблены, частію разбѣжались въ мѣста болѣе безопасныя. Плано Карпини, проѣзжавшій въ 1246 году черезъ Кіевъ и его окрестности, выражается такъ : »Вездѣ мало жителей; Монголы ихъ истребили, или увели въ неволю.« Но, по изгнаніи Татаръ, Польскіе короли начали дѣятельно заботиться о заселеніи этого края и довели бы его до цвѣтущаго состоянія, еслибы не столь частые Татарскіе набѣги, которые не позволяли Украинцамъ спокойно сидѣть на своихъ земляхъ. Татары нападали на нихъ безирестанно, полагали народъ, жгли села, и все это дѣлалось по внушенію Порты, которая постоянно держалась той политики, чтобы окружать себя со всѣхъ сторонъ пустынями. Уже со временъ Витольда начались пожалованія Кіевскимъ обывателямъ на этомъ пограничьи *пустынь, пустошей, пустошицы, урочищъ пустыхъ* и селищъ. Въ правленіе князя Александра (Олелька) населеніе края начало особенно увеличиваться, потому что въ это время Татары были заняты войною въ Малой Азіи съ султаномъ Баязетомъ и перестали беспокоить Русскія области. Сохранилась интересная ревизія Житомирскаго зѣмка, произведенная въ 1545 году Юріемъ Фальчевскимъ, епископомъ Луцкимъ, и Львомъ Поцѣмъ, въ царствованіе Сигизмунда Августа. Изъ нея видно, что городъ Житомиръ и его окрестности, въ царствованіе короля Казимира, были довольно многлюдны, что *сѣла сидели на своихъ сѣлицахъ*; но Татары сдѣлали набѣгъ подъ предводительствомъ Менглигирея, и послѣ набѣга въ этомъ краю почти совсѣмъ не осталось жителей. Во время упомянутой ревизіи, по селамъ жителей не было, деревни оставались пустыми, поля лежали облогами, а всѣ поселяне, уцѣлѣвшіе отъ набѣга, укрылись въ укрѣпленномъ Житомирѣ и жили въ немъ, построивши себѣ *городни*. Приведемъ здѣсь нѣсколько выписокъ изъ той ревизіи, чтобы дать понятіе о ничтожной населенности края, который заключалъ въ себѣ нынѣшніе уѣзды Житомирскій, Бердичевскій, часть Свирекаго и Радомысльскаго.

»...Ишіе сѣлща держалъ въ головахъ наипервѣй имена материзные папа Ивана Горностая Дворянога, подскарбія земскаго, и брата его милости пана Ошикія Юлины... *Людей ихъ милости въ мѣсть мѣшкаютъ десять человеквъ.* Панъ Василій Тишкевичъ, плене его Сло-

бодище, Бердичовъ, Рудники, Селцо, двои Чартолеса, Бернавка отчизна, а купленные именя Кудня и Озеране. Людей его, которые тутъ мешкали, пошли всѣ до слободищъ. — Папъ Кмитичъ Криштофъ, имене его выслужонное Коростышовъ за Александра короля отецъ его выслужилъ. *Людей его осмь человеквъ.* — Князь Дмитрій Любецкій держитъ имене пасынковъ своихъ, князей Сенскихъ, на имя Ставокъ. Выслужилъ дидь его, папъ Полозь на королѣ Александрѣ, *одинъ человекъ.* — Папъ Олизаръ Волчкевичъ; именя его Топорище а Волянци а Волосовъ; *людей его девять человеквъ.* — Папъ Герасимъ Андриевичъ; именя его Хотиничи, Колодѣво, Ивановичи а Вильско отчизна и дедизна; *людей его пятнадцать человеквъ.* — Иванъ Стрибиль зъ братаничомъ Стецькомъ; именя ихъ Пилишовичи, отчизна, и купление Студена Вода у Корчовскихъ, а закунное Старосельци у продба Корчовского, а другое закуненное зъ Тебериничи; *людей ихъ десять человеквъ.* — Грицько а Стецько Ворошичъ; именя ихъ Трояновци, Мократичи отчизна, а купленное Грицьково... у Макаровича, также повѣдаютъ отчизна, а выслужонное имене Грицьково жъ на Александре королю, на имя Крошня, отецъ его Ивашко Ворона выслужилъ, а другое именя Ловкозь, отецъ Стецьковъ Гневошъ выслужилъ на королю Александрѣ; *людей ихъ двадцать чотири человеки.* — Есифъ Нежаричъ, имене его Чернеховъ материзна по Скобейку; *людей его одинадцать человеквъ.* — Богданъ а Жданъ, Семень а Васько Презовскіе; именя ихъ отчизное Презовъ, а особливо имене выслужонное Богданово, што отецъ его Андрей выслужилъ, на имя Трибъсовъ, а закунное имене матки Съоморохи; *людей ихъ два человеки.* — Богданъ а Васько Корчевскіе и братаничъ ихъ Васько; именя ихъ Селцо а Корчовъ а Минийковичи, дядьковщина ихъ, держитъ въ застави Стрибиль; *людей ихъ четири человеки.* — Нефедко Мошковичъ держитъ имене по жонѣ, на имя Зезиловъ а Хамутовъ на Пяту, отчизна жоны его иижъ ты повидитъ, ижъ ти сѣлица папъ Василій Тиншевичъ въ него одимаеть. — Сенко а Жланъ Шереневскіе; сѣлица ихъ на имя Шеренѣво, отчизна; *Въ тихъ людей нитъ.* — Венхъ тихъ головъ пановъ и землянъ Житомирскихъ двадцать и два, а сѣлицъ тридцать и девять, а *людей ихъ всихъ сто и чотири человеки, а кромь тихъ выжей мененихъ, ишихъ никого нитъ. И тие люде ихъ въ мѣсть Житомирскомъ мешкають, а на сѣлицахъ не смють передъ Татары жити....»*

Изъ всего этого видно, что въ 39 деревушках считалось тогда только сто четыре жителя и что самыя деревушки были слишкомъ малочисленны, принимая во вниманіе огромное пространство, на которомъ онѣ были расположены. Отсюда такъ-же можно заключить, какъ ничтожна была первоначальная населенность этого края. Чтò же сказать о болѣе украинныхъ земляхъ около Кіева, Черкасъ и Умана? Онѣ были тогда въ полномъ смыслѣ слова *дикой степью* и *пустынею*.

Чтобъ показать безлюдность Украины въ старыя времена и вмѣстѣ съ тѣмъ ея постепенное заселеніе, приведемъ нѣсколько фактовъ. Въ 1505 году король Александръ пожаловалъ Триполь Дыдку Трипольскому, и въ пожалованной грамотѣ сказано, что въ Трипольѣ есть только «7 *человиковъ, и то недавнихъ.*» — Въ 1522 году Овручскій обыватель Федько Омеляновичъ Вешнякъ получилъ отъ короля Сигизмунда Перваго *пустовскую* землю въ Овручскомъ повѣтѣ и *пустое* дворще въ Овручѣ (fol. 185, § 15 Metr. Lit.) — Въ 1550 году король пожаловалъ Козаровичи Ельцу. Въ Козаровичахъ было тогда только двое подданныхъ, Бачило и Кошна, которые платили медовую дань. — Въ 1554 году король Сигизмундъ Августъ далъ Ѳедору Тшшѣ *пустовскія* земли, подъ названіемъ Ходорковъ и Крыве, Манькова и Таніевцы, и землю Козиевку, и при этой послѣдней *одного человека*, Остапка Котовича, съ братьями его Иваномъ и Жданомъ. (Изъ грамоты.) — Въ 1590, представлена королю свободная раздача *пустынь* за Бѣлоу Церковью, а именно: монастырь Черехчиновскій надъ Днѣпромъ, Барышполь съ селщемъ Иванковскимъ, городище Владерецкое и къ тому сѣлицу въ Зволотѣ Прузницкомъ большая слобода надъ рѣкою Росою, Рокитня надъ рѣкою Рокитнею особамъ тремъ, такъ-же Гороше и Слѣпородъ надъ рѣкою Неущею на границѣ Московской. (Vol Leg. Konstytucya, fol. 588.) — 1609, пожалованіе *пустыни* Умани Валентію Александру Кошецпольскому «за знатныя и кровавыя послуги» (Vol. Leg. 2-dum).

Къ стр. 314... *въ случай войны, ничего не было для Поляковъ полезнее этого (козацкаго) ополченія; но оно было для нихъ крайне неудобно и тягостно во время мира съ сосѣдями, и именно съ Турціею.*

Налоды Запорожцевъ по Черному морю, беззаконныя и раздражавшіе Турцію, давали ей поводъ къ безпрестанному нарушенію мира съ

Рѣчью Посполитою и къ метигельнымъ вторженіямъ въ ея предѣлы. Страдала отъ этого Украина, страдалъ и весь Польскій народъ. Правительствовавшія лица въ королевствѣ пытались отвратить эти бѣдствія — одни совершеннымъ уничтоженіемъ козаковъ, другія преобразованиемъ ихъ корпораціи, и на сеймахъ безпрестанно поднимались огромныя массы голосовъ съ предложеніемъ или уничтожить козаковъ, или удержать ихъ отъ произвольныхъ морскихъ походовъ. Конституціонныя книги наполнены повтореніемъ постановленій противъ ихъ дѣйствій, вредныхъ для общаго блага Рѣчи Посполитой Польской. Выписываемъ цѣлый рядъ такихъ постановленій:

»O swawoli Ukrainnej kozackiej, r. 1611. — O kozakach i ludzich swawolnych, r. 1615 (Vol. Leg. 3-um.) — O kozakach i zmniejszeniu ich, r. 1619. — Kommissja kozacka na zatrzymanie w porządku wojska Zaporozkiego, 1623. — Aprobacja ordynarji kozaków Zaporowskich, r. 1624. — Pohamowanie inkursij morskich od wojska Zaporozkiego, r. 1635. — Ordynacja wojska Zaporozkiego i rejestrowego, r. 1638 (Vol. Leg. 3-um.)

Уже Гурицкіи, въ roznowie о elekcji, сказали о козакахъ пророчески: »Ten Niż wielki kiedyś upadek Koronie przyniesie«, и, видно, изъ этого-то опасенія часто на сеймахъ поднимали вопросъ о козакахъ. Велико было бы большинство голосовъ противъ ихъ совершеннаго уничтоженія, еслибы въ тѣ времена всѣ не имѣли въ виду войны съ Турціею, войны въ большихъ размѣрахъ, которая должна была положить конецъ могуществу Османовъ. Къ ней готовились, какъ къ крестовому походу, называя ее *sacrum bellum*, и памѣревались поднять на Турокъ все население Польской Рѣчи Посполитой. Не смотря на трудность и, можетъ быть, даже невозможность осуществить такую мысль, всѣ тогдашніе политики Польскіе были горячо ей преданы; а предвидя близкое начало войны, начали щадить козаковъ, которыхъ дознанное мужество могло играть въ ней не послѣднюю роль. Поэтому то Крнштофъ Пальчевскій первый подалъ въ пользу козаковъ голосъ въ своей небольшой книжкѣ, подъ заглавіемъ: »O kozakach, jesli ich znieść, lub nie, discours.« Kraków, 1618. Въ ней онъ доказываетъ, что козаки, будучи переднею стѣною Рѣчи Посполитой, нужны ей для отпора Турецкимъ силамъ; но всё таки говоритъ, что надобно ихъ преобразовать кореннымъ образомъ, давая имъ гетмановъ и ротмистровъ по назначенію короля. То

же самое мнѣніе о козакахъ высказалъ и Симонъ Старовольскій, въ сочиненіи своемъ: »Powudka albo rada na zniesienie Tatarów Peregorpskich«, г. 1671.

Къ стр. 317... *Кто владѣлъ имѣніями въ Украинь? князя Южно-Русскіе, дворянство Южно-Русское.*

Изъ ревизіи Житомира въ 1545 году мы уже видѣли, кто владѣлъ землями въ этомъ краю. Горностан, Тишкевичи, Олизары, Грипольскіе, Проскуры, потомки Воропы и другіе дворяне Южно-Русскаго имени и Греко-Русскаго исповѣданія. Они то заселили Украину, по грамотамъ королей Польскихъ, жалованнымъ имъ за заслуги общему отечеству ихъ, Польшѣ, подъ которою разумѣлось все, чтó не принадлежало державамъ сосѣднимъ. Были между Украинскими колонизаторами и родовые Поляки, то есть Поляки по фамильнымъ именамъ и по Римскому вѣроисповѣданію; но естественно, что на опустошенныя земли старой Руси выходили изъ Польши (если не укрывались тутъ же въ лѣсахъ, болотахъ и байракахъ) всего больше потомки уроженцевъ Русской земли, заселяемой заботами Польскаго правительства; и такимъ образомъ Украинская почва, подъ владычествомъ Польши, принадлежала не иноземному племени, господствовавшему надъ простолюдинами, а самимъ туземцамъ.

Что касается до заботъ правительства заселить безлюдныя пустыни Южной Руси, то онѣ видны не изъ однихъ земскихъ юридическихъ актовъ, но такъ-же изъ современныхъ брошюръ и книгъ. Назовемъ нѣкоторыя: 1) »Droga pewna do przedszego i snadniejszego osadzenia w Ruskich krainach pustyń rycerswem królestwa Polskiego«, 1590 г.; 2) Juzefa Wereszczyńskiego, biskupa Kijowskiego, »Sposob osady nowego Kijowa«, 1595 г.; 3) Piotra Grabowskiego, »Polska Niżna, albo Osada Polska«, 1596 г.; 4) Szymona Starowolskiego, »Votum o naprawie Rzplitej«, 1625 г.

КЪ ЗАПИСКЪ ТЕПЛОВА.

Примѣчаніе. Не имѣя подъ рукой Малороссійскихъ архивовъ для подтвержденія выписками изъ подлинныхъ бумагъ того, что сказано мною въ предисловіи къ »Запискѣ« Теплова и что пишетъ самъ Тепловъ, я обратился съ просьбою къ молодому этнографу и археологу Южно-Русскому, Н. М. Бѣлозерскому, и онъ доставилъ мнѣ прилагаемая здѣсь выписки, за которыя приношу ему искреннюю благодарность. Выписки, включенныя мною сюда изъ каталога архива Н. А. Маркевича, означены словами :
Арх. Марк.

Универсалъ гетмана Мазены, 1701. »Вамъ, пану полковникови наказному Лубенскому, сотникамъ и атаманѣ городовою и сѣлскою полку того жъ симъ писанемъ нашимъ ознаймемъ: ижъ дошло намъ вѣдати, же многое число легкомыслного и непостоянного полку вашего Лубенского товариства, не чинячи своей повинности досить, и не хотячи на вишѣшней монаршой его царского пресвѣтлого величества службѣ зъ напомя полковникомъ своимъ попрацовати и указы наши гетманскіе легце собѣ ваячати, самоволне въ домахъ своихъ пооставалися. На которыхъ легкомыслнговъ и повеленія властителей своихъ преслушателей, яко не малую имѣемъ уразу и гнѣвъ нашъ, такъ посылаемъ отъ боку нашего умыслного посланного нашего пана Тимофѣя Радича, товариша войскового, зълецивши ему и приказавши, жебы тыхъ осталцовъ зревидоваль и каждого имено въ реестрѣ написавши, вѣдати намъ донесль; а мы знатимемъ якое имъ за тое преслушаніе и самоволство наказаніе учинити. Зачимъ, приказуемъ вамъ, старшиѣ, подъ неласкою нашею и срукгимъ вой-

сковымъ каранемъ, абысте тыхъ осталцовъ, бынамиѣй не крѣючи, нашимъ посланнымъ для учиненія skutечной ревизіи, объявляли. О тое и повторе пилю вамъ привязуемъ, и поручаемъ ихъ же въ сохраненіе Господу Богу.»

Изъ »Въцетой Книги« Стародубовскаго магистрата, 1712. Жители саободы Чубковичъ (въ полку Стародуб.), ставши на урядъ, объявили: »Якъ що покойныкъ блаженшой памяти, подъ часъ уряду своего полковничого, панъ Михайло Миклашевскій привлащилъ бытъ и до своего окоу прѣвернулъ кгрунту ихъ ..... пахотныи до хуторца и речки Істровкы. Теды теперь, яко посесоровъ покойного, его милости пану Андрею Миклашевскому, респектуючому пашои кривдѣ, той круить въ окопѣ пахатномъ найдуючийся.... отвели, продали и поступили въ моць и вечистое держаніе его мл. пану Андрею Миклашевскому, малюице и потомкомъ его на вѣчностъ, за сумму ценолине до рубъ нашихъ одобранную, то есть за золотыхъ чотырнета грошей, личбы Литовской, монети доброй...«

Изъ протеста сотника Антипа Соколовскаго, 1712. »Будучи мип, Антипу Соколовскому за певнимъ интересомъ у двори рейментарскомъ Бакланскомъ, за староства Соболевскаго, первая мене споткала укоризна отъ Соболевскаго: »Щѣ ты таке и одкуль узявеш, що »для тебе панъ гетьманъ Гудовича, зацного чоловіка и заслужоного, зъ »сотницва вдаливъ и чести ёму на-вики спразднѣвъ для тебе самого! А »ти бъ знавъ, що ти куширеській спнѣ. Да хйба для того, що въ герцвовъ »служивъ, а въ виську бакъ нигде не бувъ; такъ соби у гетьмана лона- »тою сотництва заробивъ, що бывало кони подгрибуешъ« ...*Арх. Марк.*

Изъ универсала генеральнаго асаула Бутовича (1718) товариству сотни Новомлинской, которое жаловалось на своего сотника Тишкевича за »утеменжене (угнетеніе), озлобленіе и безчестіе, що яко есть вельце праву давнему и волностямъ козацкимъ противно и погрншительно.« *Арх. Марк.*

Изъ универсала Скоронадскаго Ивану Бороздинъ, 1718. Іосифъ Шидловскій, бывший инспекторомъ сына вашего, котораго при-

дано пєть школь Латшєкнх съ коллегіумъ Оршанскаго, плачлїве намъ ускáржился (жаловался) на васъ, що вы... за цїлорочную прáцю около науки сѣна вашего и добрыхъ процєдровъ належной контрактомъ отъ васъ вымовленной платы, именно рублей десять грошей, Французского тонкого сукна локтїй 5 на куртущъ и лудяну локтїй 12 на жупанъ, не тилько ему не заплатилнете, але, хотячи забрати у его шаблю, фузію... безъ боязни Божой кровавымъ его немилостиво окрїлисте боемъ прилїдне и нампровалисте забитого въ колодки на згнєне заслати въ гуту« (стєкляный заводь)... *Арх. Марк.* (Это напоминаеть поступокъ графа Савойскаго въ балладѣ Шиллера: *Der Gang nach dem Eisenhammer.*)

Изъ донесенія Кїевского полковника Антона Танскаго гетману Скоропадскому, 1719. Это однь изъ тѣхъ случаевъ, когда полковники навязывали козакамъ сотниковъ противъ права свободнаго выбора. Танскїй посылалъ въ Прєвку Ханенка для врученїя сотенной хоругви Былишѣ. Когда Ханенко, прибывъ туда и взявъ церковныя хоругви, приказалъ читать универсалъ гетманскїй, козаки взбунтовалєсь, вырвали у Ханенка универсалъ и не только самого его «безчестно конфундовали», но чуть не убили; универсалъ нетоптали, сотенную хоругвь изломали и «вздумали» избрать вольнымъ голосами въ сотники Шаулу-Ворошила; а Былищу безчестили и хотѣли убитъ. *Арх. Марк.*

Изъ письма Павла Полуботка къ гетману, 1719. Семень Лизогубъ выслалъ нѣсколько сотъ душъ на его земли и забралъ всю траву; «грунтá» его вспахалъ и засеялъ; положилъ свои рубежи владѣніямъ Полуботка; изранилъ саблею его слугу, и пр. *Арх. Марк.*

Изъ письма Гадячскаго полковника Михаила Милорадовича къ гетману Скоропадскому, 1720. Сотникъ Овошнянскїй жаловался на Милорадовича, что онъ вшєсываетъ его подданныхъ въ козаки, не допускаеть свободно владѣть селомъ; слугъ его полковничьи слуги «обдирають»; полковникъ Милорадовичъ запрудилъ рѣку и подтопилъ земли его крестьянъ. *Арх. Марк.*

Изъ универсала Ивана Чарныша, 1721. Карпо Власенко, производа слѣдствїе надъ Оедоромъ Прєскурїенкомъ, «первій яко злочинцю

на вербѣ зависивъ и черезъ двѣ години мордовавъ, а потомъ знаяши зъ вербѣ, киями бивъ безъ пощады, а зверхъ того гонячи поподъ лавами, веливъ ему яко неу шекаги (лаять), що онъ, оринужденъ будучи его зъ розыщиками мордѣрствомъ (тиранствомъ), мусивъ чинити.« *Арх. Марк.*

Изъ жалобы Пахома Семака генеральному асаулу, 1723.
 «Село Семаки еще за Жигимонта по-правдѣ служили войску.» Послѣ Чигиринской войны, когда «мало-помалу власть пановъ Лизогубовъ расширять, тогда подгорнули (они) село Семаки себѣ въ подданство.» Поселяне уговорились единодушно доказать свои права на козачество. Семень Лизогубъ узналъ о томъ и хотѣлъ поколотить Семака. «Сохранившужесе мнѣ отъ таковаго гвалту», убили Лизогубы 50 ульевъ ичель, взяли пшеницу, ржаную муку, овса три осмачкы, «кабана годованого и одно сало.» *Арх. Марк.*

Изъ акта начала, или первой четверти XVIII вѣка. Сердюки полка Бурляя возили по Деснѣ набайдакъ вапну въ Черниговъ, для гетмана. Подивши, они говорили между собою: «Лѣше бы намъ, друзи, въ походъ военный ходити, нежелѣ теперь вапну возити!» ....

Изъ прошенія бунчуковаго товарища Стефана Тарновскаго, 1725 — 1727. Въ 1716 г. онъ купилъ въ Городницкой сотнѣ (Черниговскаго полка, часть дубровы и, найдя тамъ свободную землю, упроеилъ гетм. Скоропадакаго дать позволеніе «осадитъ заграничныхъ челоувѣка десять и большъ». Гетм. приказалъ Черниговскому полковнику Павлу Полуботку «ограничить» тотъ грунтъ и ввести Тарновскаго во владѣніе. Полуботокъ же, гнѣваясь на тестя Тарновскаго, не велѣлъ «граничить»; а послѣ, съ позволенія жителей тамошнихъ, занялъ ту дуброву, къ ней прикупилъ земли и началъ самъ «садитъ слободку». Тарновскій жаловался гетману; неполненіе прошенія всё было отерочиваемо. По смерти Скоропадакаго, Тарновскій сталъ просить самого П. Полуботка; тотъ обѣщалъ возвратитъ земли; но былъ взятъ въ Петербургъ. Земли Полуботка были отобраны въ казну; а послѣ — часть возвращена его дѣтямъ, а часть, какъ «особственно на власть полковничую належащихъ», по приказу бригадира Румянцева, отдава во владѣніе Черниговскаго полковника Михаила Богданова. Дѣти Полуботка отдали захвачен-

ныя ихъ отцомъ земли Тарновскому. Вместе съ Полуботкомъ былъ схваченъ и Тарновскій и посаженъ подъ арестъ. По освобожденіи, былъ посылаетъ въ Гілянскій походъ и, нуждаясь въ деньгахъ, отдалъ ту слободу во владѣніе на три года генералу Ропшу, за 300 рублей. «Теперь же Черниг. полковникъ Богдановъ привлащаетъ ее себѣ», говоря что она належитъ «на полковничью власть». Отобралъ воловъ; схватилъ старосту. По жалобѣ Тарновскаго, изъ войсковой генеральной канцеляріи были посланы разыщики; но Богдановъ ихъ обругалъ, и указъ имъ данный отобралъ.

Это дѣло тянулось еще и въ 1732 г., какъ видно изъ письма къ гетм. Данилу Апостолу вдовы того Тарновскаго, 1732 іюля 2.

Изъ донесенія слѣдователей, 1727: дѣйствительно ли села: Полуботки, Пивни, Выхвастовъ, Буровка и Дроздовица принадлежали дѣду жены Семена Лизогуба, Каленику, т. е. тесню гетмана Скоропадскаго по первой женѣ. «Селомъ Полуботками владѣлъ прадѣдъ Ирины Ильинишны, Каленикъ, и сынъ его Никифоръ Калениковичъ, и внука его Пелагея Никифоровна, которая вышла за Ивана Ильича Скоропадскаго (въ послѣдствіи гетмана). А пріѣхалъ и женился, то имѣлъ при себѣ только одного челядника, коней четверо и палубецъ (крытый возъ) одинъ.» *Арх. Марк.*

Изъ дописа на старшинъ, производившихъ въ Почепъ слѣдствіе, 1727. «Начали пити за здоровье его свитлости генералиссимуса (Меньшикова), а онъ, Ладинскій, за здоровье е. св. пити не хотивъ, которому троекратно говорилъ, чтобъ онъ за такое высокое здоровье выпилъ; но онъ, Ладинскій, того учинити не хотивъ; и я ему на то еще сказавъ: что «и бабушка твоя такого высокого чину не слыхивала, а «ты пинѣ слышиши и пити за такую высокую особу не хочешь; а будучи ты у Нарковской у-ночі и до оной комплементуючи, сивуху не помаду тянулъ... она одъ тебе принуждена была кочергою одбиватися.» ...»И приходятъ къ Ладинскому по ночамъ двѣкѣ й бабы, зъ которыми онъ, Ладинскій пьетъ, а ихъ, козаковъ, заставляеть имъ, бабамъ, кланяться въ землю и просить, чтобъ онѣ пили, и за то ихъ, козаковъ, бьетъ смертнымъ боемъ, которая не выпьетъ.» *Арх. Марк.*

Изъ письма Якова Лизогуба къ гетману Апостолу, 1728.
Жалоба на Якова Подуботка, который отнимаетъ у него Рудню Гунковскую, принадлежащую ему «съ отца и дѣда». Проситъ защиты въ Руднѣ отъ Подуботковъ, а въ Чумгакѣ отъ Лукаша. *Арх. Марк.*

Изъ другого письма, безъ числа. Проѣзжіе Великороссіяне и Малороссіяне незаконно требуютъ отъ жителей села Бѣгача живности, провіанта, лошадей; водятъ войта «за шію» и вяжутъ его; насильно берутъ все у обывателей и грабятъ такъ, что народъ обнищалъ и разбѣжался. *Арх. Марк.*

Изъ перваго тома «Матеріаловъ для Отечественной Исторіи», изданныхъ М. Судіенкомъ.

Въ 1728 году, «9 марта писана грамота въ государственную коллегію иностранныхъ дѣлъ, что на бывшую гетманову Скоропадскую многіе являются челобитчики, а она въ Малой Россіи [скажутъ] несудима, пожеже имѣетъ грамоту протекціальную; тако жъ о прежнемъ скарбѣ войсковомъ, что оного мало по смерти гетмана Скоропадского осталось, а опій скарбъ необикновенно содержали его гетмана Скоропадского дворювие люди. (Стр. 16.)

«18 марта, туда же... писана (грамота) о скарбѣ войсковомъ и о пожиткахъ гетманскихъ, которіе она жъ, гетманова Скоропадская, завладѣла, а прежде того было обыкновеніе такое, что всѣ бывшіе гетманы, принимая гетманскій урялъ, принимали и всѣ остающіеся по гетману скарбы и пожитки. (Стр. 23.)

«По донесеню ся ясновельможному вѣдати, что въ сотняхъ Поклѣвской и Золотоношеской, такожъ и Кропивянской, козакамъ и прочіимъ обывателямъ отъ сотниковъ ихъ почивени немаліе отнятемъ грунтовъ, взятками, неносними работизнамп, побоями и прочіими налогами обиди. (Стр. 26.)

«Старшина полку Гадяцкого вшуть къ его вельможности, въ подтвержденіе прежнихъ своихъ жалобъ, доносячи на полковника своего Милорадовича, же онъ, Милорадовичъ, захавши въ полковіе маестности, жадного полкового дѣла не править, но свои домовніе прихоти и новое свое господарство расширяючи, козакамъ и посполитимъ безмѣрне и необычайне барзѣй, навиданемъ горѣлокъ по тридцати и по сороку рублей кифу, чинить здпрство и налогъ, такожъ, мимо волю и указъ ясновельмож-

ного, зъ доходовъ войсковыхъ денги и хлѣбъ на свой домъ самовольно позабралъ и беретъ... (Стр. 39.)

»По поданной сущилѣцъ отъ полчанъ Стародубовскихъ... что въ помянутомъ сими недавними роками со всего народа разными дачами стягненную сумму урядники тамошніе, самовластие позабравши, удержуютъ напрасно, виданъ универсалъ... (Стр. 69.)

»По словесной жалобѣ пана Василія Журековскаго, асаула еперальнаго, что старшина сотенная Глуховская излишними податми подданныхъ его непропорціонално обтяжаютъ и людей его и старость къ суду своему, а особливе курѣчиковъ его до сотенныхъ повинностей, которіе прежде до того не належали, притягаютъ, занесеной, писанъ листовній указъ... (Стр. 70.)

»По сущилѣцъ войта Пшибфора Бруевича на сотника Бакланскаго Леонтія Кгалецкаго, что якобы онъ сущилекующего домъ незносимми обидами обтяжилъ, жену его жъ подъ караулъ взялъ, худобу заграбилъ, таможъ и въ полю, якое въ его, Бруевича, въ заставѣ за денги, чинить перешкоду къ отбираицю пожитковъ, поданной, писанъ листовній указъ... (Стр. 75.)

»Писанъ универсали во все Малороссійскіи полки... дабы... запретить накрѣпко старшинѣ и протчимъ, дабы козакамъ и посполству налогъ, обыдъ и тягостей отнюдъ не чинили, при судахъ зъ козаковъ и посполства накладовъ и взятковъ на себе и ни на кого отнюдъ не брали и нѣякого пиття и протчего своего и ничіею на нихъ не накидывали, и ни на якіе свои приватніе работи ихъ не поспали, и зверхъ того, что указами повелено, ничего не брали, такожь у козаковъ кгрунтовъ, земель и протчего недвижного не отнимали, и тимъ ихъ въ подданство себѣ не привлекали, и до раззоренія не приводили... (Стр. 87.)

»По жалобѣ Ивана Бабича, жителя села Погребокъ съ товарищи, прибувшаго въ Москву, на пана Андрѣя Лизогуба занесеной, что якобы онъ ихъ, въ козацтво опредѣленныхъ, притягасть до подданства и чинить имъ грабительства позабираемъ воловъ и коней, писанъ универсалъ...« (Стр. 105.)

Потверждая Козелецкому магистрату Магдебургское право, гетманъ Данило Апостоль, въ универсалѣ 1729 года, говоритъ: »... жебн панъ полковникъ Кіевскій и старшина полковая тамошняя, отъ ратуша Козелецкаго, о святкахъ, ралціовъ и другихъ нѣякихъ датковъ не вимагали, и под-

данних ихъ ратушнихъ на приватніе свои работы не употребляли...» (Стр. 58, второй нумераціи.)

Изъ жалобы генеральнаго хорунжаго Забѣлы гетману Апостолу (безъ числа). Староста Полтавскаго полковника поболотилъ крестьянина Забѣлы, вышибъ зубъ, рвалъ за волосы и топталъ, другому крестьянину разшибъ голову, прикащика забилъ въ колодки, набѣжалъ на господскій дворъ, угналъ 16 штукъ рогатаго скота, 20 штукъ овецъ, приколотилъ слугу палками, приговаривая: »Що то за Забѣла? черный, или бѣлый? чортъ его знае!« *Арх. Марк.*

Извлеченіе изъ жалобы Дейнекъ на хищничество Павла Полуботка, 1730. Дейнеки, занимаясь торговлею за границею Малороссіи, вѣхали съ табакомъ черезъ имѣніе маршала великаго княжества Литовскаго, Поцѣя. Староста Поцѣевъ арестовалъ ихъ товары и отправилъ къ своему господину въ Вильно. Когда Дейнеки явились къ самому Поцѣю, онъ сказалъ, что они ограблены за Полуботка, который долженъ ему 40,000 злотыхъ. Поцѣй объяснилъ свою претензію въ письмѣ къ гетману Скоропадскому, которое и было вручено Дейнекамъ. Гетманъ по этому письму, велѣлъ Полуботку удовлетворить ихъ. Но Полуботокъ медлилъ. Между тѣмъ Скоропадскій умеръ. Началась тяжба Полуботка съ Поцѣемъ и съ Дейнеками. Поцѣй утверждалъ, что Полуботокъ бралъ у его арендатора деньги и товары, черезъ шляхтича Цыбульскаго; Полуботокъ заирался. Дейнеки приводили въ доказательство письма Поцѣя; Полуботокъ доказывалъ, что эти письма — вздоръ. Дѣло кончилось ничѣмъ, потому что Полуботокъ потребованъ былъ въ Петербургъ и вскорѣ умеръ. — Но не одинъ Поцѣй обвинялъ Полуботка въ хищничествѣ. Шляхтичъ Цыбульскій купилъ у Полуботка нѣсколько сотъ пудовъ табаку, по 4 злотыхъ за пудъ, а »звонникамъ« (колокольнымъ мастерамъ) продалъ 200 пудовъ мѣди. Полуботокъ объявилъ ему, что онъ охотно заплатитъ по 6 рублей за пудъ мѣди, принявъ ее въ счетъ за табакъ, и, на этомъ основаніи, во время провоза ее изъ Слуцка въ Кіевъ, арестовалъ ее въ Черниговѣ, а недочетъ доплатилъ наличными деньгами. Цыбульскій предлагалъ ему, вмѣсто мѣди, 80 воловъ, которыхъ онъ купилъ для него, по его словесной просьбѣ; но Полуботокъ воловъ не принялъ, и Цыбульскій по-

казаль въ своей жалобѣ 1437 злотыхъ убытку. — Тотъ же Цыбульскій, въ 1716 году, купилъ у Борковского хлѣбъ, «осмачку по два талера», и послалъ за нимъ подводы. Но Полуботокъ, въ качествѣ Черниговскаго полковника, не позволилъ ему вывезть хлѣбъ за границу; потомъ призвалъ его къ себѣ и предложилъ ему купить у него, Полуботка, «100 кувъ (бочекъ) горилки» съ тѣмъ, что если онъ купитъ горилку, то позволено будетъ ему вывезть и хлѣбъ. У Мокрѣвича Цыбульскій купилъ по 10 битыхъ талеровъ куву: Полуботокъ содралъ съ него по 18. Но этимъ не кончилось: когда Цыбульскій уѣхалъ за границу, оставивъ у своихъ факторовъ, для перевозки хлѣба и горилки, 74 червоцца и 150 золотыхъ, Полуботокъ тотъ-часъ арестовалъ и перекочевалъ всѣхъ ихъ, «за дукать, найденный между червоццями». *Арх. Марк.*

Изъ инструкціи гетмана Апостола обоизному Ивану Носу, 1731. Бѣхать туда-то. На пути «никакихъ общъ обывателямъ не чинить, подъ опасеніемъ жестокаго наказанія.» *Арх. Марк.*

Изъ жалобы Коропскаго мѣщанина Семена Литуша гетману Апостолу, 1731. Сотникъ, войтъ, бурмистры и двое мѣщанъ, по жалобѣ священниковъ о святотатствѣ, безъ доказательствъ и свидѣтелей, вытащили его жену изъ дому въ Коропскую ратушу, три раза съѣли плетями и посадили въ тюрьму. Онъ поѣхалъ въ Кіевъ жаловаться митрополиту. Узнавъ о томъ, эти старшины три раза высѣкли ее голую розгами и опять посадили въ тюрьму, гдѣ просидѣла она восемь недѣль. Къ ней пришла дочь повидаться; они и ее два раза клали и съѣли. *Арх. Марк.*

Изъ универсала генеральной войсковой канцеляріи, 1734. Подтверждаются всѣ прежнія права, дарованныя Черниговскому магистрату; въ заключеніе сказано: «... позволяется тѣмъ всѣмъ выше показанными маестностями, млинами и другими угодіями владѣть ему, войту, зъ маестратомъ безпрепятственно, такъ: даби полковникъ Черниговскій съ старшиною полковою и сотниками во владѣніи тѣхъ селъ, грувтовъ и протчихъ угодій и въ отбиранию съ оныхъ всякихъ пожитковъ, а зъ млина розмѣровихъ приходовъ, ему, войну, зъ маестратомъ ништо ни малѣй-

шей не важился чинити трудности и перешкоды, — пилю предлагается...»

Изъ универсала той же канцеляріи, 1746. Говорится объ универсалѣ генеральной канцеляріи, отъ 1744 г., іюня 24, данномъ по челобитью войта Черниг. магистрата, въ которомъ сказано: «что многія грунта зъ жалованихъ на оную ратушь Черниговскую и старшину манстратовую сель и другихъ угодій въ разніе владѣнія невѣдомо почему поотходили; такожъ полковникъ нинѣшній всякихъ ремеснихъ людей къ работѣ въ домъ свой привлекаеть и за работу ничего имъ не платить; онъ же, полковникъ, и полковая канцелярія тамошняя въ протекціи своей мѣщанъ знатнихъ содержитъ, отъ податей общенароднихъ увольняютъ, въ козацкое званіе мѣщанъ притягаютъ, и мимо ратушній судъ къ своему суду мѣщанъ и приежжихъ людей привлекають, торговимъ людямъ приежжимъ товари ихъ въ рознь оартою продавать позволяютъ, и перекупней, живущихъ при городѣ Черніговѣ въ дворахъ приежжихъ, разнаго званія людей зъ ратушного вѣдомства отняли и помоществовать въ общенароднихъ нуждахъ мѣщанамъ тѣмъ людямъ запрещаютъ; его жъ, войта, бурмистровъ и другихъ манстратовихъ чиновниковъ къ своему суду извлекають, и тѣмъ многіе чинять обиди. И просили о таковыхъ, отшедшихъ съ подъ владѣнія ихъ грунтахъ и угодьяхъ о учиненій надлежащего слѣдетвія и разсмотренія... отъ войковой генеральной канцеляріи конфирмаціи...»

Изъ жалобы Черниговскаго магистрата гетману Разумовскому, 1753. Магистратъ жалуется на полковника и коменданта Черниговскаго, Божича, который, злоствуя на магистратъ за то, что послѣдній «подеудетвенными своими въ командѣ его, г-на полковника, не состоить», причиняеть магистрату разныя обиды, и публично побилъ одного война; «райцу магистрату Черниговскаго, Никиту Инспекторенка, безъ всякой оного виновности, сиекавъ въ домъ свой, билъ его, Инспекторенка, пещадно плетми; а минушого мая 14 д. 1750 г. магистратоваго слугу, Лукяна Симонтовекаго, зъ другимъ магистратовимъ служителемъ, не по командѣ его полковничей, взявъ и осадивъ между колодники, содержалъ чрезъ многое время въ себвестри весьма напрасно. Тому же служителю Лукяну Симонтовекому такъ домъ магистратовій, яко и служителѣ

магистратовіе всё поручени были въ смотреніе; о которомъ хотя и требовано зъ магистрату, точію, неведомо для чего, не отпущено. Съ чего магистрату всепокорнѣйшая послѣдовала обида; ибо когда минувшего мая, зъ 19 противъ 20 числа того жъ 1750 году, въ городѣ Черніговѣ учинился пожаръ, то тотъ би слуга магистратовій зъ другими служителями и съ тѣмъ служителемъ, съ конемъ онъ въ секвестри полковомъ содержался, сначала такова пожара [какъ уповательно] опому пожару распространити не допустилъ, или дѣла, въ магистратѣ имѣвшіеся, вратовать могли би, — которой, хотя въ то время, когда тотъ пожаръ распространити началъ, влачучней просился, точію и въ самой тотъ самонужнѣйшій случай не отпущенъ; почему такъ магистратъ весь съ письменными дѣлами, яко и все того слуги убожеское имущество, до остатку згорѣло. При послѣдовавшемъ же пожару мая 20 оной госп. полковникъ Божичъ, браня и грозя магистратовую старшину, произносилъ похвалки: »Ежели би, де, »войтъ вашъ былъ zde, я би, де, его, войта, нинѣ велѣлъ вброситъ въ »сей огонь!« При взятіи же на томъ пожарѣ шникаря магистратового и десятниковъ двоихъ подъ свой караулъ, принародно жъ браня, сказивалъ бурмистрамъ и писарю магистратовому, кои были на томъ пожарѣ: »Е-»жели, де, ви что пп-на-есть объ етомъ пожарѣ будете въ войсковую »енеральную канцелярїю писать, то, де, я вашему этому писарю пере-»ламаю руки и ноги!« И таковыми своими угрожениями такъ тогда магистратъ Черніговскій привелъ въ страхъ, что не точію въ другихъ отъ его г-на полковника, обидахъ подсудственнымъ магистратовимъ причиненныхъ по вѣншей командѣ бить челомъ невозможно, но и по указнымъ дѣламъ магистрату правленіе имѣть было опасно....« и. т. д.

Изъ листа полковой Лубенской канцелярїи, за подписью полковника Лубенскаго, Ивана Кулябки, ко всѣмъ сотникамъ того полка, 1758. »Во время недавно бывшого въ Лубняхъ въ полковой канцелярїи всѣхъ господъ полковой старшини і сотниковъ собрания, съ представлення нѣкоторыхъ господъ полковой старшини на нановъ сотниковъ и сотенныхъ старшинъ, отъ коихъ подлежащего имъ, полковимъ старшинамъ, почтения никогда не чинится, объявлено отъ ниженодписавшагося полковника всѣмъ въобщѣ командирски, даби чинъ чина почиталъ всегда и вездѣ, какъ должно и запристойно есть и вездѣ водится. Но какъ нинѣ самимъ ниженодписавшимся полковникомъ усмотрѣвается зъ обхож-

деній здешнихъ полковникъ сотниковъ, какъ могутъ полковникъ старшини отъ сотниковъ и сотенныхъ старшинъ имѣть почтенье, когда одного иже-подписавшомуся полковнику, настоящему и первому въ полку командиру, въ началѣ того почтенья имѣть? ибо, чего ибѣдѣ не водится, зъ оныхъ сотниковъ мало когда которого, а иного и никогда і въ глаза видимо не биваетъ, и что въ городѣ дѣлается — невѣдомо, кромѣ развѣ кто случайно и сторонно объявитъ. Состоящие же при полковникъ резиденцияхъ старшини повседневно должны прихода полковникъ командирамъ являться и, что происходитъ, репортовать....»

Изъ жалобы Крестоваго намѣстника Федора Савицкаго на сотника Второсечианскаго Федора Слюза, въ судѣ полковный Дубенскій, 1762. Въ 1761 году человекъ Савицкаго, Антошъ Чехъ, вмѣстѣ съ козакомъ Запорожскимъ шли горѣлку у священника въ с. Скоробогаткахъ. По какому-то подозрѣнію, сотникъ Слюзь, жившій въ томъ же селѣ, схватилъ Запорожца и отправилъ въ сотенное правленіе; но Запорожець бѣжалъ. Тогда сотникъ ни съ того, ни съ сего, схватилъ и Чеха, отобравъ у него и коня, «и, заковавъ въ желѣза, содержалъ въ земляномъ погребѣ, подъ арестомъ», не давая знать о случившемся, какъ слѣдовало по закону, Савицкому. Чеха «ботожжемъ немилосердно билъ, домагаясь, чтобъ говорилъ, кто таковъ есть съ людей его, Савицкаго, воръ. И при томъ онъ, Слюзь, и самого его, Савицкаго, воромъ порицалъ и другими многими пашквильными словами ругалъ и уносѣждалъ». Напуганный Чехъ говорилъ то, чего не бывало, а наконецъ бѣжалъ. Въ то время сотникъ, «чрезъ многочисленную козачью команду, гвалтовно взялъ» изъ двора Чехова коня. Велѣдъ за тѣмъ, по приказанію сотника, сотенный писарь Товстопогъ, съ такою же «командою», напалъ на шинка Савицкаго въ с. Жданахъ (гдѣ жилъ Савицкій); «тамо шинкаря Оврама Яценка (онъ же и Сербишъ) взялъ и, связавъ назадъ руки, отвезъ въ село Скоробогатки»; во время пути, Товстопогъ, безъ всякой вины, «билъ (шинкаря) где ни понавъ плетью немилосердно; а и бывшие при немъ козаки, смотря на его, Товстопога, потому же нещадно плетями били». Потомъ сотникъ опять послалъ Товстопога съ сотеннымъ хоружимъ Наламаренкомъ и съ такою же командою, и они схватили третьяго человека Савицкаго, отобрали у него лошадь и привезли въ с. Скоробогатки, гдѣ эти люди были «содержани подъ арестомъ при сотен-

номъ правленіи, въ ручныхъ и пожнихъ колодахъ, въ земляныхъ погребкахъ, чрезъ шесть недѣль» После люди были забраны въ Лубенскую полковую канцелярію. Лошади же остались у сотника и были употребляемы имъ въ работу. На этихъ людей Сотникъ доносилъ въ Лубенскую полковую канцелярію, что они схвачены за то, что, будто, воровали заодно «съ домашними» Савицкаго. Эти люди даже не были подвѣдомственны Слюзу.

При допросахъ людей, сотникъ называлъ Савицкаго воромъ и пр.: еще прежде замоталъ у послѣдняго деньги; писалъ въ Лубенскую полковую канцелярію, «попреки ему, Савицкому, нѣякимись непорядками, привичкою къ тяжбамъ, отъ начала живота его, Савицкого, уфундаментованною, самоволствомъ, безстрашиемъ и високимъ о себѣ мнѣниемъ, и что будто онъ, Савицкій, въ тяжбахъ жизнь свою провестъ желаетъ. Тако его, Савицкого, опашквилевалъ и опотварилъ предъ полковою канцелярію, национальнымъ правительствомъ.» Когда отъ Слюза изъ полковой Лубенской канцеляріи былъ потребованъ отвѣтъ о дерзостяхъ, говоренныхъ при человѣкѣ Савицкаго на полковую канцелярію и особливо на полковника, то Слюзь «и въ томъ отвѣтѣ опашквилевалъ его, Савицкого, неякоюсь природою къ тяжбамъ, а особливо нѣякимись злодѣемъ его, Савицкого...» Въ домъ полковника Лубенскаго «поносилъ его, Савицкого, воромъ, злодѣемъ и смертоубійцею.»

Судъ Лубенскій велѣлъ сотнику Слюзу возвратитъ Савицкому коней и съ козакомъ послалъ къ нему указъ, съ требованіемъ въ 4-мѣсячный срокъ или самому явиться въ судъ, или прислать отъ себя повѣреннаго. Слюзь въ полученіи этого указа, не смотря на требованіе, не далъ росписки, и въ судъ ни самъ не явился, ни повѣреннаго не прислалъ, и не далъ никакого отвѣта. Прежде же этого, «все тѣ указы... презрѣлъ и преслушалъ, и еще доношешемъ полковую канцелярію обругалъ, а людей (Савицкаго) съ подъ караула не освободилъ.»

Изъ прошенія жителей Кролевца, гетману Разумовскому, 1764. Съ согласія гетмана, майоръ Яковъ Скоропадскій и бунчуковый товарищъ Григорій Долинскій взяли на откупъ право «продавать собственные ихъ паптки въ имѣющахся въ Малой Россіи свѣбодныхъ войсковыхъ маетностей — мѣстечкахъ, селалъ і деревняхъ» и обязались платитъ въ скарбъ войсковый вдвое противъ получавшагося прежде. Назначенный,

для надзора въ городѣ Кролевицѣ «свободныхъ мѣщанъ» значковъй товарищъ Оедоровскій, по требованію повѣренныхъ откушниковъ — войсковыхъ товарищей Навловскаго и Михайловскаго — отвелъ послѣднимъ на шинки «уѣздныхъ дворовъ» (т. е. заѣзжихъ) 4 и цеховыхъ церковныхъ столько же, тогда какъ цеховые дворы были всегда свободны отъ постоевъ и т. п., и устроены собственнымъ коштомъ — козаками и мѣщанами, «товариствомъ города Кролевца»; изъ доходовъ же съ этихъ дворовъ «къ церквамъ, въ силѣ закона Божія, разнія потребности и въ церквахъ узаконенія свѣчы всегда по православію Хрыстіанскому единственно исправляются і пѣбогда не угашаютъ въ молебномъ пѣніи.» «Изъ мѣщанъ же назначены въ его дворы «людовиники — людь бить и возить»; что «нынѣ въ отведенныхъ прописаннымъ Федоровскимъ цеховыхъ церковныхъ дворахъ шинковать Скоропадскаго і Долбисекаго напштками весьма будетъ намъ обидно», потому что иные изъ нихъ, не имѣя собственныхъ домовъ, живутъ въ тѣхъ дворахъ; въ «уѣздныхъ» же дворахъ, всегда, отъ ратуши отводились квартиры для знатныхъ проѣзжихъ, «і по требованію техъ просежающихъ персонъ всегда дается имъ разная провизія. Егда жъ будетъ шинкъ, то уже въ случае проезду изъ знатныхъ персонъ квартирою стать не пожелаеть никто и хозяе лишатся чрезъ то всея своего прештанія», церкви же лишатся свѣчъ. И въ шинкари некого назначить, потому что большая часть ихъ — негрунтовые ремесленники. Для битья и возки льду въ 7 ледниковъ, необходимо болѣе 20 пѣшыхъ и болѣе 30 конныхъ людей, «конхъ людей намъ, низайшимъ, конныхъ за ежеденно неусишными подводами і переходами разнихъ командъ, а пѣшыхъ за подчпнкою во все весенное і лѣтное время вездѣ по находичимся около Кролевца трактамъ мостовъ і гатей — вистачать крайне неспоено.» По всему этому просеять: «освободить насъ, бедныхъ, отъ одкупу Скоропадскаго і Долбисекаго, а имѣть имъ оной въ техъ мѣстахъ толко, гдѣ въ 1762 году содержанъ билъ.»

Въ первомъ томѣ «Записокъ о Южной Руси» есть недосмотръ. На стр. 116, вмѣсто словъ : *Нової Басани, Перяславскаго уѣзда*, слѣдовало бы напечатать : *Нової Басани, Козелецкаго уѣзда*.

Опечатки. Въ нотахъ напечатано нѣсколько разъ *швиденко*, а слѣдовало бы *швидѣнко*. — На стр. 283 напечатано *Пріхоровицу*, а слѣдовало бы : *Прѣхоровицу*. — На стр. 300 напеч. *честі*, а слѣдовало бы *чаші*. — На стр. 322 напеч. *сеймковъ*, а слѣдовало бы *сеймиковъ*.

Robarts Library

DUE DATE:

Dec. 11, 1996

Fines 50¢ per day

Please return books to:

RET

-

Y

-

PG

Kulish, Panteleimon

3926

Aleksandrovich

1746

Zapiski o Iuzhnoi Rusi

1856

t.1-2

